

Введение

Вся вторая половина XX в. была отмечена в жизни афганского общества и государства бурными переменами и огромными социально-политическими потрясениями. Они имманентно явились следствием мучительной капиталистической эволюции Афганистана, обострившей до крайности, особенно начиная с 60-х годов, давно назревавшие в стране социально-экономические, политические, идеологические, религиозные, этнонациональные и другие противоречия.

В такой непростой внутренней ситуации на арену общественно-политической борьбы вышли многочисленные оппозиционные течения и группировки, идейный разброс которых оказался весьма широким: от крайне правых консервативно-клерикальных, националистических, либерально-буржуазных, мелко-буржуазно-популистских до леводемократических и левозэкстремистских сил. Каждая из них предлагала свою программу мер и действий, чтобы вывести страну из глубокого социально-экономического и политического кризиса, покончить с вопиющей вековой отсталостью, нищетой, невежеством и бесправием подавляющей массы населения и приобщить его к плодам современной цивилизации. Для деятельности многих афганских движений и организаций этого периода были характерны, с самого начала их появления, подчеркнутый радикализм их программных лозунгов и призывов, высокая общественная активность, непримиримость к власти имущим и нередко стремление использовать грубую силу в качестве главного орудия борьбы против правящего режима и своих политических противников.

В сложившихся условиях правящие монархические круги, не отказываясь от использования запретительных мер и силового подавления наиболее воинственной части оппозиции, попытались оздоровить политическую ситуацию в стране и снять социальную напряженность с помощью проведения поверхностных реформ и преобразований, получивших в исторической литературе название «демократического эксперимента». Однако все эти усилия и попытки не имели успеха.

Следует отметить, что действовавшие в стране оппозиционные движения и группировки, как и власть вообще, никогда не были (да и не могли быть) свободными от внешнего влияния, а порой и прямого вмешательства извне во внутриафганские дела. Прежде всего они испытывали на себе огромное воздействие перемен, происшедших в мире и регионе после окончания Второй мировой войны. Среди прочих факторов этому содействовало не в малой степени и то, что Афганистан, занимающий важное географическое положение в центральноазиатском регионе, оказался в рассматриваемое время, особенно с середины 50-х годов XX в., на передовых рубежах столкновения геополитических и идеологических интересов и конфронтации двух глобальных социальных систем.

Указанные внутренние и внешние факторы, вместе взятые, предопределили особый накал и исключительно ожесточенный и длительный характер общественно-политической борьбы на афганской земле. Итогом почти тридцатилетней, все еще не закончившейся трагедии Афганистана явилась насильственная смена нескольких последовательно правивших в стране режимов: монархического (1973 г.), республиканского (1978 г.), двух левых (1979 и 1992 г.) и моджахедов (1996 г.). [1]

Предметом данного исследования являются показ специфики и особенностей Афганистана, его общества и менталитета народа, выяснение основных тенденций социально-экономического, политического, идеологического и культурного развития этой страны в 60-70-х годах XX в., анализ идейных и политических взглядов и позиций различных организаций и группировок афганской антиправительственной оппозиции и их деятельности в указанные годы и раскрытие истоков появления и развития левого движения в стране, его идейно-политической платформы, а также факторов, обусловивших рост влияния и популярности левых взглядов в определенных кругах афганского общества накануне свержения монархии и республиканского режима М.Дауда. При этом особое внимание уделяется исследованию причин и последствий кризиса власти в Афганистане во второй половине XX в. и феномена прихода к руководству страной левых радикалов.

Приведенные выше проблемы исследуются на основе привлечения весьма широкой историографической и источниковой базы, включающей в себя аутентичные документальные материалы на национальных языках Афганистана, официальную и частную прессу и печатные издания различных афганских движений и организаций, свидетельства непосредственных участников бурных событий этих лет, полевые материалы, собранные автором в разные годы его длительного пребывания в этой стране, а также критически осмысленные труды отечественных и зарубежных авторов по афганской проблематике рассматриваемого в книге периода.

Необходимо отметить, что раскрытие проблемы «оппозиция и власть в Афганистане» сопряжено с немалыми трудностями из-за отсутствия сколько-нибудь цельного архива государственных и партийных документов. Многие из этих документов или были утрачены по разным причинам в годы многолетней гражданской войны, или же оказались в частных руках и поэтому стали почти недоступными для широкого круга исследователей. В связи с этим автор считает для себя большой удачей встречи, знакомство и беседа с целым рядом высших афганских партийных и государственных деятелей, лидерами и функционерами оппозиции, которые любезно предоставили в его распоряжение их личные архивы, содержащие редкие, еще совершенно не введенные в научный оборот документы и материалы. Слова искренней и глубокой признательности автор адресует бывшему кандидату в члены политбюро, секретарю Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, а затем, в конце 80-начале 90-х годов, первому заместителю премьера коалиционного правительства Республики Афганистан Махмуду Барьялау за дружеское содействие в сборе и проверке достоверности материалов по истории НДПА и за предоставленный им в ходе написания данной книги его обширный личный архив.

Анализируя отечественную афганистику, следует сказать, что интерес к Афганистану и происходящим на его земле событиям особенно возрос после Второй мировой войны. Одним из первых в этот период общественные движения, внутреннюю и внешнюю политику правящих кругов Афганистана исследовал

видный советский афганист Р.Т.Ахрамович в своих работах «Афганистан после второй мировой войны», «Афганистан в 1961-1966 гг.» и «Советско-афганские отношения». [2] В 1981 году вышел в свет справочник «Демократическая Республика Афганистан» [3], в котором, как, впрочем, и в новейшем справочнике «Афганистан» [4], кроме общих сведений о стране и ее истории, приведена весьма лаконичная характеристика идейно-политических взглядов и деятельности ряда общественных движений и группировок в стране накануне свержения монархии и республиканского режима М.Дауда. Определенное внимание деятельности афганской оппозиции было уделено и в коллективной монографии «История Афганистана» [5], изданной в 1982 г. Роль и место афганской интеллигенции в общественных движениях с начала XX в. до конца 70-х годов, процессы складывания оппозиции монархическому и даудовскому режимам, а также некоторые страницы истории левых организаций и группировок были рассмотрены в интересной работе В.Г.Коргун «Интеллигенция в политической жизни Афганистана». [6] В 1985 году была опубликована коллективная монография «История вооруженных сил Афганистана» [7], представлявшая собой первое в СССР и за рубежом специальное исследование военной организации этой страны. В ней были показаны процессы политизации армейских кругов в 60-70-х годах XX в., их связи с левыми и другими оппозиционными силами страны, а также причины, обусловившие выход армии на арену открытой политической борьбы.

В 80-начале 90-х годов советская афганистика дала ряд работ, посвященных исследованию социально-экономических и политических предпосылок афганского кризиса и некоторых аспектов деятельности левого режима после его прихода к власти. Среди них заслуживают внимания следующие аналитические труды: Г.Мурадова – «Демократическая Республика Афганистан» и «Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции» [8]; Г.А.Полякова – «Афганистан революционный» [9]; Р.А.Ульяновского – «Афганская революция на современном этапе» [10]; А.Д.Давыдова – «Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан (социально-экономический анализ)» и «Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы» [11]; В.В.Басова и Г.А.Полякова – «Афганистан: трудные судьбы революции» [12]; «Война в Афганистане» [13]; и др. Ценные сведения и мысли об исламской оппозиции в Афганистане приведены в содержательной монографии В.Н.Спольникова «Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели». [14] Кроме того, в конце 80-90-х годов появилось много журнальных и газетных публикаций по афганской проблематике, отдававших, как правило, детективным духом и носивших в основном разоблачительный характер. Их авторы, нередко пренебрегая принципом историзма, описывали отдельные эпизоды происходившего в стране в отрыве от общего контекста внутриафганского кризиса и обстановки вокруг Афганистана тех лет и тем самым вольно или невольно давали одностороннюю, поверхностную, а порой и искаженную трактовку афганских событий. Приходится, к сожалению, признать, что ряд этих авторов, как правило, слабо знаящих Афганистан и его историю, в погоне за сенсационностью пустил в широкий общественный оборот массу лживых, надуманных фактов, оценок и обобщений, которые и поныне кочуют по страницам различных изданий и в средствах массовой информации не только на просторах нашего бывшего отечества, но и за рубежом.

Особо следует отметить изданную в 1984 году под грифом «Для служебного пользования» тиражом всего в 250 экземпляров коллективную монографию «Актуальные проблемы афганской революции» (авторы: М.Р.Арунова, В.В.Басов, В.Г.Коргун, В.Н.Пластун). [15] Это был, пожалуй, единственный солидный труд в советской афганистике тех лет, авторы которого попытались объективно, на основе многих подлинных источников рассмотреть причинно-следственные связи общественно-политической борьбы в Афганистане XX в., прежде всего после 50-х годов, и критически оценить деятельность различных отрядов антиправительственной оппозиции в этой стране. Книга содержит очень богатый фактологический материал, причем часть его приводилась в печати впервые. Большинство оценок и выводов, сделанных в этом труде, не утратило своей ценности и актуальности до сих пор.

Оценивая в целом советскую афганистику с точки зрения степени разработанности темы «оппозиция и власть в Афганистане», особенно ее левой составляющей, необходимо признать, что многие вышедшие в тот период в свет работы раскрывали лишь отдельные, частные вопросы и проблемы истории оппозиционного движения в стране. При этом отечественные авторы-афганисты, к большому сожалению, не могли, соблюдая принцип «не навреди», сказать в своих работах многое из известного им в связи со щепетильностью проблем межгосударственных советско-афганских отношений, внутривосточной борьбы и необходимости защиты интересов Демократической Республики Афганистан (затем Республики Афганистан) – нашего тогдашнего друга, но и, главное, по причине существовавших в те годы строгих запретов и ограничений на выражение исследователями своей собственной позиции, не совпадавшей с официальной. Все это, вместе с ограниченностью источниковой базы, помешало появлению в советской афганистике специального монографического исследования по истории оппозиционных движений и их противоборства с властями, охватывающей периоды до и после апреля 1978 г.

В постсоветский период несомненным вкладом в изучение политической системы Афганистана явился весьма богатый по содержанию и всесторонне аргументированный труд известного российского историка-афганиста В.Г.Коргун «Афганистан: политика и политики». [16] В нем автор на широкой историографической и источниковой базе довольно обстоятельно исследовал динамику политического развития Афганистана в XX в. и показал основные причины провалов властей – либеральной монархии и леворадикального режима – реформировать общественные и государственные устои страны в соответствии с велениями времени. Некоторые аспекты становления общественной мысли и оппозиционных движений в этой стране в 40-50-х годах XX в. были рассмотрены также в книге «Афганистан: проблемы войны и мира». [17]

Что касается собственно афганских публикаций по рассматриваемой в данной книге проблеме, то они были ограничены, как правило, форматом брошюр, газетных и журнальных статей и, будучи написанными в пылу непримиримой борьбы со своими идейно-политическими противниками, отличались крайней

предвзятостью и недостоверностью фактического материала. Многие приводимые в них факты, утверждения и оценки нуждаются в серьезной проверке и уточнении. Первые из подобного рода работ, изданных левыми радикалами из фракции Хальк в середине 70-х годов XX в. ротاپринтным и машинописным способами, преследовали цель дискредитировать своего партийного соперника – фракцию Парчам и ее руководство. [18] Несколько таких же тенденциозных по содержанию брошюр [19] увидели свет в конце 1978-начале 1979 г., когда НДПА снова раскололась и Парчам оказалась вне закона.

В последующие годы по проблемам левого оппозиционного движения в Афганистане не было издано ни одной сколько-нибудь солидной работы, если не считать короткой справки об НДПА в «Справочнике активиста Народно-демократической партии Афганистана» [20] и ряда публикаций по частным вопросам, например, «Молодежное движение Афганистана и роль НДПА в создании и укреплении ДОМА» [21], «Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции» [22], «Печатные органы НДПА до победы Апрельской революции» [23], «Основные направления идеологической работы нашей партии». [24] В 1984 году была предпринята по инициативе советских преподавателей Института общественных наук ЦК НДПА попытка написать краткую историю этой партии. [25] Однако, несмотря на мягкость и осторожность формулировок и оценок деятельности двух ее фракций при монархическом и даудовском режимах, книга была заблокирована высшим афганским руководством и вышла всего только в нескольких сотнях экземпляров на языке дари, став таким образом практически недоступной для широкого читателя. Табу на написание истории правящей в то время партии мотивировалось ее руководством необходимостью не ворошить тлеющие угли межфракционных противоречий во имя сохранения партийного единства.

Афганские события 60-70-х годов XX в. нашли довольно широкое освещение в исследованиях зарубежных, прежде всего американских, афганистов. Их перу принадлежат в основном солидные по объему и содержащие весьма богатый фактический материал труды, как-то: Л.Дюпре – «Афганистан» [26]; Л.Дюпре и Л.Алберт – «Афганистан в 70-х годах» [27]; А.Арнольд – «Две партии коммунизма в Афганистане: Парчам и Хальк» и «Афганистан: советское вторжение в перспективе» [28]; Г.С.Брэдшер – «Афганистан и Советский Союз» [29]; Л.Б.Пуллада – «Афганистан и Соединенные Штаты Америки: критические годы» [30]; Р.С.Ньюэлл и Нэнси П.Ньюэлл – «Борьба за Афганистан» [31]; С.Дж.Наумовф – «Мысли относительно афганской революции» [32]; и ряд других работ. Обширный материал по «афганскому вопросу» в пропагандистских целях публиковали и распространяли по всему свету, особенно в последней четверти XX в., средства массовой информации и информационные службы западных стран. [33]

Общая характерная черта западной афганистики рассматриваемого периода – тенденциозность и предвзятость взглядов и оценок всего, что касалось деятельности леводемократической оппозиции. Подавляющее большинство западных авторов, описывая те или иные аспекты афганской истории XX в., неизменно оставалось в плену идеологии антикоммунизма и официальных политических установок и доктрин. Они буквально во всем пытались найти «козни», «интриги» и «скрытые расчеты и действия» Советов. При этом дефицит фактов и правдивой информации нередко восполнялся всякого рода домыслами и предположениями. В особенности этим страдали труды А.Арнольда, Р.С.Ньюэлла, Г.С.Брэдшера и других западных авторов. Следует признать, что и после распада СССР западная афганистика по-прежнему несет на себе печать былых идеологизированных схем и стереотипов времен биполярного мира. К сожалению, подобные стереотипы безоглядного очернительства прошлого и поныне повторяют не только западные авторы, но и отечественные государственные мужи, политики, журналисты и даже ученые-историки, ставшие во имя конъюнктуры считать исключительно правильной и обоснованной только западную интерпретацию афганских событий.

В ряду работ по истории Афганистана второй половины XX в. большой интерес как у специалистов-афганистов, так и массового читателя вызывает опубликованная в 1999 году в переводе на русский язык книга швейцарских политологов Пьера Аллана и Дитера Клея под претенциозным названием «Афганский капкан. Правда о советском вторжении». [34] Это – в целом весьма обстоятельный, многоплановый и всесторонне документированный труд. При всей своей объективности и бесспорности многих оценок относительно советского решения о вводе войск в Афганистан, данное исследование, однако, грешит многочисленными досадными неточностями, фактическими ошибками, а иногда и просто неправдой. Особенно это касается анализа афганских событий, предшествовавших апрелю 1978 г., и прежде всего деятельности левой оппозиции в период монархии и республиканского режима М.Дауда. Чего стоят, например, не соответствующие действительности утверждения авторов книги о том, что–де Сайед Мухаммад Гулабзой [35] накануне и в ходе апрельского восстания 1978 года «командовал частями ВВС и ПВО», что будто бы в подпольной работе НДПА в вооруженных силах «центральную роль принял на себя Объединенный коммунистический фронт Афганистана во главе с Абдул Кадыром» (ОФКА никогда не был структурной единицей НДПА. – М.С.), что якобы в 1947 году «Национальное демократическое молодежное движение возглавлял Нур Мухаммад Тараки», что в ночь с 25 на 26 апреля 1978 г. по приказу М.Дауда «арестовали только Тараки и Кармаля», что в свержении республиканского режима М.Дауда «решающую роль играла не НДПА, а Объединенный коммунистический фронт Афганистана» и т.д. и т.п. [36]

Анализируя содержание книги «Афганский капкан», нельзя не заметить, что ее авторы, отойдя в значительной мере от избитых, шаблонных антисоветских трактовок афганских событий, присущих трудам многих западных исследователей, одновременно оказались невольными заложниками некомпетентности ряда российских лиц, называющих себя для пущей важности «специалистами по Афганистану», однако на деле далеко не являющихся таковыми. Именно им (этим лицам) П.Аллан и Д.Клей «обязаны» многими допущенными в книге неточностями, ошибками, недостоверными данными и оценками.

Особое место в изложении и интерпретации афганских событий 60-70-х годов XX в. принадлежит пакистанскому автору Раджа Анвару, бывшему члену правительства З.А.Бхутто, а затем находившемуся в изгнании в Афганистане с июня 1979 по январь 1984 года (с октября 1980 по март 1983 г. он был заклю-

ченным кабульской тюрьмы Пули-Чархи). Его книга «Трагедия Афганистана» [37], переведенная на английский язык и изданная в Лондоне, содержит уникальные свидетельства непосредственного очевидца афганской драмы, хотя и не лишена определенной (прохалькистской) односторонности [38] и спорности некоторых оценок и выводов. Он в основном избежал идеологических предвзятостей при характеристике оппозиционных, включая и левых, движений и организаций в Афганистане. Им обстоятельно рассмотрены различные аспекты деятельности левых радикалов до и после апреля 1978 г.

Общественно-политическая борьба и политические перемены в Афганистане в рассматриваемый период вызвали неоднозначную реакцию в общественных и правительственных сферах стран региона. Одни – демократически настроенные силы – морально и политически поддерживали либеральную и леводемократическую оппозицию в Кабуле, другие – консервативные и прозападные круги – резко осуждали афганских либералов и радикалов и, более того, пытались, преследуя свои геополитические и идеологические интересы, активно вмешиваться во внутриафганские дела. О левой оппозиции и левом кабульском режиме с огромной симпатией писали индийские авторы Садхан Мукерджи в книге «Афганистан: от трагедии к триумфу» [39] и Харкишан Сингх Сурджит в брошюре «События в Афганистане» [40], член парламента Бангладеш, профессор Мафизул Ислам в книге «Афганистан: реальность и вымыслы» [41] и др.

В противовес им в странах региона издавалась масса печатных материалов, призванных дискредитировать и левую афганскую оппозицию, и левый кабульский режим. [42] Грубые искажения исторической и политической действительности были особенно характерны для печатных изданий афганской вооруженной оппозиции. [43] Вся подобного рода печатная продукция, лишенная подчас какой-либо объективности и элементарной достоверности никак не может приниматься на веру и нуждается в серьезном критическом переосмыслении.

Итак, изучение истоков и особенностей возникновения и деятельности афганской оппозиции при монархии и республиканском режиме М.Дауда затруднено, как это было показано выше, не только скудостью доступной источниковой базы, но и противоречивостью и сомнительной достоверностью фактического материала и бытующих в мировой афганистике оценок и суждений по исследуемым в данной работе проблемам. Этим страдали и советские, и местные (афганские), и зарубежные публикации, которые в пропагандистских и конъюнктурных целях приукрашивали или извращали реальную действительность, или же привлекали внимание читателей к явлениям и событиям непринципиального характера. В связи с этим воссоздание исторической правды потребовало от автора поиска достоверных материалов и подлинных документов и проверки истинности и объективности оценок происходившего в Афганистане непосредственно на месте событий, на основе свидетельств многих участников афганской трагедии.

Афганистан – поистине своеобразная страна. Понять и правильно оценить афганские события последних десятилетий XX в. нельзя без учета ее специфики, ее исторических, политических, общественных, этнонациональных, религиозных и других особенностей. Стандартный, «европейский», подход к оценкам афганской действительности, особенно связанной с общественной активностью различных групп населения города и деревни, чреват грубейшими ошибками. Поведенческие мотивы афганцев, по мнению автора, определяются не столько их социально-классовой принадлежностью, сколько приверженностью традиционным институтам и образу жизни, завещанному предками, пришедшими из глубины веков нравственно-этическими и правовыми нормами, огромной верой в местных светских и духовных авторитетов и поклонением им, благоговейным отношением к религиозным ценностям. Специфичной для менталитета многих этносов, населяющих Афганистан, остается глубоко укоренившаяся в их среде враждебность к любой центральной власти как изначально злой и чуждой им силы. Этот фактор во многом предопределял слабость социальной базы всех правящих режимов того периода, который исследуется в данной работе.

Вместе с тем, несмотря на свою специфику, Афганистан не может рассматриваться изолированно, вне процессов, происходящих в регионе и мире. Эта страна и географически, и исторически, и духовно составляет неотъемлемую часть всей средне- и ближневосточной духовной и материальной общности. Глубокое внутреннее единство этого обширного азиатского региона обеспечил и продолжает обеспечивать ислам. Кроме того, страну, при всей ее длительной изоляции от внешнего мира, не обошло и многостороннее иноземное влияние.

Во второй половине XX в. ветры перемен, искусственно усиленные извне идеологической конфронтацией двух мировых систем, ураганом вторглись в эту самобытную страну. К сожалению, развитие общественно-политических событий, поначалу обещавших самые радужные перспективы, пошло, в конечном итоге, по наимудшему, исключительно драматичному варианту. Страна была ввергнута в затяжную, кровопролитную гражданскую войну, конца которой все еще не видно. Единое афганское государство фактически перестало существовать. С приходом в Кабуле к власти моджахедов в 1992 году гражданская война из сферы идеолого-политического противоборства перешла в русло более ожесточенных межэтнических и межконфессиональных кровавых разборок и приняла характер общенациональной гуманитарной катастрофы. Положение еще больше усугубилось, когда в 1996 году власть на большей части территории страны оказалась в руках экстремистского движения «Талибан». Афганистан был превращен в центр и рассадник международного терроризма.

*«...афганцы слынут щедрым и великодушным народом, если их не провоцировать». [1]
Ф.Энгельс*

ГЛАВА 1. АФГАНИСТАН: СТРАНА, ЛЮДИ, ОБЩЕСТВО

Афганистан расположен на важном внутриазиатском перекрестке, откуда дороги ведут и в благословенную Индию, и в Китай, и к Индийскому океану, и в Среднюю и Юго-Западную Азию, и в Европу. Такое географическое положение страны всегда предопределяло ее большое политическое, военно-стратегическое и торговое значение в делах региона и мира. Находясь внутри континента, Афганистан не имеет выходов к морю. Кратчайшее расстояние до Аравийского моря составляет около 500 км. Площадь (по официальным афганским данным) – 652,2 тыс. кв. км, что почти равняется площади ФРГ (в ее нынешних границах) и Польши, вместе взятых. Протяженность территории с запада на восток – около 1200 км, с севера на юг – примерно 800 км. Под сельхозугодьями находятся 39,8 млн. га (т.е. 61 % всей территории страны), в том числе под обработкой – 7,9, пастбищами и лугами – 3,0 млн. га. Прочие земли (горы и пустыни, непригодные к хозяйственному использованию) занимают 25,4 млн. га (39 % территории страны). [2]

На севере на протяжении 2384 км Афганистан граничит с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией, на крайнем северо-востоке – с Китаем (96 км) и Индией (102 км; в ходе индо-пакистанских военных конфликтов в 60-х годах этот район индийской территории был захвачен Пакистаном), на востоке и юге – с Пакистаном (2310,5 км) и западе – с Ираном (925 км; по афганским данным).

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ СТРАНЫ.

Как пишет афганский историк М.Г.Губар, слово «Афганистан» стало официальным названием государства только с XIX в., хотя первые упоминания этого слова, обозначающего территорию к востоку от Кабула, встречались еще в XIII в. [3] После свержения монархии в июле 1973 года страна получила наименование «Республика Афганистан», затем в апреле 1978 – «Демократическая Республика Афганистан», в ноябре 1987 – снова «Республика Афганистан» и, наконец, в апреле 1992 года – «Исламское государство Афганистан». С сентября 1996 по конец 2001 г. власть на большей части территории Афганистана находилась в руках экстремистского движения «Талибан», называвшего страну «Исламский эмират Афганистан». Столица – Кабул (в 1973 году – 500 тысяч жителей; в 1978 – 650 тыс. и в 1988 – более 1,4 млн.).

Основной административной единицей Афганистана является провинция (вилайят). Провинции включают округа (лой вулусвали), уезды (вулусвали) и волости (алакадари). Волости, как правило, подчинены уездам, хотя есть волости, входящие непосредственно в округа или провинции. Уездам и волостям подчиняются деревни (дех или карийя). По состоянию на 21 марта 1988 года, в стране было 30 провинций, 2 округа (Шинвар и Хост), 201 уезд, 95 волостей, 65 городов и 21343 деревни.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Рельеф. Афганистан – горно-пустынная страна. Примерно 4/5 ее территории занимают Северо-Афганские горы, включающие горные системы Паропамиз (хребты Паропамиз, Сафедкох и др.) и Гиндукуш (Западный и Восточный Гиндукуш, Хазараджат, Кохи-Баба) с их веерообразно расходящимися хребтами и примыкающими к ним с юга Газни-Кандагарскими плоскогорьями (Юго-Восточное, Газнийское и Гардезское) с высотой более 2 тыс. м над уровнем моря. На крайнем северо-западе Афганистана горные вершины имеют высоты в 2-3,5 тыс. м и, постепенно повышаясь к востоку, достигают на стыке Гиндукуша с Памиром и Гималаями отметок 6-6,7 тыс. м. Высочайшая из них – гора Наушах (7486 м). Транспортное сообщение через мощные хребты Гиндукуша возможно лишь летом, когда перевалы освобождаются от снежных заносов. В другое время года они практически недоступны для обозов и путников (сам топоним «Гиндукуш» подтверждает эту свою относительную неприступность: в переводе с персидского он означает «убивающий индийца» – имеется в виду индийца-торговца, рисквавшего в прошлом своей жизнью при попытках пересечь эти горные массивы). Между горными хребтами лежат многочисленные плодородные, давно освоенные человеком долины. Наиболее обширные из них: Гератская, Кабульская, Чарикарская, Джалалабадская, Хостинская и др. К северу от отрогов Гиндукуша находится лёссовая равнина с узкой полосой песчаной пустыни, протянувшейся почти на 300 км вдоль пограничной р. Амударьи.

На юго-западе и западе на сотни километров простираются всхолмленные равнины и пустыни, в том числе песчаная, труднопроходимая пустыня Регистан и глинисто-щебнистые пустыни Дашти-Марго, Хаш и Дашти-Наумид. Высота их поверхности составляет в среднем 500-1000 м над уровнем моря. Здесь на отдельных участках встречаются подвижные барханы, которые нередко засыпают дороги и караванные пути, делая их непроходимыми. В Систанской впадине, а также к северу и югу от нее расположены большие пресные и соленые озера (Хамун, Сабари, Пузак, Гауди-Зира, Даги-Тунди и др.), болота и солончаки. В целом же в стране озер мало, да и те по большей части находятся в малонаселенных, слабоосвоенных человеком районах.

Гидрографическая сеть. Поверхностные водные ресурсы Афганистана, используемые для водоснабжения населения, орошения и получения гидроэлектроэнергии, относительно не велики. Большинство рек имеет горный характер. Для них типичны неширокое каменистое и извилистое русло, обрывистые берега, глубокие каньоны, большое число водопадов, уступов и порогов, бурные потоки во время половодья. Ни одна из них не имеет постоянного водотока в течение всего года, если не считать некоторых участков рек Гильменд, Аргандаб и Кабул, зарегулированных плотинами ГЭС с водохранилищами (Каджагай, Дахла, Наглу, Сароби, Дарунта). По характеру водного режима они в своем большинстве принадлежат к смешанному типу: беря начало в горах, они питаются за счет дождей и таяния снегов и ледников. Подъем воды начинается обычно в марте и достигает своего максимума к маю-июню. К августу реки мелеют, превращаясь в тоненькие ручейки. Часть рек, питаемых ледниками и вечными снегами северо-востока страны, сильно разливается летом и приходит к водному минимуму зимой. Пустыни и предгорные районы юго-запада и запада страны, а также Газни-Кандагарские плоскогорья иссечены многочисленными сухими

руслами водотоков, которые заполняются водой в дождливое время года, приобретая нередко характер бурных паводков.

Наиболее крупные реки Афганистана: пограничная Амударья (в верхнем течении – Пяндж), Гильменд (длина – 1150 км), Фарахруд (580 км), Герируд, Мургаб, Кабул с притоками Панджшер и Кунар. Все они, за исключением Амударьи и небольшого участка Пянджа, несудоходны. К бассейну Индийского океана принадлежит лишь река Кабул (правый приток Инда). Остальные реки относятся к внутренним водотокам, которые впадают либо в озера, либо теряются в песках и болотах, либо разбираются на хозяйственные нужды. По оценкам специалистов, Афганистан располагает огромными запасами грунтовых вод. Однако используются они для водоснабжения населения и хозяйственных нужд далеко недостаточно в результате технико-экономической отсталости страны и отсутствия необходимых финансовых средств.

Климат. Афганистан лежит в зоне сухих субтропиков. Хотя он расположен на географической широте Северной Африки, однако почти для всей территории страны из-за значительной приподнятости его поверхности, удаленности и отгороженности горными хребтами от Индийского океана характерны большая сухость воздуха, резкие суточные и годовые колебания температуры и дефицит осадков. Атмосферные осадки, выпадающие обычно зимой и весной в виде дождя и снега, приносятся в основном западными циклонами. Что касается влажных муссонных потоков с Индийского океана, то они проникают лишь в приграничные районы юго-востока Афганистана, принося с собой облачность и относительную влажность воздуха. Именно здесь выпадает от 500 до 800 мм осадков. В районе северного и южного Саланга их выпадает еще больше – свыше 1000 мм, главным образом в осенний и зимний периоды, когда для сельскохозяйственного производства они менее всего необходимы. В остальных районах их гораздо меньше: на склонах Паропамиза и Гиндукуша – 400-500 мм, на Газни-Кандагарских плоскогорьях и в северных предгорных и равнинных районах – до 250, а в пустынях юго-запада и запада – не более 40-50 мм. [4] На высотах более 2400 м снеговой покров держится 6-8 месяцев. Зона вечных снегов и ледников находится в Восточном Гиндукуше на высотах 4000 м и более.

Для местностей, расположенных на высоте 1300-2400 м (Кабул, Газни, Гардез, Катаваз, некоторые районы Хазараджата, Бадахшана и др.), присущ умеренный климат, с четко различаемыми четырьмя сезонами года. Здесь зимой температура может опускаться до -10° и даже -26° С. Средняя температура июля составляет $+24^{\circ}$, $+32^{\circ}$ С. В высокогорных районах (выше 2,5 тысячи м) морозы зимой достигают -35° С, а летом средняя температура не превышает $+10^{\circ}$ С. На высотах ниже 1000 м (Кандагар, Герат, Мазари-Шариф, Джалалабад и др.) лето – жаркое, а зима – мягкая, со средними месячными температурами от $+5^{\circ}$ до $+10^{\circ}$ С.

По природно-климатическим условиям и сельскохозяйственной специализации территорию страны можно разделить на 6 зон: северную зону предгорных степей и полупустынь с преимущественным развитием земледелия; северную зону пустынь – центр афганского каракулеводства; центральную умеренно-среднегорную зону орошаемого земледелия межгорных долин и продуктивных летних пастбищ; зону пустынь юго-запада и запада страны с кочевым животноводством и оазисным земледелием; субтропическую зону Джалалабадской и Хостинской долин с выращиванием цитрусовых культур и массивами промышленного леса; высокогорную холодную зону северо-востока страны. Наиболее освоенными человеком являются первые две зоны, то есть северные районы Афганистана. Здесь проживает примерно четверть всего населения страны и сосредоточены более 40 % всей пахотной земли, почти 60 % всей земельной площади, занятой под зерновыми и овощами, 46 % – под фруктовыми садами, более 80 % – под техническими культурами. В северных районах Афганистана выращивается более 70 % поголовья мелкого рогатого скота и почти все 5 млн. каракульских овец. [5]

Почвы Афганистана отличаются высоким плодородием. Это – в основном субтропические полупустынные и горные сероземы, серо-бурые пустынные, горно-луговые, лугово-степные и горные коричневые почвы. В засушливых, пустынных районах встречаются такыры и солончаки.

Растительный и животный мир. Афганцы нередко с гордостью говорят: «Афганистан – это азиатская Швейцария». Хотя, надо признать, для многих иностранцев, побывавших в стране и созерцавших пейзажи только ее центральных, северных и западных районов, увиденное никак не вяжется со сложившимися представлениями о Швейцарии. И, тем не менее, при всей претенциозности такого утверждения, оно все же имеет под собой определенное основание. В Нуристане и Пактии, действительно, можно встретить типично швейцарский ландшафт: бурные горные реки с водопадами и порогами, горные вершины и скалистые склоны, покрытые лесами гималайского типа – вечнозелеными дубами, соснами, пихтами, кедрами, арчой и др. Выше 3,3 тыс. м простирается пояс субальпийских и альпийских лугов. Небольшие леса фисташковых деревьев и заросли можжевельника разбросаны также по склонам и отрогам Паропамиза и Западного Гиндукуша. В целом леса в Афганистане, по официальным афганским данным, занимают 1,9 млн. га, то есть менее 3 % территории страны. На высотах до 1500-1800 м произрастают страгалы, акантолимоны, верблюжья колючка, а в пустынях – полыни, солянки, саксаул, горький дикий арбуз-колоцинт и др.

Животный мир Афганистана, несмотря на внешне кажущиеся суровость и скудость ландшафта, довольно разнообразен. В горных и предгорных районах сохранились популяции джейранов, сайгаков, диких козлов, баранов-архаров (их крупные особи в Афганистане называют «баранами Марко Поло»), ослы-куланы. В зоне степей, пустынь и полупустынь встречаются пятнистые гиены, шакалы, волки, афганские лисицы, корсаки, сурки, мангусты, дикобразы, ежи, зайцы, песчанки, полевки и др. В камышовых зарослях озер Систанской впадины, прибрежных заболоченных районах Амударьи и Пянджа, а также в поймах ряда рек Северного Афганистана обитают камышовые коты и кабаны. В Бадахшане водятся куницы и выдры. Лесная фауна присуща лишь Нуристану. Ее типичные представители – обезьяны, леопарды, рыси, медведи. Что касается лесов Пактии, то здесь многие виды животных были истреблены в результате бесконтрольной охоты местного населения.

В большинстве районов страны много змей, включая ядовитых (кобра, гюрза, эфа, щитомордник), черепах, ящериц, в том числе варанов и гималайских агам, и ядовитых паукообразных – каракуртов, скорпионов, фаланг и др. В отдельные годы на территорию Афганистана налетают огромные тучи саранчи.

Богат мир пернатых: орлы-беркуты, коршуны, гималайские грифы, ястребы-тетеревятники, дикие голуби, кеклики, перепела, жаворонки, скворцы-майна, удода, кольчатая и малая горлицы и т.д. Ранней весной в Афганистане появляется много перелетных птиц, в том числе гуси, журавли, краковая утка, чирки, шилохвость, широконожка и др.

Ихтиофауна небогата. В реках к югу от Паропамиза и Гиндукуша преобладают маринка, в Систанских озерах – сазан, а на севере – усач, форель, жерех, сазан, маринка. Рыба (в основном маринка) встречается в подземных водах (кяризах), куда она запускается человеком для очищения водостоков от водорослей.

Полезные ископаемые Афганистана пока еще изучены слабо. По имеющимся сведениям, его недра богаты запасами природного газа и залежами медной, железной, хромовых, марганцевых, свинцово-цинковых и берилловых руд, олова, серы, гипса, соли, угля. Золото обнаружено в Бадахшане и Газни. Открыты месторождения нефти на севере, вблизи Шибиргана. Страна располагает огромными ресурсами природных каменных строительных материалов (гранита, мрамора, известняка, доломита, песчаника). Разрабатываются богатейшие месторождения (в основном в Бадахшане) драгоценных и ценных поделочных камней – изумруда, лазурита, рубина, бирюзы, граната, оникса, нефрита и др.

НАСЕЛЕНИЕ

Демографические особенности

Численность и естественное движение населения. Афганистан по численности населения значительно уступает своим соседям – Ирану и Пакистану. Согласно официальным данным, число жителей страны (включая и кочевников) в XX в. заметно выросло за счет естественного прироста и выборочно по годам составляло (в млн. человек): 1915 – около 4,5; 1946 – 11; 1962 – 15; 1972 – 17,4; 1976 – 19,8; лето 1979 (перепись) – 14,551; 1984 – 15,866; март 1988 – 16,663; 1989 – 17. [6] Таким образом, с 1915 по 1990 годы население страны увеличилось почти в 4 раза. Следует, однако, заметить, что все выше приведенные данные о численности населения Афганистана, особенно последних лет, носят крайне приблизительный характер как из-за неучтенных потерь в ходе гражданской войны и связанных с ней больших внутренней и внешней миграций, так и с погрешностями официальной статистики.

Численность оседлого населения в 1981 году определялась национальной статистикой в 13,8 млн. человек (т.е. около 84 % от всех жителей страны), а кочевников и полукочевников – примерно 2,5 млн. (более 16 %). Такое процентное соотношение между этими двумя группами населения сохранялось и в последующие годы (см. Приложения 1 и 2). Преобладающая часть оседлого населения – 82,8 % (оценка 1987 г.) – проживала в сельской местности, остальные – 17,2 % – в городах (см. Приложение 3). При этом только в столице было сосредоточено 47,84 % всех городских жителей. Еще 26,19 % горожан приходилось на города Кандагар (191 345 человек), Герат (150 497), Мазари-Шариф (110 367), Джалалабад (57 824) и Кундуз (57 112). В оставшихся 59 городах, вместе взятых, насчитывалось только 562 859 жителей.

Естественный прирост населения составляет в целом по стране в среднем 2,6 % в год. Причем в городе он значительно выше – 4,7 %, а в сельской местности – 2,3 (оценка конца 80-х годов). Цифровые показатели смертности и рождаемости в стране, как, впрочем, и средней продолжительности жизни, обычно в афганских статизданиях не приводятся. По свидетельству афганского историка М.Г.М.Губара, в начале 60-х годов на каждую тысячу населения смертность составляла 9,74 человека, а рождаемость – 29,56. [7] Такой показатель смертности, скорее характерный для стран Запада, чем для Афганистана (сравните: по данным 1970 г., в США он был 9,4, Швеции – 9,9, Норвегии – 9,7, Дании – 9,8), явно не отражает реальности, если учитывать низкий уровень жизни подавляющего большинства населения страны, массовые болезни, неблагоприятные системы здравоохранения, высокую детскую смертность. Ближе к истине представляются оценки зарубежных демографов, в соответствии с которыми в 1965-1970-х годах число родившихся в Афганистане в среднем за год на 1 тысячу жителей равнялось 50,5, а умерших – 26,5 человека. [8]

Половозрастная структура населения Афганистана многие годы остается относительно стабильной и характеризуется постоянным численным преобладанием мужчин над женщинами во всех возрастных группах и особенно после 55 лет (см. Приложение 3). [9] По оценке 1981 года, доля мужчин среди оседлого (городского и сельского) населения составляла 51,4 %, а женщин – 48,6. При этом такое соотношение между двумя половыми группами примерно одинаково и для города, и для деревни. Среди населения страны довольно велика доля лиц до 14 лет (так называемых «чистых» потребителей) – 44,6 %. Эта цифра говорит не только о «молодости нации», но и о перспективе еще большего обострения в афганском обществе проблемы занятости по мере взросления молодого поколения. Удельный вес самой дееспособной возрастной группы 20-59-летних в Афганистане невелик и составляет 40,6 % оседлого населения. Число жителей старше 60 лет незначительно – всего лишь 4,3 %.

Размещение населения, внутренние и внешние миграции. Население размещено по территории страны очень неравномерно. Согласно оценке 1987 года, его численность в отдельных районах и средняя плотность характеризовалась следующими данными:¹

¹ Подсчитано по: Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций. – С.7.

Географический район	Провинции	Численность населения (тыс. чел.)	Средняя плотность (человек на 1 кв. км)
Равнинно-предгорный район к северу от Паропамиза и Гиндукуша	Тахар, Баглан, Кундуз, Саманган, Балх, Джаузджан, Фарьяб	3516	39
Центральный и западный горный район	Бамиан, Сарипуль, Бадгис, Вардак, Урузган, Гор	2215	16
Гератский оазис	Герат	900	14
Бадахшан	Бадахшан	558	12
Восточный район	Нангархар, Кунар, Лагман	1468	58
Кабульский оазис	Кабул, Каписа, Парван	2639	166
Район плоскогорий к югу от Гиндукуша	Логар, Пактия, Пактика, Газни, Заболь, Кандагар	2637	22
Юго-западный и западный пустынный район	Гильменд, Нимруз, Фарах	960	6

Средняя плотность населения по стране составляет 23 человека на 1 кв. км. Наиболее густо заселены Кабульский оазис, Джалалабадская долина и северные равнинно-предгорные провинции. Наибольшая плотность населения наблюдается в провинции Кабул (389 человек на 1 кв. км) (см. Приложение 1).

В Афганистане всегда обычным явлением были регулярные перемещения кочевников и полукочевников по территории страны и за ее пределы, а также сезонный уход сельских жителей на заработок в города. Однако в последние десятилетия XX в. появились новые факторы, побуждавшие оседлое население к массовой внутренней и внешней миграции. Так, в 50-60-х годах значительная внутренняя миграция из сельской местности в города была связана со строительным бумом в рамках реализации первых пятилетних планов экономического развития. Особенно много мигрантов в то время приняли столица и стройки на севере и востоке страны. В последующем часть их осела в городе, пополнив его низы. В начале 70-х годов впервые в афганской истории произошел резкий всплеск внешней миграции, в основном, в Иран. Зоной оттока оседлого сельского населения являлись главным образом северо-западные провинции и внутренние районы Хазараджата. Места постоянного жительства тогда покинуло более миллиона человек. Причиной к этому стал голод, вызванный неурожаями двух засушливых лет – 1970 и 1971 годов и огромным падежом скота из-за небывалых снежных зим.

Огромной трагедией для афганского народа явилась многолетняя гражданская война. В ходе ее миллионы людей превратились во внутренних и внешних беженцев. Масштабы первых не поддаются учету, так как их потоки нередко менялись: сначала из сельской местности в города, под защиту воинских гарнизонов, а затем обратно, когда города становились ареной ожесточенных боев. К примеру, в Кабуле к началу 90-х годов насчитывалось более миллиона беженцев. После прихода к власти моджахедов в апреле 1992 года и развернувшихся в столице кровавых разборок между их различными группировками из почти полутора миллионного ее населения осталось чуть более 200 тысяч. Остальные устремились в более безопасные сельские районы. Что же касается внешних беженцев, их число уже во второй половине 80-х годов составило более 5 миллионов человек, то есть 1/3 населения страны. Большая их часть оказалась в Пакистане. По официальным пакистанским данным, к середине лета 1987 года их насчитывалось 3,45 млн. человек (из них 3,15 млн. были зарегистрированы по линии Верховного Комиссара ООН по делам беженцев). [10] Более 1,5 млн. (по другим данным – 2 млн.) афганских беженцев осели в Иране, а также в странах Персидского залива и в Индии.

Самодетельное население и использование рабочей силы. Официальная афганская статистика считает трудоспособными лиц в возрасте от 15 до 59 лет. [11] В соответствии с этим критерием, в 1986/87 годах в стране насчитывалось 7,208 млн. трудоспособных. Из них самодетельное (экономически активное) население составляло 5,668 млн. человек, то есть 78,6 % от всего трудоспособного населения. Большая часть экономически активного населения Афганистана (около 67 %; или 81,7 % от численности работников сферы материального производства) занята в сельском хозяйстве. По оценке 1987 года, [12] занятость населения характеризовалась следующими данными (в тыс. человек):

В сфере материального производства	4644
в том числе:	
сельское хозяйство	3792
промышленность (включая кустарную)	266,4
строительство	60
транспорт и связь	123
торговля и общественное питание	391
2.	В непромышленной сфере
	832,7
в том числе:	
просвещение	54
здравоохранение	15
культура и информация	6,9

сфера услуг	144,2
государственные учреждения и общественные организации	112,2
прочие отрасли	500,2
3.	Незанятое население
	191,5

Социальный состав. Накануне революции 1978 года Афганистан по-прежнему оставался сельскохозяйственно-скотоводческой страной. Промышленность была развита слабо. Однако, несмотря на сохранение сильных пережитков феодальных производственных отношений в аграрной сфере, афганское общество уже перестало быть феодальным. В процессе капиталистической эволюции, особенно в 50-70-х годах, в многоукладной экономике страны ведущими определились госкапиталистический, частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. В соответствии с этим процессом менялись и социально-классовые характеристики общества, и соотношение между современными и традиционными слоями и классами населения, и социальный тип политически и экономически господствующих представителей верхушки – крупных землевладельцев (малеков). К ним относились дворцовая аристократия, крупные коррумпированные государственные служащие, генералитет, ханы и старейшины афганских (пуштунских) и других племен, высшее духовенство, крупная торговая буржуазия. Они в большинстве своем были абсентеистами и, извлекая большие капиталы из сдачи земли в аренду, главным своим занятием считали все же не аграрную сферу, а предпринимательскую, коммерческую и государственную деятельность, неся в себе таким образом скорее черты буржуа, чем феодального помещика. Другими словами, многие крупные землевладельцы-малеки в Афганистане являются ныне в принципе не представителями феодального, а капиталистически перерождающегося класса.

Афганская деревня накануне революции 1978 года оставалась, как и прежде, социально неоднородной (см. Приложение 4). На одном ее полюсе находилось крестьянство, составляющее около 80 % сельского населения, но владевшее всего лишь 55 % обрабатываемых земель (4345 тыс. га). Другой полюс был представлен крупными и средними землевладельцами-малеками (в Афганистане к малекам принято относить лиц, владеющих 10 га и более). [13] Составляя только 3,4 % сельского населения, они имели в своих руках 45 % лучших по качеству пахотно-пригодных обводненных земель (3555 тыс. га). Из них около 1 млн. га приходилось на долю 7 тысяч самых крупных малеков. Как отмечал в 1968 году С.А.Кештманд, «в некоторых провинциях страны целые уезды принадлежали одной-двум семьям феодальных малеков». [14] Что касается малоземельных крестьян, то примерно половина из них (550 тысяч) имели наделы земли от 0,5 до 1 га, далеко не достаточные для удовлетворения жизненных потребностей их, как правило, больших семей. В связи с этим они вынуждены были заниматься отхожим и побочным промыслами. Если к ним еще добавить безземельных и лишенных скота сельских жителей (около 300 тысяч семей), то можно представить сохранявшиеся десятилетиями в стране масштабы аграрного перенаселения – около 40 % сельского или приблизительно 50 % оседлого населения. [15] Избыточная рабочая сила имела и в скотоводческом хозяйстве, однако цифровые данные об этом афганской статистикой не приводились.

По оценкам конца 60-х годов, крестьяне-арендаторы составляли 20 % сельского оседлого населения. [16] Среди жителей афганской деревни заметное место по своей функциональной значимости занимали также и другие социальные группы – ремесленники, подмастерья, кустари, мелкие торговцы, работники сферы услуг, просвещения и здравоохранения, служители культа. Численность ремесленников и кустарей доходила до 10 % сельского населения – примерно 230 тыс. человек, из которых в ковровом производстве работали 137 тысяч и в ткацком – 18 тысяч. [17] Число мелких торговцев деревни сравнительно невелико – около 50 тыс. человек. Сельские учителя и медицинские работники (в основном среднего звена) насчитывали, вместе взятые, до 4 тыс. человек. По сравнению с ними, весьма представительной бала и остается прослойка деревенских служителей культа. Их численность – более 100 тысяч человек.

Помимо указанных выше групп, в состав сельского населения входят кочевники и полукочевники. Социальное расслоение глубоко проникло и в их среду. Среди них выделяется небольшая по численности влиятельная племенная верхушка, владеющая большим поголовьем скота (до 1,5-2 тыс. голов в одних руках). Большая часть кочевников занимается скотоводством, остальные – торговлей. [18] Кочевники-торговцы «повинда», составляя серьезную конкуренцию оседлому торговому люду, особенно в глубинных центральных районах Афганистана, в 70-х годах обеспечивали, по некоторым данным, до 80 % всей внутренней торговли страны.

Производственные отношения в афганской деревне между землевладельцами-арендодателями и землепользователями во второй половине XX в. регулировались на основе разнообразных форм аренды, пришедшей из глубины столетий и вошедшей в себя нормы обычного права и установления средневековой феодальной зависимости. В разных районах Афганистана аренда носит различные названия: «дехкани», «кештманди», «базгари», «назири» или «хамсаги» (в переводе означают «крестьянствование», «хлебопашество», «надсмотрничество», «соседские отношения»). [19] В стране не существует какого-либо законодательства об аренде. Ее размеры зависят от многих факторов. Обычно арендная плата за землю составляет от 20 до 80 % собранного урожая и изымается в натуральной и денежной формах. Почти повсеместно она носит кратковременный договорной характер. Положение крестьян-арендаторов не всегда и не везде одинаково. Те из них, кто арендует 3 и более га земли, обычно по материальному достатку стоят на уровне крестьянина-середняка.

Наиболее распространенными типами аренды, называемыми в соответствии с числовыми долями раздела урожая, являются:

1. **Нисф-кари** (или **ним-кари**). Суть ее заключается в том, что собранный урожай делится на две равные части между землевладельцем и арендатором. При этом последний должен использовать свой рабо-

чий скот, инвентарь, половину семян, очищать арыки, производить вспашку земли, посев, полив, уход за посевами, уборку, обмолот и доставку половины урожая в амбары владельца земли. Данный тип аренды является наиболее типичным в районах с благоприятными для сельскохозяйственного производства почвенно-климатическими условиями и хорошим водообеспечением.

2. Се-ду-кари. Собранный урожай в соответствии с этой формой аренды делится на три равные части, из которых 2/3 урожая получает владелец земли и оставшуюся треть – арендатор. Землевладелец при этом обеспечивает третью часть рабочей силы при уборке урожая и платит государству налог за землю.

3. Чар-йак-кари. При этой форме аренды крестьянин-арендатор получает 1/4 часть урожая натурой и обусловленную договоренностью с землевладельцем небольшую сумму денег и одежду. Семена, труд, инвентарь, рабочий скот обеспечиваются самим арендатором.

4. Чар-се-кари. Это – одна из наиболее выгодных для арендатора форм аренды, при которой он получает 3/4 урожая. Семена, труд, инвентарь, рабочий скот, как и при третьей форме аренды, – все это забота самого арендатора. Землевладелец, получая четверть урожая, предоставляет лишь землю и платит государству за нее налог.

5. Пандж-йак-кари. Согласно этой форме аренды, крестьянин получает 1/5 часть собранного урожая и несколько большую, чем при третьей форме, сумму денег. Земельный налог платит арендодатель.

6. Шаш-йак-кари. По этой форме аренды доля натуральной продукции, получаемой землепользователем, снижается до 1/6 части урожая, но зато несколько увеличивается выплачиваемая ему сумма денег.

7. Хафт-йак-кари. Арендатор получает натурой лишь 1/7 часть урожая. Оставшаяся его доля компенсируется в денежной форме.

8. Нох-йак-кари. В соответствии с этой формой аренды предпочтение отдается денежной оплате труда и материальных затрат крестьянина-арендатора. Доля урожая, оставляемая ему владельцем земли, снижается до 1/9 или 1/10 части валового сбора урожая.

9. Пандж-чар-кари. Эта форма арендной платы имеет место в основном в районах богарного земледелия, где арендатор получает 4/5 урожая, а землевладелец – оставшуюся 1/5 часть.

10. Шаш-пандж-кари. Применяется на неорошаемых землях. Доля землевладельца в данном случае равняется 1/6 урожая, а арендатора – 5/6.

11. Хашт-хафт-кари. Данный тип аренды, используется, как правило, на малопродуктивных землях. В этом случае арендатору полагается 7/8 частей урожая, а землевладельцу – 1/8.

12. Дах-нох-кари. Такой тип аренды характерен для богара в горных районах. В соответствии с ним землепользователю достается 9/10 собранного урожая.

Арендные отношения в Афганистане далеко не исчерпываются только вышеперечисленными нормами раздела урожая между землевладельцем и арендатором. В различных, а иногда и в одних и тех же хозяйственных районах встречается множество других разновидностей аренды, складывающихся в зависимости от качества земли, природных условий, удаленности от населенных пунктов, вида выращиваемых культур, трудоемкости их возделывания, конъюнктуры спроса-предложения на рынке и ряда других факторов. В последние десятилетия в стране получает распространение заранее (еще до сбора урожая) обусловленная, фиксированная (денежная и натуральная) аренда. [20] Она нередко сопровождается залоговыми обязательствами под движимое и недвижимое имущество крестьянина-арендатора (дом, надворные постройки, инвентарь, скот, земля). В случае неурожая крестьянин рискует потерять свое имущество и землю и перейти в разряд батраков.

Тяжелым бременем на плечи афганского крестьянина ложатся также традиционно высокий ростовщический процент, «суде салам» и множество, ставших обязательными, подношений мулле, мирабу, малеку, представителям властей и т. д. Размеры ростовщического процента полностью зависят от воли и прихоти займодавца и колеблются от 30 до 300 % к полученной сумме. [21] При этом долгосрочные ссуды даются, как правило, под залог движимого и недвижимого имущества. Такой же разорительный характер носит и «суде салам». Суть его заключается в том, что крестьянин, получая у ростовщика обычно накануне начала сезона полевых работ какую-либо помощь, например, зерно на семена, в счет определенной суммы денежного кредита, обязуется вернуть ему долг из нового урожая на обусловленную сумму, но уже по более низким ценам и в значительно большем количестве.

Что касается структуры городского населения Афганистана, то она в гораздо большей степени, чем сельского, испытывала и продолжает испытывать на себе воздействие капитализации страны. Особенно заметен был в последние десятилетия количественный рост лиц наемного труда, в том числе фабрично-заводских рабочих. Численность последних увеличилась с 7,6 тыс. человек в 1956/57 годах до 60 тыс. в конце 70-х годов. Наиболее крупными отрядами промышленных рабочих являются текстильщики, занятые, как правило, на государственных и смешанных предприятиях и составляющие примерно треть всех фабрично-заводских рабочих, рабочие завода азотно-туковых удобрений в Мазари-Шарифе, газовики и шахтеры-угольщики на севере страны, рабочие промышленности строительных материалов (цементные заводы в Джабаль-ус-Сирадже и Пули-Хумри, Кабульский домостроительный комбинат, асфальто-бетонные заводы в столице), рабочие авторемонтно-механического завода Джангалак в Кабуле, обувщики, пищевики.

Для афганской фабрично-заводской промышленности и формирующегося национального рабочего класса характерна высокая степень концентрации: более 80 % всех промышленных предприятий расположено в центральной и северной равнинной зонах страны. Именно здесь сосредоточено 78,9 % всех занятых в фабрично-заводской и добывающей промышленности. [22] И еще одна особенность: более одной трети всех рабочих заняты на крупных предприятиях с числом рабочих от 200 до 5000 человек. Среди них выделяются Гульбахарский текстильный комбинат (более 5 тыс. рабочих), текстильные фабрики в Пули-Хумри (более 2 тыс.) и Баграми (более 1 тыс.), завод Джангалак.

В 50-60-х годах в связи с реализацией политики «руководимой экономики», в основном за счет прито-

ка в город деревенских жителей, в Афганистане значительно увеличилась такая категория рабочих, как строители. Их численность к концу 60-х годов превысила 80 тыс. человек. Однако в последующем многие из них оказались не у дел из-за завершения строительства крупных объектов. Часть их перешла в другие сферы деятельности, часть пополнила армию «лишних людей». По официальным данным, к концу 70-х годов в строительстве было занято лишь 46,4 тыс. человек. В это же время на транспорте и в связи трудилось немногим более 2 тыс. человек. [23]

Афганский рабочий класс проходит только первые шаги своего становления и еще не обладает в полной мере присущими этому классу характеристиками. Его отличают, кроме малочисленности, низкий образовательный уровень, слабая политизация, большая доля в его среде неквалифицированных и малоквалифицированных работников, сохранение прочных экономических и психологических связей с традиционными слоями и классами общества, ограниченность ядра кадровых рабочих. Их подавляющее большинство относится к первому поколению. Значительную часть рабочих составляют отходники и сезонники из деревни.

Более трети занятого городского населения (примерно 300-350 тыс. человек) составляют представители мелкобуржуазных слоев – ремесленники, кустари, мелкие торговцы, работники сферы услуг (кафе, мелких пекарен, ателье по пошиву верхней одежды, прачечных, химчисток, фотоателье, парикмахерских и т. п.). Именно они, как и во многих других развивающихся странах, определяют социальный облик афганского города. Из их среды в своем подавляющем большинстве выходит интеллигенция – работники просвещения и здравоохранения, низшие и средние категории служащих государственных учреждений и частных компаний, унтер-офицерство, младшее и среднее офицерство, инженерно-технические работники, служители культа, лица свободных профессий, студенческая и учащаяся молодежь. Они более всего политизированы и являются основным носителем в обществе идей и настроений бунтарства, радикализма, правого и левого экстремизма. По официальным оценкам, численность различных групп мелкобуржуазной городской интеллигенции в 1978 году достигла: учителей – более 32 тыс.; врачей и среднего медицинского персонала в государственном здравоохранении (соответственно) – 906 и 2753 человека (из них только в столице врачей было 530 и средних медработников – 1732 человека); чиновников госучреждений – более 60 тыс.; преподавателей вузов, техникумов и профессионально-технических учебных заведений – 2180; офицеров и унтер-офицеров – более 12 тыс.; студентов вузов и техникумов около 20 тыс. человек. Лиц свободных профессий (врачей-частников, музыкантов, адвокатов, актеров, художников, писателей и т. д.) в Афганистане насчитывается несколько тысяч, в том числе врачей и фармацевтов – 776, творческих работников – около 3 тыс. человек. [24] Верхняя прослойка интеллигенции, непосредственно примыкающая к экономически и политически господствующей в стране элите или вышедшая из нее, была численно невелика.

По мере ускорения буржуазного развития все более острой в стране становилась проблема пауперизации общества и, как результат этого процесса, увеличение численности городских низов, занятых обычно в сфере услуг (личная прислуга, лотошники, чистильщики обуви, подметальщики улиц, грузчики, карачи, водоносы), и деклассированных элементов (нищих, бродяг, карманных воров, бандитов, дервишей-малангов, проституток и пр.). К 1978 году их в целом в афганских городах насчитывалось не менее 500 тыс. человек, или до 25 % городского населения. Ряды указанных двух социальных прослоек постоянно пополнялись за счет притока в города лишившихся земли и обнищавших крестьян, а также разорившихся мелких городских хозяев, ремесленников и кустарей.

Афганская буржуазия, как и другие современные слои и классы общества, немногочисленна и различается по роду деятельности, размерам капитала, социальному статусу, степени политического влияния, характеру связей с иностранным капиталом. Крупная (торговая и промышленная) буржуазия Афганистана не превышала 3-4 тыс. человек, из которых не более 300 – промышленники-предприниматели. [25] В 50-70-х годах наиболее заметными фигурами среди них были Абдул Маджид Забули, соучредитель Афганского национального банка (АНБ) и торгово-промышленной «группы АНБ», и Г.С.Нашер, президент и совладелец компании «Спинзар». Крупные буржуа тесно связаны с госаппаратом и активно вторгаются в политическую жизнь страны, нередко занимая ключевые посты в высших властных структурах. Они широко выходят на внешний рынок и сотрудничают с иностранным капиталом. Однако иностранные инвестиции в экономику Афганистана (в том числе и частный сектор) никогда не были масштабными, в связи с чем лишены какого-либо основания утверждения о большой зависимости страны от иностранного капитала и о наличии в стране значительного слоя компрадорской буржуазии. Наряду с торгово-промышленной буржуазией, в Афганистане в последние десятилетия появилась небольшая прослойка бюрократической буржуазии, нажившей капиталы на расхищении государственных средств, получении разного рода вознаграждений от местных и иностранных фирм за «услуги», взяточничестве, коррупции, а также за счет скрытого и открытого бизнеса.

Что касается средней буржуазии, то она в Афганистане насчитывает несколько десятков тысяч человек и представлена владельцами небольших промышленных и ремонтных предприятий (от 30 до 50 рабочих), торговцами-оптовиками и экспортерами, скупщиками продукции мелких товаропроизводителей, контрагентами крупных торговых фирм, маклерами, субподрядчиками, хозяевами ресторанов, гостиниц, кафе, кинотеатров, дамских салонов, мелких транспортных компаний, крупных пошивочных мастерских и т. д. [26] По своему менталитету, политической ориентации и взглядам, деловым интересам и связям, генетическим корням афганская средняя буржуазия – сила национальная. Она выражает недовольство за счет крупного капитала во внешнеэкономических, банковских и предпринимательских делах, страдает в конкурентной борьбе от узости внутреннего рынка и неразвитости производительных сил, ревниво относится к проникновению в страну иностранного капитала. Ее представители, получив хорошее образование за рубежом, заполняют обычно верхние ярусы госаппарата, формируют костяк интеллектуальной элиты и нередко становятся во главе различных общественных движений.

Языки. Население Афганистана неоднородно и в языковом отношении. Оно говорит в различных районах страны на языках иранской, тюркской, индийской, дардской и других групп (всего более чем на 30 языках и диалектах). Официальными языками являются дари и пушту (последний стал, наряду с дари, официальным государственным языком с 1936 года). Язык дари близок к персидскому и относится к западно-иранской группе языков. На языке дари говорит большинство населения центральных провинций, севера, запада и всех городов, а на пушту – восточных, южных и юго-западных провинций Афганистана. Дари, вместе с тем, выполняет роль и языка межнационального общения. Тюркские языки (узбекский, туркменский, казахский, киргизский и др.) распространены в северных и северо-западных провинциях, индийские и дардские – в южных и восточных районах страны.

Религиозный состав. Подавляющее большинство населения Афганистана (около 98 %) исповедует ислам, принесенный в страну между VIII и X вв. Согласно всем прежним конституциям, он объявлялся официальной религией страны. Причем в некоторых из них подчеркивалось привилегированное положение суннизма ханифитского мазхаба (толка) при отправлении государственных религиозных обрядов. Приверженность ханифитскому вероисповеданию была обязательна и для личности монарха. [27] Право исповедовать другие религии было впервые зафиксировано в Афганистане в конституции 1964 года.

Последователи ислама в стране делятся на две большие группы – суннитов и шиитов, а также на ряд сект. Сунниты составляют от 70 до 75 % всего населения. По национальному признаку это – большая часть афганцев (пуштунов), большинство таджиков, узбеки, туркмены, чараймаки (фирузкухи и таймени), белуджи, киргизы, нуристанцы, хазарейцы-дехи-зейнат, брагуи, часть пашаев и курдов, арабы, казахи, каракалпаки. Подавляющее большинство суннитского населения Афганистана принадлежит к ханифитскому мазхабу и лишь небольшая его часть – к шафитам (курды, белуджи) и ханбалитам (арабы и др.). В северных, центральных, восточных и ряде других районов страны действуют различные суфийские (дервишеские) ордена и братства: накшбандийя, кадирийя, чиштийя, сухравердийя, каррахийя, мусайя, наксийя и другие. Наибольшее число сторонников имеют ордена накшбандийя и кадирийя. Среди них особое место занимают нищенствующие мусульманские бродячие аскеты-мистики – члены дервишеского ордена малангов, насчитывающие ориентировочно несколько тысяч человек и отличающиеся ярко выраженной агрессивностью поведения. Особенно их много в столице, в кварталах бедноты (так называемом «старом городе»).

Шиитская община составляет в Афганистане религиозное меньшинство и насчитывает не менее 25-30 % населения страны (примеч.: афганская официальная статистика по конъюнктурным соображениям обычно занижает численность приверженцев шиизма). К ним относятся хазарейцы, горные таджики, персы, монголы, афшары, чараймаки (джемшиды и теймуры), бахтиары, кызылбаши, часть пашаев, таджиков и пуштунов (шейхали, джаджи, моманды, тури, оракзай, юсуфзай, махмудзай, афридии), проживающих на востоке и юге Афганистана. Большинство афганских шиитов (55-65 % их общего числа) принадлежит к имамитской ветви, остальные – к сектам исмаилитов, али-илахи (ахл-и хакк), рошанитов и ахмадийя. [28]

Ислам, как идеологическая система, охватывает, кроме веры, культуру, традиции, политико-правовые, семейно-бытовые, этические и другие нормы и представления, оказывает огромное влияние на общественную и частную жизнь граждан, активно участвует в формировании их массового сознания.

Общая численность мусульманского духовенства в Афганистане достигает 250-260 тыс. человек. В зависимости от своего положения в неофициальной духовной иерархии и авторитета среди населения его можно условно подразделить на верхушку – сеиды (потомки пророка Мухаммеда), шейхи, хазраты, пиры, ишаны, улемы; среднее звено – муллы-имамы (настоятели мечетей), руководители теологических учебных заведений, маулави (лица, получившие специальное богословское образование); и низшие категории служителей культа, исполняющие отдельные религиозные функции, – кари (чтецы Корана), муэззины и др. В социальном отношении высшие духовные деятели представлены в основном выходцами из клерикальной и племенной аристократии, крупных землевладельцев-малеков и торговцев. Что касается представителей низшего духовенства, то они обычно являются выходцами из средних слоев – мелких торговцев, ремесленников, кустарей, а иногда и крестьян.

Подготовка мусульманских священнослужителей низшего ранга в Афганистане ведется, как правило, в частных приходских духовных школах и медресе, содержащихся на средства прихожан и влиятельных религиозных лидеров, а также в специальных государственных медресе, [29] а высшего ранга – только в правительственных духовных учебных заведениях, как-то: медресе шариатских богословов в г. Пагмане, к северо-западу от Кабула, Кабульской духовной (т. н. арабской) академии и на богословском факультете Кабульского университета. Часть богословов высшего ранга готовится за рубежом, главным образом в исламском университете Аль-Азхар в Египте.

Среди мусульманского духовенства Афганистана в силу ряда исторических причин нет признанного всеми, как это имеет место в соседнем Иране, высшего духовного авторитета, обладающего правом выступать в качестве главы религиозной общины в масштабе всей страны (до 1973 года им считался король, хотя на деле он таковым никогда не являлся). Вместе с тем в определенных районах, подчас охватывающих довольно-таки значительную территорию, действовали и продолжают действовать различные духовные авторитеты – хазраты, шейхи, пиры, возглавляющие обособленные религиозные общины и часто пользующиеся репутацией «святых».

Так, в столичном районе, а также на обширной территории от Кунара, Нангархара, Кабула до Кандагара, Пактии и Катаваза, населенной пуштунами, огромное влияние на верующих оказывали семья Моджаддеди; в районах Чарикара, Кухистана, Кухдамана, Карабага, Пули-Хумри, Кундуза, Ханабада – Фахр аль-машайех Ахунд-заде Тагави; в районе Герата, Фараха и Баламургаба – Гератские «святые» Кярих; в провинции Логар – Ахад-заде Саиб Муса Логари; в Кабуле и к востоку от него, а также в районах Кандагара – семья Сеида Накиб Саиба Багдади (Афандижан); в районе Доши, Баглана и Бадахшана – семья Сеида Каяна; в районе Акчи и Шибиргана – Халифа Саиб Казаль Айяк; в Вазараджате и Пактии – Сеид Мок-

тада Саиб и др. (см. Приложение 5).

Наиболее влиятельной из них является семья Моджаддеди. Ее позиции среди духовенства значительно возросли с созданием правительством Афганистана в 1930 году высшего координирующего, контролирующего и руководящего органа духовенства – Совета улемов («Джамиат-е улема»), в котором Моджаддеди заняли главенствующее положение. Однако надо признать, что лидерство Моджаддеди в духовных и политических делах страны признавалось тогда и в последующем далеко не всеми религиозными деятелями. Никогда непрекращавшееся противоборство в среде духовной элиты дополняется в Афганистане острыми противоречиями и открытой враждебностью между суннитами, с одной стороны, и шиитами – с другой, а также неприязнью к мусульманским сектантам. Противоречия и нетерпимость между различными конфессиональными группами составляют характерную черту духовной жизни афганского общества.

В Афганистане насчитывается не менее 20 тысяч мечетей, в том числе только в Кабуле – более 600 (не считая мелких мечетей, не зарегистрированных в столичной управе). Предметом особого почитания и поклонения среди верующих являются мазары (гробницы) и зияраты («святые» места и могилы), число которых в стране достигает 1,5 тысяч. Наибольшей популярностью пользуется мечеть Раузайи-Шариф в Мазари-Шарифе (XV в.), где якобы был погребен халиф Али, мечеть Херкайи-Мобарек в Кандагаре, хранящая одежду пророка Мухаммеда, и Газаргах – мавзолеей шейха А.Ансари и место захоронения святых в Герате (XI в.). Именно они являются внутри Афганистана основными центрами массового паломничества мусульман. Любопытная деталь: только на указанные три места в стране распространяется право беста. Многие из культовых сооружений представляют большую историческую и архитектурную ценность, в частности, соборная мечеть в Герате (XIII в.), мечеть Абу Насра Парса в Балхе (XV в.) гробница Ахундаде близ Джалалабада, кабульские мечети Пули-Хешти (XVIII в.; новое ее здание построено в 60-х годах XX в.) и Шахи-ду-шамшира (это была самая первая в Кабуле мечеть, построенная арабами с началом распространения ислама на территории современного Афганистана; ныне существующее здание мечети сооружено в 1927 году по указанию матери короля Аманулла), священное место Сахиджан в столице, где, по преданию, останавливался на ночлег халиф Али и где некоторое время хранилась одежда пророка Мухаммеда, перевозившаяся в период правления Ахмад-шаха из Бухары в Кандагар, зиярат Ашекан-о-Арефан и др. [30]

Приверженцев других религий в Афганистане немного – около 2,5 %. Самой значительной по численности общиной из них являются индуисты и сикхи (всего более 40 тыс. человек), проживающие главным образом в городах Кабуле, Джалалабаде, Кандагаре и Газни и занимающиеся преимущественно торговлей. Имеются также и небольшие группы христиан (несколько тысяч), иудеев и зороастрийцев (по несколько сот человек каждая).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Многонациональное население Афганистана, включающее ныне в себя более 20 различных этносов, складывалось в течение тысячелетий, в процессе миграций и вторжений в пределы этого региона многих племен и народов, их расселения и смешения с местным населением. Предположительно во II тыс. до н. э. сюда с северо-запада, из района Южного Урала и междуречий Дона – Днепра – Днестра – Дуная, пришли скотоводческие племена ариев. К началу I тыс. до н. э. они уже заселили большую территорию Среднего Востока и Северной Индии. Вслед за евразийскими пришельцами в пределы современного Афганистана стали одни за другим проникать и создавать здесь свои государственные образования персы, греки, скифы, саки, кушаны, эфталиты, арабы, таджики (Саманиды), тюрки, монголы. Все они – эти различные расы и народы – в той или иной мере приняли участие в этногенезе населения современного Афганистана. Народы, населяющие Афганистан, с этнической и языковой точек зрения можно условно разделить на следующие группы:

1.Иранская группа. Она представлена пуштунами, таджиками, припамирскими таджиками, персами, белуджами, чараймаками (фирузкухи, джемшиды, таймени, теймуры), курдами, бахтиярами, ормури (бараки), парачи, зури, тахири и др. Расселены они практически по всей территории страны.

2.Тюрко-монголо-иранская группа. К ней относятся хазарейцы, проживающие компактно в центральной горной части Афганистана – Хазараджате, а также в южных приграничных провинциях и многих городах.

3.Тюркская группа. Включает в себя узбеков, туркмен, киргизов, казахов, афшаров, уйгуров, каракалпаков, кызылбашей, татар, сельджуков, кыпчаков и др. Проживают они, как правило, на севере, северо-западе и северо-востоке страны, а также в Кабуле и Кандагаре.

4.Дравидская группа. Ее составляют брагуи – потомки народов, живших в пределах современного Афганистана и Индии еще до прихода сюда ариев. Их численность ныне составляет, видимо, несколько десятков тысяч человек. Все они – кочевники-скотоводы и обитают на юге провинций Кандагар, Гильменд и Фарах, а также в провинции Нимруз. Брагуи Афганистана подразделяются на племена захри-менгал, раисани, сарпарра и др. [31]

5.Дардская (индоарийская) группа. Включает пашаев, нуристанцев и тирахи. Проживают в провинциях Лагман, Кунар, Каписа и на юге Бадахшана.

6.Монгольская группа. В Афганистане она представлена монголами. Они сохранили монгольский язык и элементы уклада жизни своих предков. Составляя по численности всего несколько тысяч человек, они проживают небольшими группами в провинции Гор, к востоку от Герата (здесь их в 1984 году было 1824 человека), к северу от г. Меймене (провинция Фарьяб), к востоку от г. Газни и в провинциях Кундуз и Баглан.

7.Семитская группа. Она представлена арабами и евреями и насчитывает в Афганистане несколько десятков тысяч человек. Арабы живут тремя компактными группами на севере провинций Фарьяб, Джаузджан, Балх и Саманган. Небольшие группы арабов имеются в окрестностях г. Джалалабада и в провинции Герат (по данным 1984 года, их численность в указанной провинции составляла 7561 человек). [32] В про-

винции Герат проживает также арабская по происхождению этногруппа хаджа (численность – около 6 тыс. человек). [33] Евреи (около 1 тыс. человек) сосредоточены преимущественно в Кабуле и Герате. И арабы, и евреи говорят на языке дари.

Кроме перечисленных выше групп, в Афганистане имеются небольшие колонии гуджаров, джатов, пенджабцев, лахида, гуджератцев, бенгальцев и др.

В Афганских и зарубежных справочных изданиях обычно приводятся ориентировочные и часто весьма противоречивые сведения о численности населяющих Афганистан этносов. Пожалуй, наиболее близким к действительности можно считать материалы учета, проведенного по провинциям летом 1985 года местными статистическими органами (см. Приложение 2), согласно которым национальный состав страны характеризовался следующими данными: пуштуны – св. 5,8 млн. человек (без учета кочевников; или 42,3 % от всего оседлого населения); таджики – около 3,9 млн. (28,2 %); хазарейцы – около 1,6 млн. (11,4 %); узбеки – более 1,1 млн. (8 %); туркмены – около 340 тыс. (2,4 %); белуджи – более 177 тыс. (1,3 %); чараймаки – более 172 тыс. (1,3 %); пашаи – более 147 тыс. (1,1 %); нуристанцы – около 85 тыс. (0,6 %); прочие – около 460 тыс. человек (3,4 %).

Пуштуны (афганцы, патаны) – наиболее многочисленная группа населения Афганистана. Первое письменное упоминание этнонима «афганцы» относится к X в. [34] О их происхождении, в том числе и в исторической литературе, существует немало разных мифов и легенд, иногда самых фантастических. По свидетельству Александра Бёрнса, британского разведчика и резидента в Кабуле в 30 – начале 40-х годов XIX в., афганцы глубоко верили в то, что их родоначальниками были сыновья библейского Ноя – Сим и Хам (в литературе по Афганистану соответственно – Кабул и Хабул). Согласно другой популярной легенде, афганцы имеют еврейское происхождение и ведут свою родословную через Израильско-иудейского царя Саула. Тогда местом их обитания являлась-де Сирия, откуда они были уведены в плен вавилонским царем Навуходоносором II и расселены в различных местах Персии и Мидии. В последующем они ушли на восток, в горные районы Гора (Западный Гиндукуш), где местные жители будто-бы называли их «Бани Афган» («афганцы») и «Бани Израиль» («израильтяне»). В подтверждение этой версии обычно ссылаются на коранического пророка Идриса, который якобы упоминал о 10 израильских племенах, уведённых в плен и впоследствии нашедших прибежище в некоей стране Арзарет (идентифицируется с Хазараджатом). Все эти красивые легенды о семитском происхождении не разделяются ни зарубежными, ни афганскими историками и ни даже на уровне массового сознания. [35]

В соответствии с еще одной широко распространенной легендой, будто бы отряд афганцев из 76 человек был приведен главой племени курейшитов Халид бен Валидом к пророку Мухаммеду в Медину, где они в сражениях за дело ислама показали образцы храбрости и воинского искусства, за что пророк, провозглашая их домой, преподнес им ценные подарки и, благословляя их народ, предсказал ему славный жизненный путь. Кроме того, Мухаммед в знак особого благоволения к командиру афганского отряда Кайсу с удовольствием изменил его иудейское имя на арабское – Абдуррашид («храбрый раб божий»). По преданию, Абдуррашид (Кайс, он же Патан) женился на дочери Халида бен Валида, от которой имел четырех сыновей по имени Сарбан (старший сын), Бетанай (Батан), Гаргашт и Карланай (Карлан, Карран). Они-то и стали, согласно легендарной генеалогии, прародителями четырех основных колен афганских племен – сарбани, батани (бетани), гаргашти и карлани (каррани). [35а]

Большинство русских, советских и зарубежных востоковедов сходятся во мнении, что первоначальным районом обитания афганцев были склоны Сулеймановых гор (на иранских языках «склон» – «пошт» или «пушт», отсюда идет само название афганцев – пуштун, то есть «живущий на склоне»). В XI-XVI вв. они расселились на большой территории, лежавшей к западу, северу и востоку от Сулеймановых гор. Примерно в это же время (с XI в.) началось складывание афганской народности. [36] В этногенезе афганцев важную роль сыграли, кроме индоарийского, и другие элементы. Так, гильзаи, тюрки по происхождению, еще в X в., по словам арабского географа, сохраняли «Язык, облик и быт тюрков» и только к XVI в. восприняли язык пушту и слились с афганцами. [37]

Афганцы до сих пор сохраняют пережиточные черты родоплеменной организации, для которой характерны: общность территории обитания, кровнородственные связи, органы племенного самоуправления, вооруженное ополчение, нормы обычного права и джирговой демократии, общность языка (диалекта), племенное самосознание и т. д. Племенная структура пуштунов, в основу которой положен принцип мифического или действительного родства по отцовской линии, включает в себя несколько ярусов: всю этнообщность пуштунов (кауи), союзы (объединения) племен и их ветви, племена (кабила) и их различные подразделения (таифа и др.), роды (хель) и семьи (кор или коранай; в афганской литературе нередко встречается термин «табар», которым могут обозначаться различные уровни внутрплеменных структур от каума до кора). По словам бывшего министра по делам народностей и племен ДРА Сулеймана Лайека, в Афганистане насчитывается, по приблизительным подсчетам, 1744 рода и различных подразделений племен до таифа включительно. [38] Все они имеют свои названия. Что касается племен, то их число только в пограничной с Пакистаном полосе достигает 100. [39] Наиболее крупными племенными объединениями являются дуррани (до 1747 года оно называлось «абдали») и гильзаи.

По установившейся в Афганистане традиции, корни генеалогического дерева дурраниев ведутся от Сарбана, [40] его сына Барака и внуков Садо, Попаль, Алько, Ачака (Ачака), Мухаммада, Нура и др. По их имени названы основные племена (кланы) дуррани.

Основным районом обитания племен дуррани являются юго-западные и западные провинции Афганистана. Их численность ориентировочно составляет более 2 млн. человек. Они разделяются на две главные ветви: зирак (проживают в районе Кандагара) и панджпаи (расселены в районе Гиришка и Шинданда). К первой ветви относятся племя баракзаи и его кланы [41] (часто их также называют племенами) – попальзаи, ачакзаи (ачакзаи), алькозаи, мусазаи, садозаи, мухаммадзаи, а ко второй – нурзаи, ализаи, исхакзаи, маку и хугиани (последние живут в районе Джалалабада и к юго-востоку от него). Указанные пле-

мена делятся, в свою очередь, на более мелкие группы. Так, к примеру, племя нурзаев только на территории небольшого уезда Гулистан (на востоке провинции Фарах) распадается на группы джамалзай, халалзай, хаджазай, хочазай и баризай. По оценке 1985 года, численность каждой из этих групп колебалась от 60 семей (хочазай) до 600 (джамалзай). Вместе с тем следует заметить, что племенная система у дурраниев больше, чем у других пуштунских племен, в частности гильзаев, подверглась разложению и к концу XX в. утратила на некоторых ярусах свои прежние структурные черты.

Основные занятия дуррани – земледелие и кочевое скотоводство. Характерной чертой их перекочевок с зимних на летние пастбища является то, что они осуществляются в основном на небольшие расстояния, в пределах географических районов расселения дурранийских племен. Среди дурраниев весьма престижной считается государственная служба, в том числе и военная. Их представители традиционно, начиная с образования афганского государства в XVIII в., составляют основную часть правящей элиты и госаппарата на всех его уровнях. Так, все афганские монархи от Ахмад-шаха (1747-1773 гг.) до М.Захир-шаха (1933-1973 гг.) принадлежали к дуррани (садозай и мухаммадзай).

Гильзай, согласно легендарной генеалогии, ведут свое начало от Бетаная и входят в группу батани. Они, как и дуррани, подразделяются на две основных ветви: туран (в нее входят племена тохи, хотаки и др.) и буран (племена сулейманхель, алихель, андар, тараки и др.). Их общая численность – свыше 1,5 млн. человек. Самое крупное из гильзайских племен – сулейманхель (приблизительно до 0,5 млн. человек). Оно включает в себя четыре подразделения: кайсархель и исмаилзай (занимают земли к югу и западу от Газни), султанзай (земледельцы: живут в долине Логар и Майдане) и ахмадзай (кочевники). [42] Большая часть гильзаев ведет кочевой образ жизни. Основными районами их обитания (зимовок) являются Газнийское плоскогорье до Калати-Гильзай на западе, провинция Логар, Майдан (к западу от Кабула), Пактия и Джалалабадская долина на востоке. На лето они откочевывают в провинции Бадахшан, Бамиан и Фарьяб, а также в Кухистан и Кухдаман. Занимаются овцеводством, верблюдоводством, кочевой торговлей и земледелием.

Среди пуштунов Афганистана особое место занимают так называемые «пограничные племена», расселенные вдоль афгано-пакистанской границы. Их общая численность определяется в 2,185 млн. человек. [43] Они распадаются на многочисленные, обособленные друг от друга и постоянно враждующие между собой племена. Численность каждого из них колеблется, как правило, от нескольких десятков тысяч до 150 тыс. человек и более. К ним относятся племена сафи, шинвари, моманд (бар-моманд и куз-моманд, т. е. равнинные и горные), чамкани или цамкани, джадран, джаджи или дзадзи, хостваль, мангал, тури, вазирри, вардак и др. Для многих из указанных племен характерно деление на ветви и более мелкие группы. Так, мангалы подразделяются на две ветви – «белые» и «черные», а также вторичные структуры (подплемена) – джани-мангал и муса-мангал. Муса-мангал делится, в свою очередь, на группы хаджури, вардари, миралхель, йаби и т. д. В соответствии с легендарной генеалогией, многие пограничные племена (джадран, мангал, вардак, оракзай, джаджи, африди, хаттак, утманхель и др.) относятся к группе карлани (каррани). [44] Часть пограничных племен живет в Пакистане.

Второй по численности этнической общностью Афганистана являются **таджики** – древнейшее оседлое, земледельческое население страны. В их среде сложилась довольно значительная прослойка национальной торговой и предпринимательской буржуазии, государственных служащих, интеллигенции, ремесленников. Они проживают преимущественно в северных, западных и центральных провинциях и в большинстве городов страны. К примеру, в столице и ее провинции таджики составляют около 48 % всего их населения, в провинциях Парван – 67, Каписа – 51, Бадахшан – 75, Тахар – 45, Баглан – 48, Герат – более 44 %. Таджики не имеют родоплеменной организации, однако сохраняют деление на этнографические (региональные) группы, как-то: гури, дехвари, герати, панджшери, кабули, бадахши, сардехи, яфтали и др. Особую группу составляют припамирские таджики – рушанцы, горанцы, ваханцы, сангличцы, шугнанцы, ишкашимцы, зебакцы, мунджанцы. Они говорят на языках и диалектах, входящих в восточноиранскую группу индоевропейской семьи языков.

Третье место по своей численности среди народов Афганистана занимают **хазарейцы**. В их этногенезе просматривается влияние, по крайней мере, четырех элементов: тюркского, монгольского, таджикского и пуштунского. Влияние последнего особенно заметно во внешнем (европеоидном) облике хазарейцев, проживающих в провинциях Газни и Урузган. Все хазарейцы говорят на языке дари. В их лексиконе, однако, сохраняется небольшое количество (до 10 %) тюркских и монгольских элементов. Как уже отмечалось, они проживают в обширной центральной горной части Афганистана, в частности в провинции Бамиан (более 232 тыс. человек, или 82,8 % всего населения провинции), Газни (303 тыс., 45 %), Урузган (261 тыс., 56,2 %), Вардак (120 тыс., около 40 %), Гор (около 75 тыс., 21%), Кабуле и провинции (209 тыс., около 14 %). [45] Часть хазарейцев живет в других провинциях (Парван, Баглан, Саманган, Балх, Джаузджан, Герат и др.), а также в большей части городов. Они ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием, скотоводством, ремесленными и кустарными промыслами, торговлей. Имеется у них и своя интеллигенция, и экономически состоятельная верхушка. В последние десятилетия тысячи хазарейцев пополнили ряды промышленных и строительных рабочих. В Афганистане это – одна из самых, пожалуй, обездоленных и дискриминируемых этнических групп. Уделом ее представителей является выполнение, как правило, самой тяжелой и непрестижной работы – дворников, водоносов, грузчиков, хлебопексов, лотошников, старьевщиков, кожевников, банщиков, мордешуев (обмывальщиков покойников), чернорабочих, прислуги и т. п. В общественном укладе хазарейцев сохраняются пережитки родоплеменного строя, деление на племена и другие подразделения. Среди них наиболее крупными являются племена джагури, бехсуди, урузгани, дайзанги, дайкунди, пулади, якауланг, шейх-али и др.

Тюркские народы Афганистана, проживающие преимущественно в равнинных, предгорных и горных районах к северу от Гиндукуша, почти повсеместно представляют меньшинство населения. Лишь узбеки в провинции Фарьяб составляют более половины (55,9 %) ее жителей. Основная масса узбеков живет до-

вольно компактными общинами в провинциях Бадахшан (в районе г. Джурм), Тахар, Баглан, Кундуз, Саманган, Балх, Джаузджан и Фарьяб. Почти все они оседлые земледельцы. Туркмены расселены в узкой полосе вдоль границы Афганистана с Туркменией, Узбекистаном и отчасти Таджикистаном. Более чем половина из них составляют мигранты (мохаджеры) и их потомки, бежавшие в Афганистан из Средней Азии в 20-30-х годах в ходе басмаческого движения. Расселение туркмен носит очаговый характер. При этом по данным оценки 1985 года, более 71 % из них (около 240 тыс. человек) населяют северные районы провинций Джаузджан, Балх и Фарьяб. Вторая большая туркменская община (более 57 тыс. человек) сосредоточена в провинции Кундуз. Большинство туркмен – скотоводы (кочевники и полукошачники). Часть их – оседлые земледельцы и искусные ковроткачи. Они, как, впрочем, и часть узбеков, киргизов, афшары и др., продолжают сохранять остатки родоплеменных и региональных структур. Афганские туркмены делятся на племена теке (провинция Герат), салор и сарык (Фарьяб), эрсари (Джаузджан), али-эли. [46]

Родоплеменная организация является характерной и для многих других этнических групп Афганистана – нуристанцев, пашаев, белуджей и др. В целом этническая неоднородность, незакрепленность районов расселения различных народов административно-территориальными границами, существующие исторически сложившиеся острые межнациональные и межплеменные противоречия остаются в стране постоянно действующим дестабилизирующим политическим фактором, приводящим порой к острым, в том числе и вооруженным, конфликтам. Глубокий раскол на этнонациональной почве в Афганистане проходит не только по линии пуштуны-непуштуны, но и между дурраниями и гильзаями, пуштунами Кандагара и Пактии, между отдельными пограничными племенами. Кроме того, пуштуны ревностно оберегают свою независимость, автономный статус и архаичный образ жизни, нередко вступают в конфликты и с центральной властью. Зона пуштунских племен была и продолжает быть своеобразной пороховой бочкой, готовой взорваться от любой случайной искры. Следует заметить, что центральное правительство во все времена никогда полностью не владело обстановкой в указанной зоне.

ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ, ПРАВЫ, БЫТ [47]

Глубокая приверженность обычаям и традициям, веками установившимся нормам поведения, морали и быта давно стали для народов Афганистана характерной национальной чертой. Обычаи и традиции, вместе с религией, до сих пор во многом определяют менталитет общества, особенно на его низших социальных уровнях, и являются не просто неоспоримым канонем в жизни людей, мерилем оценки их поступков и событий окружающего мира, но и предметом их национальной гордости и достоинства, олицетворением завещанной предками автохтонной культуры и самобытности. Обращение к обычаям и традициям в афганском обществе, прежде всего среди внегородских жителей, – явление повседневное. Их ревностно оберегают от любых нарушений и оскорблений. Говоря словами Ж.Жореса, для народов Афганистана «сохранение традиций – это не сохранение пепла, а поддержание огня».

Своеобразный уклад жизни народов Афганистана, их духовные, нравственно-этнические ценности уходят своими корнями к обычному праву (адату) и многим доисламским верованиям. Впоследствии к ним добавились нормы и установления ислама. Однако в условиях многонационального Афганистана, где каждый этнос имеет свою историю, уровень социально-экономического развития и свои культурные традиции, нельзя говорить о какой-либо одинаковости их образа жизни и духовных ценностей, в том числе и тех, которые непосредственно связаны с адатом. Для одних, детрибализированных этносов обычаи и традиции и их соблюдение утратили свое изначальное значение и носят скорее ритуальный характер, для других же, сохраняющих родоплеменную организацию и традиционную систему отношений, они продолжают оставаться постоянно действующим сводом поведенческих, духовно-нравственных и правовых норм. В связи с этим, не имея возможности изложить специфические особенности и черты жизни и быта различных народов Афганистана, автор ограничивается рассмотрением в основном обычаев и традиций пуштунов (афганцев), [48] соблюдаемых не только в обширном регионе их расселения, но и за его пределами некоторыми другими народами.

Совокупность обычаев, нравов, традиций и нравственно-этнических норм и принципов афганцевшла свое воплощение в **пуштунвали (пуштунв́алай)**. Пуштунвали (в переводе с пушту – «образ жизни пуштунов») – это неписанный кодекс чести и достоинства афганцев, основы их психологии и самосознания. Его основными принципами являются:

- чувство собственного достоинства и национальная гордость (гайра́т);
- честь, репутация, доброе имя (нанг-о-наму́с);
- набожность, добросовестность и порядочность (имандарí);
- упорство и целеустремленность (саба́т и истикама́т);
- равенство (мусавáт);
- компенсация (бада́л).

Пуштунвали предписывают афганцу самоотверженно защищать свою родину, предоставлять убежище и защиту всем, независимо от их веры и социального статуса, оказывать гостеприимство каждому, даже своему смертельному врагу, обеспечивать помощь, защиту и покровительство своим сородичам и соплеменникам в экстремальных ситуациях, почитать старших, отвечать добром на добро и злом на зло. В нем отражены формы и способы внутреннего самоуправления на всех уровнях племенных структур, морально-этические нормы и правила поведения, семейно-бытовые отношения, обряды, связанные с браком, рождением ребенка, смертью и т. д. Многие обычаи, зафиксированные в пуштунвали, приобрели характер социально-правовых норм.

Пуштунвали – предмет особой национальной гордости, а также и священная обязанность афганцев. Каждый из них должен уважать и беспрекословно выполнять все его принципы и требования, рискуя в противном случае навлечь на себя и членов своей семьи позор бесчестья, а иногда и изгнание из деревни, сожжение или разграбление дома или отлучение от церкви. Святость обычаев и обязательность их выполнения выражена в афганской пословице: «Оставь родину, но не оставь обычаи».

Нормы и установления пуштували носят всеобъемлющий характер. Как заметил бывший министр по делам народностей и племен Афганистана С.Лайек, «не найдется ни одного случая в жизни племен, для которого не имелось бы соответствующей правовой нормы». [49] Право толковать пуштували и определять его применение в каждом конкретном случае принадлежит племенным авторитетам-знатокам норм обычного права (на пушту они называются «джиргамар», «нархай», «нархгозар»). В их роли выступают умудренные жизненным опытом и наделенные организаторскими способностями старцы («белобородые» – «ришсафидан»). Они выступают на джиргах в качестве своеобразных племенных судей, воплощающих в себе и судебную, и законодательную власти.

Джирга – важнейший элемент социально-политической организации пуштунов, орган их племенного самоуправления и правосудия, создаваемый по мере необходимости для решения какого-либо важного вопроса. Она не является официальным государственным органом. Джирга (букв. – «круг», «сходка») в соответствии с решаемыми задачами имеет два уровня: сабха-джирга и самти-джирга. Сабха-джирга занимается обсуждением и решением внутренних проблем, касающихся одного селения или рода, например, примирительным разбирательством спор, улаживанием конфликтов по вопросам распределения воды и земли или пользования общинными угодьями, наказания нарушителей обычаев и принятых соглашений и т. п. Заседания джирги проходят гласно, с участием всех желающих, включая и женщин. Что касается самти-джирги, то она призвана решать задачи внешнего порядка, затрагивающие отношения и связи рода и племени с соседями или центральными властями. В такой джирге участвуют только племенные и родовые старейшины и влиятельные представители духовенства. [50] По сути дела, самти-джирга – это совет авторитетов, действующих от имени и в интересах своего рода или племени. В любом случае джирга – орган временный, прекращающий свое функционирование после того, как ей удастся или же не удастся решить поставленный вопрос.

Одна из важных функций племенной джирги – разбор уголовных дел. Хотя в соответствии с предписаниями шариата и светского законодательства Афганистана, вопросы об убийстве относятся к компетенции государственных судебных органов, в зоне племен подобные дела решаются в основном на джирге в составе двух (или другого четного числа) джиргамаров, являющихся поверенными заинтересованных сторон (истца и ответчика).

Местом проведения джирги служат михманхана (гостевой дом), мечеть или площадь деревни. Согласно традиции, на джирге не предусматривается какого-либо выборного или назначаемого председателя. Она открывается чтением нескольких аятов из Корана. Затем один из авторитетных членов джирги после произнесения традиционной мусульманской формулы «бисмилла ор-рахман ор-рахим» («во имя Аллаха милостивого и милосердного») излагает суть рассматриваемого вопроса. При этом он (впрочем, как и все выступающие) в подкрепление своих доводов обязательно приводит древние пословицы и поговорки, ссылки на Коран и хадисы, разного рода исторические прецеденты, что у афганцев считается мерилом мудрости и убедительным доказательством сказанного.

На заседании джирги каждый из присутствующих пользуется полной свободой высказывать свое мнение. Однако категорически запрещается говорить в непристойной форме, употреблять грубые слова и ругательства, оскорблять кого-либо словом и действием. Если это случается, члены джирги выносят порицание нарушителю правил приличия, что в глазах афганцев считается большим позором, или даже налагают штраф. Заседание джирги продолжается обычно в течение одного или нескольких дней, а иногда и недель, до тех пор, пока не будет найдено приемлемое, справедливое и удовлетворяющее всех, единодушное решение. У пуштунов не принято голосовать поднятием рук. Решение принимается, когда против него со стороны присутствующих не поступает возражений. Принцип консенсуса – основа в деятельности джирги, важнейший элемент джирговой демократии.

Решение джирги объявляется от имени всех ее членов в присутствии истца и ответчика и их сородичей (соплеменников) и является окончательным и обязательным для всех. Никто не имеет права уклониться от его выполнения. Неподчинение воле джирги влечет за собой наказание штрафом («нага»), взимаемым натурой в виде барана, коровы и т. п. Иногда в особо тяжелых случаях неповиновения по решению джирги дом нарушителя предается сожжению, а сам он изгоняется из деревни. В честь успешного завершения работы джирги режут барана или другое животное и устраивают пышный обед. Расходы на него несут обе спорившие стороны.

С возникновением афганского государства межплеменная джирга стала элементом государственного строя (надпарламентским органом) и получила название Лоя джирги («Большой джирги»). Согласно конституции 1987 года, в ее состав входили: члены парламента, правительства, Верховного суда, Конституционного совета и исполкома Национального фронта страны, генеральный прокурор и его заместители, по 10 человек, избранных от каждой провинции, губернаторы провинций и мэр Кабула, до 50 человек из числа видных политических, общественных, научных и духовных деятелей, назначаемых президентом Афганистана по представлению секретариата Национального фронта. К компетенции Лоя джирги, по указанной конституции, относились: принятие конституции и внесение в нее поправок; избрание и принятие отставки президента Афганистана; согласие на объявление войны и перемирия; принятие решений по наиболее важным вопросам, связанным с национальной судьбой страны. [51]

В структуре пуштуновской племенной организации важная роль принадлежит **хану** (вождю) племени и рода. Этот пост занимают представители экономически состоятельной племенной знати как на основе выборности (самовыдвижения), так и по наследственному праву. В его обязанности входят обеспечение мира и безопасности в зоне расселения племени, защита материальных интересов и чести соплеменников, выполнение посреднических функций в решении внутрплеменных споров, командование племенным ополчением, осуществление сношений с другими племенами и государством и т. п. Хан принимает активное участие в деятельности джирги. [52] Несмотря на его большую власть и влияние среди соплеменников, хан у пуштунов является, однако, не всевластным автократом, а скорее общественно признанным лидером

и полпредом, ограниченным в своих правах и действиях нормами джирговой демократии. Его зависимость от джирги усилилась в годы гражданской войны 70-90-х годов XX в., когда решения многих социально-экономических, политических и военных проблем потребовали коллективного разума и коллективной ответственности. В этих условиях во многих пуштунских племенах власть хана стала все больше растворяться в совете старейшин и сливаться с последним.

У многих других этносов Афганистана, сохраняющих племенную систему, роль джирги (совета авторитетов) принижена по сравнению с ролью хана (старейшины) рода – племени. У нуристанцев, к примеру, исключительно широкими полномочиями и независимостью в своих действиях пользуется джаст – старейшина общины. Чтобы стать им, необходимо устроить для соплеменников «великое пиршество» («мальбар»), что, естественно, по карману только состоятельным людям. Лицо, получившее титул джаста, наделяется правом сидеть на особом рода табурете (поэтому мальбар иногда называют «пиром табурета»), получать на всех пиршествах при дележке мяса большую и лучшую долю, выступать во время танцев в первом ряду вместе с другими знатными людьми, но, главное, решать все внутренние проблемы членов общины и осуществлять ее внешние связи.

Еще одним элементом социально-политической организации пуштунов является **племенное ополчение** (лашкар, мелиша, ковваи кауми). [53] Оно создается и функционирует в каждом отдельном племени, хотя при определенных обстоятельствах может включать в себя и представителей различных племен. Данные о численности пуштунского ополчения в Афганистане никогда не публиковались. Однако, по приблизительным оценкам, только крупные племена в полосе к югу от линии Джалалабад – Газни – Кандагар могут в целом выставить не менее 350-400 тыс. вооруженных ополченцев, причем более 200 тыс. из них в районах Хоста, Гардеза и к югу от Газни.

Племенное ополчение используется в качестве традиционного инструмента насилия в системе неспокойных межплеменных отношений, для охраны и обороны зоны расселения племени и его угодий от посягательств со стороны соседей, а также как сила для противодействия попыткам центральных властей ограничить «племенную вольницу». Кроме того, ополчения племен всегда были важным элементом в военной политике прежних монархического и даудовского режимов. Рассматривая вопросы обороны страны и обеспечения безопасности южных и восточных границ, они неизменно делали большую ставку на военную организацию племен. Последней отводилась роль вооруженного резерва для пополнения рядов армии в случае военной опасности, а также партизанской армии, готовой в любую минуту действовать в тылу противника при его вклинении в пограничные районы страны. В мирное время на ополчение племен возлагалась задача охраны государственной границы, особенно ее восточного и южного участков.

Пуштунские племена, особенно кочевые и полукочевые, всегда имели и продолжают иметь большое количество огнестрельного оружия, включая винтовки, автоматы, пулеметы, и даже артиллерию. Ополченцы – прекрасные и храбрые воины. Они обладают такими боевыми качествами, как большой физической выносливостью и неприхотливостью в быту, умением владеть холодным и стрелковым оружием, способностью стремительно передвигаться по горно-лесистой и горно-пустынной местности, дерзко и молниеносно нападать мелкими группами на численно превосходящего противника и так же быстро исчезать с поля боя после выполнения задачи.

Необходимо подчеркнуть, что афганская королевская армия вплоть до начала 60-х годов во многом по своим боевым возможностям уступала военной организации племен. Только в последующие десятилетия, когда в Афганистане была создана современная, хорошо вооруженная армия, центральное правительство получило в свои руки силу, способную противостоять воинственному племенному ополчению. Однако при новом соотношении сил племенные лашкары продолжали представлять серьезную силу во внутриафганских делах, с которой нельзя было не считаться. Это со всей очевидностью показал межплеменной конфликт 1968-1969 гг. в Пактии, когда афганская армия, несмотря на военно-техническое и численное превосходство, длительное время не могла овладеть положением и восстановить мир в данном районе. Это же подтвердили трагические перипетии последней гражданской войны в Афганистане.

Чтобы сделать пуштунские племена лояльными центральной власти и обеспечить спокойствие и мир в зоне их расселения, монархический режим в 60-х годах предпринял ряд административных, военно-организационных, экономических и политических мер. С этой целью в Пактийской, Нангархарской и Кандагарской провинциях была усилена военная форма правления: здесь военная и гражданская власть была сосредоточена в руках генерал-губернаторов и подчиненной им военной администрации. Влиятельные представители племенной знати стали широко привлекаться на государственную службу, как правило, вне пределов расселения племен. Правящим кругам страны удалось внедрить в ополчение армейскую организационную структуру – деление на отделения, взводы, роты и батальоны, а также и новые, армейские звания при сохранении старых. Некоторые из командиров племенных формирований продолжали носить почетные офицерские и генеральские звания («эзази»), полученные ими в прежние годы за заслуги перед монархией: генеральские – наиб салар (помощник командующего), джарнайл (генерал), бригад (бригадный генерал); и офицерские – карнайл (полковник) и кифтан (капитан). Новые воинские звания, введенные в 60-х годах по указу короля Захир-шаха, были идентичны армейским. Лица, удостоенные таких званий, зачислялись в кадры вооруженных сил страны и получали довольствие, привилегии и льготы, предусмотренные законодательством для офицерского корпуса. Небольшая сумма денег ежегодно выплачивалась из казны и каждому рядовому ополченцу. Впрочем, попытки купить лояльность племен и сделать их если не союзником, то хотя бы не противником упорно предпринимались всеми последующими афганскими режимами.

Пуштунские племена традиционно пользуются многими другими привилегиями. В частности, они при всех режимах не платили государственные налоги, были освобождены от службы в регулярной армии, сохраняли независимость в вопросах внутреннего самоуправления и т. п.

Как уже отмечалось, регулятором многих сторон жизни, поведения и поступков афганцев является

пуштунвали. Одним из его стержневых обычаев считается обычай «бадал» (компенсация, месть). В нем нашла яркое отражение отличительная черта характера афганцев – нетерпимость к обиде, оскорблению и унижению. Данный обычай предписывает им любой ценой отомстить обидчику и «компенсировать» ущерб, нанесенный их собственности или чести. Афганцы особенно дорожат последней. В этом отношении показательна следующая их поговорка: «Лучше лишиться головы и богатства, чем чести». Основной обычай «бадал» является принцип талиона. Как отмечал афганский профессор Мухаммад Али, «он (афганец – М. С.) не прощает и не забывает обиды. Более того, он предпочитает иметь око за око, зуб за зуб и кровь за кровь». [54] В Афганистане на этой почве продолжают иметь место межплеменные трения, вражда, кровная месть, а иногда и вооруженные столкновения, охватывающие целые районы страны. Подчас небольшая ссора, поводом для которой может послужить, к примеру, недоразумение из-за участка земли или нарушение установленной очередности при поливе полей и т. п., превращается в кровавое побоище с применением кинжалов и ружей и стоит кому-то жизни.

Кровная месть (хунхахи) в пуштунских племенах носит сугубо избирательный характер. В частности, если к убийству причастен соплеменник, то на него, как правило, не распространяется обязательная «плата крови». Однако, если убийца принадлежит к другому племени, то пострадавшее племя считает себя физически и морально униженным и оскорбленным и на основе принципа талиона стремится восстановить свою честь и достоинство. При этом месть нередко направляется не только на убийцу, но и на любого, первого попавшегося под руку представителя племени-обидчика. [55]

Время в вопросе исполнения мести не имеет для афганца большого значения. По данному поводу они говорят, что «если пуштун осуществит свою месть и через сто лет, то и в этом случае он считает, что проявил поспешность». [56] Он жаждет отмщения до тех пор, пока есть силы и возможности для этого. Если отец семейства умирает, не удовлетворив свою месть, то он обязательно завещает ее своим детям. Поэтому кровная месть часто становится тяжелым наследством, а вражда передается из поколения в поколение как самая святая обязанность и долг (на пушту – «пор»), возложенный и завещанный предками.

У некоторых афганских племен, особенно на юге, западе, юго-западе и востоке страны, принято на основе обычая «бадал» с целью прекращения кровопролития и кровной мести отдавать родственникам убитого одну или несколько девушек-невест (или девочек-подростков). Такая компенсация за убийство носит название «платы за мир».

Обычай «бадал» имеет и другую сферу применения. Он требует от всех на добро отвечать добром. Исходя из этого, афганцы считают поведение человека презренным и низким, если он не платит взаимностью за оказанную ему услугу, помощь, угощение и т. д. К примеру, приглашение в гости обязательно должно быть «компенсировано» тем же. Это правило, как и месть, стало среди афганцев своеобразной традицией и обязательной нормой поведения.

Правовые нормы, связанные с компенсацией за убийство, ранение, увечье, оскорбление и т. д., подробно разработаны в своде обычного права исахелей (ветвь ахмадзаев). Им, наряду со своими нормами обычного права, пользуются и другие афганские племена.

По обычному праву ахмадзаев [57] за убийство взыскивается «цена крови» («хун»), составляющая 3500 кабульских рупий. [58] Если же родственникам убитого отдают девушку-невесту («гветлака»), [59] то она приравнивается к 2/3 хуна, а девочка-подросток – к 1/3 его. Оставшаяся доля возмещается наличными деньгами. Следует подчеркнуть, что родственники убийцы с целью сохранения мира всегда стремятся «породниться» с пострадавшей стороной, но не прибегать к денежной компенсации, так как, по укоренившемуся в сознании афганцев представлению, «любая сумма денег, какой бы большой она ни была, не может удержать афганцев от кровной мести». [60]

Если же человек, получив возмещение за убийство, тем не менее прибегает к кровной мести, то он обязан возратить полученный хун и дополнительно выплатить большую сумму денег в виде штрафа, который назначает джирга за нарушение обычая «бадал». При новом повторении убийства джирга отказывается от посредничества по умиротворению враждующих сторон. В этом случае конфликт решается путем применения кровной мести.

Если джирга примет решение о применении смертной казни к убийце и если последний при похоронах возьмет на плечо одну из сторон деревянной кровати, на которой переносят покойника, а перед погребением ляжет в его могилу, то ему сохраняется жизнь. Однако, независимо от этого, он не освобождается от компенсации за убийство в размере полного хуна.

При соучастии в убийстве с преступников взыскивается один хун и дополнительно 500 рупий золотом в виде штрафа.

Если кто-либо намеренно выстрелит в чьего-либо гостя и ранит его, то он платит сумму за ранение в двукратном размере, а если убьет его, – двойной хун и штраф за бесчестье дому.

Если кто-либо из чувства мести по ошибке вместо хозяина дома убьет гостя, то в этом случае хозяин дома освобождается от уплаты хуна, который он был должен, а убийца выплачивает родственникам погибшего в виде компенсации 500 кабульских рупий.

В соответствии с установившейся традицией, приговор о смертной казни, вынесенный джиргой, приводится в исполнение родственниками убитого. Им же принадлежит право выбирать форму казни.

Размеры компенсации за нанесенные увечья дифференцируются в зависимости от того, куда нанесен удар: в открытую или закрытую часть тела. Компенсации за увечья, нанесенные в открытую часть тела, могут быть следующими:

- если выбьют один глаз, компенсация равна половине хуна, если оба глаза – полному хуну;
- если отрежут нос или ухо, компенсация равняется половине хуна, если оба уха, язык или губу (одну или две) – полному хуну;
- за один выбитый зуб взыскивается примерно 1/10 часть хуна, а за шестнадцать передних зубов – полный хун.

- За увечья, нанесенные в закрытую часть тела, устанавливается следующая компенсация:
- если человек лишится ноги до щиколотки, компенсация равна половине хуна, а обеих ног до щиколотки – хуну;
- за потерю руки до запястья с виновника взыскивается половина хуна, а обеих рук до запястья – полный хун;
- если потеряна нога до колена и выше или рука до локтя и выше, то компенсация за каждую из них равна одному хуну. Компенсация за полную потерю обеих рук и ног составляет, таким образом, четыре хуна;
- если отрежут четыре пальца (кроме большого) на одной руке, то взыскивается полный хун, а на обеих руках – два хуна;
- при потере большого пальца с виновника взыскивается полный хун, поскольку, как указывается в своде обычного права ахмадзаев, «рука без большого пальца непригодна для труда»; [61]
- если же человек в результате полученных ранений умирает, то с виновника взыскивается хун.

Если же убитый, кроме того, подвергнется глумлению и надругательству и у него будет недоставать каких-либо членов тела (руки, ноги, пальцев и т. д.), то в этом случае с виновника берется штраф за бесчестье «шарм» (букв. – стыд, позор, срам), а сумма компенсации увеличивается на один-три хуна.

Суммы за ранения определяются в зависимости от тяжести и от того, каким оружием они нанесены. Ранение ножом в спину не компенсируется, так как такое ранение считается позорным для пострадавшего. В случае ранения кинжалом с виновника взыскивается определенная, устанавливаемая джиргой плата, независимо от тяжести ранения. Если же ранение нанесено перочинным ножом или топором, то размер платы определяется в зависимости от величины раны. Максимальная сумма компенсации устанавливается в том случае, когда рана равна ширине ладони и больше. При ударе камнем минимальная компенсация назначается при кровоточащей ране, а максимальная – в случае кровоподтека. При ранении огнестрельным оружием, если при этом кость не будет повреждена, выплачивается определенная компенсация по решению джирги, а если повреждена – в размере половины хуна. Если кого-либо ударят палкой и при этом он не будет ранен, то виновник платит пострадавшему соответствующую сумму и, кроме того, получает от последнего ответный удар палкой («долг»). Если в пылу борьбы кто-либо нечаянно вырвет у другого лица усы или бороду, то он платит пострадавшему определенную сумму, а если же он сделает это намеренно, то с него данная сумма взыскивается в пятикратном размере. Если ранен или убит старейшина или почетное лицо, то величина компенсации повышается.

Во всех случаях, связанных с выплатой компенсации, обязательно проводится обряд «нынавати». С этой целью несколько убеленных сединами старцев – уполномоченных виновного, держа в руках Коран, идут к дому пострадавшего, преподносят ему барана и умоляют простить виновного. Если же компенсируется убийство, то вместо старцев посылаются две-четыре женщины из семьи убийцы, что в глазах афганцев считается исключительно унижительным для преступника и его родственников.

Афганцы крайне щепетильны в вопросах оскорбления чести женщины. В соответствии с принципом «нанг-о-намус», честь жены рассматривается и как честь и достоинство самого мужа. В обычном праве афганцев предусмотрены различные меры наказания за супружескую неверность, за оскорбление чести и достоинства женщины и нарушение принятых семейных устоев. Так, за увоз чужой жены с виновного (если он не будет убит, так как за такое деяние афганцы предпочитают наказывать смертью) взыскивается хун в семикратном размере.

В случае измены жены муж, руководствуясь афганским кодексом чести, убивает обоих виновных. При этом, если факт измены будет доказан, он не несет никакой ответственности за совершенное убийство. Если при обнаружении факта супружеской неверности один из виновников будет убит законным мужем, а другой скроется и муж в течение года (для мужчины – в течение двух лет) не сумеет убить его, то он (муж) обязан выплатить родственникам убитого (убитой) один хун в виде компенсации «за недоказанное убийство».

Если жена, будучи уличенной в неверности, убежит от мужа к своим родственникам, которые встанут на ее защиту и откажутся выдать ее мужу, то по афганским обычаям они рассматриваются как преступники и к ним может быть применено наказание убийством. В случае если жена укроется в другом доме (родственников, знакомых, друзей или даже незнакомых лиц), то хозяин его имеет право давать ей убежище только в течение двух лет и при условии наличия у нее защитника, который бы взял на себя всю ответственность за ее побег. При отсутствии такого защитника или в случае укрывательства свыше двух лет, а также при отказе хозяина дома от переговоров со старейшинами племени по этому вопросу, собираются соплеменники и подвергают этот дом сожжению и разграблению.

Если жена войдет в чей-либо дом и останется там, то этот случай также рассматривается как увоз чужой жены и карается убийством хозяина дома или взысканием с него хуна в семикратном размере.

За изнасилование виновному отрезают ухо или нос или же публично раздевают догола. Если же при этом он умрет, то с убийцы (истца) взыскивается половина хуна и еще половина хуна в виде штрафа.

Различные виды наказания предусматриваются за умыкание невест и девушек. Так, за насильственный увоз невесты жених обязан отдать семье тестя девочку-подростка. Если же похищение невесты было осуществлено с ее согласия, то в этом случае ограничиваются лишь извинением перед тестем. За насильственный увоз девушки с виновного взыскивается хун в качестве платы за сохранение ему жизни и половина хуна в виде штрафа за позор и бесчестье девушки. Если же девушка согласна выйти замуж за похитителя, собирается джирга, которая назначает двойной калым.

Афганские обычаи не рекомендуют вдове выходить замуж второй раз, если у нее имеется хотя бы один ребенок. В случае бездетности или по другой причине она может стать женой только одного из близких родственников своего прежнего мужа: брата, двоюродного брата и т. д. Однако если таковых не окажется, то для нее находят мужа в своем же племени. Афганская традиция запрещает вдове выходить за-

муж за иноплеменников. Если это и случается, то новый муж в соответствии с национальными обычаями обязан «отдать долг» родственникам ее первого мужа в виде девушки-невесты (в некоторых племенах обычай предписывает отдать замужнюю женщину).

Обычай «бадал» предусматривает также компенсацию за ущерб, нанесенный собственности и имуществу. Так, за поджог чужого дома с виновного взыскивается стоимость сгоревшего имущества и штраф за бесчестье, причиненное дому. Взимается определенная плата и за разрушение стены и дверей дома. За поджог шатра кочевника виновник должен уплатить его владельцу стоимость сгоревшего имущества и дополнительно определенную сумму штрафа, а также принести ему свои извинения. Такая же кара предусматривается и за хищение имущества из шатра кочевника.

За потраву посевов берут их цену в четырехкратном размере. За угон мелкого и крупного рогатого скота взыскивается его цена в девятикратном размере. В таком же размере карается хищение домашней птицы и охота на нее с ружьем. Если чья-либо собака задушит курицу, гуся, индюшку и т. п., то с ее хозяина взыскивается цена птицы в двукратном размере. Если кто-либо по ошибке убьет собаку, то он обязан отдать ее хозяину барана и уплатить определенную сумму в виде штрафа. За преднамеренное убийство собаки с виновного берется хун или же по отношению к нему применяется кровная месть. За отрезание корове хвоста взыскивается штраф. Еще более значителен штраф с того, кто отрежет хвост ослу.

Если кто-либо пустит воду на свой участок вне очереди и при этом не произойдет драки, то он платит штраф. В случае драки с него, кроме того, взыскивается определенная плата за нанесенные ранения и увечья (если таковые будут). Если же в данной драке получит ранение сам нарушитель очередности полива, то ему не платят никакой компенсации, а лишь выражают извинение. За ранение, нанесенное владельцу очереди на полив, виновник обязан уплатить 85 кабульских рупий.

Обычай «бадал» устанавливает различные меры наказания за нарушение этических норм. Так, за оскорбление словом кого-либо из почтенных и уважаемых людей в ходе работы джирги берется штраф в размере 80 кабульских рупий, а за оскорбление действием – 180. Если кто-либо схватит другого за бороду, то с него взыскивается 90 кабульских рупий. Если кто-либо в драке вырвет у другого ружье, кинжал или другое оружие, то он обязан возратить их владельцу и, кроме того, принести ему извинение, отдать барана и уплатить 110 кабульских рупий в виде штрафа.

При похищении какого-либо имущества у гостя с виновного взыскивается его стоимость в двукратном размере. Если же украденное имущество будет возвращено, то в этом случае хозяину дома уплачивается его стоимость и 85 кабульских рупий в виде штрафа за позор и бесчестье дома.

Если кто-либо даст обещание прийти в гости, но, несмотря на это, не придет, он обязан принести свои извинения хозяину дома и заплатить ему в виде компенсации за материальный и моральный ущерб 150 кабульских рупий. Если хозяин дома, пригласив кого-либо в гости, займет деньги на угощение у врага последнего, то гость вправе убить хозяина или потребовать от него возмещения морального ущерба в размере одного хуна. За нарушение обычая проводов («бадрага») с виновного берется баран и 300 кабульских рупий.

В соответствии с обычаем «бадал» подлежат оплате услуги джирги. Каждый ее член, приглашенный для разбора какого-либо дела, имеет право на получение 54 кабульских рупий. Кроме того, с лица, получившего по решению джирги какую-либо компенсацию, взыскивается 50 кабульских рупий, которые затем распределяются между членами джирги в качестве «вознаграждения за труд» или же на них покупается баран и устраивается коллективный обед.

Затянувшиеся долговые споры среди афганцев разрешаются на основе обычая «барамта» (букв. – «захват», «угон»; тюрк. – «баранта»). В случае, когда должник отказывается по каким-либо причинам отдать долг, кредитор, руководствуясь данным обычаем, тайно похищает у него имущество, угоняет скот или захватывает заложника. Затем он сообщает об этом должнику, требуя немедленно возратить долг. До тех пор, пока долг не будет возвращен, похищенное имущество или заложник находятся у кредитора в качестве залога.

Обычаем «барамта» широко пользуются для освобождения арестованных и заключенных соплеменников. С этой целью похищаются государственное имущество или правительственные чиновники, а затем добиваются от властей их обмена на требуемых лиц.

«Барамта» может обретать и форму залога. К примеру, когда члены джирги, беря на рассмотрение какое-нибудь щекотливое дело, бывают не совсем уверены, что их решение удовлетворит обе конфликтующие стороны, то требуют, чтобы последние внесли залог натурой и деньгами, называемый «барамта». Если решение джирги устроит их, то он возвращается им полностью. В противном же случае залоговые деньги и имущество конфискуются и передаются на нужды племени». [62]

Одной из наиболее характерных черт афганцев является их любовь к свободе и независимости. «Афганцы, – подчеркивал в свое время Ф.Энгельс, – храбрый, энергичный и свободолюбивый народ». [63] Как отмечал профессор Мухаммад Али еще в 60-х годах, «афганцы скорее будут безропотно переносить невзгоды и нищету, чем согласятся на иностранное господство, каким бы прогрессивным или многообещающим оно ни было». [64]

Народы этой страны никогда не мирились с иностранным господством и вели упорную и мужественную борьбу за свое национальное освобождение. Свободолюбивый дух афганцев особенно проявился в борьбе против английских колонизаторов в XIX и начале XX в. и стал предметом их особой национальной гордости. Национальные чувства афганцев задело и советское военное присутствие в этой стране в 80-х годах. Не без массивных усилий антикоммунистической пропаганды, поднятой в мире и регионе, оно было воспринято как угроза национальной независимости и государственности Афганистана. Хотя ради истины необходимо подчеркнуть, что многие в стране, в том числе и те, кто совсем не симпатизировал кабульскому режиму, присутствие советских войск убежденно рассматривали как единственную гарантию от кровавой бани, которую готовили народу грызшиеся за власть различные, поддерживаемые извне воо-

руженные оппозиционные группировки. Жизнь на сей счет после вывода советских войск из Афганистана подтвердила самые худшие ожидания.

Как показывает афганская история, народы этой страны перед лицом угрозы иностранного порабощения, несмотря на острые межплеменные разногласия и вражду, находили в себе силы объединиться в единый фронт борьбы и таким образом обеспечить победу над врагом. Этому в известной мере способствовал своеобразный обычай «**тижа-иходел**» (букв. – «класть камень»). Суть его заключается в следующем: если взаимная вражда между племенами ставит под угрозу их независимость, то они по взаимному согласию временно прекращают враждовать («кладут камень мира»), объединяют свои силы против общего врага и совместно ведут борьбу в интересах своей родины и свободы.

Чувство патриотизма и преклонения перед героическим прошлым своего народа – неотъемлемая черта афганцев. Вряд ли можно найти какой-либо уголок страны, где бы не передавались из поколения в поколение многочисленные легенды и предания о мужественной борьбе далеких предков за свою свободу и независимость.

Афганцы исключительно привязаны к своей родине, своему краю и дому. Это проявляется, в частности, в том, что, умирая вдали от родины, они предпочитают быть похороненными на своем семейном кладбище. Если же по каким-либо причинам тело не может быть перевезено в Афганистан в целом виде, то его расчленяют и доставляют в малогабаритном гробу.

Афганцы, горячо любя свою родину, вместе с тем не пытаются, исходя из этого чувства, приукрасить свою действительность и скрыть перед кем-либо теневые стороны своей внутренней жизни. Но в то же время они не любят, когда кто-либо из иностранцев неодобрительно отзывается о их стране и народе и указывает на их отсталость. Парадоксально и то, замечает Мухаммад Али, [65] что они бывают обижены и в том случае, когда иностранец соглашается с их собственной критикой недостатков и пережитков.

Один из наиболее известных афганских обычаев носит название «**нынавати**» или «**нанг**» (в переводе с пушту «нынавати» означает «вхождение в дом», «просьба о прощении, помощи», а «нанг» – «честь», «позор», «стыд»). В соответствии с этим обычаем оказание помощи и предоставление защиты нуждающимся считается обязательным. Руководствуясь им, человек, жизни, собственности или чести которого угрожает опасность, идет к дому или шатру влиятельного лица и отказывается сесть на ковер и воспользоваться гостеприимством до тех пор, пока не будет удовлетворена его просьба. Честь человека, к которому обращаются за помощью и защитой, будет запятнана, если он откажется оказать ее. Еще более значительна просьба женщины, когда она, оказавшись в беде, посылает афганцу свой платок или чадру и умоляет его как брата оказать помощь и содействие ей или членам ее семьи.

Указанный обычай предписывает афганцу любой ценой защищать каждого, кто нашел убежище под его крышей. Поскольку такая помощь и защита ничем не дифференцирована и имеет всеобщий характер, то ею нередко пользовались и продолжают пользоваться разного рода преступники, чтобы спасти свою жизнь и избежать возмездия. Следует заметить, что многие кровавые столкновения между племенами, а также и с правительственными войсками часто бывают вызваны искренним стремлением афганцев соблюсти и точно выполнить именно этот древний обычай.

Обычай «нынавати» используется также для прекращения вражды и вооруженных конфликтов между отдельными людьми, семьями и племенами. Для этого одна из враждующих сторон, чувствуя себя побежденной и видя бессмысленность сопротивления, посылает посредника к другой стороне и просит у нее мира и пощады. В качестве посредника обычно выступает мулла или сеид, в отдельных случаях старики и женщины. Иногда человек, желающий прекращения вражды, идет к противнику сам вместе со своими детьми и женщинами. При этом он надевает на шею веревку и берет в руки Коран и пук соломы, демонстрируя этим свое миролюбие и просьбу прекратить противоборство. По принятому ритуалу «нынавати» у двери дома лица, к которому обращаются с просьбой о пощаде, режут барана, символизировав таким образом принесение жертвы. Лицо, к которому обращаются с подобной просьбой, обязано проявить рыцарское великодушие и без каких-либо условий принять ее. Отказ в данном случае рассматривается как подлый и неблагородный поступок и как грубейшее нарушение обычая «нынавати» и влечет за собой всеобщее презрение соплеменников.

Афганцы высоко ценят в человеке такие качества, как храбрость, мужество, отвага, самоотверженность. Если обратиться к афганской истории, нельзя не заметить, что указанные достоинства требовал и одновременно воспитывал весь прошлый образ жизни афганцев и не в последнюю очередь их «промысел войны». Как известно, в средние века афганцы традиционно принимали участие в грабительских войнах и завоеваниях в качестве наемников у феодальных правителей от султана Махмуда Газневида до Надиршаха Афшара, а затем и в составе войска своих, афганских, монархов. Кроме того, обитая в непосредственной близости от путей индийской сухопутной торговли, они, наряду со скотоводством и кочевой торговлей, испокон веку занимались разбоем на дорогах и ограблением местного оседлого населения. Об этом их неправедном «промысле» писали многие путешественники и историки. Так, еще в начале XI в. Утби, историограф султана Махмуда Газневида, характеризовал афганцев, как живущих «на высочайших скалах и занимающихся грабежами в окрестных ущельях». [66] «Большая часть из них разбойники», – свидетельствовал арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Кабул в 1331 году. [67] Английский путешественник Ричард Стил, побывавший в 1615 году в Кандагаре, дополнил их характеристику. «Эти Кандагарские горы, – сообщил он, – населены свирепым народом по имени агваны или потаны. Они очень крепки телом и несколько белее цветом кожи, чем индийцы, великие грабители, привычные к тому, чтобы вырезать целые караваны». [68] Наблюдения своих предшественников относительно афганцев подтвердил и оказавшийся в конце XVII в. в Персии француз М.Сансон: «Они воинственны, хорошо стреляют из лука, но являются большими разбойниками, не дающими пощады караванам». [69]

Справедливости ради следует сказать, что афганцы в прошлые века, когда насилие было нормой жизни, не только грабили, но и сами являлись объектом грабежей и налетов со стороны других племен и

разбойных шаек. Все это, вместе взятое, предопределило особые требования к личным качествам мужчины-воина, мужчины-защитника родного очага, нашедшие свое выражение в обычае «**тура и мерана**» («тура» – букв.: сабля, меч, перен.: доблесть, отвага; «мерана» – мужество, храбрость, героизм).

Суть данного обычая заключается в следующем. У афганцев издревле было принято оповещать боем барабана о нападении грабителей и злоумышленников. Услышав этот сигнал, каждый мужчина, способный держать оружие, обязан был незамедлительно прийти на помощь и принять участие в отражении нападения, если даже и придется при этом рисковать своей жизнью. В соответствии с обычаем «тура и мерана», лишь такой человек может заслужить репутацию «меранай» (храбрец, смельчак) и «турйалай» (отважный человек). Тот же, кто уклоняется от явки на поле боя, подвергается, по законам пуштунов, наказанию: или получает кличку «бигайрат» (малодушный, трусливый, опозорившийся), или же в вторых и особо тяжелых случаях лишается племенной защиты, изгоняется из племени, а его дом предается сожжению. [70] Надо отметить, что отлучение от племени – величайшее для афганца наказание, так как он осознает себя человеком и личностью только и только внутри племени.

Обычай «тура и мерана» требует, чтобы воин на поле боя смело смотрел в глаза опасности и неворачивался к врагу спиной. Победа или смерть в бою у афганцев одинаково считаются почетными. Исходя из этого, они любят подчеркивать, что для истинного пуштуна неприемлема и нежелательна «смерть под одеялом» и что только та смерть может быть достойна его, которая связана с пролитием крови на поле брани. С этим же обычаем связано категорическое требование к женщинам не выражать отчаяния и горя по поводу гибели близких на войне, если у них есть наследники, «способные держать саблю». Если же нет таких наследников, то с горечью говорят, что «саблю (тура) придется поставить в угол». [71]

В понятие «тура и мерана» входят также и обязательные для исполнения правила поведения на войне. Главные из них: не оставлять убитых и раненых на поле боя и не допускать, чтобы они попадали в руки врага и подвергались глумлению, ибо, по представлению пуштунов, «никакая победа не может компенсировать и оправдать оставление убитых и тем более раненых на территории, занятой противником»; [72] незамедлительно оказывать раненым первую помощь и выносить их из-под огня, а убитых хоронить; расстреливать на месте всякого, кто побегит с поля боя. Оставление поля боя считается величайшим преступлением и позором не только для самого дезертира, но и для его родственников и потомков. Убитого в спину не выносят с поля боя и не хоронят, так как ранение в спину считается признаком трусости. В связи с этим, как гласит афганское предание, невеста, провожая суженого на войну, обычно советует ему: «Лучше приходи домой окровавленным, чем невредимым, но трусом», [73] а получив известие о его гибели, первым делом молит Аллаха, чтобы ее жених не был убит в спину и на него не пала тень подозрения в трусости.

В афганских племенах при чрезвычайных ситуациях и вооруженных столкновениях принято на основе принципа «цалвейшти» («сороковка») избирать от 7 до 40 человек в качестве военачальников (на пушту – «мир»), которые, в свою очередь, из своей среды избирают главного военачальника («стар мир»). Последний по своему усмотрению назначает своих заместителей и сотских («арбакай»). В их функции входят выполнение возложенных задач, поддержание дисциплины и порядка среди подчиненных. Иногда принцип «цалвейшти» используется и в обычной (мирной) обстановке, когда, к примеру, необходимо обеспечить охрану скота, лесных угодий, пастбищ, безопасность ночевок и т. п. [74]

С обычаем «тура и мерана» у афганцев связано и отношение к оружию. Как уже отмечалось, в зоне расселения пуштунов все совершеннолетние мужчины никогда не расстаются с холодным и огнестрельным оружием. Ношение оружия для них не столько необходимость, сколько древняя традиция, столь же обязательная, как, например, и ношение чалмы или длиннополой рубахи. По глубоко укоренившемуся в сознании пуштунов представлению, оружие – это неотъемлемый атрибут внешнего облика мужчины, олицетворение его мужского и национального достоинства. Вот как об этом сказано в одном из популярных афганских четверостиший:

«Уж если ты оружие не любишь,
Ты – не мужчина больше, так и знай.
Совет тебе: подкрась глаза всего лишь,
И жизнь рабыни слабой начинай». [75]

О том же говорит известная пуштунская поговорка: «Для женщины украшение, а для мужчины оружие – не в тягость».

В связи с этим мне вспоминается беседа с одним мудрым, преклонных лет стариком-пуштуном. Встретили мы его, возвращаясь осенью 1961 года из Пактии в Кабул, на безлюдной дороге в ущелье между Хостом и перевалом Сете-Кандау. На плече он нес тяжеленное, богато инкрустированное перламутром и серебром дульнозарядное ружье. В ответ на предложение подвезти его, он охотно согласился сесть в нашу машину. Естественно, наше внимание привлекло его необыкновенное ружье, произведения, видимо, середины прошлого века. В ходе разговора о качествах этого раритета выяснилось, что у нашего собеседника нет к нему (и уже давно) ни одного заряда. Тут один из нас задал недоуменный и, как потом оказалось, весьма бестактный вопрос: «Тогда зачем же оно нужно?» Старик явно был оскорблен. Гордо расправив плечи, он с достоинством и сдержанной вежливостью, присущими, пожалуй, только пожилым людям, ответил: «А разве я не мужчина?!»... Нам, посрамленным незнанием местных обычаев и традиций, пришлось принести гордому пуштуну искренние извинения за невольно нанесенную обиду.

К «тура и мерана» примыкает обычай «**чига**» (букв. – «крик», «вопл»), означающий призыв о помощи в случаях, когда имуществу или жизни кого-либо из односельчан и соплеменников угрожает опасность. Оказание помощи в данной ситуации рассматривается у пуштунов как дело их чести (нанг) и святая обязанность.

Гостеприимство. Афганцы считают себя самыми гостеприимными людьми на земле. Такой вывод,

несмотря на всю свою категоричность и исключительность, однако базируется на довольно-таки убедительных фактах, характерных для жизни всех слоев афганского общества. Каждый афганец, каким бы бедным он ни был, рассматривает гостеприимство как дело своей чести, репутации и национальной гордости. Причем в этом нет ничего показного и неискренного. Все лица, независимо от их социального положения, религии и национальности, могут рассчитывать на его хорошее гостеприимство. Всякий увод гостя от афганца расценивается как самая большая обида и оскорбление. Но и в этом случае его (афганца) негодование направлено не на гостя, а на того, кто «умыкнул» его (!) гостя.

Афганцы относятся к негостеприимным людям как к нарушителям пуштунвали, как к людям, не уважающим национальные традиции. Пожалуй, для них нет большего унижения, чем обвинение в негостеприимстве.

Где бы вы ни были в Афганистане, вас везде встретят доброжелательными словами «Как ваше здоровье?», «Добро пожаловать!», «Да не знаете усталости!» и обязательно предложат выпить чаю. Гостю предоставляют самое лучшее место за столом (или на ковре) и самую лучшую пищу, которую в состоянии обеспечить и приготовить хозяин дома. За обедом он настойчиво угощает гостя то одним, то другим блюдом, заставляя его «оценить по справедливости» предлагаемое. Правила хорошего тона и афганский национальный этикет требуют от гостя, как бы сыт он ни был, отведать угощение и дать ему высокую и восторженную оценку. В таких случаях объективность суждения неуместна.

В честь гостя обычно режут барана или домашнюю птицу и готовят пищу не только для него, но и на большую группу приглашаемых родственников, соседей и старейшин деревни. Хозяину дома доставляет большое удовольствие получать похвалу гостей по поводу обилия разнообразных блюд и его щедрости. Искреннее желание соблюсти традиционное гостеприимство и прослыть хлебосольным не останавливает афганца перед значительными расходами и зачастую становится причиной его больших долгов у местного богача.

Согласно афганским обычаям, всякий незнакомый человек, вошедший в деревню, считается гостем всех ее жителей. Для приема гостей в каждом селении, каким бы маленьким оно ни было, имеется михманхана. В число обязательных предметов михманханы входит большой очаг, несколько деревянных кроватей (чапаркатов), циновка или палас на полу. Когда подходит время ужина или завтрака, каждый житель деревни несет в михманхану пищу, которую он, исходя из своего достатка, может приготовить. На полу расстилается большая скатерть и все принесенное расставляется на ней. Все садятся вокруг и едят вместе с гостем, угощая его тем, что «бог послал». В заключение гостю предлагают черный или зеленый чай.

Жалоба на длительное пребывание гостя не допускается и считается нарушением традиции. Афганцы рассматривают проводы гостя («бадрагй») обязательной традицией, неотъемлемым элементом гостеприимства, делом своей чести и показателем уважения к нему. При этом считается, что чем больше будет провожающих, тем это почетнее для отъезжающего.

Афганцы по натуре исключительно общительные люди. Они резко осуждают тех, кто ведет одинокий, затворнический образ жизни, сторонится людей и не имеет друзей. При случае они любят подчеркнуть, что «лучше иметь полный дом врагов, чем только одного друга».

Семейный уклад. Важной особенностью жизни афганцев является их система объединенной семьи. В соответствии с афганской традицией, женатые сыновья вместе со своими семьями живут под родительской крышей и полностью подчиняются их власти. Такое положение до сих пор характерно не только для деревни, быт, нравы которой всегда отличаются большой консервативностью, но и для большинства населения афганских городов. Главой семьи является, как правило, отец (или дед). Жизнь объединенной семьи напоминает в какой-то мере общину. Каждый ее член, какой бы ни была его профессия, обязан отдавать все свои доходы главе семьи, из чего и складывается общий фонд (семейная касса). Все домохозяйки имеют одинаковые права на пищу и одежду, а также и деньги на мелкие повседневные расходы, если, конечно, глава семьи сообразованно их дает. Расходы на другие цели, связанные с лечением, образованием, женитьбой и т. д., покрываются на счет общего фонда. Такая семейная система имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, она в известной степени гарантирует материальную обеспеченность всех ее членов, поскольку всегда есть кров и надежда на получение средств к жизни за счет взаимопомощи. С другой стороны, эта система с ее уравнительностью культивирует зависимость, лень и иждивенчество среди большей части семьи. [76]

Полной хозяйкой в доме является мать. Ей подчиняются все невестки, внуки и внучки. Личность свекрови (по-афгански – «хошў») на уровне массового сознания в Афганистане воспринимается так же, как и в Европе. Одно это имя, подчеркивают афганские авторы, бросает в дрожь буквально всех молодых женщин, а ее дурное обращение с невестками давно стало притчей во языцех. «Многие афганские девушки, – пишет профессор Мухаммад Али, – заливаются слезами при известии о выдаче замуж не потому, что они отвергают своего мало им знакомого (а иногда и вовсе не знакомого) жениха, а потому, что боятся участи испытать деспотизм и власть свекрови». [77]

Афганцы с большим уважением и почтением относятся к старшим в семье, к убеленным сединами старикам. «Ришсафид» («белобородый») всегда был и остается у них синонимом мудрости и богатого жизненного опыта. Не случайно, когда кто-либо чихает, ему в Афганистане принято говорить: «Пир шавид!» («Да стань старым!»). К советам стариков прислушиваются и поступают в соответствии с их мнением и желанием. Правила хорошего тона предписывают молодым людям молчать, когда старшие разговаривают между собой. Считается признаком наглости и невоспитанности смотреть прямо в глаза старшему по возрасту.

В афганском обществе женщина до сих пор занимает подчиненное, зависимое положение. В последние десятилетия XX в. в Афганистане предпринимались усилия к раскрепощению женщины, освобождению ее от средневековых пут и привлечению к активному участию в общественно-экономической, поли-

тической и культурной жизни страны. Важным рубежом приобщения ее к общественной деятельности стал 1959 год, когда по инициативе правительственных кругов началось движение за снятие чадры. С этого времени тысячи женщин появились в государственных учреждениях, на предприятиях и в сфере обслуживания, ряд из них вошел в правительство и парламент. Портреты женщин начали печататься в газетах и журналах, что до конца 50-х годов считалось совершенно недопустимым. Многие в этом направлении было сделано после революции 1978 года. Однако с приходом к власти моджахедов женщина была снова возвращена в узкий мир семьи, ограниченный жесткими нормами средневековья.

И тем не менее афганские женщины остаются великими труженицами. Они, особенно в сельской местности, вместе с мужчинами участвуют в хозяйственной жизни, выполняют все домашние работы, воспитывают детей. В северном Афганистане самые лучшие и дорогие ковры делаются руками женщин. В некоторых районах они занимаются традиционно мужским трудом. Так, в Нуристане все сельскохозяйственные работы, включая и вспашку полей, выполняются женщинами. Дрова заготавливают также они. Удел мужчин там – животноводство. Они содержат коров и коз, которых сами же доят, и обрабатывают молочные продукты. Иногда сельскохозяйственные работы в порядке взаимопомощи осуществляются совместно и мужчинами, и женщинами.

Людей с Запада, впервые попадающих в Афганистан, неизменно шокирует вид женщины в чадре. Ее ношение в стране, однако, – явление не повсеместное. Оно встречается в основном в городах. В сельской же местности эта норма почти не соблюдается, так как чадра препятствует женщине выполнять сельскохозяйственные и другие работы. Однако и там при встрече с мужчиной она закрывает лицо концом платка и отворачивается.

В соответствии с шариатом в Афганистане мужчине разрешается иметь до четырех жен. Все они теоретически имеют одинаковые права перед мужем, однако в реальной жизни все обстоит далеко не так. В настоящее время многоженство распространено главным образом среди купечества и других состоятельных лиц. Среди интеллигенции и элитарных слоев оно встречается реже и более того осуждается.

Представление о зависимом, униженном положении женщины-мусульманки вряд ли применимо к афганским кочевницам. Они совершенно раскованны, внутренне и внешне свободны и каждым своим шагом и действием демонстрируют не только свое равенство с мужчиной, но даже и определенное превосходство над ними. Яркую характеристику пуштунской женщине-кочевнице дала Лариса Рейснер, побывавшая в Афганистане в 1921-1922 годах. «Нищие кочевницы, – пишет она, – у которых нет ни дома, ни глиняных стен, ни абрикосового сада, уже совершенно свободны от законов, навязанных прекрасной Айше ревнивым Магомедом. Они живут в просаленных, черных шатрах, раскинутых прямо на жгучем песке. Рожают и растят детей в грязи, в дыму очага, на овчине, острый запах которой так ненавистен насекомым. Прекрасные, как боги, свободные, как все парии, они идут, куда их семья ведет голод. Осенью – к границам Индии, весной – на прохладные горные пастбища Афганистана.

...Эти горцы, установившие для себя исключительное бытовое положение, едва ли не единственное на всем мусульманском Востоке, ревниво оберегают свои независимые границы, не только у себя дома, на Гималаях, но и в городах, на базарах, через которые они проходят, играя красивым оружием, похожие скорее на варваров-победителей, чем на бедняков. Их женщины и здесь не одевают чадры, – сильные, надменные матери, бронзовые женны, на которых не смеет взглянуть ни один законник Большого базара, ни один святой – с плотоядным взором и желтой кожей, испорченной пороком, на виду всего народа совершающий свои молитвенные обряды, – без того, чтобы не наткнуться на горячие глаза и серебряные дула горцев».[78]

Свадебные обряды. В силу консерватизма и строгого разделения полов брак в Афганистане организуется родителями. Будущие жених и невеста не принимают никакого участия в переговорах по этому поводу. Исключением из данного правила в последнее время все чаще становятся семьи из образованных кругов, которые придерживаются новых (западных) взглядов по вопросам семьи и брака.

До свадьбы молодая пара видит друг друга редко, разве что случайно. Считается в высшей степени непристойным для молодого человека или девушки проявлять какую-либо инициативу в вопросах женитьбы или замужества. «Благовоспитанный» юноша, как и девушка, обязан безропотно подчиняться родителям в их выборе. Согласие молодых людей на брак носит чисто формальный характер. Если кто-то из них и возражает против намеченного брака, то его путем уговоров или запугиваний в конце концов заставляют подчиниться. Так что свадьба, задуманная родителями, редко расстраивается.

В Афганистане обычный возраст вступления в брак для юношей составляет 18-20 лет, а для девушек – 13-18. Выдача замуж несовершеннолетних в стране встречается довольно часто и повсеместно, особенно в сельской местности. Сватовство начинается с посещения матерью жениха или его тетей родителями невесты. Отец невесты по афганской традиции считается человеком недоступным и непреклонным в вопросах выдачи дочери замуж. Чтобы уговорить его, приглашают профессиональные свахи, в роли которых обычно выступают вдовы. Они с большим мастерством расхваливают красоту и достоинства девушки и юноши. Если соглашение достигнуто, то встречаются отцы семейств или их представители, чтобы обсудить окончательные детали, связанные со свадьбой. Главным и самым трудным вопросом этой встречи является определение размера калыма (по-афгански – «туяанá», «пишкáш» или «варвáл») и приданого невесты («махр»).

Брак в Афганистане до сих пор рассматривается как акт купли-продажи. Случаи, когда выкуп за невесту не берется, очень редки, и это больше относится к жизни городского, чем сельского населения, где браки совершаются строго по старым обычаям. Величина калыма бывает довольно большой и в 60-70-х годах колебалась от 10 до 200 тысяч афгани в зависимости от сословия и районов страны. Подобный выкуп за невесту выплачивается деньгами и натурой (скотом, коврами, зерном, маслом и т. д.) и носит название «платы за молоко матери» («ширбахá») или «дара за воспитание». Но как бы он ни назывался,

фактически жених вынужден покупать невесту. Следует заметить, что в Афганистане широко распространены родственные браки, а также и перекрестные браки (например, брат и сестра одной семьи выдаются за сестру и брата другой семьи). В этом случае калым не берется.

Невесте принято готовить солидное приданое. Оно в какой-то мере компенсирует расходы жениха на свадьбу и уплату калыма. После решения вопроса о калыме и приданом определяется день помолвки («ширини-хори́ или «намзади́»), где гости угощаются щербетом и сладостями и объявляется о состоявшемся принятии предложения о бракосочетании. Иногда помолвка проводится в самом раннем возрасте. Когда ребенок (имеется в виду мальчик) может отличить «правую руку от левой», его знакомят с девочкой-невестой, нарекают женихом и устраивают празднество. Помолвка проводится в доме отца невесты. Она представляет собой предварительные торжества, связанные с предстоящим бракосочетанием. В одних случаях о помолвке составляется письменный документ, в других – устное обещание считается вполне достаточным. После помолвки стороны обязаны придерживаться соглашения и данного ими слова. Лишь в исключительных случаях она может быть расторгнута.

Обычно через два-три месяца после помолвки назначается день свадьбы, которую принято проводить в доме невесты, а в некоторых племенах и в доме жениха. На свадьбу приглашаются родственники и знакомые обеих сторон. Часть расходов на свадебный наряд невесты и ее украшения, а также и на угощение покрывается за счет жениха, о чем стороны договариваются заранее.

Одним из важных моментов свадьбы является рассматривание лица невесты через зеркало (этот обряд носит название «аинамасса́ф»). Данная процедура – одна из самых значительных для жениха, так как подобным образом он иногда впервые видит свою будущую спутницу. То же можно сказать и о невесте. Ритуал «аинамассаф» следующий. Сначала жениха и невесту, одетых в свадебные наряды, усаживают рядом на небольшом возвышении. Лицо невесты закрыто легкой вуалью. Установившиеся хорошие манеры требуют, чтобы молодая пара не рассматривала друг друга прямо или украдкой. Затем перед ними ставится зеркало и они получают возможность увидеть и посмотреть друг на друга.

Далее девушки в праздничных платьях окружают жениха и невесту. Молодая пара читает какой-либо стих из Корана. Затем жених предлагает своей невесте отведать конфеты, а в некоторых племенах – понюхать сухую пахучую травку. Только после этого он получает право поцеловать свою возлюбленную. Вслед за этим женская половина участников свадьбы под аккомпанемент дойры (бубен) начинают петь и плясать, образуя кольцо вокруг молодых. Песни обычно бывают такого содержания:

О, жених – высокий, как сосна,
А невеста – ярких роз букет.
На голове у нее золотистый платок,
Красивая родинка на подбородке.
Или:
Губы мои нежнее тюльпана,
Но ты меня не поцеловал.
А завтра губы мои увянут,
Как цветов лепестки.

На свадьбу готовится богатое угощение. Обязательными блюдами являются плов, жареная домашняя птица, кебабы, шашилыки и др. Употребление спиртных напитков не допускается, хотя в последние десятилетия этот запрет часто, особенно в городах, нарушался.

Поздно вечером приглашается мулла, который в присутствии свидетелей, старейшин и уважаемых людей проводит обряд бракосочетания. Он громко повторяет имена невесты и жениха и трижды задает каждому из молодых в отдельности вопрос, согласны ли они вступить в брак (у ачакзаев и в некоторых других племенах юга и юго-запада страны согласие молодых на брак передается и подтверждается через их уполномоченных, так как по обычаям этих племен присутствие жениха и невесты во время проведения обряда бракосочетания не допускается). Шариат формально требует согласия девушки на брак. Однако ее молчание, смех или слезы в ответ на вопрос, согласна ли она выйти за такого-то замуж, также считается знаком согласия. От несовершеннолетней при выдаче замуж никакого согласия не требуется: в данном случае согласие ее родителей или попечителей является достаточным для оформления брака.

Получив утвердительный ответ от молодых, мулла читает выдержки из Корана, молит бога даровать им долгую жизнь и счастье и объявляет их мужем и женой. О бракосочетании составляется брачное свидетельство («неках-намá») и заверяется печатью и подписями муллы, представителей властей и свидетелей. В этом документе, кроме указания имен молодоженов, также дается подробный перечень приданого невесты и его стоимости.

После обряда бракосочетания невеста увозится в дом жениха. Обычаи требуют, чтобы молодых при их выходе из дома сопровождал кто-либо из старших семьи невесты. Пользуясь данным обстоятельством, он в этот момент куда-либо исчезает и отказывается от вывода молодой пары до тех пор, пока ему не выплатят (или не пообещают выплатить) за исполнение этого обязательного обряда соответствующую сумму денег («баберáй»), представляющую собой не что иное, как прибавку к калыму.

На юге страны и в некоторых других местах невесту принято везти верхом на скакуне светло-серой масти. При этом она сидит сзади жениха, держась за него обеими руками. По пути следования раздаются ружейная стрельба и взрывы самодельных хлопушек. Местные музыканты, неистово бьют в барабаны и бубны, прокладывают дорогу свадебной процессии. В городах и в состоятельных семьях свадебный кортеж обычно состоит из легковых машин, украшенных яркими бумажными или живыми цветами.

Войдя в свой дом, жених ведет невесту к домашнему очагу и предлагает ей попробовать специально по этому случаю приготовленное кушанье (нечто вроде рисового пудинга). С данного символического момента она становится полноправным членом семьи мужа.

Празднество продолжается до глубокой ночи, а иногда и до утра. В Кабуле в состоятельных семьях обязательным элементом свадьбы является прогулка на машинах по городу и его окрестностям («шахр-гаити»), совершаемая перед рассветом и до восхода солнца.

Для жениха и невесты на первую брачную ночь отводят комнату в семье жениха. По древнему обычаю, который, правда, в городах уже мало соблюдается, но имеет широкое распространение в сельской местности, с молодыми находится и помогает им тетка невесты, которую затем называют «тоньгур». На ее обязанности лежит и подтверждение невинности невесты. Когда новобрачные остаются наедине, невеста в шутливой форме требует от жениха «брачное приданое» («ма́хре мааджёл»). Последний в таком же тоне просит ее простить ему его бедность и считать его вечным должником или же, что бывает очень редко, дает ей большую сумму денег, как символ семьи и нерушимости брачных уз.

На третий день после свадьбы отмечается праздник под названием «тахт-джами», который знаменует установление дружбы двух семейств. Кроме того, отмечается тот день и ночь, когда невесту одевают в свадебное платье, украшают ее лицо и красят хной ладони ее рук и подошвы ног. Невесту с большой торжественностью сажают на «трон» («тахт»), вокруг нее собираются родственники и близкие друзья и преподносят ей различные подарки. Данный обычай носит название «рунемай» (т. е. «показ лица невесты»).

Среди афганцев существует поверье, что во время проведения указанных выше церемоний невеста и жених подвержены действию злых духов и дурного глаза. Поэтому, чтобы уберечь их от «всяких неприятностей», проводится целый ряд ритуальных заклинаний и обрядов.

По афганским обычаям, преподнесение женихом подарков невесте до свадьбы по случаю наступления религиозных праздников, а также торжества, посвященные поздравлению жениха после брачной ночи, запрещаются.

Свадебные обряды далеко не одинаковы у различных афганских племен и имеют также свои отличительные особенности в зависимости от районов страны. Так, в Кандагарской провинции свадьбы обычно проводятся в период с 23 сентября по 22 мая (с 1 мизана по 1 джауза по календарю солнечной хиджры) и, как правило, вечером с четверга на пятницу. Здесь по установившейся традиции, в знак подтверждения достигнутого устного соглашения о предстоящем браке от имени жениха невесте посылается несколько (не менее десяти) жаровен с повидлом. Иногда их количество может достигать 50-ти и более штук и они переносятся с помощью двух-пяти носильщиков. На голову каждого из них водружается целая горка жаровен и покрывается сетчатым покрывалом, расшитым бисером и украшенном цветами. Колонна носильщиков во главе с доверенным лицом жениха, привлекая всеобщее внимание, важно шествует к дому невесты. По прибытии к месту назначения носильщики не снимают жаровни с головы до тех пор, пока родственники невесты не преподнесут им соответствующие подарки. Глава семьи невесты принимает дар жениха и угощает им своих соплеменников и родственников, демонстрируя этим вещественное доказательство состоявшегося соглашения о браке, а доверенному лицу жениха дарит шапку или другую ценную вещь.

В это же время от невесты в дом жениха посылается зеленый или красный платок, вышитый по краям и в середине золотистыми нитками и с укрепленным в центре помпоном. Платок с большой торжественностью во главе большой процессии несет малолетний брат жениха или кто-либо из детей его ближайших родственников. При подходе к дому жениха его родственники начинают бить в барабаны, петь песни и танцевать, давая этим знать другим о своем веселье и радости.

Церемония бракосочетания, как и в других племенах, проводится в доме невесты. После выполнения всех формальностей каждому участнику этой церемонии вручаются сладости, завернутые в платок, где обязательно должен быть один кусочек сахара. Затем в дом жениха посылают поднос с засахаренными фруктами весом до четырех килограммов и большую сахарную голову. Там от нее откалывают верхнюю часть и оставляют в доме жениха (впоследствии из этого сахара для молодых готовится сладкий напиток), а оставшуюся часть возвращают в дом невесты и раздают гостям.

В процессе совершения обряда бракосочетания не допускается курение кальяна и сигарет, а также угощение чаем без сахара, ибо, как говорят, «свадьба от начала и до конца не должна быть горькой».

На второй вечер свадьбы празднество переносится в дом жениха, где собираются его самые близкие родственники. Жены братьев жениха знакомят невесту с ее новыми условиям жизни.

Третий вечер свадьбы – ее самая главная часть. В доме жениха собираются родственники и знакомые обеих сторон. После обильной трапезы устраивается встреча с невестой, на которую приглашаются или только женщины, или мужчины, или все вместе. В этот вечер отец невесты с большой торжественностью привозит в дом жениха все ранее обговоренное приданое. Родственники жениха устраивают ему горячую встречу. Торжества сопровождаются боем барабанов, игрой на музыкальных инструментах, песнями и плясками. Таковы некоторые особенности свадебных обрядов в Кандагарской провинции.

В провинции Газни перед тем, как начинать сватовство, устраивают смотрины девушки, которую хотят взять в жены. С этой целью в ее дом посылают одну или двух женщин из семьи жениха. Первым делом они встречаются с девушкой и оценивают ее красоту и здоровье. После этого, выразив уважение и дружбу семье девушки, они возвращаются к себе домой и сообщают свое мнение о невесте главе семьи. Если девушка понравилась, то к ее отцу направляют одного или двух сватов (свах), которые излагают ему предложение и просят дать ответ. Чаще всего глава семьи девушки с ответом не спешит, а обещает сообщить свое решение через некоторое время, подчеркивая этим свою солидность, рассудительность в выборе жениха и гордость за дочь. В случае принятия предложения о браке семья невесты посылает жениху платок с иголкой, который затем укрепляется на дверях его дома. В честь данного события производят несколько выстрелов в воздух, собираются родственники, готовится угощение, поют песни, танцуют и веселятся.

Афганские неписанные законы требуют, чтобы браки совершались только между афганцами. Счита-

ется позорным и недопустимым выдавать своих сестер и дочерей за иностранцев и представителей других племен. В связи с этим в Афганистане довольно редки браки между представителями различных народов и национальностей.

У афганцев принято скрывать чувства любви, так как традиционный пуштунский этикет требует не говорить по вопросам любви ни с кем, даже со своими друзьями и родственниками. Как уже отмечалось, все вопросы, связанные с выбором невесты и жениха решаются преимущественно родителями. Однако бывают и случаи, когда в этих вопросах верх берут решительность и непреклонность влюбленных. В соответствии с обычаем «**жаг-кавыль**» («кричать») девушка может сама обратиться с предложением о браке прямо к тому юноше, которого любит. Подобный шаг с ее стороны рассматривается как проявление исключительной смелости, на который она по традиции имеет полное право. В этом случае юноша, оберегая честь девушки, обязан принять ее предложение, независимо от того, питает он к ней какие-либо чувства или нет.

Такое же право принадлежит и юноше. В случае, если он не добился руки девушки другими средствами, то, поступая согласно обычаю «жаг-кавыль», он идет к ее дому и стреляет в воздух, демонстрируя этим свою любовь и преданность возлюбленной. Затем он обращается к ее отцу прямо или же через старейшину деревни и умоляет его простить ему свою дерзость и отдать в жены дочь. Девушка или ее родители вправе отказать юноше, хотя такой отказ может привести к большим неприятностям и вражде между семьями.

У афганского народа очень много песен о любви, которые популярны среди всех слоев и классов населения страны. Одну из таких песен приводит профессор Мухаммад Али в его книге «Афганцы»:

«Волосы твои усыпаны цветами,
Любуюсь, милая, твоими я глазами.
Ты – милый мой цветок, нарцисс прекрасный мой,
Сокровище бесценное и редкое собой.
Навек душа моя и жизнь моя – с тобой,
Мой горный мак, весенний с утренней росой,
Ты, как звезда, как яркий свет во тьме ночной,
Твой смех, твой нежный говор льются ручейком,
Твой шепот так сродни с вечерним ветерком!
Ты – ветка яблони, цветущая в лучах.
Кто ж расплескал тот лунный свет в своих очах?
О, маленькая бабочка, крылышком взмахни,
Приди ко мне и в сердце пылком отдохни». [79]

Для афганцев свойственны свои представления о женской красоте. Эталоном ее, по словам Мухаммада Али, являются «большие, миндалевидной формы, черные и блестящие, как у молодого оленя, глаза...; круглое, веселое, как полная луна, с ямочками на щеках и подбородке лицо; хорошо развитая, высокая, как гранат, грудь; стройная фигура; мелодичный голос; изящная, как у лебедя, куропатки или голубя, походка; длинная, тонкая, подобно ножке рюмки, шея; короткие и белые, как жемчуг, зубы; высокий, прямой и пропорционально сложенный нос; румяный цвет лица; тонкая талия, небольшой рот; губы цвета рубина; беспокойные, как ртуть, глаза; дугообразные, подобно луку или молодому месяцу, брови; длинные, трепетные ресницы; высокий, как кипарис, стан». [80]

Моральные устои в афганском обществе весьма высоки. Среди народа решительно осуждается употребление спиртных напитков, наркотиков, азартные игры, проституция. Афганцы исключительно ревниво относятся к чести женщины. Они не любят, чтобы кто-либо восхищался красотой и другими достоинствами их жен или дочерей. Исходя из этого, справляясь о здоровье жены, обычно говорят: «Как здоровье матери ваших детей?» Эта формула особенно употребительна среди сельского населения, где обычный в других обществах вопрос «Как здоровье вашей жены?» может быть воспринят, по меньшей мере, как бестактность.

Разводы. Афганцы считают брак традиционно священным. Вместе с тем они допускают и разводы. По мусульманской религии право на развод имеет только муж, который в любое время может развестись с женой, произнеся при этом установленную формулу «развод» (по-персидски – «талáк») или «вон из дома, я в тебе не нуждаюсь». Следует отметить, что разводы встречаются не во всех районах страны. Так, афганцы, проживающие на юге, юго-западе и востоке страны, руководствуясь принципом «нанго-намус», категорически отвергают развод, считая его позорным для мужчины. В связи с этим слово «разведенный» («занталáк») рассматривается ими как большое оскорбление и злобное ругательство. В случаях, когда муж явно уличает жену в супружеской неверности, как уже говорилось выше, он предпочитает убить обоих виновных, чем прибегать к разводу. Такие трагедии в указанных районах случаются не так уж редко. Следует, однако, заметить, что этим обычаем часто пользуются и как ширмой для того, чтобы прикрыть и оправдать преднамеренное убийство.

В других же районах страны, в частности в Кабуле и его окрестностях, на севере и северо-востоке Афганистана, разводы – явление довольно распространенное. Но и здесь женщина практически лишена этого права и полностью зависит от воли и прихоти своего мужа.

В соответствии с законами шариата существуют три вида развода, которые имеют место и в Афганистане:

1. «**Раджаи**» («возвращение»). Суть его заключается в следующем: муж то ли из-за гнева, то ли недостойного поведения жены, или же из-за того, что жена самовольно выходит на улицу без чадры и т. п., отчетливо произносит один раз «развод» или «вон из дома, я в тебе не нуждаюсь». После этого жена обязана покинуть дом мужа, а последний – обеспечить ее пропитанием и одеждой (один комплект) на три месяца. Такой вид развода документально не оформляется и осуществляется без присутствия сви-

детелей. Жена в любое время может снова вернуться к мужу по его требованию или на основе ее просьбы о прощении и согласия мужа. Таким образом, право на восстановление супружеской жизни принадлежит исключительно мужу.

Если же за это время, то есть в течение трех месяцев, муж умрет, то за женой сохраняется право на получение 1/8 части его наследства. Но она теряет это право, если муж умрет после истечения указанного срока.

2. **«Байин».** В данном случае муж заявляет о своем разводе, дважды повторяя слово «развод». После этого супруги считаются разведенными. Если они пожелают снова сойтись, то им придется заново выполнить все официальные формальности бракосочетания. Для этого собираются свидетели и родственники обеих сторон, приглашается мулла, который трижды задает вопрос, согласны ли они вступить в брак, читается Коран и гостям раздаются сладости. Снова оформляется брачное свидетельство, а старое уничтожается.

3. **«Саласá» («три»).** Муж, подчеркивая каждое слово, отдельно и внятно произносит трижды «развод» или же бросает в сторону жены три камешка и говорит один раз «развод». Если слово «развод» было произнесено трижды в течение одного дня, то такое действие также считается «саласа». Затем в присутствии муллы (судьи шариатского суда) оформляется и заверяется документ о разводе. После этого женщина свободна и может выйти замуж за другого, а бывший муж обязан немедленно вернуть ей ее приданое («махр»).

Коран предписывает, что после данного вида развода они могут вступить в брак лишь в том случае, если жена до этого находилась в юридическом и фактическом браке с третьим лицом и получила от него развод («саласа»). [81] Причем после такого вторичного развода женщина должна выдержать определенный срок – «эддат», прежде чем вступить в брак с первым мужем. Если она не беременна от второго брака, то «эддат» составляет 3 месяца (90 дней), а если беременна, то – до разрешения беременности. [82]

При любом виде развода дети остаются с отцом, за исключением грудных, которые до семилетнего возраста живут с матерью. Бывший муж в течение всего этого срока обязан обеспечить ребенку средства на жизнь. По истечении указанного времени судьба ребенка решается в судебном порядке, причем решающее слово в выборе места жительства (у отца или матери) принадлежит ребенку.

В соответствии с канонами мусульманской религии жена может требовать через суд развод лишь в следующих случаях:

- 1) когда она покупает у мужа право на расторжение брака путем уплаты калыма на новую жену;
- 2) если муж не выполняет супружеских обязанностей или допускает половые извращения (в этом случае требуется письменное подтверждение врача);
- 3) если муж более шести месяцев не платил жене содержание.

Родильные и погребальные обряды. В Афганистане из-за нехватки акушерских кадров и родильных домов ребенка обычно принимает повивальная бабка. Рождение мальчика считается в афганской семье радостным событием и поэтому отмечается большим весельем, чего нельзя сказать о рождении девочки. В сельской местности, как только становится известно о рождении мальчика, односельчане и мужчины из окрестных деревень почитают своим долгом схватить ружье и бежать к дому новорожденного. Приблизившись к нему, они несколько раз стреляют в воздух. Вокруг дома собираются местные музыканты, которые с неподражаемым подъемом и темпераментом играют на музыкальных инструментах и бьют в барабаны и бубны, создавая невообразимый шум и гам. Собираются родственники и друзья и приносят свои поздравления семье малыша. В связи с рождением мальчика обязательно готовится угощение.

В соответствии с установившейся традицией, сразу же после рождения ребенка ему на ухо произносят несколько слов призыва к молитве. Имя ему дается на седьмой день после появления на свет. По представлениям афганцев, если дать имя раньше этого времени, то злые духи могут нанести ему большой вред. Имена бывают самые разные в зависимости от района страны, в основном исламские или арабские, а также и национальные имена. К концу имени мальчика прибавляется имя отца, семьи или его прозвище. Девочки получают главным образом имена женской половины семьи пророка или по названию цветов, как то: Насрин (шиповник), Бинавиша (фиалка), Йасамин (жасмин), Сусан (лилия), а также такие, как Шарифа (благородная), Латифа (милая), Заргуна (цветущая), Мاستура (целомудренная) и т. п.

На седьмой день после рождения мальчика режут двух баранов или козлов и угощают бедных. Одновременно раздают милостыню, размер которой в стоимостном выражении определяется в соответствии с количеством серебра или золота, взятым равным весу остриженных волос младенца. Поэтому данный обычай носит название **«саркалй»** («остригание волос»).

Афганцы придают большое значение рождению мальчика и постоянно молят Аллаха, чтобы он даровал им сына. Это связано с тем, что, согласно традиции, продолжателем семейного рода может быть только сын. Отсутствие его воспринимается как немилость бога и плохое предзнаменование. Кроме того, сын – это кормилец родителей в старости, их жизненная опора и защитник. Культ мальчика в афганском обществе во многом связан с мусульманской религией, которая отводит женщине положение зависимого от мужчины, неравноправного существа. В Коране, в частности, по этому поводу говорится: «Мужья стоят выше жен, потому что Бог дал первым преимущество над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают траты на них». [83]

Что касается девочки, то ее рождение не является желанным событием для родителей и не сопровождается таким весельем, какое характерно для мальчика. У афганцев не принято поздравлять родителей с рождением девочки и даже тогда, когда они выдают ее замуж. Поэтому они уделяют больше внимания обучению и воспитанию сыновей, чем дочерей, так как дочь, по их мнению, «является в конечном счете собственностью других». [84]

Ребенок в вопросах ухода и воспитания полностью принадлежит матери. Если обстоятельства позволяют, она кормит грудью примерно до двух лет. Эта норма предписана Кораном, где говорится: «Родительницы грудью кормят детей своих полные два года». [85] Во всех семьях ребенок является объектом большой и нежной любви. Ему часто дается какое-либо ласкательное прозвище. Многие афганцы убежденно считают, что главная забота матери заключается в том, чтобы уберечь свое чадо от «дурного глаза» или «злого духа». Именно поэтому даже в хорошо обеспеченных семьях ребятнишек в раннем возрасте содержат грязными и неряшливыми, так как в таком виде они якобы меньше подвержены воздействию сверхъестественных сил. Всякое восхищение ребенком по поводу его хорошего здоровья и красоты у афганцев считается исключительно опасным для его жизни и поэтому нежелательным.

Согласно бытующему в Афганистане обычаю «чехель-гориз», мать после родов в течение сорока дней никуда не выходит из дому. На сороковой день она вместе с ребенком идет в баню и только после этого может навещать родственников и знакомых (по установившемуся в мусульманских странах обычаю, женщина-мать ходит в баню на 10, 20 и 30-й день после родов). Они же, в свою очередь, по истечении указанного срока преподносят ей подарки по случаю рождения сына и приглашают ее к себе в гости.

Над мальчиками, начиная со дня рождения и примерно до семи-десяти лет, совершается **обряд обрезания** («соннат» или «хатна»). Данный обряд проводится одновременно над двумя (это – обязательное условие) мальчиками для того, чтобы, как объясняют мусульманские богословы, они не испытывали чувства одиночества в мире и чтобы их жизнь была вдвое длиннее. Исходя из этого, если в семье только один мальчик, то обряд «соннат» не совершается до рождения второго сына. Если же в семье долгое время нет второго мальчика, а сроки проходят и, как говорят, «мальчик начинает понимать добро и зло», то его отец ищет мальчика в другой семье и устраивает данный обряд. Его выполняет специально практикующийся на этом парикмахер или врач-хирург дома, а иногда и в больнице. Указанное событие широко и пышно празднуется. Приглашаются гости, готовится угощение, играют музыканты.

В случае смерти афганские обычаи предписывают родственникам и друзьям посетить дом умершего и выразить свое соболезнование. Неизменным ритуалом похорон является оплакивание покойника, которое продолжается до тех пор, пока он находится в доме или во дворе. Активную роль в оплакивании играют женщины и специально приглашаемые для этого профессиональные плакальщицы. Одни из них собираются вокруг покойника и плачут навзрыд, другие читают Коран. Близкие родственники бьют себя по лицу, рвут волосы, катаются по земле, доводя себя до полнейшего изнеможения. Так продолжается несколько часов. За это время, пишет профессор Мухаммад Али, их лица распухают от ударов, глаза наливаются кровью, а всклокоченные и растрепанные волосы дополняют эту картину несчастья и горя. [86] Затем над покойником совершается сложный мусульманский обряд омовения, выполняемый мордецуями. Тело умершего завертывают в саван (кусок белой материи), кладут на чепаркат (деревянную кровать) и закрывают белой простыней. Состоятельные люди хоронят покойников в гробу. На гроб молодого человека кладут цветы и модную одежду.

Отпевание покойника («намáзе джаназá») проводится либо дома, либо в ближайшей мечети, где имеется специально оборудованная для этой цели открытая площадка, либо вблизи кладбища. В Афганистане гроб устанавливается в направлении примерно север-юг. Мулла, совершающий отпевание, становится перед гробом лицом на запад (в сторону Мекки). За ним выстраиваются родственники и друзья умершего.

После завершения обряда отпевания траурная процессия направляется на кладбище, где у каждой семьи есть свое определенное место. Перед опусканием тела в могилу читаются несколько выдержек из Корана, а присутствующие молятся за душу усопшего. В могиле, которая в Афганистане отрывается близким к направлению север-юг, оборудуется ниша с таким расчетом, чтобы в ней можно было положить покойника на правый бок лицом к Мекке (на запад). Глубина могилы обычно бывает до двух метров. По канонам мусульманской религии могила женщины должна быть глубже, так как она «недостойна лежать на одном уровне с мужчиной». На могиле устанавливаются плоские камни: вдоль – на могиле мужчины, а поперек – на могиле женщины. После окончания обряда похорон раздается милостыня нищим, которые обычно в большом количестве собираются на кладбище.

У мусульман принято хоронить умерших в день смерти, от восхода и до захода солнца. Если же это по какой-либо причине оказывается невозможным, то похороны проводятся на следующий день с утра. На время похорон приглашается мулла, который за определенную плату исполняет молитву и удостоверяет биографические данные умершего и то, что он был правоверным мусульманином. Мулла уходит с кладбища последним. Это объясняется следующим. По мусульманской религии сразу же после погребения в могиле происходит допрос умершего ангелами Мункаром и Накиром. Чтобы подсказать ему правильные ответы и подтвердить его принадлежность к правоверным, мулла должен задержаться у могилы после того, как остальные провожающие покойника уходят. В церемонии похорон на кладбище женщины не принимают участия, так как это им запрещено по установлениям религии.

Молитвы по усопшему («фатехá-хани»), проводимые в мечети, устраиваются на второй и третий день после смерти, в первый, второй, третий и четвертый четверг, на сороковой день и по истечении каждого года. Подобные молитвы совершаются также и дома и сопровождаются угощением-поминками. В середине 60-х годов XX в. афганское королевское правительство с целью сокращения расходов на поминки призвало население страны проводить «фатехá-хани» только в мечетях и только с 8 до 12 часов дня. С тех пор это нововведение получило широкое распространение в Афганистане, особенно в городах.

Предрассудки и суеверия. Афганцы отличаются большим суеверием. Они верят в существование множества злых духов и сверхъестественных существ, которых называют различными именами, как-то: «ишиак», «мадари-ал», «гули-бибан», «див», «дивча» и т. п. По их представлениям, эти и другие злые создания обитают в заброшенных местах, развалинах, на берегах рек, ручьев, на деревьях, в пустынях, на

кладбищах и т. д., обладают большой властью над людьми и могут нанести им вред. Они якобы способны предстать перед человеком в любом виде, образе и цвете: одни из них – темные, другие – светлые, третьи – безобразные, четвертые – красивые и привлекательные. Наиболее страшными и опасными считаются духи покойников, которые якобы бродят в поисках живущих и могут вселяться в них, особенно в женщин. Поэтому афганцы боятся появляться в тех местах, где кто-либо погиб насильственной смертью. Как подметил профессор Мухаммад Али, крайне удивителен тот факт, что простые афганцы – смелые и мужественные по натуре люди, в то же время испытывают панический страх перед местами, где, по их поверью, живут злые духи. [87]

В афганских деревнях в случае болезни первыми, к кому обращаются за помощью, является мулла, предсказатель судьбы по звездам (астролог) или знахарь, так как считают, что главной причиной болезни может быть лишь пагубное воздействие злых духов или же неблагоприятное расположение звезд. Среди народа существует глубокое убеждение, что ношение амулетов предохраняет от всяких бед и несчастий. Амулет обычно представляет собой бумажку с абракадаброй, зашитую в кусочек кожи или обернутую клеенкой. Его укрепляют булавкой на плече или вешают на шнурке на шею мальчику, красивой девочке или только что поженившейся молодой паре, поскольку полагают, что именно они больше всего подвержены козням злых духов. Чтобы уберечь новорожденного от «дурного глаза» и влияния злых духов ему на шею и на люльку обязательно подвешивают разного рода амулеты и когти диких зверей, главным образом леопардов и львов. Когда же хвалят ребенка за что-то, то вначале упоминают имя бога («наме ходá») и молят его избавить дитя от сглаза («назáре бад», «чáшме бад»), который-де может быть вызван одним лишь восхвалением. Афганцы верят, что, наряду с «дурным глазом», существует и «злой язык» («сийáх забáн»). Слово человека со «злым языком», считают они, страшнее меча.

В афганском обществе строго соблюдаются сложившиеся в течение веков различные поведенческие нормы. Так, более счастливыми считаются правая сторона и правая нога, чем левая. Суеверный афганец вступает в дом только с правой ноги. Подарок не вручается и не принимается левой рукой. Если вещь тяжелая и если хотят подчеркнуть свое уважение лицу, от которого что-то принимают, то предлагаемое берут обеими руками. Кроме того, существует целая система примет, поверий, счастливых и несчастливых чисел и дней. Например, несчастливыми считаются вторник и числа 13 и 39. Все, что делается в среду должно, по их представлению, повториться. Поэтому этот день рассматривается самым подходящим для начала больших и ответственных дел. У суннитов существует поверье, что обрызгивание водой из чаши молитв (т. н. «чаши сорока ключей») в последнюю среду месяца сафара (второй месяц по лунному календарю хиджры) приносит счастье.

Как свидетельствует Мухаммад Али, в мире, пожалуй, найдется мало людей, которые бы так убежденно верили в астрологию, как это делают афганцы. Без астролога или гадания по Корану и томику стихов знаменитого персидского поэта Шамседдина Хафиза Ширази не назначается время ни одной сколько-нибудь значительной церемонии или поездки внутри страны и за ее пределы. При этом наугад открывается одна из указанных книг, читается и толкуется первая попавшаяся строка. [88]

Среди афганского народа очень развит культ «святых», культ поклонения «духам» предков. Совершая паломничество к мазарам и «святым» местам, верующие вымаливают покровительство и заступничество «святых», стремясь сделать их ходатаями перед лицом Аллаха, обращаясь к ним с многочисленными просьбами, ищут избавления от различных болезней, житейских невзгод, бесплодия и т. д. Посещение названных мест, к которым афганцы относятся с большим благоговением и почтением, обычное и широко распространенное явление, особенно по вечерам в четверг, в траурный день «аишура» и в «ша́бе барáт», то есть в ночь с 14 на 15 месяца шабана по лунному календарю хиджры (см. об этом ниже).

Редко кто из афганцев проходит мимо известных могил без того, чтобы не поднять руки в молитве и не попросить благословения «святого». Этот ритуал совершается и тогда, когда афганец проходит мимо кладбищ и безвестных могил. При этом он произносит слова «Да простит его бог!» («ходá бéбах-шаш»), что означает его заступничество перед богом за душу погребенного и просьбу простить последнему все его земные прегрешения.

Среди афганцев часто можно слышать самые удивительные истории не только о «чудесах», творимых «святыми», но и вrede, нанесенном привидениями. В этих рассказах последние обычно предстают в образе то черной кошки, то ребенка, то белобородого старца и т. п. Многие афганцы упорно верят в существование ведьм, в которых якобы могут превращаться старые женщины. Вместе с тем бытует поверье, что против них имеются действенные заклинания и обряды. Например, чтобы отогнать их и вообще других злых духов, которые могут нанести вред ребенку и его матери, достаточно-де мужем (или ближайшим родственником) положить на голову женщине саблю или кинжал перед родами. Наиболее «эффективным» способом отпугивания злых духов считается сжигание руты (дикой травы). Семена этой травы, брошенные в огонь, вспыхивают и горят, выделяя густой дым с неприятным запахом.

Широкие массы народа верят, что любое страшное сновидение является предзнаменованием и имеет определенный смысл. Такие сны, по их представлениям, дают возможность предсказать свое будущее. Имеются и толкователи снов. Одни из них полагают, что сновидение в том же виде снова повторится в реальной жизни, другие же, наоборот, дают ему обратное, иносказательное толкование. Например, если человек видит во сне, что у него выпал зуб, то это-де означает ближайшую потерю кого-либо из близких родственников.

Религиозные и светские праздники, народные гулянья и игры. В соответствии с установлениями мусульманской религии, афганцы в течение года соблюдают два больших религиозных праздника: праздник розговенья («йиде фетр») и праздник жертвоприношения («йиде курбáн»). Празднику розговенья предшествует тридцатидневный пост («рузá», «сийáм»), совершаемый в священный месяц рамазан по лунному календарю хиджры. По мусульманскому вероучению, в этот месяц Аллах передал пророку Му-

хаммеду священную книгу Коран, в честь чего всем мусульманам предписывается соблюдать пост, а после него трехдневный праздник «йиде фетр», называемый также «малым праздником». Несоблюдение поста считается величайшим грехом и преступлением перед богом. Каждый правоверный мусульманин обязан от рассвета и до вечерних сумерек поститься, то есть ничего не есть, не пить, не курить, не вдыхать никаких запахов, не купаться, а в случае болезни – не принимать лекарств. Зато после наступления темноты и до рассвета еда, питье и прочие удовольствия ничем не ограничены. В указанный месяц предлагается «успокоить страсти», больше обращать свои взоры к Аллаху, усердно читать Коран и совершать намаз. Каждый верующий должен в течение месяца хотя бы один раз прочитать или прослушать чтение всего Корана от начала и до конца («хатм»). Чтения священной книги мусульман проводятся в мечетях в течение всего месяца рамазана.

О наступлении праздника розговенья население оповещается по радио. По этому случаю на улицах вывешиваются национальные флаги, дома украшаются разноцветными полотнищами и коврами. В дни праздника принято ходить друг к другу в гости, веселиться и, если позволяет погода, выезжать на пикники и устраивать народные гулянья. Приветствуя по случаю праздника, люди говорят друг другу: «Пусть твой пост и молитва дойдут до Бога!» Считается обязательным в эти дни посещать могилы предков и украшать их цветами, раздавать пищу беднякам, делать подарки родственникам, друзьям и близким знакомым, а также шить или покупать новую одежду для всех членов семьи.

«Большим праздником» у мусульман считается «йиде курбан», проводимый на 64-65-й день после праздника розговенья. В своем происхождении он связан с культурами ряда племен древней Аравии, которые еще задолго до возникновения ислама приходили в Мекку и в ее окрестностях совершали человеческие жертвоприношения и молились богам, чтобы они ниспослали им хороший урожай злаков и фиников, богатый приплод их стадам, избавление от болезней и т. д. В исламе для обоснования жертвоприношения используется библейское сказание о попытке принесения в жертву богу праотцом Авраамом (в Коране – Ибрагим) своего сына Исмаила.

В праздник «курбан» каждый мусульманин, не являющийся должником и имеющий определенный достаток, обязан принести кровавую жертву Аллаху, убив с соблюдением ритуала барана, козла, быка, верблюда или другое домашнее животное, мясо которого употребляется в пищу. Жертвенное животное должно быть не старым, совершенно здоровым и не иметь никаких физических дефектов. Допускается принесение в жертву крупного животного и на паях в количестве до десяти человек. Мясо животного разрубается на мелкие куски, взвешивается и делится поровну между пайщиками. Затем часть мяса отдается бедным и мулле, а остальное поедается за праздничным столом. Шкуру жертвенного животного передают мулле или городской управе.

В дни данного праздника верующие надевают свою самую лучшую одежду, посещают проводимое в мечети праздничное богослужение «хутба», обмениваются подарками и поздравлениями, ходят друг к другу в гости. По случаю праздника они приветствуют друг друга: «Будь хаджи и гази!» В дни «курбана» совершается хадж (паломничество) к мусульманским святыням в Мекку и Медину. Каждый мусульманин, совершивший его, получает звание «хаджи».

Особо почитаемым светским праздником в Афганистане является День независимости, установленный в честь ликвидации зависимости страны от английских колонизаторов в 1919 году. Официально эта дата отмечается 27 мая. Однако в 1940 году афганское правительство перенесло широкое празднование Дня независимости на август, когда созревает урожай многих сельскохозяйственных культур. В 1962 году продолжительность его была установлена в три дня – с 23 по 25 августа. По случаю этого дня при прежних режимах традиционно проводился парад войск столичного гарнизона.

Веселым праздником в Афганистане считается Новый год, отмечаемый повсеместно 21 марта. Он празднуется также как день весны и день крестьянина. Своими корнями он уходит в глубь веков. У иранских народов он появился еще задолго до возникновения ислама и символизировал начало нового сельскохозяйственного года.

Новый год считается у афганцев чисто семейным праздником, знаменующим собой завершение определенного периода в жизни человека и семьи и вступление в новый ее этап. Подготовка к празднованию Нового года начинается за семь дней до его наступления. Первым делом готовится напиток из семи видов сушеных фруктов («хафт мива»), выстаиваемый в течение семи суток. На праздничный стол обязательно подаются блюда из зелени (шпината, петрушки, зеленого клевера, зеленого лука и т. д.) и домашней птицы (предпочтительно той, которая имеет белое оперение). Вечером, накануне Нового года, все члены семьи преподносят друг другу подарки, а друзья посылают поздравительные открытки. Рубежом старого и нового года является час ночи 21 марта. С этого времени и до 12 часов дня никто, как правило, не выходит из дома и проводит все время в кругу семьи. Всякий выход из дома в указанные часы считается плохим предзнаменованием, так как, по убеждению афганцев, подобный шаг может привести к потере кого-либо из членов семьи в наступающем году.

После полудня 21 марта афганцы целыми семьями выходят и выезжают в горы, на зеленые лужайки, а в городах – также в сады и парки. Такие выезды и связанные с ними народные гулянья носят название «топтанье травы» («сабза лагад кардан»). Все веселятся, играют, танцуют, поют, пьют приготовленный семидневный напиток. На лоне природы готовят шашлыки и другие национальные блюда. Веселье часто выходит за рамки семьи. Люди собираются в большие группы, причем отдельно мужчины старшего возраста, женщины, молодежь.

В стране широкой известностью пользуется народное гулянье «Красный цветок» («голе сорх мелá»), проводимое вблизи Мазари-Шарифа. Сюда приезжают не только жители близлежащих сел и городов, но и из столицы. Привлекают их на это празднество красивые, покрытые зеленью и сплошным ковром красных полевых маков склоны гор и прекрасная, по-весеннему мягкая, солнечная погода.

По случаю Нового года к гражданам страны традиционно с приветствиями и пожеланиями счастья

и благополучия обращаются через средства массовой информации высшие руководители страны. В этот день при стечении десятков тысяч людей в священных местах – у мечети Раузи-Шариф в Мазари-Шарифе, в Сахиджан и на базаре Мандаи в Кабуле – проводится торжественная церемония поднятия укрепленного на многометровом шесте зеленого флага, с вышитым на нем символом веры ислама «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха».

По народным верованиям, в день Нового года нельзя плакать, наказывать и бранить детей, ругаться и проявлять нервозность, ибо, в противном случае, так, мол, и будет весь год. Празднование Нового года не проводится лишь в тех семьях, в которых кто-то накануне его умирает.

Необычно отметить, что обычаи празднования Нового года в Афганистане не везде одинаковы. Так, афганцы-шииты, кроме обязательного семидневного фруктового напитка, готовят еще печенье семи сортов («кульчайи нау руз») и в отличие от суннитов отмечают Новый год как религиозный праздник в течение 15 дней. На их новогодний стол готовится только та птица, которая имела белое оперение. Таджики северных провинций Афганистана и нуристанцы в ночь на Новый год разжигают большие костры и веселятся вокруг них. Молодежь и старики для очищения себя от грехов прыгают через эти костры. Перед рассветом пожилые люди уходят отдыхать и настоятельно советуют молодежи хорошо потушить костер, чтобы, как говорят, «не остались в нем злые духи («див») и не нанесли вреда человеку».

В ночь с 14 на 15 месяца шабана по лунному календарю хиджры в Кабуле, как и в других городах и населенных пунктах страны, можно наблюдать, что с заходом солнца то в одном, то в другом месте начинаются рвать хлопучки, происходит стрельба, а пушка с горы Шер-дарваза ведет непрерывный огонь холостыми зарядами. По преданию, в эту ночь, названную «шайбе барат» («ночь прощения грехов»), Аллах опускается на «нижайшее небо», а все двери в рай широко открываются на небесном своде. В связи с этим в указанную ночь верующие совершают намаз больше обычного, усиленно просят отпущения грехов, а также посещают могилы своих предков, где разжигают костры и справляют поминки.

У афганцев много и других знаменательных дат и праздников, ежегодно отмечаемых ими, как-то: траурный день «ашура» 10-го числа месяца мухаррама по лунному календарю хиджры, день рождения пророка Мухаммада и вознесения его на небо, День Пуштунистана, День освобождения и т. д.

Афганцы любят устривать и смотреть бои собак, петухов, кекликов и перепелов, которых специально для этого содержат и тренируют. Нередко такие бои сопровождаются денежными ставками.

В Кабуле и горных районах столичной провинции бытует интересная игра-обычай под названием «барфи», проводимая по случаю выпадения первого снега. В такой день друзья посылают друг другу письма, содержащие короткое двустишие:

«Пришел первый снег по воле бога,
Новый снег – мой, а барфи – ваши».

Роль разносчика писем обычно выполняют подростки. Каждая из сторон старается поймать его и не допустить, чтобы кто-либо из членов ее семьи принял письмо. Если он схвачен, то получает небольшую взбучку, а его лицо мажут сажеей и в таком виде передают отправителю письма. Это означает, что последний проиграл «барфи» и должен выставить угощение. Если же письмо принято кем-либо из членов семьи и разносчик успел убежать, то придется приглашать на угощение своего более удачливого друга. [89]

Распространенным видом спорта и развлечением в Афганистане является охота на диких уток и зверей. В некоторых районах страны все еще пользуются старыми приемами и орудиями лова. Нередко на охоту на зайца, лису и красного зверя (косуль, газелей и т. п.) выходят по старинке с афганскими гончими («тази»), ястребами и соколами. Более состоятельные охотники используют подсадных уток, которых выпускают в удобном месте на поверхность воды, часто на пруд, специально сооруженный для этой цели. Излюбленным местом охоты на весеннюю перелетную птицу являются долины и подножия южных склонов Гиндукуша, где охотники на искусственных водоемах устанавливают десятки чучел уток. Когда традиционные пути перелета через Гиндукуши бывают закрыты сплошными облаками, то большие стаи птиц ищут пристанище на этих водоемах и тысячами истребляются.

Крестьяне горных районов для ловли сотен птиц применяют свои, местные способы. К примеру, они отрывают тропы на вершинах высоких гор, где воздух так разрежен, что птицы не в состоянии перелететь их. Ранней весной и поздней осенью стаи перелетных птиц опускаются на эти горы и лавиной продвигаются вперед. И тут-то у открытых тропы и канав они становятся легкой добычей охотников.

Афганцы любят песни и танцы. Особый восторг у них вызывает красивый и темпераментный танец «Атан». Для его исполнения сначала от десяти до двадцати мужчин образуют круг. Один или два человека становятся внутри круга и запевают песню или начинают играть на каком-либо музыкальном инструменте. Затем вступают барабаны, объявляя своими ритмическими звуками начало танца. Танцоры, двигаясь, окружают барабаничников. Скорость танца постепенно нарастает, движения танцоров и звуки музыкальных инструментов сливаются в один сплошной огненный вихрь. Танцоры принимают определенные позы, то запевают, то выкрикивают слова одобрения или же хлопают в ладоши и прищелкивают пальцами. Время от времени они берутся за руки, то убыстряя, то замедляя движение взад и вперед. Иногда они образуют круг, двигаясь на одной ноге в такт музыке и коллективному пению. Возбуждение передается от танцоров к барабанищикам, а также к зрителям, которые часто сами присоединяются к танцующим. Танец все больше убыстряется и, когда он достигает кульминационного момента, внезапно, с последним аккордом музыка прекращается.

Танцоры часто выступают с разноцветными платками. Вихревые круговые движения туловищем широко приняты при исполнении данного танца, однако в некоторых племенах больше отдают предпочтение движениям головы и рук, чем туловищу.

В сельской местности весьма распространена игра под названием «гурдзай». Суть ее заключается в следующем: человек берет ступню левой ноги в правую руку и прыгает на одной ноге, пытаясь плечом сбить с ног оппонента, выступающего в такой же позе. Тот, кто не сможет выдержать удар противника, упадет или станет на обе ноги, считается побежденным.

В Афганистане исключительно популярна конноспортивная игра «бозкеши» (козлодранье). Она обычно проводится в осенние и зимние месяцы и главным образом на севере страны, где выращивают превосходных верховых лошадей. Самые известные из них – каттаганские. Бозкеши – захватывающее и весьма опасное состязание искусных наездников («чапандаз») и их лошадей. Цель игры состоит в том, чтобы взять тушу тельника из центрального круга, обнести его вокруг столба, находящегося в противоположной части спортивного поля, и вернуть в круг команды соперников.

В состязании участвуют две команды. Количество игроков не является постоянным и колеблется от десяти до ста человек в каждой команде. Вес тельника обычно составляет 7 сиров (около 50 кг). В ближайшей части спортивного поля обозначаются три круга диаметром 10-15 метров каждый. В центральном круге перед началом игры кладется тельнок без головы. Два остальных круга распределяются между командами. Судейство осуществляют главный судья и его несколько помощников. Поле, где проводится данная игра, должно быть покрыто мягким грунтом, так как камни и гравий представляют большую опасность для лошади и наездника. Члены каждой команды имеют свою особую форму и отличительный знак. В комплект формы входят мягкая шапка, короткая куртка, стеганные хлопчатобумажные шаровары и длинные сапоги на высоких каблуках.

Для бозкеши отбираются специальные породы лошадей. В северных провинциях Афганистана многие состоятельные люди страстно увлекаются данным видом спорта и держат, как правило, несколько таких лошадей. Их тщательно выезжают, хорошо кормят и регулярно чистят. Наездники, ухаживающие за ними и принимающие участие в состязаниях, обычно не имеют своих лошадей. Поэтому призы и денежные премии вручаются не только наездникам, но и владельцам лошадей.

Игра проходит так. По сигналу главного судьи команды выстраиваются на противоположных сторонах центрального круга. Как только дается свисток, все наездники устремляются к центру круга и пытаются с седла схватить и поднять тушу тельника. После упорной борьбы кому-то удается переброшить ее через седло перед собой и вырваться из круга. Он галопом устремляется к противоположной стороне поля. Его преследуют игроки другой команды в то время, как свои охраняют бдительно от нападения соперников и не дают им завладеть тушей. Когда тельнок падает на землю, что случается довольно часто, то наездники, перевесившись через лошадь и удерживаясь за стремя одной ногой, на полном скаку подхватывают его. Это состязание требует исключительно тренированных и быстрых лошадей. Во время борьбы за обладание тельником такие лошади буквально опускаются на передние ноги, давая возможность наезднику схватить его, а иногда хватают зубами куртку игрока команды соперников и стаскивают его с седла. Как только наездник овладевает тельнком, он стремится немедленно вырваться из толчи двух команд. Та из них, которая обойдет с тельнком столб на противоположной стороне поля, получает одно очко, а забросившая тушу тельника в круг противника – два очка. Удар кнутом по сопернику и стаскивание одежды с него считаются нарушением правил и штрафуются. Следует заметить, что ни одна игра «бозкеши» не обходится без серьезных травм, увечий и даже человеческих жертв как среди команд-участниц состязаний, так и зрителей (в стране не принято отгораживать места для зрителей от спортивного поля).

Одежда, пища, жилище. Во второй половине XX в. во внешнем облике афганцев, особенно городских жителей из числа состоятельных, элитных слоев общества, произошли существенные изменения. Государственные служащие, интеллигенция, учащаяся и студенческая молодежь повсеместно предпочитали одеваться в европейское платье. Многие женщины в городах ходили без чадры («чадари»). Их одежда часто была последним «криком» самой ультрасовременной моды. Что же касается сельских жителей, то они по-прежнему носили свою традиционную одежду, которая заметно различается в зависимости от района страны, национальной и социальной принадлежности.

Традиционный афганский мужской костюм состоит из мешковатых хлопчатобумажных или шелковых штанов, суживающихся книзу и длинной свободной рубахи с шерстяным вышитым жилетом. Этот костюм в зимнее время дополняется домотканым одеялом («иаль»), набрасываемом на плечи. Те, кто в состоянии, исходя из своих доходов, позволяют себе, надевают пальто или теплые халаты («чапан»). Очень распространены чалма («лонги»), которая наматывается на голову вокруг тюбетейки. Чалма бывает чаще всего белого цвета, но может быть и черная, голубая, розовая и т. д. Большая часть городских жителей носит шапочки из каракуля, в основном серого цвета. Подавляющее большинство сельских жителей летом ходит босиком, а зимой надевает тяжелые башмаки с загнутыми носками. Распространено также ношение кожаных сандалий с широкими ремнями.

Одежда женщин включает длинные до щиколоток штаны, блузу и покрывало на голову или чадру. Женская обувь состоит из кожаных башмаков с загнутыми сверху носками или модных туфель на высоких каблуках. Афганские женщины, особенно в сельской местности, включая и кочевниц, любят носить различные украшения: кольца, серьги, ожерелье, бусы и браслеты.

Афганская кухня в целом очень богата и разнообразна. Основными ее продуктами являются рис, мясо, зелень и фрукты. Особенно популярны кебабы и плов, который готовится по самым различным рецептам и насчитывает десятки (по утверждению афганцев, даже сотни) названий. Большой известностью пользуется так называемый «узбекский плов». Афганцы очень любят мясо, в особенности баранину, что ярко выражено в пуштунской поговорке: «Лучше сожженное мясо, чем самые хорошие бобы». Однако пища подавляющего большинства населения страны очень скромна. Оно далеко не всегда имеет возможность есть мясо и рис, часто ограничиваясь лишь лепешкой кукурузного или пшеничного хлеба и чаем. Черный чай очень популярен среди всех слоев афганского общества. Зеленый чай обычно употреб-

ляют после еды. Едят, как правило, на полу, расстилая поверх ковра, паласа или циновки большую ска-терть.

Жилище оседлых жителей Афганистана представляет собой глинобитный или сложенный из обожженного кирпича дом, а у кочевников – шатер из грубой шерстяной дмотканой ткани или войлока. В последнее время кочевники нередко используют полевые палатки фабричного производства. Дом окружен высокой, как правило, четырехугольной глинобитной стеной с низкими массивными воротами. По углам стен обычно возводятся башни. Такие дома-крепости («кал'а») встречаются повсеместно, в том числе и в городах. Крыши домов в большинстве случаев плоские, с небольшим скатом. Исключением являются лишь селения на юге и юго-западе страны, где широко распространены дома с куполообразными крышами.

В последние десятилетия XX в. сильно изменился внешний облик афганских городов, особенно Кабула. На месте традиционных кривых и узких улочек с одноэтажными домами появились широкие проспекты, застроенные красивыми многоэтажными зданиями современного типа. Подлинным украшением столицы Афганистана стали построенные при технической помощи СССР жилые массивы (микрорайоны) благоустроенных многоэтажных домов, красивейшее здание Кабульского международного аэропорта, комплекс зданий Кабульского политехнического института, Центральный военный госпиталь и др. К сожалению, многое из перечисленного выше оказалось до основания разрушенным в ходе междоусобной борьбы моджахедов после их прихода к власти в апреле 1992 года.

Меблировка афганской квартиры имеет чисто восточный характер. Пол покрывается циновкой, а в богатых семьях – паласом или ковром. Мебель (обычно на низких ножках) имеется лишь в домах состоятельных людей.

* * *

Афганистан – поистине своеобразная страна. Отгороженная цепями высоких гор и знойных пустынь от морей и океанов, она длительное время оставалась вдали от происходивших в мире бурных перемен и потрясений. Ее народы, большие и малые, сумели сохранить в своей первозданности многие черты и особенности национального колорита, образ жизни и миропонимания, пришедшие из глубины веков нравственно-этические нормы, свои представления о непреходящих духовных ценностях. Несомненно, в культуре, обычаях и традициях Афганистана, в их быте, одежде, менталитете, особом складе характера много самобытного и неповторимого. Вместе с тем, несмотря на всю свою специфику, эта страна не может рассматриваться как нечто инородное и исключительное по отношению к ее азиатским соседям и в целом к мусульманскому миру. Она и географически, и духовно составляет неотъемлемую часть всей средне- и ближневосточной духовной и материальной общности. Глубокое внутреннее единство этого обширного азиатского региона обеспечил ислам. Кроме того, страну, при всей ее длительной изоляции от внешнего мира, не обошли и многостороннее иноземное влияние: персов, арабов, тюрок, монголов и других народов в древности и средневековье и европейцев в новейшую эпоху. Отсюда не случайно, что определенные характерные черты народов, населяющих Афганистан, легко обнаруживаются у их ближних и дальних соседей.

Во второй половине XX в. ветры перемен, искусственно усиленные извне идеологической конфронтацией двух мировых систем, ураганом вторглись в эту самобытную страну. К сожалению, развитие общественно-политических событий, поначалу обещавших самые радужные перспективы, пошло, в конечном итоге, по наихудшему, исключительно драматическому варианту. Страна была ввергнута в затяжную, кровопролитную гражданскую войну. Единое афганское государство фактически перестало существовать, распавшись на ряд уделов, в которых власть вершат те или иные военно-политические группировки. Судьбу отдельных районов (например, Кандагара) берет в свои руки влиятельная племенная верхушка. Многие города, в том числе столица, лежат в развалинах. Миллионы людей лишились крова и средств к жизни и миллионы, спасая свою жизнь, покинули родину. Особенно тяжелый урон стране нанесла междоусобная война, развернувшаяся между моджахедами после прихода к власти в Кабуле в апреле 1992 года. С этих пор гражданская война из сферы идеолого-политического противоборства перешла в русло межэтнических и межконфессиональных кровавых разборок. При этом, как и в период борьбы против «кабульского коммунистического режима», каждая из враждующих сторон пытается нажить политический капитал на демонстрации приверженности традиционным национальным ценностям и таким образом заручиться поддержкой народа. Как представляется, ныне без учета указанных выше обстоятельств, как и всей суммы этнонациональных, религиозных, языковых и других особенностей Афганистана нельзя понять сложившуюся на этой земле запутанную ситуацию. Автор хотел бы надеяться, что данный краткий рассказ поможет читателю в какой-то мере уяснить специфические особенности этой ставшей для нас географически далекой, но оставшейся исторически близкой страны, а также понять некоторые аспекты происходящих в ней событий.

Во дни беды – бедой людей болей,
Дели с другими тяжесть их скорбей! [1]
Саади

ГЛАВА 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В АФГАНИСТАНЕ В 60-70-Х ГОДАХ

2.1. Афганистан накануне «демократического эксперимента»

Хотя Афганистан не участвовал во Второй мировой войне, однако она тяжело отразилась на его экономике, положении широких народных масс и внутривластной обстановке. Из-за разрыва внешнеэкономических связей значительно сократился традиционный афганский экспорт и импорт промышленных товаров первой необходимости, за счет которых страна почти полностью обеспечивала нужды населения. В стране беспрецедентные размеры приняла спекуляция, росли цены и инфляция, еще ниже пал и без того низкий жизненный уровень народа. Господство верхушки торговой буржуазии на внутреннем рынке и ее монопольные права на внешнюю торговлю пагубно сказывались на деятельности мелкой и средней буржуазии. Огромные масштабы приняло разорение ремесленников и кустарей. В афганской деревне усилился процесс обезземеливания и обнищания крестьянства. В зоне пуштунских племен участились восстания и конфликты. Широилось политическое брожение в кругах демократически настроенной общественности.

Сложившаяся к концу войны обстановка в Афганистане грозила серьезными социальными потрясениями. В этих условиях правящий монархический режим предпринял ряд мер социально-экономического характера, которые, однако, не принесли ожидаемых результатов. Оказавшись не в состоянии справиться с экономическими трудностями и остановить нарастание внутривластной напряженности, в 1946 году ушло в отставку правительство Мухаммада Хашим-хана (он бессменно возглавлял кабинет с 18 октября 1929 года). Ему на смену пришло правительство во главе с другим дядей короля – Шах Махмуд-ханом. Но и оно не смогло выдвинуть сколько-нибудь позитивной программы вывода страны из социально-экономического и политического кризиса, хотя и пыталось сделать это (например, выпустило из тюрем много политических заключенных, ослабило контроль за общественно-политической жизнью страны, сделало попытку снять остроту аграрной проблемы путем переселения разорившихся скотоводов и земледельцев-пуштунов в северные районы страны, начало строительство Гильмендской ирригационной системы).

В рассматриваемое время под воздействием внутренних и внешних факторов – разгрома фашизма, подъема национально-освободительного движения в мире и регионе, обострения межгосударственных афгано-пакистанских отношений в связи с неучетом, как это виделось Афганистану, пуштунской проблемы при разделе британской Индии на Пакистан и Индийский Союз и т.д. – на арену общественно-политической борьбы в Афганистане начали выходить оппозиционные течения и группировки буржуазно-демократического толка, духовно связанные с движением младоафганцев 20-х годов. Первыми среди них в 1947 году заявило о себе политическое течение «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»). Во главе его стал мелкий помещик из-под Кандагара Мухаммад Расул-хан Пуштун. Большую моральную и материальную поддержку движению, особенно на первых порах, оказывал Абдул Маджид Заболи, «отец» нарождавшейся афганской буржуазии. В числе активных участников этого движения были известные представители афганской (в основном пуштунской) интеллигенции – поэт и ученый-филолог Гуль Пача Ульфат, поэт и президент афганской Академии языка и литературы «Пашто толына» (1946-1951 гг.) Абдурауф Бенава, историки Абдулхай Хабиби и Ахмад Али Кохзад, писатель Нур Мухаммад Тараки (см. о нем Приложение 6), член Совета улемов маулана Кази Бахрам, член семьи хазратов Мухаммад Юсуф Моджаддеди, а также Абдулла Тохи, Хаджи Дост Мухаммад и др. [2]

Манифестом идей и взглядов «вишзальмиянцев» стала публикация Абдурауфа Бенава в редактируемом им журнале «Кабул». «Мы, пробудившаяся молодежь, – писал он, – стремимся к тому, чтобы трудиться на благо отчизны и своего народа, чтобы вывести афганцев из темницы незнания и невежества, чтобы искоренить до конца существующие в народе недостойные обычаи и пороки, чтобы послать на работу молодых бездельников и лентяев, чтобы мыслить свободно без постороннего вмешательства и самим определять, что нам приемлемо и что не подходит, чтобы предоставить женщинам их законные права, чтобы стать опорой для своего суверенного правительства, чтобы подорвать основы взяточничества, вероломства и угнетения, чтобы содействовать развитию отечественной промышленности и ремесел, чтобы использовать национальные богатства для процветания и блага народа, чтобы способствовать всестороннему прогрессу Афганистана и создать афганскому народу новую жизнь». [3]

На первых порах их деятельность проходила в рамках просветительства. Однако вскоре эти рамки стали для них узкими и они перешли на позиции открытого политического критицизма и буржуазного реформаторства. В 1949 году «вишзальмиянцы» приняли участие в выборах в парламент и провели в его нижнюю палату – Народный совет седьмого созыва – несколько своих депутатов (Г.П.Ульфат, А.Хабиби, М.Г.М.Губар, А.Махмуди и др.). Вместе с другими представителями демократических кругов – членами парламента – они образовали в нем свою фракцию, назвав ее Национальным фронтом (видимо, следуя примеру Национального фронта Мосаддыка в иранском межджисе). Их реформаторские взгляды разделяли в нижней палате из 120 ее членов, по крайней мере, от 40 до 50 депутатов. [4] С парламентской трибуны они критиковали деятельность правительства, обвиняли высокопоставленных должностных лиц, в частности министров общественных работ, финансов и экономики, в казнокрадстве, злоупотреблениях властью, коррупции, алчности, корыстолюбии и пренебрежении к нуждам народа, требовали разделения трех ветвей власти, введения свободы печати и проведения реформ в общественно-политической сфере, разоблачали антиафганский, расточительный и малоэффективный характер деятельности американской ком-

пани «Моррисон-Надсен», строившей на р. Гильменд ирригационную систему, и т.д.

Под давлением радикальной оппозиции правительство в январе 1951 года было вынуждено сделать ей уступку и принять Закон о печати, согласно которому в стране разрешалось издание частных (независимых) газет и журналов и отменялась предварительная цензура. Месяц с небольшим спустя «Виш зальмиян» приступила к изданию газеты «Ангар» (издатель и главный редактор – Файз Мухаммад Ангар; газета выходила два раза в неделю на языках дари и пушту). [5] В передовой статье первого номера газеты ее главной целью провозглашалось служение народу. Программные установки движения были изложены в статьях Н.М.Тараки «Желания народа. Чего мы хотим?» и Абдуррахмана Махмуди «Чего мы хотим?», а также в публикациях А.А.Кохзада, А.Бенава, Бабрака Гостали и других. Основными их требованиями являлись: установление в стране режима конституционной монархии и демократии, формирование национального правительства, ответственного перед парламентом, создание и свободное функционирование легальных политических партий (по выражению Н.М.Тараки, «партий патриотического толка», а А.Махмуди – «национально-демократических партий»), проведение свободных выборов в парламенте, создание условий для широкого участия народа в государственных делах, запрещение средневековых пережитков в сфере социальных и производственных отношений, улучшение жизни трудовых слоев населения, пробуждение сознания народа, в том числе молодежи.[6] При этом большие надежды возлагались на созданный в апреле 1950 года Союз студентов Кабульского университета, одним из основателей которого и его активным членом был будущий студент юридического факультета Бабрак Кармаль (см. о нем Приложение б).

Для «Виш зальмиян» центральной во внешнеполитической области являлась пуштунская проблема, приобретающая особую остроту с разделом британской Индии на Пакистан и Индийский Союз и игнорированием Англией требования афганского правительства о предоставлении зарубежным братьям-пуштунам права на самоопределение. Данная проблема еще больше обострилась с появлением государства Пакистан, который не только отверг право пуштунского народа на самоопределение, но и начал жестоко подавлять его национально-освободительное движение. «Вишзальмияновцы», выступая в защиту пакистанских пуштунов, в принципе разделяли политику своего правительства, однако требовали принятия им по этой проблеме более решительных внешнеполитических мер. Их беспокоила также и неурегулированность афгано-иранских разногласий по проблеме использования вод реки Гильменд.

Весной 1951 года возникли другие политические движения, стоявшие на близких к «Виш зальмиян» идейных и политических позициях. Их участники группировались вокруг независимых газет «Ватан» («Родина») и «Нидайи хальк» («Голос народа»), издававшихся в Кабуле, соответственно с 21 марта и 1 апреля 1951 года. Издателем «Ватан» и главным идеологом этой группировки являлся известный историк, участник младоафганского движения 20-х годов, советник министра информации и печати, депутат парламента Мир Гулям Мухаммад Губар. Ядро движения составляли президент исторического общества Ахмад Али Кохзад, Мир Мухаммад Сиддик Фарханг (главный редактор «Ватан» с 10 июля 1951г.), писатели Али Ахмад Наими и Абдул Халим Атефи, генерал Фатех Мухаммад (Фыркамышр), журналист Хоруш (главный редактор «Ватан» с 1 по 16 номера), советник премьер-министра Абдулхай Азиз, преподаватели Кабульского университета Фарук Эттемади и Абу Бакр, директор энциклопедического общества «Ариана» Али Асгар Шоа, поэт Сарвар Джуя, маулана Фазль Раби, Сеид Мухаммад Афган и др. [7]

Основателем, лидером и главным идеологом группировки «Нидайи хальк» был врач, депутат парламента Абдуррахман Махмуди. Кроме него, в ее руководство входили чиновник министерства финансов Мухаммад Наим Шаян, инженер Вали Мухаммад Атаи (главный редактор «Нидайи хальк»; зять А.Махмуди), врач Насрулла Юсуфи, братья А.Махмуди – врач Абдурахим Махмуди, лейтенант Мухаммад Аман Махмуди и чиновник министерства связи Мухаммад Азим Махмуди, чиновник департамента печати Мухаммад Юсуф Аина. [8]

Активисты «Ватан» и «Нидайи хальк» в выступлениях с трибуны парламента и на страницах своих печатных органов отличались, по сравнению с «Виш зальмиян», более выраженным радикализмом и большим вниманием как к внутренним социально-экономическим проблемам, так и к вопросам внешней политики страны. Их предложения в социально-экономической сфере сводились по существу к ускорению государственно-капиталистического развития страны путем ограничения концентрации капитала в частных руках, усиления вмешательства государства в экономику, введения монополии на внешнюю торговлю, стимулирования сельскохозяйственного производства через изменение системы землевладения (правда, этот тезис ими не конкретизировался), государственное кредитование крестьянства и создание крестьянских кооперативов. Они призывали отменить бегар и незаконные привилегии и установить в обществе равенство и социальную справедливость. Большое внимание уделялось ими проблеме жизни социальных низов. В области внешней политики они выступала в поддержку национально-освободительных движений, в том числе зарубежных пуштунов и белуджей, против колониализма и сохранение и укрепление афганского нейтралитета. [9] Однако при всей новизне и остроте своих программных требований оппозиционные группировки не ставили своей задачей коренное изменение существовавшего строя, а их деятельность не выходила за рамки умеренных, эгалитарных призывов.

В июле 1951 года на базе движения «Нидайи хальк» была создана политическая партия «Хальк» («Народ»). Ее председателем стал Абдуррахман Махмуди, а секретарем – Мухаммад Наим Шаян. Просуществовав до весны следующего года, партия в своей деятельности, однако, не вышла за пределы столицы и осталась по составу немногочисленной и организационно не оформленной.

Кульминация в деятельности демократической оппозиции пришлась на весну 1952 года, когда в стране состоялись выборы в нижнюю палату парламента восьмого созыва. В ходе подготовки к ним она встретила резкое противодействие как со стороны властей, так и консервативно-клерикальных кругов. Последнее в ряде мест, особенно в Кабуле, прибегали к физической расправе над сторонниками оппозиционных группировок, проводившими предвыборную кампанию, срывали их встречи с избирателями. В феврале,

накануне выборов, по указанию правительства была закрыта газета «Ватан» – последняя из оставшихся частных изданий (другие оппозиционные газеты под разными предлогами – угроза общественной безопасности, антиконституционные действия и т.п. – были запрещены еще ранее: газета «Ангар» – в апреле, а «Нидайи хальк» – в июле 1951 года). Заблокирована, а затем и была запрещена деятельность Союза студентов Кабульского университета. Практиковались многочисленные аресты представителей прогрессивной интеллигенции. В такой обстановке ни один из кандидатов от оппозиции не прошел в парламент. В ответ на это в апреле 1952 года лидеры демократических группировок организовали в Кабуле массовую демонстрацию и митинг своих сторонников. К ним присоединились столичное студенчество и учащаяся молодежь. Властям был заявлен решительный протест против вмешательства в избирательную кампанию и фальсификации результатов выборов.

Правящая династия, усмотрев в этом выступлении угрозу устоям власти, обрушила на оппозицию жестокие репрессии. Против демонстрантов были брошены войска. Деятельность всех демократических течений и группировок была запрещена. По западным данным, аресту подверглись 25 наиболее активных и видных лидеров движения. [10] Большинство из них было приговорено к длительным срокам тюремного заключения, в том числе самая, пожалуй, яркая фигура леводемократического крыла буржуазно-демократического движения 1947-1952 годов Абдурахман Махмуди, генерал Фатех Мухаммад, С.Джуя, Хаджи Дост Мухаммад, Барат Али Тадж, маулана Кази Бахрам, А.Тохи – к 9,5 годам, М.Г.М.Губар, А.М.Хоруш, А.Х.Атефи, М.Н.Шаан, М.Аман Махмуди, М.М.С.Фарханг, Бабрак Кармаль – к 4 годам и т.д. [11] После разгрома движения другие его участники пошли на соглашательство с властями, третьи, разочаровавшись в своих былых иллюзиях, отошли от активной политической деятельности.

Однако, несмотря на поражение этого первого в стране в послевоенный период демократического движения, оно имело несомненное значение для последующего общественного развития Афганистана. Указанное движение обогатило его участников определенным опытом политической борьбы и, что самое главное, положило начало консолидации общественных сил на основе демократических ценностей, а также подготовило наиболее радикально настроенные элементы к постепенному переходу в будущем к новому, качественно отличному от прежнего политическому мышлению.

С разгромом в 1952 году оппозиции в Афганистане наступил период временного, относительного затишья в открытой внутривнутриполитической борьбе, продолжавшийся до начала 60-х годов. Это было во многом связано с приходом к власти в сентябре 1953 года правительства во главе с двоюродным братом короля сардаром Мухаммадом Даудом (см. о нем Приложение б) и провозглашением им так называемой политики «руководимой экономики». Политически активная афганская демократическая общественность горячо приветствовала планы нового премьера по ускорению экономического развития страны и преодолению ее вековой отсталости. Особенно восторженно она встретила его обещания реформировать политические институты Афганистана и демократизировать общественную жизнь.

При реализации своей экономической программы М.Дауд рассчитывал получить широкую иностранную финансовую и технико-экономическую помощь. Однако западные страны, прежде всего США, обусловили предоставление такой помощи разного рода политическими требованиями, вроде: вступлением Афганистана в создаваемые Западом на Ближнем и Среднем Востоке военные блоки; признанием «линии Дюранда» государственной границей Афганистана с Пакистаном; предоставлением Соединенным Штатам Америки территории страны для строительства аэродромов и других военных объектов; сокращением торговли с Советским Союзом и восточноевропейскими странами на основе принятого в США в 1951 году закона «О взаимном обеспечении безопасности» и т.д.

Афганские правящие круги отчетливо понимали, что принятие этих требований неизбежно повлечет за собой утрату страной своей государственной независимости. В связи с этим Афганистан, оберегая свой суверенитет, вынужден был пойти на широкое торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом и странами Восточной Европы, которые в обмен на такую помощь не выдвигали каких-либо предварительных политических условий. По просьбе Афганистана в январе 1954 г. Советский Союз предоставил ему кредит в сумме 3,5 млн. долл. на весьма выгодных условиях (3 % годовых и с выплатой традиционными товарами афганского экспорта – хлопком и шерстью) для строительства хлебозавода, элеватора и мельницы в Кабуле и одного элеватора в Пули-Хумри, в октябре этого же года – еще 2,1 млн. долл. для сооружения асфальтобетонного завода, поставки дорожно-строительных машин, оборудования, автомобилей и оказания технического содействия в благоустройстве столицы и других городов, а в декабре 1955 года в ходе визита в Кабул советской правительственной делегации – долгосрочный кредит в размере 100 млн. долл. на развитие афганской экономики.

В рамках провозглашенной политики «руководимой экономики» Афганистан с 1956 года приступил к осуществлению первого пятилетнего плана экономического развития. Около 70 % всех внешних займов и кредитов, потребовавшихся по этому плану, были получены от социалистических стран, в основном СССР. Советский Союз обязался предоставить Афганистану финансовое и материально-техническое содействие в строительстве 16 различных объектов, в том числе гидроэлектростанций в Наглу и Пули-Хумри, Джангалакского авторемонтного завода в Кабуле, завода азотных удобрений в Мазари-Шарифе, трех плотин, Джелалабадского ирригационного комплекса с гидроэлектростанцией, госфермами и разветвленной инфраструктурой, аэродромов в Кабуле и Баграме, автомагистрали через Гиндукуш, речного порта Кызылкала (Шерхан) и других. Кроме того, советская сторона предоставила Афганистану долгосрочный (на 50 лет), беспроцентный кредит в сумме 15 млн. долл. на проведение геологопоисковых, разведочных и аэрофотосъемочных работ на нефть и газ в его северных провинциях. [12] В целом, по западным данным, советская экономическая помощь Афганистану в 1953-1963 годах составила почти 400 млн. долл. В 50-начале 60-х годов успешно развивались советско-афганские отношения также в сфере торговли, подготовки национальных кадров, культуры и науки. Советский Союз занимал первое место в общем внешнеторговом обороте Афганистана: к 1963 году доля СССР в импорте Афганистана составляла 53 %, а

в экспорте – 31 %. [13]

Что касается западной помощи Афганистану, то она заметно уступала по размерам советской и предоставлялась в основном на краткосрочной основе, под высокие проценты (от 3 до 7,5 % годовых) и с условием погашения кредитов в валюте. Так, американская помощь этой стране в 1950-1959 годах оценивалась в 148,3 млн. долл., в то время как советская за этот же период достигала уже 246,2 млн. долл. [14]

В начале 1955 года правительство М.Дауда вступило в переговоры с Советским Союзом по вопросу получения военной помощи. Для афганского правительства правовую основу под этот вопрос подвела Лоя джирга, состоявшаяся в Кабуле в ноябре 1955 года. В условиях угрозы независимости Афганистана она рекомендовала правительству «любыми возможными средствами, любым доступным честным способом укрепить и вооружить страну в целях ее обороны». [15] С 1956 года Афганистан начал получать широкую советскую военную помощь, не связанную никакими политическими или иными условиями. Поставки боевой техники и вооружения осуществлялись на концессионной основе из расчета оплаты половины или даже четверти их стоимости. Кроме того, Советский Союз в течение 1953-1963 годов оказал этой стране помощь в строительстве военной инфраструктуры, в частности военных аэродромов в Баграме, Кабуле и Мазари-Шарифе, систем связи и коммуникаций и т.д. Все это позволило Афганистану в короткие сроки реорганизовать и модернизировать свою армию и таким образом заметно укрепить обороноспособность страны перед лицом неприкрытого военно-политического давления и шантажа извне.

Военная помощь, в том числе и присутствие советских военных специалистов в стране (в то время их было не более 150 человек) и подготовка афганских военных кадров в советских военно-учебных заведениях, не означали ни в коей мере превращение Афганистана в сателлита Советского Союза. Афганистан оставался независимым, нейтральным и неприсоединившимся государством. Как бы там его недруги из конъюнктурных соображений ни утверждали обратное, он в 50-60-х годах проводил самостоятельную, отвечающую национальным интересам внешнюю политику, чем снискал уважение и авторитет на международной арене и внутри страны. К началу 60-х годов страна поддерживала дипломатические отношения с более чем 40 странами. Единственной нерешенной внешнеполитической проблемой, постоянно омрачавшей отношения Афганистана с его восточным соседом, была проблема Пуштунистана. Правительство М.Дауда, последовательно выступая в поддержку национально-освободительной борьбы зарубежных пуштунов, исходило из формулы непризнания Пуштунистана частью Пакистана без согласия на то самих пуштунов.

К началу 60-х годов Афганистан сделал заметный шаг вперед в своем экономическом развитии. Внутренняя и внешняя политика правительства М.Дауда, особенно в первые годы его правления, получила в целом поддержку всех слоев формировавшегося класса буржуазии и широких кругов афганской общественности. Все это, вместе взятое, способствовало установлению в стране относительной внутривнутриполитической стабильности и некоторому расширению социальной базы режима.

Однако в начале 60-х годов, несмотря на некоторые несомненные сдвиги в хозяйственном строительстве и осуществлении ряда социально-экономических преобразований (создание государственных кредитных учреждений, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, введение государственной монополии на торговлю рядом важных экспортных и импортных товаров, усиление таможенного и валютного контроля, расширение сети общего и профессионального образования, снятие чадры женщинами и т.д.), отчетливо обнаружилась ограниченность внутренней политики правительства М.Дауда, его нежелание (или неспособность) сколько-нибудь реформировать отжившую систему политических институтов и демократизировать общественную жизнь, облегчить положение широких трудовых слоев населения страны, в первую очередь беднейшего крестьянства и лиц наемного труда. Страна по-прежнему оставалась экономически отсталой; остро ощущались нерешенность аграрного и национального вопросов, нехватка продовольствия и рост безработицы. В связи с этим усилилось недовольство не только среди трудящихся низов, но и среди мелкой и средней буржуазии, чья предпринимательская деятельность серьезно сдерживалась сохранением архаичных, докапиталистических форм собственности и социальных отношений. М.Дауд стал неумолимо терять поддержку среди либерально-буржуазных и прогрессивных кругов страны, составлявших, пожалуй, самую значимую для него социальную опору с момента его вступления в должность премьера в 1953 году. В оппозиции к М.Дауду стояла и клерикальная элита, не раз предпринимавшая во второй половине 50-х годов против него заговоры и открытые выступления. Недовольство его внутренней и внешней политикой выражали также наиболее консервативные слои афганского общества, придерживавшиеся прозападной ориентации. Они резко критиковали правительство за ухудшение афгано-пакистанских отношений и ограничение связей с западными странами, а также даудовскую политику вмешательства в экономику.

Все годы пребывания у власти М.Дауд подвергался давлению и обструкции со стороны его противников при дворе: клана маршала Шах Вали (дядя короля), тесно связанного с консервативно-клерикальными кругами страны, и группировки самого короля Захир-шаха и наследного принца Ахмад Шаха. Король, наблюдая за ростом влияния и популярности в стране своего энергичного двоюродного брата и сосредоточением в его руках всей исполнительной власти, не без оснований опасался за судьбу трона. Конфликт между ними приобрел особенно острый характер с начала 60-х годов, когда в стране стали все громче раздаваться требования о реформе политической системы. М.Дауд предложил королю пересмотреть конституцию и создать двухпартийную систему правления, при которой правительство формировалось бы на партийной основе и подчинялось парламенту, а король, передав свои функции представительным органам власти, выполнял бы лишь церемониальные обязанности по типу английской монархии и олицетворял единство нации. Захир-шах не мог, естественно, согласиться на предлагаемую ему номинальную роль в государстве. Он и его группировка, поддержанная кланом Шах Вали, склонялись к необходимости допустить в известных пределах легальное функционирование политических партий и организаций, несколько расширить права парламента при сохранении верховной власти монарха и предоставить населению более

широкие права и свободы. [16]

Отказавшись принять предложение М.Дауда относительно реформы политической системы страны, король не оставил ему места в высших эшелонах власти. Следует заметить, что уход строптивого М.Дауда с политической арены отвечал самым сокровенным желанием Захир-шаха избавиться от своего потенциального соперника и, наконец-то, добиться свободы действий для себя как главы государства. В сложившейся ситуации М.Дауд, лишившись поддержки «справа» и «слева», а также и «сверху», вынужден был в марте 1963 года уйти в отставку.

Пришедший ему на смену новый кабинет министров во главе с таджиком Мухаммадом Юсуфом, стремясь найти и дать адекватный ответ общественным настроениям, выступил с широкоэшелонными заявлениями относительно готовности провести модернизацию государственного управления и демократические преобразования, внести определенные изменения в экономическую жизнь страны и нормализовать афгано-пакистанские отношения, разорванные в сентябре 1961 года.

Первым делом весной 1963 года правительство М.Юсуфа при посредничестве иранского шаха нормализовало афгано-пакистанские отношения. В сфере экономики оно взяло курс на более широкое стимулирование и поддержку частного предпринимательства, выдвинув вместо политики «руководимой экономики» политику «руководимой смешанной экономики». В политической области главное внимание было уделено разработке новой конституции. Ее подготовка заняла 1,5 года. В августе 1964 года она была опубликована для всеобщего ознакомления, в сентябре принята Лоя джиргой, а 1 октября утверждена и введена в действие королем.

Новая конституция Афганистана подтвердила конституционно-монархический строй государства. [17] Король, объявленный «воплощением национального суверенитета», «защитником основ священной религии ислам» и «средоточием национального единства», наделялся широкими полномочиями в области законодательной, исполнительной и судебной властей. Одним из новшеств конституции явилось запрещение членам королевской семьи занимать посты в парламенте, правительстве и Верховном суде, а также участвовать в деятельности политических партий (ст. 24). Данная конституционная норма была явно направлена против М.Дауда, чтобы окончательно лишить его возможности заниматься политикой. В конституции предусматривалось впервые в истории Афганистана разделение трех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной (ст. 97). Гражданам страны предоставлялись широкие права и свободы: неприкосновенность личности, жилища и собственности, свобода передвижения и выбора места жительства, свобода мысли и слова, печати, переписки, собраний, равенство всех подданных перед законом, право на труд и бесплатное образование и т.п. (ст. 25-40). Конституция декларировала право на создание обществ и политических партий при условии, если их задачи, идеи и деятельность не будут противоречить положениям Основного закона.

В соответствии с новой конституцией некоторые изменения претерпел и парламент. Он предусматривался в составе двух палат: «Вулуси джирги» (Народной джирги) и «Мышрано джирги» (Джирги старейшин). Обе палаты (за исключением одной трети членов «Мышрано джирги», назначаемой королем) избирались населением на основе всеобщих тайных и прямых выборов. Впервые афганский парламент получил право контроля за деятельностью правительства, в том числе и выражать ему вотум недоверия (ст. 65 и 89).

Конституция 1964 года открыла для Афганистана десятилетие бурных политических событий и перемен, получившее в исторической литературе название «демократического эксперимента».

2.2. Создание НДПА. Проблемы стратегии и тактики. Газета «Хальк»

«Дух перемен», привнесенный «сверху» в общественно-политическую жизнь страны, и начатая вскоре новым правительством практическая реализация программных установок (разработка законов о печати, выборах и политических партиях; предоставление льгот национальному частному предпринимательству; возобновление нормальных афгано-пакистанских отношений и т.д.) всколыхнули широкие круги афганской общественности и послужили толчком для активизации деятельности различных политических сил.

Огромное воздействие на их взгляды и настроения в этот период оказывали также факторы внешнего порядка, прежде всего широкий размах и успехи национально-освободительной борьбы в афро-азиатском и других регионах мира, растущая популярность среди радикальных кругов афганского общества социалистических идей. В создавшейся обстановке оппозиционное движение в Афганистане, в отличие от выступлений демократической общественности страны в 1947-1952 годах, стало постепенно принимать общенациональный характер.

В условиях почти поголовной неграмотности и политической пассивности социальных «низов», особенно сельского населения, выразителем общественных настроений этого времени становятся городские средние слои – низшие и средние прослойки интеллигенции и чиновничества, студенчество, мелкая, а также средняя буржуазия. Первой формой собрания и идейной подготовки радикальной части указанных слоев явились тайные кружки, возникшие в 1963 году. [18] К началу 1965 года их число достигло 30 в составе примерно 50-70 человек.

С самого начала своего возникновения они группировались преимущественно вокруг двух центров, лидерами и признанными авторитетами которых были Нур Мухаммад Тараки и Бабрак Кармаль. Формирование кружков во избежание их провала и гонений со стороны властей происходило, как правило, по принципам родства, землячества, племенной и национальной принадлежности. При этом кружки, входившие в сферу влияния Н.М.Тараки, объединяли в своих рядах главным образом представителей низших прослоек пуштунской интеллигенции и чиновничества, тесно связанных с афганскими родоплеменными структурами и трудящимися слоями общества. Что касается кружков, действовавших под руководством

Б.Кармалю, то они изначально комплектовались в основном за счет представителей верхних и средних эшелонов городской интеллигенции, госслужащих и студенчества – выходцев из национальных меньшинств, а также городских таджикизированных пуштунов. Национальные и социальные различия в структуре двух центров уже на стадии их кружковой деятельности и особенно в последующем, в рамках НДПА, явились одной из причин взаимной неприязни, вражды и острого соперничества.

Руководителем кружка являлся назначаемый секретарь. В деятельности кружков главное внимание уделялось изучению марксистской теории и анализу на этой основе внутреннего и международного положения страны. Собрания (занятия) кружка проводились регулярно, как правило, каждую неделю. Обычно на обсуждение членов кружка выносились такие вопросы: обмен мнениями по международному положению на основе прослушивания передач зарубежных радиостанций, прежде всего программ Народной партии Ирана (Туде) «Вестник Ирана» и Московского радио; обсуждение и анализ событий внутри страны, особенно политики правящих кругов и деятельности политической оппозиции, включая и параллельных леводемократических группировок; заслушивание доклада-сообщения и дискуссия по какому-либо теоретическому вопросу (тема и основной докладчик определялись заранее). Материалы для доклада и дискуссии брались в основном из книги В.Г.Афанасьева «Основы философских знаний», журналов «Доний» (Туде) и «Проблемы мира и социализма»; сообщение членов кружка о их беседах с коллегами по работе по актуальным проблемам афганской действительности и о предпринятых мерах по вовлечению в движение новых членов.

По признанию бывших кружковцев, идейно-политический уровень занятий в целом был крайне низок и примитивен, а выбор тем для дискуссий носил бессистемный и случайный характер. Руководство кружков видело эти недостатки и слабости и стремилось компенсировать их путем установления контактов с Народной партией Ирана, в частности через посредство сотрудника министерства информации Афганистана Мухаммада Наима Шаяна, и получения от нее не только политической литературы, но и практической помощи со стороны ее пропагандистских кадров. Контакты с НПИ имели позитивное влияние на идейное становление афганской революционной демократии. Вместе с тем, как справедливо отмечал В.В.Басов, некоторые неправильные установки НПИ, например, о роли национальной буржуазии в революционной борьбе, элементы сектантства и догматизма в работе с массами в последующем негативно сказались на деятельности НДПА. [19]

По мере расширения и активизации деятельности кружков среди представителей радикальной интеллигенции стало постепенно крепнуть стремление к их объединению и созданию основ будущей партии. Определенная часть революционно-демократических кругов уже в тот период склонялось к идее создать партию марксистского характера.

Первая попытка объединить упомянутые кружки и на их базе создать партию под названием «Объединенный национальный фронт Афганистана» (ОНФА) была предпринята в сентябре 1963 года. В инициативное политическое ядро по организации партии, названное «Руководящим комитетом» («Комитайи сарпараст»), вошли известный афганский общественный деятель и историк Мир Гулям Мухаммад Губар, писатель Нур Мухаммад Тараки, сотрудник министерства планирования Бабрак Кармаль, офицер полиции Мир Акбар Хайбар, сотрудник исследовательского отдела Кабульского университета Мухаммад Тахер Бадахши, [20] профессор Кабульского университета Али Мухаммад Зохма, [21] президент горного департамента министерства горных дел и промышленности Мир Мухаммад Сиддик Фарханг. Активное участие в усилиях по созданию ОНФА принимали доктор Абдурахим Махмуди, чиновник Гулям Джелани Бахтари (двоюродный брат Б.Кармалю), редактор журнала «Кабул» Мухаммад Сиддик Рухи, сотрудник МИДа Афганистана Шах Мухаммад Дост и другие.

Указанные лица, собранные волею судьбы и времени под одной «крышей» Руководящего комитета, придерживались, однако, различных взглядов по вопросам о путях и средствах решения социально-экономических и политических проблем развития страны, а также и по вопросам о характере и программе будущей партии. Значительная часть членов и активистов Руководящего комитета, составлявших его буржуазно-демократическое и либеральное крыло, выступала за парламентские формы борьбы и создание демократической партии, которая бы объединяла в своих рядах патриотически настроенную интеллигенцию, крестьян, рабочих, ремесленников и национальную буржуазию. Вместе с тем они не возражали против того, чтобы в руководящее ядро такой партии вошли и коммунистические элементы. Революционно-демократическое крыло Руководящего комитета (Н.М.Тараки, Б.Кармаль, М.А.Хайбар, М.Т.Бадахши) и его сторонники, составлявшие численное меньшинство среди учредителей партии, ратовали за создание коммунистической партии и за использование в общественно-политической деятельности всех возможных средств борьбы, какие могли бы потребоваться в конкретных условиях страны. [22]

Программные установки ОНФА, носившие буржуазно-демократический характер, включали: ликвидацию в стране остатков феодализма; демократизацию государственного строя в рамках конституционной монархии; обеспечение национального равноправия, свободы личности, слова, собраний, профсоюзной деятельности и создание крестьянских союзов; издание прогрессивного закона о труде и внедрение принципов социального страхования рабочих; расширение народного образования; усиление роли государства в развитии экономики; обеспечение всеобщих и обязательных выборов в парламент при тайном голосовании; обеспечение равноправия мужчин и женщин; укрепление национального суверенитета; проведение борьбы за мир, против проявления колониализма, в поддержку прав народа Пуштунистана на самоопределение. [23]

Активизация деятельности оппозиционных сил, в том числе и левого направления, серьезно беспокоила правящие круги. Последние при изложении намечавшихся программ преобразований стали широко апеллировать к политической активной части интеллигенции и студенчества, стремясь заручиться ее поддержкой и склонить к сотрудничеству с властями и таким образом приостановить нарастание напряженности в общественных отношениях. Наряду с этим, дворцовая аристократия во главе с дядей короля мар-

шалом Шах Вали и консервативно-клерикальные круги начали оказывать в разных формах давление на оппозицию и ее видных деятелей.

Все это, вместе взятое, не могло не отразиться на позициях и поведении представителей буржуазно-демократического и либерального крыла оппозиционного движения. Многие из них стали склоняться к сотрудничеству с властями и поддержке правительственных программ преобразований, в которых увидели возможность реализовать на деле свои взгляды и убеждения. В дальнейшем некоторые из них отошли от политической деятельности (М.Г.М.Губар), другие же приняли предложение двора об участии в разработке проекта конституции и других законов и заняли высокие государственные посты (М.С.Фарханг, С.Сельджуки и др.). Позднее ряд из них стали депутатами парламента. В связи с прекращением деятельности буржуазных демократов в рамках Руководящего комитета практически были сведены на нет усилия по созданию ОНФА, который так и не стал реальностью политической жизни афганского общества. Однако работа, проведенная Руководящим комитетом, не была бесполезной: в его рядах четко определились два далеко не схожих подхода к характеру и формам борьбы будущей партии, разработаны ее основные программные установки, выяснены идейные расхождения между умеренной и радикальной частями демократической оппозиции и приобретен определенный опыт по вопросам организации партии.

Радикальные элементы и после размежевания с умеренными деятелями не отказались от намерения создать свою политическую организацию и упорно продолжали усилия в этом направлении. Их решимость довести задуманное до его логического завершения еще больше укрепилось в связи с обещанием правящих кругов страны разрешить деятельность политических партий и организаций и особенно после утверждения в начале октября 1964 года новой конституции, которая декларировала право подданных Афганистана на создание политических партий. [24]

По мысли участников кружков, группировавшихся вокруг Н.М.Тараки, создаваемая партия должна была быть «партией рабочего класса, вооруженной научной идеологией». [25] Вскоре, однако, для прогрессивной общественности страны стало совершенно очевидным, что правящая верхушка Афганистана, едва приоткрыв дверь для либерализации режима, не намерена была пускать за порог оппозиционные демократические силы, тем более левого толка, и позволять ни при каких условиях легального существования их партий и организаций. Данное обстоятельство, а также отсутствие закона о политических партиях заставило леводемократические элементы создать и провести учредительный съезд партии в нелегальных условиях.

I Учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана состоялся 1 января 1965 года в столичном районе Шер Шахмина (другое название этого района – Картайи чар), в доме Н.М.Тараки. На съезд было избрано 30 делегатов от 30 кружков, изучавших марксистскую теорию, [26] а именно: Нур Мухаммад Тараки, Бабрак Кармаль, Мухаммад Тахер Бадахши, Гулям Дастигир Панджшер, Шахрулла Шахпар, Султан Али Кештманд, доктор Салех Мухаммад Зерай, Мир Акбар Хайбар, Абдул Карим Мисак, доктор Акбар Шах Вали, доктор Мухаммад Захер Задран, Абдул Ваххаб Сафи, Сулейман Лайек, Нур Ахмад Нур, Мухаммад Хасан Барек Шафии, Акрам Каргар, Мулла Иса Каргар, Абдул Хади Карим, Мухаммад Захер Офок, Абдул Хахим Шараи Джаузджани, Абдул Хахим Халали, Вакиль Абдулла Джаджи, Нурулла Колали, Адам-хан Джаджи, Гулям Мохиддин Зармати, Ата Мухаммад Шерзай, Абдул Каюм Кавили, инженер Халияр, Абдул Кудус Горбанди, Мухаммад Исмаил Данеш. [27] Большинство из них являлись руководителями (секретарями) кружков. В работе съезда приняли участие лишь 27 делегатов. Трое из избранных делегатов (М.А.Хайбар, М.И.Данеш и А.Г.Горбанди) по разным причинам не смогли прибыть на съезд.

Делегаты Учредительного съезда представляли 15 провинций страны (Кабул, Пактию, Газни, Лагман, Парван, Кандагар, Герат, Майдан, Бадахшан, Фарьяб, Кунар, Фарах, Джаузджан, Логар, Тахар). Социально-классовый состав участников съезда был довольно однородным: 25 человек принадлежали к интеллигенции и лишь двое (Мулла Иса Каргар и Акрам Каргар) – к рабочим. Их национальный состав характеризовался следующими данными: 12 человек являлись пуштунами, 9 – таджиками, 3 – узбеками и 3 – хазарейцами. Среди делегатов съезда не было ни одного военного, хотя к этому времени в армии уже действовала тайная военная организация, стоявшая на одинаковых с НДПА идейных позициях. По соображениям безопасности, в работе съезда не участвовал и избранный его делегатом офицер полиции М.А.Хайбар. [28] Трое делегатов являлись офицерами запаса и в отставке. В числе участников съезда было 19 человек с высшим образованием (все они окончили в разное время тот или иной факультет Кабульского университета, как-то: медицинский (4 чел.), филологический (6 чел.), богословский (3 чел.), экономический (3 чел.), юридический (2 чел.) и сельскохозяйственный (1 чел.). Остальные имели среднее, начальное или частное образование. Средний возраст делегатов съезда составлял 28-30 лет. [29]

Съезд начал свою работу в 14.00 и завершил ее в 2.00 ночи. Первое заседание съезда открыл М.Т.Бадахши, который после представления делегатам Н.М.Тараки и Б.Кармалю предложил избрать председателем съезда Адам-хана Джаджи, а его заместителем – А.Х.Шараи Джаузджани. Председательствующий после короткой вступительной речи предоставил слово Н.М.Тараки для доклада «Об историческом развитии Афганистана и о значении создания в стране прогрессивной партии». Последний во время выступления развернул над трибуной красный флаг, что всеми присутствующими было встречено горячими аплодисментами. Затем с докладом «О современном положении Афганистана и задачах группы «Прогресс» [30] выступил Б.Кармаль. [31]

Важное место в представленных съезду докладах было отведено обоснованию идейно-политической платформы создаваемой партии, кратким оценкам истории борьбы афганского народа за независимость против британских колонизаторов и влияния внешних факторов на успех этой борьбы в новейшее время, а также анализу внутреннего положения страны и роли политических кружков в пробуждении сознания народа. Особое внимание было уделено раскрытию тенденций мирового развития в условиях существования социалистического содружества. Подчеркивалось влияние Октябрьской революции в России на на-

ционально-освободительную борьбу народа Афганистана и значение бескорыстной технико-экономической Советского Союза и других социалистических стран для преодоления вековой отсталости афганского государства. Нельзя не заметить, что авторы докладов при анализе и оценках современной исторической обстановки в Афганистане и в мире исходили из выводов Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 года, а также концептуальных положений по проблемам национально-освободительного движения, изложенных в Программе КПСС, принятой на XXII съезде в 1961 году. [32]

В докладе Н.М.Тараки были определены характер, цели и задачи создаваемой партии. Она мыслилась как партия рабочего класса и трудящихся страны, призванная вести борьбу за идеологию этого класса и быть составной частью рабочих партий мира. В качестве непосредственной задачи партии выдвигалась задача «собрать вокруг себя трудящихся, интеллигенцию, обучить их идеологии рабочего класса» и на этой основе организовать борьбу в Афганистане за интересы трудящихся. Стратегическим лозунгом партии провозглашалось «построение в стране общества, свободного от эксплуатации человека человеком». [33] 11 лет спустя, в 1976 году, фракция «Хальк» в брошюре «О Народно-демократической партии Афганистана» несколько по-иному, с известной поправкой на время, излагала программные установки, одобренные I Учредительным съездом партии. В частности, в ней утверждалось, что «первый съезд НДПА учредил коммунистическую партию Афганистана» и что «съезд поставил перед собой конечную цель – построение социалистического общества в Афганистане на основе творческого учета общих закономерностей и революционных принципов марксизма-ленинизма в конкретных условиях страны». Далее заявлялось, что «НДПА с самого начала своего существования... борется за осуществление антифеодальной, антиимпериалистической и демократической революции», победа которой «является стратегической целью партии». [34]

Н.М.Тараки, выступая по организационным вопросам, изложил основные принципы программы и устава партии, разработанных в общих чертах еще Руководящим комитетом в его первоначальном составе, и предложил назвать партию «Народно-демократической партией Афганистана». Наряду с этим, Б.Кармалем было высказано другое предложение: назвать организацию «Прогрессивной партией Афганистана». Однако оно не получило на съезде широкой поддержки.

После обсуждения докладов и выступления Н.М.Тараки делегаты съезда единодушно согласились принять за основу предложенные принципы программы и устава партии и поручили комиссии в составе Б.Кармала, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши и доктора А.Шах Вали разработать проекты указанных документов с учетом высказанных на съезде мнений и предложений. [35] Затем участники съезда тайным голосованием избрали ЦК НДПА в составе 11 человек, в том числе членами ЦК Н.М.Тараки, Б.Кармала, М.Т.Бадахши (сотрудник исследовательского отдела Кабульского университета), С.А.Кештманда (сотрудник министерства горных дел и промышленности), Ш.Шахпара (сотрудник министерства сельского хозяйства), С.М.Зерая (преподаватель медицинского факультета Кабульского университета), Г.Д.Панджшери (сотрудник министерства информации) и кандидатами в члены ЦК – А.В.Сафи (чиновник министерства сельского хозяйства), А.Шах Вали, М.З.Задрана (преподаватели медицинского факультета Кабульского университета) и А.К.Мисака (служащий техникума завода «Джангалак»). Таким образом, вышший руководящий орган НДПА, избранный Учредительным съездом, был представлен в социальном плане лицами из числа мелкобуржуазной интеллигенции и государственных служащих, а в национальном отношении – пуштунами (4 чел.), таджиками (4 чел.), хазарейцами (2 чел.) и одним узбеком. Съезд принял также текст письма НДПА к народу Афганистана, написанный Б.Кармалем, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши и М.Х.Бареком Шафи.

После завершения работы съезда состоялся пленум ЦК партии, на котором присутствовали все делегаты съезда. На нем первым секретарем ЦК партии единогласно был избран Н.М.Тараки, а его заместителем – Б.Кармаль.

Во исполнение решения Учредительного съезда партия развернула работу по расширению и организационному укреплению своих рядов. В составе ЦК НДПА были созданы постоянные комиссии по основным направлениям его деятельности: организационная, теоретическая, финансовая и контрольная. Заседания ЦК проводились регулярно, один раз в неделю. Уже к ноябрю 1965 года было образовано 17 партийных комитетов в Кабуле и 9 – в провинциях. Кроме того, были созданы инициативные группы в городах Кундузе, Хосте, Газни, Герате и Шибиргане. Однако основной сферой интересов и деятельности партии по-прежнему оставались столичная городская интеллигенция, государственные служащие, студенческая и учащаяся молодежь. Рабочих, крестьян и ремесленников в партию вовлекалось крайне мало. В 1967 году в рядах партии насчитывалось 515 членов, а к лету 1968 года уже более 1,5 тысяч членов. [36] Наиболее крупные организации действовали в Кабульском университете, Кабульском политехническом институте (КПИ), лицее «Хабибия» (здесь уже к концу 1965 г. было около 30 членов партии). В КПИ секретарем ячейки был Наджмуддин Кавьяни, а среди ее членов – З.Размджу, А.Остовар, Э.Васель, Х.Карим, Асадулла Руг и др.

В рассматриваемый период, как и на этапе кружковой деятельности, организации НДПА и созданная при ЦК комиссия по идеологии большое внимание уделяли идейно-политической учебе партийцев, ознакомлению их с основами философии, политэкономии, научного социализма и вопросами текущей политики. Предпринимались также попытки разобраться в вопросах теории и практики национально-демократической революции, концепции государства национальной демократии, теории некапиталистического развития. Представляется, что именно с этой целью Н.М.Тараки по своей личной инициативе совершил в конце 1965 года поездку в СССР. Как признавали позже в частных беседах партийные активисты тех лет, глубоко понять и осмыслить указанные проблемы и вопросы теории им все же не удавалось из-за отсутствия в их распоряжении оригинальных научных трудов, нехватки политической литературы и квалифицированных пропагандистов. Таких хорошо подготовленных и популярных лекторов

пропагандистов, как Мир Акбар Хайбар, в партии были считанные единицы. Политическая учеба продолжала носить бессистемный характер. Какой-либо принятой программы занятий и лекционной пропаганды у партии не было. Существенным недостатком являлось также то, что партия и после своего создания во многом сохраняла кружковые формы пропаганды и организации и не перешла к широкой агитации среди трудящихся масс, что не могло не ограничивать сферу ее влияния и ее социальную базу.

Весной 1966 года, в соответствии с накануне принятым Законом о печати, НДПА получила разрешение на издание газеты «Хальк» («Народ») – первого печатного органа ЦК партии (подробно о «Хальк» и ее публикациях см. ниже). Следует заметить, что, наряду с «Хальк», в первой половине этого года в столице начали издаваться еще четыре частные газеты, имевшие разную политическую и социально-классовую окраску и направленность. [37]

В первом, сдвоенном, номере «Хальк», вышедшем из печати 11 апреля 1966 года на языках пушту и дари, была опубликована программа партии, названная по соображениям конспирации «Демократической программой Хальк» (имелась в виду газета «Хальк». – М.С.). Она была разработана комиссией во главе с Б.Кармалем с учетом взглядов и идей, высказанных на I Учредительном съезде партии, дополнена членами ЦК НДПА и единогласно утверждена на расширенном пленуме ЦК партии. [38] Эпиграфом для нее были взяты слова: «Во имя беспредельных страданий угнетенных народов Афганистана».

Программа включала введение и четыре раздела, в которых раскрывались и обосновывались программные установки партии в политической, экономической, социальной и культурной областях.

Во введении был дан краткий анализ внутренней и международной обстановки и сформулированы принципиальные оценки и программные лозунги партии. В нем было отмечено, что общественно-экономической строй страны является феодальным и что народы Афганистана и их передовые представители с момента восстановления независимости в 1919 году «вели героическую борьбу за ликвидацию феодальных порядков, абсолютизма и внутренней реакции, за искоренение влияния колониализма и империализма». Однако эта борьба, указывается в документе, потерпела временное поражение из-за отсутствия благоприятных внутренних и международных условий и в результате феодалам и их правящим кругам удалось сохранить власть в своих руках, что в дальнейшем «привело к обострению основного противоречия между крестьянами и феодалами, противоречия между народами страны и империализмом». [39]

На основе анализа общественного развития Афганистана и с учетом позитивных сдвигов, происшедших в мире после второй мировой войны, в программе был сделан вывод о том, что в стране «появились реальные возможности для освобождения от оков феодальной реакции, воздействия факторов колониализма и империализма» и разрешения указанного выше основного противоречия на путях реализации Демократической программы Хальк под руководством прогрессивных и патриотических сил.

Развивая далее данный тезис, программа называла главной причиной отсталости страны, нищеты, невежества и страданий афганского народа политическое и экономическое господство класса феодалов, крупных купцов-спекулянтов и компраторов, прогнивших бюрократов и представителей международных империалистических монополий и предлагала в завуалированной форме заменить мирным путем существующий несправедливый общественный порядок и избрать некапиталистический путь развития. В качестве средства решения данной задачи и стратегической цели национального и общедемократического движения объявлялось создание правительства национальной демократии. Социальной опорой такого правительства, по мнению авторов программы, должен был стать «объединенный национальный фронт всех прогрессивных, демократических и патриотических сил, то есть рабочих, крестьян, прогрессивной интеллигенции, ремесленников, мелкой буржуазии (мелких и средних собственников) и национальной буржуазии, которые ведут... борьбу за национальную независимость, демократизацию общественной жизни и доведение до конца демократического, антиимпериалистического и антифеодального движения».

Программа, формулируя свою позицию во внешнеполитической области, дала высокую оценку и выразила поддержку решениям Лоя джирги 1955 года, определившим основные принципы внешней политики Афганистана: нейтралитет, миролюбие и мирное сосуществование, антиколониализм и антиимпериализм, неприсоединение к военным блокам.

В политическом разделе программы были сформулированы важнейшие задачи, которые предстояло решать с созданием национально-демократического правительства, а именно:

- 1) защита территориальной целостности, политической независимости, экономической самостоятельности и национального суверенитета Афганистана;
- 2) сосредоточение всей полноты власти в руках народа и укрепление народовластия в форме правительства национальной демократии;
- 3) избрание «Шура» («Совета»), высшего законодательного органа, из представителей всех слоев и классов населения страны на основе всеобщих, равных, свободных и прямых выборов, при тайном голосовании;
- 4) обеспечение независимого характера судебной системы и ведения судопроизводства на основе соблюдения демократических принципов;
- 5) создание условий, при которых народы страны могли бы пользоваться широкими демократическими, политическими и гражданскими правами: свободой мысли и слова, печати, собраний, создания политических партий и профсоюзов, правом на забастовки и демонстрации, свободой передвижения, выбора профессии, работы и места жительства, личной неприкосновенности, равным правом на занятие государственных должностей, правом избирать и быть избранными по достижении 18 лет в любые демократические органы без какой-либо дискриминации по признакам пола, национальности, места рождения, вероисповедания, убеждений, образования, характера работы и имущественного положения и т.д.

В числе других задач большое внимание было уделено решению национального вопроса. Отметив существование в Афганистане значительных ограничений прав и свобод и дискриминации по национальному признаку, программа предусматривала в качестве одной из обязанностей национально-

демократического правительства принятие неотложных мер по объединению и сплочению всех народностей и племен Афганистана «на основе обеспечения интересов угнетенных классов, принципов братского равенства и всесторонней борьбы против любых проявлений национального гнета». Наряду с этим, выдвигалась идея пересмотреть административное деление страны с учетом экономических, языковых и культурных особенностей ее отдельных районов, а также решить языковую проблему.

Программа резко осудила навязанную британскими колонизаторами так называемую «линию Дюранда» и отторжение от Афганистана части его территории и заявила о поддержке национально-освободительного движения народа Пуштунистана и его права самому решать свою политическую судьбу.

В международной области Демократическая программа Хальк выступила за «проведение независимой и активной миролюбивой внешней политики и приверженность курсу позитивного нейтралитета с правом свободного выбора», в защиту всеобщего мира и политики мирного сосуществования, за установление дружественных, равноправных и взаимовыгодных связей со всеми народами, политическими кругами и правительствами, за укрепление и расширение тесных дружественных отношений с передовыми странами, противодействие всем агрессивным военно-политическим блокам и союзам, в поддержку Организации Объединенных Наций, борьбы за упрочение всеобщей безопасности, разоружение под полным международным контролем, против колониализма, неоколониализма и империализма, в поддержку национально-освободительных и прогрессивных движений в мире.

В экономическом разделе программы было заявлено, что Афганистан, обладая богатыми природными и людскими ресурсами, «может в короткие сроки поднять жизненный уровень народа, обеспечить его продуктами питания, одеждой и жильем и открыть доступ к образованию и медицинскому обслуживанию». Однако, по мнению издателей программы, огромной преградой на пути быстрого роста производительных сил и экономического развития страны стали феодальный строй и его феодальные и дофеодальные производственные отношения, жестокая эксплуатация и угнетение народных масс. Чтобы в кратчайшие сроки, еще при жизни одного поколения, покончить с вековой отсталостью Афганистана, превратить его в промышленную страну и обеспечить ее экономический подъем и социальный прогресс, необходимо, подчеркивается в документе, «изменить существующий порядок и вместо отживших несправедливых отношений... ввести новую систему национальной экономики (основанную на новых справедливых отношениях) в интересах производителей материальных благ».

В связи с этим предлагалось в рамках некапиталистического пути развития осуществить «в качестве большой национальной и гуманистической задачи» систему экономических мероприятий, которые обеспечили бы быстрое развитие национальной экономики на основе государственного планирования и дальнейшей укреплению и расширения госсектора. В области развития национальной промышленности предусматривались: индустриализация страны на основе новой техники и за счет государственного капиталовложения и иностранных займов и помощи; поощрение частных и смешанных частно-государственных капиталовложений под руководством государства в развитие легкой промышленности и установление ответственности правительства за защиту отечественных (государственных и частных) промышленных товаров от конкуренции с аналогичными товарами иностранного производства; оказание покровительства ремесленному производству и льготное кредитование ремесленников через их кооперативы.

Принимая во внимание остроту и значение решения аграрно-крестьянского вопроса для судеб страны и ее народа, составители программы отвели в ней особое место изложению и обоснованию аграрной платформы партии. Ее главным пунктом была идея осуществить в Афганистане демократическую земельную реформу как условие, которое могло бы обеспечить «социально-экономический прогресс и демократизацию общественной жизни, развитие производительных сил и ликвидацию отживших производственных отношений в сельском хозяйстве страны». Коренные аграрные преобразования мыслилось провести «на основе социальной справедливости, с участием всех крестьян и непосредственно в интересах малоземельных и безземельных землевладельцев, путем введения прогрессивного и демократического законодательства», которое аннулирует всю феодальную систему и ее институты, искоренит эксплуатацию и нищету трудящихся крестьян и высоко поднимет сельскохозяйственное производство в стране. Среди других мер в аграрной сфере программа предлагала оказание помощи и поддержки мелким и средним землевладельцам, гарантирование им права собственности, ликвидацию в соответствии с законом задолженности крестьян ростовщикам, освоение целинных земель с целью создания на них больших государственных ферм или передачи этих земель в пользование сельскохозяйственных кооперативов малоземельных и безземельных крестьян и кочевников, создание потребительских, сбытовых и производственных крестьянских кооперативов и предоставление им необходимых льгот по приобретению сельскохозяйственных машин, инвентаря и химических удобрений, установление справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию, улучшение семеноводства и агрономической помощи, учреждение по линии государства крупного сельскохозяйственного банка и предоставление крестьянам долгосрочных ссуд и кредитов на льготных условиях, осуществление ирригационного строительства и т.д.

Программа намечала целый ряд мероприятий по улучшению положения скотоводов-кочевников, в частности ликвидацию в сфере скотоводства отживших дофеодальных отношений и эксплуатации пастухов, создание скотоводческих кооперативов и оказание им ветеринарной и другой помощи, обустройство пастбищ, улучшение пород скота т.д. В качестве важнейшей социальной задачи выдвигались перевод кочевников на оседлость и улучшение их жизненных условий, а также решение на демократических началах проблемы их племенного уклада жизни.

Касаясь сферы торговли, программа подвергла резкому осуждению деятельность в Афганистане иностранных торговых фирм, местных купцов-спекулянтов и компрадоров и возложила на них вину за ввоз в страну предметов роскоши и непроизводительных товаров в обмен на вывоз сырья, за растративание национальных богатств и утечку капиталов за рубеж и ущерб, наносимый ими развитию национальной промышленности и укреплению экономической независимости. Для преодоления указанных пороков на-

ционально-демократическому правительству предлагалось национализировать внешнюю торговлю, установить контроль над торговлей путем введения протекционистских мер, расширить меновую (бартерную) торговлю и ввоз в страну машин и технического оборудования. В области внутренней торговли и финансов предполагалось стабилизировать рыночные цены, принять меры к удовлетворению нужд населения в товарах первой необходимости и защите интересов мелких и средних торговцев перед крупными купцами и компрадорами, снять тяжелое бремя косвенных налогов с плеч народа, расширить систему прямого прогрессивного налогообложения и на основе социальной справедливости возложить его на состоятельные слои и классы общества.

Социальные требования НДПА охватывали широкий круг вопросов и включали: обеспечение всем способным трудиться право на труд при получении соответствующей заработной платы, достаточной для удовлетворения материальных и духовных нужд; право на отдых при 42-часовой рабочей неделе для всех категорий рабочих и на получение ими ежегодного оплачиваемого отпуска; право всех трудящихся на пенсию по возрасту, болезни и инвалидности; запрещение использования труда детей моложе 15 лет; создание профессиональных союзов; учреждение нейтральных судов с участием в них представителей рабочих для разбора конфликтов между рабочими и работодателями и наблюдение за правильным применением законов о труде; строительство удобного и дешевого жилья для всех обездоленных слоев и классов в городе и деревне и принятие мер по недопущению непомерно высокой платы за наем жилья, дуканов и т.п.; создание демократических союзов женщин и устранение дискриминации женщин в сфере труда и заработной платы, предоставление им 80-дневного оплачиваемого отпуска перед и после рождения ребенка; охрану здоровья матери и ребенка; реорганизацию государственного управленческого аппарата; борьбу против самоуправства и беззакония, недисциплинированности, взяточничества, бюрократизма, волокиты, деспотизма и казнокрадства высокопоставленных должностных лиц; создание компетентных политических судов с открытым и беспристрастным судопроизводством; пересмотр и отмену всех законов и установлений, которые противоречат интересам народа и демократии; введение бесплатного медицинского обслуживания, подготовку медицинского персонала и создание широкой сети медицинских и оздоровительных учреждений и, наконец, решительную борьбу с суевериями, употреблением опиума, чарса и алкоголя, проституцией и другими проявлениями моральной распушенности.

В области культуры программа НДПА призвала к развитию национальной культуры и просвещения масс и ознакомлению их с передовой современной мировой культурой, чему, как отмечено в этом документе, «постоянно мешали правящие реакционные, феодальные классы, преследуя свои узкокорыстные цели». Объявив своей целью осуществление в стране «культурной революции», авторы программы выдвинули следующие конкретные требования: осуществление повсеместно в Афганистане всеобщего, обязательного бесплатного начального образования на родном языке, начиная с 7-летнего возраста (мальчиков и девочек), без какой-либо дискриминации; проведение в жизнь обязательного бесплатного среднего образования; обеспечение для учащихся – выходцев из трудящихся слоев населения всех районов страны – возможности получения специального, среднего и высшего образования с предоставлением им стипендий и общежитий; принятие мер к расширению сети университетов и научно-исследовательских учреждений, оказание помощи ученым, писателям и работникам искусств; сохранение исторических памятников, развитие музейного дела и археологических исследований; расширение международных культурных связей; осуществление «всеобщего джихада» против неграмотности; развитие спорта и расширение сети культурно-просветительских учреждений; нравственное и духовное воспитание учащейся и студенческой молодежи; принятие решительных мер с целью развития языков и культуры различных племен и народностей, особенно в отсталых провинциях страны, и обеспечение их социально-экономического подъема; расширение и развитие свободных и демократических средств массовой информации.

Заключая изложение программных установок партии, их авторы выразили поддержку ценностям и демократическим целям новой конституции страны (1964 г.) и заявили: «На данном историческом этапе мы решительно боремся мирным и открытым путем за создание правительства национальной демократии и за некапиталистический путь развития на основе прогрессивной идеологии и научного мировоззрения... не упуская из виду своей конечной цели и перспективы общественного развития, коей является построение социалистического общества». Они призвали все прогрессивные и демократические силы, всех подлинных патриотов и сторонников программы «объединиться в рядах демократического движения Хальк и бороться за претворение в жизнь его целей и задач.

Создание НДПА явилось, несомненно, выдающимся событием афганской истории второй половины XX в., знаменовавшим собой появление в стране совершенно новой общественно-политической силы, которая впервые открыто, с позиций революционного демократизма выступила за интересы широких народных масс и социальный прогресс. Социально-классовые акценты в лозунгах и деятельности партии стали наглядным свидетельством начавшегося в стране процесса деления и поляризации общественно-политических сил по классовому признаку, являющемуся, по выражению В.И.Ленина, «самым глубоким основанием политической группировки». [40] Необходимо еще раз подчеркнуть, что организационное оформление рядов леводемократических сил и выработка идейных основ партии были исторически обусловлены и тесно связаны со всем предшествующим социально-экономическим и политическим развитием Афганистана, с опытом и традициями демократического движения в стране, особенно в послевоенный период, и огромным воздействием внешних факторов на взгляды и настроения передовой афганской общественности.

С обнародованием программы НДПА общественно-политическая жизнь Афганистана обогатилась новым содержанием и перспективой. Поэтому не случайно, что партия и ее программные лозунги сразу же оказались в фокусе широкого общественного внимания и идеологической борьбы, симпатий и антипатий различных слоев и классов и политических сил страны, в том числе и правящей верхушки. Если для демократически настроенных сил Афганистана содержание программы и ее аргументация стали своеобразным

путеводителем в их пропагандистской и политической деятельности, то для консервативно-клерикальных, правых кругов – объектом злобных нападок и дискредитаций. Повышенный интерес к НДПА начал проявляться и за рубежом, особенно по мере развертывания ею организаторской, пропагандистской и парламентской деятельности.

Коренным положением, выдвинутым в программе партии и определившим по существу все ее содержание, была идея создания национально-демократического правительства, опирающегося на широкий объединенный национальный фронт прогрессивных, патриотических и демократических сил общества и выражающего интересы широкого спектра социально-классовых сил от рабочих и крестьян до национальной буржуазии. Как уже было сказано, в тот период НДПА исходила из возможности мирного перехода власти от бюрократических и торгово-помещичьих кругов к национально-демократическому правительству. Вместе с тем следует заметить, что, хотя партия в своем программном документе и не упоминала слово «революция», однако ее установки о необходимости «ликвидации феодальной системы и ее институтов», «осуществления аграрных преобразований на основе социальной справедливости», «искоренения эксплуатации трудового крестьянства» [41] и т.п. означали фактически призыв к социальной революции и радикальному изменению существующего строя. Заслугой НДПА явилось также то, что, выдвигая некапиталистический путь развития в качестве альтернативы для избавления афганского народа от нищеты и отсталости, она отвергала хищнический капитализм как общественную систему и считала ее неприемлемой для Афганистана.

На основе анализа конкретно-исторических условий и выяснения социально-классового содержания национально-демократического движения в Афганистане авторы программы впервые в афганской политической литературе дали расшифровку понятия «народ» («хальк»), включив в него те слои и классы общества (крестьян, рабочих, прогрессивную интеллигенцию, ремесленников, мелкую и среднюю национальную буржуазию), которые по своему объективному положению были заинтересованы и способны принять участие в решении задач национально-демократической революции. Отсюда вполне логично, почему слово «хальк», несущее указанную смысловую нагрузку, вошло в название «Народно-демократической партии Афганистана».

Нужно отдать должное авторам программы в том, что они при анализе социально-экономической и политической ситуации в стране смело критиковали реакционные и абсолютистские круги, обвиняя их в удушении в прошлом прогрессивных движений, возлагали на них ответственность за нищету, беды и страдания афганского народа и подавление гражданских свобод и требовали принятия мер для изменения существовавших тогда несправедливых порядков. [42]

В целом программа НДПА по своему содержанию носила революционно-демократический характер. Примечательно, что программные установки партии шли несравненно дальше расплывчатых требований оппозиционных группировок конца 40-начала 50-х годов. На сей раз демократические круги апеллировали непосредственно к трудящимся слоям и классам и выступали как защитники их интересов.

Однако легально изданный манифест партии как первый документ подобного рода в истории становления афганской революционной демократии не был лишен ряда ошибочных оценок и трактовок, поверхностных суждений, элементов догматизма и сектантства, торопливости и необоснованности в выдвигании лозунгов политической борьбы. Это проявилось, в частности, в упрощенном толковании социально-классовой структуры населения страны, неучете фактора незавершенности процессов классового образования и массового деклассирования, преувеличении степени феодальности афганского общества, [43] умалении роли и влияния буржуазии, игнорировании традиционных структур и институтов, их роли и места в политической борьбе (родоплеменной организации и сохраняющегося влияния ее верхушки, механизма джирг и племенной демократии, приверженности традициям, средневековым обычаям и религии) и т.д.

Авторы программы, о чем говорилось выше, придерживались мнения о существовании в Афганистане феодальной системы и класса феодалов и его определяющем месте в социальной структуре общества. В действительности же крупные афганские землевладельцы (малеки), являвшиеся по преимуществу абсентеистами, ко второй половине 60-х годов XX в. уже утратили прежний, классический облик феодала и в большинстве своем сочетали феодальные методы эксплуатации крестьян-издольщиков с буржуазным предпринимательством, бизнесом, торговлей, ростовщичеством, государственной службой. Они к этому времени представляли из себя в собственном смысле слова не «класс феодалов», а некий переходный социальный слой, являющийся одновременно носителем пережитков феодализма и адептом современных экономических укладов. Двойственность их социального положения обусловила противоречивость их мировоззрения и политического поведения. С одной стороны, они, связанные с феодальными формами эксплуатации, выступали против прогрессивных преобразований, ущемлявших их традиционные права, с другой, будучи вовлеченными в сферу капиталистического производства и рынка, отстаивали свободу частного предпринимательства и интересы национальной буржуазии перед иностранным монополистическим капиталом.

То, что авторы программы «не заметили» указанной двойственности социального положения и политического поведения крупных земельных собственников (малеков) не было случайным и проистекало из догматического подхода к анализу социально-классовой ситуации в стране, недооценки роли и влияния буржуазии и стремления отмежеваться от патриотически настроенных имущих слоев общества во имя сохранения мнимой «классовой чистоты» и «революционности» партии, что на деле вело к сужению социальной базы общедемократического движения. Что касается программного лозунга НДПА о ликвидации класса феодалов и феодализма, [44] то он логически не вытекал из конкретно-исторических условий страны и не мог способствовать привлечению обуржуазившихся крупных земельных собственников к участию в объединенном национальном фронте. В связи с этим данный основополагающий и важнейших лозунг, как он представлен в программе партии, «не работал» на успех национально-демократической революции и нуждался в определенной корректировке, заключавшейся в необходимости перенесения акцен-

та на борьбу «против средневековых остатков» [45] в деревне и пережиточных форм эксплуатации наемного труда.

Далекими от действительности и теоретически ошибочными были и положения программы о том, что-де в Афганистане «капиталистические отношения находятся в своем зародышевом состоянии», а «укрепление и расширение госсектора экономики... препятствует развитию капитализма» [46] в стране. Недооценка уровня развития афганского капитализма неизбежно порождала умаление роли и влияния буржуазии в общедемократическом движении, а в практике борьбы приводила к отрицанию связей и сотрудничества с ее политическими группировками. В результате погрешностей в расшифровке социально-классовой структуры и уровня социально-экономического развития афганского общества остались в программе партии невыясненными и вопросы о гегемонии в демократическом движении, конкретных принципах аграрных отношений, формах собственности.

Постановка национального вопроса в программе, безусловно, свидетельствовала о понимании афганскими революционными демократами важности и сложности этого явления в социальной жизни Афганистана. Предлагавшиеся в программе меры в данной области при определенных обстоятельствах, разумеется, вполне могли бы содействовать известному оздоровлению отношений между народами и племенами страны. Однако эти меры все же носили ограниченный характер и по существу сводились лишь к закреплению законодательным путем равенства всех этнических групп, населяющих страну, и улучшению административного деления государства с учетом национального фактора. [47] Вместе с тем авторы программы упускали основное условие для установления подлинного национального равенства, а именно: экономической и культурный аспекты – выравнивание уровня экономического и культурного развития различных районов страны, населенными национальными меньшинствами и пуштунскими племенами. Не был раскрыт в программе и тезис о путях решения языковой проблемы.

Если не считать общей констатации о необходимости «решения проблемы кочевников и племенного уклада на демократических началах», [48] в программе не нашел отражения такой исключительно важный и болезненный феномен афганского общества, как родоплеменная система, охватывающая больше половины населения страны, с ее влиятельными ханами, старейшинами и авторитетами, составляющими, как правило, экономически господствующую верхушку афганской деревни. Отсутствие у партии четкой выработанной и правильной политики в отношении родоплеменной организации, а затем, после апреля 1978 года, бездумное покушение центральной власти на земельную собственность ее верхушки, а также грубое вторжение в самобытный, веками устоявшийся образ жизни племен обернулись трагическими последствиями для национально-демократического режима.

Не был поставлен в программе НДПА также и вопрос об отношении партии к религии, верующим и духовенству. Игнорирование партией этого острого для мусульманского общества вопроса может показаться по меньшей мере странным, если смотреть на данное упущение программы с позиции так называемого «исламского бума», охватившего «мир ислама» с конца 70-х годов. Однако тогда, в 50-первой половине 60-х годов, в этом ничего необычного не было, поскольку «исламский фактор» еще не играл той активной роли в общественно-политической жизни стран Востока, которую он приобрел в последующем. Вследствие этого в программных документах международного коммунистического и рабочего движения, откуда афганская революционная демократия черпала свои идейно-политические взгляды и оценки, вопрос о роли и месте религиозного фактора в национально-освободительном движении того времени вообще не ставился, как, впрочем, и не ставился применительно к освободившимся странам вопрос о соотношении светского и религиозного начал в революционно-демократической идеологии. На взгляды афганских левых относительно религии, несомненно, повлияла широко распространенная в марксистской литературе тех лет односторонняя трактовка религии как «антинаучной и реакционной идеологии» и как орудия «в политическом и идеологическом арсенале империализма». [49] В практическом плане умолчание НДПА по поводу религии сделало ее идейную платформу крайне уязвимой в противоборстве с правыми консервативно-клерикальными кругами, не преминувшими незамедлительно выдвинуть по ее адресу обвинение в «безбожии» и «вероотступничестве».

К другим слабостям программы НДПА можно было бы отнести элементы риторики и декларативности, встречающиеся в ряде ее мест, нечеткость формулировок, выдвижение заведомо преждевременных лозунгов для этапа национально-демократической революции вроде «ликвидации эксплуатации трудового крестьянства», осуществления «культурной революции в стране», «введения обязательного и бесплатного среднего образования» [50] и т.п.

Разработав и обнародовав свою программу, НДПА приступила к широкому разъяснению в стране идеологической платформы, целей и задач партии, сплочению своих приверженцев в единую общенациональную организацию и организационно-идейному укреплению партийных рядов, развитию политического сознания масс, защите своих идейных взглядов, обличению произвола властей и несправедливого общественного устройства, пропаганде идей интернационализма.

Важнейшую роль в реализации указанных намерений должна была сыграть газета «Хальк», объявившая себя, как было указано в подзаголовке ее названия, «выразительницей народно-демократических взглядов». Ввиду существовавшего в стране запрета на деятельность политических партий газета формально считалась частным изданием, отражавшим взгляды определенного политического течения в обществе. Ее издателем и председателем редакционной коллегии стал Нур Мухаммад Тараки, а главным редактором – поэт Мухаммад Хасан Барек Шафии, незадолго до занятия этого поста редактировавший журналы «Жвандун» (издание газеты «Анис») и «Пуштун жаг» (печатный орган управления «Радио Афганистана»). [51] В авторский актив газеты входили Б.Кармаль, С.Лайек, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши, Нур Ахмад Нур, А.Х.Шараи Джаузджани и другие. По своему внешнему оформлению газета «Хальк» отличалась от других частных и официальных периодических изданий тем, что ее название и подзаголовок печатались красным цветом. [52] Она выходила один раз в неделю (по понедельникам) на четырех полосах малого

формата. Ее материалы печатались на языках дари и пушту, а некоторые стихи – на узбекском и туркменском. Тираж первых номеров газеты составлял 20 тысяч экземпляров, а в последующем – до 10 тысяч, что было внушительным не только по сравнению с частными газетами того времени, но и с официальными, тираж которых, как правило, не превышал 3-4 тысяч. Передовые статьи газеты, написанные на языке пушту, принадлежали перу Н.М.Тараки. [53]

Среди первых публикаций газеты «Хальк» внимание читателей, безусловно, привлекла статья «Владимир Ильич Ленин: 96 годовщина со дня рождения». Примечательным здесь было не столько то, что она помещалась в центре первой полосы, хотя и это само по себе уже говорило о многом, а то, что издатели газеты впервые в истории афганской легальной прессы открыто выразили свои глубокие симпатии вождю Октябрьской революции, подчеркнули историческое значение его идей для национального и социального освобождения народов и дали восторженную оценку его роли в установлении равноправных отношений между двумя соседними странами, в закладывании основ и традиций советско-афганской дружбы. [54]

Несомненный интерес для политизированной афганской общественности представляли и другие публикации газеты. К ним относились, в частности, статьи Б.Кармалы «Пути и средства осуществления чаяния народа от Вулуси джирги». В первой из них, опубликованной в третьем, четвертом и пятом номерах газеты от 25 апреля, 2 и 9 мая 1966 года, раскрывались причины, побудившие демократические круги общества приступить к изданию своего печатного органа, а также обосновывалась «историческая необходимость создания политической организации нового типа». [55] Выступая от имени прогрессивных и патриотических кругов страны, автор не без оснований и гордости заявил, что они «впервые в истории национальных движений Афганистана... творчески разработали и обнародовали Демократическую программу Хальк, положив в ее основу научное мировоззрение». Разъясняя их взгляды о формах и перспективах движения, он указал, что «в современных условиях, характеризующихся коренными изменениями в соотношении международных сил, возрастающим влиянием научного мировоззрения и благоприятной внутренней обстановкой, прогрессивные, демократические силы народа Афганистана... получили возможность уже в настоящее время путем открытой мирной, законной, парламентской и народной борьбы претворить в жизнь свои идеалы, довести до окончательной победы демократическое, антифеодалное и антиимпериалистическое движение, сформировать классовое сознание трудящихся масс народа и выработать чувство организатора у нового, передового класса истории». [56]

«Следуя научным принципам и опираясь на анализ конкретных объективных и субъективных, национальных и международных условий Афганистана, а также используя демократические достоинства конституции, – писал далее Б.Кармаль, – представители демократического движения Хальк вот уже в течение трех лет ведут работу по созданию организации, ярким олицетворением которой является газета «Хальк». [57] Это было первое с момента Учредительного съезда НДПА открытое признание в прессе факта становления в стране нелегальной политической партии. В данном процессе, по мысли автора, решающую роль должен был сыграть партийный печатный орган. Перефразируя классическое ленинское высказывание о высшем назначении партийной газеты, Б.Кармаль подчеркнул, что «газета «Хальк» должна стать не только коллективным пропагандистом и агитатором среди масс, но и коллективным организатором-вожаком трудовых, народно-демократических слоев». [58]

Издание газеты, говорилось в статье, преследует в общенациональном масштабе следующие цели: пропаганду, популяризацию и разъяснение содержания Демократической программы Хальк; пропаганду и распространение научного мировоззрения как оружия в классовой борьбе за освобождение трудящихся и как цельной и стройной системы философских и социально-политических взглядов; показ бедственного положения угнетенных народов Афганистана и разоблачение тирании и гнета господствующих классов и их апологетов; пробуждение классового, политического и общественного сознания народа; сплочение всех прогрессивных, демократических сил, всех истинных патриотов страны в рамках единого движения и одной общественно-политической, народно-демократической организации и обеспечение ее единства в организационном и идеологическом отношениях. «В этом, – заключает автор статьи, – состоит в общих чертах логичный ответ на вопрос, почему демократическая газета «Хальк» стала издаваться как общенациональный печатный орган». [59]

В упомянутой статье довольно подробно были изложены взгляды и представления афганских революционных демократов относительно «политической организации нового типа». По их мнению, она призвана вести политическую, экономическую и идеологическую борьбу, выступать за освобождение народа от гнета и эксплуатации и привести на смену старому правительству новое – слугу трудового народа. Автор статьи, анализируя внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане, пришел к выводу, что здесь в середине 60-х годов XX в. уже имелись благоприятные предпосылки для создания и деятельности партии трудящихся, и снова подтвердил, что в рядах демократического движения появилась и вышла на арену борьбы «подлинно авангардная, прогрессивная группировка». [60] Вместе с тем в статье было справедливо обращено внимание на пороки и слабости движения и его сторонников. Чтобы организация могла выполнить свое историческое предназначение, признавалась настоятельная необходимость покончить с такими присущими им чертами, как «кружковщина, мелочность, беспринципность, малодушие, шатания и феодальный эгоизм». [61]

Принимая во внимание низкий уровень идейной зрелости участников движения, газета стремилась вооружить их теоретически, расширить их политический кругозор, тесно увязать между собой вопросы теории и революционной практики, познакомить массового читателя с научной общественно-политической терминологией. С этой целью, наряду с аналитическими статьями, на ее страницах систематически печатались разделы «Общественная терминология» (автор – М.Т.Бадахши), «Наука и новая философия», «Слова и термины в Демократической программе Хальк». В них кратко, в популярной форме разъяснялись такие понятия, как «философия», «идеология», «методология», «диалектика», «метафизика», «клас-

совое деление» (общества), «классовые слои», «классовая прослойка», «классовые противоречия», «классовая партия», «народ», «народный фронт», «государственный сектор» (экономики) и др. [62]

Ряд материалов газеты был посвящен показу бедственного положения трудящихся, обличению произвола властей, анализу международных событий и проблем антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы в мире и регионе. Газета регулярно публиковала подборки лозунгов демократического движения (подобно: «Защита демократии – задача каждого прогрессивного и свободного человека», «Демократия для всех, но не для какого-то особого класса» и др.), а также стихи на национальных языках Афганистана с ярко выраженным социально-политическим и гражданским содержанием, принадлежавшие перу известных афганских поэтов С.Лайека, Барека Шафии и др.

Следует отметить, что выход в свет каждого номера газеты «Хальк» становился заметным событием в общественной жизни страны, прежде всего столицы. Ее публикации, носившие, как правило, критический, обличительный характер, вызывали широкий резонанс среди афганской общественности: одни их горячо принимали и поддерживали, другие – отвергали и предавали анафеме. Последних, среди которых особенно усердствовали правые консервативно-клерикальные круги, явно пугали общественная активность газеты и рост ее популярности в народе, пропаганда левых идей и взглядов, призывы к реформированию социально-экономических и политических устоев государства. Газета и демократическое движение, которое она представляла, буквально сразу же после выхода ее первых номеров стали подвергаться острым нападениям их противников как в частной, так и в официальной прессе. Главными тезисами в арсенале этих нападок было обвинение газеты и движения как «незаконных и импортированных извне» и «противоречащих нормам ислама». [63] Цели недругов газеты были совершенно очевидными: дискредитировать данное издание и леводемократические круги в целом и устранить их из политической жизни страны.

В этих условиях издатели «Хальк», не рискуя утратить доверие к себе со стороны соотечественников-мусульман, вынуждены были перейти от умолчания по поводу религиозного фактора (что было, как уже говорилось, характерно для программы партии) к изложению своих взглядов по данной, далеко не второстепенной для афганского общества проблеме. В газете появился ряд материалов по религиозной проблематике. В одном из них, озаглавленном «Восстание Хусейна», партийный печатный орган фактически повторил широко распространенную среди исламских богословов и историков оценку имама Хусейна (внука пророка Мухаммеда) как «борца за справедливость, за права угнетенных и униженных». Далее, охарактеризовав руководимое Хусейном восстание против Омейядов за халифский престол как «революционное движение», а погибших в битве при Кербеле его сторонников как «героев павших за правое дело» и как «вдохновляющий пример для борцов за освобождение народа», газета выразила надежду, что в современных условиях «мусульмане-последователи Хусейна и его великого предка смело включатся в борьбу против деспотии и реакции». [64]

В другой, довольно пространной статье, занявшей целую газетную полосу и озаглавленной «Ислам – Основной закон – конституционная монархия», были решительно отмечены все обвинения в адрес газеты и подчеркнуто, что Демократическая программа Хальк и публикации газеты не только не противоречат исламу, конституции и конституционно-монархическому строю, но, наоборот, находятся в полном соответствии с ним. В заключение статьи газета писала: «мы с уважением относимся ко всем национальным и религиозным ценностям своего народа». [65]

В борьбу с НДПА, кроме ортодоксальных служителей культа и властей, включились и светские правые круги. Среди них была и небольшая группа буржуазно-националистической интеллигенции во главе с известным художником и литератором Сеид Мукаддас Негахом. 11 мая 1966 года она начала издавать в Кабуле частную газету «Мардом» (в переводе с дари – «Народ», с оттенком «все люди»). Ее название, подзаголовок («Орган подлинных чаяний народа»), содержание передовицы первого номера, озаглавленной «Демократическое чаяние народа», – все это говорило о нескрываемом намерении издателя противопоставить свою газету печатному органу НДПА «Хальк» и дискредитировать программу, идеи и взгляды последней. Кредо «Мардом» сводилось к следующим основным положениям: «классовая борьба усложняет путь к прогрессу и возрождению»; «любая мысль о революции и беспорядках несовместима с исламом и афганизмом»; «выбор пути развития страны ни в коем случае не должен быть связан с «историей социализма и развитием капитализма»; «Афганистан для Афганистана»; необходимо «крестьянина превратить в помещика, а рабочего приблизить к работодателю» и т.п. [66]

Ответом газеты «Хальк» на атаки противников леводемократического движения явилась ее статья под названием «Хальк» защищает себя», написанная в форме интервью некоего нейтрального читателя с ответственным сотрудником газеты. Статья заняла почти весь шестой номер газеты от 16 мая 1966 года. В ней издатели «Хальк» разъяснили свои позиции и аргументированно опровергли обвинения и вымыслы в адрес газеты и движения вообще. Основное внимание при этом было обращено на обоснование и отстаивание законного права газеты, гарантированного конституцией страны и Законом о печати», «на проведение политической пропаганды, особенно по вопросу создания основ политической организации», а также на подробное разъяснение положения программы «Хальк» о том, что ее сторонники во имя осуществления своих программных установок намерены вести «мирную, полностью законную, открытую и парламентскую борьбу». Авторы статьи, кроме того, убедительно показали абсурдность и надуманность вымыслов противников газеты относительно того, что идеи и положения программы «Хальк», ее терминология будут бы полностью заимствованы извне и не соответствуют интересам народа. [67]

Смелая самозащита газеты «Хальк», однако, не спасла ее от расправы. Еще в начале мая группа членов Джирги старейшин внесла на рассмотрение парламента проект резолюции с требованием запретить газету, поскольку-де ее публикации противоречат нормам ислама и конституции. [68] Вскоре резолюция была утверждена и в верхней, и нижней палатах парламента и передана правительству. Одновременно с обсуждением предложения о запрете «Хальк» по призыву сенатора М.Х.Моджаддеди, принадлежавшего, как уже отмечалось, к семье видных афганских религиозных авторитетов, в Кабул из южных и восточных

провинций страны съехались сотни мулл и провели шумные митинги, требуя запретить газету и расправиться с «чуждым исламу течением». Уже в то время не являлось секретом, что указанное выступление ортодоксальной части духовенства пользовалось покровительством и поддержкой со стороны дворцовой знати во главе с маршалом Шах Вали и более того было в определенной мере инспирировано последней. 22 мая, через шесть дней после выхода шестого номера, газета «Хальк» была закрыта по обвинению в «нарушении Закона о печати». [69] Некоторое время спустя в одном из официальных изданий публикации «Хальк» были расценены уже как «мятежные». В правящих кругах расправа над «Хальк» рассматривалась лишь как первый шаг в их намерениях покончить вообще с демократической оппозицией в стране. Этот замысел откровенно раскрыл в парламенте один из близких ко двору сенаторов, заявивший, что «только запрещением газеты «Хальк» вопрос не решается; организация партии «Хальк», как и прежде, остается сильной. Мы должны действовать так, чтобы вырвать ее с корнем». [70] И это были не пустые слова. За запретом «Хальк» усилились кампания дискредитации демократического движения, гонения и репрессии против его активистов. Вслед за «Хальк» было приостановлено издание другой оппозиционной демократической газеты «Пейаме эмруз» («Сегодняшняя весть»). [71] К концу 1966 года из пяти оппозиционных газет, появившихся в первой половине этого года, прекратили свою деятельность четыре: одна («Вахдат») – по финансовым соображениям, другая («Мардом»), созданная, как уже говорилось, с целью противоборства с «Хальк», – в связи с исчезновением причины ее возникновения и остальные – на основе правительственных решений. [71]

Заслуги газеты «Хальк» перед леводемократическим движением Афганистана были несомненными. Она, несмотря на короткий срок своего существования, оказала существенно влияние на идейно-политическое становление партийных рядов и развитие идеологической борьбы в стране. Ее публикации содержали большой пропагандистский заряд, носили конструктивный характер, отличались искренним стремлением избавить афганский народ от нищеты и отсталости и добиться социальной справедливости для трудящихся. В газете получили дальнейшее разъяснение цели и задачи движения, конкретизированы вопросы стратегии и тактики, развиты идейные основы строительства партии. Она в значительной степени содействовала быстрому росту популярности в обществе леводемократических сил и притягательности их идей среди прогрессивной афганской общественности. В этой связи нельзя не согласиться с оценкой значения газеты «Хальк», данной в 1976 году в брошюре «О Народно-демократической партии Афганистана». Газета «Хальк», говорилось в ней, «играла существенную роль в пробуждении политического сознания народа и подняла престиж НДПА как боевой партии, борющейся за освобождение трудящихся масс». [73]

Однако при всех достоинствах газеты ей, тем не менее, не удалось избежать ошибок «левизны» и упрощенных трактовок, выразившихся в перенесении характеристик социалистической революции на вопросы теории и практики национально-демократического движения. Так, при довольно путаном разъяснении понятия «народ» автор газеты значительно сузил его социально-классовые рамки в условиях национально-демократической революции, включив в него фактически только «трудящихся и эксплуатируемых», хотя и оговорился при этом, что при определенных обстоятельствах, в частности в антиимпериалистической борьбе, к категории «народ» может быть отнесена и «национальная буржуазия». Далее, по мысли автора, в понятие «народный фронт» входят лишь «партии трудящихся слоев и классов и прогрессивная интеллигенция». [74] Подобные расшифровки понятий «народ» и «народный фронт» существенно расходились с положениями программы партии и приводили к недооценке роли национальной буржуазии в демократическом движении. Как справедливо отмечал В.В.Басов, «теория народной («хальковской») революции... явно недооценивала основы развития революционного процесса и гипертрофировала значенные субъективных (идеологических) факторов в политической борьбе». [75]

После запрета «Хальк» руководство НДПА неоднократно пыталось добиться от властей возобновления издания своей газеты под тем или иным названием. В частности, осенью 1967 года Н.М.Тараки обратился по этому поводу к министру информации и культуры, однако получил письменный отказ, в котором со ссылкой на консультации с главной прокуратурой страны говорилось, что издание новой газеты не может быть разрешено, поскольку она «имеет ту же цель, программу и смысл, что и прежняя». Второе заявление в адрес указанного министерства на издание газеты «Каргар» («Рабочий») под редакцией А.Карима Мисака было направлено членом ЦК НДПА С.М.Зераем. Но и на это заявление был получен отрицательный ответ. Подобная участь постигла и другие обращения функционеров фракции «Хальк» по поводу получения разрешения на издание газет «Кар» («Труд»), «Пейаме хальк» («Послание народа»), «Асре навин» («Новая эпоха»), «Машале хальк» («Факел народа»), «Джомбеш» («Движение») и др. Получив официальные отказы на издание своей газеты, фракция «Хальк» в 1969 году нелегально опубликовала и распространила несколько номеров газет «Джомбеш» и «Рахнемá» («Проводник»). [76]

Запрещение «Хальк» заставило партию внести некоторые изменения в формы и методы ее общественно-политической деятельности. Акценты были перенесены прежде всего на более широкое использование в интересах движения парламентской трибуны, устную пропаганду среди афганской общественности, подготовку и распространение листовок, [77] публикации партийных материалов в других легальных изданиях (например, в газете «Пейаме ведждан»). Широкое распространение в партийных организациях получило размножение от руки и на пишущей машинке пропагандистских материалов, переводов зарубежной марксистской литературы и некоторых произведений классиков марксизма. В 1966 году на волне подъема леводемократического движения в стране была создана нелегальная Демократическая организация женщин Афганистана во главе с активным членом НДПА, депутатом парламента Анахитой Ратебзад. Хотя женское движение в рамках левых сил делало тогда лишь первые свои шаги и охватывало своим влиянием крайне ограниченное число лиц, однако оно уже самим фактом своего возникновения бросало смелый вызов традиционно униженному и бесправному положению женщин в афганском обществе.

Весной 1967 года в Афганистане был нелегально издан Устав НДПА, разработанный комиссией во

главе с Б.Кармалем и утвержденный пленумом ЦК партии. Устав определил характер организации, условия членства, нормы партийной жизни, организационную структуру и основные принципы практической деятельности партийных организаций и их руководящих органов сверху донизу.

В статье 1 Устава подчеркивалось, что «Народно-демократическая партия Афганистана основывается на принципах марксизма-ленинизма и добровольном союзе передовых и сознательных масс Афганистана – рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции». [78]

Особый акцент в этом документе был сделан на формулировании понятия члена партии и условий членства в ней. «Членом партии, – говорится в статье 2, – может быть любой гражданин Афганистана, не выступающий против интересов и свободы народа, признающий программу и Устав партии и борющийся за их осуществление, активно работающий в одной из партийных организаций, соблюдающий решения партии и уплачивающий членские взносы».

С целью обеспечения чистоты и выдержанности партийных рядов, что имело особо важное значение в условиях нелегальной деятельности, Устав НДПА предусматривал строгие правила отбора в партию. В частности, прием в партию, согласно положениям статьи 5, осуществлялся только в индивидуальном порядке через первичную партийную организацию, при условии представления рекомендаций двух членов партии, имевших партийный стаж не менее одного года, и обязательного прохождения испытательного срока продолжительностью от четырех месяцев до одного года в зависимости от классовой принадлежности вступающего в партию. Окончательное решение о приеме в партию относилось к компетенции Центрального Комитета или органа, уполномоченного на то ЦК.

В виде исключения допускался по решению Центрального Комитета прием в партию и на основе добровольного коллективного членства. Необходимость данного допущения вызывалась конкретными условиями развития политической жизни Афганистана, где к моменту принятия Устава НДПА возникли и действовали группировки, строившие свою работу на адекватной с НДПА идейной основе, однако пока оставшиеся организационно разобщенными.

Принадлежность к партии была обусловлена в Уставе НДПА выполнением конкретных обязанностей и норм партийной жизни. Каждый член партии обязан был работать над повышением своей общественно-политической сознательности и над усвоением научного мировоззрения, укреплять идейное и организационное единство партии, соблюдать партийные решения и дисциплину, разъяснять цели, общую и текущую политику партии и вести борьбу за их осуществление, в общении с массами быть чутким и внимательным, в личной и общественной жизни, на словах и на деле быть образцом передового человека, выявлять запросы и нужды народных масс и стремиться к установлению среди них влияния партии и доверия к ней, привлекать в партию сознательные и активные элементы из трудящихся классов. Член партии должен был тщательно хранить партийную тайну, в любых условиях быть бдительным и непреклонным по отношению к подрывным элементам, оберегать партию от проникновения в ее ряды нежелательных и уклонистских взглядов, развивать критику и самокритику, бороться в партии против всех проявлений и тенденций фракционности, обособленности, местничества, шовинизма и местного национализма, догматизма и всякого рода правого и «левого» оппортунизма. Долг члена партии, говорилось в Уставе, ставить интересы партии выше личных, быть честным и правдивым перед партией, при подборе лиц в партийные органы учитывать их компетентность, преданность делу, способности, классовые сознание и принадлежность.

Главной идеей, пронизывавшей все содержание Устава НДПА, являлась идея демократического централизма. Внутрипартийная демократия включала выборность всех руководящих органов НДПА снизу доверху путем тайного голосования, отчетность руководящих органов перед соответствующими организациями, участие каждого члена партии в свободном обсуждении и решении на партийных собраниях и в партийной печати вопросов партийной политики и практической деятельности до тех пор, пока по обсуждаемому вопросу не будет принято какое-либо решение соответствующими организациями и органами партии, право принципиальной критики любого ответственного работника партии и стиля работы партийных органов. Внутрипартийная демократия, изложенная в Уставе НДПА, сочеталась с централизмом, который предполагал установление в партии единой организационной структуры и единой партийной дисциплины для всех членов партии, какой бы пост они ни занимали, наличие единого руководящего центра в лице съезда партии и избранного им ЦК, подчинение меньшинства большинству, низших органов – высшим.

Однако Устав НДПА, принимая во внимание условия нелегальной деятельности, предусматривал при необходимости известное ограничение демократии и усиление централизма, в частности, введение вместо принципа выборности принципа назначения (кооптации) во всех звеньях партии вплоть до Центрального Комитета, замену тайного голосования открытым, расширение прав и обязанностей руководящих партийных органов с целью обеспечения непрерывности партийной работы и сохранения партийных организаций. На практике, как в условиях нелегальной деятельности, так и длительное время после революции, указанные ограничения внутрипартийной демократии были скорее не исключением, а нормой внутрипартийной жизни НДПА.

Партийные организации НДПА подразделялись на провинциальные, городские, уездные и первичные. В Уставе были подробно определены задачи всех руководящих партийных органов и низовых организаций. Высшим органом партии являлся съезд, который должен был созываться один раз в четыре года в обычных условиях, а в случае необходимости и при чрезвычайных обстоятельствах – раньше или позже установленного срока. Делегаты съезда избирались на провинциальных конференциях. В промежутке между съездами Центральный Комитет мог созывать партийные конференции в составе представителей комитетов провинциальных, городских и уездных организаций и некоторых активистов партии для обсуждения вопросов практической политики и других насущных вопросов.

Согласно Уставу, съезд партии избирал Центральный Комитет и Центральную ревизионную комиссию. В свою очередь ЦК избирал из своего состава Политбюро, секретариат и генерального секретаря ЦК,

а также образовывал Комиссию партийного контроля. По мере необходимости, ЦК мог создавать комиссии по организационным вопросам, пропаганде, вопросам теории, финансам и др. Пленумы ЦК должны были созываться не менее трех раз в год.

Высшими органами провинциальных, городских и уездных организаций являлись партийные конференции, созываемые: провинциальные – один раз в два года, городские и уездные – при благоприятных условиях один раз в год. Указанные конференции избирали комитеты и ревизионные комиссии соответствующих организаций. Каждый комитет из своего состава избирал секретаря и его заместителя.

Основу партии составляли первичные партийные организации, коими являлись ячейки. Они создавались в составе не менее трех членов по решению городского и уездного комитетов или вышестоящего партийного органа. Ячейки организовывались как по месту работы, так и по месту жительства и являлись, согласно Уставу, «связующим звеном руководящих органов партии с ее членами и партии с народом».

Устав НДПА содержал и раздел о партийных поощрениях и взысканиях. В нем констатировалось, что «члены партии поощряются за деятельность и проявления преданности и самоотверженности при осуществлении целей партии, за полное соблюдение партийных норм и дисциплины, инициативное и творческое выполнение программы и Устава партии и решений вышестоящих партийных организаций и Центрального Комитета». Однако виды поощрений в Уставе не были указаны. За нарушение программы и Устава партии, решений вышестоящих партийных органов или партийных норм и дисциплины, а также за невыполнение партийных обязанностей были предусмотрены следующие взыскания: устная (в частном порядке) постановка на вид, письменная (публичная) постановка на вид, предупреждение, понижение в партийной должности на одну или несколько ступеней, перевод из членов партии в категорию лиц с испытательным сроком, исключение из партии.

В последних статьях рассматриваемого партийного документа указывались источники денежных средств партии (членские взносы, продажа партийных печатных изданий и пожертвования членов партии и граждан), подтверждалось исключительное право Центрального Комитета или органа, уполномоченного на то ЦК, заполнять и вручать членские билеты, определялся порядок и характер участия членов партии в выборных органах страны. Следует заметить, что членские партийные билеты в НДПА в условиях ее нелегального положения не были введены и не вручались. Более того, по соображениям безопасности ни в ЦК, ни в партийных организациях не велись и списки партийцев, что в последующем, после апреля 1978 года, вызвало известные трудности с определением и партийной принадлежности, и партийного стажа.

В целом анализ Устава НДПА показывает, что его составители, разрабатывая основы строительства партии, во многом заимствовали опыт, накопленный в этом деле международным коммунистическим движением, и стремились строить свою партию по образу и подобию пролетарских партий развитых стран, что далеко не всегда было оправданным. Что касается учета конкретно-исторических условий своей страны, то он (этот учет) был минимальным и носил частичный характер. В этом заключался серьезный изъян Устава НДПА.

Разработка и принятие программы, а затем и Устава партии завершили идейное и организационное оформление указанной политической организации в Афганистане и заложили основы для ее целенаправленной общественно-политической деятельности. Однако следует заметить, забегая вперед, проза жизни и борьбы оказалась для НДПА крайне непростой, а порой и суровой, испытывая не раз на прочность и ее программные установки, и ее организационные основы, и идейно-политическую зрелость как ее лидеров, так и рядовых членов.

2.3. Межфракционная борьба в НДПА: причины, характер, последствия

Обозревая историю становления и деятельности НДПА, нельзя не заметить, что ее постоянно лихорадили острые внутренние разногласия и непрекращавшаяся борьба между ее различными кланами, группировками, фракциями. Партия с момента своего возникновения по существу никогда не была подлинно единой, хотя трижды – в 1965-1967 и 1977-1978 годах, а затем с 27 декабря 1979 года – формально выступала как единая политическая организация. Межфракционная борьба, ставшая неизменным спутником и пороком партии, значительно подрывала ее авторитет и влияние в стране, сковывала и ослабляла ее общественно-политическую активность и постоянно мешала ей обрести качества по-настоящему общенациональной политической силы.

Расхождения во взглядах среди участников леводемократического движения в Афганистане обнаружили еще на этапе организационного оформления партии. Правда, в то время они были едва уловимы и не составляли предмета острых споров. Однако затем, по мере втягивания партии в общественно-политическую борьбу и усиления противоборства с правящими и консервативными кругами общества различия во взглядах внутри партии по животрепещущим вопросам движения стали проявляться все более рельефно и определено.

Одна из первых конфликтных ситуаций в руководстве партии возникла накануне парламентских выборов в августе-сентябре 1965 г. и была связана с предложением Н.М.Тараки принять в партию Хафизулла Амина, незадолго до этого возвратившегося из США после учебы там, и более того ввести его в состав ЦК НДПА. Против последнего предложения резко выступили Б.Кармаль и другие члены высшего руководящего органа партии. Х.Амин не был кооптирован в ЦК, хотя и был принят в партию. [79] Есть все основания предполагать, что именно в связи с этим событием у Х.Амина, человека по натуре вероломного, злопамятного и мстительного, появилась патологическая неприязнь и враждебность к Б.Кармалю и его сторонникам.

Открытая фракционная борьба в НДПА (так, кстати, считали сторонники и Н.М.Тараки, и Б.Кармаля [80]) началась сразу же после запрещения властями газеты «Хальк» в мае 1966 г., в связи с обсуждением

вопросов тактики партии в новой ситуации. Выступая на одном из заседаний ЦК, Б.Кармаль отметил, что «НДПА обвиняется в «левачестве» из-за публикаций газеты «Хальк», и предложил: «Мы должны ослабить оттенок нашего красного цвета и убедить короля в том, что мы – не коммунисты». [81] Это предложение, однако, не получило поддержки со стороны ряда членов ЦК НДПА. Они высказывались за «продолжение решительной революционной линии». [82] Так в руководстве партии отчетливо выявились два разных подхода к вопросам тактики движения: один – конфронтационный, отдающий приоритеты решительным формам и средствам борьбы, и другой – умеренный, исходивший из убеждения о необходимости не афишировать марксистский характер партии, сохранить максимум осторожности и гибкости в ее деятельности и обеспечить таким образом как можно дольше легальные условия и возможности для функционирования организации.

В центре горячих споров и разногласий оказался тогда и вопрос о будущем печатном органе НДПА. Н.М.Тараки и его сторонники в ЦК считали, что партии необходимо во что бы то ни стало добиваться от властей возобновления издания своей газеты под ее старым названием «Хальк» и от имени ее прежнего издателя – Н.М.Тараки. Другого мнения придерживался Б.Кармаль, поддержанный значительным числом членов ЦК, полагая, что в тех условиях издание газеты под прежним названием было уже невозможным из-за ее запрета, санкционированного парламентом – высшим законодательным органом страны. В связи с этим он предлагал добиваться официального разрешения на издание новой газеты под каким-либо иным названием и от имени другого издателя. Обсуждение этого, казалось бы, не столь уж принципиально важного вопроса – быть или не быть газете под ее старым названием – завершилось, в конце концов, конфликтом: Н.М.Тараки в раздражении потребовал вывести Б.Кармалю из всех руководящих партийных органов. [83]

По всей вероятности, в то время ни та, ни другая сторона еще не хотела доводить возникшие разногласия до разрыва. [84] Летом 1966 года с согласия обеих сторон было решено расширить состав ЦК, введя в него в качестве кандидатов в члены ЦК Мухаммада Исмаила Данеша, А.Х.Шараи Джаузджани, Х.Амина, Мухаммада Захера Офока, Абдул Мухаммада, М.Х.Барек Шафии, Нур Ахмада Нура (Панджавайи) и Гулям Моджаддеда Сулеймана Лайека. Из указанных лиц лишь кандидатура Х.Амина вызвала резкие возражения со стороны членов ЦК Б.Кармалю и М.Т.Бадахши. Однако им не удалось воспрепятствовать его избранию в высший руководящий партийный орган. Несколько позже, в апреле 1967 года, в члены ЦК НДПА были переведены Нур Ахмад Нур и Шах Вали. Следует заметить, что группа сторонников Н.М.Тараки в руководстве партии с помощью указанных изменений состава ЦК, по их собственному признанию, преследовала цель «положить конец беспринципным действиям (речь идет о сторонниках Б.Кармалю. – М.С.) и предотвратить раскол партии». [85] Таким образом, ставка одной части партийного руководства, в конечном счете, делалась не на поиски разумных альтернатив, чтобы разрешить возникшие разногласия, в партии в интересах движения в целом, а на слепое подавление инакомыслия на основе использования формулы беспрекословного подчинения меньшинства большинству. Хотя, надо признать, в рассматриваемый период введение в высший руководящий партийный орган новых лиц, в основном кандидатов в члены ЦК, которые не пользовались правом решающего голоса, да и по своей крыльевой ориентации составляли в целом примерный паритет, пока еще не могло изменить относительного баланса сил между двумя соперничавшими внутрипартийными центрами в пользу какого-либо из них. Однако сам по себе факт расширения состава ЦК и связанный с ним ажиотаж вокруг отбора и обсуждения претендентов, несомненно, содействовали дальнейшему усилению отчуждения и неприязни в их отношениях.

Новым поводом для обострения внутрипартийных страстей явилось выступление Б.Кармалю на одном из заседаний Вулуси джирги, обсуждавшей бюджет министерства королевского двора. В этом выступлении он, исходя из положения о том, что в тех конкретно-исторических условиях страны конституционная монархия еще не исчерпала своих прогрессивных возможностей (кстати, эта точка зрения в то время разделялась и в советских официальных кругах), высказал поддержку двору и выразил уважение и доверие к особе короля. [86] Данная речь Б.Кармалю была расценена определенной частью партийцев как «реакционная» и как «сговор со двором». Н.М.Тараки, не ожидая официальной публикации речи, сделал попытку незамедлительно созвать пленум ЦК для обсуждения этого вопроса, но в последний момент отказался от своего намерения. [87]

Не получив и на сей раз понимания и поддержки среди некоторой части партии и, главное, убедившись в открытом недоверии и личной неприязни к себе со стороны Н.М.Тараки, Б.Кармаль 24 сентября 1966 года подал заявление об отставке из секретариата и ЦК. В нем он писал:

«Обращаюсь к Народно-демократическому обществу с настоятельной просьбой о своей отставке и уходе из Центрального Комитета и со второго поста в секретариате Центрального Комитета. В этот момент кризиса моим лозунгом и ответом на вопросы членов Общества будет следующее: Все и вся во имя развития и сплоченности Народно-демократического общества! За прочное единство Центрального Комитета Народно-демократического общества! Целиком и полностью подчиняюсь его решениям!

С безграничным оптимизмом и уверенностью в победе на трудном пути!
2 мизана 1345 г. Бабрак» [88]

Позже фракция «Парчам» в одном из своих документов, объясняя мотивы этого шага Б.Кармалю, уточнила, что он был вызван его (Кармалю) стремлением «избежать раскола и распада партии в условиях, когда она столкнулась с внутрипартийным кризисом». [89]

Заявление Б.Кармалю было рассмотрено на заседании ЦК партии, состоявшемся в доме М.Х.Барек Шафии, на котором присутствовали все члены и 10 из 12 кандидатов в члены ЦК НДПА. Чтобы обеспечить беспристрастность обсуждения этого щекотливого вопроса, касавшегося, по существу, персонально обоих партийных лидеров – Б.Кармалю и Н.М.Тараки, большинством голосов было признано нецелесооб-

разным их присутствие на данном заседании. Оба они были вынуждены покинуть заседание. В итоге без их участия ЦК единогласно принял решение удовлетворить просьбу Б.Кармалю об отставке из секретариата, чтобы «не допустить в дальнейшем их (Кармалю и Тараки. – М.С.) стычек», но оставить его членом ЦК партии. Было также решено ознакомить всех членов организации с текстом заявления Б.Кармалю об отставке и с сутью возникших разногласий. Созданное положение в руководстве НДПА было затем обсуждено Центральной ревизионной комиссией под председательством Г.Д.Панджшери, которая вынесла порицание Н.М.Тараки и Х.Амину за проявленные ими элементы фракционизма и провоцирование раздоров. [90] Б.Кармалю, выйдя из секретариата ЦК, продолжал вплоть до раскола партии участвовать в деятельности высшего партийного органа и в работе комиссии по составлению проекта устава в качестве ее председателя.

Следует отметить, что фракция «Хальк» в своих документах и печатных материалах давала совершенно иные интерпретации и оценки событий, связанных с обсуждением заявления Б.Кармалю. В них утверждалось, что на указанном выше заседании большинство членов ЦК партии приняло его отставку не только из секретариата, но и ЦК. При этом, согласно утверждению в одном из документов «Хальк», по настоянию Х.Амина было отвергнуто как «беспринципное и неприемлемое» предложение М.Т.Бадахши учитывать при голосовании также и мнение кандидатов в члены ЦК. По версии халькистов, отставка Б.Кармалю из всех высших руководящих органов партии была принята с перевесом в один голос, которым посчитали голос самого Б.Кармалю. Ими приводится такой расклад: за отставку Б.Кармалю голосовали Н.М.Тараки, Г.Д.Панджшери и С.М.Зерай, а «против» – С.А.Кештманд, М.Т.Бадахши и Ш.Шахпар. [91] Кстати сказать, данная, халькистская, версия получила довольно-таки широкое распространение в работах зарубежных авторов-афганистов. [92]

Посеянные семена взаимной подозрительности, неприязни и раздоров продолжали давать свои всходы. Еще одна конфликтная ситуация в руководстве партии возникла в связи с предложением Кармалю ввести в состав ЦК НДПА известного партийного деятеля, офицера полиции Мир Акбара Хайбара, отбывавшего в тот момент ссылку в Пакистане. Однако Н.М.Тараки с порога отверг это предложение, заявив, что «полицейские в соответствии с законом не могут состоять в партии». [93] Таким образом М.А.Хайбару, который непосредственно стоял у истоков НДПА и который много сделал для политического просвещения и консолидации представителей леводемократических кругов в афганском обществе и армии, было отказано в праве не только войти в руководство партии, но даже и быть ее членом. У сторонников Н.М.Тараки не получило поддержки и предложение кооптировать в ЦК НДПА Анахиту Ратебзад под предлогом того, что она была женой доктора Кирамуддина, хирурга двора, и что она и М.А.Хайбар, как заявлялось в одном из изданий фракции «Хальк», будто бы «никогда не были членами партии». [94]

В то время, когда развертывалась эта драма в руководстве партии, консервативно-клерикальные круги усилили свои наскоки на демократические силы страны. В качестве ее ударного отряда активно выступала консервативная часть богословов. При их непосредственном подстрекательстве 29 ноября 1966 года в парламенте было учинено избивание депутатов от демократической оппозиции Б.Кармалю, Н.А.Нура, А.Ратебзад и других. Поводом для этой потасовки послужила речь Б.Кармалю, с которой он в тот день выступил перед парламентариями. В результате избивания 15 человек получили ранения. При этом Б.Кармалю и А.Ратебзад были отправлены в больницу «Ибн Сина». [95] Следует отметить, что отношение различных групп афганской общечественности, в том числе и членов НДПА, к этому дикому инциденту в парламенте оказалось неоднозначным. Клерикальные и консервативные круги столицы встретили физическую расправу над «безбожными коммунистами» нескрываемым ликованием и полным одобрением, а демократические элементы – резкими протестами и осуждением.

Почти все члены ЦК НДПА, включая и Н.М.Тараки, посетили Б.Кармалю в больнице. В тот же день сторонники Б.Кармалю – Махмуд Барьялай, Наджибулла, Абдул Вакиль, Халиль Змар и др., распространили в учебных заведениях столицы обращение выступить в защиту парламентской фракции партии. В ответ на данный призыв 30 ноября в Кабуле состоялись массовые демонстрации студенческой и школьной молодежи, в том числе и учащейся женского лицея «Малалай», где директором была А.Ратебзад. Их колонны прошли по улицам столицы до больницы «Ибн Сина», протестуя против действий реакции и выражая симпатии и поддержку парламентской фракции НДПА и прежде всего Б.Кармалю. Такое развитие событий, при котором Б.Кармалю явно набирал в свою пользу политические очки, становясь в глазах беспокойной молодежи ее кумиром, никак не могло устроить Н.М.Тараки. Реакция с его стороны последовала незамедлительно. Усмотрев в намерении сторонников Б.Кармалю провести демонстрацию как самовольную, не согласованную с ним и с ЦК НДПА акцию, он сначала с помощью преданных ему людей попытался сорвать демонстрацию, а затем, когда это не удалось, распространил заявление, в котором категорически отмежевался от нее. Он и его приверженцы отказались дать правильную политическую оценку акту расправы над коллегами по партии и выступить в защиту своей парламентской фракции. [96] Впоследствии в своих публикациях халькисты стали рассматривать указанное избивание депутатов в парламенте как «ловкую инсценировку» самого Б.Кармалю, рассчитанную-де на то, чтобы заставить ЦК партии «официально заявить о своем доверии к нему». [97]

В конце 1966-начале 1967 года в рамках НДПА практически уже действовали две изолированные, соперничавшие между собой группировки. Положение в партии стало критическим весной 1967 года (после принятия Устава НДПА), когда Н.М.Тараки в ультимативной форме потребовал кооптировать в состав ЦК верных ему лиц, чтобы добиться в нем таким образом своего большинства. Это требование было отвергнуто сторонниками Б.Кармалю. Окончательный раскол партии оказался предрешенным и вскоре, в мае 1967 года, стал свершившимся фактом: образовались две самостоятельные фракции вне рамок НДПА, со своими высшими руководящими органами (ЦК) и низовыми организационными структурами. Во главе одной встал Н.М.Тараки, к которому примкнули члены прежнего ЦК С.М.Зерай, М.Т.Бадахши, Шах Вали и кандидаты в члены ЦК А.К.Мисак, Х.Амин, доктор Абдул Мухаммад, М.Захер Офок и М.И.Данеш, а

другую возглавил Б.Кармаль. К нему из старого состава членов ЦК НДПА присоединились С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, Н.А.Нур и кандидаты в члены ЦК А.Вахаб Сафи, А.Х.Шараи Джаузджани, М.Х.Барек Шафии, Г.М.С.Лайек. Таким образом, высший руководящий орган партии раскололся в численном отношении на две равные части (соответственно 9 : 9), хотя по числу членов ЦК на стороне Б.Кармалы было на одного человека больше (см. Приложение 7).

Позже за этими фракциями среди афганской и зарубежной общественности закрепились названия соответственно «Хальк» и «Парчам» (по заглавию партийных печатных органов). Однако в переписке и в официальных документах каждая из них выступала под прежним названием «Народно-демократическая партия Афганистана» с той лишь разницей, что халькисты к указанному названию добавляли в скобках «авангард рабочего класса страны», а парчамисты – «партия трудящихся Афганистана». Обе фракции, став организационно самостоятельными, вместе с тем руководствовались одними и теми же программой и Уставом и преследовали общие (программные) стратегические цели и задачи. В численном отношении фракция «Парчам» в момент данного раскола, видимо, несколько превосходила «Хальк». [98]

Раскол НДПА значительно ослабил леводемократическое движение и его воздействие на общественно-политическую жизнь страны, особенно в 1967-начале 1968 года. Ряды активной демократической оппозиции захлестнула волна взаимных обвинений, оскорблений и враждебности, отодвинув на второй план усилия по реализации программных лозунгов.

Возникает вопрос: в чем же состояли коренные причины организационной слабости НДПА, устойчивого сохранения в ее рядах в течение десятилетий групповщины и фракционности, распрей и расколов в ее руководстве?

По этому вопросу как в самой НДПА, так и в советских и зарубежных исследованиях и публикациях, рассматривавших проблемы афганской истории второй половины XX в., высказывались и продолжают высказываться разные суждения и оценки, не всегда совпадающие по своему содержанию. Во многих случаях, на мой взгляд, они охватывают далеко не все стороны данного явления внутрипартийной жизни НДПА и вообще леводемократического движения в стране или же трактуют его весьма поверхностно и даже предвзято. Последнее было особенно характерным для высказываний представителей различных группировок и фракций в самой НДПА и их руководящих деятелей.

Так, в документе, принятом на объединительной конференции НДПА 12 саратана 1356 года (3 июля 1977 г.), ошибки и расколы в партии объяснялись в целом отсталостью афганского общества, отсутствием опыта и слабостью знаний теории и практики на начальном этапе развития партии. С этими факторами связывались такие имевшие место в организации пороки, как раздоры и распри среди ее членов, кружковщина, фракционизм, проявления местничества и шовинизма, сектантство, интеллигентская мелкобуржуазность и др. [99] Позже, через 20 лет с момента образования НДПА, ее руководство еще раз сделало попытку беспристрастно и самокритично осмыслить и выяснить корни серьезных субъективных и объективных слабостей партии в процессе ее становления и развития в 60-70-х годах и извлечь из этого исторические уроки на будущее. В этой связи в материалах, посвященных данному юбилею партии, было отмечено, что на ее состояние неблагоприятное воздействие оказали общая отсталость и неразвитость социально-политических отношений, низкий уровень политической и классовой сознательности трудящихся, недостаточная национальная культурная зрелость афганского общества. По своему социальному составу НДПА, говорилось далее в указанных материалах, оставалась в основном партией интеллигенции, для членов которой были свойственны невысокий уровень классово-политического сознания и теоретической подготовки. По признанию тогдашних руководителей НДПА, в дореволюционный период «в партийной среде ощущалось сильное влияние интеллигентского индивидуализма, неоправданно высокой эгоцентрической самооценки, влияние групповых, националистических, клановых и племенных интересов, болезни кустарщины и раздробленности, мелкобуржуазной групповщины». [100] Все это, по их мнению, вместе с полулегальным положением НДПА, воздействием маоистских взглядов на отдельных партийцев и подрывными действиями против нее со стороны правящих кругов страны и внешних враждебных сил серьезно затрудняло организационное укрепление партии и ее связи с массами и «содействовало возникавшим расколам партийных рядов». [101]

Спустя четверть века после создания НДПА ее последний генсек Наджибулла снова вернулся к оценке причин раскола партии в 1967 году и ее слабостей. Появлений двух партийных фракций, говорил он, явилось следствием как происков враждебных НДПА сил, так и «ее политической неопытности и незрелости, поверхностного и стереотипного понимания особенностей афганского общества, стремления раздуть укоренившиеся противоречия, склонности к утверждению личного авторитета и власти, пристрастий к выпячиванию единственного вождя, неправильных подходов к определению тактических и стратегических целей». [102]

Далеко не такие оценки и объяснение истоков внутрипартийной борьбы давали сами фракции Хальк и Парчам в период их раздельного функционирования в 1967-1977 годах. Халькисты, в частности, считали, что раскол в партии явился исключительно делом рук «империалистической и феодальной реакции», поставивших своей целью «раздробить партию изнутри», «уничтожить авангард рабочего класса или, по крайней мере, затормозить дальнейшее его развитие». [103] По их взглядам, реакция и монархический режим стремились осуществить этот зловещий замысел с помощью фракции Парчам и «парчамизма», который как течение якобы «был искусственно создан по указке правящих кругов для обмана народа и ликвидации его завоеваний». [104] Парчамизм в своей эволюции, писали халькисты, прошел несколько этапов, в том числе и «этап скрытой подготовки в карательных органах, т.е. в тайной полиции и военной контрразведке монархического режима». [105] В полемике они называли фракцию Парчам не иначе, как «королевской коммунистической партией». Они (халькисты) категорически отвергали утверждение о том, что в основе раскола партии лежала «борьба между вождями». По их мнению, такое утверждение преследовало лишь цель скрыть «подрывную деятельность и предательскую классовую основу» группы Парчам

и их лидера, а также «противопоставить последнего Центральному Комитету и генеральному секретарю Н.М.Тараки». Иногда, правда, крайне редко, халькисты называли и другие факторы, обусловившие организационную слабость партии, а именно: мелкобуржуазную психологию ее членов, недостаток политического опыта и слабость их теоретической подготовки, неодинаковое восприятие научного мировоззрения и др. [106]

Необходимо заметить, что позиция группы Хальк по рассматриваемому вопросу отличалась особой враждебностью и резкостью суждений в отношении своих бывших партийных коллег. Ее трактовки по поводу причин разброда и раскола в партии обычно сопровождались неместными, оскорбительными эпитетами и выпадами против лидера Парчам Б.Кармаля и других ее активных деятелей. В целом, по ее (Хальк) характеристике, парчамисты – «это народ с дутым самомнением, не терпящий классовой критики, неустойчивый, капризный, обидчивый, не желающий признавать своих ошибок и уверенный в собственной непогрешимости». [107]

После апреля 1978 года, когда парчамистское крыло снова оказалось вне партии, руководящие деятели Хальк, излагая свое видение причин первого раскола НДПА, повторили их прежние выводы и оценки о «проникновении в партийные ряды агентуры правящих кругов и классов и политической незрелости части членов партии», неверии некоторых элементов «в окончательный триумф классовой борьбы», а также старые, отрицательные характеристики по адресу лидеров Парчам. [108]

Что касается группы Парчам, то она видела корни внутрипартийных разногласий в идейно-теоретической незрелости (по выражению Б.Кармаля, «теоретической нищете» [109]) и идеологической беспринципности значительной части партийцев, сохранении в рядах организации, не прошедшей еще этапа своего «младенчества», болезни кружковщины и раздробленности, в заговорах и подрывной деятельности против партии внутренней и внешней реакции и раскольнических элементов. Руководящие деятели Парчам открыто отмечали, что слабости партии и в целом демократического движения в стране во многом были обусловлены их мелкобуржуазным составом, для которого характерными являлись такие пороки, как эгоцентризм, чванливость, неустойчивость поведения и неуживчивость, нетерпимость к другим взглядам, склонность к авантюризму и ультрареволюционности и т.п. Они не отрицали влияния влияния отдельных лидеров движения на возникновение идеологических и других разногласий и связанных с ними шатаний и расколов в партии, хотя и не считали правильным все это сводить только к роли личностей. [110] Парчамисты решительно отвергали, как не соответствующее действительности, утверждение о том, что разногласия между Н.М.Тараки и Б.Кармалем будто бы возникли в связи с тем, что первый выступал за издание газеты «Хальк», а второй – против. [111]

Следует подчеркнуть, что парчамисты, в отличие от халькистов, были более сдержанны и корректны (по крайней мере, в своих публикациях) в полемике со своими партийными соперниками, избегали, как правило (хотя и не всегда), упоминания конкретных личностей и не допускали по их адресу грубых оскорблений и брани. Более того, они неоднократно на страницах газеты «Парчам» и в других печатных материалах, обращаясь к прогрессивным силам страны, призывали их решать существующие между ними споры и разногласия только на основе «здоровой и принципиальной критики», а не только с помощью «ругани, обвинений и оскорблений». [112]

Проблемы становления НДПА, как уже говорилось выше, не были обойдены вниманием и в советской, и зарубежной афганистике. При этом, если советские авторы стремились рассматривать указанные проблемы в общем контексте социально-экономических, политических, национальных, исторических и других реальностей афганского общества, с учетом того или иного влияния широкого спектра объективных и субъективных факторов, [113] то зарубежные, прежде всего американские, авторы, отдавая приоритеты, как правило, субъективным факторам, пытались объяснить внутренние разногласия и раскол в НДПА в основном следующими тремя причинами: личным антагонизмом и амбициями лидеров двух фракций; разным социальным происхождением соперничавших группировок внутри партии; и тактическими расхождениями между ними. [114] Западные исследователи игнорировали объективные условия и их воздействие на внутреннюю борьбу в НДПА, пренебрежительно называя их «туманными марксистскими догматами». [115] В зарубежной литературе по Афганистану получила известное распространение и еще одна точка зрения, согласно которой одной из главных причин разногласий и размежевания в руководстве НДПА на начальном этапе ее функционирования являлась деятельность Х.Амина. [116] Попытка объяснить трудности, ошибки и расколы в партии исключительно «кознями» и «интригами» Амина была характерна и для высказываний афганских партийных деятелей, особенно после декабрьских событий 1979 года. [117]

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что истоки разногласий, слабостей партийного единства и расколов в НДПА носили сложный и глубокий характер и вызывались действием многих специфических внутренних и внешних факторов. Чтобы понять эти истоки, представляется необходимым рассмотреть их, по возможности, подробнее.

Во-первых, многие пороки партии были, безусловно, порождены ее социальным составом. Как известно, в Афганистане к 60-м годам XX в. еще не были завершены процессы классовой дифференциации, еще не сложились в полном смысле этого понятия ведущие классы буржуазного общества и самыми многочисленными в социальной структуре населения страны по-прежнему оставались мелкобуржуазные слои. Уже давно подмечено, что данные слои вследствие своего промежуточного социального положения и экономической двойственности обычно отличаются индивидуализмом, неустойчивостью своего политического поведения, эклектизмом во взглядах и идейных воззрениях, шараханьем от одной крайности к другой, склонностью к авантюризму и экстремизму, неспособностью к длительному сохранению дисциплины и организованности, пренебрежением к социальным низам и раболепием перед «верхами», карьеризмом, а также такими чертами социальной психологии, как амбициозность и капризность, завышенная самооценка, обидчивость и нетерпимость к критике и т.п.

НДПА, будучи по своему социальному составу мелкобуржуазной партией, неизбежно несла в себе в той или иной степени указанные выше характеристики своей среды. Разумеется, это не означает, что мелкобуржуазное происхождение обязательно должно определять только негативную модель поведения. Как показывает опыт, многие выходцы из данной среды в процессе общественно-политической борьбы очищались от своих социальных пороков и становились последовательными и истинными борцами за интересы трудящихся. И НДПА в этом отношении не является исключением. Этому содействовали солидный интеллектуальный потенциал представителей афганской интеллигенции, входившей в партию, ее искреннее стремление овладеть прогрессивными идеями и взглядами и горячее желание изжить свою страну и народ от вековой отсталости, нищеты и бесправия. И тем не менее многочисленные проявления мелкобуржуазной психологии в партийной среде мешали НДПА стать подлинно сплоченной, дееспособной и по-настоящему авторитетной общенациональной политической силой.

Во-вторых, следует признать, что немаловажную роль в процессе расслоения и размежевания внутри НДПА сыграли социальные различия между ее основными группировками. В частности, среди халькистов преобладали выходцы из трудовых, полупролетарских слоев населения – низших прослоек интеллигенции и государственных служащих, мелких торговцев, ремесленников, крестьян, проживавших как в столице, так и в провинциях. В то же время ряды парчамистов формировались преимущественно за счет городских состоятельных слоев и классов – средних и отчасти верхних прослоек интеллигенции и государственных служащих, торговцев, зажиточных крестьян и ремесленников, частично помещиков, военнослужащих – выходцев из привилегированных слоев общества.

Парчамисты вследствие своего более высокого социального и имущественного статуса и близости некоторых их руководителей к элитарным слоям общества всегда воспринимались со стороны халькистов как нечто чужеродное в рядах афганского левodemократического движения. На этой почве халькистское крыло постоянно испытывало к ним личную неприязнь, политическое недоверие и подозрительность, что со временем стало одной из причин непреодолимой обособленности друг от друга указанных фракций.

В-третьих, положение в НДПА серьезно осложнялось особенностями этнонационального состава партии. Дело в том, что халькисты в своем подавляющем большинстве были пуштунами из юго-западных, южных и восточных провинций страны, в то время как парчамисты в значительной степени состояли из таджиков, представителей других национальных меньшинств (хазарейцев, узбеков, туркмен и др.) и городских таджикизированных пуштунов, проживавших в основном в столице, центральных и северных провинциях страны. Халькисты предпочитали говорить на пушту, а парчамисты – на дари.

Оплотом халькистов в столице были пуштунская учительская интеллигенция, а также учащаяся молодежь общеобразовательных школ «Абу Сина», «Рахман-баба» и «Хошхаль-хан», где обучались уроженцы окраинных пуштунских и белуджских районов страны. Что касается парчамистов, то центром их внимания стали столичные, престижные лицеи «Хабибия», «Неджат», «Гази», «Истеклаль» и «Надирия», где обучались в основном представители имущих слоев из числа таджиков, городских пуштунов и других национально-этнических групп населения Афганистана. Оба крыла имели довольно сильные позиции и среди студенчества, преподавателей и сотрудников Кабульского и Нангархарского университетов и Кабульского политехнического института. Однако и здесь наблюдалась устойчивая тенденция к их национальной обособленности. В основе такого обособления по национальному признаку, начавшегося еще до официального оформления партии, на ее кружковом этапе деятельности, лежали общая напряженность в национальных отношениях между пуштунами, с одной стороны, и непуштунами – с другой. Этноцентристские представления и национальная предубежденность, дух землячества и регионализма, которые были свойственны значительной части партийцев, постоянно «подпитывали» и обостряли межкрыльевую рознь, неизменно оказывали влияние на их поведение, взгляды и настроения и раскалывали партийные ряды не только по руслу «пуштуны-непуштуны», но и расчленили пуштунов-партийцев на группы в зависимости от их религиозно-племенной принадлежности (дуррани, гильзаи, пуштуны Пактии, Кандагара и т.д.).

В-четвертых, становлению и организационному укреплению партии сильно мешало тяжелое наследие кружковщины. Как уже отмечалось, НДПА была создана на основе объединения двух центров кружков, имевших своих признанных лидеров, свое видение социально-экономической, национальной и политической ситуации в стране и способов решения задач национально-демократического движения, а также и свойственные каждому центру в отдельности свои социальные, этнонациональные, земляческие, региональные, профессиональные и другие характеристики. Прежние узкие кружковые связи и тяготение к двум центрам оказались исключительно живучими и продолжали действовать в НДПА многие годы, разобщая партийные ряды и усиливая центробежные, сепаратистские тенденции в партии.

К существованию двух указанных центров внутри партии восходят также и болезненные перипетии борьбы вокруг персонального состава ее руководящих органов и так называемая «проблема двух вождей» (Н.М.Тараки и Б.Кармаля), заключающаяся, как представляется, не столько в их антагонизме и личных притязаниях на лидерство, сколько в постоянных стремлениях и действиях каждой из двух фракций обеспечить за собой во что бы то ни стало приоритетные позиции в высшем партийном руководстве. Такие устремления иметь «своего» лидера и связанные с этим межкрыльевое соперничество и борьба остались и после того, как с политической арены сошли названные партийные руководители.

В-пятых, организационная слабость НДПА была связана непосредственно с тем, что партия в течение более чем двух лет с момента своего создания функционировала без партийного устава, без какого-либо установленного свода норм, правил и принципов внутрипартийной жизни. Однако и после принятия Устава партии в 1967 году деятельность ее организаций и членов во многом продолжала проходить вне уставных требований, что отрицательно сказывалось на укреплении дисциплины, организованности и сплоченности партийных рядов.

В-шестых, обе фракции в НДПА существенно расходились по ряду актуальных вопросов революционно-демократического движения в стране, в том числе и по программным, хотя каждая из них в своих

публикациях и выступлениях их деятелей никогда не ставила под сомнение правильность ни одного из положений программы партии.

Их расхождение на начальном этапе формирования партии касались прежде всего оценки социально-классовой ситуации в стране, движущих сил революции, характера партии и проблем гегемонии в движении. Халькистское крыло, преувеличивая степень феодальности афганского общества и включая в движущие силы революции преимущественно трудовые слои населения, по их терминологии – «эксплуатируемых», не только не хотело признавать за национальной буржуазией позитивной роли в национально-демократическом движении и исключало какую-либо возможность союза с ней, но и, более того, было склонно считать ее силой контрреволюционной. Одновременно халькисты необоснованно преувеличивали масштабы пролетаризации общества и способность рабочего класса страны выполнить свою «руководящую роль в национально-демократической революции». [118] На основе данной посылки они говорили о коммунистическом характере своей партии, называя ее «авангардом рабочего класса страны», призванной, по их мысли, обеспечить вначале свержение феодального строя и захват власти, а затем и перерастание «национально-демократической революции в социалистическую». [119] Впрочем, и парчамисты в своем кругу и в кругу зарубежных друзей также называли себя «коммунистами», имея, однако, в виду не характер движения, а свои идеологическую приверженность и симпатии.

Парчамисты, в отличие от халькистов, включали в состав движущих сил национально-демократической революции более широкий спектр слоев и классов афганского общества – трудящиеся массы, интеллигенцию и бюрократию, различные отряды национальной буржуазии и даже патриотически настроенных мелких и средних помещиков. [120] Они считали, что победа национально-демократической революции может быть обеспечена под руководством революционной демократии, а не коммунистической партии, для возникновения которой, по их взглядам, в Афганистане в то время не было соответствующих условий. В связи с этим они мыслили свою партию как авангард трудящихся страны, что нашло отражение во второй части ее (партии) названия, а именно: «НДПА (партия трудящихся Афганистана)». Расширительная трактовка парчамистами движущих сил и характера партии были встречены резко негативно со стороны халькистов, которые квалифицировали взгляды своих соперников как оппортунистические и соглашательские и не только как теоретическую ошибку, но и как «сознательное предательство класса эксплуатируемых во имя буржуазии – класса эксплуататоров», как проявление «буржуазной сущности парчамизма» и «отрицание на словах и на деле ведущей революционной роли рабочего класса в современной общественно-политической борьбе за социальное и национальное освобождение». [121]

Парчамисты, также как и халькисты, исходили из убеждения о необходимости и желательности руководящей роли рабочего класса в национально-демократической революции. [122] Однако они допускали и другой вариант: создание коалиционного правительства с участием всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил в случае, если рабочий класс страны окажется неспособным, особенно в начале национально-демократической революции, выполнять свою роль гегемона. [123]

Расхождения во взглядах по программным вопросам между Хальк и Парчам нашли концентрированное выражение в их концепциях «народной (хальковской) демократии» и «национальной демократии». [124] Первая из них, сформулированная Н.М.Тараки в общих чертах еще в начале 60-х годов во время подготовки к созданию партии Объединенный национальный фронт Афганистана, затем изложенная им на I Учредительном съезде НДПА и в других его материалах, включала в себя в основном следующее: создание в Афганистане пролетарской партии; обеспечение руководящей роли рабочего класса в национально-демократической («хальковской») революции; внесение пролетарской идеологии в сознание трудящихся масс и особенно интеллигенции, в том числе и военной, и организацию их для завоевания политической власти; установление в стране диктатуры пролетариата после победы революции и т.д. [125] Данная концепция, противоречившая узловым положениям программы партии, стала на практике для халькистского крыла руководством к действию и своеобразной «теорией хальковской (народной) революции».

Концепция «национальной демократии», которая вошла в программу партии в качестве ее основополагающего элемента и которой в принципе стремились придерживаться парчамисты, исходила из того, что Афганистан находится на этапе антифеодальной, антиимпериалистической, национально-демократической (а не пролетарской) революции, и в связи с этим предусматривала участие в данной революции различных социально-классовых сил от трудящихся до буржуазии, создание «единого национально-демократического фронта», приведение к власти правительства блока всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил, ядром которых должна была стать НДПА. [126] Халькисты решительно отвергали подобные взгляды деятелей Парчам, обвиняя их в том, что они-де «выхолащивают из марксизма-ленинизма его главную суть – учение о руководящей роли рабочего класса в социальной революции и о диктатуре пролетариата». [127]

Таким образом, как это видно из сравнения двух приведенных концепций, различия во взглядах между Хальк и Парчам по стержневым программным вопросам носили довольно существенный и принципиальный характер. Следует заметить, что в данном случае позиция парчамистского крыла в наибольшей степени учитывала специфику страны, последовательность решения задач демократического развития страны, чего нельзя сказать о другом крыле.

В-седьмых, предметом разногласий между Хальк и Парчам был и вопрос о формах и средствах борьбы. Халькистское крыло, делая ставку на ведение острой классовой борьбы и форсированную подготовку «народной (хальковской) революции» (другими словами – путча), отдавало приоритеты, как правило, нелегальным и насильственным формам и средствам борьбы, в то время как парчамисты, имея в виду постепенность и длительность периода вызревания элементов революционной ситуации, ориентировались на более широкое использование легальных возможностей и разнообразных политических средств.

В-восьмых, межфракционные противоречия в определенной степени осложнялись также вследствие

несовпадения взглядов по пуштунской проблеме, отношение к которой в Афганистане начиная с 90-х годов XIX в. всегда было мерилом патриотизма и показателем «духа афганства». Оба крыла партии в своих публичных выступлениях и заявлениях придерживались внешне сходных позиций как по вопросу о непризнании «линии Дюранда», навязанной Афганистану британскими колонизаторами в 1893 году и нарушившей территориальную целостность и этнические границы пуштунов, так и по вопросу о поддержке прав пакистанских пуштунов на самоопределение. Однако каждое крыло вкладывало в эти вопросы свое содержание.

Позиция Парчам сводилась в основном к решительной морально-политической поддержке освободительной борьбы зарубежных пуштунов и их права самим решать свою судьбу в рамках пакистанского государства. Что касается группы Хальк, то ее экстремистски настроенные деятели типа Х.Амина вынашивали скрытые шовинистические панпуштунские замыслы и мечтали под флагом «права наций на самоопределение» и «национального желания» народа Афганистана воссоединить всех братьев-пуштунов в рамках единого афганского государства и реализовать таким образом идею «Великого Афганистана» до реки Инд. [128] Несомненное влияние на формирование подобных взглядов в среде халькистов оказывала культивирувавшаяся в то время в кругах пуштунской интеллигенции, в том числе военной, идея о насильственном решении пуштунской проблемы, автором и рьяным сторонником которой в господствующих кругах страны был сардар М.Дауд. [129]

Различия между крыльями проявлялись также и в направленности их связей с пакистанскими общественно-политическими кругами. К примеру, халькисты, исходя из своей концепции «народной демократии», развивали отношения преимущественно с левыми силами – движением пуштунов-арендаторов во главе с Афзалем Бангашем, Рабоче-крестьянской партией («Маздур Кисан парти»), различными коммунистическими группировками, в то время как парчамисты тесно сотрудничали с национально-демократическими и прогрессивными кругами Пакистана (Национальной народной партией во главе с Абдул Вали-ханом и др.). [130]

В-девятых, Народно-демократической партии Афганистана в течение многих лет ее функционирования явно недоставало «цивилизованности» и культуры в ее внутривнутрипартийных делах. Партия, не имея собственного опыта организационно-партийной работы и слепо копируя чужие (не всегда, кстати, лучшие) нормы партийной жизни, рожденные в совершенно иных социальных, политических, исторических и других условиях, стремилась рассматривать любое несовпадение взглядов в рядах организации, любое несогласие с линией высшего руководства как фракционизм, ревизионизм, оппортунизм и т.п. и неизменно боролась с инакомыслием в партийных рядах исключительно с помощью организационно-административных мер. Неизбежным следствием этого становились раздоры, обособление и конфронтация в партийных рядах, утрата подлинной боевитости и сплоченности организации, удушение здоровой критики и конструктивной мысли, попрание внутривнутрипартийной демократии, создание в партии духа безропотного подчинения и поклонения «вождям» и другие негативные явления.

В-десятых, на положение в НДПА, безусловно, оказывали влияние слабая теоретическая подготовка ее членов, их политическая незрелость и неучет ими в практической деятельности особенностей и специфики своей страны, которую они – члены партии, в основном городские жители, к сожалению, знали плохо и, что еще хуже, не хотели ее познавать. Именно отсюда в партии проистекали догматизм, субъективизм и дилетантство.

И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов воздействие на положение в партии внешних факторов – враждебной подрывной деятельности правящих кругов, консервативных, антидемократических, лево- и правозэкстремистских сил, а также зарубежных пропагандистских центров и спецслужб. С целью ослабления НДПА и устранения ее с арены политической борьбы в Афганистане они искусно провоцировали личные антагонизмы и неприязнь между лидерами Хальк и Парчам, натравливали и восстанавливали их членов друг против друга, расширяя таким образом пропасть между двумя основными крыльями в рядах афганских леводемократических сил. Пагубное влияние на взгляды партийцев оказывала маоистская идеология. Организационному укреплению НДПА мешало также и ее полулегальное положение.

Особо следует сказать о раскольнической роли Х.Амина, которую он сыграл в первых актах истории НДПА. Он, действительно, вносил много деструктивного, разрушительного в жизнь и деятельность партии, умело разжигал страсти по вопросам лидерства в организации, постоянно провоцировал внутривнутрипартийные склоки, взаимную неприязнь и недоверие. Вместе с тем было бы ошибочным преувеличивать его «вклад» в раскол НДПА. Беды партии, ее организационные и политические слабости в период становления (да и позже) коренились, как уже было показано, в самой природе НДПА, вызывались действием многих внутренних и внешних факторов и не сводились только к Х.Амину. В развертывавшейся афганской историко-партийной драме он был лишь одним из ее действующих лиц, одним из ее злых начал.

Расколы и размежевание в леводемократическом движении Афганистана после 1967 года стали довольно частым явлением. Вслед за расколом партии на две фракции острый характер в ЦК НДПА (Хальк) приобрели разногласия между его членами М.Т.Бадахши и Х.Амином (последний был введен в члены ЦК сразу же после раскола партии). Январский (1968 г.) пленум ЦК (Хальк), обсудивший выводы контрольной комиссии по поводу возникшего конфликта между указанными деятелями, охарактеризовал сложившееся в руководстве организации положение как «кризис в партии» и принял решение вывести Х.Амина из состава ЦК за его «шовинистические взгляды». Заслуживает особого внимания приведенная в решении данного пленума характеристика Х.Амина как человека, «известного по своей прошлой жизни фашистскими чертами и связанного с высокопоставленными чиновниками тех же качеств». Одновременно пленум осудил и М.Т.Бадахши за сектантские взгляды и приостановил его членство в ЦК, оставив его членом партии. [131] После пленума М.Т.Бадахши вместе с группой своих сторонников вышел из Хальк и вскоре создал новую политическую организацию. В следующем году раскол произошел и в крыле Парчам: его покинули и примкнули к Хальк Г.Д.Панджшери, А.Х.Шараи Джаузджани, Ш.Шахпар и ряд других лиц.

Впоследствии от Хальк откололись и образовали свои самостоятельные группировки М.З.Офок (1971 г.), [132] Аманулла Остовар (1972 г.) [133] и А.К.Заргун (1974 г.). [134]

Дробление партии на соперничавшие между собой фракции и мелкие группы сопровождалось заметным снижением ее общественно-политической активности. Однако негативные процессы в партийных рядах все же не привели к устранению леворадикальной оппозиции из политической жизни страны.

2.4. Газета «Парчам» («Знамя»)

Первый номер «Парчам» увидел свет 14 марта 1968 года. Став одной из двенадцати разрешенных тогда, в 1968 году, властями частных изданий, она объявила себя преемницей первого печатного органа НДПА – газеты «Хальк» и указала в подзаголовке своего названия, как это было и в «Хальк», что является «выразительницей народно-демократических взглядов Афганистана». Ее издатель и главный редактор Сулейман Лайек, определяя предназначение газеты, указал в ее первом номере, что она «поднимает свое знамя во имя защиты широких демократических прав и свобод народа, создания единого национального фронта и сплочения трудящихся, во имя своих конечных и стратегических целей и, наконец, во имя торжества дела мира, свободы, демократии и социального прогресса».

Стремясь выполнить роль общенациональной политической газеты, выразительницы взглядов строго определенного, леводемократического направления, «Парчам» поставила перед собой следующие задачи: пропаганда, распространение и популяризация программных народно-демократических принципов и положений; разъяснение текущей и генеральной (тактической и стратегической) линии народно-демократического движения Афганистана; распространение научного мировоззрения и передовых взглядов современной эпохи; содействие пробуждению общественного и политического сознания народа; воспитание и подъем среди народа духа борьбы; разоблачение внутренней реакции и международного империализма; всесторонний научный анализ афганского общества с точки зрения социально-экономической, политической, культурной, классовой и национальной; благоприятствование решению организационных вопросов движения; показ бед, чаяний и требований молодого рабочего класса и всех трудящихся страны; широкая и всесторонняя поддержка и защита рабочего и молодежного движения в стране и мире; поддержка технико-экономической помощи Афганистану со стороны миролюбивых и прогрессивных государств; защита национально-освободительных и прогрессивных движений и национально-освободительного движения народов Пуштунистана и Белуджистана. [135]

До восьмого номера включительно газета выходила еженедельно по четвергам на четырех полосах малого формата (за исключением первого номера, который был издан на шести полосах), а начиная с девятого номера (с 6 мая 1963 г.) – уже по понедельникам и в основном на четырех полосах большого формата. Ее материалы первоначально публиковались в двух вариантах на языках дари и пушту, а с девятого номера – в одном, смешанном. Некоторые стихи по традиции, заложенной еще газетой «Хальк», давались на узбекском и туркменском языках. Всего за 25 месяцев существования «Парчам» вышло 99 ее номеров. С 71 номера (с 28 июля 1969 г.) С.Лайек в связи с выдвижением его кандидатом в депутаты Вулуси джирги по избирательному округу Пули-Хумри передал функции главного редактора газеты Мир Акбару Хайбару, сохранив за собой пост ее издателя. В авторский актив «Парчам» входили Б.Кармаль, С.А.Кештманд, А.Ратгебзад, М.Х.Барек Шафии, Аму, Н.А.Нур, Кава, Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани (двое последних до лета 1969 г.), Горджестани, Асемаи, Нахид, Халиль Змар, Сепанда, Мехрбахш, а также Дауд Кавьян, Басир Ранджбар, Дауд Размьяр, Хешмат Кайхани, А.К.Горбанди, М.Барьялай, М.Исмаил Махшур, Наджибулла и другие. В газете со своими стихами на пушту выступал и известный пакистанский общественно-политический деятель Аджмаль Хаттак.

«Парчам», по сравнению с другими афганскими частными изданиями, выгодно отличалась как богатством своего содержания, так и разнообразием использования литературных форм и жанров. На своих страницах она рассматривала различные стороны общественно-политической и социально-экономической жизни страны и ее народа, актуальные проблемы леводемократического движения, включая молодежного и женского, аргументированно критиковала правящие круги, их внутреннюю и внешнюю политику, выдвигала и обосновывала программу глубоких демократических преобразований в интересах народных масс, полемизировала со взглядами и воззрениями других леводемократических сил. Большое внимание в газете уделялось пропаганде леворадикальных идейных взглядов, развитию политического сознания участников и сторонников народно-демократического движения. В ней, помимо фундаментальных теоретических материалов, систематически печатались публицистические статьи и заметки, репортажи с мест событий, отклики на важнейшие события внутри страны и за рубежом, письма читателей, памфлеты, короткие литературные рассказы, переводы из зарубежной демократической и коммунистической прессы, политические карикатуры и т.д. В газете «Парчам» получила дальнейшее развитие афганская поэзия революционно-демократического содержания. Ее яркими представителями стали С.Лайек и М.Х.Барек Шафии, опубликовавшие на страницах газеты более 30 своих стихотворений. В газете своей содержательностью и актуальностью материалов выделялись рубрики: «Теоретический раздел», «Национально-освободительное движение и проблемы некапиталистического пути развития», «Социально-политическая терминология», «Письма читателей», «Горести народа», «Важные события в мире за неделю», «Лозунги движения». Начиная с 48 номера (с 18 февраля 1969 г.) была введена рубрика-раздел под названием «Беды, жалобы и протесты народа», которая, как правило, занимала почти всю газетную полосу. Всего под этой рубрикой в 26 номерах «Парчам» было опубликовано более 130 писем, обращений и жалоб рабочих, крестьян, студентов, учащихся, государственных служащих, представителей интеллигенции, служителей культа, в которых они рассказывали о своих нуждах, бедах и требованиях, беззаконии, произволе и злоупотреблениях властей. Корреспонденции в газету поступали буквально из всех районов страны, но больше всего из центральных и северных. Ряд номеров газеты носил тематический характер и был посвящен

как правило, памятным и юбилейным датам: Дню независимости (23 августа), Дню Пуштунистана (31 августа), 100-летию со дня рождения В.И.Ленина (22 апреля) и т.д.

Идейно-политическое лицо газеты «Парчам», несомненно, определял Б.Кармаль, опубликовавший на ее страницах более 90 весьма солидных по объему материалов – политико-аналитических, теоретических, программных и пропагандистских статей и заметок, парламентских выступлений и запросов, передовиц. Свой вклад в раскрытие идей и целей леводемократического движения в Афганистане, в просвещение и консолидацию радикально настроенной части общества вносили и другие члены авторского коллектива газеты, специализировавшиеся, как правило, по каким-то определенным проблемам. Так, М.А.Хайбар в основном готовил материалы по идейно-теоретическим и политическим аспектам национально-освободительного и демократического движения, популяризировал марксистские идеи и взгляды об обществе и классовой борьбе, С.А.Кештманд анализировал социально-экономическое положение в стране и с позиций программы партии раскрывал пути и средства преодоления вековой отсталости афганского государства, А.Ратезад освещала проблемы женского движения и здравоохранения в Афганистане и т.д. Практически в каждом номере «Парчам» содержались материалы, которые давали ответы на животрепещущие теоретические и практические вопросы национально-демократического движения в стране.

В первом номере «Парчам», в частности, была опубликована на языке пушту пространная статья Б.Кармаля «Взгляд на наши национальные задачи на текущем историческом этапе (пути и средства достижения победы)». В этой статье, носившей по существу программный характер, излагались тактические и стратегические задачи афганской левой демократии в условиях дальнейшего обострения общественных противоречий и углубления процессов политизации городских слоев общества, а также давалась расшивка двух противостоящих друг другу лагерей в стране – леводемократического и реакционного. Автор, стоя на позициях постепенности и последовательности решения леводемократических задач, считал, что борьбе за «конечную цель», т.е. непосредственной борьбе за социализм, должен был предшествовать «подготовительный», демократический этап, осуществляемый мирным путем в рамках существующего строя, с широкой опорой и при участии всего народа – рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, национальной буржуазии, мелких и средних помещиков, прогрессивных элементов. Целью этого этапа, по его мнению, являлось создание «национального демократического правительства», призванного повести борьбу против реакции – феодалов, компрадорской и бюрократической буржуазии, крупного торгового капитала и империализма и осуществить прогрессивные реформы в стране, в том числе и демократическую земельную реформу. Особо подчеркивалось, что обязательным условием успешного функционирования «демократической национальной власти» и решения ею исторических задач должен был стать «единый национальный демократический фронт», объединяющий все прогрессивные и патриотические силы и группы населения. Ядром этого фронта мыслилась НДПА при условии восстановления единства партийных рядов и отказа ее руководства от установок «вождизма и стремления быть на первых ролях» [136] (имелась в виду позиция халькистов. – М.С.).

Проблемы борьбы за программные цели движения были поставлены и теоретически обоснованы в других работах Б.Кармаля, в частности в статьях «О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане», «Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны», «Подлинная революционная политика не имеет ничего общего с революционным фразерством», «О практической деятельности народно-демократических борцов Афганистан», «Утопия и реализм в политике», «По поводу средств достижения победы и создания нового общества в Афганистане» и др. [137] В них автор, полемизируя прежде всего с установками халькистов и их «теории хальковской (народной) революции» и особо подчеркивая при этом ошибочность и преждевременность выдвижения лозунга борьбы за «конечную цель» в качестве главной задачи дня, указывал, что Афганистан 60-х годов находится на пороге национально-демократической, а не пролетарской революции и что для перехода ко второму этапу, т.е. социалистическому, необходимы «определенные исторические условия, объективные и субъективные предпосылки». Он прозорливо отмечал, что «перескакивание через стратегический этап, т.е. национально-демократический этап, явится непоправимой ошибкой, в результате которой прогрессивные силы в Афганистане будут изолированы от национально-демократического движения и даже потерпят поражение на данном историческом этапе». [138] Таких же взглядов придерживались и другие афганские левые демократы, группировавшиеся вокруг газеты «Парчам». Они считали, что Афганистан еще не созрел для борьбы за «конечную цель» ввиду общей экономической отсталости и неразвитости социальных и классовых структур общества». [139] По содержанию решаемых задач национально-демократическая революция в Афганистане характеризовалась как антифеодалная и антиимпериалистическая, призванная разрешить основное противоречие первого этапа – противоречие между народом Афганистана, с одной стороны, и феодализмом и империализмом – с другой. В указанных выше работах были рассмотрены и другие актуальные вопросы движения, как-то: проблема гегемонии в национально-демократической революции, вопросы о сущности и форме национально-демократического правительства, революционной ситуации, расстановке социально-классовых сил в стране, формах и средствах борьбы за власть, месте и роли партии в революции и другие.

Одним из непростых вопросов для авторов «Парчам» оказался вопрос о гегемонии в национально-демократической революции. В поисках ответа на него они неизменно наткнулись на противоречие между усвоенным ими классическим положением марксизма о руководящей роли рабочего класса и его партии в революции и реальностями Афганистана – практическим отсутствием рабочего класса в неразвитой социально-классовой структуре афганского общества. Отдавая дань слепой верности данному марксистскому постулату, применимому лишь к развитому классовому обществу, они намеренно закрывали глаза на афганскую действительность и утверждали, что в Афганистане гегемоном национально-демократического этапа революции должен быть только рабочий класс, руководимый своим авангардом, т.е. НДПА (подчеркнуто мною. – М.С.). Вместе с тем некоторые авторы публикаций в газете «Парчам», осознавая несо-

ответствие указанной установки конкретным условиям страны, все же вынуждены были опускаться с небес голой абстракции на грешную землю и оговариваться, что проблема гегемонии рабочего класса, руководимого его политическим авангардом, обязательна лишь для достижения «конечной цели» движения, но не для демократического этапа революции. При этом вполне резонно пояснялось, что рабочий класс Афганистана 60-х годов XX в. не мог выполнить свое историческое предназначение гегемона революции, так как проходил только первые шаги своего количественного и качественного становления. [140] В связи с этим перед народно-демократическим движением ставилась задача поднимать уровень политического и классового сознания рабочих, способствовать их организованности и широкой вовлеченности в борьбу за свои интересы, укреплять союз рабочего класса с крестьянством (иногда в публикациях газеты «Парчам» говорилось о необходимости союза рабочего класса с безземельным и малоземельным крестьянством, особенно в рамках осуществления демократической земельной реформы, [141] что вряд ли было правильным, учитывая уровень социально-экономического развития Афганистана того времени и задачи борьбы за создание широкого фронта национально-демократических сил).

В таком же неоднозначном ключе рассматривался в газете «Парчам» и вопрос о сущности и форме национально-демократического правительства. Так, заявлялось, что оно, возникнув в ходе национально-демократической революции, «по своей сущности должно быть диктатурой трудящихся, а с точки зрения формы – демократическим правительством народа». Вместе с тем уточнялось, что в случае неспособности рабочего класса и его политического авангарда возглавить движение, правительство, создаваемое в ходе революции, должно быть по своему содержанию коалицией представителей всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил, а с точки зрения его формы – национально-демократическим правительством. [142] Массовой социальной опорой такого правительства признавался широкий объединенный национальный фронт «под руководством любого из демократических классов: рабочих, крестьян, мелкой буржуазии города или же представителей прогрессивной интеллигенции, включая и революционно настроенных военных». [143] Что касается национальной буржуазии, то степень ее участия в таком фронте, как считали авторы «Парчам», зависела от зрелости и влияния рабочего класса и его союза с крестьянством. Создание национального фронта в Афганистане, по их мнению, требовало «длительной и кропотливой работы». [144]

Газета «Парчам» стремилась рассматривать важнейшие проблемы национально-демократического движения с позиций марксистской теории, с учетом как накопленного международного опыта демократической освободительной борьбы, так и специфики и особенностей своей собственной страны (правда, последнее не всегда удавалось). Постоянное обращение газеты к теории и практике движения диктовалось не только задачами идейно-политического просвещения представителей афганской революционной демократии, искренним желанием найти верные пути и средства борьбы за свои цели и идеалы, но и настоятельной необходимостью противодействия левацким и маоистским взглядам, которые в те годы получили хождение среди определенной части афганской интеллигенции и городских средних слоев и угрожали увести движение на путь левого экстремизма и политических авантур. Беспокойство газеты вызывали идейный разброд и политическая разобщенность в рядах афганской революционной демократии и особенно абсолютизация леваками насильственных методов борьбы (вооруженного восстания, партизанской и гражданской войн, военного переворота). Поэтому не была случайной на ее страницах острая полемика с левацкими элементами по таким, прежде всего, вопросам, как революционная ситуация, формы и средства борьбы, расстановка противоборствующих социально-классовых сил в стране, роль и место партии в движении и др. [145]

Показательна в этом отношении большая статья Б.Кармалы под названием «Подлинная революционная политика не имеет ничего общего с революционным фразерством». [146] Приводя пространные цитаты из работ В.И.Ленина (как закавыченные, так и в изложении, но без упоминания его имени и источника), автор подчеркивал, что революционный класс и его авангард для достижения своей цели должен овладеть всеми формами борьбы, без какого-либо исключения, и уметь быстро переходить от одной из них к другой в зависимости от меняющейся обстановки и что, признавая различные формы борьбы, подлинно революционная партия в принципе не отрицает и использование насильственных методов. Но для этого необходимо наличие революционной ситуации и субъективных факторов. Дав ленинское определение революционной ситуации и характеристику ее главных признаков, Б.Кармаль поставил вопрос: существует ли в Афганистане революционная ситуация и необходимые субъективные условия для революции? Ответив на него отрицательно, он заявил, что в Афганистане, в тех конкретных условиях, «лозунг насильственной революции и вооруженного восстания являлся авантюрой и провокацией и служил в конечном счете, с одной стороны, интересам реакции и империализма, а, с другой, вел к разгрому освободительного национально-демократического движения». Подчеркнуто было и еще одно положение: для успеха восстания необходимо, чтобы оно опиралось не на партию, а на передовой класс, на широкие слои народа, включающие рабочих, крестьян, ремесленников, студентов, низших государственных служащих и другие прогрессивные и патриотические элементы и группы населения. [147]

В газете «Парчам», особенно в первые месяцы ее издания, большое внимание уделялось выяснению социально-экономического уровня развития афганского общества, его социальной структуры, места и роли различных слоев и классов в национально-демократическом движении и на основе этого определению задач, направлений и характера деятельности партии. Такой интерес газеты к анализу названных проблем был вполне понятен и оправдан, поскольку без их уяснения, по ленинскому выражению, «нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности». [148] Довольно-таки обстоятельную картину общества, несмотря на скудость имевшихся в их распоряжении официальных и неофициальных статистических данных и исследований, дали Б.Кармаль и С.А.Кештманд в своих статьях, опубликованных в апреле-сентябре 1968 года. [149] В них они пришли к выводу о том, что в стране, в условиях существования многих экономических укладов, включая феодальный и дофеодальный, продолжают господствовать

феодалные производственные отношения, дополняемые сохранением родоплеменных структур хозяйства и власти. Повсеместно сельскохозяйственное производство базируется на использовании примитивных средневековых орудий труда. По мысли указанных авторов, феодальный экономический уклад, будучи господствующим в афганской деревне, был связан со следующими видами феодальной собственности на землю: земельными владениями местных (коренных) феодальных малеков; вакуфным землевладением крупных духовных лиц и религиозных учреждений; владениями знати; и частнохозяйственными феодальными владениями, принадлежавшими крупным коррумпированным государственным чиновникам и торговцам-посредникам (компрадорам). Все названные крупные земельные собственники, отличаясь друг от друга по форме, были едины по своей сути – использованию феодальных методов эксплуатации крестьян. Признавая недостаточную изученность проблемы феодальных отношений в стране, авторы вместе с тем подчеркивали, что «феодализм в Афганистане в своих основных чертах отличается от средневекового феодализма Западной Европы и других стран и находится в состоянии разложения под воздействием изменений форм собственности в стране и в связи с появлением капиталистических отношений в городе».

[150] По данным газеты «Парчам», [151] в 1968 году в Афганистане проживало 16 млн. человек, из которых 11,37 млн. или примерно 2,2 млн. семей составляли оседлое население, 3 млн. человек – кочевники и 1,63 млн. человек – городские жители. Из 6,6 млн. человек дееспособного населения (без кочевников) в производственной сфере было занято лишь 3,8 млн., в том числе в земледелии и скотоводстве – 2,93 млн. человек. Общая площадь обрабатываемых земель в те годы определялась в 39 млн. джерибов (около 8 млн. га), из которых 90 % находилось в руках частных собственников, составлявших в целом по стране 30 % сельского населения. Однако размеры их земельных владений, указывали авторы «Парчам», были далеко не одинаковыми. Крупные феодальные малеки, составлявшие только 2 % населения деревни (40 тыс. семей), владели 40 % всех обрабатываемых земель (т.е. 15,6 млн. джерибов или 3,2 млн. га), зажиточные крестьяне и середняки (8 % сельского населения) имели 30 % земли (11,7 млн. джерибов или 2,4 млн. га), а малоземельные крестьяне (20 % населения) – лишь 20 % всех обрабатываемых земель (7,8 млн. джерибов или 1,6 млн. га). При этом земельные участки последней категории землевладельцев в среднем не превышали 5 джерибов (1 га), что не обеспечивало минимальных нужд их многочисленных семей. В то же время земельные наделы зажиточных крестьян превосходили наделы малоземельных крестьян в среднем в 20 раз. Что касается земельных владений феодальных малеков, то размеры каждого из них колебались от 20 до 50 тысяч джерибов. [152] Вместе с тем более 2/3 населения афганской деревни, как писала газета «Парчам», вообще не имели земли. Из них 60 % составляли безземельные крестьяне и арендаторы и 10 % – ремесленники, кустари и их ученики. Крупных арендаторов, которых можно было бы по уровню жизни отнести к зажиточным крестьянам, указывал Б.Кармаль, в афганской деревне было крайне ограниченное число. Не получили развития и были довольно редким явлением в стране и хозяйства капиталистического типа.

[153] Авторы «Парчам» указывали на исключительно высокую степень феодальной эксплуатации афганских крестьян, их нищенское и несправедливое положение. Их основная масса вынуждена была арендовать землю у феодальных малеков и знати на кабальных условиях издольщины и испольщины. При этом в пользу малека обычно изымалось от 50 до 80 % собранного урожая и, как правило, в натуральной форме. В связи с тем, что в стране не существовало закона об аренде, отношения между крестьянином-арендатором и малеком строились по произволу последнего «в соответствии с краткосрочными договорами, основанными на различных нормах обычного права, которые являлись в высшей степени несправедливыми и жестокими». [154] По словам Б.Кармаля, отжившая система землепользования в Афганистане была самой жестокой в Азии. Кроме всего прочего, «крестьяне в условиях отсутствия цивилизованной правовой системы вынуждены были еще нести в пользу малека различные повинности и делать ему всевозможные подношения». [155] Рентная эксплуатация крестьян дополнялась ростовщической долговой кабалой, различными поборами местных государственных чиновников и знати, а также ограблением крестьян со стороны торговцев-посредников, скупавших за бесценок сельскохозяйственную продукцию и продававших ее по высоким ценам внутри страны и за рубежом.

На основе анализа положения в афганской деревне авторы «Парчам» сделали вывод о том, что «феодальные малеки являются главным врагом и эксплуататором народа страны» и «большой реакционной силой» с присущими ей «чертами черной восточной деспотии и фашистскими и средневековыми методами попрания основных прав крестьян» и что «крупные земельные собственники-малеки и ханы всегда были в прошлом и остаются огромной преградой на путях социально-экономического и политического развития страны. Отсюда, по их мнению, «первейшей и важнейшей демократической задачей» является «борьба против феодализма, против феодальных форм эксплуатации крестьян» и справедливое решение в Афганистане крестьянского вопроса. [156]

Вместе с тем нельзя не заметить, что афганские левые, оценивая на страницах газеты «Парчам» потенциальные возможности различных категорий крестьянства страны, допускали порой упрощенные и противоречивые толкования их роли как субъектов национально-демократического движения. Это выражалось прежде всего в недооценке и игнорировании роли в решении крестьянского вопроса крестьян-середняков и зажиточных крестьян. По их представлениям, в деревне только безземельные и малоземельные крестьяне, батраки и сельские ремесленники составляли трудящиеся массы крестьянства и «именно их касался крестьянский вопрос». Наряду с этим, они преувеличивали степень готовности крестьян к борьбе за свои права и свободы, не учитывали психологию рабской покорности и безропотной зависимости афганского крестьянства от местных экономически и политически господствовавших лиц и авторитетов, его почти поголовную неграмотность, низкую политическую и классовую сознательность, отсутствие заметных элементов крестьянского движения в деревне в те годы и т.п. Все это, вместе взятое, делало весьма сомнительным и преждевременным выводы авторов «Парчам» о готовности крестьян к «воспри-

ятию идеологии угнетенных и эксплуатируемых классов» и выполнению ими роли «естественного и мощного союзника рабочего класса и одной из движущих сил национально-освободительной борьбы в стране». [157]

Леводемократические круги Афганистана постоянно занимала и проблема мелкой буржуазии: ее облик, роль и место в обществе, стереотипы поведения в политической жизни страны. По их оценкам, мелкая буржуазия была одним из наиболее значительных по своей численности социальных слоев как афганской деревни, так и города. В ее состав, кроме крестьян-собственников, они включали зажиточных городских ремесленников, кустарей, портных, сапожников, столяров, каменщиков, медников, жестянщиков, каменотесов, златокузнецов, владельцев ремонтных мастерских, мелких торговцев, а также низших государственных служащих и представителей интеллигенции, чьи материальный уровень жизни, психологические и социальные характеристики приближались к мелкобуржуазным слоям. Подчеркивались двойственность экономического положения мелкого буржуа, политическая непоследовательность и неустойчивость его поведения. Отсюда делался вывод о «неспособности мелкой буржуазии к политическому и экономическому руководству». [158]

Совершенно иная оценка давалась мелкобуржуазной интеллигенции и студенчеству. «В условиях нашей страны, – писал С.А.Кештманд, – интеллигенция – главная сила антифеодальной и антиимпериалистической борьбы. Она все больше превращается в союзника рабочего класса. Из ее среды выходят сознательные прогрессивные элементы, выполняющие активную роль организаторов и руководителей движения». [159] Тем не менее издатели «Парчам» не были склонны идеализировать отечественную интеллигенцию, различая в ней прогрессивную, национально-патриотическую часть, представленную, как правило, выходцами из средних слоев города и деревни и принадлежавшую к низшим и средним категориям служащих и людей свободных профессий, с одной стороны, и реакционную, связанную по происхождению и взглядам с элитарными, господствующими кругами общества и капиталистическим Западом – с другой. Характеризуя прогрессивную интеллигенцию Афганистана, газета, наряду с положительными ее качествами – образованностью и подготовленностью к восприятию передового мировоззрения, глубоким состраданием к нуждам и бедам обездоленного народа, радикализмом в настроениях и действиях, отмечала и такие присущие ее отдельным группам отрицательные черты, как оторванность от масс, слабое знание социальных условий и реалий своей страны, поверхностное восприятие передовой научной теории, преувеличение своих возможностей и роли в общественно-политической борьбе, склонность к подмене конкретных действий громкими лозунгами, а также типичные для мелкобуржуазных кругов особенности психологии – амбициозность и чванливость, завистливость и эгоизм, мелочность, тяготение к показному героизму, конформизму, экстремизму, авантюризму, непоследовательности и т.п. [160]

В 50-начале 60-х годов в ходе реализации в Афганистане двух первых пятилетних планов экономического развития заметно ускорился процесс складывания национального рабочего класса. Небезынтересны в связи с этим его количественные и качественные характеристики, которые давались на страницах газеты «Парчам». При анализе ее публикаций на данную тему прежде всего обращает на себя внимание слишком расширительная трактовка понятия «наемные рабочие». В него авторы «Парчам» включали, кроме фабрично-заводских, транспортных и строительных рабочих, шахтеров, сельскохозяйственных рабочих, также и поденщиков, в том числе деревенских – плотников, кузнецов, гончаров, их учеников, подмастерьев и т.п., и полупролетарские элементы (обслуживающий персонал системы здравоохранения, просвещения, торговли, государственных учреждений и т.п.). Численность всех «наемных рабочих» в Афганистане определялась в 880 тыс. человек, из которых 20 % газета относила к «современным пролетариям (фабрично-заводским, транспортным и строительным рабочим и шахтерам)». [161] Численность же собственно промышленных (фабрично-заводских) рабочих оценивалась в 32 тыс. человек. В газете далее отмечалось, что непродолжительный численный рост армии наемного труда в Афганистане фактически прекратился к середине 60-х годов в связи с завершением строительства крупных хозяйственных объектов и отсутствием финансовых средств для новых строек. Появились безработные, среди которых оказалось до 80 тысяч квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Многие из них, вместе со значительным числом обнищавших крестьян, хлынули в поисках работы в города, где, не найдя ее, пополнили армию люмпенов. [162]

Что касается качественных характеристик и оценок национального рабочего класса, то газета «Парчам», надо признать, не была по этому поводу до конца последовательной и логичной. В частности, в некоторых ее публикациях справедливо отмечались такие существенные черты афганских рабочих, как сохранение ими прочных связей с деревней, их малочисленность, крестьянская и полукрестьянская психология, низкое классовое и политическое сознание, слабая организованность и сплоченность, неготовность к восприятию передовой идеологии. [163] В то время Б.Кармаль в одной из своих статей обоснованно писал: «В настоящее время рабочий класс нашей страны проходит первые шаги своего количественного становления и выработки своего классового и политического сознания и пока не может считаться сплоченной и организованной политической силой». [164] Одновременно в этой же статье он, противореча себе, заявлял, что афганский рабочий класс, «несмотря на свою относительную численную слабость, выполняет активную роль в антифеодальной и антиимпериалистической борьбе, так как является самой последовательной силой, способной довести до конца национально-демократическое движение». Собственно говоря, в таком же ключе писал и С.А.Кештманд, утверждая, что «молодой рабочий класс Афганистана уже играет созидательную роль в освободительном национально-демократическом движении страны» и «в состоянии возглавить коренное и качественное переустройство общества». [165] Такая завышенная оценка потенциальных возможностей формировавшегося афганского рабочего класса не отражала объективно его истинное место в нараставшем тогда в стране национально-демократическом движении и скорее была авансом на будущее, на его ожидаемую роль в предстоящей борьбе.

Характеризуя социальную ситуацию в стране, газета «Парчам» обратила внимание на расширение

масштабов обнищания масс и возрастание численности пауперов и люмпенов. Она связывала эти процессы с продолжавшимся в обществе социальным расслоением, огромным аграрным перенаселением, хронической безработицей, ростом цен, отсутствием жилья и неблагоприятными жилищными условиями и антинародной социально-экономической политикой правительства страны. [166] Однако газета дальше этой констатации, к сожалению, не пошла и, несмотря на актуальность проблемы люмпентства, не ставила и не рассматривала его социальные и политические черты, идеологию, связи с консервативными и религиозными кругами, роль и место в освободительной и классовой борьбе.

Представляют интерес оценки и характеристики деятелями НДПА (Парчам) афганской буржуазии вообще и ее отдельных отрядов – в частности. Они исходили из признания существования в стране двух отрядов буржуазии: крупной (компрадорской), связанной с империализмом, и средней (национальной) буржуазии. При этом отмечалось, что «капиталистические отношения в стране пока не получили широкого развития и находятся лишь в своей начальной стадии», в связи с чем в то время будто бы «нельзя было дать очень точную характеристику компрадорской и национальной буржуазии... и провести четкую грань между ними». Касаясь национальной буржуазии, С.А.Кештманд писал, что она «не смогла пока проявить себя как класс из-за специфических условий Афганистана». В целом деятели Парчам, как и халькисты, придерживались определенного нигилистического отношения к национальной буржуазии, отказывали ей не только в возможности войти в руководство национально-демократическим движением, но и фактически брали под сомнение ее антифеодальные потенции. По их утверждению, «она колеблется как по вопросам антиимпериалистической борьбы, так и по вопросам демократических преобразований в обществе, ...будучи сторонницей половинчатых и усеченных реформ, могущих привести лишь к ограничению феодальных и полуфеодальных отношений». Тем не менее они не отрицали ее возможное участие как «союзника в национально-демократическом фронте». [167]

В Афганистане к концу 60-х годов сложился небольшой, но весьма состоятельный слой торговой (компрадорской) буржуазии. Как писала газета «Парчам», она, несмотря на свою малочисленность, «располагала огромным влиянием в финансовой, банковской и внешнеторговых сферах и, будучи тесно связанной с феодальными и полуфеодальными кругами и иностранным капиталом, «играла заметную роль в политической жизни страны». В связи с этим компрадорская буржуазия рассматривалась как «злейший враг национально-демократического движения Афганистана и препятствие на путях быстрого социально-экономического развития общества и обеспечения экономической независимости страны». [168]

Обобщая исследование социально-классовой ситуации и расстановки политических сил в стране, издатели «Парчам» сделали принципиальный вывод о том, что в тех исторических условиях «главными врагами народа Афганистана» являлись феодальные малеки, крупные ростовщики, компрадорская и бюрократическая буржуазия, империализм, а также та часть интеллигенции, которая была связана с ними и защищала их интересы. Им противостоял народ Афганистана, в который они включали рабочих, крестьян, ремесленников, прогрессивные и патриотические слои интеллигенции и государственных служащих, национальную буржуазию, мелких и средних малеков (помещиков). [169]

Представители афганской левodemократической оппозиции важнейшими задачами национально-демократического движения в стране считали справедливое решение двух вопросов: аграрного и национального. Тот и другой вопрос неизменно стоял в центре внимания газеты «Парчам». Им было посвящено множество заметок, передовиц, парламентских выступлений депутатов от НДПА, редакционных статей, принадлежавших перу Б.Кармаля, С.А.Кештманда, М.А.Хайбара, А.Ратезада, Г.Д.Панджшери, С.Лайека и др. Решение аграрного вопроса расценивалось ими по своей исторической значимости вторым после завоевания страной политической независимости. Раскрывая историческую необходимость аграрных преобразований, Б.Кармаль подчеркивал, что устранение отжившей феодальной системы землевладения путем осуществления демократической земельной реформы с участием всех крестьян должно было привести к коренному улучшению их условий жизни, решению хронической продовольственной проблемы, прекращению процессов пауперизации крестьянства и парцелляции земли, утверждению в обществе подлинной демократии и социального прогресса и подрыву в стране влияния империализма, осуществлявшегося им через местные феодальные и компрадорско-бюрократические круги. Проведение демократической земельной реформы мыслилось ими на основе формулы «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает». [170]

При раскрытии содержания земельной реформы издатели «Парчам» дословно повторяли положения аграрной части программы НДПА (помощь и поддержка мелких и средних землевладельцев, ликвидация задолженности крестьян ростовщикам, распределение и освоение целинных земель, создание потребительских, сбытовых и производственных кооперативов, предоставление им льгот по приобретению сельскохозяйственной техники, инвентаря, химических удобрений, сортовых семян, агрономическая помощь, учреждение крупного сельхозбанка и т.д.). Однако они оставляли без ответа (как, впрочем, и сама программа партии) такой кардинальный вопрос земельной реформы, как условия изъятия земли у крупных феодальных владельцев и наделению ею крестьян, что делало аграрную платформу движения неопределенной и незаконченной в ее главной, принципиальной части. [171]

На протяжении веков многонациональный Афганистан нес на себе тяжкий груз межэтнических и межплеменных противоречий, вражды, раздоров и нередко кровопролитных вооруженных конфликтов. Они продолжали оставаться фактором внутривнутриполитической нестабильности страны и в XX в. Более того, с 50-х годов застарелые этнонациональные проблемы стали еще более острыми и драматическими в связи с ускорением капиталистических преобразований и ростом социальной напряженности в обществе. Следует заметить, что первыми среди всех оппозиционных и проправительственных политических сил, кто обратил на них серьезное внимание, были левodemократические группировки. Как отмечалось выше, уже в первой программе НДПА (1966 г.), а затем в газете «Хальк» они изложили и теоретически обосновали свои принципиальные подходы к решению национального вопроса в Афганистане как одного из самых

сложных явлений социальной жизни населения страны. Эту эстафету продолжила газета «Парчам». Она неоднократно обращалась к анализу национальных противоречий и языковой ситуации в стране, тяжелого положения и дискриминации этнических меньшинств, отсталости районов проживания пуштунов и их межплеменных конфликтов, путей ликвидации национального гнета и отчужденности, проблем освободительного движения народов Пуштунистана. [172]

Коренные причины нерешенности национального вопроса в Афганистане издатели «Парчам» видели прежде всего в «господстве отживших феодальных отношений, реакционной политике правящих кругов и последствиях злополучной политики британского колониализма». Одновременно они признавали и огромную сложность его решения в связи со спецификой страны: ее экономической отсталостью, нищетой, невежеством, неграмотностью и низким уровнем политической сознательности подавляющего большинства населения, живучестью в обществе племенных, национальных, региональных и религиозных предрассудков и розни, феодальной раздробленностью, наличием миллионов кочевников. [173]

В поисках путей и средств решения национального вопроса авторы «Парчам», как правило, черпали свои воззрения в марксистской литературе и соответствующем опыте строительства многонационального советского государства. В частности, они выступали за установление в стране формально-юридического и фактического равенства всех ее народов в социально-экономической, политической и культурной сферах, ликвидацию всех форм и проявлений национального гнета, раздоров, дискриминации и обособленности, за право наций на самоопределение вплоть до отделения. В качестве же первоочередных мер они считали необходимым, чтобы власти признали «одинаково ценными и равноправными литературу, искусство, быт, обычаи, традиции и язык различных народов, населяющих Афганистан, и содействовали всестороннему развитию и обмену достижениями их материальной и духовной культуры, укреплению между ними подлинного братства, дружбы, искренности в отношениях и взаимного уважения». [174]

Однако, пожалуй, наибольшая озабоченность на страницах «Парчам» высказывалась по поводу языковой политики правящих монархических кругов и их отношения к развитию национальных культур. Показательны в этом отношении статьи и парламентские выступления Б.Кармалы и публикации в газете его тогдашних единомышленников – представителей национальных меньшинств таджика из Панджшера Г.Д.Панджшери и узбека из северной провинции Джаузджан А.Х.Шараи Джаузджани. Б.Кармаль, выступая 18 октября 1969 года в Вулуси джирге, обвинил правящий режим в невнимании к развитию языка пушту, пренебрежении к дари и притеснениях других языков и в создании таким образом угрозы сплоченности народов и единству страны. [175] В еще более резкой форме по поводу культурно-языковой проблемы высказывался А.Х.Ш.Джаузджани. «После завоевания независимости, – писал он, – не было проявлено никакого внимания к возрождению культуры узбекского и туркменского народов. Более того, реакционеры рассматривали ее «нетерпимой» ... и беззащитно прибегали к уничтожению ее последних остатков... И это им в известной мере удалось. Сегодня часть узбекской и туркменской интеллигенции уже не может ни писать и ни читать на своем родном языке. Это – прямая угроза утраты языка и национальной культуры указанных народов, что в конечном итоге явится потерей и для национальной культуры Афганистана в целом». [176] Об этом же говорил Г.Д.Панджшери в статье «Культура хазарейцев – неотъемлемая часть национальной культуры нашей единой родины – Афганистана». Он, сославшись на соответствующее положение программы партии, отметил несправедливость административного деления в Хазараджате и в других районах, осуществленного в свое время, по его мнению, без учета сложившихся в стране экономических, этнических, культурных, языковых и исторических связей. [177]

Газета давала немало других примеров и свидетельств по поводу широкого распространения в стране дискриминации и незаконий в отношении национальных меньшинств, в том числе использования их на запрещенных Конституцией Афганистана принудительных работах, пыток, тюремного заключения без суда и следствия, запреты на издание литературы на национальных языках и т.д. В качестве наглядного подтверждения последнего газета «Парчам» приводила отказ отдела по печати министерства информации и культуры удовлетворить просьбу редакции издать литературный сборник на узбекском и туркменском языках под надуманным предлогом о том, что-де в Афганистане «все издания (официальные и частные) должны печататься на пушту и дари», поскольку, согласно Конституции страны, только эти два языка являются «официальными и национальными». [178]

Внутриполитическая ситуация в Афганистане была отягощена не только межнациональными противоречиями, т.е. противоречиями между пуштунами и непуштунами, но и напряженностью в межплеменных отношениях среди самих пуштунов. В период, когда издавалась газета «Парчам», в Пакистане вспыхнул и принял затяжной характер вооруженный конфликт между племенами джаджи и мангал, что не могло не привлечь внимание и вызвать беспокойство широкой афганской общественности. Реакцией на эти события явилась статья Б.Кармалы «Необходимость демократического решения в стране проблемы племен», [179] в которой он, помимо краткой характеристики племенной системы в стране, изложил свое видение путей решения этой злободневной общенациональной проблемы. Отметив по преимуществу натуральный характер племенного хозяйства, глубокую приверженность обычаям и традициям и зависимость рядовых членов племен от власти их ханов и старейшин, Б.Кармаль подчеркнул, что афганские (пуштунские) племена на протяжении всей своей многовековой истории являлись не только мощным фактором борьбы против иностранных захватчиков-колонизаторов, но и силой, которая постоянно конфликтовала с центральной властью, защищая с помощью всегда имевшегося в их распоряжении оружия свои племенные права, свободу и самостоятельность. Б.Кармаль обратил внимание на то, что в современных условиях племенной образ жизни стал анахронизмом и уже «не является достойным этого благородного и честного народа». Выступив за переход от изжившей себя племенной системы к новой жизни, он с полным на то основанием заявил, что такой переход «должен осуществляться крайне осторожно, без давления и насилия... на основе уважения и учета глубоко укоренившихся обычаев и традиций, а также прав населения племен». Среди мер, призванных решить проблемы племен, он предложил следующие: устранить давление на племена со

стороны государственного административного аппарата и покончить с реакционной политикой центра в отношении племен; искоренить влияние и провокации извне, а также вмешательство в дела племен со стороны местной племенной верхушки (подчеркнуто мною. – М.С.); решить вопросы жизни и расселения племен демократическим путем через народные джирги; поощрять переход племен к занятию земледелием и промышленным производством и содействовать переводу племенного натурального хозяйства в новую, товарную стадию; обеспечить права и социально-политические свободы племен; распространить на племена систему просвещения и значительно улучшить их санитарно-гигиенические и культурные условия жизни.

Вне сомнения, многие из предлагавшихся мер могли бы послужить оздоровлению обстановки в зоне проживания пуштунских племен, решению ряда их жизненных проблем. Однако в тех исторических условиях вряд ли была уместной и оправданной установка на конфронтацию с племенными авторитетами – ханами, старейшинами и духовными лицами, продолжавшими оставаться в глазах соплеменников непререкаемыми символами их самобытности, носителями высшей справедливости и племенной (джирговой) демократии. Кстати, и сам автор в указанной статье признавал их огромную роль и влияние, прочность кровнородственных и семейных уз среди пуштунских племен. Выпады такого рода против племенных авторитетов и фактически объявление им войны со стороны депутата парламента, одного из признанных лидеров левой афганской оппозиции могло иметь своими результатами лишь потерю доверия и симпатий к НДПА и еще большее оживление среди племен чувств племенной солидарности и стремления любой ценой защитить свои традиционные ценности.

В целом газете удалось показать существование и остроту национального вопроса в стране и основные пути его решения. И тем не менее ее многочисленные публикации по данной проблеме носили все же общий, скорее лозунговый характер и не содержали детально разработанных практических мероприятий, которые могли бы обеспечить национальное равноправие в стране. В газете не были рассмотрены и раскрыты национальная ситуация в стране, конкретные проявления национального гнета и дискриминации, хотя об отдельных фактах такого рода и сообщалось, и влияние на национальные процессы исторических, социальных, политических, религиозных и внешних факторов, не была конкретизирована концепция партии на автономизацию районов проживания различных этнонациональных групп населения, не дана критика официальной пропуштунской кадровой политики, а также бытовавших тогда в некоторых леводемократических кругах Афганистана настроений и взглядов антипуштунизма и его антипода – пуштуоцен-тризма. Между прочим, глубокое и всестороннее исследование этих двух «болезней» и их радикальное «лечение» не были предприняты не только в 60-х годах, но и в последующем, что в немалой степени способствовало еще большему их обострению и превращению в хронический недуг национально-демократического движения.

Прогрессивные и демократические круги Афганистана всегда глубоко волновала так называемая «пуштунская проблема» – судьба зарубежных братьев-пуштунов, оказавшихся по недоброй воле британских колонизаторов вне пределов афганского государства. Интерес и внимание к пуштунской проблеме еще больше возросли с появлением на политической авансцене страны народно-демократического движения, объявившего своей национальной и интернациональной задачей всемерную поддержку национально-освободительной борьбы народа Пуштунистана. Пуштунская тема нашла свое логическое продолжение и в газете «Парчам». При этом в ее публикациях рельефно выделялись два основных аспекта, а именно: критический анализ и оценки политики правящих кругов Афганистана по пуштунской проблеме и изложение по ней платформы леводемократических сил. Наиболее полно оба эти аспекта были освещены и концептуально обоснованы в статье Б.Кармала «Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана», статьях М.А.Хайбара и С.А.Кештманда, а также в выступлениях депутатов народно-демократической фракции в Вулуси джирге в 1966-1968 годах. [180]

Политика монархического режима Афганистана по пуштунской проблеме рассматривалась ими в целом как половинчатая, непоследовательная и внешне показная, а по сути своей как антинациональная. В вину правительств страны ставилось то, что они в первые десятилетия с момента прихода к власти династии Яхья не только не поддерживали применительно к Пуштунистану принцип о праве наций на самоопределение, но и не заняли место в общем потоке национально-революционного, антиколониального и антиимпериалистического движения, развернувшегося в те годы в мире, и не проявили солидарности с борьбой народа Индии за свободу и независимость. Затем, в конце 40-х годов, они не воспользовались благоприятной ситуацией, возникшей в регионе в связи с разделом Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан. «В то время, – писал Б.Кармаль, – правительство Афганистана, с одной стороны, и национально-революционные силы пуштунов и белуджей, с другой, не попытались увязать проблему национальной независимости Пуштунистана с немедленным вооруженным или невооруженным выступлением, что следует считать непоправимой исторической ошибкой». [181] По его словам, афганские правящие круги лишь тогда проявили «внимание» к национальной проблеме Пуштунистана, когда диктаторский режим Пакистана стал проводить откровенную «политику крови и железа» и жестоко подавлять движение пуштунского и белуджского народов. Однако это «внимание», подчеркивал Б.Кармаль, не выходило за рамки политики господствовавших «верхов» и носило чисто протокольный характер, что не могло не сказываться на ослаблении интереса к данной проблеме со стороны народных масс Афганистана. [182]

Афганское правительство упрекалось также в том, что оно «не проявило инициативы по поводу соединения в единый фронт и под единым национально-революционным руководством ширившееся мирное национально-освободительное движение Пуштунистана с вооруженной партизанской борьбой Свободного Пуштунистана» (имеется в виду полоса независимых племен вдоль афгано-пакистанской границы. – М.С.) и «не содействовало образованию свободного национального правительства Пуштунистана в духе решений Национального совета 7-го созыва и двух последних Лоя джирг» (1955 и 1964 гг.). [183] Необходимо заметить, что идея о создании «временного правительства» Пуштунистана на территории Афганистана

была высказана Б.Кармалем еще в 1966 году в его выступлении в Вулуси джирге. Тогда он предлагал разрешить пуштунским лидерам заниматься мирной деятельностью на территории Афганистана, создать здесь их политическую организацию и центр по проведению работы мирными средствами, предоставить им канал для радиовещания и право издавать свой печатный орган для того, чтобы «они могли направлять национально-освободительное движение Пуштунистана в мирном русле, без применения насилия». [184]

Кроме сказанного выше, афганская правящая верхушка подвергалась критике и за ее нежелание должным образом реагировать на посягательства правителей Пакистана, поддерживаемых США, на традиционные права Свободного Пуштунистана и за неспособность привлечь мировое общественное мнение к поддержке национально-освободительного движения пуштунов и белуджей. Весьма примечательно, что представители афганской левой оппозиции, анализируя политическую ситуацию того времени в регионе, обратили внимание и дали соответствующую оценку развернутой странами Запада и пакистанскими властями широкомасштабной пропагандистской шумихе, призванной, как писала газета «Парчам», замаскировать и оправдать их блоковую политику и ставку на подавление национально-освободительной борьбы народов с ссылками на «русскую угрозу», «угрозу коммунизма», «опасность создания сильного Афганистана», «угрозу краснорубашечников», «опасность появления великой объединенной Индии», «защиту свободы и независимости», «чреватость расчленения исламского Пакистана», «необходимость укрепления исламского единства» и т.п. [185]

Отмечая остроту пуштунской проблемы и возлагая ответственность на правящие монархические круги за невнимание к ней, авторы «Парчам» выдвинули свою программу ее решения, которая включала: постоянную и смелую защиту национально-демократического движения народа Пуштунистана, руководимого национально-прогрессивными, демократическими силами; непризнание «линии Дюранда»; обеспечение союза и сплоченности демократических кругов Афганистана, Пуштунистана и Белуджистана с прогрессивными силами планеты в борьбе за мир, национальную независимость, демократию, свободу народов и социализм; борьбу против военных блоков СЕНТО и СЕАТО, угрожающих миру и стабильности в регионе; содействие участию широких народных масс в едином национально-освободительном фронте Пуштунистана и недопущение вмешательства реакционных феодалов, компрадоров и предателей в дела национально-революционного движения Пуштунистана и Белуджистана; поиски путей мирного решения пуштунской проблемы; всемерную поддержку права народа Пуштунистана на самоопределение и осуждение пакистанских властей за подавление национально-освободительного движения в стране. [186]

Одной из центральных тем на страницах «Парчам» было освещение бедственного положения широких трудящихся масс. Материалы на эту тему содержались практически в каждом номере газеты и принадлежали перу не только функционеров и соборов «Парчам», но и солидной по численности читательской аудитории – рабочим, крестьянам, студентам и учащимся, ремесленникам, учителям, государственным служащим, служителям культа и т.д., приславшим в газету свои письма-жалобы, сообщения и заметки. Они с болью повествовали об ужасающей нищете, страданиях и несправедливости большинства населения, невыносимых условиях труда и несправедливой его оплате, положении нищих и бездомных, тяжелых жилищных условиях, бедности и лишениях учителей, низших чиновников и работников искусств, тяжелом бремени налогов и высоких ценах на товары первой необходимости, плачевном состоянии просвещения и здравоохранения в стране, произволе, насилиях и несправедливости власти предрержащих, средневековых тюремных камерах (один афганский автор, говоря о печально известной в Афганистане тюрьме Димазанг, назвал их «камерами ужасов»), широко распространенной практике незаконных арестов и содержании в тюрьмах без суда и следствия, декларативности положений Конституции Афганистана и необеспеченности на деле прав и свобод граждан и т.п.

Подлинным бичом для трудящихся были высокие цены на продукты питания при невероятно низкой заработной плате, составляющей в среднем в месяц 500-600 афгани (этой суммы едва хватало для семьи из пяти человек только на хлеб, одна лепешка которого стоила тогда 3 афгани). При этом, если зарплата рабочих в целом по стране оставалась многие годы стабильной, то цены на товары массового спроса постоянно росли. Только с 1962 по 1968 год они увеличились в 2-3 раза. В таких условиях большинство населения Афганистана, писала «Парчам», было доведено до такой нищеты, что им уже стали недоступными такие продукты, как мясо, яйца, масло, рыба, сахар, фрукты и т.д. [187]

По словам одного из афганских исследователей, «Парчам» опубликовала в ее 99-ти номерах больше писем с мест, чем все другие газеты Афганистана того времени в своих пятистах номерах. [188] Это было несомненным свидетельством доверия к газете и ее популярности среди определенной части населения страны. Показательна эволюция содержания писем читателей, поступавших в адрес редакции газеты. На первых порах в них в основном содержались отклики на публикации газеты, однако со временем в читательской почте стали преобладать факты и рассказы о тяготах жизни различных слоев населения, их нуждах, чаяниях и требованиях, что заставило редакцию ввести в газете специальные рубрики, как-то: «Один миг с друзьями», «Попираются права рабочих», «Благородные рабочие, обратите внимание», «Беды, жалобы и протесты народа» и др. Ко всем письмам и сообщениям с мест газета давала, как правило, свои краткие комментарии и оценки, неизменно выражая в них поддержку требованиям трудящихся. По некоторым же вопросам народно-демократическая фракция в парламенте делала запросы правительству.

Публикации «Парчам» показывают, что ее издатели отчетливо понимали важность установления и расширения связей с массами, в том числе и обратной связи с ними. Как писал Б.Кармаль в одной из своих статей, такие связи нужны были для того, чтобы знать из первых рук настроения, нужды и требования народа и правильно определять направления деятельности народно-демократического движения, а также для того, чтобы целенаправленно воспитывать массы, повышать их политическое и классовое сознание и вовлекать в борьбу за свои права и достойную их жизнь. [189]

Через многие материалы газеты красной нитью проходила критика внутренней и внешней политики правительств страны. Прежде всего это касалось их нежелания и неспособности устранить феодальные и

полуфеодалные пережитки в аграрной сфере и несправедливые, пережиточные формы купли-продажи рабочей силы, остановить экономический спад, рост цен и массовой безработицы, решить жилищную проблему, ликвидировать почти поголовную неграмотность населения и крайнюю отсталость системы здравоохранения, оздоровить финансовое положение страны и реформировать устаревшую налоговую систему, стимулировать национальное производство, создать благоприятные условия для внутренней и внешней торговли и сбалансировать в национальных интересах соотношение между импортом и экспортом товаров, защитить народ и государство от ограблений со стороны иностранных монополий и местной компрадорской (посреднической) буржуазии, обеспечить на деле декларированные в Конституции права и свободы граждан и т.д. Объектом острой критики явились некомпетентность и безответственность исполнительной власти во многих вопросах руководства страной, несовершенство судебной системы, произвол и беззаконие репрессивных органов, коррупция госаппарата, особенно его высших эшелонов, взяточничество, казнокрадство, злоупотребления служебным положением, nepотизм, а также всевозможные козни и подрывные действия господствовавшей верхушки против демократической оппозиции.

Характеризуя бедственное положение в стране и возлагая ответственность за это на правящие круги, газета «Парчам» приводила конкретные примеры, цифры и факты. Вот некоторые из них. В 1969 году более 50 % трудоспособного населения афганских городов не имело работы. Еще более кричащей была проблема занятости в деревне, что вызывало значительную миграцию сельского населения в города в поисках работы и куска хлеба. По подсчетам авторов газеты, чтобы обеспечить их работой, требовалось в течение третьего афганского пятилетнего плана (1967/68-1971/72 гг.) создать, как минимум, 240 тысяч новых рабочих мест, а правительство планировало подготовить за это время лишь 60 тысяч мест. Газета далее сообщала, что в сельской местности многие жители нередко живут в пещерах, ямах, естественных укрытиях и шалашах. В Кабуле почти 30 % жилья, принадлежащего частным владельцам и лишенного элементарных удобств, сдается в наем за очень высокую плату, составляющую от половины до 2/3 заработка малоимущих слоев населения. Для жилищных условий подавляющего большинства малоимущих и неимущих слоев населения страны типичными были не только отсутствие собственной крыши над головой, но и ужасающая антисанитария и огромная скученность людей: семьи из 6-10 человек ютились, как правило, в одной комнате. Как писала «Парчам», более 80 % населения столицы проживали на площади, занимавшей всего 20 % ее территории. Оставшаяся часть города была занята роскошными виллами и усадьбами богатей. И все же, несмотря на весь драматизм и злободневность жилищной проблемы, правительство в планах развития страны вообще не предусматривало строительство жилья для трудящихся.

Обременительным для весьма скромного бюджета страны было содержание разбухшего чиновничьего аппарата. С легкой руки правительства его численность с 1963 по 1967 год увеличилась с 17,5 тысяч до 31,7 тысяч человек, а вместе с обслуживающим персоналом – до 53,8 тысяч. Паразитируя за счет общества, этот аппарат расхищал и бездарно разбазаривал национальное достояние. Только в течение первого и второго пятилетних планов (1956/57-1960/61 и 1962/63-1966/67 гг.), указывала газета, в среднем около половины всех бюджетных ассигнований были использованы или непродуктивно, или же попросту разворованы. Высшие органы власти, кроме того, обвинялись в том, что они не принимают абсолютно никаких мер к защите женского и детского труда от жестокой эксплуатации. Как писал один афганский автор, дети страны, вынужденные работать по 10-12 часов в сутки, фактически не знают детства и, еще не став взрослыми, стареют, а, не достигнув старости, умирают. [190]

Описывая тяжелую долю афганской женщины в семье и обществе, одна из авторов «Парчам», писавшая под псевдонимом «Зохра», [191] с горечью признавала, что «Афганистан относится к числу тех немногих стран, где женщины не обладают на деле никакими демократическими, гражданскими, социальными, экономическими и другими правами» и что «отношение к ним в обществе – прямо нечеловеческое». Коренные причины устойчивого сохранения такого положения женщины она усматривала в политике правящих кругов и реакционно настроенных богатеев, в существовании в стране отживших средневековых обычаев и традиций и феодальных порядков, низводящих женщину до уровня «животного и орудия труда для вспашки полей и молотбы зерна». [192] В газете приводилась масса примеров, наглядно подтверждавших бесправное, униженное положение афганской женщины. Так, корреспондент газеты М.Сангар в заметке «Несчастливая девушка в лапах жестокого малака» писал: «В одном из уездов северной провинции Балх 85-летний крупный малак-феодал, имевший трех жен, предложил бедняку отдать ему в жены 14-летнюю дочь в обмен на 26 тысяч афгани и полтора джериба сада стоимостью примерно 75 тысяч афгани. Бедняга-отец под давлением феодала и ради денег согласился... Однако девушка, случайно узнав об этом, разразилась слезами и во время церемонии бракосочетания не дала своего согласия на брак. Присутствовавшие, увидев нарушение норм шариата, покинули свадьбу... Но феодал с помощью угроз, в конце концов, заставил свидетелей и почтенных старцев принять участие в оформлении этого незаконного брака». [193]

Определяя значение и место женского вопроса в национально-демократическом движении, газета «Парчам» заявляла: «Борьба за свободу и права женщин не является собственно только борьбой ради их самих. Это – борьба во имя интересов общества, поскольку без реальных и демократических свобод женщин нельзя построить свободное общество». [194] Исходя из этого, она считала своим долгом постоянно привлекать внимание широкой афганской общественности к женскому движению в стране, содействовать популяризации деятельности Демократической организации женщин Афганистана (ДОЖА). Показательны в этом отношении были опубликованные в газете выступления активных деятельниц ДОЖА, материалы и решения состоявшихся в 1969 и 1970 годах первой и второй конференции этой организации, сообщения о праздновании впервые в истории Афганистана по инициативе демократических кругов Международного женского дня 8 марта, заявления в защиту прав женщин в других странах (например, осуждение варварских действий израильской военщины против арабских женщин). 17 марта 1969 года в газете «Парчам» была напечатана программа деятельности ДОЖА. Ее целями и задачами провозглашались, во-

первых, борьба за человеческие и социально-политические права и достоинство женщины, освобождение ее от пут адата, суеверий и отживших средневековых обычаев и, во-вторых, приобщение ее к активному участию в борьбе национально-демократических и прогрессивных сил за коренное переустройство общества, во имя прогресса и процветания Афганистана. [195]

Издатели «Парчам» стремились постоянно держать руку на пульсе общественно-политической жизни страны и народа. Не будет преувеличением сказать, что «Парчам», в отличие от других частных и официальных органов печати Афганистана того времени, была в подлинном смысле слова летописцем развернувшейся в 1968-1969 годах забастовочной борьбы. Ее публикации на сей счет давали впечатляющую и достаточно полную картину массовых народных выступлений-демонстраций, митингов, маршей протеста, забастовок. Вместе с тем она была далека от того, чтобы ограничивать свою миссию только рамками сухой статистики происходивших событий. Свою роль газета видела гораздо шире, а именно в том, чтобы оперативно знакомить читателей с забастовочной борьбой, вносить в нее, по возможности, элементы организованности и целенаправленности, активно выступать в поддержку требований бастующих и добиваться от властей их удовлетворения, разоблачать акты насилий и репрессий в отношении участников демонстраций и забастовок, содействовать формированию в обществе настроений солидарности с борьбой трудящихся и в конечном итоге расширять и укреплять позиции и влияние народно-демократических сил в массах.

В соответствии с указанными взглядами газета печатала на своих страницах подробную хронику забастовочного движения, тексты резолюций, обращений и требований бастующих коллективов, речи ораторов на митингах и собраниях, письма представителей афганской общественности в поддержку борьбы за конституционные и человеческие права сограждан, протесты в адрес властей, требования об освобождении из тюрем арестованных товарищей, объявления о предстоящих демонстрациях и маршах и призывы к населению принять в них участие и т.д. Впервые в афганской публицистике «Парчам» предоставила свои страницы для выступлений представителей трудящихся – активистов забастовок и демонстраций. Так, в номере от 28 июля 1969 года она опубликовала более чем на половине газетной полосы защитительную речь Мухаммада Селима, рабочего текстильной фабрики в Пули-Хумри, преданного суду по обвинению в «подстрекательстве рабочих к забастовке» и приговоренного к году тюремного заключения, а в номерах от 13 и 20 октября этого же года почти на трех полосах защитительные речи на суде трех студентов Кабульского университета, которым было инкриминировано участие в студенческих демонстрациях (см. об этом подробнее в главе 4).

Время от времени в газете давались также обобщающие, аналитические материалы, в которых по горячим следам событий критически рассматривались различные аспекты хода и некоторые итоги забастовочного движения в стране и высказывались рекомендации относительно новых и корректировки старых лозунгов и направленности массовых выступлений, а также их организации. В этом смысле несомненный интерес представляли статьи Б.Кармала «Уроки забастовочного движения в нашей стране», «Проблемы студенческого движения в нашей стране» и «Задачи нашей молодежи», запросы депутатов А.Ратгебзад и Файзан-уль-Хака Файзана на заседаниях Вулуси джирги соответственно 21 мая и 4 июня 1968 года, а также редакционный обзор-справка под заголовком «1347 год (март 1968-март 1969 г. – М.С.) – год забастовок и демонстраций», в которой был дан почти полный перечень состоявшихся в указанном году выступлений различных слоев и групп населения страны. [196] Оценивая некоторые предлагавшиеся в этот период со страниц газеты «Парчам» лозунги, вроде «Долой тиранию и эксплуатацию!», [197] необходимо подчеркнуть, что их содержание, с одной стороны, свидетельствовало о решительном неприятии авторами существовавшего строя и о ненависти к власти имущим, а с другой – о непонимании очередности и последовательности решения задач общественного развития. В такого рода лозунгах «революционное» нетерпение, эмоции и бунтарский нигилизм явно брали верх над разумом и научной логикой.

Среди острых и злободневных публикаций «Парчам» неизменно присутствовал еще один важный «пласт» – информация о позициях, взглядах и деятельности парламентской фракции народно-демократических сил. Ее члены не делали тайны из того, что они рассматривали свою парламентскую деятельность как одну из форм борьбы за интересы широких народных масс, а парламентскую трибуну как средство для разъяснения идей, взглядов и программы народно-демократического движения, сплочения демократических, национальных и патриотических сил на основе совместной платформы, отвечающей общенациональным интересам, разоблачения антинародной политики правящих кругов и реакционных сил. В парламенте и на страницах «Парчам» выступали все депутаты от НДПА – Б.Кармаль, А.Ратгебзад, Нур А.Нур и Ф.Х.Файзан (см. об этом подробнее в разделе «НДПА и парламент»). С июня 1969 года газета регулярно из номера в номер давала материалы в связи с подготовкой к выборам парламента 13-го созыва, в частности, знакомила читателей с кандидатами в депутаты от левых сил и их программами и выступала против всевозможных нарушений избирательного закона со стороны властей и местной знати. [198]

Фракция Парчам через свой печатный орган, начиная с момента его издания, не раз ставила вопрос о необходимости как восстановления единства рядов НДПА, так и объединения в единый фронт всех прогрессивных, национально-патриотических и демократических сил Афганистана, в том числе и создания «объединенного национального блока в Вулуси джирге» (парламенте). Ее озабоченность по поводу единства и единых действий была абсолютно оправданной. Богатая бурными событиями общественно-политическая жизнь страны в конце 60-х годов неумолимо ставила леводемократические круги перед дилеммой либо попытаться объединить свои усилия и таким образом получить какой-то, пусть даже незначительный, но шанс на успех в борьбе за цели и лозунги движения, либо же, оставаясь организационно разобщенными, упустить и этот шанс и оказаться на обочине исторических процессов. Отсюда нельзя считать случайным, что именно весной и летом 1968 и 1969 годов, когда в стране стало шириться забастовочное движение и особой остроты достигло противоборство между правыми и левыми силами, особенно

в период проведения избирательной кампании по выборам парламента 13-го созыва, в газете было опубликовано немало солидных по объему инициативных статей по проблеме единства, а также ряд обращений от имени «Народно-демократического движения Афганистана» (НДДА) к демократической общественности с призывами к совместным действиям. Указанные материалы, кроме всего прочего, приурочивались также к имевшим тогда место встречам и переговорам представителей двух фракций – Хальк и Парчам (в скобках следует заметить, что газета о самом факте этих контактов ни разу не обмолвилась ни единым словом, хотя адресат ее полемики по вопросу о единстве партийных рядов ни у кого тогда не вызывал каких-либо сомнений).

Наиболее полное освещение позиции Парчам по различным аспектам проблемы единства демократических сил в стране было дано в первую очередь в статьях Б.Кармаля «Реакцию можно одолеть только объединенными усилиями в составе единого фронта», [199] «Что делать? Необходимо положить конец существующему положению», [200] «Еще три проблемы из записной книжки по общественно-политическим вопросам», [201] «Необходимо определить взаимоотношения между лидерами, политическими организациями, классами и массами», [202] его выступлениях на предвыборных митингах в Кабуле летом 1969 года, [203] а также в редакционных статьях «Единство и союз – наше основное желание», [204] «Наша опора на массы», [205] «Необходимость создания объединенного национального блока в Вулуси джирге», [206] в обращении НДПА «Создание коалиционного фронта в избирательной борьбе – неотложная задача», [207] «Проекте совместной платформы по созданию коалиционного фронта в избирательной борьбе по выборам парламента 13-го созыва» [208] и др.

В статье «Что делать?» Б.Кармаль, полемизируя с халькистами и отмечая их обвинения в «измене революции», писал: «мы считаем своей революционной задачей заявить: необходимо вместо всякого рода псевдореволюционности, авантюризма и самовосхваления задуматься о сплочении всех прогрессивных элементов, кругов и сил общества, принять меры к созданию какой-либо постоянной структуры и вывести прогрессивное движение страны из состояния «детства», мелочности и кружковщины». [209] Ключом к решению этой проблемы он считал собиранье всех сознательных элементов и прогрессивных группировок вокруг общенациональной газеты, под которой подразумевалась «Парчам». [210] В последующем фракция Парчам, уточняя свою позицию по вопросу единства предлагала достичь согласия о «товарищеском и искреннем сотрудничестве» между различными прогрессивными силами, об установлении единства действий, создании коалиционного фронта во время проведения предвыборной борьбы, а также блока демократической оппозиции в парламенте. Однако все эти предложения не были подкреплены практическими действиями и остались нереализованными. Здесь решающую роль сыграли политическая, организационная и численная слабость леводемократических кругов и их раскол, а также состояние отчужденности и недоверия с другими демократическими силами (см. об этом в разделе «НДПА и проблема единства»).

Акцентируя главное внимание на внутренних проблемах страны и общественных движениях, газета «Парчам» вместе с тем не уходила и от рассмотрения и оценок правительственного внешнеполитического курса и ситуации в мире. Как известно, Афганистан в качестве основы своего международного курса уже давно официально избрал политику нейтралитета и неприсоединения к военно-политическим группировкам. Такая политика в условиях начавшейся в конце 40-х годов «холодной войны» и острой международной идеологической конфронтации, однако, явно не устраивала и страны Запада, и прозападные круги внутри самого Афганистана. Отсюда не было случайным, что газета «Парчам», выступавшая с позиций последовательного антиимпериализма и антиколониализма, резко осуждала Запад за стремление изменить, не брезгая никакими средствами, нейтралистский курс внешней политики Афганистана и подорвать традиционные советско-афганские связи. Вообще, и это следует особо подчеркнуть, антиимпериалистический аспект был довольно широко представлен в публикациях «Парчам» и касался, в частности, борьбы против военных блоков в регионе и мире, политики агрессии, шантажа и угроз «наказать» неугодные страны и народы применением разного рода политических и экономических санкций, против вмешательства империализма во внутренние дела других стран, использования им силы для подавления национально-освободительных движений в различных частях мира и т.п. (замечу попутно, что имперско-барский комплекс «наказывать» страны и народы, подмеченный газетой «Парчам», был особенно в моде у администрации США). Газета осуждала израильскую агрессию против арабских стран и поддерживала борьбу народов Азии, Африки и Латинской Америки за свое национальное и социальное освобождение.

«Парчам», солидаризируясь в целом с официальным курсом афганского правительства в области внешней политики и выражая ему свою поддержку, в то же время решительно выступала против тех откровенно реакционных элементов в правящей, в том числе и дворцовой, верхушке, которые открыто подвергали сомнению правильность политики позитивного нейтралитета и неучастия в военных блоках, а также курса на сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами, повторяя известные тезисы западной пропаганды о том, что-де такая политика служит не национальным интересам, а интересам только социалистического лагеря и является не чем иным, как «рукой московского коммунизма». [211] Позиция «Парчам» по вопросам внешней политики страны была обобщенно изложена в статьях Б.Кармаля «Высоко держать знамя мира и дружбы между народами», «Миротворительная, самостоятельная и нейтралистская политика – гарантия национальной независимости страны» и «Нейтралистская политика и наши национальные задачи», а также в статьях М.А.Хайбара «Империализм угрожает миру», «Империализм стремится выхолостить политику неприсоединения от ее прогрессивного антиколониального и антиимпериалистического содержания» и других. [212]

Формулируя свое понимание «политики активного и позитивного нейтралитета как подлинно национальной политики», Б.Кармаль отмечал, что она должна была включать в себя: поддержку принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, борьбу за мир, разоружение и запрещение ядерного оружия; солидарность с национально-освободительными движениями; отказ от участия в военных блоках и других кабальных политико-экономических пактах; недопущение предоставле-

ния своей территории для создания иностранных военных баз; неучастие в империалистических и реакционных заговорах и провокациях; установление тесных связей с прогрессивными, миролюбивыми странами. По его мнению, только независимая национальная политика могла обеспечить Афганистану решение многих целей, как-то: играть активную роль в международных делах; укрепить мир в регионе и преградить путь агрессии; направить все национальные ресурсы и богатства на развитие экономики, культуры, социальный прогресс и благосостояние народа и в итоге обеспечить экономическую самостоятельность и не допустить разграбления богатств страны; упрочить национальную независимость; привлечь широкую иностранную помощь, не ограниченную никакими условиями; вывести Афганистан из системы капиталистического хозяйства, создать условия для его некапиталистического развития, устранить феодальные отношения и пережитки и влияние неокOLONиализма и империализма в стране; создать условия для сплочения всех национальных и патриотических сил народа в рамках единого антиимпериалистического и антифеодального фронта и образования национально-демократического правительства; укрепить в стране демократию и приступить к национальному возрождению. [213]

К числу принципиальных и жизненно важных направлений внешней политики Афганистана «Парчам» относил советско-афганские отношения. В серии ее статей подчеркивалось, что они (эти отношения), охватывая самые различные сферы – экономику, торговлю, подготовку национальных кадров, транзит афганских товаров через советскую территорию, культуру, науку и т.д., строятся на принципах добрососедства и тесного сотрудничества, равноправия и взаимной выгоды, уважения и доверия друг к другу и отвечают коренным интересам Афганистана. Обращаясь к истории становления и развития советско-афганских связей на протяжении десятилетий, деятели «Парчам» восторженно отмечали их высокую эффективность и непреходящее значение для укрепления политической и экономической независимости Афганистана. [214]

Характерной чертой газеты «Парчам» являлось ее постоянное обращение к ленинскому теоретическому наследию. Внимание и искренние симпатии к Ленину были продемонстрированы на ее страницах в связи с празднованием 100-летия со дня его рождения. Ленинская юбилейная тема была широко введена в «Парчам» уже в январе 1970 года публикацией перевода на язык дари тезисов ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и Обращения Международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года, посвященного этой знаменательной годовщине. В это же время в рамках ЦК (Парчам) был создан организационный комитет по празднованию ленинского юбилея, а в низовых партийных организациях начали проводиться теоретические дискуссии, собрания и научные конференции. [215] Ленинский юбилей широко отмечался и в организациях фракции Хальк. Ее лидер Н.М.Тараки опубликовал под псевдонимом Сур Гуль в газете «Пейаме ведждан» статью «Жизнь Ленина». [216] Со 2 февраля в газете «Парчам» стала из номера в номер даваться рубрика «К столетию со дня рождения В.И.Ленина». Причем ее последние четыре номера за 30 марта, 6, 13 и 22 апреля носили уже сугубо тематический характер и содержали, кроме многочисленных иллюстраций, материалы: краткая биография создателя Советского государства (автор – М.Барьялай), «Послание королю Афганистана Аманулла-хану» (известный ответ В.И.Ленина и М.И.Калинина на письмо Амануллы-хана от 7 апреля 1919 г. – М.С.), редакционные статьи «Ленин – дорогой друг Афганистана», «Ленин и трудящиеся мусульмане», «Ленин и независимость Афганистана» и др. 22 апреля газета «Парчам» вышла на 12 полосах большого формата и была полностью посвящена Ленину. Тираж данного номера превысил 20 тысяч экземпляров. [217] В статьях Б.Кармаля, М.А.Хайбара, С.А.Кештманда, А.Ратебзад и Сепанда, напечатанных в этом номере, раскрывались ленинские взгляды и идеи по вопросам общества, революции и партии, антиимпериалистической и национально-освободительной борьбы, а также давался подробный анализ истории развития взаимовыгодных афгано-советских отношений. На последней странице газеты было помещено по революционному страстное стихотворение М.Х.Барека Шафии «Горн революции», заканчивавшееся словами: «Слава этому выдающемуся вождю, великому Ленину» («Доруд-бад бэ ан рахбаре бозорг, Ленине кабир»).

Выход ленинского номера газеты был восторженно встречен афганской прогрессивной, демократической общественностью. Вместе с тем в стане крайне правых консервативных и клерикальных сил он вызвал бешеную злобу и негодование и подтолкнул их к долгожданной расправе над газетой. Поводом для этого явилось слово «доруд» (букв. – «хвала», «благословение»), приведенное в стихотворении М.Х.Барека Шафии. Духовные деятели усмотрели в употреблении данного слова применительно к Ленину «кощунство» против религии, поскольку, заявляли они, оно, согласно исламской традиции, используется будто бы исключительно по отношению к особе пророка Мухаммеда. [218] По призыву духовников в столице и других городах страны был устроен шумный шабаш (подробно см. об этом в главе 3). В результате его газета «Парчам» была запрещена. Таким образом, чаша, которую в свое время вынуждена была испить газета «Хальк», не миновала и «Парчам». История повторилась. Как и в случае с «Хальк», нокаутирующий удар по «Парчам» нанесли правые консервативно-клерикальные круги: 97-й номер «Парчам» от 22 апреля 1970 года (фактически это был 99-й номер, так как ее выпуски, датированные 13 и 20 октября 1969 г., а также 9 февраля и 2 марта 1970 г., были ошибочно указаны под одним номером – соответственно 79 и 91. – М.С.) стал ее последним номером.

Истины ради следует заметить, что указанная выше трактовка клерикалами сферы применения слова «доруд» не выдерживает критики и была не чем иным, как чистой водой придиуркой и подлогом. Дело в том, что оно (это слово) на языках дари и персидском имеет широкую сферу употребления, выходящую за рамки религиозной традиции. Так, в Иране слово «доруд» – это формула приветствия у военнослужащих, соответствующая нашему «Здравия желаю!». Да и в газете «Парчам» до апреля 1970 года это слово многократно использовалось и не вызывало, впрочем, ни разу каких-либо нареканий со стороны духовенства.

Следует отметить, что гонения на газету «Парчам» и ее неприятие со стороны правящих кругов начались с момента ее появления на политической арене Афганистана. Уже после выхода ее первых номеров

они стали утверждать, что газета-де не выражает интересы народа и государства, не уважает национальные обычаи и традиции, нарушает спокойствие и порядок в стране и что ее взгляды импортированы извне и носят утопический характер. [219] За свои критические и разоблачительные выступления она неоднократно подвергалась разного рода репрессиям. В частности, летом и осенью 1969 года по распоряжению главной прокуратуры страны и министерства информации и культуры были наложены аресты и конфискованы 16(68), 17(69), 25(77) и 33(85) номера «Парчам» (примеч.: в скобках указаны ее порядковые номера с начала издания. – М.С.), а также временно приостановлено ее издание с 24 ноября по 29 декабря 1969 года. Кроме того, не был допущен к печати в результате предварительной цензуры 35(87) номер газеты от 5 января 1970 года. Распространенными явлениями были угрозы расправой по адресу авторов и издателей «Парчам», избивание ее распространителей, скупка оптом поступавших в продажу выпусков газеты и их последующее уничтожение, негласные запреты государственным служащим читать ее и т.п.

Газета «Парчам» не нашла поддержки не только среди господствовавших верхов, что, впрочем, было вполне естественным, но и, к сожалению, среди некоторых левых сил. Так, фракция Хальк в обстановке межкрыльевого соперничества восприняла ее издание как результат сговора «банды Б.Кармаля» с двором и тогдашним правительством Н.А.Эттемади, имевшего своей целью будто бы «узурпировать право быть выразителем взглядов НДПА», «выдать Б.Кармаля за руководителя Народно-демократической партии Афганистана» и таким образом «вычеркнуть имя Н.М.Тараки». [220] Сам же Н.М.Тараки сразу после выхода в свет первого номера «Парчам» открыто отмежевался от нее, объявив через газету «Афган меллят», что она (газета «Парчам») «не имеет никакой организованной связи с НДПА». [221] Резко негативное отношение халькистов к газете «Парчам» не изменилось и в последующем. После запрещения газеты «Парчам» между двумя фракциями сложилось определенное «равенство возможностей»: ни та, ни другая из них не имела своего печатного органа. Однако и данное обстоятельство не пробудило у них здравого смысла и стремления к поискам согласия и единства.

Объективный анализ более чем двухлетнего функционирования газеты «Парчам» позволяет сделать вывод, что она, безусловно, явилась заметной исторической вехой в развитии национально-демократического движения в Афганистане. Ее заслуга состояла в том, что она внесла свою лепту в политическое и идейное просвещение прогрессивно настроенных представителей афганского общества, пропаганду демократических взглядов и показ ошибочности и опасности местного левого и правого экстремизма и авантюризма, сделала безуспешную попытку связать левodemократическое движение с интересами широких масс, смело защищала трудовые слои и классы от произвола и насилия властей, аргументированно критиковала правящие круги и в противовес их официальному курсу в области внутренней и внешней политики выступала со своей программой коренных политических и социально-экономических преобразований в стране. «Парчам», начало издания которой совпало с нарастающим выступлением афганских трудящихся, студенчества и учащейся молодежи за свои права, сыграла позитивную роль в освещении забастовочного движения 1968-1969 годов, популяризации его лозунгов и требований, привлечении прогрессивных и национально-патриотических элементов к участию в массовых оппозиционных акциях. Большое внимание газета уделяла укреплению международной солидарности с борцами за национальное и социальное освобождение, дальнейшему развитию и укреплению афгано-советской дружбы. Она открыто выражала симпатии к социалистической идее.

Газета «Парчам» впервые в истории левodemократической мысли в Афганистане попыталась дать анализ и оценку социально-экономического уровня афганского общества в 60-х годах XX в., выяснить революционный потенциал различных слоев и классов и обосновать необходимость коренных преобразований в стране, чтобы вывести ее из состояния вековой отсталости и нищеты. Несмотря на допущенные при этом ошибки, элементы нигилизма, предвзятости, преувеличения и забегания вперед, ей, тем не менее, удалось в общих чертах сформулировать представления и взгляды леворадикальных сил Афганистана о характере и содержании национально-демократической революции и последовательности решения ее задач. Правда, из-за недостатка точных данных статистики, ограниченности результатов практики и закрепленности творческого мышления, а также теоретической неразработанности концепции национально-демократической революции в целом в марксистской литературе многие ее проблемы остались до конца не выясненными или же вообще не были поставлены в печатном органе афганской левой прессы.

Газета «Парчам» сплотила вокруг себя многих талантливых представителей передовой афганской интеллигенции и явилась, без преувеличения, подлинной школой журналистского мастерства ее авторов. В отличие от многих других газет ее материалы, помимо всего прочего, отличались в целом идейно-политической выдержанностью и содержательностью, богатством тематики, остротой постановки животрепещущих вопросов жизни общества, боевитостью и целеустремленностью. Газете, как правило, были присущи яркость, образность и живость языка, разнообразие форм подачи материала и умение ее внешне оформлять, что все, вместе взятое, делало «Парчам» весьма привлекательной и популярной для читающей аудитории. Следует особо отметить, что названные выше достоинства газеты во многом были обусловлены тем, что после раскола НДПА ее интеллектуальный (творческий) потенциал во многом оказался на стороне крыла Парчам.

В последующие годы фракция Парчам не раз предпринимала шаги для возобновления издания газеты под ее прежним названием, а также под названием «Каргар» («Рабочий»). Однако правительство всякий раз отвечало отказом на эти просьбы. [222]

2.5. НДПА и парламент

Важным событием афганской истории рассматриваемого времени явилось принятие конституции страны. В сентябре 1964 года она была утверждена на заседаниях Лоя джирги, а 1 октября – королем. В соответствии с ней на правительство, которому передавалась законодательная власть на период до избра-

ния нового парламента, возлагалась задача разработать и ввести в действие новый избирательный закон. [223] С его опубликованием 11 мая 1965 года в стране началась предвыборная кампания, давшая еще один, дополнительный импульс растущей политической активности различных общественных кругов и населения в целом. Этому благоприятствовали не только конституционные новшества (декларированные права и свободы граждан, в том числе и право на создание политических партий, определенное сужение прерогатив королевского двора, разделение трех властей, ответственность правительства перед Вулуси джиргой и др. [224]), но и новшества, привнесенные в общественную жизнь новым законом о выборах (введение впервые в истории Афганистана тайного голосования при выборах в нижнюю и частично в верхнюю палаты парламента, предоставление женщинам активного и пассивного избирательного права, разрешение кандидатам в депутаты парламента публично выступать с изложением своей программы, возможность присутствия кандидатов в депутаты или их доверенных лиц при подсчете голосов и т.д.). [225]

Руководители НДПА на данном этапе борьбы следующим образом определили свое отношение к парламента: «В интересах достижения партийных целей партия была и будет сторонником использования парламентской трибуны и парламентской борьбы, сочетая ее с внепарламентскими формами борьбы». Однако они тут же, противореча сказанному и не давая каких-либо пояснений, заявляли, что НДПА отвергает буржуазный парламентаризм. [226] При этом делалась ссылка на Ленина, хотя, как известно, он никогда не отвергал его в целом, а лишь говорил о том, что буржуазный парламентаризм для коммунистов изжит «в смысле пропаганды», «в смысле всемирно-историческом» в связи с началом эпохи диктатуры пролетариата, а не в смысле «практической политики». [227]

НДПА, используя благоприятные возможности, активно включилась в предвыборную борьбу и выдвинула в разных провинциях страны более 20 кандидатов в депутаты Вулуси джирги. [228] Среди них были: Н.М.Тараки (баллотировался по избирательному округу Нава уезда Мукур провинции Газни), Б.Кармаль, С.А.Кештманд и А.Ратебзад (г.Кабул), Х.Амин (уезд Пагман провинции Кабул), А.Х.Шараи Джаузджани (уезд Сарипуль провинции Джаузджан), Нур А.Нур (уезд Панджваи провинции Кандагар), Файзан-уль-Хак Файзан (уезд Рудат провинции Нангархар), Сулейман Лайек (г.Пули-Хумри), Абдул Хади Карим (уезд Панджшер провинции Каписа). Все они были выдвинуты и зарегистрированы в своих избирательных округах не от НДПА, а на персональной основе, поскольку деятельность политических партий в стране в то время еще не была легализована.

Партии и ее кандидатам в депутаты пришлось вести предвыборную борьбу в весьма трудных условиях: по прошествии всего лишь четырех месяцев со дня ее создания НДПА еще не была в полной мере организационно оформленной и оставалась идейно и политически слабой; она еще не стала общенациональной политической силой, а ее влияние распространялось лишь на узкие круги городского (столичного) населения; крайне ограниченными были ее материальные и финансовые возможности; в результате низкого уровня политического сознания широкие массы, особенно в сельских районах, не были готовы к пониманию и восприятию леводемократических лозунгов; партия и ее кандидаты при проведении предвыборной борьбы находились под строгим и неусыпным контролем властей; к тому же им явно не хватало опыта участия в подобного рода политических кампаниях. И тем не менее участие представителей НДПА в парламентских выборах стало беспрецедентным в общественно-политической жизни Афганистана, заметно содействовало росту популярности леводемократических сил и ознакомлению масс с их лозунгами и взглядами. Они провели десятки митингов и собраний, прежде всего в Кабуле, на которых присутствовали десятки тысяч человек. Кандидаты от партии в своих выступлениях резко критиковали пороки и слабости существовавшего строя, разоблачали бездеятельность и злоупотребления властей, вскрывали причины бедственного положения широких народных масс, разъясняли и обосновывали свою программу решения злободневных проблем страны и общества в рамках конституционно-демократического режима.

В такое же духе выступали и многие другие демократически настроенные представители интеллигенции, что не могло не обеспокоить правящую верхушку. Она, как показали последующие события, допустив в известных пределах либерализацию режима, не намерена была терпеть какое-либо вольнодумие, расходящееся с официальной линией. Уже в период предвыборной кампании ряд прогрессивных элементов были арестованы и брошены в тюрьмы. [229] Юридической основой для таких репрессий против инакомыслящих стал «Закон о преступлениях должностных лиц и о наказаниях за посягательство на общественные интересы и безопасность», принятый за несколько лет до введения в действие новой конституции. [230]

Выборы в Мышрано джиргу (Джиргу старейшин) состоялись с 26 августа по 9 сентября 1965 года, а в Вулуси джиргу (Народную джиргу) – с 12 по 24 сентября. НДПА удалось провести в Вулуси джиргу четырех своих представителей: Б.Кармаля, Нур А.Нура, Файзан-уль-Хак Файзана и А.Ратебзад. [231] Все они составляли близкое окружение Б.Кармаля или были его сторонниками. Остальные кандидаты в депутаты не получили необходимого для избрания количества голосов. Самое сокрушительное поражение потерпел Х.Амин, получивший менее 50 голосов, хотя он и баллотировался в избирательному округу Пагман, откуда был родом. Таким образом, леводемократическая оппозиция смогла впервые образовать в парламенте страны свою самостоятельную фракцию. Наряду с группой депутатов от НДПА, в демократическое меньшинство нижней палаты вошли также депутаты от политической группировки «Садаи авам» во главе с Абдул Каримом Фарзаном. [232]

24 октября 1965 года открылась сессия парламента 12-го созыва (1965-1969 гг.), которому предстояло на одном из первых заседаний решить вопрос о вотуме доверия кабинету, сформированному по поручению короля М.Юсуфом. Однако дебаты по этому вопросу затянулись на три дня. В первый день работы парламента депутаты от НДПА, поддержанные рядом других представителей парламентской оппозиции, внесли предложение провести публичные заседания по обсуждению вотума доверия правительству. Данное предложение нашло горячий отклик за пределами парламента. В тот день по призыву НДПА у здания парламента собрались тысячи жителей столицы, в основном студенты Кабульского университета, требуя

допустить их присутствовать на заседаниях Вулуси джирги. Некоторые из них проникли в зал заседаний нижней палаты и заняли там места. В такой обстановке заседание было отложено. На следующий день в столице состоялись многолюдные демонстрации, организованные и возглавленные деятелями НДПА – М.А.Хайбаром, С.А.Кештмандом, М.Т.Бадахши и другими. Антиправительственные выступления имели место и в провинциях. Демонстранты резко обвиняли некоторых членов предложенного кабинета в коррупции, взяточничестве, кумовстве и финансовых злоупотреблениях, требовали изменений в составе правительства и проведения более широких реформ, в том числе и в сфере образования.

Власти, поняв, что ситуация вышла из-под их контроля, отдали приказ армии и полиции применить против демонстрантов оружие для «обеспечения порядка и безопасности» (этот приказ исходил лично от зятя короля, командира Центрального корпуса генерала Абдул Вали). В результате учиненной расправы было, по крайней мере, шесть человек убито и около 150 ранено. [233] За причастность к событиям 25 октября (соответствует 3 акраба 1344 года по афганскому календарю солнечной хиджры) и за антиправительственную деятельность подвергся репрессиям ряд активистов партии, в частности М.А.Хайбар был сослан на два года в Пактию, были арестованы и брошены в тюрьмы М.Т.Бадахши, С.А.Кештманд (пробыл в тюрьме около года) [234] и другие. С тех пор день 3 акраба ежегодно отмечался прогрессивными кругами страны как день жертв, а после апрельского вооруженного восстания был объявлен днем солидарности молодежи Афганистана.

26 октября кабинет М.Юсуфа получил в парламенте вотум доверия (против него голосовали лишь семь депутатов от демократической оппозиции). Глава правительства, выступая в тот день с программной речью, однако ни словом не обмолвился о событиях, происшедших накануне, что было расценено прогрессивной афганской общественностью как игнорирование ее настроений и требований. В ответ на это студенческая и учащаяся молодежь, представители демократических кругов снова вышли на улицы. В создавшейся обстановке М.Юсуф вынужден был уйти в отставку, а ему на смену пришел кабинет во главе с М.Х.Майвандвалем. Последний, явно пытаясь успокоить и привлечь на свою сторону бунтующую молодежь, 4 ноября принял личное участие и выступил на митинге студентов, организованном в Кабульском университете в память жертв 3 акраба. Он выразил от имени короля и от своего имени сожаление по поводу происшедших трагических событий и обещал провести их тщательное расследование, а также заверил студентов, что все их законные требования будут рассмотрены и им будет разрешено создать свой студенческий союз. Присутствие и выступление на митинге премьер-министра крайне польстило самолюбию студентов, а его обещания были восприняты ими как показатель их победы (впрочем, среди них были и такие, кто понимал иллюзорность подобных обещаний). После митинга его участники с ликованием пронесли М.Х.Майвандвала на своих плечах по университетскому городку. Однако эта эйфория вскоре стала угасать. Не получив удовлетворения своих требований, студенты университета уже в конце ноября объявили забастовку и вышли на демонстрацию с лозунгами немедленного создания студенческого союза, сокращения переводного бала с 65 до 55, перенесения на более поздний срок текущих экзаменов и т.д. В последующие месяцы митинги и демонстрации учащейся и студенческой молодежи столицы продолжались, принимая порой политический характер.

Под давлением общественного мнения, на формирование которого определенное влияние оказывала и молодая НДПА, правительство М.Х.Майвандвала вскоре после своего прихода к власти поспешило заявить о намерении рассмотреть вопросы, касающиеся положения трудящихся слоев населения, свободы слова, собраний, деятельности политических партий и пр.

Фракция НДПА в парламенте, несмотря на свою малочисленность, стала в рассматриваемые годы в полном смысле слова «возмутителем спокойствия» не только в стенах высшего законодательного органа, но и в стране в целом. Ее анализ и оценки афганской действительности, критика пороков и язв социально-экономической и политической системы страны и смелые призывы с парламентской трибуны к коренному реформированию этой системы не могли не будоражить умы людей и не способствовать ускорению процессов консолидации и поляризации различных общественно-политических сил в Афганистане. Тон в деятельности демократической парламентской оппозиции неизменно задавал депутат Вулуси джирги Б.Кармаль. Его выступления отличались большой содержательностью и вызвали, как правило, широкий, хотя и далеко не однозначный, отклик в стране. Показательна в этом отношении его речь в Вулуси джирге в октябре 1967 года, произнесенная в связи с обсуждением вотума доверия кабинету Н.А.Эттемади. В ней он с присущей ему страстностью изложил позицию, как он выразился, «народно-демократической фракции в парламенте» относительно программного заявления нового правительства. Говоря о внешней политике страны, Б.Кармаль подчеркнул, что Афганистан должен, оставаясь нейтральным и миролюбивым государством, решительно бороться за мир в регионе и на планете, энергично поддерживать национально-освободительное движение Пуштунистана вплоть до «официального признания его временного национального правительства», бороться против военных баз СЕНТО и СЕАТО в регионе, противодействовать агрессии Израиля на Ближнем Востоке и агрессии США во Вьетнаме. В числе важнейших национальных задач он назвал обеспечение экономической независимости страны и развитие с этой целью всесторонних связей с теми государствами, которые готовы оказывать Афганистану бескорыстную помощь, не обусловленную никакими политическими уступками. [235]

Большое место в парламентской речи Б.Кармалю было отведено критике правительственной программы в области внутренней политики. По его словам, существенным недостатком этой программы было отсутствие в ней пункта о демократической аграрной реформе, которая насущно необходима для такой отсталой страны, как Афганистан. Характеризуя жизненные условия народных масс, он заявил, что «подавляющее большинство населения живет в условиях средневековья, не имеет хлеба, одежды, жилища, школ и больниц, страдает от тяжелого бремени дороговизны и налогов, опутано отжившими установлениями ханско-племенной системы». «Жизнь в городах и деревнях, – указал он далее, – это адская, нечеловеческая жизнь». Вину и ответственность за такое положение народа Б.Кармаль всецело возложил на про-

гнившую правительственную администрацию и экономически господствующее в стране меньшинство. Отметив, что в Афганистане «демократия и Конституция остаются лишь на словах», он выразил убеждение, что «осуществление чаяний афганского народа и проведение коренных преобразований в стране... возможно только на путях создания национально-демократического фронта, формирования национально-демократического правительства и выбора пути некапиталистического развития, а не с помощью авторитарных правительств». Б.Кармаль от имени парламентской фракции НДПА выразил неверие в способность правительства Н.А.Эттемади осуществить на деле положения Конституции Афганистана и чаяния народа, поскольку, как отметил оратор, в стране по-прежнему «основы власти остаются в руках господствующих реакционных, антидемократических и антинародных классов». [236] Исходя из этого, фракция НДПА в парламенте (как и при обсуждении программ кабинетов М.Юсуфа и М.Х.Майвандваля в 1965 году) голосовала против вотума доверия правительству Н.А.Эттемади.

В апреле 1969 года фракция депутатов от НДПА поставила в парламенте вопрос о необходимости коренного пересмотра кабального характера получаемой от развитых капиталистических стран технико-экономической и финансовой помощи. Б.Кармаль, выступая в Вулуси джирге от имени фракции, указал, что эта помощь (речь шла о займах и кредитах, полученных от США, Англии, Японии, ФРГ и других капиталистических стран) предоставляется Афганистану на крайне невыгодных условиях, то есть под очень высокий процент (от 3 до 7 и более процентов годовых), на краткосрочной основе и обычно с оплатой в валюте. В качестве противоположного примера он назвал помощь СССР, который, как он заявил, «в наибольшей степени учитывая национальные интересы Афганистана», предоставляет ее или на беспроцентной основе, или же под очень низкий процент и притом, как правило, с оплатой товарами местного производства. «Афганистан, – подчеркнул депутат, – не может обойтись без иностранной помощи. Но это не значит, что правительство должно идти на принятие кабальных условий ради ее получения». Выражая мнение народно-демократической фракции, он предложил правительству при получении внешних займов и кредитов руководствоваться следующими критериями: получение иностранной помощи не должно обуславливаться политическими уступками; внешняя помощь должна идти в первую очередь на создание национальной экономики, строительство крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и подготовку национальных кадров; кредиты и займы следует получать на долгосрочной основе, под низкий процент и на выгодных условиях их возвращения; построенные предприятия должны по преимуществу составлять общественную собственность; уплата долга и процентов по займам должна осуществляться на бартерной основе. [237]

После принятия Конституции 1964 года, зафиксировавшей право граждан Афганистана на создание политических партий, среди активной афганской общественности серьезную обеспокоенность стала вызывать затяжка с законодательным оформлением данного права. Хотя законопроект о политических партиях уже давно прошел через обе палаты парламента и был принят ими (в Вулуси джирге – в июле 1966 г., а в Мышрано джирге – в мае 1967 г.), однако король под давлением дворцовой аристократии и консервативных кругов общества и из-за боязни усиления оппозиции режиму в случае легализации партий никак не мог решиться подписать его. В связи с этим парламентская фракция НДПА, наряду с другими оппозиционными силами, не раз ставила в Вулуси джирге вопрос об ускорении введения в действие указанного закона, обоснованно считая, что провозглашенная в стране «демократия без свободного создания политических партий лишается своего смысла и становится беспредметной». [238]

В апреле 1969 года Вулуси джирга снова вернулась к законопроекту о политических партиях. Поскольку он еще не был утвержден королем, ряд депутатов предложил внести в него поправку о снижении для граждан Афганистана возрастного ценза для вступления в партию с 25 до 20 лет. При этом не скрывалось, что речь в данном случае шла о праве более широкой части афганской молодежи на участие в активной политической деятельности. Указанное предложение было безоговорочно поддержано и фракцией НДПА. Однако поправка оказалась заблокированной, так как после бурных обсуждений она не получила одобрения большинства консервативных депутатов Вулуси джирги, и вопрос был снят с повестки дня. [239]

Как уже отмечалось, два лета 1968 и 1969 годов были в политической жизни Афганистана очень жаркими. Естественно, в такой обстановке парламент страны, в котором волею судьбы были собраны вместе представители разной политической и социально-классовой ориентации, не мог не отражать разнообразных настроения и страсти, бушевавшие за пределами его стен. В нижней палате парламента особой напоистостью и активной позицией в поддержку забастовочного движения в стране обращала на себя внимание фракция НДПА. Только в конце мая-начале июня 1968 года она трижды направляла в Вулуси джирге запросы правительству Н.А.Эттемади по поводу необходимости удовлетворения требований бастующих рабочих и студентов и наказания виновников расправы над ними. [240] Хотя ее запросы и требования и возымели определенное действие, все же, надо заметить, голос этой малочисленной фракции чаще всего тонул в громком хоре правых, консервативных депутатов. В частности, летом 1969 года фракция НДПА попыталась снова выступить в Вулуси джирге с запросом правительству в связи с жестокой полицейской расправой над студентами и учащимися Кабульского университета, педагогического училища и лицей «Ибн Сина», но в результате обструкции правых, реакционных сил и отсутствия необходимого кворума, продолжавшегося в течение почти месяца, сделать это не удалось. В этих условиях парламентская фракция НДПА решила апеллировать непосредственно к народу, к прогрессивным, национально-демократическим и патриотическим силам и элементам страны, призвав созданную накануне в Кабульском университете «комиссию 26-ти» выступить инициатором «создания широкого фронта коалиционных сил (хотя бы временно) и разработки совместной платформы действий против деспотии, реакции и их заговоров». [241] Конечно, в таком призыве можно было усмотреть определенные элементы прожектерства и самонадеянности, если иметь в виду, что в Афганистане того времени еще отсутствовали в достаточной степени необходимые предпосылки для создания подобного фронта. Думается, это понимали и сами левые демокра-

ты. И тем не менее их призыв был исторически понятен и оправдан, поскольку он, несомненно, нес в себе весомый политико-пропагандистский заряд и демонстрировал перед афганским обществом их искреннее желание и убеждение искать поддержку и понимание среди широкой прогрессивной общественности страны.

Еще одним «полем битвы» между демократической оппозицией и консервативным парламентским большинством стало обсуждение проекта государственного бюджета на 1348 год (21 марта 1969 – 20 марта 1970 г.). Он был представлен 15 июля 1969 года министром финансов Мухаммадом Анваром Зияи на пленарном заседании Вулуси джирги, собравшейся после длительного фактического бездействия, прямо таки «под занавес» последней сессии парламента 12-го созыва (накануне бюджет был одобрен Мышрано джиргой и бюджетно-финансовым комитетом Вулуси джирги). В ходе бурной дискуссии, острота которой была задана выступлением Б.Кармалья, фракция НДПА выразила свое принципиальное несогласие как с намеченными источниками формирования доходной части бюджета, так и с направлениями расходов. На основе анализа содержания предложенного правительством бюджета было подчеркнуто, что он не сбалансирован и не отвечает интересам подавляющего большинства трудового населения страны, так как односторонне ориентирован на дальнейшее усиление бремени косвенных налогов, от которых страдали прежде всего трудящиеся массы, и в то же время на сохранение на крайне низком уровне прямых налогов, взимавшихся с состоятельных слоев. Внимание парламентариев было также обращено на то, что при большом дефиците бюджета правительство тем не менее планирует увеличить расходы в непроизводительной сфере, в первую очередь на содержание органов государственного управления и так называемую «безопасность» с 4279 млн. афгани в 1347 до 5126 млн. афгани в 1348 году, то есть примерно на 20 % (из них на «безопасность», в частности, предусматривалось выделить около 1,5 млрд. афгани).

Что же предлагала народно-демократическая фракция? «По нашему глубокому убеждению, – заявил Б.Кармаль, – необходимо, исходя из высших национальных интересов и интересов народа Афганистана, безотлагательно предпринять решительные меры к проведению коренной, демократической земельной реформы и уже в текущем году в срочном порядке ввести прямые налоги на земли, находящиеся в сельскохозяйственном обороте, на крупные торговые сделки, доходы торговых ширкетов и иностранных торговых фирм». При этом он предложил установить незначительный налог с малоземельных крестьян и одновременно большой налог, по соответствующей прогрессивной шкале, с крупных землевладельцев. Только так, отметил депутат от НДПА, «можно обеспечить в какой-то ничтожной мере социальную справедливость и равенство, декларированные в преамбуле и статье 38 Конституции страны». [242] Указанные предложения и резкая критика социальной политики господствующих кругов вызвали недовольство и протесты консервативного большинства Вулуси джирги и в итоге они не дали Б.Кармально закончить выступление (оно было полностью опубликовано в газете «Парчам»).

В ходе четырехлетней деятельности парламента 12-го созыва (1965-1969 гг.) депутаты от НДПА около 200 раз использовали его трибуну для выступлений по различным вопросам политической, социально-экономической и культурной жизни страны и международного положения. [243] Они аргументированно вскрывали пороки и слабости внутренней и внешней политики правящих кругов, разоблачали усилившееся в стране влияние империализма, протестовали против антидемократических законов, защищали интересы трудящихся и отстаивали их право на гражданские свободы, поддерживали освободительное движение пуштунского и белуджского народов. В актив парламентской фракции НДПА следует внести также и ее решительные выступления в защиту газеты «Хальк», против ее запрещения, разработку и обнародование в Вулуси джирге проекта демократической земельной реформы и проекта индустриализации страны. Все эти акции в обстановке возрастающей активности демократической оппозиции во второй половине 60-х годов получили в стране довольно широкий резонанс. Следует заметить, что росту популярности парламентской фракции НДПА способствовали не только постановления ею в Вулуси джирге острых вопросов, волновавших многих с стране, но и блестящие ораторские качества депутатов Б.Кармалья, Н.А.Нура и А.Ратезбад.

За пять месяцев до выборов парламента 13-го созыва леводемократические круги начали активную подготовку к ним, опубликовав в газете «Парчам» серию статей, в которых разъяснили свое отношение к парламенту и содержание своей предвыборной платформы. [244] Два месяца спустя они призвали все демократические силы сесть за стол переговоров и предложили им обсудить развернутый проект совместной платформы, предусматривавшей создание общего коалиционного фронта для участия в избирательной кампании. По мнению лидеров Парчам, программные лозунги такой коалиции, которые отвечали бы интересам всех трудовых слоев населения, национально-демократических, прогрессивных и патриотических сил страны, могли бы включать: борьбу за укрепление демократии и осуществление на практике декларированных в Конституции Афганистана прав и свобод граждан, включая права на создание и деятельность национально-демократических и других политических партий, образование профсоюзов различных категорий трудящихся как в рамках частного, так и государственного секторов экономики и сферы управления, свободу печати, слова, собраний и демонстраций; отмену всех законов, противоречащих положениям Конституции, и принятие новых законов, отвечающих интересам народа; создание на местах, вплоть до деревни, демократических органов власти и управления и справедливое решение их экономических, финансовых, торговых, судебных, культурных и других проблем; обеспечение политических и культурных прав всех племен и этнических групп населения Афганистана без какой-либо дискриминации по национальному признаку; гарантирование на деле социальных и политических прав женщин; демократическое решение проблем кочевников и племен; расширение сети образования и здравоохранения; борьбу против безработицы, трудовой повинности, нищеты и неграмотности; решение аграрного вопроса и индустриализацию страны; установление справедливого уровня цен; борьбу против деспотии, реакции и влияния неокolonизма в стране; отстаивание независимого, нейтралитетского, миролюбивого и антиимпериалистического курса во внешней политике Афганистана и поддержку всех национально-освободительных и про-

грессивных движений в мире; расширение отношений Афганистана с прогрессивными государствами мира и др. [245] Забегая вперед, необходимо отметить, что идея «круглого стола» и коалиции демократических сил в избирательной кампании 1969 года, предложенная Парчам, к сожалению, не была реализована из-за имевшихся тогда в их среде противоречий, предвзятостей и взаимного недоверия, что, естественно, серьезно ограничило их возможности в борьбе за достойное представительство в высшем законодательном органе страны.

Обе фракции НДПА, действуя обособленно друг от друга, приняли активное участие в предвыборной кампании и выдвинули десятки своих кандидатов в депутаты парламента. При этом члены Парчам баллотировались преимущественно в столице и северных провинциях, а Хальк – на юге. Среди них были члены ЦК обеих фракций – Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.М.Зерай, Г.Д.Панджшери, С.А.Кештманд, С.Лайек, Н.А.Нур, А.Х.Шараи Джаузджани, Х.Амин, а также Абдул Куддус Горбанди, Абдул Хади Карим, Абдул Кадыр Бехьяр и другие. С их участием были проведены сотни собраний, митингов, встреч и бесед с избирателями. Особенно массовый характер эта работа приобрела в столице. Здесь 8 сентября, в последний день перед началом выборов в Вулуси джиргу, состоялся пятнадцатитысячный митинг жителей города в поддержку кандидата от народно-демократического движения Б.Кармаля.

И все же предвыборная борьба оказалась для политической оппозиции весьма трудной и драматической как в результате ее внутренних слабостей, так и особенно из-за упорного противодействия со стороны дворцовой аристократии во главе с дядей короля маршалом Шах Вали и сыном последнего Абдулом Вали, клерикально-племенной верхушки и консервативных буржуазно-помещичьих кругов. Всех их роднили неодобрительное отношение к проводимому в стране «демократическому эксперименту» и его последствиям, а также общая ненависть к коммунизму, носителями идей которого в стране, по их представлению, являлись левodemократические группировки. Чтобы не допустить избрания представителей политической оппозиции в парламент, в действие был введен обширный арсенал сил и средств: племенные и религиозные авторитеты, пользовавшиеся огромным влиянием среди населения, особенно сельского, местный аппарат власти, нарушения избирательного закона, клевета и дезинформация в отношении кандидатов в депутаты от прогрессивных кругов и их аресты, запугивания, шантаж и подкупы избирателей, прямой подлог при подсчете голосов и т.п. По приблизительным оценкам, кандидаты от консервативных сил израсходовали на подкупы избирателей во время выборов парламента 13-го созыва от 400 до 500 млн. афгани. [246] В июле и сентябре, то есть в разгар предвыборной кампании, по распоряжению прокуратуры и министерства информации и культуры были конфискованы три номера (из шести) газеты «Парчам» якобы за нарушение Закона о печати, а фактически за резкую критику правительства и реакционных кругов страны. Накануне выборов и сразу же после их завершения за активную политическую деятельность были арестованы и брошены в тюрьмы 12 парчамистов и 37 халькистов, баллотировавшихся в Вулуси джиргу, в том числе Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай, Абдул Хади Карим (приговорены соответственно к 7, 6 и 10 годам тюремного заключения), Абдул Кадыр Бехьяр и другие. На запрос в парламенте депутата Б.Кармаля относительно причин их арестов заместитель министра внутренних дел М.Лодин цинично ответил, что правительство не хочет видеть в высшем законодательном органе «коммунистов» и «агентов СССР». [247] Не имело последствий и обращение Б.Кармаля к парламенту признать Абдул Хади Карима депутатом Вулуси джирги, поскольку он в своем избирательном округе Панджшер получил наибольшее число голосов. [248] Между прочим, репрессиям подвергались и либерально-буржуазные круги. В частности, в июле был конфискован номер газеты «Афган меллят», а ее ответственный редактор арестован. На выборах не без «помощи» правых консервативных сил потерпел поражение и лидер буржуазно-демократической «Партии прогрессивных демократов» М.Х.Майвандвал.

В ход и исход выборов вмешалось еще одно немаловажное обстоятельство: появившаяся тяга и «вкус» к парламентской деятельности у местной консервативной элиты, прежде всего клерикально-племенной верхушки. По опыту деятельности предшествовавшего парламента они отчетливо уловили, что депутатский мандат может дать им многие преимущества: престиж государственного деятеля, материальные (финансовые) привилегии и, что самое главное, еще большее влияние и реальную политическую власть в общественных низах и правящих верхах. В связи с этим они активно включились в избирательную кампанию 1969 года и фактически оказались, особенно в провинциях, вне конкуренции перед другими (в основном молодыми по возрасту, что на Востоке традиционно воспринимается как недостаток мудрости) претендентами на кресло в парламенте в силу своего годами укоренившегося влияния и авторитета в массах.

В таких внутривнутриполитических условиях итоги выборов в парламент 13-го созыва оказались для расколотой НДПА и вообще для политической оппозиции малоутешительными. В Вулуси джиргу прошли лишь двое членов указанной партии: Б.Кармаль, баллотировавшийся по 2-му избирательному округу Кабула (3 и 4 районы), и Х.Амин (уезд Пагман, провинция Кабул). Так история и судьба снова свели лицом к лицу эти две политически и психологически не совместимые личности.

Выборы привнесли существенные изменения в расстановку политических сил в высшем законодательном органе страны. Состав нижней палаты парламента обновился на две трети и заметно поправел. Пуштунская племенная элита увеличила свое представительство с 6 мандатов в прежнем составе палаты до 43, клерикальные круги – с 30 до 50-60 мандатов, в то время как число либерально настроенных и демократических элементов сократилось с 50 до 25-30 человек. [249] Таким образом, в новом составе парламента возможности депутатов демократической оппозиции, включая и левых радикалов, влиять на политику правящих кругов существенно уменьшились. К тому же они (депутаты-демократы), представляя различные, соперничавшие между собой политические группировки, по-прежнему были разобщены. Понижая пагубность такой разобщенности для общих интересов демократического движения в стране, группировка Парчам вскоре после выборов выступила с предложением создать в рамках Вулуси джирги «объединенный национальный блок» для противодействия правым элементам и обеспечения, насколько это будет возможно, совместных действий группы депутатов от демократических сил. При этом предполага-

лось, что объединение прогрессивно и патриотически настроенных парламентариев могло бы стать в будущем «ядром» для образования более широкого фронта демократической оппозиции в общенациональном масштабе. В качестве основы такого объединения как в стенах парламента, так и вне его была предложена следующая совместная платформа, включавшая девять пунктов: защита ценностей Конституции в области демократических прав и свобод народа; борьба за образование законного национального правительства, уважающего свободы, декларированные в Конституции; борьба за осуществление на практике демократических законов, соответствующих духу преамбулы Конституции и свободам, дарованных последней; критический анализ и оценка бюджета, системы налогов и пошлин, экономических планов и их точного претворения в жизнь в интересах народа и развития промышленности и сельского хозяйства страны; рассмотрение международных договоров с учетом соответствия их независимой национальной политике, интересам народа и развитию экономики и культуры страны; участие в обсуждении запросов правительству с целью недопущения нарушений закона и защиты гражданских и демократических прав народа; противодействие эксплуататорским, реакционным господствующим классам и разоблачение их сущности; обличение коррупции госаппарата, его насилий и гнета; борьба против деспотизма, реакции и колониализма. [250]

Однако этот призыв к единству действий не нашел отклик среди политической оппозиции в парламенте и не был реализован на практике. В итоге деятельность немногочисленных, обособленных друг от друга депутатов-демократов в парламенте 13-го созыва была фактически заблокирована консервативным большинством и оказалась малоэффективной. Одиноко, к примеру, прозвучало заявление Б.Кармалы во время дебатов по вопросу доверия кабинету Абдул Захира 5 июля 1971 года. В нем Б.Кармаль снова обратил внимание парламента и правительства на тяжелейшее жизненное положение подавляющего большинства населения страны – крестьян, «страдающих от ростовщических долгов, жестокой эксплуатации и гнета со стороны помещиков, непосильного бремени налогов, издевательств и насилий прогнившей бюрократии в центре и на местах – губернаторов, старост, прокуроров, судей, полицейских и жандармов». «Крестьяне вопиют: хлеба, воды, земли», – заявил он. Обращаясь к правительству, он подчеркнул, что для решения крестьянского вопроса нет иного пути, кроме проведения демократической земельной реформы с участием всех трудящихся крестьян и отмены всей их задолженности ростовщикам. [251] Правящие круги оставили это заявление без последствий. Или еще один пример. 29 ноября 1971 года Б.Кармаль в кратком выступлении в Вулуси джирге резко осудил «капитулянтское молчание парламента и правительства» в связи с репрессиями пакистанских властей в отношении лидеров национально-освободительного движения Пуштунистана и Белуджистана и выступил с инициативой срочного созыва чрезвычайного заседания правительства для обсуждения этого вопроса. Предложение было принято почти единогласно. Однако на следующий день при повторном голосовании из-за обструкции консервативных депутатов оно не набрало нужного числа голосов и заседание правительства не состоялось. [252] Голос демократической оппозиции в парламенте не был услышан и на сей раз.

Что касается отношений между двумя депутатами от левых сил – Х.Амином и Б.Кармалем, то они в целом характеризовались нескрываемой враждебностью и непримиримостью. Х.Амин, получивший в Вулуси джирге нелестную репутацию воинствующего демагога (чего, например, стоило провозглашение им с парламентской трибуны от имени «политической партии рабочего класса» лозунгов «от каждого по способности и каждому по труду» и «от каждого по способности и каждому по потребности» [253]), был обеспокоен не столько заботой об интересах движения, сколько тем, как бы больнее «уколоть» другого левого депутата и скомпрометировать его и представляемую им партийную фракцию в глазах общественности.

Фракция Парчам, придавая большое значение парламентской деятельности, как одной из легальных возможностей борьбы за демократию и стратегические цели движения, уже в апреле 1973 года развернула подготовку к участию в выборах парламента 14-го созыва. С этой целью при Центральном комитете была создана специальная «комиссия Народно-демократической партии Афганистана (партии трудящихся страны) по выборам» (автор, к сожалению, не располагает подобными данными о предвыборной деятельности другой фракции НДПА – Хальк). Указанная комиссия обратилась ко всем своим партийным организациям с призывом активно включиться в избирательную кампанию, руководствуясь ее указаниями из 15 пунктов, основные из которых сводились к следующему: каждый партиец должен, исходя из условий и возможностей, сам в добровольном порядке решить вопрос о своем выдвижении кандидатом в депутаты парламента либо на индивидуальной основе, либо по партийному списку; разработать свою избирательную платформу применительно к конкретным условиям и нуждам избирательного округа, а также определить способы и тактику борьбы за депутатский мандат с учетом расстановки политических сил в избирательном округе, местных условий, обычаев, традиций и психологии народа; платформа кандидата в депутаты, однако, не должна расходиться с общей платформой партии; каждый партийный кандидат, рассчитывая на успех, в то же время не должен бояться потерпеть неудачу, так как она на выборах «рассматривается как обычное явление, особенно в существующих условиях страны»; все партийные кандидаты обязаны в ходе предвыборной борьбы решительно воздерживаться от использования незаконных, беспринципных, провокационных и противоречащих революционной морали мер и средств, которые могли бы нанести вред престижу партии; каждый кандидат в депутаты должен полагаться на свои финансовые возможности, поскольку в распоряжении партии нет соответствующих денежных средств и др. [254] Осуществление данной программы однако было прервано июльскими событиями 1973 года, приведшими к свержению монархии.

2.6. НДПА и проблема единства

Длительное время леводемократические организации попусту, вопреки здравому смыслу растрчивали свои силы на взаимные обвинения и оскорбления, подозревая друг друга буквально, как говорят, во всех смертных грехах вплоть до якобы сознательного предательства целей и интересов национально-демократического движения в угоду правящим кругам, внутренней реакции и даже ЦРУ США. Однако накал общественно-политической борьбы в стране в конце 60-х годов неумолимо ставил перед ними вопрос о необходимости достижения единства как неперемного условия успеха движения.

Первая попытка восстановить единство НДПА была сделана уже весной 1968 года, то есть примерно год спустя после раскола партии (см. Приложение 9). С этой целью в течение недели в доме Н.М.Тараки в Кабуле велись переговоры, в которых принимали участие, с одной стороны, Шах Вали и А.К.Мисак и, с другой, Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани. Б.Кармаль, излагая позицию своей фракции по проблеме единства, писал тогда в газете «Парчам», обращаясь к «товарищам и друзьям» (здесь определенно имелось в виду крыло Хальк. – М.С.): «Мы решительно осуждаем раскол и разобщенность в рядах прогрессивных сил и считаем, что такое положение отвечает лишь интересам империализма и реакции. Являясь защитником интересов народа Афганистана, его рабочего класса и всех трудящихся города и деревни и глубоко сознавая свою ответственность за дело единства прогрессивных и патриотических сил и сплочения всех национально-демократических кругов, наше патриотическое движение положило в основу своей политики борьбу за создание объединенного национально-демократического фронта и... на этом пути не пожелает никаких усилий». [255]

Вначале переговоры были вроде бы обнадеживающими. Обе стороны в предварительном порядке достигли договоренности о том, чтобы на первом этапе обеспечить единство действий, а в дальнейшем подготовить условия для полного организационного единства партии. Однако данный замысел остался не осуществленным. Снова, как и раньше, камнем преткновения явился вопрос о кооптации новых членов в руководящие органы партии: халькистское крыло категорически отвергло предложение восстановить Б.Кармалю на его двух прежних партийных постах, а также ввести в ЦК НДПА М.А.Хайбара и А.Ратезбад. Вследствие этого переговоры, не дав никакого результата, были прекращены. [256]

Новый (второй) раунд переговоров (см. Приложение 9) был предпринят по инициативе парчамистов весной 1969 года в преддверии парламентских выборов и в условиях ширившейся забастовочной борьбы студенческой молодежи и различных групп трудящихся. Во встрече, имевшей место 31 марта, со стороны парчамистов снова участвовали Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани, а со стороны халькистов – Шах Вали и А.К.Мисак.

Накануне встречи в газете «Парчам» была напечатана редакционная статья, набранная жирным шрифтом, под заголовком «Наша опора на народ». В ней, явно приуроченной к встрече представителей двух крыльев НДПА, наряду с разоблачением происков внутренней реакции и американского ЦРУ против демократических сил Афганистана, резкой, в данном случае далеко не корректной, критике были подвергнуты, как говорилось, «беспринципные, лживые халькисты» и их лидер за «претензии единолично выступать от имени народно-демократического движения» и «выдавать себя за некоего племенного вождя». Вместе с тем в статье выражался призыв ко всем, кто разделяет программу и генеральную линию НДПА, «присоединиться к народно-демократическому движению» (иначе говоря, к крылу «Парчам». – М.С.) и восстановить таким образом «организационное, политическое и идеологическое единство». [257] Понятно, что такие оскорбительные выпады против халькистов и их лидера, а также безапелляционное предложение присоединиться к Парчам вряд ли могли благоприятствовать успеху предстоявших переговоров.

Необходимо уточнить, что делегация Парчам по поручению своего руководства представила на переговорах совершенно иные предложения по вопросу восстановления единства, чем это было изложено в цитированной выше редакционной статье. Фактически в этих предложениях речь шла лишь о предварительном обмене мнениями по поводу установления между двумя организациями союза и единства действий. Конкретизируя свою позицию, крыло Парчам предлагало с целью обеспечения совместных действий создать на основе общей платформы Объединенный народно-демократический фронт (ОНДФ) с сохранением двух самостоятельных организаций – Парчам и Хальк и двух руководящих центров. При этом мыслилось, что ОНДФ, будучи временной мерой, в дальнейшем, по мере укрепления «доверия и искренних товарищеских отношений» должен был подготовить условия для полного организационного, политического и идеологического единства НДПА с ее общим руководством. Для реализации этой идеи руководство Парчам считало целесообразным провести встречу на уровне политбюро обоих крыльев, на паритетной основе. [258] Позиция руководства Хальк в то время по вопросу единства практически не расходилась с тем, что предлагали парчамисты, и сводилась к признанию и сохранению самостоятельности обеих организаций, действующих под разными названиями, и осуществлению ими совместных действий. Правда, халькисты при этом настаивали на признании за каждой права «принципиальной критики друг друга». [259] Несмотря на совпадение взглядов двух организаций по вопросу установления между ними единства действий, встреча их делегаций 31 марта оказалась последней, не получив затем продолжения ни в 1969, ни до конца 1970 года. Хотя, надо заметить, сама проблема единства все это время ни той и ни другой стороной не снималась с повестки дня. Об этом свидетельствовало и очередное публичное обращение к ней Б.Кармалю в январе 1970 года в его большой статье «Еще три проблемы из записной книжки по общественно-политическим вопросам», опубликованной в газете «Парчам». «Мы, – писал он, – должны разрешить внутренние разногласия, существующие в народно-демократической организации, и таким образом обрести новое, прочное и конструктивное единство». [260]

Начало третьему раунду переговоров о единстве между двумя фракциями было положено в последний день 1970 года запиской ЦК НДПА (Парчам), врученной С.А.Кештманом члену ЦК НДПА (Хальк) А.К.Мисаку.

Появлению упомянутой записки предшествовало одно немаловажное событие: в ноябре 1970 года Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар и А.Х.Шараи Джаузджани с рядом их сторонников, порвавшие еще в конце 1969 года с группой Парчам, официально примкнули к Хальк. Об этом фракция Хальк с нескрываемым ликованием и радостью объявила на своих митингах, в Вулуси джирге и в открытой печати, в частности в «Заявлении о народно-демократическом единстве» от 9 кауса 1349 года (30 ноября 1970 г.) и в листовке под заглавием «Радостная весть». Присоединение «трех» было расценено в лагере халькистов как «победа народно-демократического движения над настроениями раздора, сектантства, тщеславия, личного чванства и эгоизма», как «восстановление полного единства (идеологического, политического и организационного) подлинных и принципиальных сил народно-демократического движения – единственного политического движения рабочего класса Афганистана». [261] Такие утверждения базировались на том, что с переходом Г.Д.Панджшери и Ш.Шахпара под крышу фракции Хальк на ее стороне оказались четверо из семи, то есть относительное большинство, членов ЦК НДПА его первого состава, избранного I (Учредительным) съездом партии. И далее в листовке заявлялось: в стране-де «в принципе больше не существует какой-либо другой, отдельной народно-демократической группировки». Затем следовало предупреждение, что «в случае, если какая-либо группа все-таки будет беспринципно и бесстыдно... выступить под именем «народно-демократической» организации, она будет считаться подстрекательской, антинародной и связанной с врагами народа». Следует заметить, что эйфория в стане халькистов в связи с переходом в их ряды вчерашних парчамистов вскоре была омрачена выходом из Хальк Ш.Шахпара и М.З.Офока, создавшего некоторое время спустя свою самостоятельную политическую организацию.

Понятно, что под некоей «народно-демократической» группой» подразумевалась конкретно Парчам. Последняя, принимая во внимание такое развитие событий и руководствуясь решениями состоявшегося накануне 3-го расширенного пленума ЦК партии (Парчам), поручила С.А.Кештманду, как уже было отмечено выше, вступить в переговоры с представителями Хальк. На деле же непосредственные переговоры двух сторон были подменены обменом письмами, продолжавшимся всю первую половину 1971 года. В первой, инициативной, записке от 31 декабря 1970 года руководство Парчам не касалось существа проблемы единства, а лишь поставило ряд процедурных вопросов на случай ведения переговоров, а именно: «обмен мнениями осуществлять в спокойной и здоровой обстановке; временно, до решения вопроса о единстве, признать существование двух самостоятельных организаций и их руководства; не прибегать в ходе переговоров к использованию друг против друга лиц, исключенных в свое время из руководящих партийных органов». [262]

В ответной записке от 30 января 1971 года руководство Хальк, охарактеризовав как «беспринципную» позицию Парчам относительно существования двух народно-демократических течений, в ультимативной форме заявило, что партийное единство может быть обеспечено лишь на основе признания решений I (Учредительного) съезда НДПА, избранного на нем ЦК и народно-демократической программы. В конце записки был поставлен вопрос, обращенный к руководству Парчам: «Готовы ли вы к переговорам на основе этих принципов или нет?» [263]

Через две недели последовал письменный ответ парчамистов, а затем (через десять дней) поступило письмо Хальк. Чтобы понять суть и дух происходившего тогда обмена мнениями, представляется уместным привести здесь перевод (с небольшими сокращениями) обеих записок Парчам и Хальк, датированных соответственно 13 и 22 февраля 1971 года.

Итак, ответ руководства Парчам: [264]

«Уважаемые товарищи! С почтением подчеркиваем, что сущность стремления к единству нашей партии – Народно-демократической партии Афганистана – это не сговор и не какой-то ход или тактический прием и не требование к капитуляции или приглашение типа «добро пожаловать». Единство – это не та проблема, которая возникает или исчезает по желанию и воле какой-либо личности. Единство с вами после четырех лет политического и организационного разрыва возможно прежде всего на путях сохранения и уважения организационной самостоятельности, на основе единой идеологии и общей генеральной линии. Конечно, полное организационное единство, единство руководства в рамках единой Народно-демократической партии может стать реальностью в течение определенного времени (чем раньше, тем лучше) в результате товарищеских и честных переговоров, анализа и оценки причин раскола и на основе признания ошибок, критики и самокритики.

По нашему убеждению, самый лучший и правильный путь к единству должен предполагать:

Создание совместного руководящего комитета на высшем уровне (например, под названием, «Центрального комитета Народно-демократического фронта Афганистана»);

Недопущение подрывных действий и злонамеренной пропаганды друг против друга;

Проведение курса практического единства в парламентской деятельности и вне парламента (демонстрации, забастовки и пр.) в целях совместной борьбы против внутренней реакции и империализма;

Совместную борьбу против правого и левого экстремизма.

Отвечая на записку парчамистов, руководители Хальк писали 22 февраля:

«Уважаемые товарищи! Народно-демократическое руководство считает своей исторической задачей:

Открыть двери в партию и обеспечить полное единство тех сил, которые являются верными I съезду НДПА, избранному на нем руководству, принципам коллективной деятельности, народно-демократической программе, идеологическим и организационным народно-демократическим основам;

Вступить в переговоры о создании объединенного фронта с теми силами, которые утратили верность I съезду НДПА и выступают под другими названиями в качестве самостоятельных национально-демократических группировок, не связанных с НДПА.

...В связи с тем, что в вашей предыдущей записке не было сказано ничего конкретного по поводу единства, руководство НДПА желает получить от вас в кратчайшие сроки четкий и принципиальный ответ о том, присоединяетесь ли вы к матери-партии, то есть к Народно-демократической партии, и если – нет,

то будете ли участвовать в создании объединенного фронта, куда войдут самостоятельные организации, под своими собственными названиями». Как вытекало из ответа халькистов, путь к единству они видели только через безоговорочное присоединение к ним парчамистов.

После такой короткой (и пока еще относительно корректной) «разминки» стороны обменялись пространственными и весьма полемически острыми посланиями, в ряде мест щедро сдобренными издевкой, сарказмом, колкостями и прямыми оскорблениями. ЦК НДПА (Парчам) в своей записке от 16 марта 1971 года [265] возложил всю ответственность за раскол партии на халькистское руководство и обвинил его в измене I съезду партии, нарушении норм демократического централизма, сознательном извращении и фальсификации перипетий межфракционной борьбы. «К сожалению, это были именно вы, – говорилось в записке, – кто растоптал главный программный принцип, принятый на I съезде, и народно-демократическую программу..., заменив концепцию «национальной демократии» лозунгом «народной демократии». Были также резко осуждены и перебежчики Г.Д.Панджшери и Ш.Шахпар. Касаясь тезиса о «матери-партии», высказанном халькистами в предыдущем письме, то авторы записки Парчам в шутливой форме заметили: «Вы объявляете себя «матерью-партией». В таком случае должна быть и «партия-отец». В принципе мы являемся ею. В связи с этим просим вас по-товарищески не привечать неупутевых сыновей, недостойных своих родителей» (имелись в виду Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, А.Х.Шараи Джаузджани и др. – М.С.). ЦК НДПА (Парчам), подтвердив свои прежние взгляды и подходы к вопросу о единстве, предложил вместо обмена записками «незамедлительно приступить к практическим действиям, а именно: создать совместный комитет на паритетной, товарищеской и демократической основе из представителей двух сторон на высшем уровне, сесть за стол переговоров и обсудить в спокойной и искренней обстановке вопрос о временном союзе как предварительном шаге к постоянному единству или, если это будет возможно, о немедленном и постоянном единстве».

Через два месяца последовал многостраничный разносный ответ халькистов. [266] Прежде всего, повторив полностью содержание своего письма от 22 февраля, они отметили, что не находят в «специальной записке» парчамистов «ничего конкретного и принципиального по вопросу присоединения к «матери-партии» и создания объединенного фронта». В целом же парчамовская записка, названная ими «кебабом-суррогатом», была охарактеризована как «подстрекательская», а ее автор – как «писец, пользующийся дурной славой». В ответе много говорилось о заслугах и победах Народно-демократической партии, например, о «сплочении в одном ряду подавляющего большинства членов – учредителей партии, ее руководящего ядра, верных и принципиальных партийцев», «ее активном участии в национально-демократической борьбе в масштабе всей страны», «разоблачении раскольников в партии и их изоляции» и т.п.

Руководители Хальк полностью отмели обвинение в свой адрес по поводу замены ими программной концепции «национальной демократии» лозунгом «народной демократии», заявив, что они «никогда не исключали этап национально-демократической революции, как историческую ступень». Как они разъяснили, лозунг «народной демократии» был выдвинут ими в связи с тем, что в Афганистане национальная буржуазия и «демократы» слабы и непоследовательны и их руководство в объединенном фронте, если это случится, таит в себе большие опасности для перспектив революции, то есть для «перехода от национально-демократической революции к социалистической». Отсюда, по их убеждению, и вытекала идея «народной демократии», другими словами, необходимость отставания руководящей роли рабочего класса в объединенном национально-демократическом фронте. При этом подчеркивалось, что они не абсолютизируют данное положение о гегемонии рабочего класса применительно ко всем условиям. Указанная оговорка свидетельствовала о заметной эволюции взглядов халькистов и их определенном отходе от прежних установок по одной из узловых проблем национально-демократического движения в Афганистане.

Далее, намекнув на классовую близость парчамистов, прежде всего их генерального секретаря, к правящим кругам, авторы записки охарактеризовали своих бывших соратников по организации как «антипартийную группу меньшинства» и «антипартийное течение, борющееся против народа в его обличьи», как «параллельную с НДПА группу под тем же названием, используемую правящим режимом для ослабления истинных прогрессивных течений и партий». В записке говорилось также об «отсутствии у парчамистов организационной базы в провинциях» и прогрессирующем «ослаблении их влияния в массах». В подкрепление этого было заявлено, что даже в Кабуле у них (парчамистов) «опорой остается только Демократическая организация женщин Афганистана, с помощью которой они время от времени устраивают лицемерные политические спектакли». В таком же ключе – унижить и дискредитировать своих оппонентов – были рассмотрены в записке и другие межфракционные разногласия. Заключая свой ответ, руководители Хальк подтвердили еще раз те подходы к вопросу о единстве, которые были изложены ими в записке от 22 февраля 1971 года, однако тут же заявили о невозможности создания вместе с парчамистами объединенного фронта, то есть фактически отказались от одного из двух выдвинутых ими ранее предложений о единстве. Таким образом, для членов группы Парчам была оставлена лишь одна альтернатива – безоговорочно присоединиться к Хальк. Только на такой основе выражалась готовность «сесть с ними за стол переговоров».

Руководство Хальк еще до вручения адресату своей последней записки (она была вручена только 2 июня) попыталось в индивидуальном порядке, путем уговоров склонить к переходу на свою сторону отдельных видных деятелей Парчам. Прежде всего ему, видимо, хотелось пополнить в свои ряды известных мастеров поэтического слова, влияние которых на умы людей и их авторитет на Востоке, в том числе и в Афганистане, всегда были значительными. Кстати, это желание было недвусмысленно подтверждено в указанной выше записке, где заявлялось: «Придет день, когда связанные с вами (т.е. с Парчам. – М.С.) поэты поймут, что свой талант надо использовать против врагов народа, а не против сыновей народа». [267] Реализуя данный замысел, Н.М.Тараки лично пригласил к себе С.Лайека, популярного афганского поэта, кандидата в члены ЦК НДПА (Парчам). Встреча состоялась вечером 30 мая 1971 года в доме Ата Мухаммада Шерзая и в его присутствии.

Дух и содержание беседы между Н.М.Тараки и С.Лайеком были со стенографической точностью воспроизведены последним в его докладной записке, представленной в ЦК НДПА (Парчам) [268] сразу же после завершения встречи. В связи с тем, что этот документ, на мой взгляд, наиболее полно и образно передает характер и суть отношений, сложившихся в то время между двумя фракциями, представляется необходимым привести здесь эту беседу с небольшими сокращениями, но с полным сохранением колорита того, как она записана С.Лайеком. Итак, он свидетельствует:

«Тараки рукопожатием и подчеркнутым ко мне вниманием стремился показать свое дружеское расположение... Он, фамильярная, подтрунивал надо мной и говорил, что двери его «партии» для меня открыты и мне не составляет труда войти в эту «банду». Когда мы сели за стол, он принял покровительственную позу отца и начал расточать любезности, не давая мне перевести дух и сказать хотя бы слово. Он говорил: «Что это за положение? Что вы делаете? Почему не приходите в свою партию? Почему неверно выбрали свое место?... Скажите, что я должен сделать? Хорошо, пир-саиб (старец. – М.С.)! (Смесь). Покажите дорогу, вы, знающие, как разрешить трудности... Не обижайтесь, что я с вами занимаюсь болтовней. Я очень люблю вас. Знай, ты являешься единственным поэтом, к кому я сохранил симпатии... Вообщем-то я не люблю стихи (после этого он прочитал на пушту несколько моих стихов). Смотри, как я тебя люблю! Знаешь, исследователи в своих трудах пишут, что Лайек является поэтом-реалистом и последователем школы Нур Мухаммада Тараки. В связи с этим я им отвечаю: вы не знаете, какие невзгоды выпали на мою долю из-за этой школы». Сказав это, он притворно засмеялся.

Я спросил его: «Тараки-саиб, извините меня, но если я не смогу понять во время данной встречи вашу цель и ваши слова, поймите, я понесу партийную и политическую ответственность. Эта ответственность требует, чтобы я уяснил свое положение на нашей встрече. Пожалуйста, поясните, какую цель вы ставите, встречаясь со мной? Или мы будем рассматривать эту встречу как дружескую и частную, или как официальную, связанную с обсуждением соответствующих политических проблем? Будете ли вы обсуждать вопрос единства группировок народно-демократической организации? В обоих случаях я, Сулейман Лайек, имею поручение от своей партии – НДПА вступить с вами в переговоры. Мы искренне предлагаем вам принципиальное и товарищеское сотрудничество, особенно в вопросах единства, которое является нашим сокровенным желанием».

Господин Тараки ответил: «Хотя я намерен был побеседовать с вами лично и конфиденциально, однако поскольку вы упомянули о союзе и единстве, я готов поговорить с вами и по этим проблемам».

Когда я спросил Тараки, что бы он лично хотел сказать по этому поводу, он ответил: «У меня нет какого-либо «личного» суждения. Мне сдается, что я уважаю только одного вас». Я задал ему вопрос: «Тараки-саиб, изменили ли вы или нет свою прежнюю позицию относительно союза и единства? Согласны ли вы со взглядами нашей организации, которые постоянно доводятся до вас? Если – нет, то почему? Позвольте перейти к обсуждению принципиальных нужд и потребностей сегодняшнего движения в Афганистане?»

Господин Тараки стал нервничать, постепенно распалиться и путаться. Он заявил: «Вы много говорите о принципах. За эти три года вас здорово напичкали. Я не хочу с кем-либо книжничать и играть в принципы. Условия в Афганистане особенные и наши проблемы (проблемы единства) не могут решаться так, как пишется в книгах». В ответ я сказал ему: «Тараки-саиб, особенными являются не только условия Афганистана, но и национальные условия всех стран, но это не значит, что нужно отрицать определенные нормы и правила поведения и деятельности прогрессивных организаций. Мы готовы признать все то, что не соответствует условиям страны»...

«В любом случае, – заявил Тараки, – я ни с кем не буду книжничать. Я встретился с вами, исходя из дружеских побуждений, а не для переговоров по вопросам единства и союза. С вашими товарищами мы уже вели переговоры и этого достаточно». Здесь он добавил: «Ваши товарищи в последней «специальной записке» ругают нас. И мы написали им письмо, полное ругательств и оскорблений. Возможно, и сейчас мы сделаем то же». В этом месте он усмехнулся и продолжил: «Скажите вашим товарищам, чтобы они не обижались на нас. Это не так важно».

Я спросил Тараки: «Признайтесь, неужели вы лично, навязав в 1346 году (1967 г.), будучи в меньшинстве, раскол в партии, думали таким образом добиться ее единства?» Он вспылил и заявил: «Вы, пожалуйста, не прибегайте к пропагандистским штучкам и не портите настроение друзей» (при этом он кивнул в сторону А.М.Шерзая). Затем, пишет С.Лайек, Тараки наговорил много пустого, вроде того, что его цель – устранить с позором нашу организацию, что он готовится политически убить и похоронить нас...

Далее, замечает С.Лайек, он несколько раз пытался безуспешно остановить Тараки и высказать свое мнение. Наконец, ему удалось это сделать и напомнить о предложениях, изложенных в специальной записке ЦК НДПА (Парчам) от 16 марта 1971 года. Отвечая на это, Тараки заключил: «Если вы официально признаете ЦК, избранный на I съезде партии, вы также должны признать, что с переходом к нам Панджшери и Шахпара большинство сейчас на нашей стороне. Естественно, каждый, кто признает программу, опубликованную в газете «Хальк», должен подчиняться этому большинству. Вы обязаны распустить свою организацию и влиться в мою... В случае, если вы не капитулируете, я усилю против вас борьбу и устраню с арены движения».

По свидетельству С.Лайека, Тараки в ходе беседы отверг право Б.Кармаля на членство в ЦК, поскольку он «перед расколом подал в отставку из ЦК партии». Однако в конце разговора добавил: «Я готов снова признать Бабрака Кармаля членом ЦК при условии, что ваша организация и он сам подчинитесь большинству, избранному на I съезде партии... Если же вы будете настаивать на своем большинстве, которое имели в момент раскола..., то мы будем считать Бабрака ушедшим в отставку».

Небезынтересной была позиция Н.М.Тараки по вопросу о членстве в ЦК партии Анахиты Ратебзад и Мир Акбара Хайбара, одного из создателей НДПА. Как писал С.Лайек, при упоминании им их имен он (Тараки) «не повел даже носом», сказав, что «вообще не считает их членами партии». Отказавшись далее

продолжать беседу, Тараки в заключение заявил своему собеседнику: «Я вас изолировал. Вы в Афганистане представляете слабую, оторванную от народа группу. И я никогда не соглашусь вести с вами переговоры как с равной силой». На этой ноте их встреча и беседа закончились.

На мой взгляд, заслуживают особого внимания не только содержание приведенной выше беседы, являющейся, безусловно, ценным историческим свидетельством, но и выводы, оценки и рекомендации, сделанные С.Лайком в его докладной записке Центральному комитету НДПА (Парчам). Вот что он писал, анализируя итоги своей встречи с Н.М.Тараки (приводится с незначительными сокращениями. – М.С.):

«Тараки не хочет единства. Он также решительно отвергает и союз. Под словом «единство», которое в последнее время стало очень популярным в рядах его сторонников, в действительности понимается ликвидация нашей организации. В этом отношении его точка зрения полностью совпадает с намерениями внутренней реакции и империализма и особенно правящих кругов Афганистана;

Тараки боится единства на принципиальной основе, так как понимает, что будет по праву осужден и что в случае единства не сможет реализовать свое желание быть лидером партии. Тараки не хочет ни принципиальности и ни принципиального единства;

Тараки в незатейливых и искусных выражениях излагает вопрос о ликвидации нашей организации. Когда его спрашивают о том, что он предлагает для достижения единства, он переходит на пушту и говорит собеседнику, что у него к последнему существует полное доверие и предлагает сотрудничать в деле разгрома «парчамизма»;

Тараки очень низкого мнения о силе, сплоченности и политической зрелости нашей организации;

Тараки своими фарисейскими манипуляциями по вопросу о единстве хочет снять с себя ответственность за раскол партии в 1346 году (1967 г.) и переложить ее на нас;

Тараки не мирится с тем, что остался в меньшинстве в 1346 году и с особой беззастенчивостью стремится выдать за большинство свою отколовшуюся группу;

Тараки отказывается признать, что накануне и после раскола партии распространял клеветнические и враждебные листовки, направленные против руководства и кадровых работников нашей организации;

Тараки категорически отрицает все совершенные им ошибки и проступки, а также взыскания, которые были вынесены ему во время функционирования единой партии;

Тараки сильно преувеличивает заслуги своей организации и свои собственные;

из беседы с Тараки можно сделать вывод о том, что он с целью получения каких-либо политических выгод способен принести в жертву недавних раскольников (речь, видимо, шла о Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпаре и др. – М.С.);

Тараки глубоко увлечен актами мести, злобной пропагандой и своими напыщенными, враждебными выпадами против нашей организации. Разговоры о единстве он использует как политический маневр, преследующий две цели: предотвратить взрыв в своих собственных рядах, страстно жаждущих единства, и вызвать сомнения, колебания и разложение в наших рядах».

Дав такую нелестную характеристику Н.М.Тараки, С.Лайк особо подчеркнул, что он (Тараки) «в своей организации уже почитается как живой «идол» и что «его взгляды и намерения относительно единства стали воистину настоящим фетишем». В связи с этим, советует С.Лайк, не следует обманывать себя и строить по данному поводу каких-либо иллюзий. Выход из создавшегося положения он видел в установлении непосредственных контактов с рядовыми членами Хальк и ознакомлении их с «позицией и нечистоплотными намерениями Тараки» по вопросу восстановления единства.

Получив информацию С.Лайка о встрече с Н.М.Тараки и записку халькистов от 15 мая, руководство Парчам 3 июня в срочном порядке созвало пленум ЦК, который после их детального рассмотрения решил направить в адрес Хальк «Открытое письмо». [269] На сей раз оно начиналось необычным для традиций левых сил обращением «Господа руководители отколовшейся группы меньшинства!», а не «Уважаемые товарищи!», как это было в первых записках, что изначально уже должно было продемонстрировать негативное отношение к адресату. Пленум с сожалением констатировал, что в письме Хальк «отсутствуют не только какие-либо конструктивные предложения, но и даже малейшие намеки на добрую волю и политический разум». Отметив далее некорректность содержания халькистского письма (или, как было сказано, «клевету, лживые утверждения, грубое искажение фактов, оскорбления»), он сделал попытку найти и объяснить причину разногласий в НДПА. По мнению авторов «Открытого письма», они возникли еще до I (Учредительного) съезда партии и вытекали главным образом из различных оценок и трактовок в кругах левых сил «идеологических, политических и организационных проблем борьбы, уровня развития афганского общества, особенностей национальной, региональной и международной ситуации, теории и тактики демократического движения в стране, что вместе с поспешностью, фракционизмом, подстрекательством к заговорам и культом Н.М.Тараки стали серьезными факторами усиления противоречий и раскола».

Конечно, не со всеми этими суждениями можно безоговорочно согласиться, но тем не менее большая доля истины в них, несомненно, была. В письме были также рассмотрены многие детали и малоизвестные обстоятельства внутрипартийной борьбы в 1965-1967 годах и межфракционных баталей в последующие годы. Причем весь анализ и оценки, исходившие от ЦК (Парчам), строились преимущественно под углом зрения доказать «вину и ответственность» Н.М.Тараки и его ближайшего окружения за раскол партии и нежелание восстановить ее единство, а также обосновать, в противовес утверждениям халькистов, что последние никогда в НДПА не представляли «большинства». «Открытое письмо» отличалось большей сдержанностью и корректностью, по сравнению с материалами халькистов, хотя в ряде его мест и парчамисты не избежали соблазна «крепкого» слова по адресу своих партийных соперников, в частности их лидера. ЦК НДПА (Парчам), заканчивая свое письмо, снова предложил халькистскому руководству сесть за стол переговоров и обсудить вопросы единства. «Нельзя терять время, – говорилось в письме, – ...Мы готовы обсудить вопросы союза и единства в любое время и в любом месте». К сожалению, этот призыв не был услышан другой стороной – халькистами. Да и не мог быть услышан, так как слепая нетерпимость

к позициям и действиям друг друга, амбициозность и высокомерие, бесконечные взаимные оскорбления и нагнетание страстей, – все это делало невозможным в то время поиск и достижение согласия между ними. Указанным письмом ЦК НДПА (Парчам) фактически завершился полугодовой обмен мнениями между двумя фракциями, не дав конкретных позитивных результатов по обсуждавшейся проблеме единства, кроме, пожалуй, выяснения и уточнения ими взглядов друг друга по многим вопросам теории и практики демократического движения в Афганистане. Курс на конфронтацию между фракциями не только не претерпел изменений, но и был еще более усилен.

В условиях фактического провала попыток найти пути к единству левodemократических сил лидеры Парчам в сентябре 1972 года, игнорируя крыло Хальк, выступили с инициативой создания «Объединенного фронта прогрессивных народно-демократических сил». В организационное ядро «фронта» вошли Б.Кармаль (Парчам), М.Х.Майвандваль (Партия прогрессивных демократов), Г.М.Фархад (Афган меллят), Ф.М.Федаи (Меллят), А.К.Фарзан (Садаи авам), А.Ратгебад (Демократическая организация женщин Афганистана), а также представители Союза афганских учителей и Ассоциации студентов. Учредители «фронта» опубликовали в независимой газете «Рузгар» («Время») его устав и программу, основными положениями которой были провозглашены: защита принципов Конституции страны, борьба против внутренней и внешней реакции, поддержка Народной национальной партии Пакистана. Однако деятельность «фронта» так и не была развернута из-за имевшихся в рядах коалиции серьезных разногласий и, видимо, вмешательства со стороны правящих кругов. [270]

Некоторое время спустя после обмена письмами группировка Хальк вынесла выяснение отношений с Парчам на страницы открытой печати. В частности, 29 сентября 1971 года ЦК НДПА (Хальк) через газету «Рузгар», в которой накануне [271] было напечатано письмо Б.Кармаля с выражением благодарности известному индийскому общественному деятелю Джайпракашу Нараяну (сподвижнику М.Ганди и Дж. Неру) за приглашение посетить Индию, объявил, что «в Афганистане существует только одна партия под именем НДПА» и что «Бабрак не имеет чести представлять ее руководство». В этом же сообщении халькисты снова повторили свою известную формулу из двух пунктов по поводу достижения единства партии и формирования объединенного фронта, как-то: «все лица и группы, которые полностью согласны с программой НДПА и ее организационными и идеологическими принципами, должны присоединиться к НДПА на основе решений I съезда и признания избранного им ЦК; те же группы и силы, которые борются против феодализма и империализма, но в полной мере не приемлют идеологические и организационные принципы НДПА, могут объединиться вместе с нею в общий национально-демократический фронт». [272] Однако фракция Хальк не подкрепила данное обращение практическими шагами и контактами ни с Парчам, ни с другими левыми организациями, что скорее было свидетельством декларативности ее заявлений, чем показателем искренней заботы о сплочении левodemократических сил.

Еще одним, и во многом обособленным, эпизодом переговорного процесса по вопросу единства в рассматриваемый период явилась встреча лидеров двух крыльев НДПА – Б.Кармаля и Н.М.Тараки, состоявшаяся в октябре 1972 года. Следует заметить, что сам факт встречи был вызван к жизни не столько глубоким осознанием сторонами актуальности партийного единства, сколько настоятельными советами их зарубежных друзей. Но, как и следовало ожидать, встреча закончилась безрезультатно. Свою роль в этом сыграли непримиримость, амбициозность и личные политические расчеты указанных сторон, а также то, что перед ними пока еще не встал со всей неотвратимостью вопрос «быть или не быть» и, кроме того, не были до конца поняты и осознаны ими уже появившиеся признаки кризиса и поправления правящего режима, требовавшие объединения усилий демократической оппозиции.

Между тем внутри- и внешнеполитическая жизнь Афганистана (активизация деятельности ультраконсервативных и прозападных сил, усиление правых тенденций в политике режима, расширение афганопакстанского сотрудничества и ослабление поддержки зарубежных пуштунов, усиливавшееся вмешательство иностранных спецслужб во внутренние дела страны и т.д.) постоянно ставила перед демократической оппозицией проблему единства. Это нашло отражение на заседании ЦК (Парчам), состоявшемся 24 мая 1973 года. На нем единодушно была признана бесперспективность попыток достичь организационного единства или единства действий с халькистами и принято решение начать подготовку съезда с целью создания самостоятельной политической организации – «Партии трудящихся Афганистана» («Хэзбе захматкешане Афганестан»). Однако последовавшее вскоре свержение монархии помешало реализовать это решение.

Не были безучастны к проблеме единства и халькисты. В июне 1973 года (за 20 дней до государственного переворота), когда обострение противоречий в обществе и кризис монархии стали очевидными, они провели пленум своего ЦК. На нем в числе первоочередных была выдвинута задача создать демократический фронт, в котором бы объединились различные прогрессивные и национально-патриотические силы с целью борьбы за реализацию на практике демократических прав и свобод граждан, против нарушений законов и проведение страной независимой, нейтральной и антиимпериалистической внешней политики. Такая трактовка целей демократического фронта свидетельствовала об определенной эволюции взглядов халькистов, а также о признании ими, вопреки прежней позиции, необходимости сотрудничества с широким спектром социально-классовых и политических сил.

Итак, третий раунд контактов и переговоров между Хальк и Парчам не привел к каким-либо позитивным сдвигам в решении проблемы единства. Бурные события лета 1973 года они встретили не просто в состоянии разобщенности, но и, что главное, в атмосфере непримиримой враждебности друг к другу.

2.7. НДПА и военные. Борьба за армию

После окончания Второй мировой войны, в условиях усиливавшейся идеологической и политической конфронтации двух мировых систем Афганистан, как и вообще весь Ближний и Средний Восток, оказался в фокусе внимания Запада. В США в то время не скрывали, что их интерес к этой стране был вызван прежде всего ее стратегическим положением в непосредственной близости к СССР. «Одна из причин заинтересованности Америки в Афганистане, – писал в 1950 году в журнале «Каррент истори» журналист Арнольд Флетчер, – это возможное значение этой страны в будущем в качестве плацдарма для нападения на Россию». [273] В соответствии с этими агрессивными расчетами, США в начале 50-х годов оказали экономическое, политическое и дипломатическое давление на Афганистан с тем, чтобы заставить его вступить в создававшийся в этом регионе военно-политический блок. Однако, следует отдать должное, правящие круги страны, проявив реализм в оценке такого рода устремлений Запада и угрозы свободе и независимости афганского государства, не поддались данному нажиму. Когда западные страны отказали Афганистану в ответ на его обращение предоставить военную помощь, не обусловленную никакими политическими уступками, афганское правительство, руководствуясь рекомендациями Большой джирги (ноябрь 1955 г.), [274] обратилось с такой просьбой к Советскому Союзу. Он пошел навстречу желанию своего южного соседа. Вскоре, с начала 60-х годов, основным источником военной помощи для Афганистана стали социалистические страны, главным образом СССР. Что касается капиталистических стран (США, Франция, АРЕ, Индия), то с ними в военной сфере был сохранен лишь один канал сотрудничества – подготовка в их учебных заведениях некоторой, крайне незначительной, части афганских офицерских кадров.

Использование Афганистаном для укрепления своей независимости и обороноспособности советской военной и военно-технической помощи открыло качественно новый этап в развитии его вооруженных сил и позволило в короткие сроки реорганизовать и модернизировать их. [275] В составе вооруженных сил были созданы совершенно новые для Афганистана военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны, бронетанковые, воздушнодесантные, артиллерийские, горнопехотные, инженерные и другие подразделения, части и соединения. Афганская армия получила на вооружение первоклассные по тому времени сверхзвуковые самолеты различного назначения, зенитные управляемые ракеты, мощные противотанковые средства, артиллерию разного калибра и назначения и эффективное стрелковое оружие, совершенную бронетанковую, автомобильную и другую технику. В результате осуществленных мер значительно повысилась боеспособность и боеготовность вооруженных сил Афганистана. Они стали надежным фактором защиты свободы, независимости и территориальной целостности страны.

В период монархического и даудовского (республиканского) режимов армия Афганистана состояла из сухопутных войск, военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны. Их общая численность, начиная с 60-х годов, поддерживалась приблизительно на одном уровне и составляла около 98 тысяч человек, в том числе сухопутных войск – около 90 тысяч, военно-воздушных сил и войск ПВО – около 8 тысяч. В соответствии с конституциями тех лет верховное командование вооруженными силами страны принадлежало королю, а после 1973 года – президенту республики. Руководство вооруженными силами они осуществляли через министра национальной обороны, который входил в состав правительства. Последнему подчинялись начальник Главного штаба и командующий ВВС и ПВО.

Основу вооруженных сил Афганистана составляли сухопутные войска, включавшие пехоту, бронетанковые войска, наземную и зенитную артиллерию, инженерные и транспортные части, части связи и различные тыловые службы и учреждения. Характерной особенностью развития сухопутных войск Афганистана явилась их моторизация и значительное усиление огневой мощи за счет оснащения современной техникой и вооружением. Основу сухопутных войск составила пехота, которая главенствовала по своей численности над другими родами войск.

Основным тактическим соединением сухопутных войск страны была пехотная дивизия, а их высшей организационной единицей – корпус. Всего в афганской армии в рассматриваемые годы имелось десять пехотных дивизий, из которых шесть были сведены в три корпуса – Центральный (в составе 7, 8 и 11 пд), Пактийский или Южный (12 и 25 пд) и Кандагарский (15 пд и 7 бронетанковая бригада). Отдельные пехотные дивизии дислоцировались в Газни (14 пд), Герате (17 пд), Мазари-Шарифе (18 пд) и Нахрине (20 пд). В боевой состав сухопутных войск, кроме того, входили две отдельные бронетанковые бригады (4 и 15 бр) и три горнопехотных полка, артиллерийские, инженерные, транспортные и другие соединения и части центрального подчинения, расположенные в основном в Кабуле и его окрестностях. Некоторые соединения и части были кадрированы, но в случае необходимости могли быть в короткие сроки отмобилизованы и доведены до полного штата.

Кроме того, имелся один усиленный полк гвардии, предназначенный для охраны резиденции главы государства и исполнения службы почетного караула при встрече государственных деятелей и высокопоставленных иностранных гостей.

Военно-воздушные силы представляли собой качественно новый вид вооруженных сил Афганистана. На вооружении ВВС в 60-70-х годах находилась авиационная техника различного назначения: реактивные истребители, сверхзвуковые истребители-бомбардировщики, реактивные бомбардировщики среднего радиуса действия, а также транспортные и учебные самолеты и вертолеты. В 1977 году в афганских ВВС и ПВО имелось около 250 боевых, транспортных и учебных самолетов и вертолетов, в том числе три бомбардировочные эскадрильи Ил-28 (30 самолетов), семь эскадрилий истребителей и истребителей-бомбардировщиков (50 самолетов МиГ-17, 12 – МиГ-19 и 24 – Су-7), три эскадрильи истребителей-перехватчиков МиГ-21 (36 самолетов), транспортный авиационный полк (25 самолетов Ил-14, 10 – Ан-2, около 20 вертолетов Ми-4 и Ми-8) и др. [276] Основной организационной единицей военно-воздушных сил являлся авиационный полк. Авиационные части базировались на следующих аэродромах: Кабульском, Баграмском, Шиндандском, Мазари-Шарифском и частично в зимние периоды на Джалалабадском.

Войска противовоздушной обороны, прикрывавшие столицу и важные промышленные и военные объекты страны, были подчинены командующему ВВС и ПВО и включали части зенитной артиллерии различных калибров, зенитных управляемых ракет, авиационные части, а также подразделения радиотехнических войск и служб.

Помимо регулярной армии, в Афганистане имелся еще ряд постоянных военизированных формирований: жандармские войска (21 тысяча человек), Трудовая армия (несколько десятков тысяч человек), полиция, а также вооруженное племенное ополчение (см. об этом в главе 1).

Жандармские войска комплектовались на основе Закона о всеобщей воинской повинности и рассматривались как часть вооруженных сил страны. Они находились в подчинении министерства внутренних дел и, исходя из решаемых задач, делились на пограничные – охрана государственных границ, и внутренние – охрана различных государственных объектов и мест заключения. Указанные войска организационно состояли из отдельных батальонов и полков. Непосредственное руководство этими войсками осуществлял командующий полицией и жандармерией, назначавшийся из числа генералов и старших офицеров армии (без исключения из кадров национальной обороны).

Трудовая армия была создана в Афганистане в 50-х годах с целью обеспечения нужд строившихся объектов госсектора в дешевой и организованной рабочей силе. Комплектуемая за счет призывного контингента, она широко использовалась на строительстве промышленных предприятий, ирригационных сооружений, дорог и т.п. Роль Трудовой армии в Афганистане, однако, не ограничивалась только этим. Она одновременно рассматривалась как дополнительная база для военного обучения призывных возрастов, как школа для подготовки нужных стране и армии квалифицированных рабочих по различным строительным и техническим специальностям, а также как отмобилизованный вооруженный резерв армии на случай чрезвычайных обстоятельств.

Численный состав Трудовой армии не был постоянным и колебался в зависимости от потребностей сооружавшихся в стране объектов в рабочей силе. О масштабах использования в Афганистане Трудовой армии можно судить хотя бы по такому примеру: только на строительстве Джалалабадской ирригационной системы (1960-1964 гг.) одновременно было занято около 10 тысяч солдат и большое количество офицеров и унтер-офицеров. В целом же по стране в некоторые годы ее численность доходила до 30-40 тысяч человек.

Трудовая армия подчинялась министерству общественных работ и организационно состояла из рот, батальонов и строительных частей («йуниги-кар») во главе с кадровыми офицерами, главным образом, выпускниками строительного и инженерного факультетов Военной технической академии и Высшего военного училища (Харби похантун). В случае необходимости командные кадры Трудовой армии укомплектовывались частично также за счет офицеров запаса и в отставке, призывавшихся на военную службу на время строительства крупных объектов. Непосредственное руководство частями Трудовой армии осуществлял ее командующий. Все строительные подразделения имели необходимое по штату количество стрелкового вооружения.

Еще одним резервом армии в Афганистане считалась полиция, подчиненная министерству внутренних дел. Она комплектовалась как путем набора добровольцев, так и на основе Закона о всеобщей воинской повинности за счет призывного контингента. Срок службы последних, как и рядового состава армии, составлял 2 года.

Комплектование вооруженных сил Афганистана рядовым составом осуществлялось на основе принятого в 1954 году Закона о всеобщей воинской повинности, а унтер-офицерским и офицерским составом – на добровольных началах после окончания ими специальных военных учебных заведений. В 60-е годы в связи с насыщением войск новой боевой техникой и вооружением и усложнением боевой подготовки армии значительно повысились требования к уровню общеобразовательной и военной подготовки унтер-офицерского состава. Поэтому с 1966 года по решению министерства национальной обороны в сержантские школы стали принимать только выпускников 9-х классов, преимущественно из провинций, где не было полных средних школ.

В соответствии с действовавшим в те годы законодательством, унтер-офицеры обязаны были прослужить на действительной военной службе в общевойсковых частях 12 лет, а в технических родах войск и ВВС – 16 лет, после чего имели право по своему желанию уволиться из армии или при наличии положительной характеристики продолжать службу до достижения установленного предельного возраста и выхода на пенсию. Они использовались в основном на должностях командиров отделений, оружейных расчетов и танковых экипажей, помощников командиров взводов, старшин подразделений, механиков-водителей, оружейных мастеров, механиков по ремонту техники и вооружения, бортмехаников, радиотелеграфистов, заведующих складами частей и т.п.

Подготовка офицерских кадров для сухопутных войск, жандармерии и частей Трудовой армии велась в Высшем военном училище (Харби похантун) и Военной технической академии, для ВВС и ПВО – в Военном авиационном училище, а для специальных служб полиции и жандармерии – в Кабульской полицейской академии. Кроме того, в рассматриваемый период в Афганистане функционировала Школа офицеров запаса, предназначенная для подготовки офицеров пехоты и артиллерии из числа выпускников гражданских высших учебных заведений. Срок обучения в ней составлял один год, первые шесть месяцев которого отводились на изучение общевойсковых и специальных дисциплин, а остальные – на прохождения стажировки в войсках в качестве командиров отделений, расчетов и помощников командиров взводов. После окончания стажировки и сдачи выпускных экзаменов они зачислялись в запас армии в звании младшего лейтенанта. Школа ежегодно готовила до 500 офицеров запаса. Довольно значительная часть офицеров проходила подготовку, переподготовку и усовершенствование за границей, главным образом в СССР. К началу 70-х годов почти каждый второй офицер получил образование или в Советском Союзе, или внутри страны под руководством советских военных специалистов.

Меры, предпринимавшиеся афганскими правящими кругами в 60-70-х годах по подготовке и переподготовке офицерских кадров, не могли не сказаться позитивно на уровне их знаний, на повышении их военной и специальной квалификации. В целом младшие и старшие офицеры значительно расширили свой общеобразовательный, военный и технический кругозор и во многом освободились от элементов прежнего невежества и узкого практицизма. Вместе с тем следует отметить, что, наряду с большим вниманием, уделявшемся подготовке офицеров младшего и среднего звеньев, в афганской армии почти ничего конструктивного не делалось для совершенствования подготовки ее генералитета, который, в своем подавляющем большинстве, довольствовался старым багажом знаний и далеко отставал от возросшего уровня знаний подчиненных им офицеров. Внутри страны не было каких-либо учебных заведений или даже курсов усовершенствования для высшего командного состава армии. И за рубеж на учебу они, как правило, не выезжали. В этом отчетливо проявились такие, присущие тогдашнему афганскому генералитету качества, как косность и пренебрежительное отношение к своему теоретическому росту. Отсюда не случайно, что в условиях монархического режима авторитет многих генералов Афганистана в глазах младших по званию был крайне низок. Их слабая военная и специальная подготовка стала поистине притчей во языцех, предметом постоянных язвительных насмешек со стороны младшего и старшего офицерского состава армии.

Кадровые офицеры использовались на различных должностях не только в вооруженных силах, но также и традиционно, без исключения из списков армии, с сохранением всех их армейских льгот и привилегий на некоторых наиболее важных государственных постах, в частности, в управлении сыскной полиции («рийасáти зáбти эхвалáт»), в управлениях полиции и жандармерии в центре и на местах, на должностях губернаторов некоторых провинций и даже начальников уездов, в управлении авиакомпании «Ариана», в ряде министерств (например, в министерствах общественных работ, связи, по делам племен) и т.д.

Афганская армия была по существу крестьянской. [277] Солдаты в своем подавляющем большинстве являлись выходцами из беднейших слоев крестьянства. Представителей рабочего класса среди солдатских масс ввиду его немногочисленности было крайне мало, да и те в соответствии с принятыми принципами комплектации армии, как и некоторые выходцы из среды ремесленников, имевших определенные технические навыки и знания, направлялись, как правило, на формирование подразделений технического обслуживания и специальных войск – инженерных, химических, связи, радиотехнических, автомобильных, дорожно-строительных, ремонтных и т.п.

Унтер-офицерский состав афганской армии в основной своей массе был представлен выходцами из средних слоев деревни и города: зажиточных крестьян, мелких торговцев, низших прослоек государственных служащих и интеллигенции, ремесленников, кустарей. Во второй половине 60-х годов, когда в процессе реорганизации и модернизации армии формировался костяк нового унтер-офицерского состава, династия активно привлекала в его ряды менее политизированную мелкобуржуазную молодежь из провинции.

Что касается офицерского корпуса, то его социальные характеристики претерпели значительные изменения в течение каких-то полутора десятилетий, предшествовавших государственному перевороту 1973 года. В указанное время кадры младших офицеров пополнялись в основном за счет выходцев из средних слоев, прежде всего мелкой (главным образом торговой) буржуазии, мелкого и среднего чиновничества и интеллигенции.

Афганская армия, как и сама страна, была многонациональной. При монархии и республиканском режиме М.Дауда, кроме пуштунов и таджиков, составлявших ядро вооруженных сил, в их составе имела значительная часть представителей национальных меньшинств: хазарейцев, узбеков, туркмен, чараймаков, нуристанцев, белуджей и др. В основу кадровой политики в армии в 60-70-х годах был положен принцип комплектования, как правило, однородных в национальном отношении частей и подразделений. При этом на долю национальных меньшинств выпадала в основном самая «черная» работа и менее престижная служба. К примеру, хазарейцы из года в год пополняли ряды Трудовой армии, строительных отрядов, подчиненных министерству национальной обороны, службу ремонта и обслуживания, персонал подсобных производственных предприятий и т.п. Зато служба в боевых частях (пехоты, бронетанковых войск, артиллерии, авиации и т.д.) являлась по преимуществу привилегией пуштунов и таджиков.

Офицерский и унтер-офицерский состав армии формировался в основном за счет численно преобладавших в стране национальностей – пуштунов и таджиков. Вместе с тем афганские правящие круги, стремясь укрепить свое влияние среди национальных меньшинств и подорвать их антипуштунские настроения, привлекали в ряды офицеров и унтер-офицеров и определенное количество представителей указанных меньшинств, главным образом из числа их влиятельной и экономически состоятельной верхушки. Однако удел этих армейских кадров ограничивался, как правило, невысокими постами в нестроевых частях и во вспомогательных службах, а воинские звания редко превышали звание подполковника. Что касается генералитета, то он был представлен в основном пуштунами, реже таджиками и еще реже, больше как исключение, представителями национальных меньшинств. Последние, когда это и случалось, были исключительно выходцами из элитарных слоев и классов.

По религиозной принадлежности основную массу личного состава вооруженных сил составляли мусульмане-сунниты и меньшую часть мусульмане-шииты и мусульманские сектанты.

В условиях обострения социальных противоречий и нарастания политической борьбы в обществе династия и связанная с нею военная элита уделяли самое пристальное внимание политико-идеологическому и морально-психологическому аспектам подготовки личного состава вооруженных сил. Усилия в этом направлении приобрели особенно активный характер начиная с первой половины 60-х годов, когда в Афганистане на арене политической борьбы появились оппозиционные демократические течения и группировки, выдвинувшие требования радикальных общественных преобразований. Именно в эти годы был значительно укреплен идеологический аппарат армии (в частности, в структуре Главного штаба был существенно расширен и укреплен кадрами Отдел морали и дисциплины), повышена персональная ответст-

венность командиров и начальников всех степеней за воспитание своих подчиненных, введен обязательный для всех категорий военнослужащих курс политических занятий, разработаны и приняты новые программы так называемой «моральной подготовки», в которых одно из основных мест заняли темы, призванные нейтрализовать воздействие на личный состав левых идей и взглядов; армейские печатные органы («Ды Урду Маджалла», «Ды Зерма Маджалла» и «Харби похантун») стали отводить многие страницы публикациям по политико-идеологическим вопросам; массовым тиражом начали издаваться для нужд армии различные пропагандистские пособия и материалы и т.д. Решая все эти вопросы, афганское командование широко использовало опыт идеологической подготовки других армий, в частности турецкой и американской.

Меры идеологического и морально-психологического воздействия на личный состав преследовали цель создать в лице армии политически надежную военную опору, способную защитить конституционно-монархический строй и существовавшие социальные устои. В официальной армейской пропаганде эту функцию армии было принято формулировать как «борьбу против внутренних беспорядков» и относить к числу «самых важных задач» вооруженных сил страны. [278] Кроме того, в подготовке афганских военнослужащих никогда не снимался и вопрос воспитания их готовности к защите свободы, национальной независимости и территориальной целостности страны.

Содержание идеологической подготовки афганской королевской армии полностью определялось ее назначением и природой. В основу этой подготовки были положены: исламская идеология, идеи монархизма и национализма, воспитание любви к родине и независимости, пропаганда «особого национального духа афганцев» («афганият»), их обычаев и традиций, геополитика, пропаганда антиколониализма и антикоммунизма. Надо отметить, что в рассматриваемые годы в армии антиамериканская пропаганда не велась. Наоборот, влиятельные военные деятели страны (например, генерал Абдурраззак Майванд), рассматривая мировые события через призму геополитических интересов, тратили немало усилий на то, чтобы представить США в качестве страны, «вынужденно защищающейся от коммунизма», который-де является «самым опасным врагом процветающей американской жизни». [279]

В результате проводившейся в условиях монархии идеологической подготовки, мер морально-психологического и дисциплинарного воздействия сложились определенные черты морального облика личного состава вооруженных сил Афганистана, характеризовавшиеся религиозностью, приверженностью национальным обычаям и традициям, националистическими и шовинистическими предрассудками. До 60-х годов господствовавшей верхушке удавалось поддерживать среди значительной части афганских военнослужащих поклонение и верность монарху, а также и представление о прогрессивности династии. Все это позволяло правящим кругам до поры до времени держать армию в повиновении, обеспечивать с ее помощью свое господство и подавлять любые проявления социально-классового и национального недовольства и межплеменные конфликты в стране. Примерами этого может служить использование армии в апреле-мае 1957 года для подавления волнений крестьян в Гератской провинции, в августе 1959 года – для расправы с мятежным духовенством в Кандагаре, в октябре 1965 года – для прекращения студенческих волнений в Кабуле, в 1968-1969 годах – для умиротворения племен мангал и джаджи, в 1969 году – для разгона похода безработных из северных районов страны в столицу, требовавших работы, хлеба и крова, а в 1970 году – для локализации и ликвидации антиправительственных выступлений в Кабуле, Джалалабаде и Мазари-Шарифе.

Не проходила бесследно и антикоммунистическая пропаганда. Среди определенной части личного состава афганской армии усилиями ее военного руководства создавалось и поддерживалось сугубо негативное, стереотипное, заимствованное из западной пропаганды представление о социализме, коммунистической идеологии, а также деятельности радикально настроенных оппозиционных элементов внутри страны. Этому в значительной степени благоприятствовали и политическая незрелость подавляющей массы личного состава армии, и ограниченность в распоряжении афганских военнослужащих достоверной информации по указанным выше вопросам. Антикоммунистические взгляды, порой самого примитивного содержания, можно было встретить не только среди неграмотных солдатских масс, но и среди части офицерства.

Однако такой моральный дух армии, базировавшийся больше на чувствах и эмоциях, чем на сознании не мог быть длительным и устойчивым. Уже к середине 60-х годов правительственные идеологические программы стали утрачивать свое воздействие на личный состав вооруженных сил. Примечательными явлениями Афганистана этого времени явились нараставшие год от года политизация армейских кадров, углубление размежевания в их среде по политическому признаку и установление тесных связей между военной и гражданской оппозициями режиму. Особенно это было характерно для молодых офицеров и унтер-офицеров, происходивших преимущественно из мелкобуржуазных слоев города и деревни, низших и средних прослоек интеллигенции и чиновничества.

Политизация афганской армии, а затем и ее выход на арену открытой политической борьбы были неразрывно связаны с теми процессами, которые развивались в стране во второй половине XX в. в условиях ее мучительной национально-буржуазной эволюции и развертывавшегося в обществе оппозиционного движения. Содержание этих процессов составлял целый ряд факторов и прежде всего усиление социальных и политических противоречий в обществе и пороки политической и экономической системы страны – ее вековая отсталость, нерешенность аграрного вопроса, нищенское положение подавляющего большинства населения, произвол и беззаконие властей сверху донизу, политическое бесправие широких народных масс, отчетливо наблюдавшееся на фоне декларированных в конституции 1964 года прав и свобод, острые национальные противоречия и религиозная рознь и пр.

Наряду с этим, были и другие, чисто внутренние, так сказать, армейские, факторы, обусловившие и ускорившие процессы революционирования афганской армии и политическое расслоение ее кадров. Среди данных факторов, прежде всего, следует назвать изменение социальных характеристик офицерско-

го корпуса Афганистана, особенно его младшего и среднего звеньев, происшедшее в афганской армии в 60-х годах в связи с осуществлением планов ее широкой реорганизации и технической модернизации.

Необходимо отметить, что еще во второй половине 50-х годов офицерский корпус Афганистана был представлен в основном выходцами из традиционных аристократических кругов. Офицеры-разночинцы в армейской среде составляли тогда незначительное меньшинство. В этих условиях династия, сохраняя монополию придворной аристократии и знати на офицерский корпус, полностью контролировала армию и обеспечивала в ее лице надежную себе классовую опору. Однако на рубеже 50-х и 60-х годов такое положение стало меняться коренным образом. И было это связано с тем, что правящие круги страны, предпринимая широкомасштабные меры по укреплению обороны Афганистана, столкнулись с необходимостью значительно увеличить в армии численность офицерского и унтер-офицерского состава. В соответствии с новой организационно-штатной структурой афганской армии, принятой в 1962 году, только молодых офицеров потребовалось несколько тысяч человек для укомплектования командных, штабных, инженерно-технических и других должностей. Для монархии это была далеко не легкая задача, если иметь в виду почти поголовную неграмотность населения страны и ее (монархии) желание во что бы то ни стало сохранить прежний, строго классовый отбор кадров офицеров.

Однако правящие круги уже не располагали достаточными возможностями, чтобы дать в армию из своих рядов такое количество молодых образованных людей как из-за своей численной ограниченности, так и, главное, в результате установившихся в то время среди элиты представлений о непрестижности военной карьеры. В условиях тогдашней афганской действительности только средние слои города и деревни являлись почти единственным и довольно емким, по масштабам Афганистана, резервом образованных юношей, удовлетворяющих потребностям армии. Впрочем, и в данной социальной среде армейская служба в целом не пользовалась большой популярностью.

Принимая во внимание указанные выше обстоятельства, правящая верхушка вынуждена была впервые после окончания Второй мировой войны прибегнуть к принудительному набору выпускников и старшеклассников средних общеобразовательных школ с целью ускоренной подготовки из их числа офицерских и унтер-офицерских кадров. В итоге в 60-70-х годах в афганской армии значительно увеличилось представительство средних социальных слоев. С этого времени типичной чертой афганского офицерства стало его отчетливое разделение на две социальные группы: представителей аристократии, непосредственно связанной с правящими кругами, и выходцев из средних слоев, глубоко недовольных своим социальным положением и самим фактом своего принудительного рекрутирования в армию.

Значительное увеличение представительства средних социальных слоев в офицерском составе имело важные политические последствия для афганской армии. Это нашло выражение в том, что в армейскую среду проникли и начали усиленно культивироваться характерные для средних слоев Афганистана того времени идеи вольнодумства и радикализма, критика общественных устоев, неприязнь к господствующей верхушке, сомнения в справедливости существовавших порядков.

Во-вторых, оснащение армии новой боевой техникой и вооружением поставило вопрос о необходимости коренной переподготовки офицерских кадров и подготовки новых категорий совершенно новых для Афганистана военных специалистов. Однако сделать это внутри страны не представлялось возможным из-за отсутствия нужной, да к тому же дорогостоящей, учебно-материальной базы, а также подготовленных и опытных педагогических кадров. Поэтому ежегодно сотни молодых офицеров и унтер-офицеров стали направляться на учебу за рубеж, в социалистические, развивающиеся и капиталистические страны.

Учеба и жизнь за границей позволили им невольно сравнить увиденное здесь с условиями своей страны, остро почувствовать ее технико-экономическую и общественно-политическую отсталость и вместе с тем прийти к осознанию настоятельной необходимости радикальных перемен в жизни своего народа. Часть молодых офицеров потянулась к изучению передовых идейных взглядов, пытаясь на их основе осмыслить проблемы развития своей страны и найти свое место в политической борьбе за переустройство общества. Некоторые из них, будучи за границей, начали обращаться к изучению и практическому заимствованию конкретного опыта участия армейского офицерства в ряде стран Востока в борьбе за национальное и социальное освобождение. Особенно им импонировал пример тайной египетской организации «Свободные офицеры» во главе с Гамаль Абдель Насером, тщательно подготовившей и блестяще осуществившей в 1952 году военный переворот. Афганским офицерам-разночинцам, по их признанию, наиболее близкими, понятными и поучительными представлялись прежде всего антимонархические, антифеодалные и антиимпериалистические аспекты в деятельности указанной организации. [280]

Пребывание афганских офицеров за границей имело и еще один, неизбежный результат для эволюции их политических взглядов. Жизнь за рубежом, прежде всего в социалистических странах, и личные наблюдения убеждали многих из них в лживости и преднамеренности антикоммунистического, антисоветского и других аспектов официальной пропаганды. На этой почве среди молодых офицеров-разночинцев росло недоверие к власти имущим и неприятие их политико-идеологических доктрин.

В-третьих, усилению процесса политизации молодых офицеров афганской армии и росту в их рядах антидинастийных взглядов и настроений способствовала также и принятая при монархии кадровая политика. В соответствии с ней на высокие командные и руководящие посты в войсках и центральном армейском аппарате выдвигались преимущественно представители крупных землевладельцев-малеков и торговцев, родоплеменной знати, влиятельного высшего чиновничества и духовенства. Что касается выходцев из средних социальных слоев и национальных меньшинств, то они находились, как правило, на низших ступенях армейской иерархии и имели крайне мало шансов занять в будущем какие-либо ответственные и высокие посты в армии, а в звании подняться выше звания полковника. Особой дискриминации в вопросах назначения на высокие и престижные посты подвергались те офицеры-разночинцы, которые получили образование в СССР и других социалистических странах. Хотя они и отличались высокой профессиональной подготовкой, однако правящая верхушка, не питая доверия к ним, всячески тормозила и сдерживала

их продвижение по служебной лестнице. Зато быструю армейскую карьеру делали те, кто проходил подготовку в Турции, США, Франции, Англии и обладали связями в кругах господствовавшей элиты, хотя их профессиональный уровень и был, как правило, гораздо ниже по сравнению с выпускниками советских вузов.

В такой обстановке данная, многочисленная по своему составу, группа офицеров стала понимать на основе личного опыта не только саму бесперспективность своей военной карьеры, но и социальные и политические корни этой бесперспективности, что не могло не вызывать в их среде настроений недовольства своим положением и критику несправедливости устоев власти.

В-четвертых, «новые» офицеры, призванные в ряды вооруженных сил в процессе их реорганизации и модернизации, направлялись преимущественно на укомплектование вновь формирувавшихся подразделений, частей и соединений – танковых, артиллерийских, ВВС и ПВО, инженерных, парашютно-десантных, связи и др. Таким образом в руках этой категории офицеров оказались наиболее мобильные, боеспособные и оснащенные современной техникой подразделения, к тому же дислоцированные, главным образом, в столице и ее окрестностях. Все это, вместе взятое, не могло не содействовать в будущем успеху их вооруженного выступления. Кроме того, большая концентрация «новых» офицеров в частях столичного гарнизона облегчала их контакты между собой и с политически активными кругами кабульской общественности, создавала благоприятные условия для организационного оформления их рядов.

В-пятых, хотя денежное содержание офицерского состава и было наиболее высоким по сравнению с другими государственными служащими и он пользовался многими материальными льготами и привилегиями, однако все это в 60-начале 70-х годов являлось недостаточным для обеспечения нужд офицерских, как правило, многодетных семей. Материальные затруднения порождали среди основной массы офицеров и унтер-офицеров настроения недовольности и недовольства своим положением. Правящие круги страны, стремясь ослабить указанное недовольство, несколько раз прибегали к увеличению денежного содержания офицерского и унтер-офицерского состава. Однако это не внесло каких-либо существенных изменений в материальные условия жизни упомянутых категорий военнослужащих из-за постоянно растущей дороговизны на продукты питания и предметы первой необходимости.

В-шестых, свою лепту в политизацию афганской армии вносили выпускники Кабульского университета и других высших учебных заведений страны, которые согласно Закону о всеобщей воинской повинности обязаны были в течение года проходить военное обучение в Школе офицеров запаса [281] и стажировку в войсках на унтер-офицерских и офицерских должностях. Они приносили в армейскую среду настроения недовольства существовавшим положением, недоверие к властям, дух вольнодумства и бунтарства, ставшие особенно характерными для довольно значительной части афганской студенческой молодежи во второй половине 60-начале 70-х годов. Они нередко становились в центре политических споров и дискуссий, происходивших в эти годы в среде офицеров и унтер-офицеров афганской армии. При этом, не будучи профессиональными военными, они меньше всего чувствовали себя связанными требованиями присяги и воинской дисциплины и поэтому их политические суждения, как правило, отличались смелостью, радикализмом и бескомпромиссностью.

В-седьмых, афганское офицерство и унтер-офицерство всегда волновала пуштунская проблема. Борьба за ее решение приобрела, как известно, особенно активный и острый характер в 1953-1963 годах, во время пребывания у власти премьера Мухаммада Дауда. Именно в эти годы среди большей части офицерского состава глубоко укоренились взгляды о необходимости разрешения указанной проблемы насильственными методами, а конкретнее – путем развертывания партизанской войны в зоне расселения зарубежных пуштунов. Однако после 1963 года пуштунская проблема в политике афганских правительств отошла на второй план, что вызвало широкое недовольство в армейских кругах страны. Это недовольство особенно усилилось в конце 1971 года, в период событий в Восточном Пакистане и вооруженного конфликта между Пакистаном и Индией. Дело в том, что националистически настроенные офицеры под грузом прежних взглядов по поводу решения пуштунской проблемы сочли сложившуюся в регионе обстановку крайне благоприятной для осуществления планов освобождения Пуштунистана и надеялись на соответствующие меры со стороны династии. Однако этого не произошло, что было расценено указанными афганскими офицерами, как предательство интересов афганской нации и в конечном итоге привело к укреплению в их среде антидинастийных настроений.

В-восьмых, огромное воздействие на умы передовой части афганского офицерства и унтер-офицерства оказывали социалистические идеи и борьба прогрессивных, национально-демократических сил в странах «третьего мира» за национальное и социальное освобождение. По влиянию названных факторов особенно быстро в Афганистане политизировались те военнослужащие, которые проходили подготовку в социалистических и развивающихся странах. Вернувшись на родину, они стали источником правдивой информации о происходивших в этих странах событиях и переменах и активными проводниками революционно-демократических идей в армии.

В-девятых, афганское офицерство всегда чувствовало и близко (хотя и далеко не однозначно, что касается его различных представителей) воспринимало развертывавшуюся в обществе классовую и политическую борьбу. Прямым следствием этого явились втягивание определенной части офицеров и унтер-офицеров в водоворот общественных движений и приобщение их к «политике», несмотря на официальные категорические запреты заниматься ею. Это неизбежно приводило к появлению в армейской среде различных течений и группировок, придерживавшихся тех или иных политических взглядов. Уже к середине 60-х годов среди них отчетливо выделялись: приверженцы конституционно-монархического строя; последователи крайне правых клерикальных кругов, выступавших за установление в стране теократической формы правления и возврата к средневековым порядкам; сторонники буржуазно-демократических преобразований в духе «мусульманского социализма» с ориентацией на страны капиталистического Запада; и, наконец, группировка леворадикальных элементов, придерживавшихся взглядов по глубокому переуст-

роюству общества на национально-демократических началах. [282]

Переход последних на позиции отрицания монархической системы и осознание ими практической необходимости установления в стране справедливых общественных порядков происходили особенно быстро начиная с 60-х годов и были тесно связаны с подобными процессами, имевшими место среди гражданской интеллигенции, а порой и опережали их. Передовая часть афганского офицерства к этому времени уже приходит к убеждению, что изменить существовавшее положение в стране можно лишь с помощью политической организации, которая взяла бы на себя сплочение национально-патриотических сил и руководство ими в борьбе против антинародного режима. Среди них были и молодые офицеры, группировавшиеся вокруг Мир Акбара Хайбара и при его непосредственном участии приобщавшиеся к изучению основ политических знаний.

Здесь уместно привести некоторые анкетные данные и личные качества этого незаурядного человека, много сделавшего для распространения левodemократических идей и взглядов среди прогрессивной афганской общественности и особенно для становления и руководства подпольной организации в вооруженных силах страны. М.А.Хайбар стал хорошо известен, прежде всего в армейской среде и в кругах студенческой молодежи, не только благодаря своим глубоким политическим знаниям и активному участию в их популяризации, но и своему непримиримому отношению к монархическому режиму. Его отличали глубокая идейная убежденность, трудолюбие и целеустремленность, скромность и простота в жизни, отсутствие какой-либо позы и дутого самомнения в отношениях с окружающими и соратниками по борьбе. Глубоко символично, что друзья любовно называли его «остад» (мастер, учитель). Это обращение и стало его подпольной партийной кличкой. [283]

М.А.Хайбар родился в 1925 году в провинции Логар (к югу от Кабула) в бедной крестьянской семье и с детства познал нужду, тяготы и лишения жизни. Это его социальное происхождение, наряду с другими личными качествами, значительно содействовало росту его авторитета и популярности среди прогрессивных кругов, особенно тех, кто происходил из социальных низов. Среднее образование он получил в Военном лицее. В 1947 году окончил пехотный факультет Военного училища в Кабуле и в звании лейтенанта был назначен преподавателем Полицейской академии. Через три года, в 1950 году, был арестован по подозрению в нелояльности к режиму и приговорен к шести годам тюремного заключения. Одновременно монархия жестоко расправилась с его семьей. Будучи в тюрьме, он встретился и близко познакомился с другим политическим заключенным – Бабраком Кармалем. Состоявшиеся между ними в тюремных казематах обмен мнениями и взглядами, обсуждение многих вопросов теории и практики революционной борьбы, в том числе и будущего Афганистана, стали для них важной политической школой.

После выхода на свободу в 1956 году М.А.Хайбар в течение почти десяти лет преподавал английский язык в Полицейской академии и одновременно проводил большую нелегальную пропагандистскую работу среди военной и гражданской интеллигенции, поддерживая при этом постоянные связи с Б.Кармалем и другими деятелями национально-демократического движения. В 1963 году М.А.Хайбар, вместе с М.Г.М.Губаром, А.М.Зохма, Н.М.Тараки, Б.Кармалем и другими, вошел в инициативную группу по подготовке создания политической партии. Хотя М.А.Хайбар по соображениям личной безопасности (как военный) не присутствовал на I Учредительном съезде НДПА, однако в знак признания его заслуг перед партией его место в зале заседания съезда символически обозначал специально поставленный стул. Некоторое время спустя за причастность к антиправительственному выступлению кабульского студенчества и представителей городских низов в октябре 1965 года он был сослан в Пактию, где провел два года. В 1967 году в связи с окончанием установленного афганским военным законодательством обязательного 15-летнего срока службы для кадровых офицеров он вышел в отставку в звании капитана и полностью посвятил себя деятельности профессионального революционера. [284]

В последующие годы он, являясь одним из лидеров НДПА (с 1967 года – член ЦК НДПА-Парчам), отвечал за организацию политической работы в вооруженных силах, а также среди рабочих столичных промышленных предприятий, где приобрел популярность как организатор первых касс взаимопомощи – прообразов будущих профсоюзов. М.А.Хайбар проводил большую разъяснительную работу среди студенческой молодежи в учебных заведениях Кабула, в частности в Кабульском политехническом институте, где нелегально читал лекции по основам философии и научного коммунизма.

Вернемся к деятельности молодой армейской оппозиции. Одними из первых своими мыслями и соображениями относительно создания тайной организации в армии поделились с М.А.Хайбаром в январе 1963 года младший лейтенант полиции Абдул Самад Азхар, за несколько месяцев до этого возвратившийся из Египта после учебы, и курсант Высшего военного училища Забиулла Зиармаль. [285] Следует заметить, что первоначально их представления об «организации» были еще довольно расплывчатыми и не конкретными. В частности, под «организацией» они понимали не что иное как общенациональную партию, куда входили бы и военные.

М.А.Хайбар высказал им полную поддержку и одобрил их предложение о встрече с Б.Кармалем для обсуждения данной проблемы. И вскоре, в конце января 1963 года, такая встреча состоялась в доме Б.Кармаля, который он снимал в районе Сарайи Газни (на западной окраине Кабула). На ней, кроме Б.Кармаля, присутствовали М.А.Хайбар, М.Барьялай (брат Б.Кармаля), А.С.Азхар и З.Зиармаль. В ходе беседы обсуждались вопросы о необходимости создания партии и ее характере, пути и способы привлечения в ее ряды прогрессивно настроенной молодежи и интеллигенции и меры по установлению связей с известными в стране и политически активными оппозиционными кругами (в частности, с семьей и соратниками Абдурахмана Махмуди и др.). На этой встрече пока еще не был поставлен и конкретно не обсуждался вопрос о создании тайной армейской организации. Стороны условились, что указанные военные в дальнейшем по всем интересующим их вопросам, соблюдая строжайшие меры конспирации, будут поддерживать связь с Б.Кармалем через М.А.Хайбара. Этому вполне благоприятствовала совместная работа М.А.Хайбара и А.С.Азхара в Полицейской академии, где первый, как уже указывалось, являлся пре-

подавателем английского языка, а второй – заместителем начальника учебного отдела и преподавателем криминалистики.

В рассматриваемый период в политической жизни Афганистана произошли существенные перемены. После ухода в отставку кабинета М.Дауда в марте 1963 года новое правительство М.Юсуфа пообещало внести определенные изменения в систему государственного управления. Данные маневры двора, призванные укрепить его позиции в стране, посеяли среди некоторой части политически активной афганской оппозиции иллюзии относительно возможности демократизации режима «сверху». Следствием этого явилось дальнейшее расслоение в ее рядах: одни стали возлагать надежды на правительство М.Юсуфа и отдавать ему свою поддержку, другие же, наоборот, не веря в радикализм нового кабинета, посчитали обстановку благоприятной для форсирования усилий по созданию политической организации.

Смена кабинета усилила также и брожение в армии. Это проявилось прежде всего в обострении борьбы между сторонниками М.Дауда, с одной стороны, и их противниками, группировавшимися вокруг маршала Шах Вали и его сына Абдул Вали, – с другой. Развернувшаяся борьба в связанных с династией армейских верхах не могла не отразиться на умонастроениях и поведении леворадикальных элементов в армии и не подтолкнуть их к активным действиям.

В апреле 1964 года группа молодых военных, в которую вошли, кроме А.С.Азхара и З.Зиармаля, Миркульхак Катра и Алем Висаль, [286] учитывая наметившуюся перспективу создания партии, пришли к решению незамедлительно приступить к формированию подпольной военной организации. Несколько позже к ним присоединились курсанты 3 курса факультета зенитной артиллерии Высшего военного училища Абдул Латиф Альзаф и Азизуррахман. Возглавил группу А.С.Азхар. Они договорились вплоть до завершения создания военной организации, по соображениям конспирации, никого из гражданских лиц, без каких-либо исключений, не ставить об этом в известность и одновременно без промедлений развернуть работу по выявлению в вооруженных силах сторонников и единомышленников, руководствуясь следующими требованиями: работу по созданию военной организации вести в глубочайшей тайне, соблюдая все меры предосторожности; моменту приема в организацию должна предшествовать кропотливая работа по изучению деловых, политических и личных качеств тех военнослужащих, которые проявляют интерес и симпатии к оппозиционным антимонархическим кругам и уже сами приходят к осознанию необходимости создания подпольной организации; на первых порах, чтобы избежать каких-либо провалов, привлекать в организацию своих родственников, земляков, соплеменников, соседей, коллег по службе, знакомых и т.п.

Проведя необходимую подготовительную работу, члены упомянутой выше группы 26 сомболя 1343 года (17 сентября 1964 года) собрались в парке дворца Дар-уль-Аман (западная окраина Кабула) на свое заключительное организационное собрание. На нем участники собрания без каких-либо дискуссий, так как все вопросы, связанные с организацией, были ими уже обсуждены и согласованы в предварительном порядке, приняли окончательное решение о создании тайной военной организации под названием «Армейская революционная организация» (АРО) и утвердили ее организационные, политические и идеологические принципы, а также ее руководящее ядро (в него вошли все участники собрания). Руководителем АРО путем тайного голосования единогласно был избран А.С.Азхар, а его заместителем – З.Зиармал. Собрание признало необходимым в самое ближайшее время разработать, обсудить и принять основные документы АРО – программу, устав и цели организации, [287] а также поручило руководителю АРО и его заместителю связаться с инициативной группой по созданию партии трудящихся Афганистана и известить ее об образовании Армейской революционной организации. Вскоре руководящее ядро АРО на своих встречах, проводившихся еженедельно по пятницам или четвергам, детально обсудило проекты указанных документов и единогласно приняло их. Чтобы исключить их возможную утрату и связанное с этим раскрытие организации, каждый из этих документов был исполнен в одном экземпляре и передан на хранение руководителю АРО.

После создания организации были упорядочены и заметно сокращены связи ее членов с политически активными гражданскими оппозиционными кругами, чтобы избежать подозрений со стороны властей. Вместе с тем, А.С.Азхар продолжал регулярно поддерживать контакты с М.А.Хайбаром, получая от него необходимую информацию о ходе подготовки к учредительному съезду партии.

В принятых АРО документах содержалась оценка международной и внутривнутриполитической обстановки, анализ расстановки классовых и политических сил в стране, обоснована насущная необходимость создания тайной организации в армии [288] и определено ее место и роль в революционной борьбе, а также изложены цели и задачи и организационные принципы построения АРО. [289]

В документах АРО (Программе и Целях организации) была выдвинута задача «свержения экономического и политического господства врагов обездоленных и угнетенных трудящихся масс» страны путем всесторонней и глубоко законспирированной «подготовки и осуществления вооруженного восстания». Предусматривалось, что в «революционном движении народа Афганистана» примут участие «рабочие, крестьяне, передовая гражданская и военная интеллигенция, мелкобуржуазные слои и национальная буржуазия». При этом решающая роль в победе указанных сил отводилась армии, которая, по замыслам авторов рассматриваемых документов, должна быть путем развертывания в ее рядах кропотливой политической работы «превращена из оплота антинародного режима в мощный оплот революционного движения народных масс Афганистана». В качестве ближайшей цели на первом этапе революции ставилась задача создания национально-демократического правительства, которое ориентировалось бы на некапиталистическое развитие страны, а в качестве конечной цели – задача построения социалистического общества. [290]

Создатели АРО на основе учета и взвешенной оценки социально-классовых, политических и профессиональных характеристик различных категорий военнослужащих афганской армии – рядовых, унтер-офицеров и офицеров – пришли к выводу, что «основным объектом их внимания», костяком тайной организации, ее активной силой в условиях афганской действительности 60-х годов XX в. могли быть только

офицеры и унтер-офицеры ввиду их длительного пребывания на военной службе (минимум 15 лет), грамотности и отсюда готовности понять и воспринять революционно-демократические идеи и взгляды, а также из-за своего определяющего места и роли в механизме функционирования различных звеньев армейского аппарата. Что касается солдатских масс, то они, как сказано в документе «Цели организации», «не могли на данном этапе борьбы стать объектом внимания организации» ввиду как их непродолжительного срока пребывания на военной службе (2 года), так и поголовной неграмотности и политической отсталости. Вместе с тем не исключалось, что при определенных условиях рядовой состав, представленный в своем подавляющем большинстве выходцами из беднейшего крестьянства и городских низов и испытывающий на себе гнет абсолютизма, нищету и лишения, может составить «основной элемент вооруженного восстания».

Армейская революционная организация, по замыслу ее организаторов, изложенному в Уставе АРО, являлась «добровольным союзом передовых борцов армии Афганистана», «авангардом революционеров в армии». Членство в АРО обуславливалось согласием с программой и уставом организации и борьбой за осуществление ее целей, верностью интересам народа Афганистана, активным участием в деятельности одного из звеньев организации и уплатой вступительного и членских взносов. Предусматривалось, что прием в организацию будет проводиться исключительно в индивидуальном порядке через ячейку, по рекомендации одного из ее членов и с согласия руководства АРО. Устав АРО определял также требования к личным, деловым и политическим качествам вступающего, права и обязанности члена организации, меры поощрения и взыскания.

В основу организационного строения и деятельности АРО были положены следующие принципы: «товарищеское доверие членов организации друг к другу во всех сферах ее жизни и деятельности; строгое соблюдение дисциплины и выполнение решений и указаний организации; назначение нижестоящих органов вышестоящими; свободное высказывание предложений и участие в обсуждении поставленных вопросов; подчинение меньшинства большинству». [291] Низшее звено АРО, ее основу, составляли ячейки, включавшие, как правило, до трех человек (в случае острой необходимости допускалось также создание ячейки в составе четырех человек). В целях конспирации члены ячейки не имели связи с вышестоящим звеном АРО. Поддержание такой связи возлагалось на секретаря ячейки или на связного, если он назначался. Какой-либо связи между «тройками» или «четверками» даже в рамках одного учреждения или подразделения не существовало.

Нельзя не заметить, что в документах АРО, наряду с бесспорными установками, содержались и явно ошибочные трактовки. В частности, в них делался вывод о том, что будто бы в условиях Афганистана 60-х годов «рабочий класс играет главную роль и составляет основную силу революции», [292] хотя, как уже подчеркивалось, рабочий класс этой страны в указанные годы находился еще в стадии формирования и практически не был готов к выполнению данной роли.

АРО была одной из первых тайных левых организаций, созданных в афганской армии в первой половине 60-х годов. Впоследствии с созданием Народно-демократической партии Афганистана АРО вошла в ее состав. Вопрос о признании АРО в качестве армейской партийной организации НДПА был окончательно решен зимой 1965 года (видимо, в феврале) на встрече А.С.Азхара с секретарем ЦК Б.Кармалем и М.А.Хайбаром. [293] На ней, кроме того, были рассмотрены вопросы дальнейшего укрепления подпольной организации в армии и активизации революционно-демократической пропаганды в армейской среде, уточнен порядок поддержания связи с руководством НДПА. С этого времени, по предложению Б.Кармала, организация стала называться «Армейской революционно-демократической организацией» (АРДО).

Деятельность АРДО с момента ее вступления в НДПА приняла более активный и целенаправленный характер. Одними из важных задач организации стали привлечение в ее ряды надежных и преданных идеалам партии военнослужащих и их идейно-политическое воспитание. При этом особое внимание уделялось выяснению и проверке в предварительном порядке личных, деловых, политических и других качеств каждого, кто предположительно мог бы войти в организацию, а именно: социального происхождения и идейных убеждений, слабых и сильных сторон характера, общественных связей и круга знакомств, служебного положения и отношения к службе, интереса к судьбе родины и решению ее проблем, уровня политического сознания, отношения к Советскому Союзу, монархии, политическим течениям и группировкам внутри страны, склонности к участию в активной политической борьбе, интереса к изучению политической литературы и т.д. Важное значение в организации придавалось собраниям ячейки. Они проводились регулярно, как правило, каждую неделю и посвящались в основном идейно-теоретической учебе членов организации.

В низовых звеньях организации, в процессе встреч и собраний вопрос о конкретной подготовке к вооруженному восстанию, по соображениям конспирации, не ставился. Один из бывших активных членов АРДО Абдул Ахад Разманда дал по этому поводу следующее объяснение: «Для нас важно было создать сплоченную и разветвленную тайную организацию, уберечь ее членов от провала, воспитать ненависть к монархическому режиму и таким образом обеспечить необходимые условия для ее выступления в подходящий момент. Выражения типа «свержение монархии», «вооруженное восстание» и им подобные мы в беседах между собой не употребляли».

В своей деятельности АРДО полностью руководствовалась политикой партии и указаниями ЦК НДПА (Парчам), а также регулярно отчитывалась перед ним о проделанной работе. Однако в текущих вопросах своей деятельности АРДО обладала известной самостоятельностью.

Нельзя не отметить, что монархические власти неоднократно нападали на след организации. К примеру, в 1963 году из Высшего военного училища были изгнаны за политическую нелояльность к режиму около 30 военнослужащих, в 1965 году несколько курсантов данного училища были схвачены по подозрению «в пропаганде социализма» и расстреляны без суда и следствия по приказу Абдул Вали, двоюродного брата и зятя короля, а в марте 1972 года арестованы несколько членов организации по обвинению в заго-

воре против короля. Были и другие подобные факты провалов как при монархии, так и при даудовском республиканском режиме, однако всякий раз ей удавалось избегать массовых разоблачений и значительных потерь.

Относительная неуязвимость тайной организации в армии объяснялась прежде всего ее весьма продуманной, глубоко законспирированной структурой, тщательным соблюдением мер предосторожности, а также тем, что молодая военная оппозиция имела своих людей во многих важных звеньях армейского и полицейского аппарата страны. Среди последних можно назвать А.С.Азхара, бывшего в 60-х годах начальником службы безопасности Кабульского международного аэропорта, а в 70-х годах – начальником штаба командующего силами безопасности министерства внутренних дел Республики Афганистан, Фарука Якуби, занимавшего пост начальника управления уголовного розыска, Мухаммада Анвара, руководителя подпольной организации в Кандагарском корпусе, являвшегося по должности после переворота 1973 года заместителем начальника контрразведки этого корпуса и др. В некоторых случаях для прикрытия организации и отвода подозрений возникавших в отношении ее членов, использовались также и родственные связи и знакомства в высших армейских кругах.

Создание и деятельность тайной организации в вооруженных силах могут быть, безусловно, отнесены к заслуге как руководства НДПА и прежде всего М.А.Хайбара, который по заданию ЦК партии непосредственно направлял ее работу вплоть до своей трагической гибели 17 апреля 1978 года, так и, разумеется, к заслуге руководящего ядра организации. Свидетельством этого является тот факт, что уже к началу 70-х годов молодые прогрессивно настроенные офицеры посредством кропотливой организаторской работы и леводемократической пропаганды среди личного состава, преимущественно среди младших офицеров и унтер-офицеров, смогли превратить ряд подразделений в столичных танковых бригадах, полку связи, батальоне «коммандос», артиллерийской бригаде и некоторых других частях в свою опору. Среди активистов АРДО, входивших в тот период в ее различные звенья, были армейские лейтенанты Файз Мухаммад (батальон «коммандос»), Нурульхак Олуми (Высшие офицерские курсы «А»), Абдульхак Олуми (Сержантская школа), Абдул Ахад Разманда [294] (Военная техническая академия), Голь Ака, Азиз Азем, Ахмад Али, Анвар, офицеры полиции Гулям Наби, Фарук Якуби и другие. Накануне апрельского вооруженного восстания 1978 года в АРДО, по словам З.Зиармаля, отвечавшего за работу в сухопутных войсках, состояло более 800 активных членов. Кроме того, имелось много сторонников и сочувствующих.

Армейская революционно-демократическая организация, однако, была, даже в рамках НДПА (Парчам), не единственной тайной леворадикальной организацией в вооруженных силах Афганистана. В частности, большую работу по созданию и укреплению партийных организаций в армии проводил Нур Ахмад Нур, [295] являвшийся в предреволюционные годы руководителем военного отдела ЦК НДПА (Парчам). Под его непосредственным руководством, к примеру, действовала, наряду с другими, военная организация партии в Кандагарском корпусе, насчитывавшая перед апрелем 1978 года более 60 активных членов и большое число сторонников (для сравнения: перед переворотом 1973 года в этой организации состояло около 20 человек). Офицеры – члены НДПА – занимали здесь многие ключевые посты, прежде всего в боевых подразделениях и штабах.

Параллельно с Парчам большую работу в армии проводило и другое, действовавшее самостоятельно, крыло НДПА – Хальк. Оно заметно расширило и усилило свое влияние среди военных в середине 70-х годов, когда со всей отчетливостью стали проявляться антидемократический внутри- и внешнеполитический курс М.Дауда и его стремление расправиться путем использования силы с левой оппозицией. Во главе военного отдела ЦК НДПА (Хальк) с 1973 года оказался Хафизулла Амин, использовавший впоследствии приобретенные им в среде военных влияние и связи, а также лично преданных ему лиц для осуществления своих амбициозных, преступных замыслов по захвату руководства в государстве и партии, для развертывания массовых репрессий и грубейших нарушений законности, дискредитации национально-демократического режима.

Деятельность НДПА (Хальк) по привлечению в ряды партии демократически настроенных офицеров и унтер-офицеров, созданию и укреплению армейской партийной организации началась в 1970 году, [296] то есть значительно позже, чем это сделали парчамисты, и развертывалась прежде всего в тех боевых частях и подразделениях, которые потенциально могли стать ударной силой вооруженного восстания, а именно: в танковых, мотопехотных, связи, артиллерийских, авиационных и т.п. Большое внимание при этом уделялось проведению идейно-политической подготовки партийцев и революционно-демократической пропаганде среди личного состава, а также осуществлению организационных подготовительных мероприятий, призванных обеспечить в нужный момент успех вооруженного выступления войск. Так, были разработаны и тщательно отрепетированы с офицерами – членами партии – несколько вариантов плана восстания. [297]

К апрелю 1978 года НЛПА (Хальк) удалось создать свою довольно сильную организацию как непосредственно в частях столичного гарнизона, так и в провинциях. К примеру, под ее полным контролем оказалось большинство батальонов и рот 4 танковой бригады, дислоцированной в Пули-Чархи (в 35 км к востоку от Кабула). В Кандагарском корпусе в ее военную организацию, руководство которой осуществлял член ЦК Абруррашид Арьян, входили более 200 офицеров, унтер-офицеров и солдат. [298]

Обе военные организации НДПА (Хальк и Парчам) и после восстановления в июле 1977 года партийного единства продолжали, по решению руководства партии, действовать самостоятельно. Однако, надо признать, какой-либо абсолютной обособленности в деятельности этих двух организаций ни в период подполья, ни во время проведения вооруженного восстания в апреле 1978 года не было, хотя, конечно, нередко и имели место случаи предвзятого отношения их друг к другу, взаимного непонимания и межкрыльевых трений. Но это ни в коей мере не мешало им поддерживать контакты между собой и выступать вместе, когда этого требовала обстановка.

В целом накануне апреля 1978 года в военных организациях НДПА насчитывалось от 2 до 3 тысяч че-

ловек. [299] Кроме упомянутых выше 4 тбр и Кандагарского корпуса, она имела своих членов и сторонников в 15 танковой бригаде, 88 артиллерийской и 99 зенитно-ракетной бригадах, 7 и 8 пехотных дивизиях, 32 бригаде, батальоне «коммандос» (все были дислоцированы в столице и ее окрестностях), Пактийском корпусе, гарнизонах Мазари-Шарифа, Баграма, Шинданда, Джалалабада, в штабе ВВС и ПВО и т.д. Многие офицеры – члены НДПА – занимали в это время ключевые командные и штабные посты в войсках. Среди них можно назвать начальника штаба и начальника оперативного отдела 4 тбр Мухаммада Рафи и Фатех Мухаммада, начальника штаба и заместителя командира по технической части 15 тбр Абдул Маджида и Нур Мухаммада, командиров батальонов 4 тбр Мухаммада Аслама Ватанджара [300] (см. о нем Приложение б) и Асадуллу Пайяма, командира 255 транспортного батальона Ширджана Маздурьяра, командира танкового батальона и командира зенитной батареи 8 пехотной дивизии Алауддина и Карима и др. Все это составило довольно значительную силу в руках НДПА. При относительной слабости государственных институтов режима М.Дауда левая оппозиция, используя свои военные организации и обеспечив совместное и организованное выступление находившихся под их контролем войск, могла вполне рассчитывать на успех в борьбе за власть, за свержение авторитарного режима. И это со всей убедительностью подтвердило апрельское вооруженное восстание 1978 года.

В начале 60-х годов в ВВС Афганистана возникла и действовала подпольная организация, получившая название «группы Максуди». В нее входили около 60 радикально настроенных военнослужащих, не связанных организационно с какими-либо гражданскими партийными структурами, однако близких по взглядам с НДПА. Среди организаторов и руководителей этой группы, кроме М.Максуди, были Абдул Кадыр, инженер Якуб, Джелалуддин, А.Васе, Хисамуддин, Фарук, М.Азиз и др.

Процесс политизации афганской армии и дальнейшего расслоения ее офицерства заметно ускорился после государственного переворота 1973 года, когда армия, выйдя из казарм, открыто вмешалась в политическую жизнь Афганистана на стороне национально-патриотических сил. Уже через год ряд активных участников данного переворота из числа военных, убедившись в неспособности правительства М.Дауда осуществить обещанные социально-экономические и политические преобразования в стране, создали подпольную организацию под названием «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА), в которую вошли преимущественно офицеры и унтер-офицеры ВВС, в том числе члены «группы Максуди». Ее возглавил полковник Абдул Кадыр. [301] (см. о нем Приложение б) Кроме него, в руководящее ядро организации вошли Абдул Хамид Мохтат, А.Сарвари, М.Кадыр, Акбар, Якуб, Джелалуддин, Ф.Кадыр и др. Организация поставила своей целью свержение режима М.Дауда путем подготовки и проведения силами армии вооруженного восстания. В идейно-политическом плане она стояла на позициях НДПА и поддерживала нелегальные связи с ее руководством, которые стали особенно активными после объединения партии в июле 1977 года. Вместе с тем, ОФКА все это время оставался организационно самостоятельным. Накануне апрельского восстания в его рядах состояло, по-видимому, не менее 600 человек.

В Афганистане в рассматриваемый период на нелегальном положении действовали и другие леводемократические группировки, в частности «Группа труда» («Кар»), «Революционная организация трудящихся Афганистана» (сокращенно – РОТА или САЗА), «Организация федаев трудящихся Афганистана» (ОФТА или САФЗА), «Революционное общество трудящихся Афганистана» (РОБТА) и др. Все они стремились привлечь в свои ряды также и военнослужащих. И это им удалось сделать: по ориентировочным данным, к 1978 году они имели среди военных несколько сот своих сторонников.

Среди некоторой части молодых офицеров – выходцев из мелкобуржуазных и полупролетарских слоев – в конце 60-70-х годах получили распространение левозэкстремистские взгляды, суть которых сводилась к крайне упрощенной и ошибочной трактовке социально-экономической и политической ситуации в Афганистане, призывам к открытой конфронтации и столкновениям с властями и абсолютизации при этом вооруженной формы борьбы, попыткам дискредитировать леводемократические силы, прежде всего НДПА. Левацкие элементы в армии, связанные с маоистской организацией Шоалеи джавид и ее группами, были, однако, немногочисленными и структурно не оформленными. Зачастую они действовали внутри леворадикальных армейских организаций, привнося в их ряды идейную незрелость и политический авантюризм.

Борьба за армию в Афганистане в предреволюционные годы развертывалась и «справа». Наиболее активно ее проводили группировка М.Дауда и афганские приверженцы «братьев-мусульман». Последние пытались, и безуспешно, найти себе опору прежде всего среди армейской верхушки – генералитета и старших офицеров, представленных выходцами из состоятельных консервативных кругов общества. Будучи организационно разрозненными и не оформленными, воинствующие исламисты в армии смыкались по многим вопросам в период до свержения монархии с той частью придворной аристократии, которая группировалась вокруг маршала Шах Вали и его сына генерала Абдул Вали, и получала от них негласную поддержку и покровительство. Для них были характерны ультрареакционность в подходе к решению внутренних социальных проблем, проповедь возврата к средневековым порядкам, крайняя враждебность к прогрессивным идеям и движениям и призыв к расправе с левыми силами страны, стремление к международной изоляции, ярый антикоммунизм. В число сторонников и единомышленников консервативно-клерикальных кругов, кроме высших военных чинов, входило, по признанию Г.Хекматяра, определенное число «правоверных унтер-офицеров». [302] Тем не менее, все они не смогли ни до, ни после переворота 1973 года составить сколько-нибудь существенного противовеса левой военной оппозиции.

Консервативная верхушка мусульманских богословов вместе с крупными землевладельцами-малеками, частью ханов племен и крупной буржуазии, бюрократической элитой, отстраненной от власти, крайне враждебно встретили установление в Афганистане в 1973 году республиканского строя и провозглашение некоторых буржуазно-демократических преобразований, усмотрев во всем этом угрозу своим экономическим и политическим интересам. Вскоре они перешли к активным действиям, целью которых было свержение правительства Дауда и создание теократического государства во главе с «праведным пре-

зидентом», избранным из среды духовенства. При этом исламские фундаменталисты основную ставку делали на своих последователей в армии. Они фактически поддерживали или приняли непосредственное участие и возглавили почти все антиправительственные заговоры и вооруженные мятежи, имевшие место в Афганистане в 1973-1976 годах. О масштабах вовлеченности афганского офицерства в антиправительственную деятельность клерикалов свидетельствует тот факт, что только за причастность к заговору в декабре 1973 года из армии было изгнано около 100 офицеров (см. об этом подробнее в главе 5).

Что касается М.Дауда, то он еще в 1953-1963 годах, будучи премьер-министром и одновременно министром национальной обороны, начал усиленно создавать себе опору в армейских кругах. В тот период он приобрел много своих сторонников, особенно среди старших офицеров. После ухода в 1963 году в отставку с указанных постов вокруг него сложилось руководящее ядро в составе восьми человек (генерал Абдул Карим Мостагни, полковник Гулям Хайдар Расули, полковник Гулям Сарвар, майор Мухаммад Сарвар Нуристани и др.), которое поставило целью путем заговора устранить скомпрометировавший себя королевский режим и спасти под новой, республиканской вывеской власть помещичье-буржуазного блока. К началу 70-х годов группировка сторонников М.Дауда в армии составляла не более 200 человек. Подавляющее большинство из них не имело в своих руках рот и батальонов. В этих условиях окружение М.Дауда вынуждено было искать поддержку у левой армейской оппозиции, располагавшей, как было показано выше, существенным влиянием и конкретной силой в войсках. Именно данная поддержка и явилась решающим фактором успеха в свержении монархии в июле 1973 года.

Следует иметь в виду, что распространенные выше течения и группировки, существовавшие в армейской среде Афганистана в 60-70-х годах, охватывали далеко не весь офицерский корпус. К ним не примыкала значительная часть офицеров, которых условно можно назвать «нейтралами». Это были в основном старшие и младшие офицеры, выходцы из мелкобуржуазных семей. Для данной группы офицеров были характерны аполитичность, беспринципность, индивидуализм, боязнь скомпрометировать себя связями с «неблагонадежными», карьеристские побуждения, всевозможные злоупотребления служебным положением. Не питая особых симпатий к монархическому и республиканскому режимам, они смотрели на военную службу лишь как на источник существования их, как правило, больших семей. Отличительной чертой поведения этих офицеров, является то, что они в случае возникновения «взрывных» ситуаций в армии и стране, руководствуясь исключительно личными интересами, могут встать на сторону любой из противоборствующих группировок и усилить ее, а точнее примкнуть к той из них, за которой они почувствуют шансы на успех. Именно так случилось в решающие моменты афганских событий 1973 и 1978 годов. На деле, как показала афганская армейская действительность, «нейтралы» всегда были и остаются крайне ненадежной опорой любого режима, особенно в критических ситуациях.

Итак, уже к началу 70-х годов «почва» в армейской среде Афганистана была существенно взрыхлена и довольно обильно засеяна разными идейно-политическими «семенами», в том числе и мятежного толка, всходы которых не заставили себя долго ждать. При всей многоликости идейного размежевания среди афганских военных наиболее политизированной и активной оказалась та, значительная по своей численности, часть офицерского и унтер-офицерского корпуса, которая примкнула к леводемократическим силам. Именно она предопределила исход политической борьбы: в 1973 году – свержение монархии, а в апреле 1978 года – ликвидацию авторитарного даудовского режима. Афганская армия в сложившейся в те годы обстановке, при слабости социальных и политических устоев тогдашних правящих кругов явилась практически единственной организованной силой, обеспечившей успех обоих антиправительственных выступлений.

ГЛАВА 3. ДРУГИЕ ОТРЯДЫ АНТИМОНАРХИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ: ИХ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

3.1 Либеральная и левозэкстремистская оппозиция и их печатные органы

Как уже говорилось, вторая половина XX в. была отмечена в истории Афганистана прогрессирующим обострением социальных противоречий. Это неизбежно приводило к борьбе между различными общественными и политическими силами, пытавшимися, каждая по-своему, решить вставшие перед страной экономические и политические проблемы.

В середине 60-х годов, наряду с леводемократическими организациями, все громче и решительнее начали заявлять о себе и другие течения и группировки: от крайне правых до крайне левых. Все они, не имея, как правило, достаточно сложившейся организационной структуры, группировались в основном вокруг частных (независимых) печатных изданий, появившихся в стране после принятия парламентом нового Закона о печати и утверждения его королем в сентябре 1965 года.

В период с 1966 по 1972 год в Афганистане выходило в общей сложности 33 частные газеты и журнала. [1] Одной из первых право на издание получила еженедельная газета «Вахдат» («Единство»). Ее первый номер увидел свет 7 февраля 1966 года (однако номер был датирован 21 января 1966 г. – М.С.). Издателем и главным редактором газеты являлся маулави Халь Мухаммад Хаста, а ее активными авторами были известный поэт, общественный деятель, ученый-филолог Гульпача Ульфат (в 1956-1963 годах он возглавлял Афганскую академию «Пашто толына»), Гулям Наби Чакнавард, Мухаммад Али Чупан, Хабибулла Рафи и др. Будучи лояльной существовавшему в стране конституционно-монархическому строю, «Вахдат» выступала с призывами обеспечить общественное единство, спокойствие и социальную справедливость на основе «классовой гармонии» и строгого соблюдения законов, которые, по идее ее авторов, должны были играть роль и стража прав и интересов всего населения, и регулятора отношений между различными слоями общества. В принятии и совершенствовании законов газета видела путь к «утверждению норм бытия и устойчивой идеологии», «установлению нормальных отношений между отдельными членами общества и между классами». [2]

Газета с горечью и озабоченностью писала о вопиющей отсталости страны и ее острых социальных проблемах: нищете, бездомности и невежестве населения, коррупции и взяточничестве, бюрократизме и беззакониях административно-государственного аппарата. Выход из тяжелого положения страны и народа ей представлялся в поощрении развития смешанной (государственно-частной) экономики, расширении национального промышленного и сельскохозяйственного производства, увеличении экспорта, упорядочении отношений между рабочими и работодателями, в решении аграрного вопроса путем «более четкого регулирования отношений между крестьянами-производителями и землевладельцами». При этом издатели «Вахдат» категорически отрицали использование каких-либо форм классовой борьбы и насилия, которые могли бы нарушить социально-классовое равновесие, резко осуждали «вредные течения», «подстрекательство народа против системы управления в государстве», «раздувание вражды». Они настойчиво апеллировали к передовой интеллигенции, призывая ее всеми силами содействовать «прогрессивному политическому процессу в Афганистане» на основе выработки «единой линии идеологической борьбы» и развития национальной идеологии, опирающейся на принципы единства и закона. В области внешней политики Афганистана газета всецело поддерживала официальный правительственный курс. [3] Идеи и взгляды «Вахдат» по совершенствованию в рамках закона существовавшей системы, однако, не получили в стране широкой общественной поддержки и газета, просуществовав менее полугода, вынуждена была прекратить свое издание из-за возникших финансовых трудностей.

Вслед за «Вахдат» в Кабуле стала издаваться на языке дари еще одна частная газета – «Пейаме эмруз» («Сегодняшняя весть»), первый номер которой вышел 9 февраля 1966 года (издатель – Гулям Наби Хатер, главный редактор – сначала полковник в отставке, хазарец по национальности Абдурауф Торкмани, а затем Мухаммад Тахер Мохсени). В противовес идеям «умеренности» и «классовой гармонии» в подходе к вопросам исправления и улучшения общественно-политической системы в стране, с которыми выступала газета «Вахдат», «Пейаме эмруз» высказывалась за широкое и активное участие населения во внутриполитической жизни, обличала социальные пороки, коррупцию и злоупотребления государственных должностных лиц, особенно из числа членов бывшего кабинета М.Юсуфа, подвергала критике правительственный курс премьер-министра М.Х.Майвандваля, выступала в защиту прав национальных меньшинств, за осуществление на деле конституционных прав и свобод граждан. Пожалуй, самым экстраординарным в газете были ее антиклерикальные публикации. Бросая прямой вызов богословам-ортодоксам, она на основе новейших научных данных развенчивала закостенелые религиозные догмы и подчеркивала, что религия не должна быть препятствием на путях прогресса страны. [4]

Такая направленность газеты не могла, естественно, устроить правящие и консервативно-клерикальные круги. Вопрос о «Пейаме эмруз» был вынесен на обсуждение Вулуси джирги, которая приняла решение расследовать деятельность ее издателей. 25 мая 1966 года, почти одновременно с запрещением газеты «Хальк», правительство приостановило издание «Пейаме эмруз», мотивируя свой шаг тем, что в связи с уходом в отставку главного редактора А.Р.Торкмани газета, оказавшись без руководителя, не может далее, согласно Закону о печати, функционировать. В действительности же это был не более, чем предлог. Главной причиной запрещения газеты явились ее оппозиционный, антиправительственный курс и антиклерикальные выступления. Летом 1966 года «Пейаме эмруз» возобновила свое издание, но под другим названием – «Пейаме ведждан» («Послание совести»). Ее издателем и главным редактором стал А.Р.Торкмани. Она, как и прежде, продолжала выражать взгляды критически настроенной демократической оппозиции. На ее страницах не раз печатались статьи Н.М.Тараки. В декабре А.Р.Торкмани и один из сотрудников газеты были привлечены к суду за публикацию, по мнению правительства, тенденциозных

материалов о происшедших накануне в Кабуле демонстрациях. [5] Идеи и взгляды «Пейаме эмруз» выражала также газета «Саба» («Завтра»), издававшаяся с 8 мая 1968 года Гулямом Наби Хатером.

Однако ни «Вахдат» и ни «Пейаме эмруз» (как и ее преемницы) не приобрели широкой популярности среди афганской читающей аудитории. В отличие от них заметным явлением общественно-политической жизни Афганистана 60-70-х годов стало, кроме левых газет «Хальк» и «Парчам», издание независимых газет «Афган меллят», «Мосават», «Шоалеи джавид», «Караван», «Гахидз» и некоторых других. Все они, выступая с отличными друг от друга идейно-политическими платформами и представляя интересы различных социально-классовых слоев и групп населения, активно стремились в общенациональном масштабе сплотить вокруг себя своих единомышленников и заложить первые камни в фундамент формировавшихся политических организаций и группировок.

Еженедельная газета «Афган меллят» («Афганская нация») начала издаваться с 5 апреля 1966 года инженером Гулямом Мухаммадом Фархадом, бывшим в то время президентом департамента энергетики, а впоследствии мэром Кабула. Ее главными редакторами являлись Кодратулла Холад, затем Набиулла Рафи и снова К.Холад. Стронники «Афган меллят» называли себя «социал-демократами», а свою организацию – «Джамиате сосиал демократ» («Социал-демократическое общество») или «Афган сосиал демократс» («Афганские социал-демократы»). Их лидером и идеологом вплоть до своей смерти являлся Г.М.Фархад («папа Фархад», как его называли его приверженцы). На формирование его эклектических взглядов оказала воздействие учеба в 30-х годах в фашистской Германии.

Идейно-политическое кредо «Афган меллят» было изложено в редакционной статье ее первого номера, где говорилось об «острой необходимости выявить и ликвидировать элементы упадка афганской нации», возрождения и упрочения «афганского национального духа», «афганского духовного величия», «высоких целей и интересов афганства». [6] «Дух афганства» объявлялся исключительным источником социального прогресса, материального и духовного расцвета нации и государства. Выступая с крайних националистических позиций, идеологи «Афган меллят» призывали придать языку пушту статус общенационального языка и более того «соединить все народы, расы и племена Афганистана в одну нацию, а традиции и социально-правовые факторы, составляющие их материальную и духовную жизнь, – в одну культуру». [7] Проповедь афганского (пуштунского) национализма как единственного пути решения всех проблем страны дополнялась в «Афган меллят» геополитической идеей создания «Великого Афганистана» в границах империи Ахмад-шаха Дуррани, существовавшей непродолжительное время во второй половине XVIII в. С идеей «Великого Афганистана» смыкались и подходы афганмеллятовцев к решению пуштунской проблемы. В противовес официальному курсу о предоставлении зарубежным пуштунам права на самоопределение «Афган меллят» требовала для них национальной независимости и создания свободного Пуштунистана. [8] В целом занимая антиимпериалистические позиции, газета решительно выступала против усиления в стране иностранного (западного) влияния.

«Афган меллят» не обходила молчанием и острые социальные проблемы, волновавшие афганское общество. Однако она не смогла выдвинуть сколько-нибудь существенную программу их решения, ограничившись лишь общими декларациями, вроде искоренения в органах власти взяточничества и продажности, ликвидации нищеты, безработицы и несправедливости в обществе, предоставления земли безземельным крестьянам, запрещения ввоза в страну предметов роскоши, введения прогрессивного подоходного налога и т.п. [9] Не вносила ясности в раскрытие социально-экономической программы «Афган меллят» и выдвигавшаяся ею идея так называемого «национально-демократического социализма». Суть этой идеи фактически свелась к голой констатации того, что ее основу должны были составить конституционно-монархический строй и создание демократического общества. [10]

Одной из «проходных» тем «Афган меллят» была критика высокопоставленных должностных лиц. Они обвинялись в коррупции, злоупотреблениях властью и других прегрешениях. Нередко доставалось на орехи и членам кабинета М.Х.Майвандваля, а также его Партии прогрессивных демократов (ППД). Некоторые зарубежные историки-афганисты склонны считать, что такое повышенное «внимание» к правительству и ППД объяснялось прежде всего неприязненным отношением лично издателя «Афган меллят» Г.М.Фархада к М.Х.Майвандвалю, которое сложилось еще тогда, когда первый занимал пост президента департамента энергетики, а второй был премьер-министром. [11] В ряду многих публикаций на эту тему большой резонанс в обществе вызвала статья газеты от 25 апреля 1967 года, озаглавленная «Являются ли шпионами государственные служащие?». Поскольку в ней представители госаппарата обвинялись в связях с ЦРУ, вопрос был вынесен на обсуждение Вулуси джирги. Хотя в парламенте обвинение не получило документального подтверждения и не было поддержано, однако М.Х.Майвандвалю и членам его кабинета, присутствовавшим при обсуждении на заседании Вулуси джирги, пришлось пережить немало неприятных минут. Из-за данной скандальной статьи газета «Афган меллят» решением правительства была закрыта на девять месяцев. Ее издание возобновилось лишь 20 февраля 1968 года, то есть уже после ухода в отставку правительства М.Х.Майвандваля. Газета вновь была закрыта 6 февраля 1972 года в связи с резкой критикой правительства А.Захира по вопросу о Пуштунистане.

Примерно на таких же позициях стояла и газета «Меллят» («Нация»), выпускавшаяся с 25 сентября 1971 года по 10 января 1972 года отколовшейся от «Афган меллят» группой деятелей правого крыла пуштунских националистов. Ее издателем и главным редактором был Феда Мухаммад Федаи, а активными авторами – Надир Хассас, Рахмат Зафар Алькозай, Г.Джалальзай. Причиной запрещения издания газеты, как и «Афган меллят», явились ее антиправительственные публикации по пуштунской проблеме.

Борьба идей, взглядов и платформ среди политически активной афганской общественности приняла особенно острый и жаркий характер после выхода в свет в начале апреля 1966 года газеты «Хальк» и опубликования ею Демократической программы Хальк. Прямым вызовом данной газете и ее программе явилось издание с 11 мая газеты «Мардом». Ее издателем стал известный художник и литератор Сеид Мо-

каддас Негах, а главным редактором – Гулям Мохиэддин Тафвиз. Цель издателей «Мардом» – конфронтация с идеями и взглядами «Хальк» – раскрывалась не только содержанием их программных установок, но и такими деталями-противопоставлениями, как название газеты (в переводе с дари «Мардом» означает «народ» с оттенком «все люди»), цветом названия газеты (как уже указывалось, название газеты «Хальк» печаталось в красном цвете, а «Мардом» – в почитаемом для мусульман зеленом; этим подчеркивалась приверженность издателей исламским ценностям), подзаголовком названия газеты (у «Хальк» в подзаголовке стояли слова «Выразитель народно-демократических взглядов», а у «Мардом» – «Орган подлинных чаяний народа») и даже названием программных материалов (у «Хальк» – «Демократическая программа Хальк», а у «Мардом» – «Демократические чаяния народа»).

Уделяя в своих публикациях большое внимание социальным проблемам и признавая наличие в афганском обществе классов и классовых различий, «Мардом» считала недопустимой и даже преступной классовую борьбу и «любую мысль о революции», как противоречащих принципам «исламизма» и «афганизма», и призывала все слои и группы населения к сотрудничеству и союзу в рамках конституции и на принципах национализма. [12] Путь к прогрессу и возрождению страны газета предлагала искать не «в истории социалистической революции или капиталистического развития», а в «исторической исключительности» афганского общества, «особенностях афганской нации» и решительном отказе от «слепого использования враждебных идеологий». При этом, следует заметить, авторы «Мардом» не отрицали необходимости использования опыта других стран с учетом специфики развития Афганистана для преодоления его экономической отсталости. Идеологи газеты, ратуя за «классовую гармонию» в обществе, требовали в духе воинствующего национализма «очистить страну от внутренних вредителей», устранить расовые, племенные и классовые различия», «укрепить национальный дух» и в соответствии с принципом «Афганистан – для афганцев!» исключить всякое идеино-влияние извне, в том числе и со стороны великих держав, и защитить таким образом национальные традиции, культуру и религию Афганистана. Во внешнеполитическом плане они выступали за полный нейтралитет страны в мировых делах. [13]

Публикации «Мардом», несмотря на ее отдельные критические высказывания в адрес властей, в целом находили одобрение и поддержку в правящих кругах страны. Однако в афганском обществе ее программные установки, носившие в основном лозунговый характер, не получили сколько-нибудь заметной популярности и признания, хотя и не остались без внимания со стороны радикально настроенной демократической прессы. В частности, в газетах «Хальк» и «Пейае эмруз» появился ряд статей, в которых в острой полемической форме рассматривались идеи и взгляды «Мардом» и подчеркивалась их утопичность, неприемлемость и реакционность. «Мардом» просуществовала немногим более одного месяца и была закрыта в связи с исчезновением причины ее появления – запретом газеты «Хальк».

Во второй половине 60-х годов, в условиях ускорившегося роста и укрепления элементов капитализма в экономике Афганистана и появления первых признаков кризиса монархии в движение пришли различные прослойки национальной буржуазии, либерально настроенная часть правящих кругов и представители элитарной интеллигенции. Они группировались вокруг независимых, частных газет, как-то: «Мосават» («Равенство»), «Караван», «Джабхайи мелли» («Национальный фронт»), «Пактика», «Эттехаде мелли» («Национальный союз»), «Рузгар» («Время»), «Афган», «Афкаре нау» («Новые взгляды»), отчасти «Хайбар», упоминавшейся выше «Афган меллят» и некоторых других. Их идейно-политические и социальные программы, несмотря на определенные различия между ними, были в целом ориентированы на национально-буржуазное развитие страны, в основу которого должны были быть положены принципы национализма (а у некоторых группировок – и пуштунского шовинизма), религии, социального эгалитаризма и буржуазной демократии при сохранении существовавшего в Афганистане конституционно-монархического строя.

Среди названных выше национально-буржуазных группировок наиболее идейно и политически заметной являлась Партия прогрессивных демократов, основы которой были заложены еще в 1965 году тогдашним премьер-министром Мухаммадом Хашимом Майвандвалем. Ее печатным органом стала газета «Мосават», издававшаяся с января 1967 года (в литературе по Афганистану нередко ППД называют группировкой «Мосават»). Издателями газеты последовательно были Абдушакур Рашад и Мухаммад Шариф Айюби, а главными редакторами – Мухаммад Рахим Эльхам и Абдул Гани Майванди. В газете активно сотрудничали Модаккак М.Камель, Моманд, Абдурауф Бенава и другие. Узловые программные установки ППД были изложены премьер-министром М.Х.Майвандвалем в августе 1966 года в его речи по случаю празднования Дня независимости. [14] В ней он заявил о намерении бороться за «создание свободного и прогрессивного общества», «против нищеты, болезней, неграмотности, социальной несправедливости и остатков феодализма», «против деспотизма и реакции» в соответствии с нормами «ислама, конституционно-монархического строя, национального чувства, демократии и социализма». [15] Позднее газета «Мосават», раскрывая содержание этих пяти элементов как основы идейно-политической платформы «прогрессивных демократов», писала: «Ислам – это основа нашего мировоззрения; конституционная монархия – гарантия национального суверенитета; национализм – отражение исторических реальностей; демократия – наш путь развития; социализм – наша цель построения прогрессивного общества, живущего единими интересами». [16]

Необходимо подчеркнуть, что намерение бороться за утверждение в афганском обществе демократических ценностей и социальной справедливости для «трудовых обездоленных классов» составляло ключевое звено в программных лозунгах «прогрессивных демократов». При этом идеологи «Мосават» исходили из того, что в стране существуют антагонистические социальные противоречия и в принципе два противоположных класса – «друзья» и «враги». К первому из них они относили всех тех, кто страдал от произвола и эксплуатации, а ко второму, «паразитическому классу», – ханов племен, крупных землевладельцев, ростовщиков, торговцев-компрадоров, капиталистов, коррумпированную бюрократию. «Прогрессивные де-

мократы», принципиально отвергая насилие как средство решения общественных проблем, считали, однако, что ликвидировать классовые противоречия и эксплуатацию людей труда и «построить здание свободы и подлинного равенства» следует не посредством классовой борьбы и насильственной революции, а только мирным, законным путем или, другими словами, через «молчаливую», «законную» революцию. [17]

Декларируя программу умеренной эволюции в рамках закона и парламентской демократии как путь универсального решения общественных проблем страны, [18] ППД и ее сторонники особое значение придавали укреплению надстроечных структур государства: созданию парламентского режима власти, обеспечению плодотворного сотрудничества трех ветвей власти (исполнительной, законодательной и судебной), совершенствованию административно-управленческого аппарата и очищению его от извечных пороков – коррупции, взяточничества, вымогательств, злоупотреблений властью и т.п. Не оспаривая идею о введении в стране многопартийной системы, они тем не менее ставили своей целью «ограничить действия экстремистских элементов», понимая под этим прежде всего левые силы. [19]

В социально-экономической области М.Х.Майвандваль и его единомышленники заявили о приверженности политике «руководимой смешанной экономики», провозглашенной еще М.Юсуфом, предшественником М.Х.Майвандваля на посту премьер-министра. При этом лидер «прогрессивных демократов», излагая экономическую программу своего правительства и ППД в упомянутой выше августовской (1966 г.) речи, обещал уделить первостепенное внимание развитию легкой промышленности как основы первого этапа индустриализации страны, повышению роли государственного планирования в активизации деятельности госсектора и частного капитала, поощрению ремесленного производства и кооперативного движения, расширению кредитной системы, внесению изменений в налоговую систему «в духе социальной справедливости», предоставлению таможенных льгот частному предпринимательству, увеличению объема экспорта традиционных для Афганистана товаров (каракуля, шерсти, хлопка, ковров и др.). [20] В дальнейшем эта программа была дополнена требованиями национализации внешней торговли, банков, рудников, энергетических и промышленных объектов, а также проведения в стране культурной революции. [21] В крестьянском вопросе «прогрессивные демократы» пошли заметно дальше некоторых других национально-буржуазных группировок. Признав существование в афганской деревне пережиточных феодальных форм эксплуатации крестьян со стороны землевладельцев (по выражению М.Х.Майвандваля, – «паразитического класса») и, как следствие этого, «социальной неустойчивости в стране», они предложили провести аграрную реформу, предусматривавшую незначительное ограничение земельной собственности, пересмотр условий земельной аренды, наделение крестьян землей из государственного земельного фонда, создание государственных ферм и крестьянских сбытовых и потребительских кооперативов, помощь крестьянам семенами, сельскохозяйственным инвентарем и удобрениями. Вместе с тем ППД не выдвигала задачу ликвидации в Афганистане феодально-помещичьего землевладения. [22]

В программных лозунгах и публикациях «Мосават» постоянно присутствовала тема социализма. Под социализмом «прогрессивные демократы» понимали общество социальной справедливости и равенства, общество подлинной, «народной», демократии. Они считали, что к нему неизбежно придут эволюционным путем все народы, в том числе и промышленно развитых капиталистических стран. Что касается развивающихся стран, включая и Афганистан, то они, по мнению идеологов ППД, из феодализма «сразу шагнут в социализм», так как в них острее всего проявляются общественные противоречия из-за огромного разрыва в положении имущих и неимущих классов и сильнее всего сказывается влияние социалистических идей. [23]

М.Х.Майвандваль и его сторонники, выражая прежде всего взгляды либерально настроенной части правящих кругов, стремились создать правительственную партию, которая могла бы сплотить вокруг себя и примирить представителей различной политической ориентации. Именно этой цели должна была служить программа партии, эклектически соединившая широкий набор идей, взглядов и лозунгов – от клерикальных, националистических до социалистических. Организационные основы Партии прогрессивных демократов были изложены в проекте ее Устава, опубликованном в газете «Мосават» 1 и 15 февраля 1967 года (то есть тогда, когда ее лидер М.Х.Майвандваль занимал еще пост премьер-министра Афганистана). Следует, однако, признать, что данный замысел по созданию партии не был подкреплен со стороны ее организаторов кропотливой практической работой. Сказалось и то, что ее социальная база оказалась слишком узкой и притом довольно пестрой с идейной и политической точек зрения. В итоге после ухода в отставку кабинета М.Х.Майвандваля 12 октября 1967 года деятельность ППД ограничивалась в основном идейно-теоретическими изысканиями в ущерб ее практической деятельности. В ходе последующих бурных событий афганской истории Партия прогрессивных демократов, оставаясь по-прежнему численно небольшой группой, не сумела сохранить себя как организацию и сошла с арены общественно-политической борьбы, а судьба ее лидера М.Х.Майвандваля оказалась весьма трагической. Их печатный орган – газета «Мосават» – просуществовала до конца 1971 года.

В марте 1968 года, вслед за газетой «Парчам», в Кабуле стала издаваться газета «Садаи авам» («Голос масс») – печатный орган одноименной политической группировки. Ее издателем и главным идеологом был депутат Вулуси джирги д-р Абдул Карим Фарзан, а главным редактором – Мухаммад Ареф Ханифи. Общественно-политическая позиция газеты была сформулирована в ее подзаголовке – «Орган великих идей и чаяний трудовых демократических масс». «Садаи авам», поставив своей целью «борьбу за права угнетенного трудового народа Афганистана», подвергала критике существовавший общественный строй, экономически и политически господствовавшие в стране классы, показывала тяжелые жизненные условия и бесправное положение трудящихся масс города и деревни, обличала социальные неравенство и несправедливость. Избавление от нищеты, бед, страданий и бесправия трудовых слоев населения и отсталости страны газета видела в «передаче политической и экономической власти народу на основе волеизъявления трудящихся» и создании национально-демократического правительства, выборе некапиталисти-

ческого пути развития и проведении социально-экономических реформ, в том числе и аграрной реформы, национализации внешней торговли, банков и страхового дела, расширении и укреплении государственно-го сектора, создании кооперативов, отмене налогов на малоимущие слои населения города и деревни, повышении жизненного уровня простого народа, расширении системы здравоохранения и образования, обеспечении социальной защиты трудящихся через создание профсоюзов и конфедераций рабочих, крестьян и других категорий граждан, борьбе за гуманистические идеалы и т.д. Раскрывая детали своей радикальной программы, авторы «Садаи авам», однако не предлагали конкретных форм, средств и методов борьбы за ее реализацию, хотя, впрочем, и заверяли в своей приверженности законной и легальной деятельности. [24] В целом по своим идейным взглядам «Садаи авам» была близка к газетам «Хальк» и «Парчам». Вокруг нее объединялась относительно небольшая группа представителей мелкобуржуазной, демократически настроенной интеллигенции и государственных служащих. Несмотря на свою малочисленность, они на парламентских выборах 1965 года провели в нижнюю палату несколько своих членов во главе с д-ром А.К.Фарзаном и вместе с депутатами от НДПА образовали в Вулуси джирге фракцию демократического меньшинства. Газета «Садаи авам» просуществовала неполных три месяца и после выхода в свет 17 номера была закрыта в связи с уходом в отставку ее главного редактора, однако политическая деятельность ее сторонников (особенно среди студенческой молодежи и чиновничества столицы) на этом не прекратилась.

В 60-х годах среди радикально настроенной мелкобуржуазной интеллигенции и чиновничества Афганистана и особенно среди столичной студенческой и учащейся молодежи получили распространение левозэкстремистские взгляды и идеи. Первоначально центром притяжения для этих элементов явился кружок по изучению революционной теории, во главе которого стояли члены популярной среди радикалов-разночинцев семьи Махмуди – д-р Абдурахим Махмуди и д-р Абдул Хади Махмуди (соответственно брат и племянник д-ра Абдурахмана Махмуди). После неудавшейся попытки создания партии «Объединенный национальный фронт Афганистана» и распада комитета по ее организации, в который входил в числе других и д-р Абдурахим Махмуди, его сторонники-студенты Кабульского университета осенью 1965 года в разгар студенческих волнений создали «Организацию прогрессивной молодежи», получившую позже название «Джарйане шоалеи джавид» (Движение «Вечное пламя»). Социальный состав его участников был довольно пестрым и представлял как выходцами из полупролетарских и мелкобуржуазных слоев, так и из состоятельных семей. Что касается национальной принадлежности, то в их рядах преобладали представители национальных меньшинств, прежде всего хазарейцы, ядро которых во главе с братьями Садеком Яри и Акрамом Яри, принадлежавшими к влиятельному семейству Чокри, составляло в Шоалеи джавид ее наиболее экстремистскую часть. [25] Широкое представительство в организации хазарейского элемента явилось следствием не только давно накопившегося «бунтарского» заряда среди данного этноса на почве его глубокого недовольства своим социальным и национальным неравенством и униженностью, но и проникновением и деятельностью в его рядах китайской агентуры, избравшей Хазараджат в качестве полигона для подтверждения маоистской доктрины «народной войны». Здесь следует заметить, что в первое время существования упомянутой организации в ее идейных позициях и деятельности не находили какого-либо заметного проявления ультрареволюционные воззрения и лишь спустя несколько лет, под влиянием маоистской пропаганды и усиления советско-китайской идеологической конфронтации ее левозэкстремистская, маоистская ориентация стала определяющей.

Печатным органом организации была еженедельная газета «Шоалеи джавид» («Вечное пламя»), выходившая в Кабуле на языках дари и пушту с 4 апреля по 10 июля 1968 года. В ее подзаголовке указывалось, что она является «Органом новой демократической мысли» (в связи с этим члены данной политической группировки называли себя «новыми демократами»). Издателем и главным редактором газеты был д-р Абдурахим Махмуди, а ее активными авторами – д-р Абдул Хади Махмуди, инженер Мухаммад Осман (Ланди), Абдулла Махмуди, Васеф Бахтари, Асад и другие.

Программные установки «Шоалеи джавид» в их общих чертах были изложены в статье Абдурахима Махмуди «Цели нашего издания», опубликованной в первом номере газеты. Говоря о предназначении газеты, ее издатель указал, что она призвана всесторонне и глубоко раскрыть причины отсталости страны и бедственного положения ее населения, ознакомить с этими причинами народ и повести его «по пути решительного и последовательного освобождения на основе новой прогрессивной идеологии нашей эпохи» (имелся в виду марксизм. – М.С.). В числе основных задач движения А.Р.Махмуди называл: 1) в национальном вопросе – достижение «подлинного экономического, политического, общественного и культурного равенства всех национальностей и национальных меньшинств»; 2) в международной сфере – «поддержку национально-освободительных движений народов» и разоблачение «всех интриг, преследующих цель представить эти движения как опасность для дела мира»; 3) в области экономики – борьбу против вовлечения афганской экономики на путь полукOLONИАЛЬНОГО развития и открытие пути «к становлению подлинной независимости национальной экономики»; 4) в области культуры – борьбу «против отжившей феодальной культуры и влияния порочной культуры колониализма», сохранение «культурного наследия трудового народа под сенью новой культуры современной эпохи»; 5) в идеологической области – «ознакомление масс с передовой идеологией» и борьбу «с различными идеологическими отклонениями как на национальном, так и международном уровнях». Касаясь проблемы Пуштунистана, автор статьи ушел от ответа на вопрос о путях ее решения и лишь туманно констатировал, что «правящий класс, держащий в цепях собственный народ, никогда не сможет освободить от цепей другой народ». [26]

Одним из первых вопросов, которые стали предметом анализа на страницах «Шоалеи джавид» (как, впрочем, в это же время и в газете «Парчам»), был вопрос о классовом составе афганского общества и характере социально-классовых отношений в стране. Наиболее полно он был раскрыт в статье М.Османа «Взгляд на современные классовые отношения в нашем обществе», опубликованной в двух номерах газе-

ты за 4 и 11 апреля 1968 года. По его взглядам, Афганистан того времени «с экономической точки зрения являлся полуколониальной страной», в которой в основном господствовал «феодальный способ производства». Отталкиваясь от этой посылки и характеризуя классовую структуру афганского общества в соответствии с маоистской идеологической схемой, он делил общество на эксплуататоров (купцы-компраторы и помещики), производителей (рабочие и крестьяне) и так называемый «средний класс», куда относил мелких чиновников и торговцев, интеллигенцию, средних землевладельцев, ремесленников, национальную буржуазию. Купцы-компраторы и помещики, причислявшиеся им к «внутренним врагам», делились на «бюрократов» (то есть тех, кто находился на службе в государственном аппарате) и «небюрократов» (всех остальных). «Производительные классы» подразделялись, в свою очередь, на три группы: «угнетенных» (сюда относились те, кто не владел никакими средствами производства; под ними понимались, видимо, рабочие и батраки); «полуугнетенных» (те, кто владел примитивными средствами производства, как-то: ремесленники, кустари, мелкие торговцы) и крестьянство – «главный производитель богатств». [27] Идеологи «Шоалеи джавид» рассматривали крестьянство, составлявшее большинство населения страны, как главную движущую силу революционного движения, как класс-гегемон, способный сплотить вокруг себя «угнетенных» и «средний класс», повести их за собой в борьбе против империализма и феодализма и «довести освободительное, демократическое движение до его конечных и действительных целей», то есть социализма. [28]

Афганские ультралевые, выдвигая задачи захвата политической власти, ликвидации существовавшего строя и создания справедливой общественной системы, ориентировались исключительно на использование силы и насилия в политической борьбе и отвергали другие, «мирные» формы и средства борьбы, в частности участие в парламентской деятельности, называя ее «обманом трудящихся масс». Хотя они и говорили о намерении бороться за создание правительства национальной демократии, однако мыслили его без участия представителей национальной буржуазии, что на деле означало не что иное, как отказ от идеи национальной демократии. [29]

Идейные и политические установки группировки Шоалеи джавид не были пустыми декларациями. Она активно включилась в политическую борьбу, провоцируя при этом столкновения с властями и используя нередко силу против своих идейных противников. Уже в середине июня 1968 года ее лидеры организовали у столичного кинотеатра «Памир» массовый митинг с участием рабочих завода «Джангалак» и городских жителей, преимущественно хазарейцев. Митинг закончился столкновениями с полицией и жандармерией, в ходе которых несколько рабочих были убиты. За провоцирование беспорядков были арестованы и приговорены судом к различным срокам тюремного заключения (от шести месяцев до 13 лет) 14 членов организации, в том числе М.Осман и А.Хади Махмуди. Вслед за этим были арестованы еще шесть ее сторонников. В итоге группировка Шоалеи джавид была обезглавлена. Правда, часть активных деятелей организации (д-р Абдулла, Сефи, Азим Махмуди, Тахер Мохсени, Наджиб и др.) уже в декабре этого же года были выпущены из тюрьмы Димазанг. Однако ее главные руководители остались за решеткой. Через месяц после их ареста была закрыта и газета «Шоалеи джавид».

Трагические последствия акций открытого политического авантюризма и репрессий властей против Шоалеи джавид вызвали в рядах организации и среди ее сторонников недовольство деятельностью «семьи Махмуди» и раздоры по поводу, главным образом, тактики и форм борьбы. Но, пожалуй, одним из весьма показательных результатов экстремизма афганских маоистов в тот момент явилась утрата ими доверия в среде рабочих. Как признавали сами шоалеевцы, после событий июня 1968 года «рабочие отошли от участия в политической деятельности организации». Распри среди руководства Шоалеи джавид привели к нескольким расколам. Вначале от организации откололась часть ее членов и образовала две самостоятельные группировки – первая во главе с братьями Яри, назвавшая себя «Организацией молодых марксистов», и вторая («Группа критиков») под руководством М.Османа (Ланди). Затем в 1971 году из Шоалеи джавид вышла группировка «Революционный отряд народов Афганистана». Таким образом, организация афганских ультралевых распалась на ряд групп и течений. Однако в открытой деятельности они продолжали пользоваться ее прежним названием, создавая этим видимость единства. [30]

В условиях разочарования рабочих в лозунгах и призывах шоалеевцев последние активизировали работу среди мелкобуржуазной молодежи и интеллигенции. И надо сказать, в этой социальной среде, где бунтарские настроения всегда имели довольно глубокие корни, они нашли немало своих сторонников и последователей. Опираясь на их поддержку и нередко действуя вместе с правыми клерикалами, левоэкстремистские группировки в 1968-1973 годах инспирировали многие выступления студенческой и учащейся молодежи, сопровождавшиеся, как правило, нападениями на активистов НДПА и других демократических организаций. Так это, например, случилось весной 1969 года во время выступлений студентов Кабульского университета. Вслед за данным инцидентом власти арестовали около 30 членов Шоалеи джавид. 24 октября 1971 года в Герате во время демонстрации по случаю годовщины событий 3 акраба ими был убит ударом ножа юноша-халькист Абдул Кадыр, несший красный флаг, и несколько членов НДПА ранены. Весной 1972 года в ходе первомайской демонстрации в Кабуле афганские маоисты учинили драку с другими ее участниками. [31] Следует отметить, что афганские ультралевые занимали особо непримиримую позицию в отношении обеих фракций НДПА и видели в них, наряду с монархическим режимом, главную цель своей борьбы. В начале 70-х годов шоалеевцы (в частности группа М.Османа), не удовлетворившись легальными формами борьбы, предприняли попытку создать вооруженные отряды в провинциях для ведения партизанской войны против властей, а летом 1975 года поддержали антиправительственное вооруженное выступление в Панджшере, Бадахшане и некоторых других районах страны, организованное правыми исламскими экстремистами.

Несмотря на расколы в организации, шоалеевцы тем не менее пользовались заметным влиянием в Кабульском университете, Кабульском политехническом институте и столичных лицеях. В конце 1971 года

они получили на выборах в Совет Ассоциации студентов Кабульского университета 21 место из 49, а в Исполнительный комитет Совета – 4 из 13 мест. [32] Не менее значительное представительство маоисты имели и в Союзе преподавателей университета (Шоалеи джавид – 8 мест, Хальк – 13 и остальные – независимые). Члены Шоалеи джавид действовали также среди афганских студентов, обучавшихся за рубежом, в частности в Советском Союзе и в странах Западной Европы. В ФРГ афганские маоисты выпускали свою газету «Гахр» («Гнев») с подзаголовком «Орган афганских марксистов за рубежом».

В целом деятельность промаоистских группировок в Афганистане пагубно отражалась на оппозиционном демократическом движении. Они вносили раскол в ряды прогрессивных сил, компрометировали их своими экстремистскими действиями и постоянно давали повод властям для репрессий и гонений против приверженцев левых взглядов.

Заключая сказанное выше, следует отметить, что среди разношерстной афганской оппозиции правящие монархические власти больше всего беспокоили деятельность леводемократических сил и неуклонный рост их влияния и популярности в кругах политизированной городской общественности, особенно в столице. В связи с этим монархия стала лихорадочно искать пути и средства, чтобы остановить распространение «левой заразы» и поставить заслон дальнейшему углублению кризиса в обществе.

3.2 Клерикальная и правозэкстремистская оппозиция и их печатные органы

В Афганистане в последней трети XX в., в условиях углубления общенационального кризиса, на арене общественно-политической борьбы, наряду с левым экстремизмом, появился воинственный правый экстремизм, ядро которого было представлено консервативно-клерикальными кругами. Следует заметить, что общественная активность правых клерикальных сил и их вторжение в политику не являлось для Афганистана чем-то новым. Ретроспективный взгляд на афганскую историю лишь XX в. позволяет утверждать, что клерикалы и ультраконсерваторы постоянно вмешивались в политическую жизнь Афганистана. Вспомним хотя бы, к примеру: деятельность в начале века «староафганцев», пытавшихся во что бы то ни стало сохранить в обществе незабываемость средневековых порядков и изоляцию страны от внешнего мира; оппозицию реформаторской деятельности эмира Аманулла в 20-х годах со стороны духовных авторитетов – Фазль Омара Моджаддеди (нур аль-машайех), Мухаммада Садека Моджаддеди, Мухаммада Масума Моджаддеди, Халифа Казали Айка, Нематуллы Кадияни, муллы Абдул Ахада, Сабхана Вардаки, Абдул Алима из Чарасияба, Нур Али Кохнафоруша, Хамидуллы (Ахунд-заде Саиб из Тахаба или Пире Тагави), кази Абдурахман-хана, кази Фазль аль-Хака, кази Кадера Пагмани, Абдул Хенан-хана, муллы Кандагара, Герата, Нангархара и других; антиправительственное восстание 1924 года в Хосте (Пактия) под предводительством муллы Абдуллы Ленга и Абдуррашида и при непосредственном покровительстве Мухаммада Садека Моджаддеди и других видных кабульских духовных деятелей; мятеж племен шинвари в 1928 году, возглавленный муллами Мухаммадом Алямом и Мухаммадом Афзалем; поддержку Бачаи Сакао со стороны известных духовных авторитетов страны; выступление духовенства в 1959 году против снятия женщинами чадры и т.д. [33]

Политическая активность клерикально-консервативных кругов значительно усилилась и приобрела общенациональный характер в 60-х годах, особенно после принятия новой конституции страны. В рассматриваемое время, как и прежде, во главе правых, консервативных сил стояли видные духовные авторитеты, тесно связанные с правящими кругами и составлявшие наиболее влиятельную часть господствовавшей в стране элиты.

Следует, однако, отметить, что духовенство Афганистана на сей раз четко обнаружило разные подходы к проблемам внутренней и внешней политики правящих монархических кругов. В его среде выявились, по крайней мере, два основных течения, взгляды представителей каждого из которых по-своему отражали происходившие в стране перемены. Одна часть служителей культа, следуя в фарватере правительственной политики, стремилась приспособиться к новым социально-экономическим условиям, модернизировать ислам и таким образом сохранить за ним роль регулятора политических, социальных и семейно-бытовых отношений. [34] Данное течение было представлено в основном духовными деятелями (настоятелями крупных мечетей, проповедниками, чиновниками шариатских судов, преподавателями теологии), окончившими правительственные духовные учебные заведения.

Другая часть духовенства, составляющая его крайне правое крыло и принадлежащая, как правило, к известной в стране клерикальной элите – семействам Моджаддеди, Накиб Саиба Багдади и др. (см. Приложение 5), не хотела примириться с перспективой потери своих привилегий, прав и доходов и пыталась во что бы то ни стало сохранить прежнее влияние религии на общество, увековечить полуфеодалные порядки и не допустить модернизации общественно-политической жизни страны. Эта часть духовников активно выступала не только против демократических сил страны, но и оказывала противодействие всем предпринятым сверху мероприятиям (по своей сути ординарным) в политической, социальной и экономической областях, усматривая в них угрозу своему влиянию. Объектом нападков правых клерикалов стали и расширявшиеся в то время советско-афганские экономические и культурные связи. В частности, в 1955 году во время дружественного визита руководящих деятелей СССР в Кабул при прямом подстрекательстве Моджаддеди была предпринята попытка организовать антисоветские провокации в районе резиденции советской делегации в Чехель-сотун.

Антиправительственные выступления ортодоксов-клерикалов заставили афганские монархические круги еще в 50-х годах прибегнуть к репрессивным мерам в отношении их наиболее фанатичных и воинствующих представителей. Некоторые из них, в том числе Себгатулла Моджаддеди, были брошены в тюрьму, другие – лишены права выезжать за границу, ряд мулл-зачинщиков кандагарского мятежа 1959 года – повешены. Прекратил свое функционирование и официальный высший орган духовенства – Совет

улемов. Однако и после этого деятельность клерикалов и их вмешательство в государственные дела фактически не прекращались.

С приходом к власти кабинета М.Х.Майвандваля в ноябре 1965 года, когда обстановка в стране резко обострилась и внутривластный климат все больше стал определяться активностью леворадикальной оппозиции, отношение официальных кругов к крайне правому духовенству изменилось. Они решили привлечь его на свою сторону и с его помощью усилить наступление на левые силы. Сидевшие в тюрьме духовники получили свободу и сразу же включились в борьбу против «врагов ислама и родины». На политической арене снова появился Себгатулла Моджаддеди. Еще больше активизировались контакты и координация действий между высшим духовенством и придворным кланом Шах Вали и Абдул Вали. Возобновил свою деятельность Совет улемов. Влиятельным духовным деятелям было разрешено использовать не только парламентскую трибуну для подстрекательских речей, но и печатать в государственной типографии разного рода пропагандистские материалы, направленные против демократических, прогрессивных сил.

Яростным атакам, в том числе и физическому давлению, начали подвергаться прежде всего демократические элементы, их организации и печатные органы. Так, в ноябре 1966 года при подстрекательстве высшего духовенства, и в первую очередь семейства Моджаддеди, в парламенте было организовано избивание депутатов, выражавших взгляды демократической оппозиции. Эта расправа вызвала ликование среди консервативных служителей культа, которые в своих проповедях в ряде мечетей Кабула не преминули назвать ее непосредственных зачинщиков – Абдурашида и Саду-хана «истинными патриотами» и «верными защитниками ислама», покарвавшими зло в лице «безродных коммунистов».

Несколько ранее, в апреле 1966 года, после опубликования в газете «Хальк» программы народно-демократического движения сенатор Мухаммад Хашим Моджаддеди и его сторонники выступили с призывом «задушить в зародыше чуждое исламу течение» и расправиться с «коммунистами» по образцу «действий братьев-мусульман Индонезии» (имеется в виду событие в Индонезии осенью 1965 года. – М.С.). Вслед за этим в столицу из южных провинций были вызваны до 400 мулл, которые на своем собрании потребовали запретить указанную газету. В итоге в мае власти запретили ее издание. Та же участь постигла и газету «Пейаме эмуруз».

Особое внимание в религиозной пропаганде, широко проводившейся в стране через официальные органы печати и радио и с кафедр мечетей, отводилось обоснованию универсальности «исламского пути развития» (в противовес иного рода концепциям демократических сил) и преимуществ ислама как «самой прогрессивной религии мира», воплощающей в себе, как говорилось в передовице газеты «Кабул Таймс», «социальную справедливость», совершенную «мусульманскую демократию», «равенство всех людей без какой-либо дискриминации», в том числе и «равенство в экономической области». [35] Следует заметить, что в рассматриваемые годы роль методического и координирующего центра по вопросам религиозной пропаганды пытались взять на себя официальные правительственные органы, в частности идеологический департамент министерства печати и информации Афганистана. Показательно, что руководителем этого департамента в кабинете М.Юсуфа был представитель клерикальной элиты, известный духовник маулави Мухаммад Шах Эршад.

Начиная со второй половины 60-х годов, влиятельные религиозные деятели стали при активном содействии властей широко практиковать проведение конференций в различных районах страны, привлекая к участию в них как местное духовенство, так и население, прежде всего учащуюся молодежь. Основным вопросом, обсуждавшимся на указанных конференциях, являлась борьба против распространения в обществе идейных взглядов, «несовместимых с религией». Таким путем верхушка духовенства стремилась установить единое для всей страны содержание религиозной пропаганды и подключить к ее проведению весь многочисленный аппарат служителей культа.

Клерикалы, напуганные ростом популярности левых идей среди определенной части афганского общества и перспективой дальнейшей утраты монополии на идейное влияние среди населения страны, развернули в 60-х годах кампанию по дискредитации и опровержению материалистических взглядов. На этом поприще особенно усердствовал выходящий с 1952 года специальный еженедельник клерикального направления «Пейаме хакк» («Послание истины»), который распространялся в большом количестве экземпляров среди населения и в армии.

Одной из форм в арсенале политико-идеологических усилий ортодоксальной части духовенства Афганистана в рассматриваемый период были публикации и распространение злопыхательских антисоветских листовок и памфлетов. В этой связи заслуживает упоминания памфлет, составленный в начале 1967 года и распространенный от имени сенатора М.Х.Моджаддеди в Кабуле и других городах страны. В нем грубо извращались положения марксизма по вопросам свободы личности, семьи и брака, отношения к религии, фальсифицировались торговая политика, система социального страхования и пенсионного обеспечения в Советском Союзе, принижались успехи СССР в решении социально-экономических и других проблем.

Вместе с тем в памфлете резкой критике были подвергнуты политика и социальные декларации правительства Афганистана, в частности планы создания тяжелой промышленности, строительство нескольких государственных механизированных ферм, обещание «изучить вопрос о земельной реформе» и др.

Одновременно с усилением своего вмешательства в политическую жизнь страны правые духовные деятели Афганистана стали расширять и активизировать контакты с зарубежными исламскими кругами. Так, в июне 1966 года группа афганских духовников во главе с Мухаммадом Ибрагимом Моджаддеди (зия аль-машайех; с 1956 года он являлся главой клана Моджаддеди) посетила Иран и Саудовскую Аравию с целью установления сотрудничества и возможной координации действий с духовенством этих стран. В Афганистан, в свою очередь, зачастили делегации «Братьев-мусульман», которые делились опытом борь-

бы с «врагами ислама».

Следует отметить, что международные связи афганских клерикалов имели место и в прошлом. Что касается их связей с зарубежными исламскими экстремистами, то они начались сразу же после создания в Египте в 1928 году организации «Братьев-мусульман» (араб. – «Ихван аль-муслимин»). Пальма первенства в установлении тесных контактов и сотрудничества с египетскими ихванистами принадлежит, безусловно, семье Моджаддеди. [36] Один из ее известных представителей – Мухаммад Садек Моджаддеди, назначенный в 1929 году послом Афганистана в Египте, вскоре после приезда в Каир лично познакомился с основателем «Братьев-мусульман», ее «верховным наставником» («верховным муршидом») Хасаном аль-Банной и стал его близким другом и убежденным приверженцем. Приверженность идеологии и практике «братства» унаследовали Мухаммад Харун Моджаддеди, прибывший в 1948 году на учебу в Каирский богословский университет «Аль-Азхар». В этом же году оба – Харун и Себгатулла – примкнули к движению «Братьев-мусульман» и вошли в ближайшее окружение нового «верховного наставника» «братства» Хасана аль-Худайби (его предшественник Хасан аль-Банна был убит 12 февраля 1948 года). Указанные члены семьи Моджаддеди все последующие годы пребывания в Египте принимали активное участие в деятельности «братств», в том числе и в подготовке покушения на жизнь Гамаль Абдель Насера, совершенного в Александрии в октябре 1954 года. Их (Моджаддеди) причастность к этому заговору подтвердил в ходе судебного процесса один из покушавшихся – Махмуд Абдуллатиф. В соответствии с нормами международного права посол М.Садек Моджаддеди был объявлен персоной нон грата и выдворен из страны.

Возвратившись в Афганистан, Себгатулла Моджаддеди при покровительстве и поддержке клана Шах Вали-Абдул Вали приступил к распространению взглядов и идей ихванистов среди афганской общественности и привлечению на свою сторону видных духовников. В частности, ему удалось заручиться поддержкой таких религиозных авторитетов, как муллы Мескина Кухидамани, Мир Абдуссатара Логари и др. С.Моджаддеди пытался воздействовать и на тогдашнего премьер-министра М.Дауда, направив ему письмо с предостережением «об опасности роста советского влияния в Афганистане». [37] М.Дауд, не терпевший, как известно, правой исламской оппозиции себе и не скрывавший притом своей неприязни персонально к клану Моджаддеди, проигнорировал данное письмо. Курс его правительства на расширение и развитие всесторонних, взаимовыгодных связей с СССР продолжался. В 1960 году С.Моджаддеди, действуя по образцу и подобию своих наставников – египетских «Братьев-мусульман», принял участие в попытке покушения на членов находившейся в Кабуле советской правительственной делегации, за что был арестован и осужден. После четырех с половиной лет тюремного заключения он был выслан из страны на два года (жил, предположительно, в Саудовской Аравии). [38]

Перечень фактов и примеров из деятельности исламских фундаменталистов в Афганистане можно было бы продолжить, так как в указанные годы, как, впрочем, и раньше, не было, пожалуй, ни одного сколько-нибудь серьезного внутри- и внешнеполитического вопроса, который бы не оценивался ими с позиций ортодоксального ислама и не вызывал бы с их стороны той или иной реакции. И все же при всей их политической активности они долгое время, вплоть до середины 60-х годов, оставались организационно неоформленными. В этом им определенно мешали извечное соперничество и вражда между различными афганскими религиозными авторитетами и кланами. Однако в условиях, когда в афганском обществе усилились процессы консолидации разных политических сил и течений, от этого не остались в стороне и ультраправые, фундаменталистские элементы.

К сожалению, пока не представляется возможным со всей достоверностью раскрыть подлинную историю становления фундаменталистского движения в Афганистане. Дело в том, что, как правильно подметил советский автор Спольников В.Н., до 80-х годов афганские фундаменталисты, по примеру своих египетских наставников «Братьев-мусульман», действовали строго законспирированно и тщательно скрывали все то, что относилось к их организации, [39] а в последующем, когда на ее основе возникло несколько враждующих между собой группировок, их лидеры в стремлении возвеличить себя и показать свои «исторические» заслуги перед движением начали давать свои, отличные друг от друга версии возникновения и деятельности организации, содержащие немало искажений, вымысла, тенденциозных и ошибочных суждений. Не лишена также определенных противоречий и неточностей и литература об афганских «братях», изданная в Кабуле и за рубежом.

Начало складыванию исламской экстремистской организации в Афганистане было положено в середине 60-х годов в стенах Кабульского университета (а не в 1958 или даже 1957 году, как говорил об этом Б.Раббани [40]). По утверждению некоторых афганских авторов, крестным «отцом» и идейным вдохновителем организации явился один из старейших членов клана Моджаддеди – Мухаммад Садек Моджаддеди, возвратившийся в 1966 году в страну после 22-летнего пребывания на дипломатической службе за рубежом. [41] Занявшись на старости лет педагогической и пропагандистской деятельностью, он стал собирать вокруг себя выпускников исламского университета Аль-Азхар и некоторых студентов, разделявших взгляды и идеи «Братьев-мусульман». Плодом его усилий и деятельности среди богословов явилось создание им в 1971 году «Общества улемов Мухаммади» («Джамиате уламаи Мухаммади»), а несколько позже и «Общества служителей Корана» («Джамиате ходдам аль-форкан»), получивших поддержку как двора, так и многих влиятельных религиозных деятелей. Что касается студенческой молодежи, то все бремя идейной и организационной работы в ее среде взял на себя Гулям Мухаммад Ниязи, профессор богословия, декан теологического факультета Кабульского университета, близкий человек Моджаддеди (еще будучи студентом Каирского университета Аль-Азхар, он был вхож в семью М.Садека Моджаддеди, дружил и жил вместе с С.Моджаддеди [42]). В 1965 году (по другим данным, в 1964 году) он организовал первый фундаменталистский кружок. В него вошли преимущественно студенты теологического факультета Кабульского университета Абдулрахим Ниязи, Абдулрасул Сайяф, Голь Мухаммад, Атиш Раббани, Сеид Абдулрахман, Абдул Кадыр Тавана, маулави Хабибулрахман, а также студент медицинского фа-

культета Мухаммад Омар. Тот факт, что именно Г.М.Ниязи (а не М.С.Моджаддеди) явился создателем и идейным наставником названного кружка, объясняется не только его служебным положением как декана факультета и связанными с этим благоприятными возможностями для организации и деятельности кружка, но, главное, как считает афганский автор Рошан, непопулярностью семьи Моджаддеди среди студенчества и интеллигенции из-за закрепившейся за ней недоброй славы агентов Запада и той неблагоприятной роли, которую хазраты Шур Базар играли в судьбах страны на протяжении первой-начала второй половины XX в. [43]

Чуть позже на инженерном факультете университета возник другой фундаменталистский кружок, ядро которого составили студенты этого факультета Гульбедин Хекматъяр и Сайфулдин Насратъяр, а также студент Кабульского политехнического института Хабибуллахан. [44] Оба кружка в первые годы своего функционирования особо не обнаруживали себя и занимались в основном изучением идейных основ и опыта деятельности «братства», обсуждением общественно-политической ситуации в стране и дискуссиями по поводу программы и структуры будущей организации. В 1969 году (по другим данным, в 1968 году [45]) при непосредственном покровительстве и содействии Г.М.Ниязи (из соображений осторожности он всегда предпочитал держаться за «кулисами» движения) произошло объединение обоих кружков и создание на их базе организации «Мусульманская молодежь». В руководящие органы организации – Высший и Исполнительный советы – вошли студенты и некоторые преподаватели университета Абдуллахан Ниязи, Г.Хекматъяр, Бурхануддин Раббани (преподаватель философии на факультетах теологии, литературы, политических наук), А.Сайяф, Хабибуллахан (КПИ), Голь Мухаммад, С.Насратъяр. [46] В составе организации действовали различные секции, в частности военная (ее возглавлял сначала Хабибуллахан, а после его ареста – Г.Хекматъяр; эта секция вела работу в армии, а также занималась организацией и проведением митингов и демонстраций), секция по выявлению «неисламских» студенческих групп и их членов и борьбе с ними и др. Большое внимание уделялось организации и проведению агитационной работы среди населения, распространению исламской литературы и клерикальных печатных изданий, привлечению новых членов и созданию ячеек как в Университете, так и вне его, в том числе и в провинциях. [47] Деятельностью организации на периферии руководил Б.Раббани.

Нужно отметить, что идеи исламского фундаментализма нашли много сторонников и сочувствующих в афганском глубоко религиозном обществе, особенно в среде мелкобуржуазной интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи, чиновничества, люмпенов. Уже в начале 70-х годов общая численность активистов движения, видимо, превышала 5 тысяч человек. [48] Организация «Мусульманская молодежь» заметно укрепила свое влияние в руководящем студенческом органе Афганистана – Совете Ассоциации студентов, заняв в нем в 1971 году 9 из 49 мест.

«Мусульманская молодежь» сразу же после своего создания активно включилась в политическую борьбу, прежде всего против левых, прогрессивных сил, а также против тех кругов правящего режима, которые стремились к определенной модернизации общественно-политической и экономической жизни страны. Она, вдохновляясь идеями и взглядами египетских «Братьев-мусульман», стала открыто выступать за возвращение Афганистана к средневековым порядкам, ополчаться против распространения в стране демократических идей, прибегать, особенно в стенах Кабульского университета, к актам физического насилия в отношении всех, кто не разделял ее взгляды, провоцировать антиправительственные и антисоветские выступления, используя для этого нередко разного рода надуманные предлоги. Так, к примеру, в начале 1971 года члены этой организации обратились к студентам с призывом провести демонстрацию у здания советского посольства в Кабуле в связи с показом в Кабульском университете советского фильма «Сорок первый», отдельные кадры которого были ими злонамеренно истолкованы как «вмешательство в вопросы веры страны».

«Мусульманская молодежь» одним из главных методов своих действий избрала насилие и индивидуальный политический террор, руководствуясь на сей счет советом верховного муршида «братства» Хасана аль-Банни, высказанным им своим последователям еще в 1928 году: «Ликвидируйте каждого, кто не с вами, так как тот, кто не с вами, есть ваш враг». [49] На этом поприще в «послужном» списке организации было немало черных дел. В их числе – убийства инакомыслящих и неугодных лиц (к примеру, в 1969 году – одного из студентов Кабульского университета; 25 октября 1971 года в Лагмане – члена НДПА Абдуллахана; в июне 1972 года – функционера Шоалеи джавид Сайдала Сохандана (как пишет индийский исследователь С.Мукерджи, этот террористический акт был совершен лично Г.Хекматъяром [50]); осенью 1977 года – пилота компании «Арьяна» Инама Грана, которого террористы по ошибке приняли за Б.Кармалю; 16 ноября 1977 года – одного из немногих оставшихся в правительстве М.Дауда прогрессивных деятелей, министра планирования Али Ахмада Хоррама и т.д.), разбрызгивание с помощью подростков серной кислоты на лица и другие открытые части тела женщин и девушек, снявших чадру, в результате чего десятки из них были обезображены или даже потеряли зрение, поджоги и разгром лавок, кинотеатров и книжных киосков (например, в Джалалабаде, уездах Панджшер и Ханабад), уличные драки и нападения на участников собраний, демонстраций и митингов демократических сил в столице и провинциях (так, в 1972 году члены «Мусульманской молодежи» устроили побоище с участниками первомайских демонстраций в Кабуле, Кундузе и ряде других городов, а в июне этого же года завязали в Кабульском университете драку со сторонниками Шоалеи джавид, в результате которой один студент был убит и 24 ранены [51]) и, наконец, подготовка и проведение антиправительственных заговоров и мятежей. По некоторым данным, члены «Мусульманской молодежи» занимались также сбором «компрометирующих» сведений об активистах демократических, прогрессивных движений и организаций, в первую очередь НДПА, и доносили на них в органы тайной полиции. [52] И все это совершалось под флагом «защиты ислама».

«Мусульманская молодежь» явилась первой в Афганистане фундаменталистской политической организацией. Она имела четкую организационную структуру и довольно значительное число членов, сторонни-

ков и сочувствующих, была спаяна крепкой дисциплиной и выполняла роль ударного отряда крайне правой исламской оппозиции. У арабских «Братьев-мусульман» она в полной мере позаимствовала такие их принципы и постулаты, как религиозный фанатизм, аскетизм, жертвенность, индивидуальный террор и призывы к «священной войне» («джихаду») во имя защиты исламских ценностей, созданию исламского государства, объединению всех единоверцев-мусульман.

Характеристика организации «Мусульманская молодежь» была бы неполной, если не сказать о ее месте в фундаменталистском движении Афганистана и связях с другими, идентичными по взглядам, группировками. На мой взгляд, «Мусульманская молодежь», несмотря на преимущественное представительство в ее рядах молодых людей (кстати, такое положение было характерно и для НДПА, Афган меллят и других политических организаций) и слово «молодежь» в ее названии, вряд ли следует считать, как это делают некоторые авторы, чисто молодежной организацией, как, впрочем, и молодежным филиалом «Братьев-мусульман». И структурно, со всеми ее атрибутами – высшими руководящими органами и низовыми звеньями, и политически она с самого начала ее появления оставалась самостоятельной организацией, исповедовавшей идеологию «братства» и осуществлявшей на практике его лозунги и цели. В ее рядах состояли не только представители студенческой и учащейся молодежи, но и преподаватели, чиновники, военные. Влияние на нее со стороны отдельных авторитетных духовников-ортодоксов, безусловно, было очень сильным. Однако она не была связана с какой-то организацией «Братьев-мусульман» и не могла быть ее «филиалом» по той простой причине, что в рассматриваемые годы, да и позже, в Афганистане не существовало политической группировки под таким названием. Встречавшиеся в советской печати утверждения о наличии в стране организации (или даже партии) «Братьев-мусульман» проистекали, по всей вероятности, из того, что в 60-70-х годах местные, афганские, средства массовой информации обычно под общим названием «Ихван аль-муслемин» объединяли все разрозненные фундаменталистские группировки. К ним, в частности, они относили уже упоминавшиеся выше «Общество улемов Мухаммади», «Общество слугителей Корана», «Мусульманскую молодежь», а также численно небольшие группы «Тавабин» во главе с маулави Мухаммадом Юнусом Халесом, «Афганскую партию Али» С.А.Гилани и другие. Таким образом, под организацией «Братьев-мусульман» в Афганистане следует понимать собственно не организацию, а политическое течение, представленное несколькими самостоятельными фундаменталистскими центрами и группами.

Разрозненность указанных группировок, естественно, ослабляла фундаменталистское движение в стране. Это понимали как их лидеры, так и близкие к ним по взглядам представители правящей верхушки и принимали меры к согласованию и объединению своих усилий. Своеобразным центром по координации действий ультраконсервативных сил являлась вилла Себгатуллы Моджаддеди на водохранилище Карга (близ Кабула), где собирались духовные деятели, члены клана Шах Вали – Абдул Вали, иностранные (американские) граждане. Последние, в совершенстве владевшие языком дари и пушту, по свидетельству одного афганского автора, посещали указанную виллу регулярно, дважды в неделю, под предлогом «подготовки к принятию мусульманской веры». [53] Попытки объединить и направить деятельность фундаменталистских кругов в угодное для правящего режима русло предпринимались и «сверху», по правительственной линии. Особую активность в этом в рассматриваемые годы проявлял руководитель идеологического департамента министерства печати и информации маулави Мухаммад Шах Эршад. В своих многочисленных статьях, публиковавшихся в официальной прессе, он излагал в основном те же мысли и идеи, которые были характерны для частных изданий ортодоксального исламского толка.

Таковыми частными изданиями являлись газеты «Гахидз» («Утро»), «Хайбар», «Недай хакк» («Голос истины») и журнал «Ислам». Все они выходили в 1968-1972 годах и пользовались покровительством двора, особенно сардара Абдул Вали, как в вопросах издания, так и распространения. [54] Издателем и главным редактором «Гахидз», основанной 26 января 1969 года, и журнала «Ислам» был Менхаджуддин Гахидз (после его убийства в 1972 году неизвестными лицами газету редактировал Абдул Салим Фергани [55]). В авторский актив газеты входили Мухаммад Юнус Хайран, Мухаммад Юнус Халес, маулина Моджахед, Б.Раббани. Она была выразительницей идей и взглядов фундаменталистского движения в Афганистане. Однако, принимая во внимание принадлежность М.Гахидза к «Мусульманской молодежи» и состав авторов газеты, есть основания считать «Гахидз» в определенной мере рупором названной организации. Газета «Хайбар» начала издаваться несколько раньше, с 10 ноября 1968 года. Но 29 октября 1969 года ее издание было прекращено по решению ее издателя и главного редактора Мухибуррахмана Хуса и возобновлено 1 ноября 1971 года. Активными авторами газеты являлись маулави Мухаммад Хасан Касим Арьян, Биби Голь, Хабиб Панджшери, Устад Пашаи, Мухаммад Мехди Мухтар. Что касается еженедельника «Недай хакк» (издатель – маулави Абдул Саттар Сиддики и главный редактор – Гулям Наби Зормати), то он выходил непродолжительное время с 15 сентября 1971 года по 18 ноября 1972 года и был закрыт из-за финансовых трудностей.

Указанные частные издания по своему идейному и политическому содержанию мало чем отличились друг от друга, хотя наиболее полно и последовательно оно было изложено в публикациях «Гахидз», вышедшей в течение нескольких лет, то есть значительно дольше по времени по сравнению с другими подобного рода изданиями. В подзаголовке газеты указывалось, что она является «Органом религиозной, общественной, политической и национальной свободы». Целями ее издания провозглашались «борьба с безбожием», защита и показ прогрессивного, универсального значения исламского учения для жизни афганского общества. [56] «Ислам, – говорилось в одной из статей, – руководит личной и общественной жизнью и управляет всеми сторонами. Ислам воплощает в себе указания на все случаи жизни, применительно для всех эпох и этапов, для экономики и политики». [57] Выступая за «исламский путь развития» общества (по выражению газеты «Хайбар», «афгано-исламскую демократию»), издатели «Гахидз» призывали каждого афганца неукоснительно соблюдать требования ислама. Только в таком случае, утверждали

они, «мы избавимся от отсталости и несправедливости и достигнем своих целей». [58] Особые надежды при этом возлагались на молодежь, которая, как писала газета, должна «ценой своей крови защитить веру и бороться за то, чтобы сохранить исламскую духовность в том виде, как ее дал господь, и уберечь страну от колониализма и извращений ислама». [59]

«Гахидз» отвергала как социализм с его безбожием, так и капитализм с присущими ему социальными пороками и неравенством. Обе системы, по мнению газеты, неприемлемы для мусульманских стран, так как разрушают религию и традиции, противопоставляют детей отцам, «лихорадят народ, внося в его среду зерна пессимизма, раздоры, жестокость и ненависть». [60] Особо острой критике на страницах «Гахидз» подвергались социалистические идеи и взгляды.

Силы, группировавшиеся вокруг «Гахидз» и других крайне правых клерикально-консервативных изданий, особенно активизировались весной 1970 года, приняв участие в организации и проведении крупного антиправительственного выступления.

3.3. Антиправительственное выступление духовенства в апреле-июне 1970 года

Деятельность афганской оппозиции, как уже отмечалось, стала принимать особенно широкий размах с середины 60-х годов, вовлекая в свою орбиту все новые слои и группы населения. Для жизни афганских городов, и в особенности Кабула, постоянным явлением стали митинги и демонстрации, в которых принимали участие студенческая и учащаяся молодежь, рабочие, представители интеллигенции, чиновничества и другие городские жители. В сложившейся обстановке господствовавшая монархическая верхушка, стремясь удержать за собой контроль за общественной мыслью, ослабить остроту социальной критики и восстановить политическую стабильность в стране, резко активизировала противодействие всем оппозиционным течениям и взглядам. При этом особые надежды возлагались на мусульманскую религию и многочисленный аппарат духовенства.

Однако все усилия правящих кругов и верных им служителей культа не приносили сколько-нибудь заметных результатов и не остановили процесс распространения в обществе оппозиционных идей и взглядов. В этих условиях крайне правые консервативно-клерикальные круги решили прибегнуть к открытому массовому выступлению, наподобие тех, которые в 20-х годах XX в. принесли им несомненные успехи в борьбе против прогрессивных преобразований режима младоафганцев, с тем, чтобы не только нанести удар по левым силам и устранить их из политической жизни страны, но и заставить правящую верхушку отказаться от попыток проведения даже самых поверхностных, «косметических», реформ буржуазного характера. Предлогом к выступлению духовенства явился 99-й номер газеты «Парчам» от 22 апреля 1970 года, вышедший на 12 полосах большого формата и целиком посвященный В.И.Ленину и ленинизму, а также сообщением о праздновании ленинского юбилея в Афганистане. В этом номере газеты, как уже говорилось выше, было опубликовано и стихотворение «Горн революции», заканчивавшееся словами: «Слава этому великому вождю, великому Ленину!» («доруд бад бэ ан рахбар-е бозорг, Ленин-е кабир»).

Клерикалы, придравшись к слову «доруд» (буквально: поклон, приветствие, хвала), которое, по их мнению, может быть употреблено только по отношению к пророку Мухаммеду, обвинили издателей газеты в «нарушении исламской традиции», в «кошунстве против религии» и на этом основании потребовали запрещения газеты «Парчам».

По призыву влиятельных духовников, организовавших «Комитет, ответственный за дела ислама», в Кабул из различных районов страны, главным образом из южных и восточных провинций, прибыло не менее полутора тысяч служителей культа. Они сразу же приступили к проведению шумных сборищ, привлекая на свою сторону религиозно настроенную часть городского населения, прежде всего деклассированные элементы.

Двор и правительство вначале благосклонно отнеслись к данному выступлению клерикалов. Они разрешили консервативному духовенству ежедневно собираться в мечети «Пули-Хешти» – главной соборной мечети Кабула, устраивать при покровительстве полиции массовые шествия по улицам столицы под черными флагами и антикоммунистическими лозунгами, передавать через усилители чуть ли не на весь город подстрекательские речи мусульманских ораторов, а также использовать государственную типографию для печатания злобных листов.

Следует заметить, что в эти дни для прогрессивной общественности Афганистана не было никаких сомнений в том, что монархическая верхушка явно рассчитывает использовать консервативные клерикальные круги в качестве своеобразного буфера для ослабления деятельности группировок, требовавших глубоких социально-экономических и политических преобразований в стране, и вместе с тем, прикрываясь ссылками на выступление духовенства, как на некое требование «народа», оправдать репрессивные меры в отношении оппозиционных движений, неугодной частной прессы и их руководителей.

В течение первых дней шабаша духовенство выработало более десятка требований к правительству. Последнему в ультимативной форме предлагалось их выполнить. Главными из них были: запретить газету «Парчам» и наказать ее издателей; не допускать проникновения в страну коммунистических идей; запретить ношение мини-юбок и брюк-клеш молодыми людьми и ввести обязательное ношение национальной одежды; запретить демонстрацию иностранных фильмов, показывающих оголенных женщин; уволить женщин из государственных учреждений и дать работу всем мужчинам-кормильцам семей. Необходимо подчеркнуть, что духовные деятели, выдвигая эти и другие подобные требования, постоянно апеллировали к народным массам, широко спекулируя при этом и на их религиозных чувствах, и на их тяжелом материальном положении.

День ото дня число требований духовенства увеличивалось и вместе с ними все яснее становились политические позиции организаторов данного выступления. Кредо крайне правых духовных лидеров Афгани-

стана было отчетливо изложено в листовке, отпечатанной типографическим способом и распространявшейся в Кабуле и других городах страны в мае 1970 года. В ней поток брани был направлен прежде всего на советскую действительность. При этом на все лады перепевался тезис о «восточном империализме» и делалась бездоказательная попытка отождествить цели внешней политики Советского Союза с политикой Запада.

Авторы листовки обрушились также на политические течения и группировки в стране, как оппозиционные, так и проправительственные, обвиняя их в том, что все они «стремятся укрепить в стране позиции международного империализма» и «ликвидировать национальное единство». Далее в листовке утверждалось, что правящие круги Афганистана создают-де благоприятную почву для деятельности всех этих группировок и «плечом к плечу с ними выступают против ислама и религиозного движения». Листовка заканчивалась призывом к «обездоленным мусульманам» подниматься на «священную войну против всех антиисламских элементов», «против всех течений..., в поддержку священных положений религии». Весьма оригинальными были заключительные призывы-лозунги листовки: «Долой сторонников ленинизма!, Долой эксплуатацию Востока и западный империализм!, Смерть шпионам социал-империализма!, Смерть шпионам США и русского ГПУ!»

После опубликования указанной листовки стало абсолютно ясным, что выступление духовенства вышло из-под контроля правящих кругов и не оправдало их надежд. В этой обстановке династия и правительство, опасаясь, как бы дальнейшее развитие событий не привело к открытому антиправительственному мятежу, решили положить конец сборищам духовников. Вечером 24 мая 1970 года по кабульскому радио было передано правительственное сообщение, в котором после признания того, что клерикалы «стали подстрекать к противозаконным действиям», говорилось: «Правительство в целях сохранения порядка и общественной безопасности и в соответствии со своими обязанностями в данной области объявляет о прекращении этих сборищ. Силам безопасности даны на сей счет необходимые указания». [61]

В ночь с 24 на 25 мая войска, применив силу, вывезли из столицы всех духовников, прибывших сюда накануне из других провинций. Что касается влиятельных мусульманских деятелей – непосредственных вдохновителей и организаторов указанных событий, то они, убедившись в провале своих замыслов, поспешили заявить о своей лояльности режиму и «непричастности» к антиправительственному аспекту прошедшего.

Однако консервативное духовенство провинций не собиралось складывать оружие. Разъехавшись по городам и деревням страны, оно продолжало нагнетать обстановку. Особенно тревожное положение в связи с этим сложилось в конце мая в Мазари-Шарифе, Джалалабаде и некоторых других пунктах Афганистана.

Выступление клерикалов в Мазари-Шарифе началось еще 19 мая и проходило параллельно с кабульскими событиями. В нем принимали активное участие учащиеся медресе (духовной школы), муллы мечетей Мазари-Шарифа, приезжие служители культа из Ташкургана, Акчи, Шибиргана и других городов севера страны, а также люмпены города. Кроме того, духовенство пыталось привлечь на свою сторону рабочих-нефтяников, строителей автодороги и других объектов, сооружавшихся при технико-экономической помощи Советского Союза. Однако все эти попытки успеха не имели.

Духовники Мазари-Шарифа обращались за поддержкой не только к местным мусульманам, но и к мусульманам других стран, прежде всего Пакистана и Саудовской Аравии, стремясь таким образом заручиться иностранной поддержкой и придать своим действиям международный резонанс.

В ходе многодневных митингов и демонстраций в Мазари-Шарифе властям был предъявлен ряд требований, как-то: уволить губернатора провинции, поскольку он-де является «предателем родины и интересов ислама»; отстранить от службы Кари Абдул Гафура, настоятеля гробницы Али в Мазари-Шарифе, и ряд других мулл города, так как они якобы недостаточно компетентны в вопросах религии (главная причина этого требования заключалась, однако, в том, что Кари Абдул Гафур и другие муллы составляли проправительственную группировку духовенства и выступали, в противовес клерикалам-ортодоксам, за приспособление догм ислама к духу времени); запретить вход женщинам на территорию гробницы Али, поскольку большинство из них приходит-де не на молитву, а для охоты за богатыми молодыми людьми; запретить женщинам ходить в коротких платьях и юбках, потому что это противоречит законам ислама; разрушить театр Балхской провинции (в Мазари-Шарифе. – М.С.), а труппу его разогнать, так как на его сцене в большинстве своем выступают женщины (23 мая разбушевавшаяся толпа, не ожидая решения властей, разрушила сцену театра и разогнала труппу).

Продолжавшиеся несколько дней демонстрации и митинги в Мазари-Шарифе привели в замешательство местные власти, а губернатор провинции вынужден был бежать в Кабул. В конце мая, после того, как представители провинциальной администрации обещали на встрече с крайне правым духовенством выполнить большую часть его требований, обстановка в городе нормализовалась.

Но наиболее острый и драматический характер приняло выступление духовенства на востоке страны, в Джалалабаде. Здесь его возглавили муллы, накануне вывезенные из Кабула, низшее и среднее духовенство города, а также верхушка племени шинвари, недовольная мерами правительства по пресечению контрабанды товаров, которой она традиционно занималась в течение многих десятков лет попутно с перевозкой грузов своим автотранспортом из Пакистана в Афганистан и обратно. Высшие духовные деятели Джалалабада открытого участия в этом выступлении не принимали.

Джалалабадские события развивались следующим образом. Утром 27 мая по призыву духовенства в город из близлежащих населенных пунктов вошли не менее 2500 человек, в основном крестьян во главе со своими служителями культа, и остановились у главной мечети. К ним присоединились религиозно настроенные городские мелкие торговцы, ремесленники и кустари, а также значительное число деклассированных элементов. К полудню толпа уже составила не менее 5 тысяч человек.

Заправили этого сборища, выступая перед собравшимися, постарались с самого начала придать ему антисоветскую направленность. Они, имея в виду прежде всего советских специалистов, работавших на сооружении Джалалабадской ирригационной системы, выдвинули лозунги: «Иностранцы – кафиры, убийтесь домой!», «Своим пребыванием вы подрываете устои ислама!» и др.

Во второй половине дня наэлектризованная духовниками толпа двинулась к гостинице «Спингар», где обычно останавливались иностранцы, ворвалась в нее и начала ломать окна, двери и оборудование, выбросила всю мебель во двор и подожгла ее, выкрикивая при этом, что «гостиница растлевет молодежь». Такому же разгрому была подвергнута книжная лавка, витрина советско-афганской дружбы, кинотеатр, где со стены под крики «Король – кафир!» был сорван большой портрет Захир-шаха и разорван в клочья. Затем толпа, скандируя антиправительственные лозунги и восхваляя ислам, ринулась к женскому лицейу и учинила в нем погром. К счастью, в этот день в лицее не было занятий и поэтому обошлось без человеческих жертв. Погромщики намеревались также захватить местную тюрьму и выпустить заключенных, однако успеха не имели.

Полиция неоднократно пыталась остановить бесчинства религиозных фанатиков, но была закидана камнями и палками. Убедившись, что полиция не в состоянии навести порядок, власти ввели в центр города армейские подразделения на танках и бронетранспортерах. Они окружили демонстрантов и потребовали разойтись. В ответ в солдат полетели камни, в результате чего 4-5 человек из них получили ранения. В создавшихся условиях войска произвели ряд предупредительных выстрелов в воздух. Только после этого толпа стала постепенно рассеиваться. Когда на площади осталось примерно 700-800 человек, полиция приступила к массовым арестам. Войска незамедлительно заняли центральные улицы и площади и перерезали все дороги, ведущие в Джалалабад, а также связывающие между собой населенные пункты Джалалабадской долины. Одновременно часть войск была переброшена к афгано-пакистанской границе. Данная мера вызывалась необходимостью пресечь вмешательство в афганские события со стороны реакционных кругов мусульманского духовенства Пакистана, а также не допустить ситуации, которая могла бы привести к межгосударственному афгано-пакистанскому конфликту.

В последующие дни, несмотря на официальное запрещение, небольшие группы по 200-300 человек все еще продолжали проведение своих сборищ в окрестностях города. В этот период духовенство стало подстрекать население к поджогу государственной механизированной фермы «Газибад», построенной при финансовом и техническом содействии СССР в зоне Джалалабадской ирригационной системы. Чтобы не допустить этого, по распоряжению правительства для ее охраны было направлено несколько рот солдат на бронетранспортерах. Следует заметить, что и здесь, в Джалалабаде, как и в Мазари-Шарифе, афганские граждане, занятые на строительстве ирригационного комплекса, не принимали никакого участия в акциях консервативно-клерикальных сил, несмотря на их усиленные призывы.

В начале июня выступление крайне правых духовников повсеместно было подавлено. Не достигнув своих глобальных целей (если не считать запрета издания газеты «Парчам»), они перешли к акциям насилия и запугиванию в отношении тех, кто, по их взглядам, нарушал установления мусульманской религии. К примеру, в Кабуле, по сообщениям официальной прессы, было зарегистрировано много случаев разбрызгивания серной кислоты на открытые части тела женщин и девушек, которые появлялись на улицах города в европейском платье. Причем некоторые из них были госпитализированы. В качестве непосредственных исполнителей этих диких актов использовались подростки.

В афганские события апреля-июня 1970 года пытались вмешаться и зарубежные силы. В частности, в провоцировании джалалабадских беспорядков были замешаны пакистанские высшие духовные деятели. В числе арестованных оказалась и их агентура. Представляется совершенно не случайным, что король Саудовской Аравии избрал именно начало июня для своего официального визита в Афганистан, хотя приглашение посетить эту страну было сделано ему несколько лет тому назад. В этом явно прослеживалось стремление продемонстрировать поддержку афганским консервативно-клерикальным кругам в их борьбе против левых, демократических сил.

Итак, общественно-политическая борьба, развернувшаяся в Афганистане в 60-х годах, особенно в их второй половине, отчетливо показала, что правое крыло мусульманского духовенства во главе со своими влиятельными духовными лидерами по-прежнему оставалось основным ударным кулаком лагеря реакции в его борьбе против демократических группировок и одним из главных опор монархического режима. Хотя оно в последние десятилетия и утратило свои исключительные позиции в области духовного влияния на общество, тем не менее все еще представляло собой серьезную силу и располагало большими возможностями для вмешательства в общественно-политическую жизнь страны и государственные дела.

Характерными чертами поведения клерикальной верхушки в указанные годы являлись постоянное обращение за поддержкой к религиозным городским низам и обездоленным деревенским жителям, спекуляции на их тяжелом материальном положении, воинственные призывы к защите исламских традиций и освященного исламом социального порядка, подчеркивание при всяком удобном случае своей независимости от светских властей и оппозиции к ним. Всем этим она рассчитывала предстать в глазах темных и забитых масс своих последователей «защитниками» народных интересов и мусульманских ценностей и таким образом повысить свой религиозный и политический авторитет.

Что касается разногласий правого крыла клерикалов с династией, то они (эти разногласия) никогда не заходили далеко, носили неглубокий характер и ни в коем случае не затрагивали монархические устои власти. Мусульманские консервативные лидеры, выступая иногда с антиправительственных позиций, всего лишь хотели заставить правящие круги отказаться от осуществления рекламировавшихся планов либерализации монархического режима и ограниченных программ экономического обновления страны, а также подтолкнуть двор и правительство к более решительным действиям против демократической оппозиции.

Консервативно-клерикальные круги, как показали события апреля-июня 1970 года, не оставили попыток ослабить и подорвать советско-афганскую дружбу и столкнуть Афганистан с пути широкого сотрудничества с СССР. В этом сотрудничестве их пугал прежде всего социальный аспект: влияние социалистических идей на умы и сердца определенной части афганского общества. Вместе с тем в те весенние дни 1970 года еще одно убедительное подтверждение нашла та истина, что дружба с СССР имела в Афганистане глубокие корни и что в этой стране у него было много искренних и последовательных друзей. Их социальный диапазон был очень широк: от образованных средних городских слоев, которые в целом не только не поддержали акцию консервативных мусульманских кругов, но и с самого начала решительно осудили ее антисоветскую направленность, до простых, неграмотных тружеников, чьи симпатии к СССР оказались сильнее спекуляции на их религиозных чувствах.

Анализ афганской действительности второй половины XX в. позволяет сделать вывод о том, что начавшиеся в этой стране политические бури и потрясения были подготовлены всем предшествующим развитием афганского общества и явились закономерным следствием тягчайшего социального неблагополучия, беспросветной нищеты и бесправия подавляющего большинства населения и острой общественно-политической борьбы между консервативными силами, стремившимися удержать Афганистан на старых, средневековых рубежах, с одной стороны, и национально-демократическими кругами, выступавшими за решительное обновление страны и общественной жизни, – с другой. С началом «демократического эксперимента» Афганистан был просто обречен на социальные и политические перемены.

ГЛАВА 4. КРИЗИС МОНАРХИИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 17 ИЮЛЯ 1973 ГОДА

4.1 Забастовочное движение в стране в конце 60-начале 70-х годов

В последней трети XX в. Афганистан по-прежнему оставался земледельческо-скотоводческой страной. Промышленность была развита крайне слабо. Подавляющая часть оседлого населения (более 80 %) проживала в сельской местности. Приблизительно 2,5 млн. человек вели кочевой или полукочевой образ жизни. Несмотря на сохранение сильных пережитков производственных отношений в аграрной сфере, афганское общество к рассматриваемому времени перестало быть феодальным. В процессе капиталистической эволюции, особенно в 50-70-х годах, в многоукладной экономике Афганистана ведущими определились госкапиталистический, частнокапиталистический и мелкотоварный уклады. По мере ускорения капитализации страны все более острой становилась проблема пауперизации общества и, как результат этого процесса, увеличение численности городских низов. Их ряды непрерывно пополнялись за счет притока в города лишившихся земли и обнищавших крестьян. На этой почве в стране нарастала социальная напряженность. Она дополнялась исторически сложившимися острыми межнациональными и межплеменными противоречиями, приводившими нередко к вооруженным столкновениям и конфликтам, особенно в зоне расселения пуштунских племен. [1]

За всплеском оппозиционного движения, которое наблюдалось в 1964-1966 гг., в Афганистане наметился его определенный спад. Однако уже в 1968 году снова началось оживление деятельности различных общественно-политических сил. Толчком к этому явились массовые стихийные выступления трудящихся страны за свои социальные и экономические права.

В 1968 году впервые в истории Афганистана заявил о себе молодой, формирующийся национальный рабочий класс. В его рядах к этому времени было уже 32 тысячи фабрично-заводских рабочих, а всего в стране насчитывалось до 880 тысяч лиц наемного труда, в том числе свыше 80 тысяч в строительстве и около 30 тысяч в сфере транспорта и связи. [2] Их беспрецедентные выступления в защиту своих жизненных интересов, охватили почти все промышленные центры, положив этим начало массовому рабочему движению в стране. Оно было вызвано значительным ухудшением и без того тяжелого экономического положения трудящихся в результате завершения строительства в рассматриваемые годы многих крупных хозяйственных объектов и увеличения в связи с этим масштабов безработицы в стране, огромного, растущего год от года аграрного перенаселения, несправедливых условий купли-продажи рабочей силы и социальной незащищенности людей труда, тяжелых условий их жизни, быта и труда, постоянного роста цен на продовольствие и товары первой необходимости и т.п. Вот некоторые данные, иллюстрирующие сказанное выше. По приблизительным подсчетам, общее число безработных в стране возросло с 200 тысяч в 1966/1967 г. до 400 тысяч к началу 70-х годов и составило 7 % трудовых ресурсов Афганистана. Общий индекс цен на основные продовольственные товары вырос к 1968 году в два раза по сравнению с 1963 годом при среднем росте заработной платы с 1962 по 1967 год всего лишь на 47 %. При этом труд рабочего в Афганистане оплачивался традиционно гораздо ниже стоимости его рабочей силы, составляя примерно 1/3 прожиточного минимума семьи из четырех человек. Повсеместно процветали взяточничество, вымогательство, штрафы, обшеты и пр. Чтобы получить, например, работу шофера или крановщика на строительстве завода азотных удобрений и ТЭЦ в Мазари-Шарифе, необходимо было дать взятку должностным лицам соответственно в размере 10 тысяч афгани (при средней ежемесячной зарплате шофера в 2500 афгани) и 12 тысяч афгани. [3]

Афганские трудящиеся страдали и от социального бесправия. Принятый еще в 1946 году Закон о труде рабочих национальных предприятий практически не выполнялся, да и уже не отвечал новым условиям и потребностям растущего афганского рабочего класса. Новый же закон о труде, подготовка которого велась с 1965 года и в котором предусматривались создание специальных судов по трудовым конфликтам, элементы социального страхования рабочих, их право на создание профсоюзов и заключение коллективных договоров с предпринимателями, был заблокирован в парламенте дворцовой аристократией и консервативно-клерикальными кругами.

В массовых выступлениях трудящихся в 1968 году, происходивших в форме забастовок, демонстраций, митингов, маршей протеста, принимали участие, кроме рабочих, практически все слои населения Афганистана. Забастовки проходили как на частных, так и на государственных предприятиях. По далеко не полным данным, в течение года (с апреля 1968 по март 1969 года) в целом по стране состоялось 90 забастовок и демонстраций, в том числе в мае-июне – 28 стачек рабочих и 21 забастовка студентов и учащихся, а с апреля по август 1968 года – 60. Только за первые пять месяцев в забастовочной борьбе участвовало до 30 тысяч промышленных и строительных рабочих. [4] Всего же с 1968 по начало 1970 года в Афганистане состоялось более 140 выступлений различных групп и слоев населения (см. Приложение 8).

Начало забастовочному движению в стране положили учащиеся кабульской механической школы, выступившие в апреле 1968 года против неудовлетворительного состояния системы образования. Их забастовка, продолжавшаяся пять дней, завершилась выработкой и принятием ряда требований к властям, проведением демонстрации и шествия к парламенту и вручением этих требований ответственным представителям высшего законодательного органа страны. Вслед за ними в забастовочную борьбу включились рабочие кабульского авторемонтно-механического завода «Джангалак», крупнейшего в стране Гульбахарского текстильного комбината, на котором было занято более 5 тысяч человек, цементного завода, текстильной фабрики и элеватора в Пули-Хумри, хлопкоочистительного завода в Кундузе, Кабульского домостроительного комбината (КДСК), камнетесной и деревообделочной фабрики в Кабуле, ГЭС в Сароби, шерстоткацкой фабрики и консервного завода в Кандагаре, шахтеры-угольщики Каркара (провинция Баглан), золотодобытчики Тахара, лавочники Лашкаргаха (провинция Гильменд), строители Джалалабадского ирригационного комплекса, рабочие-нефтяники и газовики Шибиргана, строители дороги Пули-Хумри – Шибирган, печатники столичной государственной типографии, сезонные рабочие Кандагара, безработные Герата и др. К бастующим присоединились крестьяне, студенты и учащиеся школ и лицеев, городские низы, солдаты Трудовой армии. 1 мая 1968 года в Кабуле была проведена первая в истории страны демонстрация по случаю Дня международной солидарности трудящихся. Самую внушительную часть демонстрантов представляли рабочие КДСК, несшие красные флаги и транспаранты со словами «Хлеба», «Одежды», «Крова». В ходе митингов выдвигались требования объявить 1 мая официальным праздником трудящихся и признать право рабочих на создание профсоюзов.

Требования бастующих носили в основном экономический характер и включали: повышение заработной платы, улучшение условий труда и медицинского обслуживания, предоставление оплачиваемого отпуска, более широкий охват рабочих социальным страхованием, улучшение жилищных условий, оплату сверхурочных работ, соблюдение законоположений об ограничении продолжительности рабочего дня и др. Что касается политических требований, выдвигавшихся рабочими преимущественно в ходе первомайской демонстрации, то они сводились лишь к требованию официально признать и объявить 1 мая праздником трудящихся – нерабочим днем. Все указанные выше требования рабочих поддержала в парламенте народно-демократическая фракция, направив от имени депутата Файзан-уль-Хака Файзана запрос правительству относительно незамедлительного рассмотрения и решения насущных социальных проблем трудящихся. [5]

Первые выступления афганских трудящихся не были напрасными, хотя и не привели к удовлетворению всех их требований. На некоторых предприятиях рабочие добились повышения заработной платы на 15-20 %, обещаний об оплате сверхурочных работ и соблюдении законоположений об ограничении продолжительности рабочего дня. Под воздействием забастовочной борьбы правящие круги вынуждены были пересмотреть некоторые прежние законоположения о труде и ввести новые Закон о государственных служащих и Закон о наемном обслуживающем персонале государственных учреждений, принятые 10 марта 1971 года. В соответствии с Указом № 971 от 5 июня 1971 года владельцам предприятий было предписано выплачивать выходящим на пенсию рабочим пособие в размере средней пятнадцатидневной зарплаты за каждый год работы на промышленном предприятии. [6]

Пойдя на незначительные уступки забастовщикам, власти одновременно подвергли репрессиям и преследованиям активистов массовых выступлений, наглядно раскрыв этим свое представление о пределах демократии, декларированной в Конституции 1964 года. 70 рабочих завода «Джангалак», текстильной фабрики Пули-Хумри, государственной типографии и ряда других предприятий были арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения за участие в забастовках, более 600 рабочих и инженерно-технических работников уволены с работы и занесены в «черные списки». [7] В ходе забастовок власти неоднократно прибегали к вводу войск на некоторые предприятия.

Первые забастовочные выступления афганских рабочих, несмотря на всю скромность их побед и достижений, стали, безусловно, событием общенационального масштаба и знаменовали собой новую ступень в развитии общественной борьбы в Афганистане. Афганские рабочие в процессе забастовочного движения приобрели новый опыт ведения борьбы за свои права, показали примеры сплоченности, дисциплины, смелости, решительности, активности и растущего классового самосознания, сделали ряд попыток создать стачечные комитеты и придать забастовкам организованный характер, выдвинули на некоторых предприятиях из своей среды вожakov (например, на Кабульском домостроительном комбинате, а также газопромислах Шибиргана, где одним из признанных руководителей забастовки стал член НДПА рабочий Юсуф). Качественно новыми моментами в развитии рабочего движения в Афганистане в конце 60-х годов явилось то, что забастовки начали выходить за пределы отдельных предприятий и расширяться до масштабов городов, сливаясь в один поток с борьбой других слоев общества – крестьян, городских низов, интеллигенции, учащейся и студенческой молодежи. Рабочие, наряду с экономическими, стали выдвигать и некоторые политические требования, что было особенно характерным для предприятий государственно-государственного сектора.

Вместе с тем первая волна забастовок, носивших в основном стихийный характер, выявила многие слабости рабочего движения в Афганистане. Анализируя по горячим следам уроки забастовочного движе-

ния, Б.Кармаль назвал среди них следующие: отсутствие у афганского пролетариата опыта борьбы и политического руководства, идейную и организационную слабость движения, разрозненный, локальный характер выступлений рабочих и нескоординированность их действий между различными районами страны, пагубное влияние на забастовщиков экстремистских элементов, выдвижение рабочими некоторых требований без учета обстановки и своих возможностей. [8]

Необходимо подчеркнуть, что недостатки и слабости рабочего движения на этом этапе и безуспешность большей части забастовок и маршей протеста были обусловлены не только классово и политической незрелостью молодого рабочего класса страны и неуступчивостью властей, но прежде всего тем, что у него не было опытного и авторитетного руководителя, что обе фракции НДПА (Хальк и Парчам) и другие организации из-за отсутствия у них прочных связей с рабочими коллективами не были готовы возглавить выступления рабочих и придать им организованный и целеустремленный характер. К этому времени партийные ячейки на промышленных предприятиях были единичными и немногочисленными и не могли оказывать сколько-нибудь ощутимое влияние на умы, настроения и поведение рабочих, в том числе и в ходе развертывания забастовочной борьбы, несмотря на участие многих партийцев в демонстрациях и митингах. В связи с этим представляются крайне преувеличенными утверждения, встречающиеся в афганских послереволюционных публикациях, о том, что-де НДПА «возглавила в 1968-1969 годах активную борьбу рабочих страны, в особенности их забастовки и демонстрации». [9] Вместе с тем нельзя согласиться и с противоположным мнением – полным отрицанием участия и роли двух крыльев НДПА в рабочем забастовочном движении в 1968 и последующих годов, что характерно для некоторых зарубежных исследователей-афганистов. Так, пакистанский автор Раджа Анвар в его книге «Трагедия Афганистана» пишет, что не НДПА, а будто бы «пропекинские коммунисты (члены афганских маоистских группировок. – М.С.) имели весомые основания утверждать, что именно они являлись организаторами большинства (по словам Р.Анвар, 80 %) забастовок на кабульских промышленных предприятиях в конце 60-начале 70-х годов». Источником для такого, далекого от истины, вывода стала беседа указанного автора в марте 1981 года в тюрьме Пули-Чархи с одним из руководителей маоистской группировки «Шоалеи джавид» инженером Абдуллою Латифом Махмуди (племянником доктора Абдурахмана Махмуди). [10]

Объективности ради надо сказать, что афганские левые экстремисты действительно стремились взять руководство выступлениями рабочих в свои руки и, используя трескучие, ультрареволюционные фразы, направить их на путь авантюры, инспирирования беспорядков, открытой физической конфронтации с монархическими властями. И кое-где и кое в чем им это удавалось сделать. В частности, в июне 1968 года они, как уже отмечалось, организовали у кабульского кинотеатра «Памир» митинг с участием рабочих завода «Джангалак» и городской бедноты и спровоцировали острые столкновения с полицией и жандармерией. В результате применения последними оружия несколько рабочих были убиты. Вслед за этим некоторые руководители и активисты «Шоалеи джавид» подверглись арестам. В сентябре того же года 14 членов организации были приговорены к различным срокам тюремного заключения, пятеро из них, в том числе ее лидеры М.Осман и А.Махмуди, – к 13 годам каждый.

К концу 1968 года в основном завершилась первая волна забастовок афганских промышленных, строительных и транспортных рабочих. В следующем году в стране имели место лишь единичные, кратковременные выступления рабочих Кандагарского международного аэропорта (январь), медицинского персонала больницы «Вазир Акбар-хан» в столице (январь), рабочих на шерстоткацкой фабрике в Пули-Чархи (май), строительстве ирригационных объектов в провинции Парван (май), текстильном комбинате Гульбахара (июнь), птицефабрике Баграми (июль), шоферов ширкета бытового обслуживания в Кабуле (август) и на ряде других предприятий. [11]

Наряду с забастовочным движением рабочих, рассматриваемый период характеризовался также всевозрастающей общественной активностью афганского студенчества и учащейся молодежи. Широкое недовольство в их среде вызывалось глубокой неудовлетворенностью системой образования, высоким уровнем безработицы среди выпускников школ и лицеев, процветавшей в стране дискриминацией выходцев из трудовых слоев населения при приеме в учебные заведения, нерешенностью многих социальных и политических проблем. На их сознание и поведение огромное воздействие оказывали острое противоборство в обществе различных идейных взглядов и течений и деятельность среди молодежи многочисленных политических группировок, бурная предвыборная и парламентская борьба, забастовочное движение рабочих, а также внешние факторы – общая идеологическая ситуация в мире и регионе, складывавшаяся во многом под влиянием демократических и прогрессивных воззрений и тенденций, и широкий размах борьбы народов Востока и Латинской Америки за социальное и национальное освобождение.

Афганских студентов и учащихся волновали прежде всего пороки и бедственное состояние образования в стране. Как известно, Афганистан на рубеже 60 и 70-х годов XX в. по-прежнему оставался страной с почти поголовной неграмотностью самодельного населения. По официальным данным, в 1967 году среди мужского населения полностью неграмотные составляли 87,6, а среди женского – 90,4 %. Начальную школу посещали всего лишь 14,5 % детей школьного возраста (чуть более 400 тысяч), среднюю – 4,6 (47 тысяч), лицеи, технические и специальные училища – 2,8 % (21,2 тысячи человек). В стране ощущалась острая нехватка учителей и школ (по данным на 1965-1966 годы, в школах всех ступеней насчитывалось только 8806 учителей, а количество начальных и средних учебных заведений не превышало 2,29 тысяч), более 70 % школ, в том числе и в столице, размещались в помещениях, не приспособленных для учебных целей и не имевших элементарного оборудования – парт, стульев, учебных пособий и т.п., крайне низкой была квалификация преподавательского состава, повсеместно в школах практиковались телесные наказания учащихся. Ассигнования на просвещение были мизерными и составили в 1968/1969 году 501 млн. афгани, т.е. 11,7 % текущих расходов государственного бюджета. Хотя принятый в 1968 году Закон о просвещении и объявил обязательным начальное образование в стране, однако подавляющее большинство

населения в силу указанных выше причин было лишено возможности получить его. В тех условиях, по расчетам самих правящих кругов, страна могла обеспечить начальное образование для всех детей школьного возраста только к концу XX в. [12]

Не лучше было положение и в сфере высшего образования. По подготовке национальных кадров высшей квалификации Афганистан занимал одно из последних мест среди афро-азиатских стран. К примеру, в 1965 году число окончивших высшие учебные заведения в расчете на 100 тысяч человек населения страны составило всего лишь 3 человека (для сравнения: в Индии их было 52, в Пакистане – 39, Турции – 40, на Филиппинах – 180 человек). По официальным данным, в то время потребности страны в технических и дипломированных специалистах высшей квалификации составляли до 31 тысячи человек. Тем не менее численность студентов многие годы продолжала оставаться крайне незначительной. В 1968 году в вузах страны – Кабульском университете, Кабульском политехническом институте и на Джалалабадском медицинском факультете – обучались всего 4760 студентов и работало 569 преподавателей. [13]

Выступления афганского студенчества и учащейся молодежи, как уже отмечалось, состоялись весной 1968 года, главным образом в Кабуле. И это было не случайным. Дело в том, что в столице было сосредоточено около 98 % всех афганских студентов и более 51 % (около 35 тысяч) учащихся средних школ, лицеев, технических и специальных училищ, а также краткосрочных профессиональных курсов повышения квалификации при различных ведомствах и государственных учреждениях. [14] Одно из крупных выступлений столичной молодежи за свои права состоялось 21 мая 1968 года. В нем приняли участие многие студенты Кабульского университета и учащиеся Афганского технологического института (среднетехническая школа), педагогического училища, школы медсестер и ряда других учебных заведений, где заметным влиянием пользовались прежде всего организации Парчам и Хальк. Полиция применила против демонстрантов оружие, в результате чего один студент был убит. В знак протеста против жестокой расправы властей многочисленная колонна возмущенной молодежи прошла по улицам Кабула с высоко поднятой на древке окровавленной рубашкой убитого студента, вызывая этим сочувствие, симпатии и поддержку прогрессивной столичной общественности. Участники марша протеста выкрикивали антиправительственные лозунги. В августе столичные студенты и учащиеся провели внушительную демонстрацию и митинг в поддержку национально-освободительной борьбы народа Пуштунистана.

Процессы прогрессирующей политизации афганского студенчества и учащейся молодежи и дестабилизирующее воздействие их выступлений на политическую обстановку в стране серьезно обеспокоили правящие круги. Стремясь остановить дальнейшее развитие молодежного движения и направить его в русло чисто академических проблем, они в октябре 1968 года обнародовали проект закона об университетах и Закон о просвещении. В соответствии с данными законами, студентам, профессорско-преподавательскому составу и служащим университета запрещалось заниматься политической деятельностью и состоять в политических партиях. В частности, статья 4 проекта закона об университетах предписывала: «Университет – это место, где должны учиться, а не заниматься политической и партийной пропагандой». Указанный проект закона предусматривал также введение строгого правительственного контроля над учебным процессом в университете. Одно из нововведений Закона о просвещении устанавливало, что выпускники восьмого класса должны были проходить строгий конкурсный экзамен для получения права продолжать свою учебу в средней школе. На деле это означало для многих юношей и девушек, прежде всего выходцев из малоимущих слоев, запрет на получение среднего образования. [15]

Обнародование данных законов дало, однако, результаты, обратные ожидаемым. В кругах передовой афганской общественности эти шаги монархических властей были расценены как противоречащие конституции и грубо попирающие демократические права граждан. В октябре 1968 года забастовали студенты сельскохозяйственного факультета университета, где значительный процент составляли выходцы из трудовых слоев. Одновременно, требуя улучшений условий учебы, выступили студенты Кабульского политехнического института. Их митинги, демонстрации и забастовки продолжались 24 дня. Столичные студенты и молодежь, вовлекая в свои ряды представителей различных слоев и групп населения города, провели 24 октября массовую демонстрацию и митинг в память событий 3 акраба 1344 года (25 октября 1965 года). Демонстрации студентов и учащихся состоялись также в Джалалабаде, Кандагаре и Герате. Под воздействием широкой волны выступлений афганского студенчества и учащейся молодежи парламент страны вынужден был 20 ноября отклонить проект закона об университетах, а министр просвещения доктор Али Ахмад Попаль уйти в отставку.

Конец 1968 года ознаменовался спадом молодежного движения в Афганистане. Подводя итоги забастовочного движения молодежи в указанном году, следует отметить, что в целом оно, несмотря на определенную массовость в отдельные периоды, носило все же эпизодический, во многом стихийный характер. Требования, выдвигавшиеся в ходе митингов и забастовок, не выходили, как правило, за рамки академических интересов и бытовых проблем, за исключением лишь нескольких случаев, когда в центре борьбы оказывались политические права и свободы. Эту слабость студенческого движения видели и хорошо понимали в то время в демократических кругах. Выражая их мнение, Б.Кармаль в статье «Проблемы студенческого движения в стране», опубликованной в газете «Парчам» от 11 ноября 1968 года, указывал на насущную необходимость преодоления элементов стихийности в выступлениях молодежи, создания Союза студентов, выработки единой программы действий и определения принципов взаимоотношений и сотрудничества в их среде между различными политическими силами.

Качественно новый этап в молодежном движении Афганистана начался весной 1969 года (в Афганистане в то время учебный год начинался в марте и заканчивался в декабре). Волнения студентов и учащихся на сей раз стали принимать еще более наступательный характер, а в их требованиях на первый план все чаще выходили общедемократические, политические лозунги. Молодежное движение захватывает многие административные центры страны – Кандагар, Герат, Джалалабад, Мазари-Шариф, Кундуз, Баглан, Хост, Лашкаргах, Джебаль-ус-Сирадж, Зарандж и другие. Особенно массовый, бурный и затяжной

характер оно приобрело в столице. По далеко не полным данным, только в апреле-мае 1969 года в стране состоялось более 50 крупных забастовок и демонстраций, в которых участвовали десятки тысяч студентов и учащихся и солидарных с ними государственных служащих, рабочих, ремесленников и городских низов. Непрерывавшиеся волнения молодежи, став общенациональным явлением, серьезно нарушили обычное течение жизни в городах и населенных пунктах страны, что заставило власти, особенно в преддверии парламентских выборов, снова прибегнуть к широким репрессиям в отношении забастовщиков, в том числе и к закрытию учебных заведений. Фактически учебный процесс в школах и вузах был приостановлен с мая по ноябрь. Однако закрытие учебных заведений, как и аресты активных участников забастовочного движения и исключение их из школ и вузов, не решили проблему: волнения молодежи продолжались. Студенты и учащиеся закрытых властями учебных заведений, разъехавшись по провинциям, активно подключились к борьбе местной учащейся молодежи, привнося в ее ряды свой мятежный дух, нетерпимость к существующим порядкам и горячее стремление к радикальным переменам.

Одними из первых в марте 1969 года забастовали учащиеся средней школы Харджеда в уезде Ниджраб (провинция Каписа) и кандагарской гражданской авиационной школы. Учащиеся школы Харджеда предприняли многокилометровый поход в провинциальный центр, чтобы вручить местным властям свои требования. Среди них, кроме обеспечения школы элементарными учебными пособиями и оборудованием, было требование гарантировать со стороны администрации и преподавательского состава школы «человеческое обращение с учащимися и соблюдение научной, прогрессивной методики преподавания». [16] 2 апреля вспыхнула продолжавшаяся почти две недели забастовка выпускников столичных и провинциальных лицеев, протестовавших против несправедливых результатов конкурсных экзаменов при поступлении в Кабульский университет. Собравшись на территории университета, они осудили дискриминацию выходцев из малоимущих слоев населения и жителей провинций при поступлении в вуз и потребовали отменить принятый накануне нового учебного года высокий проходной балл для абитуриентов по итогам вступительных экзаменов (он был повышен с 45 до 52 баллов). В ходе бурных митингов их участники избрали из своей среды представительный руководящий орган в составе 23 человек. Решительно отмежевываясь от экстремистски настроенных элементов, толкавших забастовщиков на путь открытой конфронтации с властями, колонна молодежи двинулась по улице Кабула к министерству просвещения, где ее представители встретились с министром и вручили ему свои требования. Копии этих требований были также направлены Совету Кабульского университета и в нижнюю палату парламента – Вулуси джиргу. Данная забастовка была активно поддержана учащимися ряда столичных лицеев. 15 апреля Вулуси джирга под давлением общественности и депутатов от демократических сил в парламенте приняла решение о необходимости снижения проходного балла до уровня прошлого года, т.е. до 45 баллов. Ректор университета доктор Абдулла Вахеда, избранный на этот пост в октябре 1968 года, вынужден был уйти в отставку. Однако правильность фактически оставило без внимания другие требования забастовщиков.

Почти одновременно с выпускниками лицеев в забастовочную борьбу вступили учащиеся престижного столичного лицея «Неджат». Они обвинили министерство просвещения в пренебрежительном отношении к нуждам школы, а преподавателей из ФРГ, работавших в лицее, – во враждебности и неприязни к учащимся и потребовали коренного изменения системы преподавания и порядка сдачи экзаменов, а также восстановления в лицее исключенных из него своих одноклассников – активистов забастовки. Вскоре к ним присоединились учащиеся лицеев «Хабибия», «Гази» и других учебных заведений столицы. В течение нескольких недель тысячи молодых людей ежедневно выходили на улицы и площади Кабула и проводили многочасовые митинги и демонстрации, отличавшиеся высокой организованностью и порядком. По свидетельству газеты «Парчам», сами участники шествий принимали решительные меры, вплоть до изгнания из своих рядов, к тем, кто пытался нарушать порядок и преднамеренно спровоцировать столкновения с полицией. [17] В ходе митингов и демонстраций провозглашались лозунги: «Покончить с колониальной системой образования!», «Мы хотим иметь передовую национальную культуру и просвещение!», «Смерть реакции и тирании!» и другие. Власти, как и в других подобных случаях, ответили на эту забастовку арестами и изгнанием из лицея многих ее активистов, полностью проигнорировав при этом требования учащейся молодежи. [18]

С начала мая накал борьбы афганской молодежи стал стремительно нарастать. Дополнительными побудительными мотивами к этому послужило начало предвыборной кампании, упорное нежелание правящих кругов удовлетворить требования молодежи и обеспечить на практике реализацию гражданских прав и свобод, декларированных Конституцией 1964 года. 1 мая по стране прокатились массовые митинги и демонстрации, посвященные празднованию Дня международной солидарности трудящихся. Они состоялись в Кандагаре, Джебаль-ус-Сирадже, Нангархаре, Парване, Каписе и многих других провинциях и промышленных центрах Афганистана. В Кабуле с раннего утра колонны студентов, учащихся, низших государственных служащих, рабочих, представителей интеллигенции и городских низов заполнили все главные улицы города, направляясь к его центру, где состоялся общегородской многотысячный митинг (как отмечала газета «Парчам», лишь одна-две небольшие группы предпочли провести в столице отдельный митинг). Демонстранты несли красные флаги и транспаранты со словами «Да здравствует 1 мая – День международной солидарности трудящихся!», «Народ требует свободы, хлеба, одежды, крова, лекарств и грамоты!», «Долой феодализм!», «Долой империализм – главного врага народов!» и другие. Митинг продолжался до 6 часов вечера и закончился принятием развернутой резолюции. Отметив в ней, что первомайские шествия в столице проведены по инициативе и под руководством НДПА (в тексте – «народно-демократического движения Афганистана»), участники митинга заявили, что они будут бороться за официальное признание 1 мая «праздником рабочих», за обеспечение демократических прав и свобод народа, повышение уровня заработной платы трудящихся, которая соответствовала бы их жизненным нуждам, принятие демократического закона о труде, создание профсоюзов, против незаконных преследований ра-

бочих, их увольнений и безработицы, за быстрое освобождение из тюрем учащихся лицеев «Неджат», «Хабибия» и «Гази», рабочих и патриотически настроенных преподавателей, арестованных за участие в забастовках. В резолюции была выражена солидарность со всеми борцами за мир, демократию и социальный прогресс. [19]

За первомайскими демонстрациями последовала новая волна забастовочной борьбы афганской молодежи, охватившая в мае-июле значительную часть провинций страны (по публикациям газеты «Парчам», 13 из 28 провинций). Выступления молодежи приняли особенно драматический характер в Кабуле. 13 мая полиция, поддержанная жандармами и солдатами дежурной части кабульского гарнизона, под предлогом «наведения порядка и обеспечения безопасности» ворвалась на территорию лицея «Ибн Сина» и учинила жестокое избиение дубинками и палками бастовавших учащихся указанного лицея и педагогического училища. В результате этой неспровоцированной полицейской акции многие из них получили ранения различной тяжести, в том числе и серьезные, часть их была арестована, а учащийся лицея, выходец из Пактии Асил Мухаммад убит. Кровавая расправа над школьниками вызвала гнев и возмущение широкой столичной общественности, как гражданской, так и военной. В знак протеста против вероломства властей не менее 10 тысяч человек из числа столичной молодежи и горожан приняли участие в траурной процессии. Затем кортеж машин с телом убитого и сопровождавшими его студентами и учащимися направился в Пактию, где предполагалось организовать его похороны. Однако по дороге колонна была перехвачена полицией и силой возвращена в Кабул. Организаторы похорон были арестованы и брошены в тюрьму. Лицей «Ибн Сина» и педагогическое училище были закрыты. Бесчеловечные действия блюстителей порядка и репрессивные меры властей еще больше накаляли обстановку в столице. 19 мая на территории Кабульского университета состоялся массовый митинг протеста с участием студентов, школьников и профессорско-преподавательского состава. И снова полиция, прибегнув к грубой силе, разогнала митинг. Она ворвалась в аудитории и служебные помещения университета, круша на своем пути мебель и оборудование, избивая юношей и девушек, мужчин и женщин, отбирая у них деньги, часы и драгоценности. Многие студенты и преподаватели получили ранения, ряд из них были арестованы.

21 мая в актовом зале университета под председательством его нового ректора, профессора Фазль Раби Пажвака состоялось собрание профессоров и преподавателей по обсуждению происшедшего накануне акта насилия и вандализма. В числе присутствовавших были и те, кто пострадал от дубинок и кулаков полиции, кроме преподавателя филологического факультета Мухаммада Хасана Какара, который не смог из-за серьезных травм прибыть на собрание. После горячего обсуждения событий 19 мая собрание единодушно приняло резолюцию, в которой действия полиции расценивались как «антиконституционные и попирающие национальное и человеческое достоинство». Собравшиеся потребовали от правительства срочного провести официальное расследование происшедшего и отдать под суд лиц, ответственных за бесчинства полиции, и самих исполнителей, незамедлительно снять блокаду территории университета, обеспечить в соответствии с полномочиями, которые возложены на правительство конституцией страны, неприкосновенность университета, безоговорочно освободить всех арестованных студентов. Кроме того, они заявили, что «любое вмешательство в университетские дела должно в будущем осуществляться только в соответствии с Положением об университетах, через ректора и Совет университета». По решению собрания резолюция была направлена председателям обеих палат парламента, верховному судье и главе правительства, а также для опубликования во все органы печати – официальные и частные. На этом же собрании ряд выступавших предложили создать Союз преподавателей университета. [20]

Позиция и требования представителей вузовской интеллигенции нашли заинтересованный отклик среди передовой афганской общественности. Их поддержали преподавательские коллективы многих учебных заведений, в том числе столичных педагогического училища, лицеев «Рахман-баба», «Хабибия», «Неджат», торгового лицея и других. С теплыми словами приветствия и поддержки к преподавателям университета обратился ветеран демократического движения конца 40- начала 50-х годов, один из основателей в 1951 году партии «Хальк» Мухаммад Наим Шаян. В своем послании он подчеркнул, что этот гражданский акт преподавателей университета «займет достойное место в истории борьбы демократических сил страны». [21] В защиту афганской молодежи решительно выступили обе фракции НДПА. Парламентская фракция партии сделала запрос правительству по поводу расправы над студентами и школьниками и потребовала от него предания открытому суду ее виновников. Стремясь сплотить афганскую молодежь и придать ее выступлениям организованный характер, партия разработала и от имени учащейся и студенческой молодежи выдвинула общую платформу действий, в которой были сформулированы организационные принципы и лозунги движения. Партия призвала молодежь продолжать борьбу до тех пор, пока не будут удовлетворены все ее требования. [22]

Расправа над студентами Кабульского университета, учащимися лицея «Ибн Сина» и педагогического училища дала толчок началу довольно-таки нового для страны явления – массового движения солидарности с бастующей молодежью. Забастовки и митинги солидарности прошли во многих городах и провинциях Афганистана – Нангархаре, Парване, Каписе, Баглане, Кундузе, уезде Пагман и в других местах. В Кабуле они не прекращались ни на один день весь июнь. В дополнение к митингам и демонстрациям молодежь стала прибегать еще к одной форме борьбы – проведению голодных забастовок. В итоге учебный процесс в школах и вузах был полностью парализован.

Не утихали брожение и недовольства и среди преподавателей Кабульского университета. Не получив положительного ответа от правительства на свои требования по поводу событий 19 мая, они в июне провели несколько общевузовских собраний с участием ректора университета. На одном из них была избрана комиссия в составе 26 человек, во главе с профессором Али Мухаммадом Зохма, на которую была возложена задача добиваться от властей безусловного выполнения требований преподавателей. 16 июня комиссия, исполняя поручение собрания, вручила председателям нижней и верхней палат парламента доктору Абдул Захиру и сенатору Абдул Хади Дави еще одно обращение профес-

сорско-преподавательского коллектива университета. Законодатели были уведомлены о принятом на собрании решении создать Союз преподавателей университета и разработать проект устава этого объединения. В обращениях отмечалось, что данный Союз призван, «соблюдая ценности Конституции, защищать личное достоинство и профессиональные права его членов, неприкосновенность университета и академические свободы». Кроме того, предлагалось внести в проект закона об университетах, который в то время проходил обсуждение в парламенте, положение об общеузовском собрании преподавателей как высшем общественном органе, а также признать в этом законе право преподавателей на создание своего Союза. [23] Следует заметить, что многочисленные попытки комиссии А.М.Зохма повлиять на правящие круги и добиться от них удовлетворения требований преподавателей вуза оказались безуспешными. Не был создан и Союз преподавателей.

Правящие монархические круги, несмотря на справедливость требований вузовской интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи и широкую поддержку их борьбы в стране, в целом проигнорировали и эти требования, и мнение общественности, если не считать ряда мелких уступок, вроде вывода полиции с территории университета и увольнения с работы некоторых одиозных школьных администраторов. Почти повсеместно власти продолжали по-прежнему использовать полицию и войска против демонстрантов, подвергать их массовым арестам и лишению права учиться, прибегать к временному закрытию учебных заведений, а в ряде мест (например, в г. Ханабаде провинции Кундуз) и к введению в ночное время комендантского часа. [24] В июле король утвердил Закон о наказаниях малолетних преступников, в котором предусматривались различные репрессивные меры в отношении подростков в возрасте от 7 до 15 лет за их «антиобщественную деятельность». В конце лета на длительный срок был закрыт Кабульский университет. С целью противодействия радикально настроенной молодежи режимом всячески поощрялась деятельность клерикальных молодежных группировок, была активизирована работа проправительственной бойскаутской организации, создан Клуб молодежи. Усилились гонения на левые и демократические силы и их печатные органы, в том числе газеты «Парчам», «Афган меллят» и другие. В начале июля за причастность к организации студенческих забастовок были арестованы и преданы суду общественной безопасности активисты НДПА (Парчам) Наджибулла, Абдул Вакиль и Мухаммад Исмаил Махшур, студенты соответственно медицинского, экономического и юридического факультетов Кабульского университета. [25]

Им было предъявлено обвинение в «участии в противозаконных забастовках и демонстрациях», «нарушении общественной безопасности и нагнетании напряженности», «провоцировании беспорядков и столкновений с полицией», «создании условий для призыва народа к восстанию» (два последних обвинения выдвигались конкретно против Наджибуллы). Первый помощник прокурора Кабульской провинции Мухаммад Амин Ниязи, выступавший на суде в качестве государственного обвинителя, назвал их «главарями и первостепенными зачинщиками смуты». Подсудимые в подготовленном ими тексте совместного заявления и в своих довольно длинных индивидуальных защитительных речах категорически отвергли все предъявленные им обвинения как надуманные от начала до конца, бездоказательные и клеветнические. Полемизируя с государственным обвинителем, они заявили, что на деле их судят за то, что они «хотят, используя декларированные в Конституции свободы, бороться за пробуждение сознания народа и его права, улучшение жизни подавляющего большинства обездоленного населения страны, укрепление экономической и политической независимости Афганистана, демократию и социальный прогресс, в защиту своей священной родины». Отклонив обвинения в том, что, участвуя в демонстрациях и забастовках, они преследовали-де «свои корыстные интересы», подсудимые с гордостью подчеркнули свою принадлежность к народно-демократическому движению Афганистана и сознательную приверженность идеям и взглядам, выразителем которых является газета «Парчам». При этом они не скрывали, что в борьбе за интересы народа руководствуются «принципами творческого научного мировоззрения». [26]

Необходимо отметить, что все трое вели себя на суде смело, раскованно и с большим достоинством, а их выступления и ответы были глубоко аргументированными и политически четкими по содержанию, страстными, порой даже запальчивыми и дерзкими, яркими и образными по своей форме. В этом смысле могла бы быть показательной защитительная речь Абдул Вакиля, впрочем, равно как и других его коллег по скамье подсудимых. В частности, обосновывая законность и мотивы своего участия в демонстрациях и забастовках протеста против жестокой расправы полиции над школьниками лицея «Ибн Сины», он гневно бросил прокурору широко известные на Востоке слова Саади, классика средневековой литературы на фарси:

«Над горем людским ты не плакал век, – Так скажут ли люди, что ты человек».

Блестящая самозащита и достойное поведение обвиняемых на суде (их совместное заявление и речи были полностью опубликованы в двух номерах газеты «Парчам») принесли им широкую известность, особенно среди мятежной молодежи, и содействовали дальнейшему укреплению популярности в обществе радикальных оппозиционных настроений.

Между тем все усилия властей овладеть обстановкой в стране не давали ощутимых результатов. Более того, по мере расширения молодежного движения к нему начали присоединяться другие слои и группы населения. Данное обстоятельство заметно повлияло на изменение содержания лозунгов и требований молодежи в сторону усиления их социально-политической направленности. В ходе летних (1969 г.) забастовок и митингов все более резкой критике стали подвергаться безжалостная эксплуатация афганских рабочих, коррупция, взяточничество, грубость и различные злоупотребления властью должностных лиц, невнимание правящей верхушки к бедам простых людей, несправедливость аграрных отношений в деревне, а также выдвигались требования предоставить учащимся право на проведение собраний и политических диспутов, ввести обучение в школах на родном языке, обеспечить работой всех выпускников школ, в том числе и девушек, и т.д.

Следует заметить, что в Афганистане в процессе забастовочной борьбы рассматриваемых лет, несмот-

ря на характерную для этой страны традиционную замкнутость женщины в своем семейном мире, произошла активизация «женского фактора». Это зримо проявилось не только в избрании в 1965 году четырех женщин депутатами парламента, их страстных выступлениях с парламентской трибуны в защиту прав, свобод и достоинства женщин и создании в 1966 году Демократической организации женщин Афганистана (ДОЖА) во главе с А.Ратезад, но и особенно в нараставшем по своей массовости участии представительниц городского населения, прежде всего из числа интеллигенции и студенчества, в демонстрациях, митингах, маршах, забастовках и других гражданских акциях. 8 марта 1969 года впервые в истории Афганистана по инициативе ДОЖА в Кабуле была проведена конференция, посвященная Международному женскому дню. На ней с докладом выступила А.Ратезад. [27]

По мере приближения парламентских выборов, назначенных на 9-13 сентября 1969 года, афганская молодежь стала, особенно в июле-августе, все больше втягиваться в избирательную кампанию и отражать в своих выступлениях позиции и взгляды различных противоборствующих политических сил.

После парламентских выборов молодежное движение в стране пошло на убыль. Последние месяцы года были отмечены лишь отдельными выступлениями молодежи. Наиболее заметными среди них были, пожалуй, только митинги и демонстрации в память жертв 3 акраба (25 октября 1965 г.), состоявшиеся в Кабуле, Джалалабаде, Меймене, Мехтарламе, Баглане, Кундузе и ряде других городов Афганистана. Так завершился этот этап движения студенческой и учащейся молодежи, охвативший по времени почти весь 1969 год, а по территории – практически большинство провинций страны. Он был ознаменован дальнейшим углублением процесса политизации образованной части афганской молодежи, выдвижением, наряду с академическими, и политических лозунгов, появлением тенденции к слиянию выступлений молодежи с борьбой других социальных и политических сил и постепенным превращением молодежного движения в серьезный фактор общественно-политической жизни страны. Хотя это движение и приобрело черты общенационального явления, вместе с тем оно продолжало по-прежнему оставаться недостаточно организованным и все еще не имело единого руководящего центра.

Забастовочная борьба афганской молодежи сопровождалась широкими репрессиями властей против ее участников. В целом в течение года по стандартному обвинению в нарушении «законности и порядка» были уволены с работы и изгнаны из учебных заведений более 100 партийцев НДПА и десятки лиц арестованы и брошены в тюрьмы. Среди арестованных были не только члены двух фракций НДПА, но и других леводемократических и национально-патриотических организаций, в частности студент медицинского факультета Кабульского университета Абдул Карим Заргун, Мухаммад Тахер Бадахши, Бахруддин Баэс, Фарид Шаян, Голь Мухаммад, Забиулла, Сеид Каюм и др. [28] В конце октября под давлением «улицы» и демократической оппозиции в парламенте правительство освободило значительную часть студентов и школьников, арестованных в ходе весенних и летних выступлений молодежи. Однако это не означало, что правящие круги отказались от использования силы против политической оппозиции. Уже в январе 1970 года за участие в многотысячной антиамериканской демонстрации, состоявшейся в Кабуле в связи с приездом в страну вице-президента США С.Агню, были арестованы и подвергнуты тюремному заключению активные члены НДПА (Парчам), входившие в руководящее ядро действовавшей в Кабульском университете партийной организации, доктор Фарук, Халиль Змар, Наджибулла, Абдул Вакиль, М.Исмаил Махшур (для троих последних это был их второй арест), М.Барьялай, Эмтиаз Хасан, Хешмат Ауранг и Наджмуддин Кавьяни. Им было предъявлено обвинение в действиях, «противоречащих политике нейтралитета Афганистана» и выразившихся в оскорблении США и американского флага и забрасывании автомобиля С.Агню камнями, тухлыми яйцами, гнилыми помидорами и очистками овощей. [29] В связи с указанными событиями ушел в отставку ректор университета профессор Фазль Раби Пажвак, уступив место доктору Сеиду Абдул Кадыру Баха, декану Джалалабадского медицинского факультета.

5 июня 1970 года леводемократические силы, обеспокоенные разгулом выступлений консервативно-клерикальных кругов (см. об этом в п.3.3.), провели в Кабуле многотысячную демонстрацию протеста против оккупации Израилем арабских земель и вмешательства империализма в дела Афганистана. Активное участие в ее организации и проведении приняли фракции Хальк и Парчам. Подлинные цели этой акции состояли в том, чтобы показать силу и влияние в обществе левых сил, перехватить политическую инициативу из рук ихванистов и нейтрализовать их усилия по дискредитации леводемократического движения. Полиция жестоко расправилась с демонстрантами, многие из них были избиты и арестованы. Акт расправы получил огласку с парламентской трибуны. В конце октября 1971 года левые силы, как и в предыдущие годы, провели повсеместно в стране шествия и митинги в память жертв 3 акраба. И на сей раз реакция спровоцировала нападения на их участников. В Лагмане от ее рук погиб, а затем был растерзан на части юноша-парчамист Абдурахман.

В рассматриваемые годы Кабульский университет (в то время в него на правах отдельных факультетов входили Кабульский политехнический институт и Джалалабадский медицинский факультет) неизменно оставался чутким барометром жизни страны, отражая, как в зеркале, весь спектр противоборствующих общественных сил. Несмотря на далеко зашедшие в среде афганских студентов процессы политического размежевания, уроки предшествовавшей забастовочной борьбы и осознание ими своей силы подвели их к необходимости создания общевузовой организации и избрания ее руководящего центра. В августе 1971 года была образована Ассоциация студентов Кабульского университета и принят ее Устав, чем было положено начало организованному студенческому движению в Афганистане. Ассоциация, в организации которой активное участие приняли группировки Хальк, Парчам, Шоалеи джавид и Мусульманская молодежь, объявила своей целью борьбу за «обеспечение и защиту профессиональных, демократических и социальных прав студентов», в «поддержку освободительного движения, за справедливый мир, непримиримость к действиям реакции, борьбу против эксплуатации, проявлений колониализма», «сопротивление всякому гнету, насилию, дискриминации». Были избраны руководящие органы Ассоциации – Совет, Исполнительный комитет и Высший совет. [30]

13 ноября 1971 года по решению Совета Ассоциации студентов началось новое (после 1968-1969 гг.), наиболее продолжительное по времени забастовочное выступление афганской студенческой молодежи. [31] Поводом к нему послужили некоторые пункты нового Устава Кабульского университета, разработанного Ученым советом последнего. В нем, в частности, предусматривалось повышение переходного балла с курса на курс с 55 до 60 баллов (по стобальной системе), а также сокращение допустимого максимума пропусков занятий по различным причинам. К забастовке присоединилась часть преподавателей и сотрудников университета. Так, в КПИ в ней участвовали 25 из 37 преподавателей, причем из указанных 25 человек 24 получили образование в СССР и один (преподаватель теологии) – в Египте.

Инициатором студенческой забастовки явилась группировка Шоалеи джавид. По тактическим соображениям, а точнее, чтобы не быть обвиненными в сговоре с правительством, призыв к забастовке поддерживали организации Хальк, Парчам, Садаи авам, Мусульманская молодежь и другие, хотя повод к ее проведению был весьма сомнительным. По признанию студентов, принадлежащих к Хальк, новый Устав университета объективно не ущемлял интересы подавляющего большинства студентов, так как их средняя успеваемость составляла, как правило, выше 75 баллов, а пропуски занятий не превышали установленных 25 % учебного времени. И не случайно, что в ходе забастовки ее академические мотивы вскоре отошли на второй план, уступив место идеологической борьбе внутри студенческого коллектива. Кроме того, ряд лиц под шумок забастовочной борьбы попыталась свести личные счеты с руководством университета и негодными преподавателями.

Наибольшую активность и воинствующую непримиримость в борьбе с инакомыслящими проявили шоалеевцы. Среди них особенно выделялись Сеид Афгани, Абдулла Латиф Махмуди, Хабибуррахман, Замрай и другие. Они снова, как и прежде, оседлали своего любимого антисоветского коня, утверждая, что СССР под видом помощи Афганистану стремится укрепить-де свое господство в этой стране, что советский опыт подготовки кадров высшей квалификации неприемлем для Афганистана, что «Советский Союз – образец плохого социализма!» и т.д. Однако антисоветизм Шоалеи джавид встретил резкий отпор со стороны представителей других политических группировок, что нередко сопровождалось не только словесной перебранкой, но и драками. Все это заставило афганских маоистов заметно умерить свой воинственный пыл. К ним, но уже с правого крыла, примыкали члены Мусульманской молодежи, которые под флагом борьбы с «неверными» стремились скомпрометировать советских преподавателей, работавших в КПИ, и подорвать доверие к ним. В ходе многочисленных митингов и демонстраций студенты выдвигали и общие лозунги, как-то: «Долой реакцию!», «Покончим с феодализмом!», «Смерть империализму!», «Прекратим войну во Вьетнаме!», «Долой правительство реакционеров!» и т.п.

В процессе студенческих выступлений, и не без их влияния, в Кабульском университете был создан Союз преподавателей, в который вошли 13 представителей Хальк, 8 – из Шоалеи джавид и остальные – независимые. Однако в Исполнительном комитете Союза большинство мест заняли шоалеевцы. По замыслу учредителей Союза, он должен был играть такую же роль среди преподавательского состава, какую студенческая Ассоциация выполняла среди студентов.

Данная студенческая забастовка, продолжавшаяся 160 дней, была самой длительной в истории афганских вузов тех лет. Фактически работа университета с ноября 1971 по конец апреля 1972 года была парализована, несмотря на все усилия его руководства, министерства просвещения и правительства восстановить нормальный учебный процесс. В конце концов, осознав свое бессилие прекратить забастовку, министр просвещения Х.Энаят-Сирадж вынужден был, ссылаясь на болезнь, уйти в отставку. Конфликт был передан на рассмотрение парламентской комиссии по юридическим вопросам, которая вынесла заключение о неправомерности нового Устава университета. Правительство, в свою очередь, вынесло решение об отмене Устава и предписало ректорату университета начать занятия не позднее 18 апреля 1972 года. В ответ на это решение правительства Ученый совет Кабульского университета в полном составе, а также деканы факультетов, за исключением медицинских и педагогического, вышли в отставку. Таким образом, повод к конфликту был устранен и 22 апреля студенческий Совет объявил забастовку законченной и призвал студентов приступить к занятиям.

Забастовочная борьба афганских студентов завершилась их победой – отменой непопулярного Устава университета. Однако значимость этих студенческих выступлений заключалась не столько в данном, мелком по существу факте, далеко не адекватном проявленному упорству и накалу страстей, а в другом. Беспрецедентные по продолжительности и массовости волнения студентов отразили прежде всего широкое недовольство в обществе внутренней и внешней политикой правящих кругов, явились показателем все углублявшегося кризиса политической системы государства и внесли свою лепту в расшатывание устоев власти. Важным достижением этого этапа студенческого движения стала попытка организационно оформить его ряды. Приобретен был и определенный опыт борьбы молодежи за свои права. Большая концентрация студенчества и учащейся молодежи в столице обусловила их высокую политическую мобильность и боевитость и содействовала быстрому утверждению в их среде духа корпоративности. Студенты и на сей раз подтвердили, что они являются наиболее политизированной и активной оппозиционной силой афганского общества. Они продемонстрировали обостренное понимание своего гражданского долга, обязательным элементом которого явилось осознание ими необходимости участия в том или ином общественно-политическом движении или группировке и защиты тех или иных идейных, политических, национальных, культурных, религиозных и других ценностей.

Студенческие выступления 1971-1972 годов снова показали, что среди значительной части афганской молодежи большой популярностью пользовались левые идеи и взгляды. Это обстоятельство вынуждено было признать и американское посольство в Кабуле, пристально следившее за развитием событий в этой стране. «В течение прошедших четырех лет, – писало оно в 1971 году в одном из своих аналитических материалов, – левые силы... добились важных успехов среди студентов и городских низших прослоек ин-

теллектуального труда. Демонстрации левых сил стали обычным явлением. По существу растущая сила левых является отражением углубляющегося разочарования в существующем социально-экономическом положении и явной неспособности или нежелания руководства страны смело заниматься ее проблемами». [32]

Вместе с тем молодежному движению в Афганистане были присущи и свои слабости, что и показали студенческие выступления начала 70-х годов. Во-первых, молодежное движение не было единым. Его участники принадлежали к различным группировкам – от Хальк и Парчам до крайне левых и правых экстремистов – и придерживались разных идей и взглядов относительно решения внутренних проблем страны. В этих условиях из-за острых внутренних идеологических разногласий Совету Ассоциации так и не удалось выработать единую программу действий и стать подлинным руководящим центром забастовки. Хотя дух корпоративности во многих случаях объединял их и они нередко выступали как единая масса. Во-вторых, за внешней, видимой, забастовочной активностью студентов скрывались низкий уровень политической зрелости основной массы афганского студенчества, широкое распространение в его среде экстремистских (правых и левых) и ультрареволюционных взглядов и настроений, увлечение трескучей антиправительственной фразеологией, а также опыание от «игры» в революцию и гипертрофированное самомнение о своей общественной значимости. Многие студенты, если не большинство из них, участвовали в массовых митингах и демонстрациях скорее из любопытства и стремления «быть как все» (характерные черты психологии толпы и митинговой эйфории), чем на основе глубоких убеждений. Их общественное поведение строилось главным образом на безоговорочном лозунге «Долой!». В-третьих, студенческие волнения 1971-1972 годов в целом все же оставались обособленным «бунтом молодежи», хотя и с огромным митинговым запалом, и не слились с выступлениями других слоев и групп населения.

Во второй половине 1971 года, когда в столице начались студенческие волнения, выступлений рабочих и других слоев населения еще не было, хотя подготовка к ним уже наметилась. В октябре 1971 года на некоторых объектах Джалалабадского ирригационного комплекса, в частности на ремонтно-механическом заводе в Дарунте, среди рабочих по инициативе НДПА были созданы организации для поддержки забастовки и специальный денежный фонд в сумме 15 тысяч афгани для помощи семьям бастующих. Неизбежность новой волны рабочих забастовок объективно была связана с крайне неблагоприятным положением в социально-экономической сфере жизни трудящихся, сложившимся в стране в результате острой нехватки продуктов питания из-за сильнейших засух двух лет подряд (1970/71 и 1971/72 годов) и падежа скота зимой 1971/72 года ввиду небывалых снегопадов и бескормицы, голода в некоторых районах, бешеного роста цен на товары первой необходимости, спекуляции, растущей безработицы, взяточничества и коррупции административного аппарата и т.д.

В такой ситуации 13 января 1972 года первыми выступили примерно 1500 рабочих и около 200 служащих управления строительства микрорайонов и Кабульского домостроительного комбината. В течение первых двух дней забастовки они выработали и предъявили администрации следующие основные требования: выплатить отпускные за 7 лет с начала эксплуатации комбината (общая сумма задолженности рабочим по этой статье составляла около 13 млн. афгани); обеспечить рабочих спецодеждой; улучшить санитарное состояние бытовых помещений на производстве. Забастовку пытались остановить министр общественных работ Хазек Залмай, пообещавший за две-три недели изыскать источник для оплаты задолженности по отпускам, и мулла, заявивший на митинге, что требования рабочих о выплате задолженности неправомерны. Однако бастующие первому не поверили, а второго прогнали с трибуны, не дав ему закончить речь. Забастовка была прекращена лишь 13 апреля. Добились же рабочие немногого: компенсацию за неиспользованные отпуска получили только служащие и уволившиеся с комбината рабочие. Остальные требования забастовщиков остались неудовлетворенными.

Вслед за рабочими КДСК 20 апреля забастовали около 100 рабочих службы эксплуатации микрорайонов в знак протеста против увольнения нескольких десятков товарищей. В результате встречи делегации рабочих с генеральным директором управления градостроительства Сарваром Омаром была достигнута договоренность об увольнении лишь семи человек пенсионного возраста.

30 мая возобновили забастовку примерно 700 рабочих управления строительства и службы эксплуатации микрорайонов. В ходе многодневных митингов, в которых принимали участие и представители левых сил, в том числе и НДПА, были выдвинуты требования не только сугубо рутинного характера (например, увеличить выдачу денег на обед и отпуск муки по талонам с 4 до 6 сиров на одного рабочего в месяц, выдавать ежегодно летнюю и зимнюю спецодежду, организовать доставку рабочих к месту работы, повысить рабочим разряды и т.п.), но и принципиального, масштабного характера, как-то: образовать на домостроительном комбинате комитет по найму и увольнению с участием рабочих, организовать для рабочих страховое медицинское обслуживание по типу государственных служащих, обеспечить выплату пожизненной пенсии в случае получения производственной травмы, предоставлять рабочим жилье. И вновь администрации было предъявлено требование выплатить семилетнюю задолженность за неиспользованные отпуска. О солидарности с бастующими заявили рабочие домостроительного комбината. Собравшись на митинг после работы, они выдвинули те же требования, что и рабочие микрорайонов, и дополнительно требование незамедлительно уволить заместителя директора комбината по кадрам. При этом они предупредили руководство комбината, что предпримут всеобщую забастовку, если это их требование не будет выполнено. Власти, испугавшись дальнейшего расширения волнений на КДСК, произвели 3 июня массовые аресты организаторов и наиболее активных их участников и таким образом сорвали забастовку.

Одновременно со столичными рабочими-строителями в забастовочную борьбу вступили рабочие Кабульского хлебокомбината и авторемонтно-механического завода «Джангалак». Забастовка на хлебокомбинате началась 18 апреля. Она готовилась заранее и носила организованный характер. В ней приняли участие более 450 рабочих, которые потребовали от правительства разрешения создать профсоюз, повысить заработную плату, оплачивать все сверхурочные работы, улучшить условия труда, обеспечить бес-

платное медицинское обслуживание и т.п. На митинге выступающие (среди них были и представители левых сил) резко критиковали администрацию комбината и департамент заготовок продовольствия за различные злоупотребления, казнокрадство, невнимание к нуждам рабочих и их эксплуатацию. Президент департамента Мия Хосейн Моджаддеди обвинил рабочих в том, что они слушают подстрекателей – студентов Кабульского политехнического института, и попытался прекратить забастовку, пообещав изучить требования рабочих. Однако последние, не удовлетворенные таким обещанием, продолжили забастовку. Лишь после того, как руководство департамента вынесло решение удовлетворить большинство требований рабочих (за исключением разрешения на создание профсоюза), они 20 апреля возобновили работу.

Затяжной характер приняла забастовка рабочих на заводе «Джангалак». Она началась стихийно 3 мая. Вскоре к бастующим примкнули некоторые мастера и служащие завода. Во главе забастовки встал слесарь Ареф, член Парчам. В ее руководство вошли также и некоторые лица, придерживавшиеся прокитайских взглядов. Следует заметить, что шоалеевцы снова, как это случилось в июне 1968 года, попытались направить забастовку в антисоветское русло и подтолкнуть бастовавших к использованию силы в противостоянии с властями, однако получили отпор со стороны многих рабочих. Забастовка носила в целом спокойный и организованный характер. Требования, выдвинутые рабочими, включали около 20 пунктов, в том числе: узаконить ежегодное празднование 1 мая; уволить директора завода, допускающего разворовывание заводских средств; организовать в конце рабочего дня на заводе курсы по ликвидации неграмотности, а также изучение русского или английского языка; уволить руководящих работников пенсионного возраста и вместо них назначить молодых инженеров, получивших образование в СССР; выплачивать рабочим пенсии по старости; ввести страхование от несчастных случаев; запретить беспричинные увольнения рабочих; повысить размеры заработной платы с учетом роста цен на продукты питания; установить на заводе такую же продолжительность рабочего дня, как и у государственных служащих, или доплачивать за сверхурочную работу; увеличить выдачу муки по купонам с 28 до 56 кг на рабочего и т.д. Данные требования были сначала направлены в министерство горных дел и промышленности, а затем Совету директоров объединения Джангалакских заводов. Ими было принято решение частично удовлетворить экономические требования рабочих. Забастовка была прекращена 25 мая.

Весной 1972 года волнения охватили ряд трудовых коллективов на севере страны. 6 марта забастовали рабочие-эксплуатационники автодороги Кабул – порт Шерхан, требуя своевременной выплаты зарплаты и разницы за повышение тарификационных разрядов, улучшения питания, выдачи зимней одежды и увольнения за грубое обращение с рабочими начальника службы эксплуатации дороги полковника Касем-хана. Около 80 рабочих-механизаторов и ремонтников в тот же день предприняли поход на столицу от поселка Доши (в 135 км к северу от Кабула). По дороге (на 89 километре) они были остановлены губернатором провинции Парван и командующим трудовой армией, которые пообещали удовлетворить все требования бастующих (что и было сделано на следующий день). Рабочие вернулись к месту работы. Еще одна забастовка более 600 рабочих-дорожников состоялась с 25 мая по 2 июня на строительстве автомагистрали Наибабад – Хайратон в знак протеста против увольнения нескольких шоферов и механизаторов и грубого обращения с ними со стороны администрации.

Наиболее политизированный характер приняли выступления рабочих-нефтяников в г. Шибиргане (административный центр провинции Джаузджан). Начало волнениям в этом городе положили учащиеся мужского лицея (около 200 человек), организовавшие 1 мая демонстрацию под лозунгами «Хлеба детям!», «Долой империализм!», «Смерть кровопийцам!», «Да здравствует солидарность народов мира!» и др. На митинге выступали главным образом члены Хальк и Парчам. 6 мая объявили забастовку около 400 рабочих Шибирганской конторы бурения. В ее подготовке и организации большую роль сыграли провинциальные организации обеих фракций НДПА, что нашло непосредственное отражение в характере выступлений рабочих и содержании их лозунгов. На многодневных митингах ораторы говорили о тяжелых жизненных условиях трудящихся и их жестокой эксплуатации, называли конкретных виновников их бед и страданий, читали революционные стихи, в том числе и собственного сочинения, особо подчеркивая при этом классовый смысл существующих противоречий в обществе. Выступления участников митингов, сопровождавшиеся трехкратным «ура» присутствовавших, обычно заканчивались лозунгами «Долой кровопийц, долой паразитов, долой врагов рабочего класса!», «Долой империализм!», «Долой врагов демократии и социализма!», «Да здравствует солидарность рабочих Афганистана с рабочими всего мира!». Кроме того, на митинге, проведенном у конторы бурения, раздавались лозунги «Да здравствует солидарность рабочих Афганистана с рабочими Советского Союза!» и «Да здравствует Советский Союз!».

В процессе забастовки был выработан и предъявлен администрации большой список требований (из 16 пунктов), среди которых основными были: разрешить празднование 1 мая; организовать рабочий комитет (типа профсоюзной организации); освободить от работы начальника отдела кадров Хамуша – «врага рабочего класса»; уволить главного механика и главного бухгалтера, а также начальника цеха Ахмад Шах-хана; обеспечить рабочих жильем; оплачивать инвалидность при несчастных случаях; построить баню для рабочих; наладить снабжение медикаментами; обеспечить вахты исправными машинами; увеличить зональный коэффициент с 15 до 30 %; сократить продолжительность смен цехов и буровых бригад до размеров рабочего дня служащих контор и т.д. Забастовка рабочих-нефтяников получила широкий резонанс в стране и была поддержана некоторыми органами независимой прессы. Среди них была и газета «Меллят».

Забастовка закончилась 15 мая после того, как администрация согласилась удовлетворить половину требований рабочих. Все они носили экономический характер. Что касается требований по политическим и кадровым вопросам, то все они были проигнорированы властями.

23 мая началась беспрецедентная в истории Афганистан забастовка инженерно-технического персонала департамента геологии и горных дел министерства горных дел и промышленности. В ней активное участие приняли 38 человек из 347 инженерно-технических работников департамента (многие из них име-

ли дипломы советских вузов, а семь человек – дипломы кандидатов наук, полученных в СССР). Бастующие, поддержанные другими сотрудниками этого учреждения, в своих выступлениях подвергли острой критике работу департамента, указав на большие и напрасные расходы и неэффективность изысканий на многих месторождениях полезных ископаемых, плохую текущую подготовку кадров, профессиональную некомпетентность президента департамента Мирзада, его пренебрежительное отношение и недоверие к молодым специалистам-инженерам, и заявили, что не приступят к работе, пока Мирзад не уйдет в отставку. Они считали, что департамент может обойтись без помощи советских специалистов и вообще без советского содействия в области геологоразведочных работ. [33]

Президент департамента, отвечая на эту критику, отметил, что он не верит в способность афганских специалистов, при всей их амбициозности и карьеристских побуждениях, работать пока самостоятельно ввиду присущих им недисциплинированности, беспечности, лени, весьма слабой профессиональной подготовки. Выступление инженерно-технических работников не было поддержано рабочими департамента. Более того, последние в знак протеста против необоснованных требований инженеров объявили 28 мая контрзабастовку. Прибыв в столицу на машинах, они на состоявшемся митинге осудили бастующих и особенно их выпады против советских специалистов, работавших по контракту в указанном департаменте, заявив, что «коммунисты – не англичане, коммунисты – трудолюбивые люди». В последующие дни эти две забастовки приняли характер острого взаимного противостояния. В такой ситуации администрации департамента пришлось выступать в роли арбитра между ними и с трудом сдерживать попытки физической расправы рабочих над инженерами. 1 июня в события вмешалась полиция и, арестовав около 40 человек, принудила рабочих и инженерно-технический персонал департамента приступить к работе. Требования забастовщиков не были приняты.

В начале июня 1972 года повсеместно в стране прекратились забастовочные выступления афганских рабочих. По приблизительным данным, в них в 1971-1972 годах приняли участие в общей сложности около четырех с половиной тысяч рабочих и 263 инженерно-технических работника. Численность участников выступлений афганской молодежи составила примерно 7700 человек. Хотя забастовочное движение рассматриваемых лет по своему размаху и числу участников значительно уступало волнениям 1968-1969 годов, тем не менее оно было отмечено большей, чем прежде, организованностью, сплоченностью и политической направленностью. Определенная заслуга в этом, несомненно, принадлежала демократическим элементам, в частности обеим фракциям НДПА, которые, активно участвуя в забастовках и их руководящих органах как на стадии подготовки, так и проведения, содействовали повышению уровня политической сознательности участников движения, помогали им целенаправленно отстаивать свои права и классовые интересы.

Забастовочная борьба 1971-1972 годов развертывалась в основном в столице и северных районах страны, то есть там, где были сосредоточены наиболее крупные отряды молодого, формировавшегося рабочего класса Афганистана. Подготовка к забастовкам осуществлялась и в других центрах (например, на ГЭС Наглу и Джалалабадском ирригационном комплексе), но там администрации предприятий удалось предотвратить их путем принятия предупредительных мер и обещаний улучшить положение рабочих. В ходе забастовок рабочие подняли голос в защиту своей чести и человеческого достоинства и добились от властей выполнения части экономических требований. Многие из этих требований опирались на прочную правовую основу и прямо вытекали из содержания принятых в первой половине 1971 года законов о труде, выполнение которых, как показывала жизнь, упорно игнорировалось и правительством, и администрацией предприятий. Что касается политических требований рабочих, то ни одно из них не было удовлетворено.

При всей скромности достигнутых успехов рабочее движение в Афганистане в начале 70-х годов сделало еще один шаг вперед в своем становлении и подтвердило, что является неотъемлемым фактором общественно-политической жизни страны. События этих лет со всей очевидностью показали, что Афганистан вступил в полосу социальных потрясений и грядущих перемен. Признаки надвигающегося кризиса власти были налицо: значительная часть населения уже не хотела мириться со своим униженным, бедственным положением, а монархическая верхушка не желала (да и не была способна) кардинально реформировать политическую систему и решить злободневные проблемы жизни народа. «Демократический эксперимент», начатый «сверху» в 1963 году, не только не разрядил взрывоопасную внутривластную ситуацию в стране, но и значительно усилил ее. Устой монархической власти были серьезно расшатаны и, как ни парадоксально, при помощи ею же дозволенной демократии.

4.2 Деятельность левой оппозиции накануне антимонархического переворота. Свержение монархии

Афганистан вступил в 70-е годы, будучи охваченным глубоким социально-экономическим кризисом. Спад в развитии экономики сопровождался и дополнялся ростом инфляции и бюджетного дефицита, увеличением масштабов безработицы, значительным повышением цен на товары первой необходимости, острой нехваткой продовольствия и связанного с ним массового голода (по некоторым данным, в 1971 – 1972 годах от голода в стране умерло более 80 тысяч человек [34]), следствием чего явился уход сотен тысяч афганцев в соседние страны в поисках работы и куска хлеба. В обществе неумолимо нарастала социальная и политическая напряженность, что особенно ощущалось в столице, которая как мыслящий, интеллектуальный центр страны остро чувствовала всю несправедливость существовавшего политического устройства. Что касается афганских правительств, то они, демонстрируя в эти годы свою полную неспособность овладеть ситуацией и решить злободневные проблемы страны, менялись одно за другим. Только в течение двух лет и двух месяцев, предшествовавших свержению монархии в Афганистане, сменилось три кабинета. Король по существу перестал играть какую-либо значимую роль в направлении государственных дел. Династия дискредитировала себя и утратила авторитет и влияние в обществе и армии. В сложившейся

ситуации при дворе все больший политический вес приобретал клан Шах Вали – Абдул Вали, стремившийся всеми силами и средствами остановить окончательное крушение монархического строя.

В этот период наметились некоторые изменения в позициях и деятельности обеих фракций НДПА. Парчамисты, лишившись своего печатного органа, наряду с продолжением использования еще оставшихся в их распоряжении легальных возможностей (парламент, митинги и демонстрации и т.д.), вынуждены были все больше переносить акцент на конспиративные формы работы, включая и работу в армии. Под влиянием стихийных выступлений трудящихся обе фракции активизировали попытки проникнуть в рабочую и крестьянскую среду и распространить на них свое влияние. Это была нелегкая задача. И та, и другая фракция отчетливо понимали, что рабочие и крестьяне ввиду почти поголовной неграмотности и низкого уровня политического и классового сознания еще не готовы к восприятию даже самых благих демократических идей. Учитывая это, партийные агитаторы в общении с рабочими особое внимание уделяли их элементарному политическому просвещению, разъяснению необходимости и законности борьбы за право создания профсоюзов и принятия общегосударственного демократического закона о труде, повышении заработной платы для лиц наемного труда, обеспечивающей нормальный прожиточный уровень их семей, равную оплату для мужчин и женщин за равный труд, реализацию права трудящихся на пенсионное обеспечение и оплачиваемые отпуска, выступали в защиту рабочих от произвола, насилий и унижения их человеческого достоинства со стороны властей и предпринимателей. Предметом и поводом для бесед с рабочими служили конкретные примеры из их жизни и труда, публикации частной и официальной прессы о положении трудящихся, деятельность (а точнее – бездеятельность) правительства и особенно выступления депутатов-демократов в парламенте. В условиях разветвленной в стране сети фискальства и слежки за инакомыслящими, гонений и репрессий со стороны властей партийцам приходилось прибегать к необходимому мерам предосторожности и конспирации. Контакты и беседы с рабочими осуществлялись, как правило, под видом вечеринок-посиделок (на дари – «гаштак») и встреч по поводу семейных торжеств и памятных дат, на автобусных остановках, во время обеденных перерывов и т.п.

В процессе этих усилий НДПА удалось привлечь к себе внимание и симпатии части рабочих и даже создать кое-где в рабочих коллективах партийные ячейки, например, на заводе «Джангалак», Кабульском домостроительном комбинате, газопромыслах Шибиргана, в провинции Гильменд. Однако при всем этом позитиве партия все же не смогла добиться сколько-нибудь широкого влияния в рабочей среде. Причинами этого явились не только противодействие реакционных сил и правительственные меры, ограничивавшие возможности для деятельности левых элементов, но главным образом качественные характеристики молодого, формировавшегося рабочего класса – его почти поголовная неграмотность, отсутствие сложившейся пролетарской психологии и опыта общественно-политической деятельности, прочные связи с деревней, а порой и временный (сезонный) характер работы на промышленных предприятиях и в строительстве, традиционная зависимость от родоплеменной, местной и духовной элиты, глубокая приверженность религии и вековым обычаям и традициям, этнопсихологическая неприязнь и разобщенность и т.п.

Еще более скромными были успехи НДПА в ее попытках завоевать доверие крестьянских масс. Следует заметить, что обе фракции НДПА, исходя из ее программных целей, всегда придавали особо важное значение решению крестьянского вопроса в Афганистане. Однако в первые годы существования партии работе в деревне не было уделено должного внимания. Лишь в конце 60-начале 70-х годов, в ходе забастовочных выступлений трудящихся в столице и провинциях, были предприняты попытки проникнуть в деревню. При некоторых провинциальных партийных комитетах, а затем и в ряде деревень были созданы комитеты по работе среди крестьян. При этом особые надежды возлагались на представителей деревенской интеллигенции – членов НДПА и партийных агитаторов. Предполагалось, что партийцы с целью установления дружеских, доверительных отношений с крестьянами будут принимать непосредственное участие в различных ритуальных церемониях деревни (похоронах, свадьбах, обряде обрезания и т.д.), массовых молебнах-намазах и следовавших за ними беседах, хашарных работах, вечеринках-посиделках и коллективных чтениях, традиционно практикуемых в зимнее время в деревенских минманхане, оказывать финансовую и материальную помощь бедным семьям за счет сбора пожертвований среди членов партии, проводить индивидуальную и коллективную разъяснительную работу, организовывать встречи партийных функционеров с крестьянами и местными авторитетами-старейшинами и патриотически настроенными духовниками. [35]

Однако уже первые контакты с крестьянами явно обескуражили партийных агитаторов. Афганская деревня оказалась глухой к голосу и лозунгам НДПА. По словам одного из руководителей провинциального комитета партии тех лет на севере страны, «установлению контактов с крестьянами мешали их боязнь ханов, беков и реакционных властей, а также отжившие взгляды и рабская психология». Этот же партийный функционер указывал, что некоторые крестьяне уже после первой встречи отказывались от продолжения бесед с активистами НДПА, сокрушенно говоря им: «Мы – бедные люди. Не втягивайте нас в беду. Какая нам польза от таких речей. Козла подвешивают за свою ногу, а барана – за свою. Бог сотворил нас бедными и несчастными. Ешьте свою кашу да не вмешивайтесь в жизнь нашу!». [36]

Крестьяне не приняли всерьез партийных агитаторов также и из-за их молодости, которая на Востоке традиционно воспринимается как недостаток зрелости и житейской мудрости. Да и сами партийцы, будучи по преимуществу городскими жителями, оказались неготовыми к должному восприятию и учету особенностей быта и психологии крестьян: не знали тонкостей деревенских обычаев и традиций, правил ношения одежды и взаимных приветствий, не принимали во внимание сложившуюся веками и освященную религией систему деревенских авторитетов и ценностей, не умели говорить с крестьянами на простом, доступном им языке, нередко гнушались сидеть на грязных и рваных циновках, поджав под себя ноги, пить чай из разбитой и немойтой посуды, есть из одной деревянной миски, спать на засаленной постели, что в целом вызывало к ним (партийцам) неприязненное отношение со стороны крестьян. [37]

Партийное руководство, проанализировав первые, безрадостные итоги работы среди крестьян и осознав ее бесперспективность в тех условиях, пришло к выводу о необходимости перенесения центра тяжести своей деятельности в деревню на наиболее независимую от местных властей и авторитетов часть сельского населения – пахлеванов (борцов-силачей), наездников – участников конноспортивной игры «бозкеши», деревенских смутьянов-удальцов и других лиц, отличавшихся свободомыслием и смелостью поведения и традиционно пользовавшихся в Афганистане симпатией и уважением деревенских жителей. Через эту категорию лиц предполагалось выйти в последующем на широкие слои населения деревни. Вместе с тем намечалось усилить работу среди сельских полупролетариев – ремесленников и кустарей, а также среди торговцев, некоторых местных авторитетов, учащихся сельских средних школ и лицеев. В итоге НДПА удалось в последующие годы создать в ряде провинций первые деревенские партийные ячейки (например, в деревнях Алатиходжа и Месрабад, вблизи г. Шибиргана). В 1971 году в провинции Джаузджан был создан первый в стране кооператив плотников, под «крышей» которого действовала подпольная партийная организация. В его составе было 23 человека, из которых семеро являлись членами партии, а остальные – сочувствующими. [38]

Следует признать, что такие примеры успешной работы НДПА в деревне были скорее исключением, чем правилом. Хотя обе ее фракции в своих заявлениях и публикациях неизменно в эти годы уделяли повышенное внимание установлению связей с крестьянством, тем не менее работа в деревне не приобрела для партии приоритетного характера и велась sporadически, в отдельных районах и, как правило, лишь вблизи от городских центров. Сказывались при этом организационная слабость НДПА и, главное, неготовность крестьянских масс понять и воспринять ее образ мыслей.

Неудачные попытки закрепиться в рабочей и крестьянской средах и повлиять на их общественное сознание имели для партии серьезные тактические и политические последствия. Она вынуждена была замкнуть свою деятельность в основном на образованную городскую мелкобуржуазную среду – интеллигенцию, государственных служащих, ремесленников, торговцев, учащуюся и студенческую молодежь, что в итоге привело к значительному сужению ее социальной опоры в обществе.

В конце 60-начале 70-х годов обе группировки НДПА продолжали действовать обособленно друг от друга. Правда, иногда, прежде всего в процессе массовых забастовочных акций в столице, логика общественно-политической борьбы сводила их вместе, в одни митинговые ряды и колонны. Но это, к сожалению, не положило начало какому-либо сближению партийных соперников. Отойти от взаимного зла и сотворить благо во имя общих целей оказались выше их сил, физических и духовных. Новый импульс к обострению отношений между ними был задан в конце 1969 года уходом из парчамовского крыла трех членов его руководящего ядра – Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпара и А.Х.Шараи Джаузджани. С присоединением их к Хальк его лидеры в конце 1970 года значительно расширили состав своего высшего руководящего органа, кооптировав в члены ЦК трех указанных перебежчиков, а также А.К.Мисака, Х.Амина, М.И.Данеша и кандидатами в члены ЦК – М.М.Хашеми, А.А.Вулуси, А.Р.Арьяна, Махмуда Сума, М.Х.Паймана, М.Я.Буньяди и А.К.Заргуна. Этот шаг был мотивирован «значительным увеличением количества членов партии и ростом ее престижа и авторитета среди народа», а также необходимостью «лучшего налаживания партийных дел и укрепления руководства партии». [39] Что касается крыла Парчам, то состав его высшего руководящего органа вплоть до середины 70-х годов оставался прежним, а именно: членами ЦК являлись Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Нур Ахмад Нур, М.А.Хайбар и А.Ратезад, а кандидатами в члены ЦК – С.Лайек и М.Х.Барек Шафии.

В декабре 1970 года парчамовцы провели в Кабуле третий расширенный пленум ЦК и вслед за ним II партийную конференцию. На них были обсуждены доклады о положении в партии, стране и мире и принято решение, состоящее из семи пунктов и озаглавленное «Задачи нашей борьбы». Данный документ подтвердил приверженность организации ее программным стратегическим и тактическим целям, конкретизировал насущные задачи дня, в частности в области идеологической, политической, пропагандистской и организационной, подчеркнул необходимость усиления борьбы против правого экстремизма. Отдельный пункт был посвящен проблеме единства и «задачам борьбы против антипартийных раскольников». [40]

Следующий (1971) год был насыщен для обеих фракций НДПА значительными делами и событиями. Так, ЦК Парчам в письме, направленном партийцам 1 января 1972 года в связи с седьмой годовщиной I съезда партии, имел основание утверждать, что организация «провела большую работу по реализации установок, изложенных в «Задачах нашей борьбы». Среди наиболее важных акций, осуществленных ею в 1971 году, отмечались: активное участие партийцев в организации десятков забастовок, демонстраций и митингов в защиту прав и требований трудящихся, проведение массовых маршей и митингов в связи с празднованием Дня 1 мая, Дня Пуштунистана, в память жертв 3 акраба, а также в связи с убийством в Лагмане правыми экстремистами парчамовца Абдурахмана (примеч.: на митинге протеста, проведенном по этому поводу в столичном парке Зарнегар 27 октября 1971 года, участвовали десятки тысяч жителей Кабула; подобный митинг прошел и в Лагмане), участие в создании Ассоциации студентов Кабульского университета и разработка ее устава и др. [41] Руководство Парчам сделало в этот период еще одну попытку добиться от властей разрешения на издание своего печатного органа, на сей раз под названием «Каргар» («Рабочий»), однако снова получило отказ. В этих условиях некоторые важные материалы по насущным проблемам деятельности организации публиковались время от времени в неправительственной прессе (например, в газетах «Рузгар», «Пактика» и др.), но чаще всего размножались от руки или же с помощью множительной техники. В том же году группировка Парчам, руководствуясь решениями третьего расширенного пленума ЦК, предприняла ряд шагов, правда, безуспешных, для установления единства с халькистами (см. об этом подробнее в разделе 2.6.). Не найдя понимания с их стороны, Парчам выступила в сентябре 1972 года с инициативой создания «Объединенного фронта прогрессивных народно-демократических сил», в который бы, кроме Парчам, вошли Партия прогрессивных демократов, Афган меллят, Меллят, Садаи авам, Союз афганских учителей, Ассоциация студентов Кабульского университе-

та и Демократическая организация женщин Афганистана. Было проведено учредительное собрание, на котором были провозглашены основные задачи «фронта» – защищать принципы конституции и бороться против внутренней и внешней реакции. Однако далее этой декларации деятельность «фронта» не пошла и идея его создания оказалась нереализованной.

Парчам, имея своего депутата в Вулуси джирге, по-прежнему уделяла большое внимание использованию парламентской трибуны в интересах пропаганды своих взглядов и для критики внутренней и внешней политики правящих кругов, проявлявших в эти годы очевидную неспособность руководить страной и решить ее жгучие проблемы. Летом 1971 года, как уже говорилось, в условиях дальнейшего углубления социально-экономического кризиса и обострения внутриполитической ситуации произошла очередная смена правительства. Вместо ушедшего в отставку правительства Н.А.Эттемади к власти пришел кабинет д-ра Абдул Захира. В этот период в стране на первое место выдвинулась продовольственная проблема, крайне усугубленная засухой. Парчам вместе с другими демократическими силами, не отрицая пагубного воздействия засухи и маловодья на снабжение населения продуктами питания, указывала и в парламенте, и в своих письменных материалах, что испытываемые страной трудности не являются «временными», как это утверждало правительство, а носят хронический характер. По мнению руководства Парчам, «главные причины голода и дороговизны в стране, бедствий и нищеты народа коренились в социально-экономических условиях общества», а также в неспособности и нежелании правящих кругов предпринять радикальные меры для реформирования аграрных отношений. Вместе с тем правительство А.Захира обвинялось в создании «всевозможных препятствий для деятельности прогрессивной прессы» и «потворстве провокационной деятельности черной реакции в стране». [42] Следует заметить, что оценки и подходы Парчам и Хальк по многим проблемам внутренней жизни Афганистана и деятельности правительства в данный период в основном совпадали.

В 1972 году фракция Парчам, исходя из установки о подготовке к осуществлению демократической революции в стране, выступила с идеей созыва очередного, II съезда партии, который бы стал «поворотным пунктом в историческом развитии партии молодого рабочего класса Афганистана и революционного движения страны». Признав, что в прошлом отсутствовали благоприятные условия для его созыва, ЦК НДПА (Парчам) поставил перед организацией задачу подготовить такие условия, для чего предусматривалось: активизировать идеологическую подготовку руководящих кадров, привлекать в партию и воспитывать сознательные элементы из числа трудящихся, расширять численный состав партии, бороться против всякого эгоизма и самодовольства, проявлений фракционизма, внутренних склоков и недисциплинированности, различных уклонов в идеологических и организационных вопросах, правого и левого оппортунизма, за строгое выполнение уставных норм и избрания в соответствии с Уставом достойных лиц в руководящие органы организации. [43] 24 мая 1973 года на заседании ЦК было принято решение начать непосредственную подготовку к созыву съезда, на котором намечалось создать самостоятельную «Партию трудящихся Афганистана» и принять ее программу, воплощающую в себе принципы марксизма-ленинизма и учитывающую опыт мирового революционного процесса. [44]

Следует заметить, что общественно-политическая активность обеих фракций НДПА вызывала в этот период неистовую злобу и растущее противодействие как со стороны властей, так и консервативно-клерикальных кругов. Последние летом 1972 года выдвинули лозунг «Эй правоверные! Поднимайтесь на борьбу с кафирами!» [45] (имелись в виду члены и сторонники НДПА. – М.С.), а наиболее фанатичные из них стали призывать к физической расправе над лидерами НДПА (в частности Б.Кармалем), мотивируя это мезтью за убийство 8 сентября 1972 года неизвестными лицами главного редактора газеты «Гахидз» Менхаджуддина Гахидза. Нападки, насилие и террористические акты правых и левых экстремистов против обеих фракций стали нормой политической жизни страны. От их рук в 1971-1972 годах, как уже отмечалось, погибли парчамовец Абдурахман, халькисты Абдул Кадыр и Пачазадин, многие десятки были ранены. Члены НДПА подвергались избиениям и разного рода оскорблениям и глумлению над их человеческим достоинством, как-то: им насильно брили головы, усы и брови, мазали лицо сажей, связывали и сажали на ослон на потеху обывателю, нередко поджигали и грабили их дома, беспричинно подвергали денежным штрафам. Дискредитация партии активно велась и по правительственной линии с помощью радио и прессы и через кафедры мечетей. Многие партийцы были лишены права учиться, изгнаны с работы и арестованы. [46]

В данный период оба крыла НДПА волновали не только животрепещущие внутренние проблемы страны, но и непоследовательная внешняя политика афганского правительства. Они, в частности, резко осудили позицию умолчания кабинетов Н.А.Эттемади и А.Захира по отношению к событиям на индостанском субконтиненте (арест в марте 1971 года лидера Народной лиги («Авами лиг») Восточного Пакистана Шейха Муджибура Рахмана и других ее деятелей, запрещение Национальной народной партии А.Валихана, репрессии военного режима Яхья-хана против демократических и национально-освободительных сил, политический кризис в Пакистане, приведший к провозглашению независимости Бангладеш, индо-пакистанский вооруженный конфликт в конце 1971 года).

Особый протест и возмущение демократической общественности страны вызвали заверения афганского руководства, направленные пришедшему к власти пакистанскому правительству З.А.Бхутто, о том, что-де между Афганистаном и Пакистаном не существует каких-либо разногласий и нерешенных вопросов. Подобного рода констатация афганского правительства была расценена в кругах широкой общественности страны как еще один пример проводимой правящей верхушкой «политики обмана по национальной проблеме Пуштунистана и Белуджистана», как шаг, «ставящий под угрозу безопасность, территориальную целостность и независимость афганского государства». [47] Обе фракции НДПА повторили указанные оценки на массовых демонстрациях и митингах, которые они провели в августе 1971 и 1972 годов по случаю Дня Пуштунистана, и в принятых на них заявлениях в поддержку национально-

освободительных движений народов Пуштунистана и Белуджистана. Политика военного режима Яхья-хана и репрессии против национально-патриотических сил Пакистана были осуждены в специальном заявлении ЦК НДПА (Парчам) от 2 декабря 1971 года, а также в выступлении Б.Кармала 29 ноября этого же года в Вулуси джирге и его запросе правительству. Солидарность НДПА с национально-освободительными движениями в Пакистане была с пониманием встречена среди демократической общественности региона. Прямым отражением этого явилось приглашение летом 1971 года Б.Кармала в Нью-Дели на неправительственную международную конференцию по Бангладеш. [48]

В 1971-1973 годах внимание широкой афганской общественности было привлечено к проблеме распределения вод реки Гильменд, используемых для орошения приграничных районов как Афганистана, так и Ирана. Страсти вокруг этой проблемы, остававшейся нерешенной в течение более чем 100 лет, особенно накалились в марте 1973 года во время визита в Кабул иранского премьер-министра А.А.Ховейда. Тогда в столице в знак протеста против данного визита по призыву Парчам состоялось массовое собрание, на котором с речью выступил Б.Кармаль. В ней он подверг критике проамериканскую политику шахского Ирана, выступил в защиту территориальной целостности Афганистана и права его народа на свои воды и незыблемость границы, а также осудил правящие круги своей страны, которые, по его мнению, «замалчивали провокационные действия иранских властей на границе с Афганистаном» и были склонны пойти на переговорах по проблеме распределения вод р. Гильменд «на сговор с режимом Ирана вопреки воле и жизненным интересам афганского народа». [49] Аналогичную позицию по гильмендской проблеме занимали и халькисты. Они вместе с парчамистами активно участвовали в массовых мартовских антииранских и антиправительственных акциях. [50]

В рассматриваемые годы оба крыла НДПА неизменно солидаризировались с Советским Союзом и другими социалистическими странами по многим вопросам мировой политики, последовательно поддерживали национально-освободительные движения в мире и концепцию некапиталистического пути развития стран «третьего мира», критиковали внутри- и внешнеполитический курс руководства Китая и его смыкание с США на антисоветской основе, занимали четко выраженные позиции антиимпериализма и антиамериканизма при оценке политики Запада в мировых делах.

Что касается Хальк, то она в рассматриваемый период продолжала придавать преувеличенное значение идеологическим аспектам политической борьбы в ущерб практической работе по расширению и укреплению своей социальной опоры в массах. Такая направленность ее деятельности была еще раз подтверждена ее лидером в нелегально изданной в августе 1972 года брошюре «Партия рабочего класса». По сути дела это был дословный перевод на пушту главы 13 из книги «Основы марксизма-ленинизма». [51] К брошюре было предпослано пространное предисловие, подписанное Сур Гуль (псевдоним Н.М.Тараки), в котором после краткого экскурса в историю Афганистана новейшего времени и характеристики внешних и внутренних предпосылок появления в стране демократического движения излагались взгляды руководства халькистов о принципах строительства партии, ее целях и задачах, месте и роли в общественно-политической борьбе.

Автор предисловия, как и в предыдущие годы, догматически воспринимая марксистские положения и формулы, слепо переносил их на афганскую почву. По его мнению, в Афганистане в середине 60-х годов в лице НДПА «была создана на основе марксистско-ленинской идеологии партия рабочего класса», призванная «руководить народом в борьбе» за ниспровержение существующего несправедливого строя, передачу власти народу, руководимому рабочим классом, земли – крестьянам, а фабрик и заводов – рабочим, за ликвидацию эксплуатации и некапиталистический путь развития (примеч.: в понятие «народ» автор включал рабочих, крестьян, ремесленников, прогрессивную интеллигенцию, мелкую буржуазию, некоторые левые элементы средней национальной буржуазии). [52] Гипертрофируя значение субъективных факторов и игнорируя объективные социально-экономические и политические условия страны, автор видел следующую последовательность решения указанных выше задач: сначала теоретически подготовить членов партии, потом разъяснить народу ее программные установки, а затем под руководством партии низвергнуть существующий строй и построить социалистическое общество. Отметив далее, что империализм и реакция всегда используют религию и ее служителей против прогрессивных сил, он призвал «сорвать заговор пиров и мулл против народа» путем широкого распространения в обществе классового и политического сознания и разоблачения подрывной деятельности клерикалов.

Имея в виду своих партийных соперников-парчамистов и отрицая их право иметь свою организацию под прежним названием, Н.М.Тараки заявил, что «в одной стране нужна лишь одна марксистско-ленинская партия» и что все другие группировки, претендующие на эту роль, есть не что иное, как «агентура правящих кругов», с помощью которой последние стремятся помешать созданию подлинно рабочей партии. В указанном предисловии автор вообще ни словом не обмолвился о проблемах единства партийных рядов и создании фронта демократических сил на широкой социальной основе.

Откровенно просоциалистическая, левая платформа халькистов, далекая от потребностей движения и живой афганской действительности, увлечение коммунистической риторикой и тяготение к самоизоляции от других отрядов прогрессивных сил страны не могли не угрожать Хальк утратой влияния в обществе и превращением в сектантскую группировку доктринеров. Это начали понимать и сами руководители Хальк. В июне 1973 года, буквально за три недели до свержения монархии, на состоявшемся в Кабуле пленуме ЦК они внесли существенные коррективы в свои взгляды по коренным проблемам революционного процесса в Афганистане. В постановлении пленума было отмечено небывалое возрастание социальной напряженности в обществе, явное поправление монархического режима и активизация наступления на прогрессивные силы со стороны ультраконсервативных кругов. В связи с этим в числе первоочередных мер был поставлен вопрос о формировании «широкого демократического фронта с участием всех демократических партий и союзов различных слоев трудящихся и социальных групп, заинтересованных в глубоких изменениях в интересах народа, с сохранением самостоятельности каждой партии и группиров-

ки». Отказавшись от прежних, просоциалистических взглядов относительно целей такого фронта, халькисты предложили в качестве его основных задач следующие: отстаивание свободы печати и партийной деятельности; осуществление демократических выборов в парламент, провинциальные и городские джирги; борьбу с нарушениями законов; проведение политики активного неприсоединения с антиимпериалистической направленностью. Таким образом, халькисты признали необходимость поиска союзов и компромиссов с другими общественными силами на общедемократической платформе. [53]

Пожалуй, самые существенные коррективы пленум внес в понятие «народной (хальковской) демократии». Ранее, как уже отмечалось (см. раздел «Межфракционная борьба в НДПА: причины, характер, последствия»), Н.М.Тараки рассматривал данную концепцию как цель НДПА на ближайшую революционную перспективу и сводил ее фактически к установлению в стране диктатуры пролетариата под руководством пролетарской партии. Такая трактовка, как было записано в решении пленума, вызывала вопросы и непонимание среди членов партии. Учитывая это, а также, видимо, афганские реалии, ЦК дал следующее разъяснение: в настоящее время афганское общество стоит на пороге «национально-демократической» (а не социалистической) революции и партия в связи с этим не выдвигает в качестве условия своего союза с другими силами в рамках фронта обязательность гегемонии рабочего класса на всех фазах революционного процесса. При этом было косвенно, с оговорками признано, что руководителем движения на данном этапе может выступать и национальная буржуазия. Далее пленум подчеркнул: «народная демократия, представляющая собой одну из форм диктатуры пролетариата и имеющая целью построение социализма, не является стратегической целью НДПА (авангарда рабочего класса) и пропаганда хальковской демократии в качестве стратегической цели на нынешнем этапе в Афганистане не правильна». Два с половиной года спустя Н.М.Тараки, отвечая на вопросы партийцев относительно данного аспекта решений июньского (1973 г.) пленума ЦК, уточнил: «Стратегическая цель НДПА состоит в осуществлении национально-демократической революции под руководством рабочего класса и образовании национально-демократического государства». [54] Таким образом, халькисты в известной мере освободились от элементов псевдореволюционности по одному из узловых вопросов национально-демократического движения в стране и по сути возвратились к первоначальной программной формуле НДПА, встав на те же позиции, которых придерживались парчамисты. И все же халькистам (как, впрочем, и парчамистам) не хватило здравого смысла отказаться от догмы об обязательности руководящей роли рабочего класса на этапе национально-демократической революции в Афганистане в условиях, когда оный класс практически отсутствовал в социальной структуре афганского общества.

Усиление нападков династии и правых консервативно-клерикальных кругов на левые и демократические силы и умелое использование ими религии для дискредитации последних вынудило халькистское руководство поставить на пленуме и вопрос об отношении к религии. Было признано необходимым для каждого члена партии строго соблюдать в повседневной жизни религиозные обычаи и традиции, разоблачать обвинения по адресу организации в вероотступничестве, богохульстве и неуважении религиозных чувств верующих. Со всей строгостью было подчеркнуто в решении пленума, что любое оскорбление религии со стороны партийца является несовместимым с его партийной принадлежностью.

К 1973 году в обеих фракциях НДПА насчитывалось до трех тысяч членов и несколько тысяч сочувствующих в каждой из них. Несмотря на свою относительную малочисленность и продолжавшуюся разобщенность, они обладали заметным влиянием и популярностью в городских центрах, среди средних слоев, в том числе и военных. К указанному времени в руках Парчам имелась довольно сильная подпольная организация в армии, что в условиях кризиса власти во многом предопределило исход борьбы между династией и оппозицией.

В ночь с 16 на 17 июля 1973 года в Афганистане произошел антимонархический переворот, явившийся закономерным следствием сложившейся к тому времени в стране социально-экономической и политической ситуации. Его возглавил двоюродный брат и зять короля Мухаммад Дауд, получивший в западной прессе еще до описываемых событий прозвище «красного принца».

Ударной силой заговорщиков явилась армия, а точнее та ее часть, которую составляли представители леворадикальной оппозиции и патриотически и националистически настроенные офицеры – сторонники М.Дауда. Следует заметить, что он приобрел многих своих приверженцев в армии в 1953-1963 годах, когда был премьер-министром и министром национальной обороны. В организационное ядро его сторонников, сформировавшееся к середине 60-х годов на почве отрицания монархии, вошли начальник автобронетанкового управления Главного штаба афганской армии генерал Абдул Карим Мостагни, бывший начальник штаба 15 танковой бригады полковник Гулям Хайдар Расули (перед переворотом находился в отставке), полковник Гулям Сарвар, преподаватель тактики на офицерских курсах «А» майор Мухаммад Сарвар Нуристани и некоторые другие офицеры сухопутных войск и ВВС. Однако группа военных – сторонников М.Дауда (в основном старших офицеров), хотя и обладала обширными связями в «верхах», фактически не имела в своих руках войска, чтобы подобрать «валяющуюся» у их ног государственную власть. Батальоны и роты, прежде всего в столице и ее окрестностях, находились в руках молодых, прогрессивно настроенных, левых офицеров. [55] Но и они в одиночку ничего не значили, так как не имели в своих рядах признанного в общенациональном масштабе лидера, который бы был способен не только взять на себя руководство антимонархическим выступлением, но и своим авторитетом нейтрализовать после захвата власти сильные в стране и армии консервативные круги. Роль общенационального лидера не могла в то время выполнить и Народно-демократическая партия Афганистана в результате своей организационной разобщенности и малочисленности. Таким лидером на том этапе политической борьбы в Афганистане, несомненно, являлся Мухаммад Дауд – опытный, энергичный и дальновидный политик. С учетом указанных политических реалий левые сделали ставку в вопросе свержения монархии на М.Дауда, а последний – на радикально настроенное, левое офицерство в армии.

Первые тайные контакты между группировкой М.Дауда и молодой военной оппозицией состоялись, видимо, в начале 70-х годов. После достигнутого согласия были разработаны в условиях глубокой конспирации несколько вариантов переворота, намечавшегося первоначально в 1972, а затем зимой 1973 года. Однако все они по разным причинам не были реализованы. Только весной 1973 года была предпринята первая попытка переворота. В соответствии с его планом мятежные танки вышли из гарнизона Пули-Чархи и почти достигли окраины столицы, но были неожиданно остановлены и возвращены обратно по распоряжению генерала А.К.Мостагни, усомнившегося в последний момент в успехе предпринятой акции. Тем не менее этот выход танков за пределы гарнизона и их передвижение в сторону столицы вызвали подозрение властей. Началось официальное расследование, в ходе которого были выявлены некоторые нити заговора и причастные к нему офицеры. Вскоре министерство национальной обороны дало согласие на их арест и привлечение к суду за государственную измену. Однако окончательное решение этого вопроса было задержано до возвращения короля из Англии и Италии, куда он 25 июня вылетел на лечение и отдых. Кстати, вместе с ним в Англию вылетел и генерал Абдул Вали, командовавший в то время Центральным корпусом. Но 5 июля он спешно возвратился домой, что было связано с обнаружившейся угрозой устоям монархии. Прибыв в Кабул, он стал энергично раскрывать маховик следствия.

Над участниками антимонархической военной оппозиции нависла реальная угроза провала и физического уничтожения. Данное обстоятельство заставило их ускорить осуществление задуманной операции, хотя они и отчетливо понимали, что идут на большой риск. Дело в том, что монархия в это время все еще располагала значительными возможностями для защиты существовавших порядков. Как стало известно заговорщикам, наиболее влиятельные представители дворцовой аристократии в вооруженных силах, в частности генерал Абдул Вали, чувствуя приближение «взрыва» в армии, готовились, в свою очередь, с помощью верных им армейских и жандармских формирований совершить превентивный верхушечный переворот (что, кстати, подтвердил при аресте отец генерала Абдул Вали – маршал Шах Вали [56]), установить в стране режим военной диктатуры, физически расправиться с гражданской и военной оппозицией и таким образом спасти монархический строй. Как представляется, при существовавшем тогда раскладе сил в армии между противоборствующими сторонами успех данного замысла мог быть вполне очевидным, если бы двор нанес упреждающий удар. Однако антимонархически настроенные офицеры, опередив защитников монархии на несколько дней в выступлении, захватили инициативу в свои руки и обеспечили этим во многом свой перевес и победу.

Государственный переворот, возглавленный М.Даудом, начался с блокирования и захвата королевского дворца и взятия под стражу членов династии, включая наследного принца Ахмад Шаха и маршала Шах Вали. Одновременно с этим были перерезаны все каналы связи, соединяющие членов правительства и высшее военное командование с воинскими частями, полицией и жандармерией (решающую роль в выполнении этой задачи сыграли военные связи вместе со членом НДПА капитаном Алим Джаном), и арестованы влиятельные гражданские и военные деятели (в их числе весь кабинет министров во главе с премьером Мусой Шафиком, некоторые руководители «группы АНБ», включая Г.С.Нашера, начальник штаба Центрального корпуса, министр обороны, начальник Главного штаба афганской армии, командующий жандармерией, командующий ВВС и ПВО, командиры 4 и 15 танковой бригад и др. Чуть позже капитанами Абдул Хамидом Мохтатом и Пача Гуль Вафадаром был взят под стражу генерал Абдул Вали). Были заняты правительственные учреждения и важные государственные объекты (почта, телеграф, телефон, банк, аэродром) и перекрыты все дороги, ведущие в столицу, блокированы части и штаб Центрального корпуса, которые могли быть потенциально использованы промонархически настроенными офицерами для защиты прежнего режима. Во всех этих операциях самое активное участие приняли танковый взвод роты охраны в королевском дворце под командованием лейтенанта Хабибуллы (именно он в половине первого часа ночи 17 июля первым вывел свои танки из дворца и блокировал подступы к нему, а также оказал поддержку батальону «коммандос», дислоцированному поблизости, в крепости Балахисар), офицеры и унтер-офицеры 4 и 15 танковых бригад, ВВС и ПВО, батальона «коммандос» (его выступление возглавил капитан Файз Мухаммад), полка связи, танкового батальона 7 пехотной дивизии в Ришхоре (пригород Кабула). Многие из офицеров – активных участников переворота (например, А.Кадыр, С.М.Гулабзой, Ш.Д.Маздурьяр, Файз Мухаммад, А.Х.Мохтат, М.Зия, П.Г.Вафадар) являлись членами и сторонниками НДПА, «группы Максуди» и других подпольных радикальных организаций в армии (см. об этом в разделе «НДПА и военные. Борьба за армию»). По некоторым данным, в осуществлении государственного переворота приняли участие в общей сложности до тысячи офицеров, унтер-офицеров и подчиненных им солдат.

Утром 17 июля, после того как успех переворота стал очевидным, по кабульскому радио выступил М.Дауд и объявил о ликвидации в стране монархического режима и провозглашении Республики Афганистан. Объясняя причины, побудившие армию к выступлению, он отметил, что в течение десяти лет, предшествовавших перевороту, экономическая, социальная и политические сферы и система управления страной оказались в состоянии полного развала и что «давние и заветные чаяния народа были подменены лжедемократией, основанной с самого начала на личных и классовых интересах, обмане и кознях, лжи и лицемерии», в результате чего «демократия превратилась в анархию, а конституционная монархия – в деспотический режим». Поскольку, заявил он далее, «режим и государственный аппарат настолько разложились, что уже не поддавались какому-либо реформированию, ... все патриоты, особенно патриотическая армия Афганистана, приняли решение положить конец этому прогнившему строю и вывести страну из бездны несчастий». Среди неотложных задач новой власти М.Дауд назвал «обеспечение безопасности и сохранение национального суверенитета Афганистана» и осуществления «коренных преобразований». Говоря о внешней политике, он сказал, что она будет основываться на принципах нейтралитета и неприкосновенности, приверженности международному миру и традиционной дружбе со всеми народами планеты. При этом он подчеркнул, что у Афганистана не существует каких-либо нерешенных вопросов со странами

мира, кроме пуштунской проблемы, которая составляет, по его словам, «единственное политическое разногласие» в афгано-пакистанских отношениях. [57]

Указанное радиовыступление М.Дауда оказало деморализующее воздействие на приверженцев монархии. Почувствовав перевес чаши весов в пользу новой власти, на ее сторону стали переходить и офицеры–«нейтралы». К исходу дня в поддержку переворота высказались практически все отдаленные гарнизоны страны. Правда, здесь, как и в столице, не обошлось без арестов и изоляции наиболее рьяных монархистов. Следует заметить, что в ходе осуществления переворота сторонники династии неоднократно пытались остановить выступление мятежного офицерства или даже поднять находившиеся под их командованием части для подавления восставших. Такие безуспешные попытки предпринимали, например, командир батальона «коммандос» майор Сафи, начальник штаба королевской гвардии, командир 8 пехотной дивизии, командир Центрального корпуса генерал Абдул Вали и др. Вооруженное сопротивление восставшим оказали в основном полицейские, охранявшие банк, телеграф, тюрьму Димазанг и некоторые другие объекты.

В целом тщательно подготовленный и умело осуществленный переворот прошел почти бескровно. По официальным данным, в ходе этой акции погибли восемь человек, из них четверо полицейских и четверо военнослужащих. Среди последних трое, по словам М.Дауда, сказанным им на пресс-конференции 24 июля, стали жертвой неосторожного обращения с оружием и один офицер-танкист из 15 танковой бригады погиб при падении танка с высокой набережной в реку Кабул (видимо, по неопытности механика-водителя). [58] В эти цифры по какой-то причине не попал начальник штаба королевской гвардии, застреленный восставшими, когда он, угрожая пистолетом, пытался «образумить» их и помешать перевороту. Возможно, были и другие жертвы. И тем не менее вряд ли есть основания оспаривать утверждение М.Дауда относительно того, что переворот был осуществлен малой кровью. [59]

Свержение монархии было восторженно встречено подавляющим большинством населения Афганистана. На улицах и площадях столицы состоялись массовые народные празднества и митинги. Аналогичные мероприятия имели место и в других городах страны. О поддержке нового, республиканского режима заявили высший религиозный орган – Совет улемов (примеч.: в постановлении Совета улемов было сообщено об изменении текста хутбы. – М.С.), ряд видных племенных и духовных авторитетов, широкие круги интеллигенции, известные общественные и политические деятели страны, Ученый совет Кабульского университета. Все это, вместе с легкостью, с которой был осуществлен переворот, свидетельствовало о том, что династия окончательно утратила в общественном сознании ореол былой святости и национальной ценности. В стране не нашлось какой-либо общественной силы, которая бы поспешила на спасение падающей короны. Лишь отдельные служители культа, некоторые представители высшей бюрократии и торговцы выразили робкое недовольство по поводу происшедшего, пытались скомпрометировать новые власти путем распространения провокационных слухов и саботировать исполнение их распоряжений.

В день переворота состоялись экстренные заседания ЦК обеих фракций НДПА. В своих заявлениях, изданных в виде листовок, они приветствовали ликвидацию монархии и призвали своих членов быть готовыми «защитить республику от реакционных сил и интриг империализма». Оценивая провозглашение республики в стране как положительный акт, ЦК Хальк подчеркнул, что «для свержения монархии благоприятную почву подготовили Народно-демократическая партия Афганистана и другие демократические силы и элементы». [60] ЦК Парчам, кроме того, разрешил ее членам занимать различные посты в новом государственном аппарате, чтобы таким образом содействовать практической реализации прогрессивного курса республиканского режима.

Государственный переворот 1973 года явился знаменательной вехой в истории Афганистана. С провозглашением республиканского строя была перевернута последняя страница летописи афганских монархий и открыта качественно новая глава в развитии этой древней страны. Одним из существенных результатов переворота стало изменение расстановки политических сил в стране. Прежде всего это касалось роли армии. Июльскими событиями афганская армия, выйдя из замкнутого мирка казарм, впервые открыто вмешалась в общественно-политическую жизнь страны на стороне демократических сил и дала еще один (особенно характерный для многих стран Востока второй половины XX в.) пример того, что армия далеко не всегда выступает на политической сцене как традиционный институт поддержки прежних, консервативных, властных структур. С этих пор она стала на длительное время неизменным участником почти всех сколько-нибудь значимых актов афганской драмы. Участие прогрессивно и патриотически настроенных офицеров и унтер-офицеров в подготовке и осуществлении переворота обогатило их бесценным опытом политической борьбы, позволило им на практике осознать силу и возможности армии как орудия насилия над своими противниками и, как ничто другое раньше, ускорило процесс поляризации сил и их размежевание в армейской среде. Этот их потенциал и обретенный ими огромный бойцовский запал были с успехом использованы через несколько лет, на новом витке беспокойной афганской истории.

ГЛАВА 5. РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РЕЖИМ М.ДАУДА И ОППОЗИЦИЯ

5.1 Внутренняя и внешняя политика правительства М.Дауда и утверждение его авторитарной власти

Сразу же после государственного переворота был создан высший руководящий орган страны – Центральный Комитет Республики Афганистан (ЦКРА). Его состав в Афганистане никогда не публиковался. Предположительно, он включал в себя от 15 до 35 человек. [1] Первоначально в него вошли 11 лиц – М.Дауд, Хасан Шарк (в 1953-1963 годах он был личным врачом и начальником канцелярии М.Дауда), полковник в отставке Г.Х.Расули, Сеид Абдуллулла, капитан Абдул Хамид Мохтат, капитан Пача Гуль Ва-

фадар, майор Мухаммад Сарвар Нуристани, капитан Файз Мухаммад, капитан Зия Мухаммадзай Зия, Мауладад, капитан полиции Абдул Кадир Нуристани. Факт преобладания в ЦКРА кадровых военных отразил, несомненно, характер происшедшего в стране государственного переворота. Данный орган, однако, был социально и политически неоднороден и распался, по крайней мере, на три слоя: шесть представителей прогрессивных, демократических кругов (Х.Шарк, сторонники и члены Парчам Файз Мухаммад, Мауладад и М.Зия, член «группы Максуди» А.Х.Мохтат и сторонник Хальк П.Г.Вафадар), буржуазно-реформистский центр в составе трех человек (М.Дауд, М.Сарвар Нуристани и А.Кадир Нуристани) и консервативно-националистическое крыло (Г.Х.Расули и С.Абдулилла). Центральный комитет РА, будучи коллегиальным органом, решения по обсуждаемым вопросам принимал большинством голосов. Однако при этом с самого начала решающее слово в нем принадлежало М.Дауду. В окружении М.Дауда была еще одна весьма влиятельная фигура – его брат Мухаммад Наим. Хотя он не занимал никаких официальных постов и не входил в ЦКРА, тем не менее играл большую роль в государственных делах и фактически выполнял функции министра иностранных дел.

18 июля Центральный Комитет РА провел первое заседание и единогласно избрал М.Дауда («основателя республики») главой государства и премьер-министром. Ему также было поручено исполнять обязанности министра национальной обороны и министра иностранных дел. До формирования нового кабинета функции министров возлагались на их прежних заместителей. На всей территории страны вводилось военное положение, которое сохранялось до принятия новой конституции в феврале 1977 года. Из тюрем были выпущены многие политические заключенные, в их числе Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай и др. В этот же день в МИД Афганистана были приглашены все послы иностранных государств, аккредитованные в Кабуле. Им было предложено уведомить свои правительства о происшедших в стране переменах и предпринять соответствующие шаги к дипломатическому признанию Республики Афганистан. Утром 19 июля одним из первых ее признал Советский Союз, о чем посол в Афганистане А.М.Пузанов официально сообщил М.Дауду. За короткое время Республика Афганистан была признана многими странами Востока и Запада.

26 июля М.Дауд, как глава государства, подписал первые три указа, касавшиеся некоторых аспектов законодательной, исполнительной и судебной деятельности нового режима. Так, Указом №1 были аннулированы все положения конституции 1964 года, которые противоречили основам республиканского строя. Объявлялись недействительными положения, касающиеся парламента, а сам он распускался. Было приостановлено издание частной прессы. Согласно данному Указу, М.Дауд взял на себя все полномочия, которые ранее по Конституции Афганистана принадлежали королю и парламенту. Указ №2 предписывал всем военнослужащим афганской армии и всем государственным служащим принять в местах своей службы и работы присягу на верность республике путем подписи под ее текстом. Текст армейской присяги гласил: «Клянусь великим Богом и чистотой благородного Корана, что буду преданным исламской Республике Афганистан и не пожалею своей жизни для защиты и сохранения национальной чести и территориальной целостности Родины, служения армии и ее знамени под руководством главы Республики». [2] По сведениям из официальных источников, присяга во всех штабах, частях и подразделениях афганской армии и в гражданских учреждениях была принята в течение трех дней после издания Указа.

Указ №3 касался вопросов судопроизводства и судебной системы. В соответствии с этим Указом, объявлялись недействительными все положения конституции 1964 года, регламентировавшие структуру и деятельность судебной власти, полномочия короля в данной области передавались главе республики, а функции упраздненного Верховного суда – общей юридической комиссии министерства юстиции, члены которой назначались премьер-министром, все судьи страны назначались министром юстиции и утверждались главой государства. Указ №3 аннулировал самостоятельность и независимость судебной власти. Что касается прежнего законодательства, то оно сохранялось лишь в той части, которая не противоречила духу и содержанию указов и законов республики. [3]

Изданием отмеченных выше указов М.Дауд фактически сосредоточил в своих руках основные функции законодательной, исполнительной и отчасти судебной властей.

Новый режим, отмечая заслуги армии в осуществлении переворота и стремясь обеспечить себе и в дальнейшем поддержку социально и политически неоднородных армейских кругов, предоставил офицерам и унтер-офицерам ряд существенных привилегий. По решению ЦК республики, наиболее активным офицерам – участникам июльских событий, за исключением генералов, было присвоено воинское звание на две ступени выше, всем офицерам, кроме генералов, была сокращена на один год выслуга в очередном звании, всем унтер-офицерам присваивалось звание младшего лейтенанта. [4] Многие молодые офицеры были назначены на ответственные посты в центральном армейском аппарате и в войсках.

Одновременно была проведена чистка высшего командования. В конце августа в отставку и запас была отправлена большая группа генералов и старших офицеров. Однако чистка коснулась лишь наиболее одиозных фигур, таких, как генерал-майор Абдул Вали, бывший министр национальной обороны генерал армии Хан Мухаммад, бывший начальник Главного штаба афганской армии генерал-полковник Гулям Фарук и некоторые другие. Большинство же генералов и старших офицеров, придерживавшихся консервативных взглядов и тесно связанных с помещичье-буржуазно-клерикальными кругами, остались либо на своих прежних постах, либо получили перемещение по службе. Среди них были командующий ВВС и ПВО генерал-полковник Мухаммад Муса, начальник зенитной артиллерии генерал-майор Мухаммад Асеф, командир 11 пехотной дивизии генерал-майор Мухаммад Юнус и др. Было совершенно очевидным, что, сохраняя прежнюю военную элиту и заигрывая с молодым офицерством, М.Дауд рассчитывал таким путем расширить и укрепить свою социальную опору в армейских кругах. [5]

Через несколько дней после переворота М.Дауд снял такую щекотливую для себя проблему, как содержание под стражей членов монархического правительства и королевской семьи. По его указанию из-под ареста было освобождено большинство прежних министров, а наследный принц Ахмад Шах, королева

Хомайра, маршал Шах Вали и ряд других членов королевской семьи отправлены самолетом в Италию, где находился бывший монарх.

1 августа было сформировано первое республиканское правительство. Его структура осталась без изменений. М.Дауд, создавая свой кабинет, в котором он оставлял за собой посты министра национальной обороны и министра иностранных дел, отчетливо обнаружил стремление сделать правительство определенным противовесом радикальному ЦКРА и не связывать себя далее полной зависимостью от тех, кто помог ему прийти к власти. Для этого он заметно ограничил представительство прогрессивного, демократического крыла в высшем органе исполнительной власти. Из 12 министров только пять принадлежали к указанному крылу – министр внутренних дел Файз Мухаммад, министр связи А.Х.Мохтат, министр по делам границ П.Г.Вафадар, министр сельского хозяйства Гулям Джелани Бахтари (родственник Б.Кармаля) и министр просвещения Нематулла Маруф Пажвак. В числе членов кабинета были и четверо военных – активных участников переворота (Файз Мухаммад, А.Х.Мохтат, П.Г.Вафадар и старший капитан Гаусуддин Файек, министр общественных работ).

Параллельно с формированием верховных институтов власти проводились чистка и обновление государственного аппарата, а также разработка программных документов нового режима. При этом М.Дауд, демонстрируя намерения опираться на прогрессивные силы, вскоре после переворота обратился к Б.Кармалу с просьбой помочь в подборе кандидатов на ответственные государственные посты и в разработке программного заявления республиканского правительства (примеч. авт.: какие цели преследовал М.Дауд, обращаясь с такой просьбой, сказать трудно. Во всяком случае можно предположить, что М.Дауд намерен был использовать в своих интересах энергию, политический и интеллектуальный потенциал левых при становлении республиканского режима. Однако можно и усмотреть в этом его шаг злой умысел, то есть стремление раскрыть с недобрыми целями на будущее персональный состав и организационные структуры Парчам). Как бы там ни было, парчамистское руководство не упустило представившуюся благоприятную возможность и предложило на государственные посты значительное число своих членов и сторонников. Кроме трех человек в ЦКРА и трех в правительстве, они заняли шесть постов губернаторов провинций (из 26) и 64 поста уездных начальников (из 120). [6] По западным данным, [7] только в первые дни после переворота М.Дауд направил в провинциальную и уездную администрации около 160 молодых людей, преимущественно горожан, принадлежавших к крылу Парчам. Всего же их в государственном аппарате насчитывалось не менее 400 человек. Некоторые посты в центральных и местных органах власти получили представители других политических группировок и организаций, в частности Сетаме мелли, Садаи авам, Афган меллят, Шоалеи джавид.

Следует отметить, что М.Дауд, поддерживая скрытые связи с парчамистским руководством и фактически легализовав деятельность этой фракции, одновременно воздерживался под любыми предлогами от каких-либо контактов с Халк и ее лидером (кстати, Н.М.Тараки неоднократно добивался встречи с М.Даудом и предлагал ему сотрудничество своей фракции). М.Дауд объяснял это якобы стремлением не давать повода внешней и внутренней оппозиции оценивать события в Афганистане как «прокоммунистический переворот». В действительности же дело, видимо, состояло больше в другом: М.Дауд питал личную неприязнь к Н.М.Тараки еще с 1953 года, когда последний, будучи пресс-атташе афганского посольства в Вашингтоне, на одной из пресс-конференций осмелился критиковать М.Дауда, оспаривая его право как члена королевской семьи занимать пост премьер-министра. [8] Самолюбивый М.Дауд не протолкал выпады против своей личности. Кроме того, он всегда считал позиции халкистов экстремистскими, оторванными от реальной афганской действительности. По словам самого М.Дауда, халкисты не знали своей страны и в лучшем случае представляли ее лишь по стандартам столицы.

Укрепление позиций республиканского режима в центре и на местах не оставило для короля М.Захир-шаха никаких шансов на возвращение в страну в прежнем качестве. 12 августа он обратился с письмом к «Его превосходительству сардару Дауд-хану, президенту Республики Афганистан» и отрекся от престола, заявив, что подчиняется воле народа, единодушно принявшего республиканскую форму правления. [9] Этот шаг экс-короля имел определенное политико-пропагандистское значение для новой власти, так как, с одной стороны, легитимировал результаты государственного переворота, а с другой – обезоруживал консервативные силы, не оставлявшие мечты о восстановлении монархии на троне. За М.Захир-шахом было сохранено афганское гражданство.

23 августа, в день 54-й годовщины независимости страны, М.Дауд выступил по кабульскому радио с «Обращением к афганскому народу». [10] Это было программное заявление нового, республиканского режима, отразившее в своей основе позиции и взгляды сложившейся к тому времени в центральных органах власти трехсторонней коалиции. Анализируя данное «Обращение», нельзя не заметить, что в его структуре, содержании, оценках, стиле и языке четко прослеживается «рука» левого окружения М.Дауда. [11] В начале выступления он дал краткий экскурс в историю борьбы афганского народа за свободу и независимость против колонизаторов, отметив при этом выдающуюся роль в этой борьбе эмира Амануллы и Надир-шаха, всех патриотов страны.

Поставив вопрос о том, почему он и его коллеги (в тексте – «товарищи») «принесли свои семейные и классовые интересы в жертву национальным интересам и интересам обездоленных классов страны», М.Дауд ответил, что «несправедливая и антинациональная политика, которую монархический режим проводил в течение последнего десятилетия, и открытое противодействие ей со стороны всех классов афганского общества, особенно интеллигенции, а также наблюдения за быстрыми изменениями, происходившими в регионе и мире в пользу свободы и прогресса и в ущерб деспотизму, реакции и колониализму, – все это не позволяло молчать совести любого из афганских патриотов». [12] Как заявил далее М.Дауд, при монархии «истинные права и свободы попирались изо дня в день и практически были ликвидированы. В стране царили законы джунглей, насилие и произвол».

Характеризуя суть прежнего режима и плоды его правления, М.Дауд указал, что он (этот режим) «действовал вопреки интересам обездоленных классов, подлинной демократии и прогресса страны», что «административный аппарат полностью разложился и изжил себя», а «уделом общества стали нищета, безработица, болезни и неграмотность», что «абсолютная беспечность и бестолковщина в вопросах экономики... привели страну на грань катастрофы и вызвали полный застой в области промышленного развития и социально-экономического прогресса». По словам М.Дауда, «в течение последних десяти лет внутренняя политика государства основывалась на политическом лицемерии и мошенничестве, обмане и демагогии», а «условиями существования монархического режима считались разного рода угрозы, провоцирование актов насилия, дискриминация и фаворитизм по отношению к различным группам населения, политика раскола и интриг среди племен». Такую же красноречивую оценку он дал и внешней политике свергнутого режима, заявив, что «ее отличительными чертами являлись обман и уловки, соглашательство и угодничество». Разоблачительная характеристика последней афганской династии ценна, несомненно, тем, что она дана устами не постороннего, а человека, который был связан с нею близкими родственными узами и длительное время непосредственно формировал ее внутреннюю и внешнюю политику.

Глава государства, говоря о накопившихся в стране «сотнях национальных проблем», заметил, что они не могут быть решены одним махом и что «поспешность и стремление использовать возможные и невозможные средства для экстренного преодоления вековой отсталости и немедленного реформирования всех сфер жизни есть ребячество и пустая затея». «Исходя из этого, – заключил он, – надо, реформируя общество и обеспечивая лучшие условия для жизни народа, двигаться вперед на основе здравого смысла, выдержки, точного учета и максимального использования всех возможностей. Надо шаг за шагом расширять сферу практической деятельности и идти от одного этапа к другому».

В программном заявлении республиканского правительства содержались многочисленные обещания и установки по выходу из общенационального социально-экономического и политического кризиса. В области политических реформ предусматривались: разработка и введение новой конституции республики; выборы «государственного собрания» и разделение властей на основе равенства прав и при законном участии народа Афганистана; обеспечение защиты территориальной целостности, независимости и национального суверенитета страны; «укрепление сил обороны с учетом баланса сил в регионе»; проведение чистки и реорганизации государственного аппарата; расширение демократических прав и свобод граждан; принятие мер к «созданию подлинного морального и материального союза между народностями Афганистана на основе равенства, братства, дружбы и искоренения всех форм дискриминации». Обещая стране «подлинную демократию», М.Дауд, однако, обошел молчанием такие фундаментальные права граждан, как свобода слова и собраний, право на независимую прессу и создание политических партий и организаций, образование выборных органов власти на местах, создание профсоюзов.

С целью преодоления отсталости страны ставилась задача осуществить коренные преобразования в национальной экономике «на основе планирования и современной науки и технологии». При этом намечалось уделить большое внимание развитию в рамках госсекторов тех отраслей тяжелой промышленности, «которые обеспечат быстрый рост экономики и укрепление национальной независимости страны», а именно: горнодобывающей, металлообрабатывающей, машиностроительной, энергетической и химической промышленности, а также сооружение металлургического завода на базе месторождения железной руды в Хаджигаке. Республиканский режим, заявил М.Дауд, «будет поощрять, защищать, направлять и контролировать частные капиталовложения и частное предпринимательство в сфере мелкой и средней промышленности и кустарном производстве и обеспечит необходимое сотрудничество между частным и государственным капиталом в интересах сбалансированного развития национальной экономики». Республиканское правительство, сказал он, «считает своей первейшей обязанностью ограждать национальную промышленность, кустарное производство и ремесла от конкуренции с иностранными товарами и капиталом». Что касается внешнеторговой и денежно-финансовой сфер страны, то было обещано: регулирование внешней торговли на основе учета национальных интересов, установление строгого контроля за обменом валюты, недопущение непомерного ссудного процента на черном рынке и поощрение и гарантия вкладов и сбережений в банках, а также проведение реформы налоговой системы на основе отдачи предпочтения прямым, а не косвенным налогам.

Осуществление земельной реформы в интересах большинства населения страны было названо М.Даудом «одной из главных мер в программе коренных преобразований», предпринимаемых республиканским правительством. Не раскрывая содержания земельной реформы, он отметил, что в стране «при государственной помощи будут создаваться государственные кооперативы, производственные и потребительские товарищества (ширкеты) с участием большинства земледельцев и в их интересах. Кроме того, государство брало на себя обязательство «расширять, при возможности, оросительную сеть на целинных землях», а также «предпринять научно обоснованные меры по развитию скотоводства».

Новшеством в правительственной программе явилось обещание ускорить строительство жилья для бедных и нуждающихся. Предусматривалось пересмотреть градостроительное дело в стране и прежде всего выполнение 25-летнего плана реконструкции Кабула, расширить сеть коммуникаций, связав дорогами экономически важные пункты, улучшить работу общественного транспорта в городах, а также изучить возможность строительства в стране железных дорог. Признав, что «абсолютное большинство населения страны лишено материальных и духовных прав и благ... и их жалкое существование ни в коей мере не отвечает нормам современной цивилизации», правительство Республики Афганистан выдвинуло в социальной сфере следующую программу реформ: установление фиксированной продолжительности рабочего дня, равной оплаты за равный труд и минимума зарплаты для рабочих в соответствии с их материальными и духовными нуждами и жизненными потребностями; введение социального страхования для рабочих и других трудящихся города и деревни и принятие прогрессивного и демократического закона о труде промышленных и сельскохозяйственных рабочих; принятие решительных мер по установлению

фиксированной платы за наем жилья, административных зданий и магазинов; ликвидацию неграмотности, введение всеобщего бесплатного начального образования для всех мальчиков и девочек, расширение сети государственных школ, создание условий для развития среднего и высшего образования и подготовки научных кадров; оказание помощи демократической прессе и изданиям, национальным искусствам, театру и кино, музеям и библиотекам; защита здоровья граждан и улучшение всего дела здравоохранения; принятие решительных мер для искоренения употребления наркотиков и алкоголя; ужесточение борьбы с дороговизной, спекуляцией и контрабандой товаров; создание необходимых условий для обеспечения равных прав женщин с мужчинами во всех областях социально-экономической, политической и культурной жизни; содействие, насколько это возможно, переводу кочевников на оседлость и избавление их от патриархального и племенного уклада жизни, а также распределение государственных земель среди безземельных и т.д.

Формулируя основы внешней политики Республики Афганистан, М.Дауд подчеркнул, что «Афганистан всегда был и остается миролюбивой страной». Внешнеполитическая деятельность республиканского правительства, заявил он, «будет последовательно базироваться на принципах независимой миролюбивой политики, позитивного и активного нейтралитета, неучастия в военных блоках, уважения Устава ООН, поддержки освободительных движений, дружбы, сотрудничества и укрепления добрых отношений со всеми миролюбивыми странами мира, развития экономических, технических и культурных связей с этими странами с учетом взаимных национальных интересов». Далее М.Дауд дал позитивную оценку существующим отношениям Афганистана со странами региона и мира. Он назвал непоколебимыми добрососедские и дружественные связи с СССР. Касаясь афгано-пакистанских отношений, М.Дауд повторил свою позицию, изложенную им в выступлении по радио 17 июля 1973 года. Как он заявил, «Республика Афганистан будет с полным терпением и хладнокровием прилагать энергичные усилия для поиска путей мирного и благородного решения национальной проблемы Пуштунистана».

Заключая свое выступление, М.Дауд многообещающе подчеркнул: «Выполнение этих грандиозных национальных задач требует на данном исторически важном этапе объединения всех национальных и прогрессивных, всех патриотических слоев общества в широком фронте (подчеркнуто мною. – М.С.) под знаменем молодого республиканского режима страны».

Итак, программа республиканского правительства, несмотря на определенную декларативность и расплывчатость некоторых формулировок, предусматривала широкие преобразования в социально-экономической и политической сферах и открывала для афганского общества обнадеживающие перспективы. Обращает на себя внимание то, что новые власти стремились решать назревшие проблемы жизни Афганистана поэтапно, с учетом исходного уровня развития страны. Анализируя содержание «Обращения к афганскому народу», нельзя не заметить, как уже говорилось, не просто его соответствия духу партийной программы леводемократических сил, но и многочисленных дословных извлечений из нее. В связи с этим встают вопросы: насколько М.Дауд и его сторонники из лагеря буржуазных реформаторов были искренни, беря на вооружение идеи и взгляды левых по вопросам социально-экономического переустройства общества? Не было ли это ловким ходом М.Дауда, чтобы присвоить себе привлекательную по сути программу своих левых попутчиков и тем самым обезоружить их политически, а также сохранить до поры до времени единство в руководстве трехсторонней коалиции? Ответы на эти и другие вопросы должно было окончательно дать последующее развитие событий в Республике Афганистан.

В первые месяцы после переворота правительство осуществило ряд своих обещаний в социально-экономической сфере. Так, были установлены твердые цены на некоторые товары первой необходимости, в первую очередь продукты питания; введен строгий контроль силами полиции над торговлей (в Кабуле с этой же целью при непосредственном участии НДПА были созданы квартальные комитеты бедноты; в столице и других городах при муниципалитетах действовали комиссии по контролю над ценами); установлен 7,5-часовой рабочий день на государственных предприятиях и в учреждениях при максимальной продолжительности рабочей недели в 45 часов; вдвое повышена заработная плата фабрично-заводских рабочих (с 450 до 900 афгани в месяц); узаконено право трудящихся на ежегодный оплачиваемый отпуск, оплату сверхурочных работ, социальное страхование и медицинское обслуживание и т.п. В конце 1973 года был образован Высший экономический совет, призванный заниматься перспективным планированием и координацией деятельности основных отраслей промышленности и сельского хозяйства. В 1973-1974 годах по решению республиканских властей были национализированы ряд частных промышленных компаний, в частности три текстильных фабрики ширкета «Насаджи» (Гульбахарский текстильный комбинат и хлопчатобумажные фабрики в Пули-Хумри и Джабаль-ус-Сирадже) и государственно-частная компания «Спинзар» (11 хлопкоочистительных и хлопкоперерабатывающих заводов), президентом и основным владельцем которых был закадычный друг экс-короля Г.С.Нашер, а также все частные банки, включая и самый крупный из них – Афганнацбанк. Была укреплена и расширена монополия государства на внешнюю торговлю и начата решительная борьба с валютной спекуляцией на черном рынке и контрабандой. Увеличены прямые налоги, составившие в 1974 году 11 % доходной части бюджета. Правительство М.Дауда уделяло большое внимание разработке аграрного законодательства с целью стимулирования сельскохозяйственного производства и облегчения положения крестьян. Летом 1974 года было принято «Положение о развитии деревень». Начата кампания по распределению государственных земель среди безземельных крестьян и кочевников. Однако за все время существования даудовского режима землю получили не более 7,5 тысяч семей. 6 августа 1975 года в официальной газете «Расми джарида» был опубликован «Закон о земельной реформе», подлежащий осуществлению через год после этой даты. В нем предусматривалось ограничение помещичьего землевладения 100 джерибами (20 га) поливных двухурожайных или садовых, 150 джерибами (30 га) одноурожайных и 200 джерибами богарных земель. Земли, превышавшие по размеру указанный потолок, подлежали конфискации и передаче безземельным крестьянам,

сельскохозяйственным рабочим или кочевникам на условиях выкупа в течение 25 лет и обязательной обработки. В соответствии с «Законом о кооперативах», принятом в ноябре 1974 года, стали создаваться кооперативные объединения, преимущественно кредитно-сбытовые. К середине 1975 года в стране было образовано 34 таких кооператива. По семилетнему плану, разработанному правительством на 1976-1983 годы, намечалось сооружение более 200 народнохозяйственных объектов, в том числе крупных плотин, ирригационных систем, ГЭС, автодорог и т.п. [13]

В 1975 году была начата реформа системы просвещения. Ее основным разделом явились поэтапный перевод начальной школы на обучение с шестилетней на восьмилетнюю программу и реорганизация общеобразовательной школы по формуле 8 + 4. При этом восьмилетняя школа объявлялась обязательной и бесплатной. Ряд общеобразовательных школ были преобразованы в профессионально-технические училища с целью расширения подготовки рабочих кадров. Более чем на 16 % были увеличены ассигнования на просвещение. Повышена заработная плата учителям. Все они должны были до 1977 года пройти обязательную переподготовку на курсах и семинарах повышения квалификации. В прямое подчинение министерству просвещения были переданы все частные школы, в том числе и духовные и те, которые функционировали при мечетях. Создано Национальное управление по ликвидации неграмотности и расширена сеть его курсов. К сентябрю 1975 года в стране действовали 586 курсов ликвидации неграмотности, на которых обучалось 8,1 тысячи человек. [14]

Как показывает исторический опыт, любая государственная власть, в том числе и авторитарная, не может существовать без идеологии. Встречающиеся нередко в наше время митинговые (да и в печати тоже) сентенции о деидеологизации властных структур есть преднамеренный обман, рассчитанный на простак. Государство без идеологии – это такой же абсурд, как государство без аппарата. Понимая эту непреложную истину и считая ее «первой задачей» государства, М.Дауд сразу же после переворота 1973 года начал поиски таких идеологических концепций, которые бы отразили происшедшие в стране перемены, способствовали объединению всех слоев и классов общества вокруг правительственных программ и обеспечили бы, таким образом, поддержку режиму. В итоге этих поисков появилась так называемая «народная и национальная теория революции», которая и составила официальную идеологию режима. Структура этой «теории» не была строго очерчена и в основном повторяла (с незначительной трансформацией) идеи, имевшие хождение при монархии.

В качестве одного из главных элементов официальной идеологии республиканского режима был сохранен национализм. М.Дауд, выступая в марте 1975 года пред жителями г. Кандагара, подчеркивал, что «существующий строй Афганистана опирается и будет опираться на национальную основу и национализм». [15] Как и прежде, при монархии, в правительственной пропаганде национализма за основу брались идеи исторической пуштунской исключительности, дух афганства, которые подавались как истинные и высшие национальные ценности. Другими составляющими «афганского национализма» объявлялись развитие «средним» путем без колебаний вправо и влево, отказ от подражания другим, социальный прогресс без насилия, реформы с соблюдением норм ислама, демократия, основанная на законе и др. Основопологающей частью официальной идеологии по-прежнему считался ислам. По конституции 1977 года (ст. 22) он был объявлен государственной религией. Все документы и декларации, выступления деятелей страны и пропагандистские материалы несли в себе значительный заряд исламских догм. Большое значение при этом уделялось обоснованию с точки зрения традиций ислама законности провозглашения в стране республики и намечавшихся преобразований. Широко пропагандировалась также святость национальных традиций и обычаев, идеи патернализма и патриотизма, верность и преданность режиму во главе с «основателем и руководителем республики» М.Даудом, антиколониализм и антикоммунизм.

Непосредственное участие леворадикальных элементов в подготовке и осуществлении государственного переворота 1973 года, а затем их вхождение в центральные и местные органы власти нашли свое выражение в том, что в язык официальных документов и пропаганды вошли такие понятия, как «социализм», «социальная справедливость», «уничтожение эксплуатации во всех ее видах и формах», «равенство», «братство», «гарантирование права на труд» и т.д. Следует еще раз заметить, что М.Дауд и его сторонники, беря на вооружение социалистическую терминологию, не только делали этим уступку своим временным союзникам, но и рассчитывали таким путем расширить и укрепить социальную базу власти и попутно идейно разоружить левые силы. Кроме того, лозунг «социализма» являлся своеобразной дымовой завесой, чтобы прикрыть действительную классовую сущность режима. Дело в том, что в рассматриваемый период капитализм как общественная система с его социальными и духовными пороками был крайне непопулярен в мире, в том числе и в мусульманских странах. Правда, от социализма даудовское руководство заимствовало лишь его экономический аспект и дополняло своими «национальными» и «исламскими» элементами. Наиболее отчетливо М.Дауд выразил свое понимание социализма в интервью корреспонденту агентства Танюг в феврале 1976 года. «Социализм, который мы избрали в качестве нашей экономической основы нового афганского общества, – говорил М.Дауд, – фактически является средством достижения социальной справедливости, ликвидации классового неравенства и антагонизма позитивным, прогрессивным и мирным путем. Необходимо пояснить, что составными частями нашего социализма являются историческая реальность, национальная культура, объективные и субъективные условия существования нашего общества, а также дух подлинного ислама». [16]

Обе фракции НДПА критически, хотя и не во всем однозначно, оценивали идеологические изыскания М.Дауда. Чаще всего критика исходила от парчамистов (в основном после 1975 года, когда они лишились своих представителей в высших эшелонах власти) и касалась главным образом даудовских концепций «национализма» и «социализма». Они с полным основанием считали, что республиканский режим под флагом так называемого «прогрессивного афганского национализма» стремится сохранить в стране господствующее положение афганцев (пуштунов) в угоду консервативно-националистических кругов. В противовес данной концепции Парчам выдвинула идею «равенства всех граждан Афганистана без каких-либо

привилегий и дискриминации по признаку расы, национальности, пола, языка, племенной и религиозной принадлежности». [17]

Анализ и оценки даудовской идеи «социализма» были даны в докладе Б.Кармаля на третьей партийной конференции в декабре 1975 года, в специальной брошюре «Краткие пояснения к вопросу о социализме», изданной в марте 1976 года и предназначенной для политического просвещения партийцев, и в ряде других материалов. Отправным пунктом для написания этой брошюры явилось интервью М.Дауда корреспонденту агентства Танюг и изложенная им концепция «социализма». Определяя ее сущность, авторы брошюры писали: «Социализм, объявленный республиканским режимом Афганистана, на деле есть не что иное, как один из вариантов так называемого «национального социализма». Далее, показав, что даудовский «социализм» не имеет ничего общего с научным социализмом, они в то же время все еще не теряли надежду, что провозглашенный правительством экономический курс при его последовательном выполнении «может привести в будущем к появлению предпосылок для перехода к социализму». [18] При этом Парчам исходила из своего твердого убеждения, что социализм в Афганистане – это далекая перспектива, конечная цель его развития, но не задача дня. [19]

Что касается халькистов, то они не подвергая прямо сомнению тезисы официальной пропаганды о «пуштунской исключительности» и необходимости «укрепления духовных основ афганства» в жизни общества, призывали в законодательном порядке закрепить и гарантировать равноправие всех народностей и национальностей Афганистана. По вопросу о «социализме» М.Дауда они в принципе разделяли взгляды и оценки парчамистов, считая, как и последние, что «социализм является блестящим будущим» для Афганистана и что на данном историческом этапе условиям страны наилучшим образом отвечает некапиталистический путь развития как «необходимая предпосылка перехода к социализму». [20]

В начале ноября 1976 года в Афганистане был введен в действие новый Закон о наказаниях. Он фактически узаконил (ст. 221) не только запрет на оппозиционную политическую деятельность, но сделал наказуемым (до 10 лет тюремного заключения) создание и руководство какой-либо партией, обществом или группировкой и пропаганду идеологии, не совпадающей по целям и содержанию с официальными установками. [21] Предусматривалась смертная казнь за преступления против республиканского строя и подстрекательство армии к восстанию. Указанный Закон еще больше ужесточил борьбу против гражданской и военной оппозиции и юридически предпринял установление авторитарного режима в стране.

Для превращения армии в свою опору М.Дауд широко использовал не только «кнут», но и «пряник». Немало офицеров примкнули к нему и усилили его группировку, будучи купленными высокими постами в войсках и в административном аппарате в центре и на местах. Другие вошли в его партию – Партию национальной революции, надеясь в перспективе через членство в ней обеспечить себе желанную карьеру и высокое общественное и материальное положение.

Одновременно с гонениями против прогрессивных, демократических сил М.Дауд настойчиво укреплял и расширял опору себе справа. С этой целью он, особенно начиная с 1975 года, стал привлекать на ответственные посты в госаппарате представителей старой аристократии и консервативно-националистических кругов. К примеру, на свободу был выпущен и получил назначение советником правительства бывший премьер-министр Муса Шафик. Советником при М.Дауде по делам ислама стал видный духовный авторитет Сеид Ахмад Гилани. С.Абдулилла, один из самых приближенных к М.Дауду лиц, занял пост второго заместителя премьер-министра с сохранением портфеля министра финансов. Министром внутренних дел стал А.Кадир Нуристани, министром сельского хозяйства – Азизулла Васефи, министром торговли – Мухаммад-хан Джалалар, бывший в правительстве Мусы Шафика министром финансов, командиром республиканской гвардии – особо доверенное лицо главы государства Сахиб Джан и др. В ноябре 1975 года, после более чем двухлетнего заключения, из тюрем были освобождены ярые монархисты, в том числе генерал Абдул Вали. Суд военного трибунала, состоявшийся над ним в сентябре, не нашел (!) состава преступления в его действиях при монархии и полностью оправдал его. Ему вернули все чины и привилегии и разрешили выехать в Италию и присоединиться к своей семье.

В 1976 году среди афганской общественности развернулись дискуссии вокруг проекта новой конституции страны. Самое активное участие в них приняли леводемократические силы, которые выдвинули по ее содержанию целый ряд конструктивных предложений (см. п. 5.2. данной книги). Как и следовало ожидать, М.Дауд и его окружение проигнорировали основополагающие предложения левых. Проект конституции без какого-либо широкого публичного обсуждения был вынесен на Лоя джиргу, состоявшуюся с 30 января по 15 февраля 1977 года. Состав Лоя джирги был определен в соответствии с давней квотной традицией. Из 400 ее депутатов 220 были избраны от городских и сельских административных единиц, а 130 депутатов назначены главой государства. В числе последних были: 16 представителей от вооруженных сил, 25 – от крестьян, 24 – от рабочих. 65 – от интеллигенции и молодежи. Кроме того, в ее работе на правах депутатов участвовали члены правительства и ЦК Республики Афганистан во главе с М.Даудом, члены комиссии по подготовке проекта конституции и руководство высшей судебной инстанции. В составе депутатов были 14 женщин, четыре представителя кочевых племен и несколько представителей демократических кругов. Большинство мандатов находилось в руках сторонников режима из числа высшей бюрократии, национальной буржуазии, столичной и местной элиты, влиятельного духовенства, военных. Председательствовал на Лоя джирге министр сельского хозяйства, бывший депутат королевского парламента, ярый националист Азизулла Васефи. [22] Все это предопределило желательный для режима ход и исход работы Лоя джирги: принятие Конституции Республики Афганистан, избрание М.Дауда первым президентом республики сроком на шесть лет и утверждение «Заявления», одобрявшего внутреннюю и внешнюю политику правительства с июля 1973 по февраль 1977 года и основные направления семилетнего плана развития.

В ходе дебатов в Лоя джирге были внесены поправки в 24 статьи проекта конституции (из 131) и до-

бавлены еще шесть статей, касающихся в основном суда и права, что, однако, ни в коей степени не изменило ее первоначальной сути. Конституция Республики Афганистан, введенная в действие 24 февраля 1977 года, наделила президента страны исключительно широкими полномочиями в законодательной, исполнительной и судебной областях и по существу подчинила ему указанные три структуры власти. Перечень его полномочий, как по пунктам, так и по содержанию, почти полностью совпадал с тем, чем был наделен в свое время король по конституции 1964 года (за исключением, пожалуй, пункта, согласно которому президент, в отличие от короля, имел право объявлять войну и перемирие лишь по согласованию с Лоя джиргой. Правда, Конституция Республики Афганистан допускала, что «при возникновении внезапной и явной опасности» и в других неотложных случаях президент мог принимать по этому поводу и единоличные, «исключительные решения» и только затем созывать Лоя джиргу. [23] Была еще одна прерогатива президента (ст.79), которой не было в монархической конституции, – это право объявлять общенациональный референдум по важным национальным проблемам).

Согласно конституции 1977 года, правительство страны стало полностью креатурой президента. Он получил полномочия не только возглавлять кабинет, но и назначать министров и входивших в правительство заместителей (или заместителей) президента, принимать от них присягу при вступлении на должность, а также отстранять от исполнения обязанностей или принимать их отставку. По сути дела, правительство было ответственным только перед президентом, но не перед парламентом.

Однопалатный парламент – Мелли джирга (Национальное собрание), избиравшийся сроком на четыре года на основе всеобщих, прямых и тайных выборов, наделялся весьма ограниченными полномочиями. Он не располагал даже правом, существовавшим при королевском режиме, выносить вотум недоверия правительству. Представительные органы власти на местах (джирги), за что ратовали демократические круги, новой конституцией вообще не предусматривались. Частью исполнительной власти, подотчетной президенту, стали все органы прокуратуры сверху донизу. Ему же принадлежали верховные полномочия и в судебной системе. В частности, он получил право назначать председателя и членов Верховного суда республики, принимать их присягу, назначать и отстранять от должности всех судей нижестоящих инстанций по представлению председателя Верховного суда, утверждать или отклонять вынесенные судом смертные приговоры.

В соответствии с новой конституцией, в государственной системе республики был сохранен традиционный, надпарламентский орган – Лоя джирга. К ее компетенции были отнесены: пересмотр конституции, выборы и принятие отставки президента, объявление войны и перемирия и некоторые другие вопросы (ст. 67). Принцип формирования Лоя джирги, по сравнению с прежней, был значительно изменен. Так, если по конституции 1964 года в нее входили только члены парламента и руководители провинциальных джирг, то, согласно республиканской конституции, – члены Национального собрания, Центрального совета Партии национальной революции, правительства, Высшего совета вооруженных сил и Верховного суда республики, от пяти до восьми представителей от каждой провинции, а также 30 членов, которые назначались указом президента (ст.65). Иными словами, Лоя джирга стала более многочисленной и включала в себя в своем подавляющем большинстве лиц, обязанных М.Дауду своим служебным положением.

После утверждения конституции, юридически оформившей режим авторитарной власти М.Дауда, в стране был объявлен переходный период (до 22 ноября 1979 года – открытия сессии Национального собрания), в течение которого правительство обязано было подготовить законопроекты о выборах в Национальное собрание, о печати, собраниях и об организационных основах государства и представить их президенту на утверждение, а президент – сформировать новое правительство, Верховный суд республики и Высший совет вооруженных сил, а также обнародовать и ввести в действие Устав Партии национальной революции (ст. 123-132). В феврале 1977 года указом президента было отменено военное положение, введенное три с половиной года назад, после государственного переворота. В марте М.Дауд сформировал новое правительство в составе 17 министров. Ключевые посты в нем заняли деятели, пользовавшиеся его особым доверием. Так, министром национальной обороны стал генерал-полковник Г.Х.Расули, министром финансов – С.Абдулла, министром внутренних дел – Абдул Кадир Нуристани, министром по делам границ – профессор Абдул Каюм и др. [24] В апреле были назначены председатель и восемь членов Верховного суда, а в сентябре – члены Высшего совета вооруженных сил в составе 12 генералов и офицеров, который возглавил сам М.Дауд.

Одним из важнейших нововведений республиканской конституции (ст. 40) явилось провозглашение в Афганистане однопартийной системы правления во главе с Партией национальной революции. При этом оговаривалось, что однопартийная система вводится «для выражения общественных чаяний и политического воспитания народа до тех пор, пока не будет осуществлена эта цель, а самосознание народа не достигнет соответствующего уровня».

Следует заметить, что планы создания проправительственной партии вынашивались М.Даудом давно, еще в начале 60-х годов, когда он занимал пост премьер-министра. [25] К данной идее он возвратился сразу же после государственного переворота 1973 года. В новых условиях с помощью такой партии он хотел реализовать, по крайней мере, две цели: во-первых, укрепить и расширить социальную базу власти, вобрав в ряды партии все лояльные республиканскому строю элементы и группировки – от левых до правых и, во-вторых, устранить из политической жизни страны организованную оппозицию.

Идея правительственной партии по разному воспринималась в руководстве двух фракций НДПА. Халькисты, соглашались в принципе войти в нее, однако хотели видеть в ней собственно не партию, как таковую, а некий «единый национальный фронт», в котором НДПА должна была участвовать на равных правах с самостоятельным политическим паспортом». [26] Когда же стало очевидным, что М.Дауд не оставляет им места в своей партии, они отвергли идею однопартийной системы, заявив, что «не считают ее полезной для развития республики на благо трудящихся Афганистана». [27] Что касается парчамистов, то они вначале допускали возможность без каких-либо условий войти в республиканскую партию с тем, что-

бы изнутри влиять на выработку ее курса и практическую деятельность. Более того, осенью 1973 года они даже распространили слухи о самороспуске своей организации. Однако несколько позже, когда М.Дауд начал изгонять из госаппарата леворадикальных попутчиков, вопрос о возможном коллективном вступлении в правительственную партию был снят с повестки дня. [28]

Процесс становления Партии национальной революции (ПНР) шел медленно и фактически так и не был завершен вплоть до апрельских событий 1978 года. Как отмечал советский афганец В.В.Басов, к тому времени в ее рядах насчитывалось не более трех тысяч человек. [29] Официально о ее создании было объявлено в конце 1976 года. 17 июля следующего года, в четвертую годовщину свержения монархии, М.Дауд, в соответствии со статьей 130 Конституции РА, ввел в действие Устав ПНР, включавший шесть глав и 116 статей. [30] В нем основными целями и направлениями деятельности партии объявлялись «за завоевание доверия народа», борьба с противниками республики, «осуществление подлинной демократии, основанной на социальной справедливости и интересах народа, ... и создание общества на принципах единства, взаимопомощи, братства и равенства» (ст. 10-12, 14). Партия, как явствует из Устава, мыслилась как строго централизованная, правящая государственная структура. Согласно статье 51, председателем партии являлся президент республики. Центральный совет партии – высший руководящий партийный орган – наделялся исключительными широкими властными полномочиями, куда, кроме чисто партийных функций, входили: контроль за выполнением программ правительства и Национального собрания (парламента); разработка вопросов внутренней и внешней политики; контроль за деятельностью государственных органов в рамках закона; составление списков кандидатов в депутаты Национального собрания; выдвижение из числа членов партии кандидата на пост президента и т.д. (ст. 50, 55, 57 и 58). Предусматривалось (ст. 46) создание под эгидой партии ряда общественных организаций – союза молодежи, профессиональных объединений, организации женщин. 7 ноября 1977 года был образован Центральный совет партии, в который М.Дауд ввел четырех министров – Г.Х.Расули, А.Маджида, С.А.Абдуллы и А.Каюма, отличавшихся крайне консервативными и националистическими взглядами. Как пишет американский ученый Л.Дюпре, это назначение вызвало возражения со стороны шести министров кабинета, которые в знак протеста подали президенту заявления об отставке. Однако М.Дауд убедил их отказаться от своих намерений. [31] «Семейный бунт», таким образом, был погашен в самом начале, не успев разгореться.

Таким образом, к лету 1977 года, с принятием Конституции Республики Афганистан и созданием, в соответствии с ее положениями, Партии национальной революции, олицетворявшей собой однопартийную систему в стране, получила окончательное юридическое оформление авторитарная власть президента М.Дауда.

5.2. Левые при республиканском режиме М.Дауда

Обе фракции НДПА поддержали «Обращение к афганскому народу» от 23 августа 1973 г. и меры республиканского правительства в социально-экономической сфере. В заявлении Парчам, обнародованном 2 сентября 1973 года, была выражена надежда, что «молодая Республика Афганистан может открыть для народа страны путь к прогрессу и свободе». Вместе с тем было высказано опасение, что внутренняя и региональная реакция может попытаться ликвидировать в зародыше республиканский режим. В связи с этим парчамисты призывали всех сторонников республики к единству. Кроме того, они считали, что для НДПА в сложившихся условиях организационное единство является и необходимым, и обязательным. [32] Следует заметить, что в первые месяцы после переворота Парчам была единственной в стране политической организацией, которая действовала открыто и более того имела вполне легально свою штаб-квартиру в кабульском отеле «Спинзар». [33] Хальк, как и Парчам, распространила в Кабуле 6 сентября заявление своего ЦК, в котором дала высокую оценку сохранившимся в «Обращении» программным установкам режима. Однако позиция халькистов по ряду тактических вопросов отличалась от той, которой придерживалась в то время фракция Парчам. Они, в частности, не ставя прямо вопрос о партийном единстве, полагали, что позитивная программа республиканского правительства может быть претворена в жизнь только при опоре на «объединенный фронт, включающий в себя НДПА (имелась в виду организация Хальк. – М.С) и другие национально-демократические силы». [34] Одобряя и поддерживая республиканский режим как благоприятное условие для борьбы против внутренней и внешней реакции и возможность для легализации своей деятельности, халькистские лидеры были, однако, явно обескуражены отказом М.Дауда пойти на какие-либо контакты с ними. В этом, как несколько позже писалось в одном из изданий халькистов, они усматривали намерение М.Дауда и сотрудничавших с ним парчамистов «ослабить Хальк и постепенно подготовить почву для ее ликвидации». [35] Вообще, следует признать, халькисты в то время крайне ревниво и болезненно воспринимали как сам факт активного участия парчамистов в государственном перевороте, так и, особенно, занятие ими ответственных постов в республиканской администрации. В рядах членов и сторонников Хальк усилиями ее руководства культивировалось мнение о неприемлемости для «коммунистов» участия в верхушечных государственных переворотах. И все же, несмотря на глубокие неприязненные отношения между фракциями, в октябре 1973 года состоялась личная встреча Б.Кармала и Н.М.Тараки. На ней предметом обсуждения встали происшедшие в стране перемены и вопрос о единстве партии. И снова, как и раньше, согласие не было достигнуто из-за разных подходов участников встречи к условиям объединения: Б.Кармаль настаивал на паритете при формировании нового состава ЦК объединенной партии, а Н.М.Тараки – на безусловном присоединении Парчам, как «меньшинства», к НДПА (то есть Хальк), как «большинству», на основе проведенных I Учредительного съезда партии и признания избранного им ЦК в качестве высшего руководящего партийного органа. [36]

В конце декабря 1973 года в столице в связи с девятой годовщиной образования НДПА состоялись пленумы ЦК обеих фракций. Содержание докладов на них и принятых постановлений определялось в

первую очередь нарастанием сопротивления республиканскому режиму со стороны правых сил. «Наша задача на данном этапе, – заявил на пленуме Б.Кармаль, – заключается в том, чтобы парализовать враждебную деятельность, нейтрализовать заговоры против республики». Пленум ЦК Парчам потребовал от своих членов усилить разъяснительную работу среди народа, прежде всего рабочих и интеллигенции, настойчиво сплачивать патриотически настроенные и прогрессивные элементы во имя создания нового, демократического Афганистана, не допускать действий, которые могли бы вызвать трения и недоразумения между партией и правительством, при работе среди населения учитывать и соблюдать национальные и религиозные обычаи и традиции. Особое внимание членов партии было обращено на то, чтобы они оценивали существующий режим с классовых позиций и, работая в государственном аппарате, не поддавались карьеристским побуждениям и соблазнам. Пленум подверг также анализу заявления деятелей республиканского режима относительно «строительства социализма национального типа» в Афганистане, расценив их как «результат всестороннего воздействия идей научного социализма и практики строительства социализма на объективные и субъективные процессы в развивающихся странах, включая и Афганистан» и как попытки определенных кругов соединить элементы социализма с мелкобуржуазными и религиозными мировоззрениями. Указав на демагогический характер подобных заявлений, пленум призвал оценивать «любой взгляд или мысль относительно социализма с классовой точки зрения», с учетом закономерностей развития общества. [37]

Непрекращавшиеся антиправительственные выступления крайне правых консервативно-клерикальных и экстремистских кругов, в том числе и с использованием партизанских, вооруженных методов борьбы, и их обвинения в адрес «красного принца» М.Дауда и его смыкания с «безбожным коммунизмом» и просоветскими элементами не проходили бесследно для правящей республиканской коалиции. Подобного рода обвинения находили сочувственный отклик среди консервативно и националистически настроенных деятелей в руководстве республики (С.Абдуллла, Г.Х.Расули, Азизулла Васефи, Вахид Абдулла и др.). Они старались убедить М.Дауда в обоснованности требований правой оппозиции, неприемлемости для Афганистана социалистической ориентации и необходимости размежевания с левыми, от которых, как они утверждали, исходит угроза коммунистического переворота. Определенным катализатором процесса политического размежевания в республиканской коалиции являлись и сами входившие в нее левые элементы. Упорно требуя от главы государства форсированного осуществления обещанных социально-экономических и политических преобразований, они вызывали его раздражение, нагнетали противостояние в руководстве республики и этим все больше изолировали себя от остальных членов правящего альянса.

Первым свидетельством отхода М.Дауда от союза с левыми попутчиками явилось прекращение им ранее имевших место контактов с парчамистским руководством. По некоторым данным, это произошло уже в конце 1973 года, а в конце следующего года установлена негласная слежка за Б.Кармалем. Выступая 28 февраля 1974 года пред выпускниками Кабульского политехнического института, где, уместно заметить, существовала довольно-таки сильная организация Парчам, М.Дауд недвусмысленно отмежевался от левых в своем стане, заявив: «Мы не имеем отношений с какой-либо группировкой. Представляется ошибочным связывать нас с нею или с каким-либо другим движением». [38] В мае того же года М.Дауд, ссылаясь на введенное в стране после переворота военное положение, лично запретил обеим фракциям НДПА заниматься какой-либо политической деятельностью.

Еще до указанного запрета, в марте 1974 года, началась чистка государственного аппарата от демократических и прогрессивных элементов. Одним из первых из правительства был выведен министр по делам границ, сторонник Хальк Г.П.Вафадар [39] и назначен послом в Болгарию, а затем Ливию. За ним в апреле последовал А.Х.Мохтат: он был снят с поста министра связи, выведен из Центрального Комитета РА и уволен в отставку из-за якобы «неспособности проводить в жизнь политику и основные принципы Центрального Комитета» (после этого он в течение более чем четырех лет находился не у дел, из них некоторое время под домашним арестом). Большая группа левых элементов была изгнана из государственных органов осенью 1975 года. В их числе в сентябре в процессе частичной реорганизации правительства М.Дауд удалил из его состава министра сельского хозяйства Г.Д.Бахтари, а Файз Мухаммада переместил с ключевого поста министра внутренних дел на менее значимый пост министра по делам границ (в сентябре 1976 года он был направлен послом в Индонезию). В декабре 1975 года был освобожден от поста министра просвещения Н.М.Пажвак. Уволен был и шеф военной полиции Мауладад. В 1977 году последовало устранение из республиканского руководства Х.Шарка, одного из последних прогрессивных деятелей в непосредственном окружении М.Дауда, вошедших в него еще до переворота. Он получил назначение в Японию в качестве посла.

Чистка госаппарата от неугодных левых элементов коснулась не только влиятельных фигур в центре, но и руководителей провинциального звена. К указанному времени среди губернаторов провинций почти не осталось сторонников НДПА. Репрессиям за принадлежность к левым, демократическим силам подвергались также и рядовые представители интеллигенции и государственные служащие, в том числе и военные. Как пишет В.В.Басов, только к концу 1974 года из госучреждений, в основном из системы просвещения, были изгнаны и подвергнуты штрафам за политическую деятельность около 80 членов Хальк. [40] В том же году на членов организации были совершены провокационные нападения в столице, провинциях Балх, Гильменд, Пактия, Газни, Бамиан и других местах. [41] Гонения против левых сил продолжались и в последующие годы. Летом 1976 года была арестована еще одна группа халькистов в количестве 33 человек, в том числе в провинциях Кундуз – 11, Кандагар – 1, Вардак – 1 и Гильменд – 10, округах Хост и Ургун – по двое в каждом, в городах Кабул – 4 и Гардез – 2 человека. Им вменялось в вину распространение заявлений своей организации о проекте конституции Республики Афганистан, направление поздравлений своим товарищам в связи с празднованием Дня 1 мая и изучение «прогрессивной литературы». [42]

Особое беспокойство М.Дауда вызвали появившиеся признаки нелояльности к его режиму со стороны

леворадикальной части офицерского корпуса страны. Среди недовольных находились и многие их тех, кто непосредственно привел его к власти. В 1974 году в числе первых в опалу попал активный участник июньских событий 1973 года, начальник штаба ВВС и ПВО подполковник Абдул Кадыр (см. о нем Приложение 6), осмелившийся подвергнуть публичной критике главу государства за «медленные темпы» реализации обещанных преобразований. М.Дауд, явно желая унижить этого боевого летчика, сместил его с указанного поста и назначил начальником Кабульского мясокомбината. В следующем году М.Дауд удалил из страны, направив в Индию в качестве военного атташе афганского посольства, подполковника М.Зия, [43] командира элитарной части – бригады республиканской гвардии, насчитывавшей в своем составе до двух тысяч человек и обеспечивавшей охрану резиденций руководителей страны. В том же году из армии были уволены около 40 офицеров – выпускников советских военных учебных заведений, придерживавшихся левых взглядов (одним из них был офицер ВВС, халькист Асадулла Сарвари). Еще сотни офицеров и унтер-офицеров подверглись репрессиям в ходе судебных процессов, состоявшихся над военными в 1973-1976 годах. Следует заметить, что многие обвинения в их адрес были явно сфабрикованы с одной целью – избавиться от подозрительных, потенциально опасных режиму элементов в армейской среде. В их числе оказывались не только лица левой ориентации. Как известно, всякая авторитарная власть патологически не может терпеть любую оппозицию себе и принимает самые жестокие меры для расправы не только над ней, но и над всеми теми, кто не внушает доверия. При этом нередко страдают и без вины виноватые. Так и случилось и при первом республиканском режиме в Афганистане. Утверждая личную власть, М.Дауд изгнал из армии или бросил в тюремные застенки немало ни в чем не повинных людей. Одним из таких оказался лихой артиллерийский полковник Ковват-хан Бридваль, с которым автор был хорошо знаком еще с далеких 60-х годов. Как Бридваль позже с присущим ему юмором рассказывал, свое «право» на казенные харчи и «шестилетний даудовский тюремный университет» он получил только за то, что в числе участников антиправительственного заговора М.Х.Майвандваля находились его друзья-соплеменники и сослуживцы, хотя сам он был абсолютно непричастен к их тайным замыслам.

Сползание режима вправо и усилившиеся гонения против демократических кругов развеяли надежды Парчам закрепиться у власти рядом с М.Даудом и с его помощью реализовать в стране установки национально-демократической программы. В связи с этим фракция вынуждена была пересмотреть свое отношение к республиканскому руководству и выработать новый курс своей деятельности, соответствующий изменившимся условиям. Это произошло на пленуме ЦК и третьей партийной конференции Парчам, состоявшихся в Кабуле соответственно 16 и 26 декабря 1975 года. На них с большим докладом (более 150 страниц машинописного текста) выступил Б.Кармаль, в котором он обстоятельно проанализировал ситуацию, сложившуюся в стране после свержения монархии, дал оценку социально-классовой сущности режима и его политике, конкретизировал подходы Парчам к идее создания объединенного национального фронта прогрессивных и демократических сил, определил место, роль и задачи организации и ее членов в предстоявшей борьбе. [44]

В первые полтора года существования республиканского режима отношение к нему со стороны организации Парчам, отметил Б.Кармаль, строилось по формуле «союз-критика-союз», что означало сотрудничество всех сил, входивших в правительственную коалицию, в выработке программных установок новой власти и в деле претворения их в жизнь, а также противодействие через конструктивную критику взглядам и шагам, которые расходились с принципами «Обращения к афганскому народу». Однако в эту формулу по мере эволюции режима вправо вносились соответствующие коррективы. Так, если в 1973 году Парчам отдавала полную поддержку молодому республиканскому режиму, то в 1974 году, говорилось в докладе, она вынуждена была ограничиваться лишь поддержкой основных политических принципов и программных лозунгов режима. В конце 1975 года (после массовой чистки госаппарата от левых) организация перешла к тактике выжидания и пристального наблюдения за действиями правительства, не ставя пока под сомнение вопрос о существовании режима. «Сейчас, – говорил Б.Кармаль, – мы находимся в неясной, сложной обстановке и не можем ни отвергнуть абсолютно режим во главе с М.Даудом (так как у нас нет другой альтернативы), ни всесторонне и безусловно поддержать его». И та, и другая крайности, по его мнению, были неприемлемыми и потенциально опасными для демократических сил: конфронтация с режимом и тактика захвата власти с помощью вооруженной силы, к чему призывали в то время афганские маоисты, ультралевые в рядах Хальк и Парчам и леваки из других радикальных организаций, были бы в тех исторических условиях авантюрой, «левацким (левооппортунистическим) перегибом», обреченными на провал и повлекшими бы за собой приход к власти в стране реакционного режима, а сотрудничество и капитуляция перед правительством М.Дауда привели бы партию к соглашательству и правому оппортунизму, к ослаблению «боевого революционного духа партийцев».

В сложившейся ситуации декабрьский (1975 г.) пленум ЦК и третья партийная конференция Парчам пришли к выводу о необходимости продолжения поддержки республиканского режима лишь в принципе и оказания на него давления с тем, чтобы приостановить его сползание вправо и вынудить «идти по демократическому пути». В докладе Б.Кармалю прямо не выдвигалась задача подготовки к национально-демократической революции, однако говорилось о необходимости «готовиться к революционной политической борьбе», укреплять связи с народными массами и завоевывать их поддержку. Непременным условием успеха в деле формирования в стране национально-демократического правительства признавались, как и прежде, консолидация и союз всех левых сил (Парчам, Хальк, Группы труда, Сетаме мелли, РОБТА и др.) и демократических группировок (Меллят, Садаи авам и др.) в рамках объединенного национально-демократического фронта, на основе общей политической платформы, включавшей пять пунктов: 1) изоляцию и устранение правых, реакционных и проимпериалистических элементов из госаппарата; 2) организацию общенациональной борьбы против заговоров внутренней и международной реакции; 3) осуществление на деле «Обращения к афганскому народу»; 4) отмену военного положения и обеспечение свободы

собраний, слова, печати и деятельности политических партий и массовых организаций; 5) проведение свободных, всеобщих и прямых выборов в парламент при тайном голосовании и равном участии в них мужчин и женщин, достигших 18 лет, и принятие демократической конституции Афганистана. На пленуме была выдвинута задача создания молодежной организации.

Касаясь вопроса о социально-классовой сущности республиканской власти в Афганистане, Б.Кармаль считал, что на первых порах после свержения монархии «руководящая верхушка режима не имела прочных связей с каким-либо определенным классом», однако в последующем, по мере своей политической эволюции вправо стала все больше опираться на «разложившуюся бюрократию и старый госаппарат», угрожая перерастать в «личную или военно-бюрократическую диктатуру». В случае укрепления в верхних эшелонах власти правых, реакционных элементов лидер Парчам не исключал вероятность ареста руководителей своей организации и ухода ее в подполье. В связи с этим он призывал членов партии к бдительности, овладению формами и методами нелегальной деятельности и навыками конспирации, чтобы быть готовыми к сопротивлению реакции в новых условиях.

Опасения леводемократических кругов относительно своего будущего не были безосновательными. В самом начале 1977 года, с принятием новой, республиканской конституции любая оппозиция режиму была поставлена вне закона. Данному событию предшествовал ряд заявлений и нелегальных публикаций левых сил, в которых они изложили свои взгляды по поводу содержания проекта Основного закона (как он им представлялся) и прежде всего о характере политической системы общества. Так, 22 марта 1976 года, через два дня после сообщения Кабульского радио о передаче проекта конституции полномочной комиссии, фракция Хальк распространила в столице и других местах в виде листовки «Заявление Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны)», в котором, еще раз подтвердив свою поддержку целей и программы республиканского правительства, изложенных в «Обращении к афганскому народу», и подчеркнув, что «самым эффективным путем претворения их в жизнь является создание единого национально-демократического фронта всех национально-демократических сил, включая в первую очередь и НДПА», выступила с предложением предусмотреть в конституции следующие положения: гарантию демократических прав и свобод трудящихся, прежде всего права на свободную и легальную деятельность национально-прогрессивных партий и создание профессиональных и демократических организаций; запрещение использования религии в политических и партийных целях; обеспечение равноправия всех народностей и национальных групп Афганистана; ликвидацию феодальных отношений путем проведения демократической земельной реформы; выбор некапиталистического пути развития страны «в качестве необходимой предпосылки перехода к социализму». [45]

В последующие месяцы Хальк не раз обращалась к вопросу о содержании будущей конституции республики. Например, в первоймайской (1976 г.) листовке она потребовала зафиксировать в проекте конституции широкие социальные права и гарантии, как-то: право рабочих на создание профсоюзов и забастовочную борьбу; право на справедливую оплату труда, оплачиваемый отпуск, пенсии, страхование здоровья и гарантированную компенсацию в случае трудового увечья; признание 1 мая праздником трудящихся и др. В сентябре 1976 года в другой листовке, озаглавленной «Некоторые жизненно важные лозунги», халькисты снова подчеркнули необходимость отразить в проекте республиканской конституции право на легальную и свободную деятельность прогрессивных и национальных партий и организаций. При этом, ссылаясь на появившиеся в стране слухи о намерениях составителей конституции заложить в ее содержание положение об однопартийной системе в стране, Хальк заявила, что в тех конкретных условиях Афганистана «однопартийная система не соответствует национальным интересам и подлинной демократии». Касаясь Лоя джирги как органа, призванного принять конституцию Республики Афганистан, Хальк предложила, вместо традиционного способа ее формирования, избрать членов этого высокого собрания «на основе всеобщего, тайного, прямого, свободного и равноправного голосования, без всякого скрытого вмешательства и влияния местных облеченных властью феодалов, разложившихся бюрократов и прочих реакционеров». Только таким образом, считали халькисты, можно было обеспечить свободное волеизъявление народа и его активное участие в составлении и одобрении конституции. [46]

В начале апреля 1976 года фракция Парчам издала ротاپринтным способом брошюру «Проект предложений ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) по вопросу разработки конституции». [47] В этом обширном (свыше 20 страниц) документе его авторы изложили свою концепцию республиканской конституции, детально рассмотрели и обосновали принципы и основные начала будущего общественного и государственного устройства республики. Анализ содержания и стиля «Проекта предложений» не оставляет сомнений в том, что руководители Парчам данным документом апеллировали непосредственно к центральным властям и конкретно к правительственной комиссии по подготовке конституции и рассчитывали таким образом оказать на них соответствующее давление.

В предпосланном к брошюре предисловии авторы признали исключительную важность для будущего своей страны разработки и принятия демократической по своему характеру конституции и формирования на ее основе «законного национально-демократического правительства». По их мнению, новая, республиканская конституция должна была включать девять разделов (глав): общественно-политическое устройство государства; социально-экономическое устройство; политические права и обязанности граждан; Лоя джирга; Государственная джирга (Государственный совет); Джирга министров (правительство); областные, провинциальные и местные джирги; суд и прокуратура; основные принципы избирательного права. Раскрывая их содержание, ЦК НДПА (Парчам) прежде всего предложил назвать страну «Демократической Республикой Афганистан» (ДРА), где «руководящей силой общества и государства» будет «объединенный национально-демократический фронт народа Афганистана», включающий в себя «объединенную политическую организацию трудящихся города и деревни – рабочих, крестьян, патриотическую и прогрессивную интеллигенцию» (видимо, имелась в виду НДПА. – М.С.) и другие национально-демократические партии и организации. Авторы «Проекта предложений» считали, что основу политиче-

ской власти в ДРА должны были составить джирги народных представителей сверху донизу. «Система джирг, – указывали они, – является одной из почитаемых народных традиций нашей страны... и может стать у нас наилучшей формой власти». С точки зрения административного устройства республика представлялась им «объединенным государством, состоящим из областей и основанном на равноправии и добровольном, патриотическом союзе всех братских народов, народностей и национальных групп, проживающих на их единой родине – в Афганистане».

«Проект предложений» предлагал закрепить в конституции страны положение о том, что стержнем развития экономики будет некапиталистический путь «с перспективой перехода к социалистической системе хозяйства» и что государство «параллельно с проведением земельной реформы и безвозмездной передачей земли трудящимся крестьянам будет создавать сельскохозяйственные кооперативы и союзы кооперативов крестьян» и оказывать им всестороннюю помощь. В «Проекте предложений» подчеркивалось, что в Афганистане имеют право на существование различные формы собственности: государственная, кооперативная, общественная и частная. К государственной собственности авторы относили крупные и средние промышленные предприятия, банки, энергетику, недра, леса, воды, дороги, железнодорожный и воздушный транспорт, почту, телефон и телеграф, учреждения радио и телевидения и т.д.

Несколько месяцев спустя, летом 1976 года, Парчам в брошюре «Взгляд на крестьянский вопрос», адресованную членам организации, дала подробный анализ положения в афганской деревне и раскрыла пути и методы решения в стране аграрного вопроса. В программе из 20-ти пунктов, призванных удовлетворить чаяния и требования крестьян, выдвигались, наряду с проведением демократической земельной реформы и созданием различных типов кооперативов, следующие меры: устранение феодального деспотизма и феодальных отношений и влияния местных авторитетов (последнее требование было явно преждевременным, так как не учитывало сложившийся в афганской деревне уклад жизни, психологию крестьян, их глубокую религиозность и веру в своих светских и духовных авторитетов. – М.С.); ликвидация ростовщической задолженности крестьян; упорядочение на демократической и справедливой основе крестьянской аренды; ограждение крестьян от грабежей со стороны разного рода посредников и перекупщиков; справедливое и бесплатное распределение воды; предоставление бедным крестьянам государственных кредитов и займов на льготных условиях, семян, химических удобрений и сельскохозяйственных орудий; введение справедливых закупочных цен на продукцию сельского хозяйства; создание в деревне подсобной инфраструктуры жизни и быта; предоставление жителям деревни права создавать крестьянские джирги как органы самоуправления и защиты их интересов и т.д. [48]

В своих предложениях по проекту конституции ЦК НДПА (Парчам) значительное место отвел демократическим правам и свободам граждан. Особо было подчеркнуто право слова и переписки, право на проведение собраний, митингов, забастовок, демонстраций и уличных шествий, а также право поданных Афганистана на создание «патриотических и революционных партий» и общественных (массовых) организаций – профсоюзных, молодежных, студенческих, женских, спортивных, научно-технических, творческих и т.п.

И все же в рассматриваемом «Проекте» ключевыми и основополагающими являлись предложения по реформированию структурных элементов власти и управления в стране. По сути дела, эти предложения преследовали цель значительно ограничить власть президента и передать многие его prerogatives представительным органам. Важное новшество, которое предложили парчамисты, касалось роли и функций Лоя джирги в государстве. По их представлению, она должна была стать «высшим законодательным органом государственной власти и представительства в ДРА, воплощением воли и суверенитета народа». На Лоя джиргу (парламент), состоящую из двух палат – Вулуси джирги (Народной джирги) и Мелли джирги (Национальной джирги), возлагались следующие функции: принятие конституции страны, внесение в нее поправок и контроль за ее соблюдением, осуществление и отмена законов; определение курса внутренней и внешней политики; введение и установление размеров налогов; принятие планов социально-экономического развития и заслушивание отчетов о их исполнении; принятие государственного бюджета и заслушивание отчетов правительства о его исполнении за предыдущий год; изменение территориальных границ областей и провинций ДРА; принятие и аннулирование международных соглашений и договоров; решение вопросов войны и мира и границ государства; определение задач и структуры Государственной джирги (президентского аппарата), Джирги министров (правительства), Верховного суда, Генеральной прокуратуры и областных джирг; избрание Государственной джирги (президента, вице-президента и ее членов), Джирги министров (премьер-министра, его заместителей и министров), Верховного суда, Генеральной прокуратуры и освобождение их от этих постов; надзор за деятельностью государственных органов. Предлагалось избирать Вулуси джиргу по избирательным округам по норме один депутат от каждых 50 тысяч населения, а Мелли джиргу – по областям из расчета трех депутатов от каждой области. Каждая палата, избираемая на четыре года, обладала законодательной инициативой и равными правами.

Государственная джирга, подотчетная Лоя джирге, мыслилась авторами «Проекта предложений» как высший орган государственной власти, призванный координировать в стране законодательную и исполнительную деятельность. Члены Государственной джирги, включая ее председателя и его заместителя, являющихся соответственно президентом и вице-президентом республики, должны были избираться Лоя джиргой. В обязанности Государственной джирги входили: организация и контроль выполнения законов и решений Лоя джирги; общее руководство деятельностью Джирги министров; созыв сессий Лоя джирги; издание декретов о выборах Лоя джирги, областных, провинциальных и местных джирг; в случае решения Лоя джирги проведение референдума; обнародование законов и решений Лоя джирги; руководство вопросами обороны и всеобщей безопасности страны; назначение и увольнение высших военачальников и членов верховного командования армии; присвоение воинских званий и отличий; представительство ДРА на международной арене; присвоение рангов и назначение персонала дипломатических и консульских пред-

ставительств за рубежом по предложению Джирги министров; отмена незаконных решений и постановлений местных, провинциальных и областных джирг; предоставление политического убежища; сокращение сроков наказания и амнистия заключенных и т.д. Кроме того, Государственная джирга в перерыве между сессиями Лоя джирги могла выполнять ряд ее функций, в частности назначать и снимать с постов министров (по предложению премьер-министра) с последующим утверждением этих актов на сессии Лоя джирги.

Джирга министров, согласно предложениям Парчам, являлась высшим, подотчетным Лоя джирге исполнительным и административным органом государственной власти в ДРА. Председатель Джирги министров (премьер-министр) и на основе его предложений заместители председателя и министры подлежали избранию на сессии Лоя джирги из числа как ее депутатов, так и других лиц.

Джирги, как органы государственной власти, предлагалось создать также во всех административных единицах вплоть до деревни. При этом имелось в виду, что областные и провинциальные джирги будут избираться населением на срок четыре года, а местные (городские, уездные и деревенские джирги) – на три. При каждой из таких джирг должен был функционировать определенный исполнительный чиновничий аппарат.

В «Проекте предложений ЦК НДПА» был подтвержден принцип раздельного функционирования законодательной, исполнительной и судебной властей, введенный в Афганистане конституцией 1964 года и нарушенный позже, после свержения монархии. Предусматривалось, что все судебные инстанции – Верховный суд (подотчетный непосредственно Лоя джирге), областные, провинциальные, городские, уездные и специальные суды, в процессе исполнения своих функций будут независимыми и подчиняться только закону. Далее в «Проекте» содержалось предложение, чтобы и Генеральный прокурор также избирался бы Лоя джиргой сроком на пять лет и нес непосредственную ответственность и отчетывался перед Лоя джиргой, а в период между сессиями – Государственной джиргой.

Руководители Парчам придавали важное значение принципам формирования государственных органов власти. В последнем разделе своих предложений по проекту конституции, напомнив еще раз тезис о том, что «национальный суверенитет принадлежит только народу», они предложили формировать все органы власти (джирги) сверху донизу на основе всеобщих, равных и прямых выборов, при тайном голосовании, а также предоставить активное избирательное право гражданам, достигшим 18 лет, и пассивное – с 24 лет, независимо от их расы, пола, национальной и религиозной принадлежности и времени проживания в данном избирательном округе. Высказано было также предложение узаконить для всех политических партий и организаций право выдвигать своих кандидатов в депутаты джирг всех уровней.

Заключая изложение своих взглядов по проекту конституции, ЦК НДПА (Парчам) открыто выступил против введения в стране президентской формы правления. «Наша партия убеждена, – говорилось в «Проекте предложений», – что, если вместо джирговой демократии, имея в виду условия страны со всеми ее национальными, племенными, языковыми, культурными и религиозными различиями, будет введена президентская система власти, то это расчистит в Афганистане путь для укрепления позиций антидемократических сил, посеет семена раздоров, анархии и раскола. И, наоборот, система парламентской демократии нового типа в форме джирг сверху донизу и ответственное национально-демократическое правительство под руководством объединенного национально-демократического фронта народа Афганистана сыграют важную роль в деле укрепления национальной независимости, национального сплочения и единства и прежде всего повышения демократического сознания народа и недопущения укрепления позиций политической реакции и бюрократии в стране». ЦК Парчам потребовал вынести проект конституции на всенародное обсуждение.

Публикации Парчам по проекту конституции явились прямым вызовом намерениям М.Дауда утвердить в стране режим личной власти и одной из последних попыток добиться для демократических политических сил права на юридически признанное место в политической системе государства. Хотя, думается, руководители Парчам, как и, впрочем, Хальк, к этому времени уже отчетливо осознавали всю иллюзорность надежд на какие-либо уступки со стороны режима и тем более на восстановление союза с ним. Поэтому их публикации по проекту конституции и актуальным проблемам развития страны представляли на деле не более чем пропагандистский демарш. Что касается ультраправых кругов, то они, строя до начала 1977 года свои расчеты исключительно на насильственном устранении режима М.Дауда, проявили полное безразличие к вопросу о конституции. Это объяснялось также и тем, что к указанному времени их перестал волновать вопрос о характере власти в стране в связи с поворотом М.Дауда вправо во внутренней и внешней политике и разрывом его с левыми силами.

В рассматриваемое время в центре внимания левой оппозиции были не только вопросы власти в стране, но и проблема разобщенности в действиях демократических и национально-патриотических кругов. В связи с этим 24 марта 1974 года, ЦК Парчам выступил с «Заявлением о единстве действий», в котором выразил тревогу за судьбу национально-прогрессивного пути развития Афганистана в связи с активизацией антиреспубликанских сил внутренней, региональной и международной реакции и выдвинул задачу (как «главный практический лозунг дня») найти пути к сплочению и единству действий всех прогрессивных, национально-патриотических и левых сил [49] (следует заметить в скобках, что обмен мнениями между руководством двух фракций носил весьма странный характер: они в своих «заявлениях» и «сообщениях» обращались не непосредственно друг к другу, а к членам своих организаций, хотя, как явствует из содержания их посланий, полемику-то они вели друг с другом). В коротком (в пять строк) ответе, подписанном 28 марта, руководство Хальк подтвердило, что и для него «лозунгом дня» является «мобилизация всех патриотических, национально-демократических и народных (хальковских) сил для борьбы против реакции, империализма и антиреспубликанских элементов, за продолжение активной поддержки республиканского строя». [50] Однако оно не пошло дальше такого рода констатации и не предложило ничего конкретного, чтобы сделать реальностью указанный лозунг. Впрочем, впоследствии Хальк вину за приостановку переговоров и длительное «интригующее молчание» полностью возложило на руководство Парчам.

[51]

Взаимные контакты представителей двух фракций и обмен мнениями по указанной проблеме возобновились лишь через полтора года. В течение этого периода отношения между ними, как и в предыдущие годы, характеризовались отчужденностью, взаимной подозрительностью, обвинениями и нападками друг на друга. Однако драматическое развитие событий в стране – набиравший обороты распад антимоноархической коалиции и усиление правых тенденций в политике республиканского руководства – заставило их 26 августа 1975 года снова сесть за стол переговоров и обменяться мнениями о внутривнутриполитической ситуации и принципах установления сотрудничества. На следующий день Парчам изложила свои взгляды и оценки на сей счет в изданном ротопринтным способом «Сообщении по поводу о единстве действий». В этом документе, оформленном как постановление ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана), было подчеркнуто, что усиление попыток внутренней и внешней реакции путем заговоров, интриг и провокаций свергнуть республиканский режим и разгромить национально-демократические, прогрессивные и патриотические силы поставило перед последними «в качестве самой неотложной задачи» проблему их единства действий и в первую очередь установление единства действий Парчам с ее «ближайшими друзьями – халькистами». ЦК НДПА (Парчам), обращаясь к членам своей организации, призвал их рассматривать достижение единства действий с Хальк как «первый шаг на пути к полному идеологическому, политическому (стратегическому и тактическому) и организационному единству», протянуть халькистам «руку подлинной, искренней революционной дружбы в совместной борьбе за общие цели» и, проявляя выдержку, такт и терпение, «прекратить любые выпады и обвинения друг против друга». В данном документе впервые было гласно заявлено, что «защита и поддержка нашей партией (т.е. Парчам. – М.С.) республиканского режима во главе с М.Даудом не может ни в коей мере означать защиту реакционных и негативных сторон, произвола и коррупции аппарата управления, государственной бюрократии и реакционных элементов». [52]

«Сообщение» ЦК Парчам вызвало резкий протест халькистского руководства, которое расценило данную публикацию как нарушение совместной договоренности сохранить в тайне содержание начавшихся переговоров до достижения окончательных результатов. Пытаясь найти злой умысел в действиях своих партнеров по переговорам, оно несколько позже заявило, что «разглашением этих переговоров и поднятием политической шумихи парчамисты хотели скрыть свою ликвидаторскую позицию и свои злоупотребления на высоких государственных постах». [53] В ответ на указанное «Сообщение» халькисты 4 сентября распространили в Кабуле «Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны)», в котором со всей категоричностью объявили, что «в Афганистане под названием «Народно-демократической партии» существует только одна партия» (т.е. Хальк. – М.С.) и что, если парчамисты разделяют идеологические, программные и организационные принципы этой партии и признают решения I Учредительного съезда НДПА и избранный на нем ЦК, то они должны присоединиться к ней. В случае неготовности Парчам к этому шагу, халькисты допускали установление с ней единства действий и объединения в рамках единого национально-демократического фронта. Другими словами, руководство Хальк повторило свою прежнюю, по сути ультимативную, позицию по проблеме организационного единства партии, которой оно придерживалось в конце 60-х годов (см. об этом в разделе «НДПА и проблема единства»). Между тем, подходы обеих фракций к вопросу о единстве действий, как это видно из приведенного выше обмена мнениями, практически совпадали и открывали в данной сфере благоприятную возможность для достижения соответствующей договоренности. Халькисты в своем «Заявлении» воздержались от критики реакционных сторон в политике республиканского режима и оставили без внимания тезис Парчам о дифференцированном подходе к вопросу о защите этого режима. [54]

11 сентября руководство Парчам распространило еще одно «Заявление», адресованное, как и прежде, членам своей организации. Оно призвало их «не раздражаться по поводу Заявления друзей-халькистов от 4 сентября», соблюдать терпение и последовательность и воздерживаться в общении с ними «от любых проявлений заносчивости, мелочных придирок и эгоизма», добиваться разрешения существующих противоречий между фракциями за столом переговоров. «Нашей целью, – говорилось в письме Парчам, – являются достижение единства действий, наводка моста взаимного доверия и подготовка условий для полного единства». ЦК Парчам, заявив, что «в Афганистане должна существовать одна партия, носящая название НДПА», впервые выразил желание и готовность искать согласие с халькистами по вопросу о единстве партии «на основе постановлений Учредительного съезда партии и решений избранного им ЦК» [55] (подчеркнуто мною. – М.С.).

Указанное выше заявление ЦК Парчам было воспринято в кругах Хальк как готовность парчамистов решать проблему партийного единства на их (халькистских) условиях. 1 октября 1975 года произошла встреча представительных делегаций обеих фракций по обсуждению этого шекотливого вопроса. Однако добрым надеждам снова не суждено было сбыться. На следующий день ЦК Хальк в распространенном им «Информационном сообщении» обвинил парчамистов в том, что они на переговорах, нарушая данное ими слово о приверженности постановлениям Учредительного съезда и решениям избранного на нем ЦК, отказались признать Н.М.Тараки генеральным секретарем, а Г.Д.Панджшери – членом ЦК, отвергли принцип целостности партии и настаивали на признании права на существование в Афганистане двух партий, носящих название НДПА. Не скрывая раздражения и прибегая к оскорбительным выражениям, руководители Хальк уведомляли членов своей организации, что, мол, «группировка Парчам после двух лет коварного молчания стремится с помощью политического кликушества снова играть роль параллельной партии, чтобы ослабить революционное движение в стране» и что «все эти ее крикливые призывы к единству делаются лишь ради срыва единства, ради своей рекламы». [56]

Отвечая в весьма сдержанном тоне на обвинения Хальк, ЦК Парчам в постановлении «Вперед к единству!», принятом 11 октября, с сожалением констатировал, что руководство «друзей-халькистов» исказило

характер и содержание переговоров, и подчеркнул, что по-прежнему считает «сплочение всех национально-демократических сил страны неотложной революционной задачей дня». Было особо отмечено, что делегация Парчам исходила на переговорах из того, чтобы «избежать бесплодных конфликтов и перебранок и расчистить путь для продолжения дружественного обмена мнениями с целью решения спорных проблем в интересах достижения полного единства». Как далее явствует из указанного документа, стороны на последнем заседании первого дня переговоров согласовали текст совместной резолюции. Делегация Хальк отказалась ее подписать, однако взяла с собой копию как «свидетельство устного джентльменского соглашения». Текст резолюции гласил:

«1 октября 1975 года. Каждая из делегаций доложит своему руководству точки зрения сторон по вопросу о полном единстве. Переговоры будут продолжены. Существует полное совпадение взглядов относительно продолжения и углубления единства действий. Партиями каждой из сторон еще раз подтверждаются принципы, согласованные на встрече 26 августа 1975 года, а именно:

полное прекращение подрывных действий, борьбы, агитации и разоблачений, направленных друг против друга;

создание атмосферы для взаимного искреннего и товарищеского сотрудничества;
осуществление совместной борьбы против общих врагов.

Примечание: каждая из сторон имеет право довести до сведения соответствующих товарищей содержание настоящих и будущих переговоров». [57]

Лидеры Парчам весьма корректно отклонили обвинения своих оппонентов как «безосновательные» и предложили не выдвигать вопрос о признании руководства в лице одного человека, а прежде всего согласовать позиции по таким проблемам, как: 1) программные и идеологические принципы единой партии; 2) генеральная линия; 3) организационные принципы партии; 4) состав и структура коллективного руководства НДПА (ЦК, исполнительный комитет, секретариат и др.). При этом было заявлено, что избрание и назначение достойных лиц в указанные органы должно быть осуществлено на основе соблюдения постановлений Учредительного съезда партии и решений избранного им ЦК, а также с учетом последующих реалий. Что касается генерального секретаря ЦК объединенной партии, то руководство Парчам заверило халькистов, что «не имеет честолюбивых намерений «навязывать» и «поставить» на этот руководящий пост кого-либо из своих членов». «Мы открыто заявляем, – говорится в названном выше постановлении, – что члены ЦК нашей партии проголосуют за того деятеля, включая Н.М.Тараки, кто будет выдвинут нашими друзьями-халькистами в качестве генерального секретаря и получит одобрение партии и движения, а также поддержат членство в едином ЦК НДПА Г.Д.Панджшери и других товарищей». Выразив готовность продолжать поиски путей к сплочению всех национально-демократических, прогрессивных и патриотических сил, ЦК Парчам выразил убеждение, что разногласия с Хальк вполне разрешимы за столом переговоров и не могут служить препятствием к достижению и единства действий, и полного организационного единства партии.

Призыв Парчам к продолжению переговоров не был услышан в лагере Хальк. Контакты между ними опять прервались. Б.Кармаль, выступая на партийной конференции 26 декабря 1975 года, снова вернулся к проблеме союза и сотрудничества революционно-демократических сил, включая и Хальк. Однако на сей раз выдержка и такт, присущие лидеру Парчам, изменили ему. Отступая от своего недавнего призыва избегать во полемике «разоблачений и выпадов» друг против друга, он подверг острой критике руководство Хальк, обвинив его в «раскольнической и оппортунистической деятельности», в «сговоре с правым крылом режима», а членов и сторонников этой организации – участников переворота 1973 года – в карьеризме, поддержке идеи создания режима личной власти в стране, участии «в заговорах, направленных против левого крыла и прогрессивных деятелей режима». Б.Кармаль отметил, что и часть членов Парчам, войдя в государственный аппарат, тоже обюрокротилась, запятнав этим «гордое имя парчамиста». [58]

В марте 1976 года от имени «Общества афганских коммунистов за рубежом» (сторонники Парчам. – М.С.) была напечатана типографским способом за пределами страны листовка «Предупреждение» и распространена в Афганистане. Поводом к ее появлению явились материалы Хальк, опубликованные в ряде прогрессивных печатных органов Индии и Ирака. Составители листовки выразили негодование в связи с содержащейся в этих материалах характеристикой Хальк как «коммунистической партии», а Н.М.Тараки как «великого коммунистического лидера Афганистана» и заявили, что подобные претензии халькистов, с одной стороны, еще больше углубляют раскол и усиливают противоречия в рядах национально-демократического движения и, с другой, приводят к политическим недоразумениям и дают реакции пищу для провокаций. [59]

Руководители Хальк бурно отреагировали на указанную критику. Летом 1976 года они опубликовали и распространили в стране и за рубежом две брошюры «О Народно-демократической партии Афганистана (авангарде рабочего класса страны)» и «Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана», в которых в свойственной им декларативной манере обрушились на своих партийных оппонентов с обвинениями буквально во всех смертных грехах. В последней брошюре было заявлено, в частности, что «парчамизм – это раскольническое, ... глубоко враждебное марксизму, оппортунистическое течение в национально-демократическом движении Афганистана», стремящееся «идейно и организационно подорвать НДПА, принципы демократического централизма и подлинно революционного интернационализма». [60] На основе анализа социально-классового состава Парчам и концепций «национальной демократии», выдвинутой ее руководителями (см. об этом в разделе «Межфракционная борьба в НДПА: причины, характер, последствия»), был сделан довольно сомнительный вывод о «буржуазной сущности парчамизма», а сама организация квалифицирована как антинациональная и антисоветская, как «агентура афганской реакции и международного империализма». Авторы брошюры для разоблачения и развенчания Парчам и ее лидеров использовали обширный вокабуляр оскорбительных эпитетов, ярлыков и бранных выражений, как например: группа «сундучного коммунизма и денежного мешка», «легальные фракционеры», «заклятые

предатели народа», «слабые души, растлеваемые денежными подачками», «парчамистские болтуны, бездельники и мироеды» и т.п. Со злой иронией писалось: о депутатах НДПА (членах Парчам) в парламенте 12-го созыва – они якобы «поражали и приводили в восторг своими «красными речами» в Вулуси джирге политически незрелых иностранцев и кабульских обывателей»; о членах Парчам, вошедших в республиканские органы власти, – они «пускали революционную пыль в глаза отечественных и зарубежных ротозеев»; о Б.Кармале – он-де «прошел через «каторгу» в сытом кабульском лицее и «тюремную школу» в лондонском университете» (между прочим, Б.Кармаль в Лондоне никогда не учился. – М.С.) и т.д.

Руководство Хальк в разгар этих своих неистовых нападок на парчамистов еще раз повторило условия, на которых оно было согласно на единство и союз национально-демократических и прогрессивных сил, а именно: 1) присоединение к НДПА (т.е. Хальк. – М.С.) «всех лиц и групп, верящих в программу партии и ее организационные и идеологические принципы, и на основе постановлений первого съезда НДПА и избранного им ЦК»; 2) «объединение вместе с НДПА в общий национально-демократический фронт при сохранении своей идеологии и самостоятельности тех партий и сил, которые борются против феодализма и империализма, но не согласны полностью с идеологическими и организационными принципами НДПА». [61] Парчам, в свою очередь, не выдвигая каких-либо предварительных условий, продолжала призывать к единству все прогрессивные, патриотические, демократические и левые силы. [62]

Тогда, во второй половине 1976 года, ни одна из указанных сторон не проявляла желания пойти на какие-либо уступки и, казалось, проблема партийного единства была окончательно загнана в тупик. Однако вскоре жизнь, а точнее угроза их жизни, исходившая от режима М.Дауда, охладила не в меру воинственный пыл левых радикалов и вернула их к благоразумию. Ради истины надо сказать, что неоценимую роль в этом повороте к поиску компромиссов сыграли видный деятель Народной партии Ирана Эхсан Табари, один из лидеров Национальной народной партии Пакистана Аджмаль Хаттак и другие зарубежные, в том числе и советские и индийские, друзья НДПА. [63] По их настоятельному совету и при активном посредничестве Шах Мухаммад Доста (впоследствии министр иностранных дел ДРА) в марте 1977 года [64] в Кабуле состоялась встреча Н.М.Тараки и Б.Кармаля, на которой были обсуждены политическая ситуация в стране, сложившаяся после принятия республиканской конституции, и принципы организационного единства партии. Во встрече участвовали также Нур Ахмад Нур и Хафизулла Амин (см. Приложение 9). В июне прошла еще одна встреча лидеров Хальк и Парчам, по итогам которой было подписано «Заявление о единстве НДПА». Вслед за ней состоялось совместное заседание Центральных комитетов обоих крыльев, а 3 июля в условиях подполья была проведена объединительная конференция. В ее работе приняли участие 90 делегатов.

Объединение двух группировок НДПА стало возможным в результате отказа Хальк от своего требования о безоговорочном присоединении к ней Парчам, а также некоторых других требований. Как признавали впоследствии сами халькисты, «единство состоялось на условиях парчамистов». [65] В его основу был положен предложенный Б.Кармалем принцип паритета, то есть равного представительства халькистов и парчамистов при формировании всех руководящих органов партии сверху донизу. [66] В соответствии с этим принципом, на конференции членами и кандидатами в члены ЦК НДПА были избраны 30 человек [67] (см. Приложение 7), в том числе:

от Хальк		от Парчам	
1.	Нур Мухаммад Тараки	1.	Бабрак Кармаль
2.	Салех Мухаммад Зерай	2.	Мир Акбар Хайбар
3.	Гулям Дастагир Панджшери	3.	Султан Али Кештманд
4.	Д-р Акбар Шах Вали	4.	Д-р Анахита Ратебзад
5.	Хафизулла Амин	5.	Нур Ахмад Нур
6.	Мухаммад Исмаил Данеш	6.	Сулейман Лайек
7.	Абдул Хаким Шараи Джаузджани	7.	Мухаммад Хасан Барек Шафии
	Абдул Карим Мисак		Абдул Маджид Сарболанд
8.	Мухаммад Хасан Пайман	8.	Абдул Вакиль
9.	Махмуд Аламгуль Сума	9.	Гулям Сарвар Юреш
10.	Мухаммад Мансур Хашеми	10.	Абдул Куддус Горбанди
11.	Абдуррашид Арьян	11.	Незамуддин Тахзиб
12.	Мухаммад Ясин Боньяди	12.	Махмуд Барьялай
13.	Абдул Ахад Вулуси	13.	Д-р Наджиб (улла)
14.	Д-р Абдул Мухаммад	14.	Феда Мухаммад Дехнешин

Непростым оказался вопрос об избрании на пленуме ЦК высших руководящих органов партии – генерального секретаря, Политбюро и Секретариата. Б.Кармаль, имея в виду, что персональный состав руководства партии всегда был камнем преткновения на пути к единству НДПА, предложил два варианта его решения: избрать Н.М.Тараки первым секретарем ЦК, его (Б.Кармаля) – вторым, а также ввести в Секретариат еще нескольких лиц на паритетной основе; или же, в случае несогласия с этим вариантом, избрать Н.М.Тараки генеральным секретарем, а Б.Кармаля – секретарем, поручив им вести дела Секретариата. При обсуждении данного вопроса открыто выраженную антипарчамистскую позицию занял Х Амин. Он заявил, что «Бабрак Кармаль не может быть вторым официальным лицом в партии, поскольку с ним она изолирует себя от народа». [68] Демарш Х.Амина возымел действие. В итоге пленум принял компромиссное решение: Н.М.Тараки был избран генеральным секретарем, а Б.Кармаль стал одним из трех секретарей ЦК НДПА (кроме него, в Секретариат вошли Акбар Шах Вали и Нур Ахмад Нур). Разногласия возникли и при

обсуждении состава Политбюро. Н.М.Тараки упорно добивался ввести в него (как, впрочем, и в Секретариат) Х.Амина, а парчамистское крыло – Мир Акбара Хайбара. Кандидатура Х.Амина не получила поддержки со стороны большинства членов ЦК – и парчамистов, и халькистов. Против его избрания в Политбюро возражали, к примеру, С.М.Зерай, Г.Д.Панджшери и А.К.Мисак. Не был введен в указанный орган и М.А.Хайбар. По итогам голосования Политбюро было образовано в составе десяти человек (от каждой фракции по пять представителей). Персонально от Хальк в него вошли Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Г.Д.Панджшери, А.Шах Вали и А.К.Мисак, а от Парчам – Б.Кармаль, С.Лайек, Н.А.Нур, С.А.Кештманд и М.Х.Барек Шафии. На основе принципа паритета были сформированы все отделы и комиссии ЦК, руководящие органы провинциальных, городских и районных партийных организаций.

Возникает вопрос: что же заставило Н.М.Тараки принести Х.Амина в жертву партийному единству? Пакистанский автор Раджа Анвар приводит мнение ряда халькистских деятелей – приверженцев Н.М.Тараки, считавших, что последний сделал это ввиду якобы появившегося у него в ту пору недоверия к своему ученику и желания лишить его возможности заниматься партийной работой в армии. [69] Такого рода предположения, представляется, лишены основания. Н.М.Тараки в 1977 году по-прежнему полностью доверял Х.Амину и не осознавал еще его макиавеллевскую роль в партии. «Принесение в жертву» Х.Амина было для Н.М.Тараки вынужденной, тактической мерой, ибо в противном случае он рисковал бы остаться на пленуме в меньшинстве и нанести таким образом ущерб своей репутации. К тому же лидер Хальк, видимо, был вполне удовлетворен тем, что, пожертвовав своего любимца, он погасил претензии парчамистского крыла на представительство в Политбюро М.А.Хайбара, которого еще накануне конференции халькисты клеймили как «офицера монархической полиции» и заявляли, что он «никогда не состоял в партии». [70]

На конференции было принято решение об объединении всех гражданских партийных организаций двух крыльев. Временно не подлежали объединению лишь подпольные организации в вооруженных силах. По моему мнению, это было совершенно правильное решение. Оно не нарушало стабильности глубоко законспирированных связей партии с армией, снимало такой щекотливый вопрос, как назначение нового ответственного лица по работе среди военных, а также не создавало каких-либо дополнительных предпосылок для раскрытия спецслужбами режима армейского партийного подполья, которые бы неизбежно возникли в случае проведения организационных мероприятий, связанных с созданием единых военных организаций. Следует учитывать, что противоречия между халькистами и парчамистами в армии носили более глубокий характер, чем в гражданской сфере.

В принятом на конференции и подписанном 60 делегатами постановлении было отмечено, что объединенная партия руководствуется прежним Уставом и программой и в своей деятельности исходит из стратегической цели – обеспечения победы национально-демократической революции, образования демократической республики Афганистан и выбора некапиталистического пути развития страны. Большое внимание в этом документе было уделено качественному и количественному укреплению партийных организаций на всех уровнях, устранению политических и организационных разногласий, повышению идейно-политической подготовки партийцев, расширению работы в массах и объединению вокруг НДПА демократических и прогрессивно-патриотических сил. Было признано актуальным добиваться от властей легального статуса организации и расширения ее международных связей. ЦК поручалось подготовить и провести II съезд партии и, если обстановка позволит, подготовить и издать краткую историю НДПА. На пленуме объединенного ЦК были впервые поставлены вопросы и приняты соответствующие решения о необходимости свержения деспотического режима М.Дауда и перехода партии на нелегальное положение. [71]

Конференция обратилась с письмом к членам НДПА, в котором было заявлено, что партия «смело выбросила в мусорный ящик все прошлые взаимные обвинения» «во имя боевого единства воли, действий и мысли». Партийный форум потребовал от них обеспечить спайку и организационное единство, повести решительную борьбу против любых проявлений фракционизма, групповщины, высокомерия, сектантского и эгоистического поведения, создать в организациях атмосферу искренности и товарищества, сплачивать и привлекать на свою сторону национально-демократические и прогрессивные элементы, разоблачать и нейтрализовывать происки и антидемократические действия внутренней и внешней реакции. [72]

Воссоединение НДПА явилось знаменательным событием в истории леводемократического движения в Афганистане. Давая оценку данному событию, Н.М.Тараки в феврале 1978 года не без оснований, правда, и не без доли определенного преувеличения писал: «НДПА, добившись полного идеологического и организационного единства, превратилась ныне во влиятельную силу, признанную в обществе (вместе с ее возможными союзниками) как потенциальную и надежную леводемократическую альтернативу». [73]

Уйдя в подполье, единая НДПА прекратила распространение листовок, заявлений и других печатных материалов. В то же время она усилила свою деятельность непосредственно в трудовых коллективах (например, через кассы взаимопомощи, созданные на ряде предприятий), в гражданских учреждениях, армии. По-прежнему ей уделялось большое внимание работе среди молодежи. Как уже отмечалось, еще в апреле 1972 года руководство Парчам выдвинуло задачу создания массовых общественных организаций, в том числе и молодежной. Однако эта установка длительное время оставалась нереализованной. И лишь в соответствии с решением третьей партийной конференции в конце 1975 года ЦК Парчам образовал две комиссии: Центральную во главе с членом Политбюро А.Ратезад для осуществления общего руководства по формированию молодежной организации и Кабульскую провинциальную комиссию, на которую была возложена практическая задача по созданию организационных структур Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) от низовых ячеек до комитетов. В состав последней комиссии вошли недавний выпускник медицинского факультета Кабульского университета Наджиб (председатель), преподаватель Кабульского политехнического института Бурхан Гияси, сотрудница министерства просвещения Джамиля Пальваша, руководитель кассы взаимопомощи Наджмуррахман Мавадж и Азим Шахбаль. [74]

Через несколько месяцев был образован руководящий комитет ДОМА во главе с Б.Гияси. 6 мая 1976 года на расширенном заседании указанного комитета была принята временная программа организации, озаглавленная «Программные принципы Демократической организации молодежи Афганистана». В ней заявлялось, что «ДОМА создается как самостоятельная организация..., помощник и резерв партии, как школа воспитания будущих партийцев из числа студенческой и учащейся молодежи в возрасте от 14 до 20 лет». [75] Что касается Хальк, то она не имела в то время своей молодежной организации. После объединительной конференции партии ДОМА стала молодежной организацией единой НДПА. К апрелю 1978 года в рядах ДОМА насчитывалось до пяти тысяч человек. [76] В основном это были учащиеся и студенты столичных учебных заведений. НДПА продолжала проводить нелегальную работу и через Демократическую организацию женщин Афганистана, вобравшую в себя после восстановления единства партии женские организации обеих фракций.

В условиях подполья для НДПА особое значение приобрела деятельность по организационно-политическому укреплению партийных организаций, привлечению в ряды партии новых членов, расширению связей с различными слоями населения. Следует заметить, что Парчам и Хальк пришли к 1977 году с различным потенциалом сил и возможностей. Альянс организации Парчам с М.Даудом, возникший, как известно, на основе общности цели – свержения монархического строя, обернулся для нее напрасной расстройкой сил. Ее представители в органах власти и управления республики одними из первых среди демократов подверглись репрессиям, поскольку их левая принадлежность уже не являлась секретом для карательных служб режима. Особенно большие потери понесла военная организация Парчам. В более выгодном положении оказались халькисты. Будучи отвергнутыми режимом М.Дауда и не войдя после переворота, кроме единиц, в руководящие звенья госаппарата, они сумели не только сохранить организацию (хотя потери были и у них), но и заметно нарастить свои силы, прежде всего за счет вовлечения в свои ряды радикально настроенных военных. Халькисты раньше, чем парчамисты, перешли от поддержки режима М.Дауда к его отрицанию. Видимо, уже в начале 1974 года руководство Хальк стало склоняться к идее насильственного ниспровержения М.Дауда с помощью армии. В биографии Н.М.Тараки, официально изданной в Кабуле в 1978 году по этому поводу писалось: «После переворота 1973 года он (Н.М.Тараки. – М.С.) довел до партии, что в Афганистане появилась возможность добиться перехода политической власти в руки народа (хальк) кратчайшим путем. Тот классический вариант, в соответствии с которым производительные силы должны пройти различные этапы своего развития, а затем построить общество на основе научного социализма, требует длительного времени. Если же развернуть широкую и глубоко продуманную работу в вооруженных силах, то можно сократить это время. То, что раньше армия везде рассматривалась как орудие диктатуры и гнета господствующего класса, еще не означает, что этот класс не может быть свергнут, а указанное орудие у него отнято. Тов. Тараки говорил, что надо взять в свои руки данное орудие и отстранить от власти правящий класс». [77] Как вытекает из приведенной цитаты, автором указанной, по сути своей путчистской, идеи являлся Н.М.Тараки. Однако, по свидетельству многих афганских деятелей, входивших в непосредственное окружение лидера Хальк, подлинным ее творцом и рьяным исполнителем являлся Хафизулла Амин, назначенный в 1973 году по предложению своего патрона и решению ЦК руководителем партийной организации в вооруженных силах Афганистана. [78]

Х.Амин и ряд других деятелей (параллельно с ним в армии работали С.М.Зерай, А.К.Мисак, А.Р.Арьян и др.) сумели в течение нескольких лет создать разветвленную сеть нелегальных ячеек как в столичном, так и в отдаленных гарнизонах страны. [79] Ими в организацию вовлекались преимущественно унтер-офицеры и офицеры-пуштуны, составлявшие большинство командного и начальствующего состава армии, особенно в боевых частях и подразделениях. В 1976 году Х.Амин представил генеральному секретарю ЦК партии письменный доклад о том, что «НДПА в вооруженных силах уже в состоянии с незначительными потерями свергнуть режим М.Дауда и взять политическую власть». Н.М.Тараки, видимо, понимая авантюризм такого вывода, призвал своего ученика «подождать, пока в стране появятся более надежные объективные и субъективные предпосылки и партия станет более сильной». [80] Таким образом, лидером Хальк военный путч был отложен, но не отвергнут в принципе. Следует отметить, что халькисты никогда не приводили сведений о количественном составе своей военной организации. По некоторым приблизительным данным, к апрелю 1978 года она насчитывала в своих рядах не менее 1,5 тысяч членов и немало сторонников. Численно она превосходила военную организацию Парчам. В целом же в вооруженных силах у НДПА к указанному времени было, по всей вероятности, от двух до трех тысяч членов.

Слияние гражданских партийных организаций двух крыльев и «притирка» друг к другу их членов в низовых структурах партии проходила без особых осложнений, но и не безболезненно. Десятилетие их раздельного функционирования и взаимной враждебности оставили в их умах и сердцах глубокие шрамы, выработали у них свой стиль отношений между собой, свою систему привязанностей и авторитетов. Поэтому и после объединения партии в ее организациях продолжали сохраняться прочные внутрикрыльевые связи, тяготение к прежним руководителям, холодок в отношениях с новыми партийными коллегами. Однако сильнее всего рецидивы прошлого давали о себе знать в высшем руководстве НДПА. Здесь главным раздражителем, неизменным объектом и субъектом горячих споров являлся Х.Амин. Б.Кармаль, Н.А.Нур и другие бывшие члены руководства Парчам, не питая к нему доверия, неоднократно требовали отстранения его от руководства военной организацией партии. Но всякий раз его под защиту брал Н.М.Тарки. [81] В конце марта 1978 года вопрос о раскольнической антипартийной деятельности Х.Амина снова был вынесен на обсуждение ЦК НДПА. Большинство голосов было принято решение вывести его из состава ЦК. С данным мнением вынужден был согласиться и Н.М.Тараки. Однако из-за разного рода проволочек (и, очень вероятно, не без участия лично Н.М.Тараки) решение ЦК не было реализовано, а через месяц, когда НДПА в результате апрельского вооруженного восстания (при непосредственной причастности к

нему Х.Амина) пришла к власти, и вовсе забыто. [82]

В момент восстановления партийного единства в НДПА насчитывалось до 15 тысяч членов. [83] В следующие месяцы она заметно увеличила свои ряды.

5.3 Правая антидаудовская оппозиция

Свержение монархии и намерение республиканского правительства провести в стране преобразования в экономике и политике и, прежде всего аграрную реформу, а также усиление влияния левых в органах центральной власти вызвали резкое противодействие правых консервативно-клерикальных кругов. Только за первые пять месяцев существования республики были раскрыты два крупных антиправительственных заговора. Первый из них, сорванный в сентябре 1973 года, возглавил бывший премьер-министр М.Х.Майвандваль, пользовавшийся как в стране, так и за рубежом репутацией деятеля прозападной ориентации. [84] По подозрению в заговоре было арестовано более 100 влиятельных деятелей прежнего режима. Среди них оказались пять бывших депутатов парламента, четыре крупных коммерсанта, 11 представителей интеллигенции и большая группа высокопоставленных армейских чинов, в том числе бывший командующий ВВС и ПВО, никогда не скрывавший своих проамериканских взглядов и постоянно поддерживавший тесные контакты с сотрудниками посольства США в Кабуле генерал-полковник в отставке Абдурраззак, бывший губернатор Нангархара генерал-лейтенант в отставке Хан Мухаммад, бывший командующий полицией и жандармерией генерал-лейтенант Мухаммад Рахим, полковник Заргун Шах, Саид Амир, Кохат, Ковват-хан Бридваль и другие. По сведениям афганской печати, в ходе следствия была выявлена связь группы М.Х.Майвандваля с правительственными кругами Пакистана, которые обещали ей не только финансовую поддержку, но и помощь оружием. В планах заговорщиков предусматривались нанесение силами их сторонников в ВВС бомбовых ударов с воздуха по верным республиканскому режиму частям сухопутных войск в Кабуле, Кандагаре и других местах, а также, в случае необходимости, проведение «освободительного рейда» с чужой территории вглубь Афганистана с целью захвата Кабула. [85]

Несколько дней спустя после ареста М.Х.Майвандваль был обнаружен в своей камере повешенным. Согласно официальным сообщениям, он покончил жизнь самоубийством. Однако многие как в Афганистане, так и за рубежом подвергают эту версию серьезному сомнению. [86] Другие участники заговора были преданы суду военного трибунала, который в декабре 1973 года приговорил пятерых из них, включая и М.Х.Майвандваля, к смертной казни, остальных – к различным срокам тюремного заключения. Двое были оправданы.

Второй не менее опасный заговор, организованный влиятельным духовенством и возглавленный бывшим руководителем службы государственной безопасности монархического режима генералом Хабибуллою Рахманом, был раскрыт в конце 1973 года. По этому делу в течение нескольких дней, начиная с ночи с 19 по 20 декабря, было арестовано более 600 религиозных деятелей, членов клерикальных группировок, военных, представителей интеллигенции и других слоев населения. Х.Рахман был приговорен к смертной казни, один из заговорщиков – к пожизненному заключению и 10 человек – к различным срокам лишения свободы. [87]

Наиболее непримиримую позицию по отношению к республиканскому правительству М.Дауда заняла группировка «Мусульманская молодежь». В этот период в ее руководстве фактически произошел раскол, основной причиной которого явились разные подходы двух крыльев – молодежного (экстремистского) и «умеренного» (т.н. «стариков») – к вопросам тактики и форм борьбы с новым, республиканским режимом. Первое из них выступало за немедленную подготовку вооруженного восстания против «безбожного» правительства М.Дауда, изгнание «коммунистов» из государственных органов и образование «подлинно исламской республики». Другое же крыло считало восстание авантюрой, обреченной на поражение, и предлагало вести тщательную подготовку к совершению военного переворота. Верх в руководстве организации взяло, однако, молодежное крыло. Оно, поощряемое и поддерживаемое влиятельными консервативными и клерикальными кругами страны, активно подключилось к подготовке антиправительственных заговоров. При этом основная ставка делалась на сторонников организации в армии.

Следующий крупный заговор с участием исламских радикалов и военных был ликвидирован властями в июле 1974 г. Незадолго до этого в руки органов безопасности при обыске в книжных лавках-библиотеках, расположенных в районе Димазанг (один из районов Кабула) и соборной мечети «Пули-Хешти» (последняя лавка принадлежала маулави из Герата Файзани, который еще в 1970 году установил связи с «Мусульманской молодежью»), попали важные документы о деятельности организации и списки ее членов в центре и в провинциях. По этому делу было арестовано до 300 человек, среди которых оказались военные (в основном младшие офицеры), представители духовенства, активисты и руководители «Мусульманской молодежи», в частности инженер Хабибурахман (приговорен к смертной казни и расстрелян), Файзани и С.Насратъяр (оба осуждены на пожизненное заключение), профессор Г.М.Ниязи (по некоторым данным, еще при М.Дауде был казнен). В ходе следствия была установлена связь этой группы путчиков с религиозными кругами ряда арабских стран, от которых они получали деньги и оружие.

Многочисленные аресты заговорщиков и суровые приговоры в отношении их не остановили, однако, консервативно-клерикальные круги в их попытках свергнуть режим М.Дауда. Оставшиеся на свободе участники указанного заговора создали подпольный «Комитет партизанских действий». Ряд членов руководства и функционеров «Мусульманской молодежи» (Г.Хекматъяр, профессор Голь Мухаммад, Б.Раббани, Мухаммад Наджир Бадахши, Мухаммад Насим Тарек Мослемъяр, инженер Абдул Алам и др.) эмигрировали в Пакистан, где были гостеприимно встречены крайне правой религиозно-политической организацией «Джамаат-и ислами». Здесь им, как оппозиции М.Дауду, была также оказана со стороны правительства З.А.Бхутто помощь оружием, снаряжением и финансами. Более того, активисты «Мусульманской молодежи» при содействии и при непосредственном участии спецслужб Пакистана прошли военную подготов-

ку и составили костяк так называемого «авангарда джихада».

21 июля 1975 года под руководством «Мусульманской молодежи» началось антиправительственное вооруженное восстание в Панджшерской долине, а затем в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия и Нангархар. По времени оно совпало с восстанием, которое подняли в северо-восточных провинциях Афганистана сторонники Бахруддина Баэса, руководителя будущей «Организации федаев трудящихся Афганистана» (ОФТА). По неподтвержденным данным, в вопросах борьбы против даудовского режима они сотрудничали с «Мусульманской молодежью» и группировкой Шоалеи джавид. Восстание, однако, не было поддержано местным населением, на что рассчитывали его зачинщики, и регулярные части афганской армии совместно с подразделениями полиции без особых усилий подавили его. Многие ветераны «Мусульманской молодежи» или погибли в бою, или были схвачены и преданы суду военного трибунала (перед судом предстало 100 человек), или же бежали в Пакистан, где получили статус политических беженцев («мохаджеров»). По данным, приводимым в западной печати, [88] афганские экстремисты в противоборстве с властями в конце 60-первой половине 70-х годов потеряли только убитыми до 600 человек. Брошены были в тюрьмы и активисты Шоалеи джавид. Ряд их них, в том числе один из ее руководителей доктор Рахим Махмуди, повешен. [89]

Еще один заговор против правительства М.Дауда, ликвидированный в декабре 1976 года, возглавил тесно связанный с клерикальными кругами и шиитскими духовными лидерами страны начальник артиллерийского управления министерства национальной обороны генерал Сеид Мир Ахмад Шах. Заговорщики ставили своей целью создать в Афганистане теократическое государство во главе с «праведным президентом», избранным из среды духовенства, утвердить в стране власть «прогрессивного ислама» и «искоренить влияние коммунистов». [90]

К середине 70-х годов «Мусульманская молодежь» была обескровлена и практически перестала существовать как организация. На ее осколках еще с 1974 года Г.Хекматъяр, укрывшись в Пакистане, стал создавать Исламскую партию Афганистана (ИПА). С ним непродолжительное время (примерно три месяца) в рамках новой партии сотрудничал Б.Раббани. Однако вскоре он со своими сторонниками образовал самостоятельную организацию – Исламское общество Афганистана (ИОА).

Следует отметить, что в рассматриваемые годы политическая деятельность правой антидаудовской оппозиции не свелась только к попыткам совершения государственных переворотов. После 1973 г. они яростно ополчились против левых сил, предпочитая при этом террор и насилие всем другим методам борьбы.

5.4 Кризис режима власти М.Дауда. Апрельское вооруженное восстание 1978 г. Провозглашение Демократической Республики Афганистан

Накануне апрельского вооруженного восстания Афганистан по-прежнему оставался одним из беднейших государств, входя в число 31 самой отсталой страны мира. Отсталость Афганистана и проблемы, связанные с нею, находили свое проявление буквально во всех сферах жизни общества. Так, по национальному доходу на душу населения, составлявшему в 1978 году 157 долларов, он занимал 108 место среди 129 развивающихся стран. В расчете на душу населения валовая продукция промышленности составляла в указанном году всего 48 долларов, сельского хозяйства – 127, экспорта – около 18 долларов. В течение 20 лет, предшествовавших революции, среднегодовой рост ВВП составлял 0,7 %, продукции сельского хозяйства – 2, а прирост населения – 2,55 %. [91]

Уровень жизни подавляющего большинства населения был крайне низок. Более 40 % населения страны не могли удовлетворить самого минимума своих скромных социальных потребностей и жили в условиях ужасающей нищеты. 66-68 % детей страдали от недоедания. Детская смертность достигала отметки 181,37 на 1000 новорожденных. Более 50 % детей умирали, не достигнув возраста пяти лет. На 10 тысяч человек населения страны приходилось всего лишь 0,63 доктора и 1,8 койки в лечебных учреждениях. При этом 80 % всех врачей было сосредоточено в столице. В связи с этим уровень медицинского обеспечения в провинциях был гораздо ниже среднестатистического по стране. Так, в провинции Газни один врач приходился на 49 333 человека, а в провинции Гор – на 59 333. В провинции Парван на каждые 30 100 ее жителей имелась всего одна больничная койка. На здравоохранение ежегодно выделялось лишь 0,65 % национального дохода, то есть всего 57 афгани на человека. Санитарное и эпидемиологическое состояние в стране во многом определялось ограниченностью источников доброкачественной воды и почти полным отсутствием (даже в крупных городах) системы ее очистки и обеззараживания. По афганским данным, более 95 % населения постоянно потребляли не пригодную для питья воду. И в городах, и в деревнях широкое распространение получили такие болезни, как туберкулез, малярия, оспа, трахома, гепатит, гельминтозы, различные желудочно-кишечные заболевания. В результате всего этого – недоедания, антисанитарных условий быта, отсутствия необходимой медицинской помощи, эпидемических болезней, высокой детской смертности – средняя продолжительность жизни в стране не превышала 42 лет. [92]

Согласно данным статистики за 1977 год, Афганистан по уровню образования занимал 127 место среди стран мира. Неграмотность среди мужчин достигала 92 %, а среди женщин – 95 (по другим данным – соответственно 95 и 99 %). [93] В стране на 17,5 миллионов человек населения насчитывалось всего 3728 школ, из них 237 – женских. Только 29 % мальчиков и 9 % девочек школьного возраста имели возможность получить образование. В сельских же районах лишь 3-4 % девочек посещали начальную школу. Положение в сфере образования, на нужды которого из казны обычно выделялось два процента ВВП, при республиканском режиме не только не улучшилось, но и заметно ухудшилось. Предпринятая в 1975 году реформа системы просвещения дала обратные результаты: если накануне ее проведения начальную школу

могли посещать примерно треть детей школьного возраста, то в 1978 году – уже менее четверти (24 %). Но и из этого числа возможность закончить начальную (восьмилетнюю) школу реально имели лишь 15 % учащихся, из которых, в свою очередь, не более половины могли быть допущены к получению среднего образования. Если в середине 70-х годов из 20 тысяч выпускников средней школы не могли найти работу 50 %, то в 1977 году этот процент поднялся уже до 80. [94]

Особенно тяжелым было положение в сфере экономики, прежде всего в сельском хозяйстве, где было занято около пяти (из шести) млн. человек дееспособного населения страны и доля которого в ВВП составляла около 60 %. Кризисные явления в земледелии и животноводстве страны были порождены господством в афганской деревне пережитков докапиталистических, а в ряде мест и дофеодальных производственных отношений. Как и сотню лет назад, полными хозяевами деревни, где проживало 84,8 % населения Афганистана, оставались крупные землевладельцы-малеки, которые сами обычно не вели хозяйства, а сдавали землю в аренду крестьянам на условиях традиционной и не регулируемой какими-либо законами или положениями феодальной издольщины и испольщины. Почти повсеместно арендные платежи, составлявшие от 20 до 80 % урожая, изымались преимущественно в натуральной форме. По свидетельству пакистанского автора Раджа Анвара, из 28 тысяч афганских деревень в руках феодальных малеков находилось 20 тысяч. Крупные малеки, составляя всего лишь около 5 % общего числа земельных собственников, владели примерно 45 % первоклассных обрабатываемых земель. В то же время значительная часть крестьян (примерно 40 % от общего числа землевладельцев) имели участки земли менее 1 га, что не обеспечивало прожиточный минимум крестьянской семьи. Примерно треть крестьян вообще не имели земли и вынуждены были арендовать ее у малеков, батрачить или заниматься отходничеством. По ориентировочным данным, аграрное перенаселение в Афганистане достигало половины его сельского населения (без кочевников). Около 2,5 млн. человек вели кочевой или полукочевой образ жизни. [95]

Афганистан, значительную часть территории которого занимают труднодоступные горы и безводные пустыни, располагает ограниченными площадями, пригодными для сельскохозяйственного производства. По имеющимся данным, из 64,75 млн. га земельной площади страны пахотнопригодный фонд составляет лишь 7,84 млн. га. Фактически же в 1978 году для посевов использовалась только половина указанного фонда, из которого 2,6 млн. га составляли поливные земли и 1,3 млн. – богарные. Оставшаяся часть земли занимали пары и перелог. Минеральные удобрения применялись лишь на 1/8 части орошаемых земель. В связи с тем, что преобладающая часть территории Афганистана расположена в зоне сухих субтропиков с высокими температурами в весенне-летний сезон, решающее значение для устойчивого сельскохозяйственного производства имеет орошение. Однако в целом имевшиеся в стране ирригационные системы и сооружения (кроме Джалалабадского ирригационного комплекса, построенного при советском экономическом и техническом содействии) были весьма примитивными и обеспечивали орошение чуть более 33 % пахотных земель (или примерно 19 % всех сельскохозяйственных угодий). При этом более чем на половине поливных земель хронически не хватало воды. Очень низким был технический уровень сельскохозяйственного производства. Все это серьезно сказывалось на урожайности основных сельскохозяйственных культур и прежде всего пшеницы – основной продовольственной культуры, занимавшей 60 % всех посевных площадей и 69 % посевов зерновых. Так, на поливных землях урожайность пшеницы и ячменя составляла в среднем 10-11 ц с гектара, кукурузы – 13-14, а на богарных землях урожай зерновых не превышал 5-6 ц с га. [96] По этим показателям Афганистан занимал одно из последних мест в мире.

Ввиду отсталости аграрного строя, технической слабости и зависимости сельскохозяйственного производства от погодных условий афганское земледелие уже давно оказалось не в состоянии обеспечить потребности населения в продовольствии. В течение последних двух десятилетий перед апрельскими событиями 1978 года среднедушевое производство пшеницы упало со 183 кг в 1957 до 151 кг в 1977 году. Валовой сбор основных зерновых культур постоянно отставал от роста населения. Так, если сбор пшеницы за указанный период увеличился с 2,2 млн. т до 2,65 млн. т, то есть на 20,45 %, то население за это же время выросло на 45, 8 %. [97] В этих условиях Афганистан вынужден был большую часть потребностей в продуктах питания удовлетворять за счет импорта, который к 1978 году составлял (в процентах): по зерну – 47; растительному маслу – 58; сахару – 87; овощам и фруктам – 23. Дефицит товарного зерна, ежегодно составлявший не менее 200 тысяч т, частично покрывался за счет импорта из США, СССР и Пакистана. В условиях дефицита постоянно росли цены на муку и хлеб. [98]

Кризис переживала и вторая основная отрасль сельскохозяйственного производства Афганистана – животноводство, доля которого в общем объеме продукции сельского хозяйства составляла 25-30 %, а в стоимости экспорта – более 10. поголовье овец, дававших основную часть товарного мяса и шерсти в стране, практически в последнее десятилетие перед революцией не росло и колебалось в пределах 20-22 млн. голов (для сравнения: в предшествовавшее ему десятилетие, с 1956/57 по 1967/68 год, поголовье овец увеличилось с 16,4 млн. до 21,5 млн. голов, то есть более чем на 5 млн.). Еще хуже было положение с разведением крупного рогатого скота и коз, рост поголовья которых фактически остановился с 1963 года и все эти годы вплоть до апреля 1978 года не превышал соответственно 3,7 и 3-3,4 млн. голов. К 1978 году производство мяса на душу населения (без учета кочевников) составляло (в кг): баранины – 9,4, говядины – 5,3 и птицы – 0,6. Главной причины стагнации афганского животноводства являлась его крайне низкая продуктивность, связанная со слабой кормовой базой (к 1978 году более 30 % пастбищ были приведены в непригодность для выпаса скота из-за их нерационального использования, а дефицит кормов по ряду провинций доходил до 40-50 %), периодическими бескормицами и большим падежом скота (иногда до половины всего поголовья) в маловодные годы и суровые снежные зимы, недостатком водоемов в местах выпаса, частыми эпизоотиями, экстенсивными методами ведения скотоводческого хозяйства. Ухудшение снабжения животноводческой продукцией растущего населения Афганистана, прежде всего городского, вызывалось также переходом части кочевников-скотоводов на оседлость и переориентацией скотовладельцев на увеличение каракульского стада в ущерб мясошерстного. [99]

Республиканское правительство М.Дауда не сумело сколько-нибудь существенно изменить положение в аграрном секторе страны. Широко разрекламированный им «Закон о земельной реформе» фактически не был реализован, если не считать проведенную кадастровую перепись и распределение среди крестьян незначительных государственных земель.

Социально-экономическая отсталость дореволюционного Афганистана проявлялась и в промышленном производстве. Доля фабрично-заводской промышленности в ВВП отраслей материального производства составляла немногим более 10 %. К 1978 году в стране насчитывалось всего 336 фабрично-заводских предприятий, из которых 195 принадлежали государственному и смешанному капиталу и 141 – частному. Однако крупных промышленных предприятий с числом рабочих более 500 человек имелось лишь 15. В целом в промышленном производстве, включая и кустарное, было занято около 298 тыс. рабочих и служащих (численность фабрично-заводских рабочих на крупных предприятиях, видимо, не превышала 50-60 тыс. человек). Численность строительных рабочих составляла 67 тыс. человек. В основном промышленное производство было представлено предприятиями легкой (преимущественно текстильной) и пищевой промышленности, которые давали ежегодно более 60 % валовой продукции фабрично-заводской промышленности. Практически отсутствовали горнодобывающая, металлургическая и металлообрабатывающая отрасли промышленности. Крайне ограниченными были топливно-энергетические мощности страны. В 1976/77 году добыча каменного угля составила 160 тыс. т, то есть чуть более 90 кг на душу населения, что являлось одним из самых низких показателей в мире. Имевшиеся в стране свыше 100 электростанций (из них только шесть имели мощность более 20 мВт и располагали примерно 76 % всех генерирующих мощностей в стране) произвели в 1977/78 году 776 млн. кВт-ч электроэнергии, то есть всего 44,5 кВт-ч на душу населения. Большая ее часть (55 %) потреблялась в Кабуле. Сельские населенные пункты в своем подавляющем большинстве не были электрифицированы. Ввиду отсутствия собственной нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности (примеч.: добыча сырой нефти в Афганистане в 1977/78 году составила лишь 13 тыс. т) страна вынуждена была ежегодно импортировать нефтепродукты на сумму до 40 млн. долларов. По афганским данным, национальная промышленность обеспечивала потребности внутреннего рынка примерно на 20 %. [100]

В Афганистане продолжала остро стоять проблема занятости. По официальным афганским данным, в 1978 году из 8 млн. 35 тыс. человек самодельного населения (без учета кочевников) только 3 млн. 546 тыс., или 43,8 %, были полностью или частично заняты в различных сферах деятельности (для сравнения: в 1971/72 году занятое население страны составляло около 60 %). Численность безработных в 1977 году среди городского населения доходила до 343 тыс. человек. 100 тыс. афганцев вынуждены были искать работу в соседних странах. Правительство М.Дауда, понимая необходимость решения проблемы занятости в стране, ставило задачу в ходе осуществления своего семилетнего плана создать дополнительно 830 тыс. рабочих мест. Однако данные намерения (если бы даже и были осуществлены) не могли кардинально повлиять на смягчение указанной проблемы, поскольку за этот же период самодельное население должно было увеличиться не менее чем на 1,5 млн. человек. [101]

М.Дауд, всегда отдававший прежде приоритеты решению экономических проблем в стране и являвшийся в период монархии автором и организатором осуществления концепции «руководимой экономики», значительно продвинувшей Афганистан по пути прогресса, не был бы, конечно, Даудом, если бы на новом, республиканском этапе своей государственной деятельности не предпринял шагов по оздоровлению положения в сфере промышленности, торговли и финансов. О его внимании к этой сфере свидетельствуют десятки принятых правительством законов, положений и программ (среди них, например, Закон об иностранных и местных капиталовложениях (июнь 1974 г.), Программа развития торговли и Положение о торговой деятельности (март 1974 г.), Закон о торгово-промышленных палатах (1974 г.), Закон о денежном обращении и банковском деле (май 1975 г.), Закон о таможах Афганистана (январь 1975 г.), а также создание Высшего экономического совета (12 декабря 1973 г.), Банка развития экспорта (1976 г.), Банка промышленного развития (июль 1977 г.) и, наконец, разработка и принятие семилетнего плана экономического и социального развития Афганистана (март 1976-март 1983 г.).

Проводимая правительством политика поощрения частного предпринимательства в сфере легкой пищевой промышленности (освобождение от таможенных пошлин на ввоз машин и оборудования, от подоходного налога в течение первых 4-6 лет и др.), протекционистские меры по защите национального капитала, льготный характер кредитования по линии Банка промышленного развития, – все это принесло свои плоды. Только за три года (1974-1977 гг.) темпы роста частного предпринимательства в стране возросли в 10 раз, а продукция частного сектора фабрично-заводской промышленности за пятилетие (1973/74-1978/79 г.) увеличилась на 76,7 %. [102] На 1,5 млрд. афгани, то есть на 36,6 %, выросли в 1977/78 году, по сравнению с предыдущим годом, частные капиталовложения в развитие экономики, что свидетельствовало о доверии национального капитала к режиму М.Дауда. В последнем году перед революцией определенные успехи были достигнуты и в других сферах. Так, валовый национальный продукт возрос на 4,6 % (в основном за счет кустарно-ремесленного производства и частного сектора), национальный доход – на 4,3, объем производства промышленной продукции – на 4, объем продукции сельского хозяйства – на 5,8 и внешнеторговый оборот – на 7,6 %. Однако, следует заметить, республиканскому правительству не удалось существенно улучшить деятельность предприятий госсектора, удельный вес которого в валовой продукции афганской промышленности составлял около 36 %. Причинами их плохой работы по-прежнему оставались хроническая недогрузка производственных мощностей, частые простои, коррупция, хищения и другие злоупотребления государственных служащих. Первые два года осуществления семилетнего плана обнаружили нереальность правительственных расчетов и установок. Несмотря на значительную иностранную помощь, из 34,2 млрд. афгани запланированных капиталовложений ввиду нехватки средств в местной валюте было освоено лишь 17,7 млрд., то есть 51,75 %. [103]

Заметно улучшилось валютное положение Афганистана. За четыре года республиканского режима (конец декабря 1973 – сентябрь 1977 г.) золотые и валютные резервы страны увеличились с 61 млн. долларов до 241,1 млн., или почти в 4 раза. [104] Тем не менее даже такое увеличение валютных поступлений не могло покрыть и трети внешней задолженности страны, составлявшей в 1977 году 760 млн. долларов. Определенные положительные изменения отмечались и во внешнеторговом балансе. Все годы республиканского режима внешняя торговля сохраняла тенденции к росту экспортной выручки, достигшей в 1977/78 году 314,4 млн. долларов, по сравнению со 117,4 млн. в 1972/73 году. В 1976/77 году экспорт превысил коммерческий импорт на 30,4 млн. долларов, а платежный баланс был сведен с положительным сальдо в размере 42,4 млн. долларов. Все это содействовало сохранению стабильности национальной валюты Афганистана на уровне 45 афгани по официальному курсу за один доллар США. Свободный же курс Ды Афганистан банка даже повысился с 83 афгани в конце 1970 года до 38 афгани за один доллар в начале 1979 года. [105] Улучшение валютного положения страны, как правильно указывал американский автор Л.Дюпре, было связано с несколькими факторами, среди которых можно выделить рост в эти годы объема и качества экспортных товаров, уменьшение затрат на импорт дорогостоящих товаров, отсрочку Советским Союзом платежей по долгам до 1980 года, покрытие основной массы расходов по программам развития Афганистана за счет иностранной помощи и увеличение поступлений в страну валюты, заработанной афганскими мигрантами в Иране и странах Персидского залива. [106] К этому следует добавить и правительственные меры по реорганизации банковского дела, как-то: национализацию частного Афганского национального банка, занимавшегося экспортно-импортными операциями, создание новых специализированных банков, в том числе Банка развития экспорта, и принятие Закона о денежном обращении и банковском деле, который нанес удар по черному валютному рынку и значительно ограничил возможности владельцев валюты переводить ее в иностранные банки.

Достигнутые положительные изменения в валютной сфере ни в коей мере не являлись свидетельством полного благополучия в финансовом положении страны. Афганский государственный бюджет оставался хронически дефицитным. На 1977/78 год он был утвержден (в млн. афгани) по расходам в размере 32 732 и по доходам – 30 433, то есть с превышением расходов над доходами – в 2299 (сравните: в первый год республиканского режима расходы превысили доходы лишь на 790 млн. афгани). При этом предполагалось 49,5 % бюджетных поступлений в указанном году обеспечить за счет иностранной помощи (займов, субсидий и поступлений от реализации потребительских товаров, полученных в счет внешней помощи). Другими словами, страна по-прежнему жила в долг, что неизбежно увеличивало ее иностранную задолженность. Большая часть бюджетного дефицита покрывалась через займы у Ды Афганистан банка. За четыре года – 1973/74–начало 1978 года – задолженность правительства указанному банку увеличилась с 11 млрд. 877,6 млн. афгани до 14 млрд. 659,2 млн., или на 23,4 %. Дефицитное финансирование в конечном итоге вело к увеличению в обращении денежной массы (денежная эмиссия в 1977/78 году составила 3,7 млрд. афгани), росту инфляции и, как ее следствие, повышению цен на товары первой необходимости. По официальным данным, денежная масса в обращении выросла за указанный период более чем в два раза, а цены – примерно в полтора раза. Чтобы пополнить казну и уменьшить дефицит бюджета, правительство М.Дауда, не надеясь получить прямые налоги при существовавшей тогда несовершенной системе их взимания и оберегая интересы состоятельной верхушки общества, пошло на нарушение своего обещания, данного им в «Обращении к афганскому народу», – повысило косвенные налоги. В 1977 году они составили 45 % всех внутренних доходов (для сравнения: в 1971/72 году они достигали 41,4 %), что еще больше ухудшило и без того тяжелое положение социальных низов. [107] Не принесли ожидаемых результатов попытки правительства увеличить доходы в казну со 100 млн. до 1 млрд. афгани путем введения новых ставок земельного налога. По Закону о прогрессивном поземельном налоге, принятом в июле 1976 года, предусматривалось обеспечить данное увеличение доходов за счет крупных землевладельцев. Однако, как и прежде, реализации указанного Закона помешали саботаж крупных земельных собственников и их ставленников в госаппарате, а также нищета подавляющего большинства налогоплательщиков – мелких землевладельцев. Фактическое поступление в бюджет по земельному налогу в 1977 году составило всего лишь 160 млн. афгани, то есть около 2,5 % от общих налоговых поступлений (для сравнения: в конце 60-х годов земельный налог давал в казну около 80 млн. афгани, или 3,4 % общей суммы налогов). В том же году огромной суммы – более 1,5 млрд. афгани – достигла общая недоимка по налогам с частных компаний и предприятий госсектора, что заметно отразилось на доходной части бюджета. [108]

В условиях острой нехватки материальных и финансовых средств правительство М.Дауда не смогло не только выполнить, но даже и приступить к реализации многих социальных программ, декларированных в «Обращении к афганскому народу». Остались на бумаге такие обещания, как строительство жилья для бездомных и нуждающихся, широкомасштабные меры по защите здоровья граждан, упорядочение налоговой системы в интересах трудящихся, установление заработной платы в соответствии с материальными и духовными нуждами и потребностями людей, введение социального страхования для рабочих, ликвидация неграмотности, борьба со спекуляцией, перевод кочевников на оседлость и т.д.

Режим М.Дауда не внес особых изменений и в социальную структуру власти. После изгнания из государственного аппарата левых и демократов он был заполнен представителями тех слоев и социальных групп, которые при монархии составляли ее опору. Не изменились и качественные характеристики госаппарата сверху донизу. В нем по-прежнему процветали бюрократизм, казнокрадство, взяточничество, коррупция, nepotизм и клановость. Продвижение по службе в органах власти зависело не от опыта и способностей, а от семейных связей и протекции. На высших должностных постах преобладали выходцы из клана мухаммадаев, к которому принадлежал сам М.Дауд.

Накануне апрельского вооруженного восстания в фокусе внутривнутриполитической борьбы в Афганистане оказалась и внешняя политика режима. Правительство М.Дауда, строя и развивая свои связи с внешним миром, стремилось, как и прежние кабинеты, извлечь из этих связей максимум выгоды для экономическо-

го развития страны. Оно хорошо понимало, что республика при ее ограниченных возможностях внутренних накоплений и общей отсталости не может обойтись без широкой иностранной финансовой и технико-экономической помощи. С этих же позиций рассматривалась и проблема нормализации отношений с западным и восточным соседями – Ираном и Пакистаном, а также с другими странами региона.

Режим М.Дауда не проявлял желания закрывать двери Афганистана перед СССР в сфере политических отношений, взаимной торговли и технико-экономического сотрудничества. Свой первый визит в Москву в качестве главы государства М.Дауд совершил 4-7 июня 1974 года. В ходе его советская сторона, учитывая тяжелое финансовое положение республики и идя навстречу просьбам афганского руководства, отсрочила на 10 лет выплаты по кредиту на сумму 100 млн. долларов и, кроме того, обещала предоставить на цели развития экономики Афганистана еще 428 млн. долларов. [109] Другая отсрочка выплаты по советским кредитам и займам была предоставлена этой стране в 1977 году. В феврале 1975 года состоялось подписание соглашения о развитии экономического и технического сотрудничества между двумя странами. Оно предусматривало содействие Советского Союза в строительстве ирригационных сооружений на севере Афганистана, газопромысла Джаркудук, второго завода азотных удобрений в Мазари-Шарифе, предприятий легкой, пищевой и обрабатывающей промышленности, моста через Амударью и ряда других объектов.

В декабре 1975 года ответный визит в Кабул нанес председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.Подгорный. Стороны продлили на очередной 10-летний период срок действия советско-афганского Договора о нейтралитете и взаимном ненападении. Второй раз (уже в качестве президента страны) М.Дауд посетил Москву с 12 по 15 апреля 1977 года. На сей раз был подписан сроком на 12 лет Договор о развитии экономического сотрудничества между СССР и Республикой Афганистан, по которому намечалось содействие советской стороны в развитии афганской газовой, нефтяной, нефтехимической и химической промышленности, сельского хозяйства, проведении геологоразведочных работ на нефть, газ и твердые полезные ископаемые, строительстве энергетических сооружений, развитии транспорта и связи, подготовке национальных кадров и пр. К концу 1977 года в Афганистане при советской экономической и технической помощи строилось или было намечено к строительству 45 объектов (следует отметить, что к данному времени при содействии СССР в Афганистане уже было введено в строй 70 важных объектов, дававших более 60 % всей промышленной продукции в государственном секторе). [110]

Успешно развивалась и советско-афганская торговля. Ее объем вырос с 68,9 млн. руб. в 1972 году до 154 млн. руб. в 1976 году. Новые возможности в торговле открыл протокол о товарообороте между СССР и Республикой Афганистан на 1977 год. В нем предусматривалось увеличить товарооборот между двумя странами более чем на 15 %. В целом советский экспорт в Афганистан увеличился с 1975 по 1978 год почти на 68 %, импорт – на 20 %. [111] В структуре советского экспорта в Афганистан основное место занимали машины и промышленное оборудование, нефтепродукты, металлопрокат, пшеница и сахар, а в импорте из Афганистана – природный газ, хлопок, шерсть, сухие и свежие фрукты. Продолжали развиваться советско-афганские связи и в других областях: транспорта, здравоохранения, подготовки национальных кадров, культуры.

Как известно, во второй половине XX в. определенным индикатором отношений между СССР и Афганистаном являлось их сотрудничество в военной области. В 1973-1978 годах оно оставалось в целом традиционно устойчивым, а по поставкам советской боевой техники и вооружения имело тенденцию к увеличению. В указанные годы Афганистан получил новые типы вооружения: самолеты МиГ-21, танки Т-62, боевые машины пехоты (БМП), артиллерийские комплексы и др. Только в 1977 году военные поставки в Афганистан составили 127 млн. долларов. [112] Однако в рассматриваемый период в военной политике правительства М.Дауда появился новый элемент: стремление отойти от односторонней ориентации на СССР и страны социализма в области подготовки своих армейских кадров и найти для этого другие, менее идеологизированные источники, в частности в лице Индии, Египта и Пакистана, что вызвало неадекватную реакцию как внутри страны, так и в советских руководящих кругах.

Примерно через год после установления в Афганистане республиканского строя его руководители начали активно расширять контакты и сотрудничество со странами региона и Запада. С середины 1974 года Афганистан вел интенсивные переговоры с Ираном, Саудовской Аравией, Кувейтом, Ираком, ОАЭ и другими нефтедобывающими мусульманскими странами. Особое значение придавалось углублению связей с соседним Ираном. М.Дауд, желая снять единственную проблему, долгое время отягощавшую афгано-иранские отношения, заявил об одобрении соглашения о распределении вод р.Гильменд, подписанного еще 13 марта 1973 года его предшественником, премьером Мусой Шафиком. Этот жест Кабула был по достоинству оценен в Тегеране. 22 октября 1974 года Иран предоставил Афганистану 10 млн. долларов для разработки ряда экономических проектов, в том числе и строительства железной дороги, а некоторое время спустя обещал предоставить в течение 10 лет (с 1974 по 1984 г.) 2 млрд. долларов на реализацию данных проектов. Из этой суммы 1,7 млрд. долларов предназначались для строительства железных дорог общей протяженностью 1810 км от Исламкана через Герат, Кандагар до Спинбудака с ответвлениями: Лашкаргах – афгано-иранская граница и Кандагар-Кабул. В апреле 1975 года М.Дауд, будучи с официальным визитом в Тегеране, получил от шаха обещание предоставить Афганистану на выгодных условиях кредит в размере 400 млн. долларов на строительство предприятий легкой промышленности, коммуникаций и ряда объектов в Гильмендской долине. [113]

В целом обещанные Ираном огромные суммы кредитов и займов были весьма впечатляющими. По оценкам американского ученого-афганиста Л.Дюпре, они превышали всю иностранную помощь, предоставленную Афганистану за предшествовавшие 30 лет. [114] Однако, надо признать, иранский шах, с помпой обещая этой стране сотни миллионов и миллиарды долларов, явно блефовал ради достижения своих корыстных замыслов – превращения Ирана в доминирующую военную и политическую силу в регионе.

Дело в том, что с середины 70-х годов Иран уже не располагал такими суммами из-за сокращения доходов от экспорта нефти и более того сам остро нуждался в иностранных кредитах.

Следует подчеркнуть, что обещанная М.Дауду помощь объяснялась, в конце концов, не меркантилизмом и тем более не каким-то альтруизмом иранского шаха (как, впрочем, и нефтяных королей стран Персидского залива и правителей Запада). За ней стояли вполне прозаические расчеты, диктуемые стратегией антикоммунизма и стремлением включить Афганистан в орбиту своих геополитических интересов. М.Дауд, естественно, понимал, какую опасность для суверенитета страны таит в себе иранский экономический капкан. В связи с этим он стремился во внешней политике обеспечить определенную «равноудаленность» от своих зарубежных партнеров-доноров как неременное условие сохранения независимости Афганистана. Действуя по давно испытанному принципу одновременно «доить нескольких коров» к своей экономической выгоде, правительство М.Дауда развивало активно, наряду с Ираном, отношения и с другими странами региона, Востока и Запада. Только в течение 1974 года специальный представитель М.Дауда – его брат М.Наим посетил Индию, Ирак, Ливийскую Арабскую Республику, АНДР, АРЕ, Саудовскую Аравию, Бахрейн, а также Китай, Францию и Японию. М.Дауд в 1974-1978 годах совершил поездки, кроме СССР, Пакистана и Ирана, в Индию, Бангладеш, Ирак, Саудовскую Аравию (дважды), Египет, Кувейт, Ливию и Югославию. В результате этих и других поездок и переговоров афганских политических деятелей были подписаны соглашения о предоставлении Афганистану Ираком кредита в 10 млн. долл. и безвозмездной помощи в 2 млн. долл., Саудовской Аравией – беспроцентного кредита в 55 млн. долл. и в качестве дара 10 млн. долл. В соответствии с подписанным в 1974 году протоколом о сотрудничестве в области нефтяной промышленности Ирак обязался помочь в подготовке афганских кадров и проведении «совместных исследований по проблемам нефти». Кувейт обещал оказать содействие в расширении экспорта афганской продукции (свежих и сухих фруктов) в район Персидского залива и предоставить финансовую помощь в размере до 50 млн. долл. Китай предоставил Афганистану заем в сумме 55 млн. долл. Была достигнута также договоренность о подготовке афганских офицеров в Индии и Египте. [115]

При республиканском режиме М.Дауда наметились некоторые сдвиги во внешней политике Афганистана и на американском направлении. В 1974 и 1976 годах Кабул дважды посетил госсекретарь США Г.Киссинджер. Состоялось подписание соглашения о завершении строительства ГЭС Каджаки. Сенсацией стали приезд в афганскую столицу в феврале 1978 года командующего флотом США в зоне Тихого океана адмирала Мориса Визнера и его встреча с М.Даудом. На сентябрь 1978 года планировался визит последнего в США. Предполагалось, что в ходе его США объявят об увеличении Афганистану помощи на долгосрочной основе. [116]

В целом накануне апрельского вооруженного восстания вся иностранная помощь Афганистану оценивалась в 2 млрд. 971 млн. долларов, в том числе помощь социалистических стран – 1 млрд. 574 млн. долларов, или 53 % от всей указанной помощи. [117]

Особое значение для Афганистана в рассматриваемый период приобрела проблема нормализации отношений с его восточным соседом – Пакистаном. До середины 1976 года они оставались не просто холодными, а достаточно напряженными, угрожавшими, по признанию пакистанского премьер-министра З.А.Бхутто, перерасти в вооруженный конфликт между двумя странами. [118] Пакистанские власти энергично готовили и подталкивали к выступлению мятежные антидаудовские силы, а летом 1975 года, как уже говорилось, поддержали их восстание в Панджшерской долине и других районах Афганистана. Не оставался в долгу и М.Дауд. Он предоставил политическое убежище в Кабуле лидерам пуштунского и белуджского движений за автономию, оказал им материальную, финансовую и военную помощь и всячески побуждал их на активные действия против пакистанского режима. Начало нормализации отношений между двумя странами положили визит в Кабул в июне 1976 года З.А.Бхутто, а затем состоявшиеся в августе в Исламабаде переговоры с ним афганского лидера. В качестве платы за мир и добрососедство стороны пошли на взаимные уступки. З.А.Бхутто заявил о своей готовности освободить из заключения арестованных лидеров Национальной народной партии, а М.Дауд, в свою очередь, согласился признать линию Дюранда государственной границей между двумя странами. [119] Данная уступка Дауда означала по существу его отречение от пуштунской проблемы, бывшей в течение второй половины XX в. постоянным яблоком раздора в афгано-пакистанских отношениях. Указанные договоренности были подтверждены во время последующих визитов: главы пакистанской военной администрации генерала Зия-уль-Хака в Кабул в октябре 1977 и М.Дауда в Исламабад в марте 1978 года.

Что же заставило М.Дауда пойти на такие коррективы внешнеполитического курса страны, включая и пуштунской проблемы – этой крайне болезненной для каждого афганца национальной проблемы? Прежде всего они (эти коррективы) вызывались чрезвычайным неблагополучием в экономике страны и необходимостью получения более широкой иностранной помощи для финансирования и материально-технического обеспечения наметок по семилетнему плану. При этом существенную роль сыграло и давление на М.Дауда тех сил в его окружении, которые давно тяготились прежней, преимущественно односторонней ориентацией на социалистические страны в вопросах получения иностранной помощи и считали, что такое положение ограничивает для Афганистана свободу внешнеполитического маневра. Да и сам М.Дауд, как искушенный политик, отчетливо понимал, что Афганистан не может успешно развиваться при сохранении противостояния с соседями и самоизоляции от стран развитого Запада. Он опасался перспективы оказаться в результате односторонней ориентации зависимым от какой-либо сверхдержавы. На изменение внешнеполитического курса республиканского режима повлияли также политические перемены в соседних с Афганистаном странах. Как известно, в 1977 году в Индии в результате парламентских выборов правительство И.Ганди ушло в отставку и к власти пришла Джаната парти – конгломерат из пяти партий, представленных в основном правыми, консервативными силами. Новое правительство Индии выступило с заявлением о начале «нового этапа» в индо-американских отношениях. В этом же году в Пакистане произошел военный переворот во главе с генералом Зия-уль-Хаком. Военный режим провозгласил основой

своего внешнеполитического курса всестороннее сотрудничество с США. Если сюда еще добавить многолетнюю проамериканскую ориентацию шахского Ирана и консервативных арабских режимов Персидского залива, то становится очевидным, что М.Дауд в таком геополитическом окружении просто не мог не учитывать этот региональный фактор и не пойти на расширение связей с Западом и прежде всего с США. Сказалось и непрекращавшееся давление Запада, стремившегося в годы идеологической конфронтации двух систем вовлечь Афганистан в орбиту своей антисоветской политики.

Смена ориентиров во внешней политике страны была встречена афганской политизированной общественностью крайне неоднозначно: одни – всегда существовавшие в элитарных кругах Афганистана прозападное и проарабско-мусульманское лобби – приветствовали и поддерживали (правда, каждое по-своему) новшества во внешнеполитическом курсе правительства М.Дауда, другие – левые демократы и пуштунские национал-патриоты – резко осудили отход от традиционной формулы решения пуштунской проблемы и сближение с Западом, расценив все это как предательство национальных интересов Афганистана и зарубежных братьев-пуштунов, как сговор с империализмом.

Руководства Парчам еще в мае 1976 года, за месяц до визита З.А.Бхутто в Кабул, в специальном заявлении изложило свою позицию по проблемам Пуштунистана и Белуджистана. В нем подчеркивалось, что НДПА считает «священной и нерушимой справедливую борьбу народов Пуштунистана и Белуджистана за свое право на самоопределение». К правительству Пакистана были предъявлены требования прекратить вмешательство во внутренние дела Афганистана, освободить из тюрем всех прогрессивных национальных деятелей, в том числе Абдул Гаффар-хана, Абдул Вали-хана и Г.Б.Бизенджо, положить конец террору и репрессиям в Пуштунистане и Белуджистане и вывести отсюда свои войска, официально предоставить пакистанским пуштунам и белуджам право на самоопределение. [120] Такой же позиции относительно решения пуштунской проблемы придерживались и халькисты, [121] а также широкие круги демократически и патриотически настроенной афганской общественности.

На этом фоне попытка М.Дауда сделать пуштунскую проблему разменной монетой на переговорах о нормализации афгано-пакистанских отношений оказалась для него роковой. Можно без преувеличения сказать, что этим своим опрометчивым шагом, предпринятым вопреки утвердившемуся общественному мнению, он лишил себя широкой национальной опоры и буквально в один миг утратил прежний ореол борца за права пуштунов по обе стороны линии Дюранда.

Учитывая сложившуюся в стране ситуацию, Н.М.Тараки имел основания заявить в приветственном послании, направленном 27 февраля 1978 года XI съезду Компартии Индии: «...республиканский режим, в котором преобладают правые элементы, являясь на словах прогрессивным, на деле проводит антидемократическую политику... Он отнял у народа демократические права и политические свободы и воздвигает препятствия на пути экономического и социального прогресса страны, на пути открытой и легальной деятельности нашей партии». Оценивая истоки и направленность внутренней и внешней политики режима, Н.М.Тараки писал далее: «...все черные правозэкстремистские силы (известные как «братья-мусульмане») и левые экстремисты (маоисты) с помощью и при подстрекательстве региональной реакции (милитаристского и профашистского режима Ирана и реакционных кругов Пакистана), арабской реакции и империализма во главе с США и маоистского руководства Пекина, в союзе с правыми элементами в правительстве Афганистана привели к власти террористический и деспотический режим (подчеркнуто мною. – М.С.), полностью зависимый от империализма, придерживающийся политики, направленной на раскол своего народа, против мира и суверенитета нашей страны, проводящий внутри нее и в регионе антисоветскую и антикоммунистическую политику, подавляющий патриотические и революционные силы, особенно нашу партию». [122]

Конечно, оценки Н.М.Тараки несут на себе печать господствовавшей тогда в мире идеологической конфронтации двух систем. Тем не менее им было верно подмечено, что внутри страны в то время возникла и углублялась кризисная ситуация, а извне Афганистан подвергался массивному давлению со стороны тех сил, которых не устраивал его прежний внешнеполитический курс.

Проявлениями кризиса в афганском обществе и стране явились усилившиеся репрессии властей против левой оппозиции, а также участившиеся террористические акты реакции против демократических элементов. Ставка режима на насильственные методы подавления оппозиции отчетливо проявилась в содержании Закона о наказаниях, принятого в сентябре 1976 года. [123] На его основе в декабре 1977 года была арестована большая группа членов и сторонников НДПА. В ноябре 1977 года в центре Кабула был убит министр планирования Али Ахмад Хоррам, один из немногих прогрессивных деятелей, кто еще оставался в правительстве М.Дауда. Его убийцей оказался некто Марзан – член одной из афганских фундаменталистских группировок, окопавшихся в Пакистане, что было подтверждено в феврале 1978 года на суде над ним и 27 соучастниками убийства (шесть из них, включая Марзана, были повешены). [124] В марте 1978 года было совершено убийство двух известных функционеров НДПА Дин Мухаммада и д-ра Нияз Мухаммада.

Кульминацией противоборства различных политических сил в афганском обществе и нарастающего антагонизма между властями и левой оппозицией стало убийство в Кабуле 17 апреля 1978 года Мир Акбара Хайбара, члена ЦК НДПА, профессионального революционера, пользовавшегося большой популярностью и симпатией в среде военных, рабочих, государственных служащих, студенчества и интеллигенции столицы. Это убийство, при всей его загадочности, носило явно политический характер. [125] Оно потрясло прогрессивную общественность и вызвало взрыв негодования среди широких слоев населения столицы. Состоявшиеся 19 апреля похороны М.А.Хайбара, в которых приняли участие до 30 тысяч человек (в некоторых изданиях НДПА называлась явно преувеличенная цифра – «около 100 тысяч» [126]), превратились во внушительное выступление левых и демократических сил, подобных которому Кабул не знал после 1965 и 1971 годов. Во главе колонны шли руководители НДПА Н.М.Тараки и Б.Кармаль. Выступая на

кладбище с речью, они подчеркнули выдающуюся роль М.А.Хайбара в идейном воспитании партийных кадров и борьбе против социального гнета и деспотии. По призыву ЦК НДПА демонстрации и митинги продолжались два дня. Их участники несли красные флаги, антиамериканские лозунги и плакаты «Долой произвол!», «Да здравствует демократия!», «Мир Акбар Хайбар пал смертью героя за дело хальк!» и др., произносили горячие речи, читали стихи, в которых критиковали правительство М.Дауда и требовали от него выполнения данных после переворота 1973 года обещаний по коренному переустройству общества, а также принятия решительных мер против реакции.

Данное массовое выступление демократически настроенной столичной общественности, явившееся непосредственным прологом к вооруженному восстанию армейских частей, со всей очевидностью обнарузило глубокое недовольство режимом и вместе с тем продемонстрировало авторитет и влияние Народно-демократической партии Афганистана, выступившей по существу в качестве передового, наиболее активного отряда оппозиционных сил.

Даудовский режим, напуганный показанной на улицах столицы сплоченностью левых и демократических сил, поспешил объявить их демонстрации и выдвинутые ими требования «противозаконными и антиконституционными». Ради спасения своей власти он принял решение обезглавить руководство НДПА и физически расправиться с прогрессивной оппозицией в стране и армии. 26 апреля 1978 года в первом часу ночи полиция по приказу М.Дауда арестовала генерального секретаря ЦК НДПА Н.М.Тараки, секретаря ЦК Б.Кармалю, а также членов ЦК Г.Д.Панджшери, А.Х.Шараи Джаузджани, А.Ратебзад, д-ра Шах Вали и Незамуддина Тахзиба. Одновременно начались аресты и розыски государственных служащих – гражданских и военных – и других лиц, известных своими оппозиционными взглядами. В списке лиц, подлежащих немедленному аресту, числилось более 500 человек. Вечером 26 апреля по столичному радио было передано правительственное сообщение, в котором арестованные бездоказательно обвинялись в совершении неких «уголовных преступлений». [127]

На принятии М.Даудом этого, как оказалось позже, рокового для его власти решения сказались и давление извне. В частности, в начале апреля, когда он находился с визитом в Египте, Саудовской Аравии и некоторых других странах региона, их лидеры настоятельно рекомендовали ему принять меры по нейтрализации НДПА. По свидетельству осведомленных источников, об этом же шла речь на конфиденциальной встрече М.Дауда с американским послом Т.Элиотом, состоявшейся в закрытом ресторане штаба Центрального корпуса 24 апреля, то есть за два дня до ареста руководителей НДПА (на данной встрече присутствовали также М.Наим, министр внутренних дел Абдул Кадир Нуристани и заместитель министра иностранных дел В.Абдулла). [128]

Апрельское вооруженное восстание 1978 г. Провозглашение Демократической Республики Афганистан

Арест руководителей НДПА и начавшаяся расправа над левой оппозицией не оставила для партии иного выбора, кроме как прибегнуть к вооруженному выступлению против правящего режима с помощью находившихся под ее контролем и влиянием армейских частей и подразделений. В сложившейся в конце апреля 1978 года внутриполитической ситуации в стране восстание верных НДПА военных было для нее актом отчаяния. Вместе с тем, следует признать, что еще до того, как М.Дауд начал аресты руководителей и активистов НДПА, ЦК партии предвидел вероятность такого развития событий и активно готовил партийцев и их сторонников в армии к действиям в условиях чрезвычайных обстоятельств. Поэтому, несмотря на всю неожиданность и трагизм происшедшего, военная организация НДПА в принципе была готова к выступлению. Нужен был лишь сигнал к этому от партийного центра. И он поступил от Х.Амина, оставшегося на свободе до 11 часов 26 апреля. Выступление было назначено на 9 часов утра следующего дня.

В записке, адресованной партийцам в армии, Х.Амин изложил в общих чертах план их действий и поручил 22 офицерам-халькистам взять в свои руки непосредственное командование соединениями, частями, подразделениями, штабами и рядом важных армейских объектов, дислоцированными как в столице, так и в провинциях. В том числе назначались: М.А.Ватанджар – командующим сухопутными войсками (см. о нем Приложение 6); Абдул Кадыр – командующим ВВС и ПВО; Мухаммад Али – командиром 7 пехотной дивизии; Алауддин – командиром 8 пехотной дивизии; Бахрам – командиром 11 пехотной дивизии; Мухаммад Дост – командиром 32 бригады; Шейх Ахмад – командиром 88 артиллерийской бригады; Шах Наваз – командиром 444 батальона «коммандос»; Ник Мухаммад – начальником военной полиции; Инзер Гуль – начальником штаба министерства обороны; Назар Мухаммад – командиром аэродрома Ходжа Раваш в Кабуле; Хашим – командиром Баграмского аэродрома и др. [129]

Через партийного связного майора С.М.Гулабзоя план действий восставших был незамедлительно доставлен ответственным офицерам-партийцам, в штаб ВВС и ПВО в Ходжа Раваше и 4 танковую бригаду. В течение дня 26 апреля функционеры партии (Факир Мухаммад Факир, Хийал Мухаммад Катавази, инженер Салех Мухаммад, инженер Зариф и др.) разъезжали по столице и ее окрестностям и передавали решение о начале восстания тем офицерам, которые были назначены командирами частей и подразделений, а также с помощью партийных связных в армии уведомляли персонально всех офицеров – членов НДПА, чтобы они в 8 часов утра 27 апреля явились ко вновь назначенным командирам для получения соответствующих инструкций. Следует заметить, что по соображениям конспирации члены партии в вооруженных силах, кроме узкого круга названных выше офицеров, вплоть до утра 27 апреля не знали о решении относительно вооруженного восстания и времени его начала.

План вооруженного восстания предусматривал:

объявление в 9 часов утра 27 апреля майором М.А.Ватанджаром в гарнизоне 4 танковой бригады (Пу-

ли-Чархи) решения НДПА о начале выступления;

захват танковыми подразделениями радиостанции «Радио Афганистана» и других ключевых объектов столицы и открытие огня по президентскому дворцу;

установление офицерами – членами НДПА – контроля над частями и подразделениями армии и недопущение использования их в интересах защиты режима М.Дауда;

блокирование 7 и 8 пехотных дивизий с помощью зенитных батарей, расположенных на высотах в Кабуле и вокруг него, в случае попыток указанных дивизий оказать поддержку М.Дауду;

захват аэродрома Ходжа Раваш и Баграмского военного аэродрома (в 60 км к северу от столицы) и приведение самолетов в готовность для боевых вылетов;

в случае необходимости, использование боевых самолетов для нанесения ударов с воздуха по продаудовским силам;

организацию передач радиостанции «Радио Афганистана» с целью информирования населения страны о восстании вооруженных сил.

В то время, когда подготовка к вооруженному восстанию вступила в завершающую стадию, М.Дауд, не подозревая о приближении рокового для него часа, спешил отпраздновать начатый им разгром левой оппозиции. На 27 апреля он назначил у себя в резиденции концерт с участием популярных артистов. Уже были отпечатаны пригласительные билеты. В свою очередь, министр национальной обороны Г.Х.Расули отдал приказ привести все части в состояние боевой готовности, а утром 27 апреля организовать в войсках митинги в поддержку режима М.Дауда и его действий по разгрому левых сил. Как это ни парадоксально, но проведение указанных митингов оказалось крайне благоприятным для организации вооруженного выступления армии: офицеры – члены НДПА – получили возможность свободно связаться друг с другом и согласовать все вопросы относительно порядка осуществления восстания, не опасаясь вызвать какие-либо подозрения со стороны приверженцев М.Дауда.

27 апреля в 6.30 утра мятежные офицеры встретились, как и было заранее обусловлено, вблизи Диламанга (район Кабула) и уточнили свои задачи, а затем на армейских автобусах, которые ежедневно развозили военнослужащих по воинским частям, отправились к месту своей службы.

Наступил решающий момент, определивший судьбу многих людей, судьбу всей страны на многие годы вперед. В 9 часов утра майор М.А.Ватанджар, командир батальона 4 танковой бригады, выступая перед своими боевыми товарищами в гарнизоне Пули-Чархи, объявил о начале антидаудовского вооруженного восстания. Затем, обманув бдительность командира бригады, он добился от последнего письменного разрешения получить со склада по шесть снарядов на каждый из 12 танков батальона якобы для того, чтобы, «если поступит приказ, выступить на защиту Арга» (Арг – крепость с комплексом дворцовых зданий и других построек в центре Кабула, служившая в течение нескольких веков резиденцией афганских монархов. После переворота 1973 года здесь располагалась резиденция М.Дауда. – М.С.). Как пишет Раджа Анвар, М.А.Ватанджар на самом деле получил снарядов в десять раз больше, добавив в накладной точку к цифре 6 (согласно принятой в языке дари системе цифр, точка означает нуль). [130]

Почти десять лет спустя, вспоминая этот исторически памятный день, М.А.Ватанджар говорил: «Трудно передать словами чувства, которые овладели мною утром 27 апреля, когда я говорил своим боевым соратникам о начале вооруженного восстания. Все мы внутренне были готовы выступить по указанию НДПА с оружием в руках против ненавистного режима. И, наконец, этот день настал... Наши сердца взволнованно бились от сознания исторической важности происходящего, разум говорил нам, что партия выдвинула нас на самое острое коренного перелома в истории отечества. Это сознание объединяло и сплачивало офицеров-партийцев, наполняло наши души решимостью и непоколебимой уверенностью в правоте революционного дела». [131]

Первым делом члены и сторонники партии приняли меры к нейтрализации продаудовски настроенных офицеров и без промедления приступили к подготовке танков и бронетранспортеров к выходу. В этот момент командир 15 танковой бригады генерал Мухаммад Юсуф попытался помешать выступлению революционно настроенных офицеров и унтер-офицеров. Однако его попытка провалилась и танковые бригады гарнизона Пули-Чархи оказались полностью в руках восставших. В 9.30 была выведена из строя линия связи между гарнизоном Пули-Чархи и министерством национальной обороны. Примерно в 11 часов 20 минут первый танк, имевший бортовой номер «815», под командованием М.А.Ватанджара вышел из расположения бригады и двинулся в направлении столицы. За ним последовал ударный отряд танкистов в составе девяти (по другим данным, двенадцати) танков. [132] К 11.45 они вошли в столицу и окружили президентский дворец. Одновременно боевые машины 15 танковой бригады устремились к кабульскому международному аэровокзалу.

Появление танков в центре города явилось полной неожиданностью для М.Дауда и его кабинета, который с 9 часов утра этого дня заседал в президентском дворце, обсуждая сложившуюся в стране ситуацию в связи с арестами руководящих деятелей НДПА. Многочисленная деталь: М.Дауд и большинство присутствовавших на заседании, еще не зная о начале восстания армейских частей, сошлись во мнении о необходимости применения смертной казни к арестованным и поставили свои подписи под соответствующим документом. [133]

Около 12 часов М.А.Ватанджар произвел из пушки танка «815» первый выстрел по зданию министерства национальной обороны, расположенному в нескольких десятках метров от президентского дворца, дав этим сигнал к штурму Арга. Разгорелся ожесточенный бой между восставшими танковыми подразделениями и силами, защищавшими прежний режим. Последние были довольно значительными. В Арге располагалась бригада президентской гвардии численностью 1800 человек, имевшая на вооружении, кроме стрелкового оружия, новейшие противотанковые средства, 24 танка Т-54 и располагавшая большим количеством боеприпасов. В ходе боя восставшие по телефону несколько раз предлагали командиру гвар-

дии прекратить сопротивление, а М.Дауду – уйти в отставку и передать власть военно-революционному совету. Но М.Дауд решительно отверг этот ультиматум, надеясь спасти положение с помощью оставшихся на его стороне бригады гвардии, нескольких подразделений жандармерии и полиции, батальона «коммандос», 32 бригады и ряда других частей. Когда начался обстрел президентского дворца, он обратился к своим министрам: «Если кто из вас желает спасти свою жизнь, может покинуть дворец». Однако министры предпочли остаться в Арге и укрыться в бывшей королевской мечети. Через тыльные ворота президентской резиденции удалось уйти лишь министрам национальной обороны и внутренних дел генерал-полковнику Г.Х.Расули и А.Кадиру Нуристани, намеревавшимся поднять на защиту режима верные ему войска. [134]

Первыми на помощь осажденному президентскому дворцу пришли жандармские подразделения. Однако когда они появились на площади Пуштунистана (примыкает к Аргу с юга), танкисты почти в упор выстрелами из пушек подбили четыре их машины и заставили остальных рассеяться. [135]

Сильное сопротивление восставшим оказал батальон «коммандос», дислоцировавшийся в крепости Балахисар. И все же к 17 часам танкистам 4 танковой бригады и офицерам – членам НДПА, находившимся внутри батальона, удалось блокировать его действия. Офицеры – сторонники М.Дауда – были убиты и командование данным подразделением взял в свои руки лейтенант Шах Наваз Танай. Подобный же драматический характер приобрело противостояние двух сторон и в 32 бригаде, где лишь к вечеру 27 апреля, после того, как был убит ее командир, верх взяли мятежные офицеры и в командование бригадой вступил член НДПА Мухаммад Дост.

В тот момент, когда разворачивался штурм президентского дворца, напряженная обстановка сложилась в штабе военно-воздушных сил в Ходжа Раваше. Здесь по приказу командующего ВВС и ПВО генерал-полковника Мухаммада Мусы был взят под стражу полковник Абдул Кадыр, руководитель действовавшей в ВВС и ПВО подпольной организации «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА). [136] Драматизм ситуации заключался в том, что, согласно плану восстания, именно появление в 12 часов эскадрильи боевых самолетов на низких высотах в небе над Кабулом должно было послужить для танкистов сигналом к штурму Арга. Однако к назначенному времени они не появились. И лишь смелая инициатива М.А.Ватанджара, начавшего обстрел президентского дворца, предотвратила возможные растерянность и смятение в рядах восставших. Вслед за этим он направил два танка к штабу ВВС и ПВО, чтобы выяснить здесь обстановку и при необходимости оказать помощь своим соратникам. С помощью экипажей указанных танков и при активном участии офицеров – членов и сторонников НДПА и ОФКА – был установлен контроль над названным штабом и кабульским международным аэродромом. Генерал М.Муса был убит в ходе противостояния с восставшими офицерами. А.Кадыр, освобожденный из-под стражи, незамедлительно вылетел на вертолете в Баграм. Здесь еще с утра 27 апреля все было готово к захвату аэродрома. С прибытием А.Кадыра он перешел в руки восставших. Летчики получили приказ подвергнуть бомбардировке резиденцию М.Дауда и некоторые другие объекты. Около 16 часов по президентскому дворцу был нанесен первый бомбовый и ракетный удар авиации. С наступлением сумерек налеты на дворец продолжались. Одновременно в воздухе находилось до шести самолетов МиГ-21 или Су-7. [137]

Примерно в 16 часов 30 минут над Кабулом появились самолеты-бомбардировщики, [138] вылетевшие с военного аэродрома Шинданд (в 650 км к западу от Кабула) на помощь правительству М.Дауда. Однако оно было не в состоянии воспользоваться этой помощью, так как к указанному времени уже не располагало необходимыми техническими средствами связи с авиацией. Экипажи бомбардировщиков, будучи в полном неведении относительно происходившего на земле, связались с мятежным штабом ВВС и получили приказ возвратиться на свою базу. К тому же, если бы даже они и захотели помочь Дауду, то не смогли бы этого сделать по той простой причине, что запас горючего (с учетом возвращения обратно в Шинданд) не позволял им находиться в небе над Кабулом более десяти минут.

В центре города, кроме президентского дворца, было еще несколько очагов сопротивления продаудовских сил. Во второй половине дня восставшие, используя танки и бронетранспортеры, атаковали министерство внутренних дел, охранявшееся жандармскими подразделениями, и захватили его. Были также заняты муниципалитет и комплекс зданий кабульского провинциального и полицейского управлений. В ходе операции был убит командующий полицией даудовского режима генерал Тахер. Между 17.00 и 17.30 танковые подразделения заняли радиостанцию «Радио Афганистана», которая еще ранее, с 15 часов, прекратила передачу продаудовского содержания и транслировала лишь музыку и песни, в основном популярного в Афганистане Рави Шанкара. Занятие мятежными танками позиций вокруг радиостанции упредило возникновение еще одного очага боев. Дело в том, что сюда удалось пробиться одному пехотному подразделению из 8 пехотной дивизии под командованием далекого от политики майора Шамсуддина. Однако, встретив танки, майор трезво оценил бессмысленность попыток занять радиочастоту, как ему было предписано, и приказал своим солдатам вернуться в казармы, а сам отправился домой. [139]

С самого начала вооруженного восстания велись поиски арестованных руководителей Народно-демократической партии Афганистана. И лишь около 17.30 офицеру-халькисту Д.Таруну удалось, наконец, отыскать тюрьму, где они содержались. Это была тюрьма кабульского провинциального полицейского управления, расположенная в каких-то 200 метрах от Арга. Разрушив с помощью танков стену тюрьмы, танкисты освободили их и на бронетранспортерах доставили в здание «Радио Афганистана», ставшего с этого времени штабом восстания. Следует заметить, что Х.Амин и в момент освобождения, а затем в здании радиостанции не упускал случая язвительно уколоть и унижить достоинство Б.Кармалю и в оскорбительном тоне противопоставить ему свое мнение. Так, при выходе из тюрьмы на вопрос Б.Кармалю «Куда мы едем?» Х.Амин высокомерно бросил ему: «Тот, кто не хочет идти с нами, может оставаться в этой тюрьме». [140] Х.Амин по прибытии на радиостанцию открыто демонстрировал перед парчамистами, кто здесь является хозяином положения, автором и главным дирижером происходящего. На высказанное Б.Кармалем мнение о целесообразности в интересах безопасности перебраться руководству в кабульский

аэропорт Х.Амин с сарказмом ответил, что партийные лидеры обязаны находиться ближе к офицерам. [141] И лишь время от времени деликатное вмешательство Н.М.Тараки в какой-то мере умеряло агрессивный пыл его ученика.

Час спустя после прибытия лидеров НДПА в здание «Радио Афганистана» было подготовлено сообщение о победе революции. Неожиданно возник вопрос о том, кто же должен будет его зачитать. [142] Х.Амин настаивал на том, чтобы это сделал Н.М.Тараки, ибо, говорил он, халькистские офицеры, услышав голос своего вождя, с еще большим вдохновением и рвением поведут борьбу по подавлению последних очагов сопротивления правительственных войск. Б.Кармаль же полагал преждевременным выход генерального секретаря ЦК НДПА в прямой эфир, так как это, по его мнению, могло бы спровоцировать реакционные силы и в армии, и обществе к сплочению и выступлению против восставших. Он предложил, чтобы указанное сообщение зачитал А.Кадыр, хорошо известный в национальных кругах как лихой офицер-летчик, как активный участник переворота 1973 года. Тараки согласился с доводами Б.Кармаля и в порядке компромисса добавил, что честь выступить по радио, кроме А.Кадыра, должна быть предоставлена еще и М.А.Ватанджару.

Ровно в 19.00 по кабульскому времени страна и мир были оповещены о событиях, происшедших в Кабуле 27 апреля. От имени только что образованного Военно-революционного совета вооруженных сил [143] сообщение зачитали на языке дари полковник А.Кадыр, а на пушту – майор М.А.Ватанджар. Тексту данного сообщения предшествовала, как это обычно принято в исламском мире, формула «Во имя Бога милостивого и милосердного!» (кстати, эту формулу предложил использовать в передаче Б.Кармаль [144]). В нем говорилось:

«Дорогие соотечественники! Впервые в истории Афганистана покончено с последними остатками монархии, гнетом, тиранией и властью династии Надир-хана. Вся власть в стране перешла в руки афганского народа. Государственные функции целиком и полностью осуществляет Военно-революционный совет.

Дорогие соотечественники! Ваша народная власть, находящаяся в руках Революционного совета, доводит до сведения, что любой контрреволюционный элемент, который попытается уклониться от выполнения указаний и постановлений Революционного совета, будет незамедлительно передан в военно-революционные органы». [145]

После передачи в эфир приведенного выше сообщения Военно-революционного совета Н.М.Тараки, Б.Кармаль и другие руководители НДПА переехали в Ходжа Раваш, чтобы провести там ночь. Х.Амин, по распоряжению Н.М.Тараки, остался на «Радио Афганистана» для поддержания связи с восставшими войсками.

В 20 часов 10 минут от имени Военно-революционного совета по радио было передано обращение, адресованное войскам столицы и провинций. «Патриотические офицеры и солдаты! – говорилось в нем. – Где бы вы ни находились, сохраняйте революционный порядок и дисциплину. Каждого, кто выступит против национально-демократической революции и против интересов народа Афганистана, немедленно разоружайте». [146] Данное обращение было вызвано тем, что кое-где в столице продаудовские силы все еще продолжали сопротивляться, а некоторые части еще не определили своего отношения к происходящему и, сохраняя нейтралитет, выжидали.

Одновременно с описанными выше событиями в центре города и в районе аэродрома Ходжа Раваш разрозненные, но не менее ожесточенные стычки между противоборствующими сторонами имели место на северо-западной, западной и юго-западной окраинах столицы – в гарнизонах 7 и 8 пехотных дивизий, 88 артиллерийской бригаде и штабе Центрального корпуса, расположенном во дворце «Гадж Бек». Их выступление против восставших пытался организовать генерал-полковник Г.Х.Расули. Вначале он появился в 8 пехотной дивизии. Однако все его усилия оказались тщетными. Командир танкового батальона офицер-халькист Алауддин, другие члены и сторонники НДПА, прибегнув к оружию, не допустили выхода подразделений дивизии за пределы гарнизона. Существенную помощь в этом им оказала зенитная батарея под командованием офицера Карима, начавшая обстрел района дислокации дивизии с соседних высот. Борьба внутри 8 пд завершилась ее переходом на сторону восставших.

Г.Х.Расули, бежав из 8 пд, вместе с начальником Главного штаба генералом Абдул Азизом и начальником штаба Центрального корпуса Абдул Али укрылись в штабе Центрального корпуса и продолжали попытки поднять войска против мятежников. Примерно в 16 часов 45 минут указанный штаб был подвергнут воздушной бомбардировке. Г.Х.Расули и названные выше лица вынуждены были покинуть его и направиться в Ришхор – гарнизон 7 пехотной дивизии. По пути следования их машина неожиданно столкнулась с колонной бронетехники из 4 танковой бригады, двигавшейся в направлении Ришхора для помощи своим сторонникам, и была расстреляна одним из танков. [147] Г.Х.Расули и все находившиеся с ним лица погибли.

Положение в 7 пд оставалось крайне сложным весь день 27 апреля. Ее командир генерал Назим попытался выступить в поддержку М.Дауда. Но как только подразделения дивизии двинулись в сторону Кабула, они тут же были обстреляны зенитными батареями с высот из районов Карги и Дар-уль-Амана. Во второй половине дня баграмские летчики блокировали с воздуха дорогу, ведущую из расположения 7 пд в сторону города. Все это еще больше усилило брожение среди личного состава дивизии и ужесточило стычки между противниками и защитниками даудовского режима. В ходе их погиб офицер – активист НДПА – Мухаммад Али, назначенный по плану восстания командиром 7 пд. Были сбиты также два самолета, принимавшие участие в блокировании данного гарнизона, однако летчикам удалось спастись. К концу дня сопротивление продаудовской части офицерства было сломлено и 7 пд капитулировала перед восставшими.

27 апреля сделала попытку выступить в защиту режима М.Дауда и 88 артиллерийская бригада, располагавшаяся в городке Махтаб-кала, на западной окраине Кабула. Однако после передачи по радио сооб-

щения о победе революции она перешла на сторону восставших и приняла участие в подавлении сопротивления 7 пд.

Еще вечером 27 апреля в руководстве НДПА возник вопрос о дальнейшей судьбе М.Дауда. Б.Кармаль настаивал на том, чтобы сохранить ему жизнь. С этим мнением, как пишет пакистанский автор Раджа Анвар, будто бы согласились и Тараки, и Амин. [148] Хотя из эзоповского языка официальной биографии Н.М.Тараки, изданной в 1978 году, следует, что такое согласие ими, похоже, не было высказано. [149] Из передач же кабульского радио того дня явствовало, что жаждавшие крови М.Дауда ультрареволюционно настроенные руководители НДПА из числа халькистов вынесли ему смертный приговор еще до захвата Арга. «Сардар Мухаммад Дауд, – говорилось в заявлении Военно-революционного совета вечером 27 апреля, когда он еще был жив, – этот последний из диктаторов королевской династии Надир-хана, этот беспрецедентный в истории демагог и предатель родины и нации уничтожен по воле народа Афганистана». [150]

Финал борьбы за президентский дворец, решивший судьбу М.Дауда и его окружения, наступил в ночь с 27 на 28 апреля. К рассвету 28 апреля совместными усилиями танкистов, летчиков и перешедших на их сторону «коммандос» было окончательно подавлено сопротивление президентской гвардии. К М.Дауду, при его согласии принять, была направлена группа парламентариев из числа «коммандос» во главе с лейтенантом Имамуддином. Прибыв во дворец Гульхана предположительно в 4 часа утра, он заявил М.Дауду, что политическая власть в стране перешла в руки народно-демократической партии и предложил последнему сдаться. М.Дауд разразился ругательствами, выхватил пистолет и выстрелил в офицера-парламентаря, ранив его. По некоторым свидетельствам, пытался стрелять и брат М.Дауда – М.Наим. Солдаты «коммандос», сопровождавшие Имамуддина, открыли ответный огонь. В завязавшей перестрелке, кроме М.Дауда, были убиты 18 (по версии Л.Дюпре – 30) членов его семьи, включая пятерых детей и М.Наима, вице-президент С.Абдулла, министр внутренних дел А.Кадир Нуристани. [151] В ходе восстания был убит и заместитель министра иностранных дел В.Абдулла. [152]

После взятия президентского дворца вооруженное восстание в столице одержало полную победу. Что касается армейских соединений и частей, дислоцированных в провинциях, то они непосредственного участия в вооруженном выступлении не принимали. Здесь активисты НДПА, как военные, так и гражданские, сразу же после получения известий о победе восстания в Кабуле стали, пользуясь смятением и растерянностью местного руководства, брать власть в свои руки. Вскоре под контроль радикально настроенных офицеров перешли гарнизоны Кандагара, Пактии, Джалалабада, Герата, Газни, Нахрина, военные аэродромы Шинданда, Мазари-Шарифа и др.

Следует подчеркнуть, что восставшие с начала и до конца своей акции действовали наступательно, организованно, с исключительным мужеством, решительностью и глубокой убежденностью в правоте и справедливости предпринятого ими военного выступления. Кроме всего прочего, они хорошо понимали, что, выступив с оружием в руках против режима М.Дауда и нарушив этим данную ими военную присягу, они не оставили для себя ни единого шанса на жизнь в случае поражения. Поэтому осознание ими всей отчаянности своего положения удесстеряло их силы. Всего этого нельзя было сказать о приверженцах М.Дауда. Более того, высшее армейское командование во главе с генералом Г.Х.Расули уже с утра 27 апреля потеряло управление войсками и оказалось бессильным противопоставить восставшим что-либо существенное, кроме гвардии и некоторых других разрозненных подразделений. Инициатива действий была полностью на стороне противников режима. Успеху восстания благоприятствовало и то, что спецслужбам М.Дауда не удалось накануне апреля 1978 года напасть на след тайных антиправительственных организаций в армии и изолировать кого-либо из их руководителей и активистов. По западным данным, с обеих сторон в вооруженных столкновениях в столице участвовало до 5 тысяч человек. Восставшие только при штурме президентского дворца использовали до 50 танков и большую часть из 20 самолетов, совершавших налеты на различные объекты в Кабуле. [153] Решающую роль в успехе восстания сыграли танкисты и летчики.

В связи со сказанным выше представляются ошибочными, не соответствующими истине утверждения швейцарских политологов П.Аллана и Д.Клея о том, что-де в апрельском военном путче «решающую роль играла не НДПА, а Объединенный коммунистический фронт Афганистана во главе с Абдул Кадыром», что «разложение армии явилось заслугой прежде всего Фронта, а не НДПА с ее фракциями», что «около 12 дня в воздух поднялись многочисленные самолеты и принялись облетать город и президентский дворец», что якобы «Кадыр возглавлял Революционный совет» и т.д. и т.п. [154] При этом указанные авторы ссылаются на К.М.Цаголова, называя его «одним из ведущих советских специалистов по Афганистану», которым он, впрочем, не являлся (тем более «ведущим») ни до и ни после афганской революции. Еще раз повторимся, ОФКА сыграла свою роль в апрельском вооруженном восстании армии, однако не была единственной «решающей» силой. Как свидетельствуют факты и очевидцы, офицеры-авиаторы (члены ОФКА) подключились к восстанию лишь во второй половине дня 27 апреля, когда в сражениях вокруг президентского дворца и в других местах перевес в пользу восставших уже был налицо.

Несмотря на ожесточенный характер борьбы в столице, победа в восстании была достигнута сравнительно малыми жертвами. По официальным данным, потери среди афганских военнослужащих составили 42 человека, а вместе с гражданскими лицами – до 100 человек. [155] В процессе штурма президентского дворца и в столкновениях в других местах столицы со стороны восставших, кроме указанных выше лиц, погибли: начальник штаба механизированного батальона 4 танковой бригады старший капитан Омар Мухаммад Шариф (в его память позже был назван один из столичных лицеев), лейтенант 15 танковой бригады Гулям Фарук Лаладжан, младший лейтенант-артиллерист Мухаммад Азгар Мухаммад Акбар, лейтенант 4 танковой бригады Сайфуррахман Асадулла, капитан 88 артиллерийской бригады Мухаммад Монир, рядовой 4 танковой бригады Абдурахман Баба Рахим, рядовой 88 артиллерийской бригады Мухаммад Осман Абу Хайр (согласно данным Центрального музея армии, всего в артиллерийской бригаде по-

гибло восемь человек) и др. [156]

Между 27 апреля и 3 мая 1978 года в Кабуле не выходила ни одна газета. Информацию о происходящих в стране событиях население получало только из передач кабульского радио, которое до 29 апреля велось от имени Военно-революционного совета вооруженных сил. В этих передачах раскрывались основные программные лозунги восставших и характер начавшейся революции. В частности, в обращении к соотечественникам, переданном 27 апреля в 22.30, говорилось, что в Афганистане «началась подлинная национально-демократическая революция», положившая конец «господству сардаров-демагогов, превративших священное слово «революция» в игрушку в своей антинародной политике. [157]

На следующий день, 28 апреля, в 7 часов 30 минут утра по радио Кабула было передано заявление Военно-революционного совета следующего содержания:

«1. Официально объявляется об отмене фальшивой конституции М.Дауда и о падении его правительства. С настоящего времени вступают в силу указы и распоряжения Военно-революционного совета вооруженных сил.

Военно-революционный совет полностью контролирует положение. Все части вооруженных сил страны заявили о своей верности Военно-революционному совету и выполняют свой патриотический долг.

Те генералы и министры свергнутого правительства Мухаммада Дауда, которые до сих пор не связались с Военно-революционным советом, должны немедленно явиться в министерство национальной обороны. В противном случае к ним будут применены меры военного времени.

В соответствии с постановлениями военного времени, до принятия последующего решения запрещается организация любых собраний.

Население может с полной уверенностью продолжать свою повседневную жизнь и работу». [158]

Данное заявление нашло широкую поддержку и понимание со стороны граждан Афганистана, в том числе и высших военных и гражданских должностных лиц прежнего режима. В здание министерства национальной обороны, где расположился Военно-революционный совет (ВРС), стали приходить генералы, старшие офицеры и бывшие министры. После регистрации и получения заверений о лояльности новому режиму их отпускали по домам.

Новая власть, озабоченная сохранением спокойствия и безопасности в стране, принимала меры не только к пресечению любых попыток контрреволюционных выступлений, но и к налаживанию нормальной жизни населения столицы и провинций. 28 апреля в 12 часов 22 минуты ВРС обратился ко всем гражданам Кабула, имеющим мясные, бакалейные, фруктово-овощные лавки и хлебобулочные, открыть их двери и начать работу. Одновременно им была гарантирована полная безопасность в их деятельности. ВРС призвал всех жителей столицы начать с 29 апреля нормальную работу предприятий, учреждений, школ, вузов, общественного и частного транспорта и т.д. В обращении к населению Кабула по этому поводу указывалось: «ВРС Афганистана объявляет всем сотрудникам учреждений, учащимся школ, студентам, студенткам, преподавателям, профессорам, техническому персоналу и работникам государственных ведомств, городского транспорта, организаций и предприятий, а также всем сотрудникам сил безопасности страны, что с завтрашнего дня (29 апреля 1978 г.) они должны выйти на работу как обычно, как этого требует их совесть, и в духе патриотизма приступить к исполнению своих обязанностей в соответствии с указаниями и инструкциями, законами и положениями». [159]

Необходимо отметить, что народ буквально по всей стране одобрительно отнесся к свержению режима М.Дауда и с исключительной теплотой и энтузиазмом приветствовал победу апрельского вооруженного восстания в столице. По сообщениям газеты «Анис» от 3 мая, уже в первые дни телеграммы в адрес ВРС о поддержке происшедших в столице перемен поступили от широких кругов общественности из провинций Герат, Пактия, Кандагар, Заболъ, Балх, Баглан, Саманган, Тахар, Бадахшан, Нангархар, Кунар и др. В стране повсеместно установилась полная безопасность и порядок. Нормально функционировал весь хозяйственный механизм государства. Столица с утра 29 апреля начала жить полнокровно жизнью, все лавки были открыты, население полностью обеспечивалось продуктами питания и другими необходимыми товарами. Уже в течение первой недели после свержения прежнего правительства стали заметно снижаться цены на основные продовольственные товары. Так, на кабульском базаре цена сира (7,06 кг) муки упала с 83 до 60-65 афгани, а мяса (кг) – с 85 до 60 афгани. Причем это происходило без какого-либо вмешательства новых властей. [160] Такая же картина наблюдалась и в провинциях. По сообщениям газеты «Анис» за 4 мая, в провинции Саманган цены за сир пшеницы снизились на 11 афгани, муки – на 10, на мясо (баранину и говядину) – на 10 афгани за кг. О нормализации положения в столице говорил и тот факт, что за первые три дня после восстания комендантский час был сокращен на три часа и с 29 апреля он вводился уже с 23 часов.

Упрочение позиций нового режима дало возможность решить вопрос о введении гражданской формы правления в стране и раскрыть таким образом созданную намеренно «тайну» вокруг лиц (в основном гражданских), составлявших Военно-революционный совет вооруженных сил (надо заметить, что в первые дни новые власти вообще избегали говорить о своей принадлежности к НДПА, заменяя ее выражением – «прогрессивные национально-революционные силы» [161]). В 9 часов вечера 29 апреля ВРС принял решение о передаче всех своих полномочий Революционному совету Демократической Республики Афганистан (подчеркнуто мною. – М.С. Так впервые было объявлено название нового государства, хотя официально оно еще не было декларировано). В декрете ВРС по этому поводу говорилось: «7 саура 1357 г. (27 апреля 1978 г.) по воле народа Афганистана произошло революционное восстание патристически настроенных офицеров и солдат страны. Это восстание, знаменующее собой начало национально-демократической революции Афганистана, менее чем за 24 часа свергло деспотический режим Мухаммада Дауда и заложило в стране основы национально-демократического строя. Но для того чтобы революция

7 саура смогла творчески, всесторонне и эффективно выполнять свои огромные национально-демократические задачи, Военно-революционный совет передал всю полноту высшей государственной власти Революционному совету Демократической Республики Афганистан». При этом все члены ВРС из числа военных полностью вошли в РС ДРА. [162]

Революционный совет, в составе которого насчитывалось около 35 человек, в том числе и пять представителей вооруженных сил, на своем первом заседании, состоявшемся во второй половине дня 30 апреля, избрал Н.М.Тараки председателем РС и одновременно главой правительства (премьер-министром), а Б.Кармаля – заместителем председателя РС и заместителем премьер-министра. Революционный совет, ставший высшим органом государственной власти, своим Декретом № 1 от 30 апреля провозгласил страну Демократической Республикой Афганистан. [163]

День спустя было сформировано правительство во главе с Н.М.Тараки в составе 21 министра и заместителей премьер-министра. [164] Три министерских поста получили военные – активные участники апрельского вооруженного восстания (М.А.Ватанджар, А.Кадыр и М.Рафи) и один пост – женщина (А.Ратезад). При формировании правительства была в основном сохранена его прежняя структура, однако качественные характеристики кабинета существенно изменились. Прежде всего в социальном плане он был представлен почти полностью выходцами из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Далее, по национальному составу он являлся наиболее представительным из всех правительств, когда-либо до этого существовавших в Афганистане: в нем были пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы, кызылбаш, чараймак. 18 членов кабинета имели высшее образование, двое – среднее (Н.М.Тараки и М.Х.Барек Шафии) и один – начальное (А.К.Мисак). Шестеро из них (Х.Амин, М.Сума, М.М.Хашеми, М.И.Данеш, А.К.Горбанди и А.Ратезад), то есть почти треть кабинета, получили высшее и среднее специальное образование в США, один (А.Кадыр) – в СССР (окончил Киевское высшее военно-авиационное училище); десять министров являлись выпускниками Кабульского университета и двое (М.А.Ватанджар и М.Рафи) – Высшего военного училища в Кабуле (Харби похантун). По фракционной и партийной принадлежности восемь членов правительства относились к Парчам, 12 – Халк и один (А.Кадыр) – Объединенному фронту коммунистов Афганистана.

С целью укрепления власти на местах были назначены новые губернаторы провинций. Ими в основном стали военные из числа лояльных новому режиму генералов и старших офицеров – членов НДПА (одновременно они являлись в провинциях старшими воинскими начальниками), в частности в провинции Кандагар – генерал-майор Мир Тахмас Рауф, Балх – генерал-лейтенант Хаджи Мухаммад Наваз, Пактия – генерал-майор Гулям Наби, Баглан – генерал-лейтенант Сарджанг, Нангархар – подполковник Гулям Наби Вастали, Герат – подполковник Голь Ака и др. [165]

2 мая РС ДРА, особо отметив свою приверженность принципу незыблемости частной собственности в стране, объявил о национализации движимого и недвижимого имущества и активов членов семей М.Надир-шаха, М.Дауда, М.Наима, Шах Вали, Шах Махмуда и М.Хашима, как «нажитых незаконно, вопреки установлениям священной религии ислам и нормам человеческой морали, за счет ограбления и страданий народа Афганистана». [166]

Первые шаги и декреты новых властей получили повсеместно в стране горячую поддержку. 4 мая на заседании кабинета министров ДРА отмечалось, что правительством получены тысячи поздравлений, телеграмм и посланий от представителей различных классов и слоев населения – рабочих, крестьян, интеллигенции, в которых они выражали согласие и солидарность с действиями РС и правительства страны. В числе тех, кто направил приветственные послания в адрес РС, были также члены Совета улемов Афганистана и настоятели главных кабульских мечетей. Они, в частности, писали: поскольку новое руководство страны в своем первом заявлении назвало основы ислама стержневыми принципами своей внутренней политики, «мы полностью поддерживаем новый режим и осознаем свою ответственность перед ним. Молим Всевышнего, чтобы он ниспослал успех этому режиму». (Далее следовал список 20 богословов, подписавших данное послание). [167]

Демократическая Республика Афганистан с самого начала ее провозглашения 30 апреля 1978 года стала получать широкое международное признание. Первыми ее официально признали СССР, Болгария, Индия, Монголия, Чехословакия, Куба, Польша. Затем 5 мая о ее признании заявили Пакистан, Турция, Народная Демократическая Республика Йемен, Вьетнам, Югославия, Иран, а 6 мая – Германская Демократическая Республика, США, Великобритания, Федеративная Республика Германии, Италия, Южная Корея. К 8 мая ДРА признали все постоянные члены Совета безопасности ООН. ДРА и ее правительство в эти и последующие дни были признаны также со стороны Румынии, Саудовской Аравии, Сирии, Бангладеш, Японии, Канады, Австралии, Непала, Ирака, Египта, КНДР, Эфиопии, Греции, Ливана, Ливии, Швеции, Дании, Бельгии, Норвегии, Нидерландов, Швейцарии, Кувейта, Иордании и др. [168]

Вечером 8 мая Н.М.Тараки выступил по кабульскому радио и обнародовал программный документ из 30 пунктов, названный «Основные направления революционных задач правительства Демократической Республики Афганистан». Заверив еще раз соотечественников в приверженности нового режима демократическим свободам и принципу неприкосновенности личности и семьи, основам религии ислам, национальным обычаям и традициям, он заявил о намерении его правительства подготовить условия для создания в будущем «народного революционного совета» (видимо, имелся в виду выборный парламент. – М.С.) и разработать конституцию ДРА.

В области внутренней политики в числе важнейших задач правительства, которые должны были обеспечить ликвидацию экономической и политической отсталости страны и повышение жизненного уровня народа, намечалось: провести демократическую аграрную реформу в интересах трудового крестьянства и с его активным участием, освоить залежные земли, реконструировать системы орошения и решить проблему пастбищ; ликвидировать отжившие феодальные и дофеодальные отношения; принять меры для развития внутренней и внешней торговли; укрепить госсектор экономики на основе научно обоснованного

планирования и установить строгий контроль над использованием природных ресурсов; защищать национальное предпринимательство от конкуренции иностранных товаров, поощрять и поддерживать частные инвестиции в мелкое и среднее производство; коренным образом пересмотреть структуру государственного бюджета в пользу производственной и социальной сфер, в частности образования и здравоохранения; реформировать налоговую систему путем уменьшения в ней доли косвенных налогов и увеличения прямого прогрессивного налогообложения; установить контроль над ценами и стабилизировать их на необходимом уровне в интересах народа; демократизировать общественную жизнь и гарантировать на деле права и свободы граждан; обеспечить равенство прав женщин с мужчинами во всех сферах общественной, экономической, политической и культурной жизни; принять меры к укреплению вооруженных сил и прежде всего обеспечить право солдат и офицеров на широкое участие в общественно-политической жизни страны; демократическим путем решить национальный вопрос в стране и проблему кочевников; обеспечить всеобщее, обязательное, бесплатное начальное образование для детей, достигших школьного возраста, и создать необходимые условия для ликвидации неграмотности в стране; расширить бесплатное среднее, высшее и профессиональное образование с целью подготовки национальных научных и технических кадров, необходимых для экономического развития страны; ввести бесплатное медицинское обслуживание и покончить с антинациональной коммерческой медициной; провести чистку госаппарата от антидемократических, контрреволюционных элементов и создать здоровые, демократические государственные структуры управления, служащие интересам народа; принять эффективные меры для ликвидации всех видов гнета и насилия, безработицы, взяточничества, бюрократизма, спекуляции, ростовщичества и повести борьбу с распущенностью, картежными играми, употреблением алкогольных напитков, чарса, опиума и других наркотиков; устранить влияние неокониализма и империализма и зависимости от них в различных сферах – экономике, политике, культуре, идеологии. Правительство ДРА в числе задач первоочередной важности особо выделило обеспечение территориальной целостности, национального суверенитета и независимости страны, решительную защиту завоеваний Апрельской революции, создание подлинного единства всех национальных, прогрессивных и патриотических сил. [169]

В области внешней политики ДРА выступила за проведение самостоятельной миролюбивой политики неприсоединения, позитивного и активного нейтралитета на принципах мирного сосуществования, за сохранение и укрепление мира в регионе и на планете, расширение и углубление разрядки международной напряженности, улучшение отношений добрососедства и сотрудничества со всеми странами региона, развитие и всестороннее расширение дружественных связей с Советским Союзом, в поддержку национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Относительно национальной проблемы зарубежных пуштунов и белуджей было отмечено, что она должна решаться на основе их воли, с учетом исторического прошлого и путем политических переговоров между ДРА и Пакистаном. [170]

Заканчивая свое выступление, Н.М.Тараки призвал все демократические, прогрессивные и национально-патриотические силы к единению под руководством НДПА с тем, «чтобы суметь в возможно кратчайшие сроки довести до окончательной победы национально-демократическую революцию афганского народа и на первом этапе построить демократическое общество, а затем общество процветания и счастья, свободное от оков любого национального и социального гнета, от эксплуатации человека человеком». [171]

Таким образом, вооруженное восстание 7 саура, совершенное армией под руководством НДПА, должно было стать поворотным пунктом в истории развития Афганистана. Афганские революционные демократы в те дни искренне верили, что этим событием и своей победой они открыли для страны путь прогрессивного национально-демократического развития, путь действенной борьбы с вековой отсталостью, за социальный прогресс, счастье и процветание широких народных масс.

Что же представляла из себя НДПА к моменту Апрельской революции? По официальным данным, [172] тогда ее численность составляла около 18 тысяч человек (точнее, 17 800 чел.). Из них примерно 25 % (около 4,5 тыс.) проживали в столице. У партии имелось много сторонников и сочувствующих. По словам Н.М.Тараки, их число превышало 30 тысяч человек. [173] И все же, не принижая ее известную популярность в обществе, прежде всего среди городских жителей, следует сказать, что НДПА накануне прихода к власти представлялась для будущего Афганистана все еще неизвестной величиной. Субъективно она в то время была мало готова к роли общенациональной политической силы как из-за своей немногочисленности, ограниченных социальной базы и сфер влияния, так и ее организационной слабости, связанной с продолжавшейся межкрыльевой борьбой и разногласиями в партийном руководстве. Однако стечение исторических обстоятельств буквально «вытолкнуло» ее на передний край борьбы за власть и рок судьбы ввалил на ее слабые плечи величайшую ответственность за будущее страны и народа. [174]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же произошло в Афганистане в апреле 1978 года: переворот или революция? По этому вопросу можно встретить два полярных, взаимоисключающих суждения. Причем даются они не только походя, мимоходом в конспективно выдержанных газетных и журнальных публикациях, но и в солидных трудах по афганской истории. Большинство западных исследователей (Л.Дюпре, А.Арнольд, Г.С.Брэдшер, Н.П. и Р.С.Ньюэлл, Л.Б.Пуллада и др.) [1] по идеологическим (а точнее, идеолого-конфронтационным) соображениям, а с конца 80-х годов и ряд советских (преимущественно олоафганских) авторов [2] вкупе с некоторыми афганскими высокопоставленными деятелями, в том числе бывшим президентом Наджибуллой, называли эти события «переворотом» (по западной терминологии – «марксистским переворотом»), [3] вкладывая в него широкое понимание данного термина. Все они, как правило, не приводили каких-либо

убедительных аргументов в доказательство своего вывода. В противоположность им многие отечественные историки-афганисты считали и продолжают считать апрель 1978 года началом афганской революции, не отрицая в то же время и того факта, что путь к ней открыл военный переворот, совершенный леворадикальной частью армейского офицерства и унтер-офицерства.

Как представляется, спор вокруг вопроса «переворот» или «революция» будет схоластическим и бесплодным, если предварительно не определиться в сути данных понятий. Это тем более необходимо еще и потому, что слово «революция» с точки зрения его семантики означает «переворот, поворот, смена» и не несет изначально какого-либо иного смысла.

Применительно к общественно-политической жизни под «переворотом» обычно понимается такое явление, которое приводит к передаче власти из рук одной группы одного и того же правящего класса или блока другой, не меняя при этом ни классового содержания власти и ни общественно-экономической системы. Перевороты могут нести в себе определенные элементы и регресса, и прогресса. Революция же – это отрицание старого социально-экономического и политического порядка, коренное изменение содержания базисных и надстроечных институтов государства, а именно: изменение классовой основы власти и системы общественно-экономических отношений. Революция открывает новый путь для развития страны. Классическими примерами социальной революции в этом смысле являются Великая французская буржуазная революция и Великая Октябрьская социалистическая революция в России. И та, и другая привели к ниспровержению власти прежних господствовавших классов и смене общественно-экономической формации.

Однако социальные революции знаменуют не только переход от одной общественно-экономической формации к другой. Они могут решать и ограниченные задачи, оставаясь по своей сути промежуточными, внутрiformационными. Такими, к примеру, являются национально-освободительные революции, которыми была весьма богата вторая половина XX в. Они происходили в рамках старой общественно-экономической системы, почти не затрагивая ее, и решали практически одну главную задачу – политическую, то есть устраняли иноземное политическое господство и приводили к власти в стране национальные силы. Подобного рода промежуточными, правда, с более широким спектром решаемых задач, являются и национально-демократические революции. Они меняют систему политической власти и отчасти систему общественно-экономических отношений, в частности ликвидируют пережиточные феодальные и дофеодальные отношения в деревне и расчищают путь для прогрессивного развития страны. Таким образом, различие между переворотом и революцией заключается в данном случае в том, как верно, в сжатой форме ответил известный отечественный ученый Г.И.Мирский, что «Переворот – это смена режима, революция – смена системы». [4]

Социальная революция может начинаться в разных формах: через «улицу» – выступление масс, парламентским путем или военным переворотом. Первые два варианта маловероятны для многих стран Востока из-за слабости или отсутствия сложившейся здесь партийной системы и традиций общественно-политической борьбы, в том числе парламентской, низкого уровня политического и классового сознания и общественной пассивности масс, глубокой приверженности населения традиционным институтам – религии, вековым обычаям и традициям, этноплеменной и клановой структурам, местным консервативно-клерикальным авторитетам и т.д. Отсюда не случайно, что в указанных странах чаще всего орудием разрешения вопиющих несправедливостей в обществе и государственной системе становятся военные. Хотя, надо признать, далеко не всякий военный переворот открывает путь к революции. Все зависит от того, чьи социальные интересы выражают мятежные военные, насколько они связаны с демократическими, прогрессивными кругами страны и объединены общим стремлением к коренному переустройству политической власти и системы общественно-экономических отношений.

После выяснения содержания понятий «переворот» и «революция» перейдем к обобщенной оценке афганского апреля 1978 года. Да, действительно, в те дни в Кабуле имел место военный переворот, в результате которого был свергнут режим М.Дауда. Однако политические и социально-экономические последствия происшедшего выходили далеко за рамки простой смены режима. Прежде всего изменилось классовое содержание власти в стране. Если раньше политическая власть находилась в руках господствовавшего помещичье-буржуазного блока, то после военного переворота она перешла в руки представителей мелкобуржуазных слоев города и деревни. Но главное заключалось в непреклонном намерении новой власти внести существенные изменения в социально-экономическую систему, а именно: осуществить демократическую аграрную реформу в интересах всего крестьянства, устранить феодальные отношения в деревне, глубоко демократизировать общественную жизнь страны и таким образом обеспечить условия для прогрессивного развития афганского государства. Все это говорит о том, что апрельские события 1978 года в Афганистане положили начало национально-демократической революции (хотя афганским левым демократам не удалось претворить в жизнь лозунги революции в силу различных внутренних и внешних причин, однако от этого она не перестает быть революцией. История знает немало примеров поражения революций, например, русской 1905-1907 гг., иранской 1905-1911 гг., «полупобеды» синьхайской и младотурецкой революций начала XX в. и т.д.).

Афганская национально-демократическая революция не была делом рук узкой группы заговорщиков (военных и гражданских). Она была подготовлена всем предшествующим развитием афганского общества и являлась закономерным следствием продолжавшегося многие десятилетия тягчайшего социального неблагополучия, беспросветной нищеты и бесправия подавляющего большинства населения и острой общественно-политической борьбы между консервативными силами, стремившимися удержать Афганистан на острых, средневековых рубежах жизни, с одной стороны, и прогрессивными, национально-демократическими кругами, выступавшими за радикальное обновление общества на общедемократических началах, – с другой. Афганистан объективно был обречен на социальные потрясения. Как гласит афганская пословица, «вода выходит только из низких берегов».

Непосредственные предпосылки афганского кризиса стали постепенно формироваться в стране примерно с середины XX в. С этого времени Афганистан уже был не неким островком стабильности в бушующем вокруг него океане социальных и национально-освободительных движений, как это нередко представлялось в те годы за пределами страны, а скорее являл собой неторопливо закипавший котел общественных страстей и будущих потрясений. К середине 60-х годов афганская монархия оказалась в состоянии глубокого социально-экономического и политического кризиса. Чтобы вернуть себе лицо и утраченное доверие народа, она предприняла так называемый «демократический эксперимент», ставший для нее роковым. В течение десяти лет его проведения оппозиция, получившая в свои руки право выражать собственные взгляды через частную прессу и проводить открыто массовые антиправительственные акции, настолько раскачала королевскую лодку, что последняя в конце концов опасно накренилась и, зачерпнув воду, пошла ко дну. Закончился более чем двухсотлетний период господства монархии на афганской земле. Крах монархического режима в 1973 году, несомненно, приблизил приход левых к власти в стране.

Афганское общество к этому моменту уже не было типично феодальным. В нем капиталистический уклад примерно с 60-х годов XX в. стал отчетливо приобретать новые черты, оставаясь, правда, сильно отягощенным и скованным феодальными и дофеодальными пережитками в сфере производственных отношений, этнонациональной организации, в области права, быта, психологии и массового сознания. В этих условиях Афганистан объективно нуждался в принятии радикальных мер с целью преодоления отживших средневековых устоев. Однако субъективные факторы, необходимые для реализации данной цели, либо отсутствовали, либо были слабыми. Прежде всего к этим переменам и с точки зрения политического сознания, и психологически не была готова афганская деревня. Несмотря на сохранение в ней несправедливых производственных отношений и огромное аграрное перенаселение, составлявшее почти половину крестьянства, она не испытывала социальной напряженности и все еще находилась в глубокой спячке, видя в своих снах в лице крупного землевладельца-малека, племенного лидера или деревенского богатея-ростовщика своего благодетеля, защитника и непререкаемый авторитет. Ей были в целом непонятны и чужды приходившие из города призывы оппозиции к борьбе за справедливость, права и свободы народа, за его лучшую долю из-за глубоко укоренившихся покорности судьбе и веры в незыблемость установившихся веками порядков, приверженности религии и древним обычаям и традициям, огромной зависимости от духовных, племенных и клановых авторитетов.

Отсюда не случайно, что оппозиционное движение в Афганистане зародилось и развивалось лишь в лоне города и в первую очередь в столице. Его активными участниками были политизированная интеллигенция, государственные служащие, представители мелкобуржуазных слоев города (торговцы, ремесленники, кустари), студенческая и учащаяся молодежь. Последняя, отличаясь большой мобильностью и радикализмом, во многом содействовала созданию в городе нового политического климата, характерными чертами которого являлись острая критика пороков общества, усиление недоверия и вражды к верхам, разочарование в справедливости устоев монархической власти, постоянная общественно-политическая напряженность. Социальный и идейно-политический облик афганской оппозиции был крайне пестрым: от ультраправых, консервативно-клерикальных, либерально-буржуазных, националистических, мелкобуржуазно-популистских до леводемократических и левозкстремистских сил. Каждая из них внесла свою лепту в развенчание и крушение сначала монархии, а затем даудовского режима. Однако все же большей популярностью и влиянием в обществе, особенно среди городских средних слоев, пользовались левые группировки и элементы, ставшие начиная со второй половины 60-х годов по сути дела самой заметной в стране оппозиционной силой, несмотря на свою относительную малочисленность и организационную разобщенность. Леворадикальные идеи и взгляды нашли своих приверженцев и в вооруженных силах страны, среди молодого разночинного офицерства и унтер-офицерства, особенно в столичном гарнизоне.

Левый феномен, как, впрочем, и тяга определенной части правящей и интеллектуальной элиты Афганистана к восприятию либеральных идей и взглядов, были крайне враждебно встречены со стороны консервативно-клерикальных кругов страны. Данные круги в ходе развертывавшейся в 60-70-х годах острой общественно-политической борьбы предметно показали, что, несмотря на известную утрату ими в последние десятилетия монополии на духовное влияние в обществе, они все еще продолжают пользоваться неоспоримым авторитетом среди широкой, глубоко религиозной афганской общественности и по-прежнему остаются серьезной политической силой, способной составить ощутимую оппозицию любому политическому движению и даже правящему режиму, которые посмеют посягнуть на изменение традиционных социальных институтов и заветных предками и освященных исламом устоев жизни населения страны. Однако события в Афганистане, вопреки их желанию, развивались далеко не всегда по их сценарию.

С приходом в 1973 году к власти М.Дауда в качестве главы государства возникли благоприятные условия для достижения компромисса между национально-буржуазными и леводемократическими силами по кардинальным проблемам развития Афганистана, его внутренней и внешней политики. На первых порах плоды сотрудничества этих двух сил были налицо. Обнародованная М.Даудом долгосрочная правительственная программа повторяла ключевые установки программы НДПА. Под воздействием левых в руководстве Республики Афганистан были приняты законы о труде, упорядочено пенсионное обеспечение, введена бесплатная медицинская помощь, установлен жесткий контроль за ценами на основные продукты питания, начата раздача государственных земель крестьянам и т.д. Однако компромисс не состоялся и фронт национально-патриотических, либерально-буржуазных, демократических и прогрессивных сил не был создан. Препятствием к этому явились не только общая неготовность к сотрудничеству различных течений и группировок бывшей антимонархической оппозиции, несхожесть их социально-классовых приоритетов, амбиции, предвзятость и непримиримость друг к другу, но и личность самого главы Республики Афганистан – Мухаммада Дауда (см. о нем Приложение 6).

Черту под противоборством между М.Даудом и левой оппозицией подвело апрельское вооруженное восстание армии (1978 г.), непосредственно спровоцированное и приближенное самим М.Даудом. Оно явилось расплатой за его политическую непоследовательность и авторитаризм и не оставило ему никаких шансов на жизнь.

В апрельских событиях 1978 года, однако, «повинен» был не только М.Дауд. Их известный исход вряд ли бы состоялся без халькистской концепции путчизма, принятой руководством фракции после государственного переворота 1973 года. С этого времени ставка на подготовку военного путча стала центральной в деятельности Хальк. При всей авантюристичности взятого курса указанная фракция тем не менее вскоре получила в свои руки довольно сильную подпольную военную организацию, которая оказалась весьма кстати, когда М.Дауд занес меч над НДПА и ее руководством. Именно военная организация Хальк предрешила исход многолетней политической борьбы в Афганистане в пользу левых сил.

Итак, афганский кризис не свалился в одночасье с небес. Он явился имманентно плодом политическо-го и социально-экономического развития страны и общества. Вместе с тем он не был и не мог быть свободным от внешнего влияния. В нем, как и в подобных событиях в других странах мира, нашли зримое отражение двухполюсные идеолого-политические реалии XX в.

Левые, придя к власти в апреле 1978 года, выдвинули широкую программу реформ и преобразований в стране и обществе. В их числе предусматривались: перестройка основ власти и управления, обновление государственного аппарата, создание новой политической системы общества, реорганизация и укрепление вооруженных сил, проведение земельной реформы, упорядочение семейно-бытовых отношений и устранение из жизни общества наиболее архаичных норм и обычаев, ликвидация неграмотности в стране, решение национального вопроса. Были предприняты меры по корректировке основ внешнеполитического курса ДРА в соответствии с новой политической и идеологической ориентацией кабульского режима и новой международной обстановкой, сложившейся вокруг Афганистана.

Огромной ошибкой при оценке событий в Афганистане в 60-70-х годах XX в. (и это следует особо подчеркнуть) явилось то, что афганскому конфликту в целом придавалась чрезмерно идеологизированная окраска. Пришедший к власти в 1978 году леводемократический режим по сути своей не был «коммунистическим», как его пытались изображать на Западе. Программа НДПА – это, на самом деле, программа национальной демократии, учитывающая специфику страны. При внимательном анализе этой программы нельзя не заметить, что она призвала не к немедленной социализации общества, а к его демократизации, к устранению из его жизни всего архаичного, отжившего, мешающего стране идти в ногу со временем.

Приход НДПА к власти получил на первых порах поддержку большинства населения страны. Однако вскоре партия и правящий левый режим начали утрачивать доверие народа. [5] Афганское государство оказалось втянутым в пучину ожесточенной гражданской войны. Кровопролитный кризис, растянувшийся по времени на несколько десятилетий и став поистине общенациональной трагедией для Афганистана, непосредственно затронул геополитические интересы, мир и безопасность обширного центральноазиатского, южно- и средневосточного региона. С захватом Кабула в 1996 году экстремистским движением «Талибан» и превращением страны в очаг международного терроризма пагубное влияние афганского кризиса вышло далеко за пределы указанного географического пространства и стало фактором мировой политики.

Потрясения и перемены, пережитые Афганистаном в последней четверти XX в., – разительны и ошеломляющи. Многие аспекты возникновения афганского кризиса и деятельности различных оппозиционных сил, а также неудачные попытки его разрешения как на уровне правивших страной режимов различной политической ориентации, так и на международном уровне остаются весьма поучительными для сходных ситуаций в других частях планеты. [6] Есть все основания сожалеть, что среди мировой общественности под влиянием широкого самобичевания по поводу всего комплекса советского присутствия в Афганистане и развернутой в свое время в мире антикоммунистической истерии сложился, в конце концов, негативный образ левой афганской оппозиции, а затем и левого кабульского режима. В связи с этим представляется абсолютно необходимым восстановить правду об афганских левых демократах, ибо без них вряд ли возможно будущее Афганистана. Именно они, составляя значительную часть интеллектуальной элиты страны и будучи горячими приверженцами подлинных прав и свобод человека, способны в наибольшей степени обеспечить демократический вектор развития своей родины.

Приложение 1.**Территория и численность оседлого населения Афганистана на начало 1987 года (оценка)**

Провинции	Территория, тыс. кв. м	Численность населения, тыс. чел.		В том числе, тыс. чел.		Сельское население	В % к общей численности		Число жителей на 1 кв. км
		Всего	Городское	Мужчин	Женщин		Городское	Сельское	
Всего	652,2		2561	7680	7249	12368	17,2	82,8	23
в том числе:									
Баглан	17,1	555	86	248	271	469	15,5	84,5	32
Бадахшан	47,4	558	12	286	272	546	2,1	97,9	12
Бадгис	20,1	235	6	120	115	229	2,6	97,4	12
Балх	11,9	485	146	256	247	357	29,0	71,0	40
Бамиан	17,4	301	81	154	147	293	27,0	73,0	17
Вардак	9,0	322	2	165	157	320	0,6	99,4	36
Газни	23,4	725	35	372	353	691	4,8	95,2	31
Герат	63,1	900	195	463	437	705	21,7	78,3	14
Гильменд	61,8	581	30	298	283	550	5,2	94,8	9
Гур	38,7	379	4	194	185	375	1,1	98,9	10
Джаузджан	10,3	365	64	188	177	301	17,5	82,5	36
Заболь	17,3	201	7	103	98	194	3,5	96,5	11
Кабул	4,6	1792	1318	934	858	474	73,6	26,4	389
Кандагар	47,7	650	214	336	314	436	32,9	67,1	14
Каписа	1,9	281	2	144	137	279	0,7	99,3	147
Кунар	10,5	280	3	144	136	278	1,1	98,9	27
Кундуз	7,8	626	125	323	303	502	20,0	80,0	80
Лагман	7,2	348	5	179	169	344	1,4	98,6	48
Логар	4,6	243	6	125	118	237	2,5	97,5	53
Нангархар	7,6	840	68	432	408	773	8,1	91,9	110
Нимруз	41,3	116	8	60	56	109	6,9	93,1	3
Пактия	9,6	543	13	279	264	530	2,4	97,6	56
Пактика	19,3	275	2	141	134	273	0,7	99,3	14
Парван	9,4	566	27	290	276	539	4,8	95,2	60
Саманган	15,5	294	28	151	143	256	9,5	90,5	19
Тахар	12,4	593	53	299	284	531	9,1	90,9	47
Урузган	29,3	498	8	255	243	490	1,6	98,4	17
Фарах	47,8	263	22	135	128	242	8,4	91,6	6
Фарьяб	21,1	608	61	312	296	547	10,0	90,0	29
Сарипуль	21,3	480	5	235	245	475	1,0	99,0	22

Источник: Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций. – Кабул, 1988. – С.7 (ротапринт).

Приложение 2.**Численный и национальный состав населения Афганистана по провинциям и округам (по данным на июль 1985 г.)***

№ пп	Провинции и округа	Центр провинции (округа)	Численность населения	Кол-во кишлаков	Национальный состав населения и его численность (в скобках процент от всего населения административной единицы)									
					пуштуны	таджики	хазарейцы	узбеки	туркмены	нуристанцы	белуджи	пашаи	чараймаки	прочие
1.	Кабул	Кабул	1517 909	694	509 374	722 300	209 133	7 938 (0,5)	8 277 (0,5)	1 191 (0,1)	1 966 (0,1)			57 730 (3,8)
2.	Логар	Бараки-Барак	226 234	643	(33,6) 147	(47,6) 70 715	(13,8) 4 211	15						3 450 (1,5)
3.	Парван	Чарикар	527 987	1 140	843 (65,3)	(31,3) 353	(1,5) 39 823	150	14 615 (2,8)	42	67			6 526 (1,2)
4.	Каписа	Махмудраки	262 039	515	112 833	932 (67,0)	(7,5) 561	20	7	161 (0,1)	19	33 055 (12,6)		4 082 (1,6)
5.	Газни	Газни	676 419	3 018	(21,4) 90 527	133 607	(0,2) 302	150	175		11			1 852 (0,3)
6.	Вардак	Майданшахр	300 796	1 644	(34,5) 287	(51,0) 83 679	928 (44,8)	60	8		21			4 469 (1,5)
7.	Пактия	Майданшахр	287 603	744	624 (42,5)	(12,4) 17 428	120 154	111 (0,1)	37	237 (0,3)	79			1 594 (0,6)
8.	Округ Хост	Гардез	218 611	763	158 656	(5,8) 21 357	(39,9) 83							
9.		Хост		894	(52,7)			8						66

Итого по ДРА:	13 747 092	35 364	5 817 086 (42,3)	3 882 116 (28,2)	1 560 164 (11,4)	1 105 896 (8,00)	335 930 (2,4)	84 854 (0,6)	177 346 (1,1)	147 347 (1,1)	172 022 (1,3)	45 533 (3,4)
---------------	---------------	--------	------------------------	------------------------	------------------------	------------------------	------------------	-----------------	---------------------	---------------------	---------------------	-----------------

*1.Количество кишлаков указано по оценке до 1988 года.

2.Провинции даны по состоянию на лето 1985 года.

3.Численность и национальный состав приводятся на основе обобщенных данных афганских провинциальных статистических органов, представленных в центральные органы ДРА.

Приложение 3.

Распределение мужского и женского населения Афганистана по группам (оценка 1982 г., в млн. чел.)*

Группы населения	1980	1981	1982	1982 г. в процентах к:	
				1980	1981
Общее население страны, в том числе:	15,9	16,25	16,61	104,5	102,2
мужчины	8,19	8,37	8,56	104,5	102,3
женщины	7,71	7,88	8,05	104,4	102,2
Оседлое население, в том числе:	13,4	13,75	14,11	105,3	102,2
мужчины	6,89	7,07	7,26	105,4	102,7
женщины	6,51	6,68	6,85	104,2	102,5
Городское население, в том числе:	1,07	2,17	2,31	111,6	106,4
мужчины	1,08	1,13	1,21	112,0	107,1
женщины	0,99	1,04	1,10	111,1	105,8
Сельское население, в том числе:	11,33	11,58	11,8	104,1	101,9
мужчины	5,81	5,94	6,05	104,1	101,8
женщины	5,52	5,64	5,75	104,2	101,9
Кочевники, в том числе:	2,5	2,5	2,5	100,0	100,0
мужчины	1,3	1,3	1,3	100,0	100,0
женщины	1,2	1,2	1,2	100,0	100,0

* Источник: Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361 (март 1982 – март 1983). Кабул, 1983. – С.40. – На языке дари.

Приложение 4.

Социальная структура сельского населения Афганистана и размеры земельной собственности (к началу 1978 г.)*

№ пп	Группы населения	Кол-во семей (тыс.)	Процент от всего сельского населения	Процент от всех землевладельцев	Размеры земельных наделов (га)	Общая площадь землевладений	Процент обрабатываемых земель
1.	Землевладельцы-малеки, в том числе:	80	3,4	5,0	10 и более	3555	45,0
	крупные	22	1,0	1,4	20,1 – 1000 и более	1454	18,4
	средние	58	2,4	3,6	10,1 – 20	2101	26,6
2.	Крестьяне, в том числе:	1900	79,6	95,0	–	–	–
	крестьяне-землевладельцы	1520	63,7	–	0,1 – 10	4354	55,0
	зажиточные крестьяне	192	8,0	12,0	4,1 – 10	1580	22,0
	крестьяне-середники	192	8,0	12,0	2,1 – 4	790	10,0
	малоземельные крестьяне	1136	47,7	71,0	0,1 – 2	1975	25,0
	безземельные крестьяне						

	(батраки, поденщики, сезонники, отходники, ремесленники, кустари и т. п.)	около 380	15,9	–	–	–	–
3.	Скотоводы-кочевники и полуко- чевники	400	17,0	–	–	–	–
Итого:		2380		100,0	–	7900	100,0

* Подсчитано по: Справка о предварительных итогах развития сельского хозяйства ДРА за 1978 г. (подготовлена группой советских советников министерства сельского хозяйства и земельной реформы ДРА). – Кабул, 1978 (машинописный текст); Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. – М.: Мысль, 1973. – С. 60; Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества // Парчам. – 1968. – 29 июля, 5 и 12 августа; Кармаль Б. Феодалные малеки – классовый враг народа Афганистана // Парчам. – 1968. – 2 мая

Приложение 5.

Краткие биографические справки о видных религиозных деятелях Афганистана

Семья Моджаддеди. Ведет свою родословную от Омара Фарука, второго из «праведных» халифов (634-644 гг.) в Арабском халифате. Имея в виду эту свою генеалогию, она называет себя «Фаруки» (слово «фарук» в переводе с арабского означает «поборник справедливости»).

Семья «Фаруки» считает одним из своих видных предков Шехаб уд-Дин Фаррохшаха, похороненного в Панджшере, к северу от Кабула. Принадлежавший к этому роду имам Рафи уд-Дин уехал из Кабула в Сирхинд (Индия). От его внуков, как пишет афганский историк Абдулхай Хабиби, происходит шейх Ахмад Моджаддед алф-и сани бен маулана Абдул Ахад (в исторической литературе он часто встречается под именем Ахмада аль-Фарруки Сирхинди, родившийся в Сирхинде в 1564 году (по другим данным, в 1562 г.) и принадлежавший в 28 колена к потомкам Омара Фарука (данное ему прозвище «Моджаддед алф-и сани» означает «обновитель второго тысячелетия»; в последующем потомки Ахмада Моджаддеда, унаследовав это прозвище, стали называть себя «Моджаддеди»). Современное поколение Моджаддеди считает его «гордостью рода». Образование он получил первоначально в доме отца, видного религиозного деятеля и купца Абдул Ахада, а затем в духовной школе в г. Сиалкоте (Индия). Его перу принадлежат пояснения к Корану, написанные совместно с религиозным ученым Фейзи, несколько книг по вопросам мусульманской веры и историческое исследование об окружении Мешхеда правителем государства Шейбанидов Абдуллоу-ханом II. В 1599 году он переехал в Дели, где стал последователем известного проповедника-суфия Хаджи Мухаммада Бакибиллаха (ум. в 1604 г.). Чуть позже, основав самостоятельную ветвь суфийского ордена накшбандий (накшбандий-моджаддедий), Ахмад Моджаддед приобрел широкую религиозную известность среди своих приверженцев не только в Индии, но и в Афганистане, Средней Азии, Турции, а затем в Йемене, Хиджазе и Египте. Проповедуя свое учение (вахдат аш-шухуд), он стремился ввести его в русло ортодоксального ислама, соединить шариат и суфизм. Его деятельность, однако, не ограничивалась лишь религиозной сферой. Он, опираясь на свой орден, активно вмешивался в политическую жизнь государства Великих Моголов. Будучи по своим взглядам суннитом-традиционалистом, он выступал против религиозной реформы падишаха Акбара, пытавшегося ввести в стране новую государственную религию «дин-и илахи» («божественную веру»). При преемнике Акбара – его сыне Джахангире – с целью оказания давления на последнего и упрочения своего положения Ахмад Моджаддед внедрил в шахскую армию своего осведомителя шейха Бади аль-Рафаи и с его помощью, под прикрытием духовного руководства в войсках организовал ряд интриг, за что был подвергнут тюремному заключению, после чего вскоре, в 1625 году (по другим данным, в 1624 г.), умер.

В XVII-XIX вв. многочисленные представители Моджаддеди обосновались в Кабуле, Кандагаре, Пешаваре, Дели, Яркенде (ныне на территории Синьцзяна в Китае) и других местах. Из этой семьи вышло немало видных богословов, писателей, поэтов. При Садозайской династии (1747-1818 гг.), будучи тесно связанными с дворами афганских шахов, Моджаддеди оказывали большое влияние на политику, культуру и общество. Среди них особой известностью и авторитетом пользовались такие религиозные деятели и поэты, писавшие на дари, как шестой потомок Ахмада Моджаддеда – Гулям Мохи эд-Дин Моджаддеди, его дядя Шах Гулям Мухаммад (принадлежал к семье кандагарских Моджаддеди; ум. в 1765 году в Пешаваре), Шах Сафиулла (1743-1798 гг.; по прозвищу – Сафи), Шах Фазльулла (1771-1823 гг.), Мухаммад Хасан бен Абдурахман и другие. Писали стихи на дари и дед кабульских хазратов Шур Базар – Шах Абдул Баки (по прозвищу – Баки; ум. в 1870 г.), его сын Гуляр Омар (известный под именем Омар; ум. около 1873 г.) и Мир Ахмад Азхар, один из хазратов Пешавара и Бадахшана (1792-1853 гг.).

В 1892 году одна из ветвей клана Моджаддеди (Сафи аль-Хусейн) переехала из Сирхинда в Кабул и поселилась в районе Шур Базар (отсюда и происходит их прозвище – «хазраты Шур Базар»). Позже она обосновалась на западной окраине Кабула, в Калаи Джавад. Здесь же находится их семейная гробница с далеко видимым куполом.

По широко распространенной версии, достоверность которой вряд ли можно оспаривать, это переселение семьи Моджаддеди в Кабул явилось тайной операцией англичан, стремившихся путем использования религиозного авторитета потомков хазрата Ахмада Моджаддеда укрепить свои позиции внутри Афганистана и обеспечить, насколько это возможно, реализацию своих агрессивных замыслов в отношении этой страны. Последующая история, впрочем, дала много примеров, подтверждающих указанную версию.

Прибыв в Афганистан, Моджаддеди сразу же включились в политическую и религиозную жизнь страны и вскоре выдвинулись на первое место среди афганского духовенства. Они распространили свое влияние на население обширного района к югу, юго-западу и востоку от Кабула. Особенно много последователей, в том числе мюридов, Моджаддеди приобрели среди пуштунов, в частности среди гильзайско-

го племени сулейман-хель. Возвышению этой семьи способствовало установление ею брачных союзов с рядом влиятельных афганских фамилий. Она породнилась также и с членами династийского рода, предпочитая при этом женить своих сыновей на их дочерях.

За время жизни в Афганистане Моджаддеди стали обладателями огромной недвижимой собственности, включающей землю, сады, лесные угодья, жилые и административные здания в Кабуле, Пагмане, Газни, Кандагаре, Гардезе, Хосте, Логаре, Лагмане, Нангархаре, Кунаре. Только в уезде Дехи-Сабз (близ Кабула) они владели почти 3 тысячами джеривов плодородной земли. Им принадлежали также многие мечети, мазары и медресе. Еще в 30-х годах XX в. по личному разрешению Надир-шаха они открыли в Калаи-Мостауфи (провинция Газни) медресе под названием «Нур аль-мадарес» («Свет среди медресе»), получив при этом ряд существенных привилегий, а именно: освобождение учащихся медресе от воинской повинности, право на непосредственное управление медресе членами семьи хазратов без какого-либо вмешательства правительства в ее дела и право собирать пожертвования по своему усмотрению, в любом районе страны, а также получать их из-за рубежа. Эту религиозную школу Моджаддеди любили преподавать как «исламский центр просвещения», хотя на деле она была призвана решать другую, более важную для них задачу – готовить преданных им духовных лиц.

В политической истории Афганистана первых десятилетий XX в., пожалуй, трудно найти событие государственного значения, которое бы обошлось без активного участия в нем тех или иных членов клана Моджаддеди, прежде всего таких представителей, как глава клана (до 1928 года) Фазль Мухаммад Моджаддеди, имевший титул «шамс аль-машайех» («солнце среди шейхов») и прозвище «Фазли», его братья Фазль Омар Моджаддеди (имел титул – «нур аль-машайех» («луч света среди шейхов») и прозвище – Шер Ага, а также Лой хазрат или Хазрат Саибе бозорг; он был главой клана с 1928 по 1956 год) и Мухаммад Садек Моджаддеди (прозвище – Хазрате Шур Базар), а также сын шамс аль-машайеха – Мухаммад Моджаддеди (прозвище – Мияджан Моджаддеди).

Бурная общественно-политическая деятельность отдельных членов семьи Моджаддеди не всегда служила интересам только консервативных сил, как это нередко пишут. Справедливости ради надо признать, что в их биографии были также дела и поступки иного рода. Так, в начале XX в. Сахиб-заде Абдулла-хан Моджаддеди примыкал к движению конституционалистов, выступавших за проведение в Афганистане реформ и замену абсолютизма конституционным строем, за что был осужден и брошен в тюрьму. Немного позже, с началом младоафганского движения, в центре которого стал принц Аманулла-хан, ему отдал поддержку находившийся в то время за рубежом влиятельный представитель клана Фазль Мухаммад Моджаддеди. В ходе третьей англо-афганской войны (1919 г.) он проявил себя в боях за крепость Тал. В это же время в Вазиристане отличился нур аль-машайех Фазль Омар. Эмир Аманулла-хан, признавая заслуги Фазль Мухаммада в борьбе за независимость, наградил его высшим афганским орденом. Отсюда не случайно, что прогрессивный афганский историк М.Г.М.Губар в книге «Афганистан на пути истории» назвал Фазль Мухаммада Моджаддеди «героем борьбы за независимость и патриотом Афганистана». Показателен и тот факт, что Аманулла-хан поручил короновать себя на престол его брату Фазль Омару (Шер Ага). Еще один член семьи Моджаддеди – Мухаммад Юсуф входил в руководство демократического движения «Виш зальмиян» в 1947-1952 годах.

Однако, когда эмир Аманулла-хан начал проводить прогрессивные реформы в стране, затронувшие власть и интересы духовенства и средневековые устои общественного устройства, шурбазаровцы, в том числе и старейший из них Фазль Мухаммад, встали во главе антиамануллистских сил и развернули в стране кампанию за отмену реформ под лозунгом «защиты ислама от еретиков». В 1924 году эмир Аманулла-хан вынужден был выслать из страны вместе с семьей ярого противника своих реформ Фазль Омара Моджаддеди за причастность к антиправительственному восстанию в Пактии. Последний, и будучи в изгнании в Британской Индии (Бомбе), продолжал антиамануллистскую деятельность. Хазраты Моджаддеди после разгрома восстания в Пактии усилили агитацию против режима младоафганцев, особенно во время длительной зарубежной поездки Амануллы (декабрь 1927 – июнь 1928 г.). Они называли Аманулла «кафиром» и «вероотступником». Их открытое выступление против правительства состоялось осенью 1928 года. Фактически с этого момента начались последние акты афганской драмы, завершившиеся падением режима Амануллы. В указанное время члены так называемой «группы хазрата Моджаддеди», в которую входили влиятельные сардары и религиозные деятели во главе с М.Садеком Моджаддеди, отправились в Пактию, чтобы внушить племенам, что «политика Амануллы противоречит шариату и интересам афганского народа», и подтолкнуть их к антиправительственному выступлению. Однако племена не поддержали подстрекателей. М.Садек Моджаддеди, его племянник М.Масум Моджаддеди и остальные члены группы были взяты под стражу и преданы суду. Коллегия военного трибунала приговорила всех к смертной казни. Однако Аманулла из уважения к заслугам шамс аль-машайеха Фазль Мухаммада Моджаддеди отменил смертный приговор в отношении М.Садека и М.Масума Моджаддеди, заменив его тюремным заключением. Но и в тюрьме они пробыли недолго: в начале декабря этого же года, когда мятежный Бачаи Сакао предпринял наступление на Кабул, они по приказу короля Амануллы были выпущены на свободу. Остальные же их сообщники не избежали казни.

Примечательной чертой Моджаддеди всегда было их умение тонко чувствовать складывающуюся политическую ситуацию, приспосабливаться к ней, извлекая при этом максимальную для себя пользу, и при любых обстоятельствах оставаться «непотопляемыми». Блестящие примеры этому дают события конца 20-х годов. В январе 1929 года, когда в Кабуле на троне все еще оставался законный монарх (Инаятулла), М.Садек Моджаддеди, явившись вместе с рядом других влиятельных лиц во дворец Баги-Бала к Бачаи Сакао, готовившемуся к штурму Кабула, скрепил своей подписью на Коране передачу власти последнему и признал его эмиром Афганистана. А накануне этого акта данная делегация посетила правительственные войска, оборонявшие столицу, поздравила их с отречением от престола короля Амануллы и

призвала солдат расходиться по домам, что они и сделали. Участь прежней власти таким образом была предрешена. Такую же роковую роль в переходе Герата в руки мятежников сыграли гератские Моджаддеди. Когда же трон Хабидуллы (Бачаи Саака) захватился, клан Моджаддеди отдал поддержку в борьбе за престол бывшему военному министру и послу Афганистана в Париже сардару Надир-хану. Еще в Британской Индии, где в полосе пуштунских племен он при покровительстве и содействии англичан собирал силы для похода на Кабул, к нему присоединился нур аль-машайех Фазль Омар Моджаддеди (Шер Ага), ставший к этому времени главой клана (его предшественник Фазль Мухаммад Моджаддеди умер незадолго до восстания 1928 года). На джирге, состоявшейся 16 октября 1929 года в Кабуле, представители знати, и в том числе нур аль-машайех и М.Садек Моджаддеди, предложили избрать Надир-хана шахом Афганистана. За оказанную помощь Надир-шах щедро вознаградил семью Моджаддеди. Нур аль-машайеху были пожалованы обширные земли в районе Калаи Джавад, его зять Фазль Ахмад Моджаддеди назначен министром юстиции (затем он стал председателем сената), а М.Садек Моджаддеди – послом в Египет. В целом во время правления династии Надира хазраты Шур Базар занимали лидирующее положение в Совете улемов, а также важные посты в кабинете, сенате, дипломатическом аппарате и в учебных заведениях. Так, в 50-60-х годах XX в. Мухаммад Хашим Моджаддеди (брат Мухаммада Ибрагима Моджаддеди; см. о нем ниже) являлся депутатом парламента (сената), где снискал себе славу антикоммуниста; профессор Гулям Хасаи Моджаддеди длительное время был деканом факультета литературы и гуманитарных наук Кабульского университета; Мухаммад Шаэб и Мухаммад Салех (племянники М.Ибрагима Моджаддеди) служили в афганском МИДе и посольстве Афганистана в Саудовской Аравии. Мия Хосейн Моджаддеди являлся президентом департамента заготовок продовольствия. Моджаддеди имели много своих сторонников и последователей в армии, особенно среди офицерской верхушки. Численность их мюридов ориентировочно составляла до 15 тысяч человек.

Влияние семьи Моджаддеди в стране заметно снизилось с приходом к власти в 1953 году М.Дауда в качестве премьер-министра, а затем (в 1973 г.) как президента страны. М.Дауд, будучи человеком глубоко религиозным, тем не менее крайне неприязненно относился к духовной элите, включая Моджаддеди, считая их агентурой Запада и реакционных кругов региона. Но главное, что обусловило его враждебное отношение к правым клерикалам, состояло в том, что последние не приняли его внутри- и внешнеполитический курс и оказывали открытое противодействие его реформам и преобразованиям, особенно в социальной сфере (снятие чадры, расширение светского образования, ликвидация института мулл в армии и т. д.). В качестве ответных мер на их противодействие М.Дауд бросил в тюрьму наиболее фанатичных и непримиримых из них, парализовал деятельность Совета улемов, который при нем, по существу, самораспустился, запретил членам семьи Моджаддеди выезд за границу. Однако при последующих правительствах Моджаддеди снова оказались «на коне» и активно подключились к общественно-политической жизни страны.

После смерти в 1956 году Фазль Омара Моджаддеди старшим в этой семье и главой клана являлся Мухаммад Ибрагим Моджаддеди (имел титул «зия аль-машайех», что в переводе на русский язык означает «светоч среди шейхов», и прозвище – Шер Пача и Хазрат Саиб). В январе 1979 года М.Ибрагим Моджаддеди и все находившиеся в Кабуле члены семьи (всего 21 человек) были расстреляны по приказу Х.Амина. С этого времени главенствующее положение среди оставшихся в живых членов данного клана занял Себгатулла Моджаддеди.

Себгатулла Моджаддеди родился в Кабуле в 1925 году. Его отцом был упоминавшийся выше Мухаммад Масум Моджаддеди. В 1948 году С.Моджаддеди уехал в Каир, где поступил в теологический университет Аль-Азхар и успешно окончил его. Здесь он познакомился с «верховным наставником» «Братьев-мусульман» Хасаном аль-Худайби и стал его последователем. В 1954 году С.Моджаддеди принял участие в неудавшемся покушении «братьев» на жизнь Гамаль Абдель Насера, за что был вместе со своим дядей, послом Афганистана в Египте М.Садеком Моджаддеди выслан из страны. Вернувшись в Афганистан, преподавал в Кабульском университете, лицеях Гази, Неджат, Истеклаль, высшем педагогическом училище и арабском педагогическом училище, а также был переводчиком в посольстве Саудовской Аравии в Кабуле. В 1960 году был арестован за причастность к организации покушения на членов советской правительственной делегации, прибывшей в афганскую столицу. После четырех с половиной лет тюремного заключения власти выслали его из страны на два года. В 1971 году по предложению короля Саудовской Аравии С.Моджаддеди был направлен в Данию в качестве муллы-имама копенгагенской мечети и руководителя финансируемого Ливией «Исламского центра для скандинавских стран». В 1977 году он обратился с просьбой к правительству Саудовской Аравии предоставить ему подданство этой страны. Вскоре его просьба была удовлетворена.

С.Моджаддеди враждебно встретил свержение монархии в Афганистане и приход к власти республиканского режима во главе с его давним недругом М.Даудом. Как показали материалы следствия по делу членов группы маулави Файзани, владельца книжной лавки-библиотеки в столичном районе Пули-Хешти, С.Моджаддеди возглавлял в указанной группе тайную военную секцию. «Наша борьба, – признавал он впоследствии, – приняла организованные формы именно со времен президента М.Дауда». После апрельской революции 1978 года С.Моджаддеди основал «Национальный фронт спасения Афганистана» (НФСА) и, как он сам считает, «был первым, кто объявил джихад» против «безбожного коммунистического правительства в Кабуле». Фетву на сей счет он опубликовал 12 марта 1979 года. Отряды НФСА к началу 90-х годов были немногочисленны (ориентировочно 8 тысяч человек) и действовали в основном в приграничной с Пакистаном полосе пуштунских племен, а также на севере страны – в провинциях Фарьяб, Кундуз и Тахар. Численность его мюридов составляет до 15 тысяч человек.

В 1989 году после вывода советских войск из Афганистана С.Моджаддеди возглавил в Пешаваре «афганское правительство в изгнании», которое, однако, вскоре распалось, так как не получило поддержки со

стороны ряда других организаций вооруженной оппозиции.

28 апреля 1992 года с переходом власти в руки моджахедов С.Моджаддеди занял пост временного главы провозглашенного Исламского государства Афганистан (ИГА). Он является сторонником создания в Афганистане исламского государства, однако с сохранением в нем сильных светских начал. В программном документе НФСА по этому поводу говорится следующее: «Фронт ставит своей задачей создание исламского общества на основах справедливости, равенства... соблюдения шура (совета) при управлении страной, обеспечения личной и социальной свободы в соответствии с основами ислама. Фронт никому не позволит установить самодержавную власть, личную диктатуру или партийную диктатуру... Фронт стремится к хорошим отношениям с соседями Афганистана и к устранению причин имеющихся с ними противоречий».

С.Моджаддеди вместе с руководителем организации «Движение исламской революции Афганистана» Мухаммадом Наби Мухаммади (мирид М.Ибрагима Моджаддеди) и лидером «Национального исламского фронта Афганистана» Сеидом Ахмадом Гилани составляли умеренное крыло афганской вооруженной оппозиции.

Учитывая сложную этнонациональную, религиозную, политическую и военную ситуацию в Афганистане, следует заметить, что в положении С.Моджаддеди как главы государства были существенные слабые стороны. Они заключаются прежде всего в том, что религиозный авторитет его и его семьи в целом ограничивается лишь отдельными районами страны и с ними соперничают за влияние в обществе другие, не менее почитаемые кланы. Далее, в его распоряжении не было сколько-нибудь значительных собственных вооруженных формирований. Кроме того, его семья не имеет в многонациональном обществе Афганистана своей этнической базы, на которую она могла бы опираться. Его родственники, арабы по происхождению, проживают, кроме Афганистана, в Пакистане, Саудовской Аравии, Ираке, Индии и в ряде других стран.

28 июня 1992 года в связи с истечением установленного Советом джихада двухмесячного срока его пребывания на посту главы государства С.Моджаддеди уступил это кресло Б.Раббани, лидеру Исламского общества Афганистана, однако остался членом Совета джихада.

С.Моджаддеди пользуется в исламских странах известностью видного ученого в области философии ислама. Это подтверждает его регулярное участие во многих исламских форумах в Саудовской Аравии (1972 г.), Ливии (1973 и 1975 гг.), Англии (1976, 1977 и 1979 гг.), США (1978 г.), Катаре (1979 г.) и т. д.

С.Моджаддеди является одним из самых богатых людей Афганистана. Перед революцией ему только в районе Кухдамана (к северу от Кабула) принадлежали 1818 гектаров земли, а в провинции Кабул – 32 виноградника и 8 мельниц. При Захир-шахе он был освобожден от уплаты налогов, а 95 крестьянских семей, работавших на него, – и от несения военной службы. Практически все вопросы в отношении этих крестьян – правовые, гражданские и уголовные – решал лично сам С.Моджаддеди. По афганским данным на 1983 год, он являлся владельцем созданной им в Пакистане «Моджаддеди гудз транспорт компани» с капиталом в 750 тысяч долларов, имел сотни тысяч долларов на своих счетах в «Арабском банке» в Цюрихе.*

* Источники: Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – Кабул, 1967. – С.719, 726, 739, 762-765, 783-784, 806-818, 826-832. – На языке дари; Хабиби, Абдулхай. Краткая история Афганистана. Т.2. – Кабул, 1970. – С.137-138. – На языке дари; Рошан. Двурешник в роли «моджахеда». – Кабул, 1361 (1983). – С.2-29. – На языке дари; его же. Банда ихванитов на службе империализма. – Кабул, 1361 (1983). – С.3-5, 13-14, 40-44. – На языке дари; Мослех. На перекрестке преступлений бандитов. – Кабул, 1361 (1983). – С.3-4. – На языке дари; Советская историческая энциклопедия. Т.12. – М., 1969. – С.930; Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С.187; Адаб. – 1966. – № 6. – С.112. – На языке дари; История Афганистана. – М.: Мысль, 1982. – С.234; Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии: Справочник. – М.: Наука, 1976. – С.200-201; Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. – М.: Наука, 1990. – С.58-60; Луния Б.Н. История индийской культуры с древнейших времен до наших дней. Перев. с англ. – М., 1960. – С.387 и 389; Новое время. – 1991. – № 47. – С.18; Известия. – 1992, 30 апреля; Ali, Mohammad. Progressive Afghanistan. – Lahore, 1933. – P.39-40; Dupree L., Albert L., eds. Afghanistan in the 1970 s. – New York: Praeger, 1974. – P.18-19; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – New Delhi: Sterling Publishers Private Limited, 1984. – P.142; Anwar R. Tragedy of Afghanistan. – London-New York: Verso, 1988. – P.150, 157; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham: Duke University Press, 1985. – P.219; Afghanistan: The Black Book of Counter-revolution. – Kabul, 1982. – P.10.

Семья Сеида Накиб Саиба Багдади (Гилани). Ведет свою родословную от Али бен Талиба, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммада, и называет себя «хусейни». Будучи арабской по происхождению, она считает себя непосредственными потомками Гаус аль-Азама Дастагира. До конца XIX в. они проживали в Багдаде и, занимая высокое руководящее положение в суфийском ордена кадирийя, основанном шейхом Абд аль-Кадиром аль-Гилани еще в XII в., имели своих миридов на Ближнем Востоке, в Афганистане, Северной и Западной Африке (до сих пор среди мусульман широкой известностью пользуется одна из крупнейших в Багдаде мечеть-гробница шейха Абд аль-Кадир аль-Гилани, умершего в 1119 году).

Англичане, стремясь использовать в своих интересах религиозный авторитет этой семьи, переселили в Бомбей одного из ее представителей – двадцатисемилетнего Сеида Хасан Ага. Перед этим он окончил в Англии полицейскую школу Скотленд-Ярда, где, наряду с другими дисциплинами, изучал и язык пушту. В Бомбее, но без стараний англичан, вокруг его имени был создан ореол «святости». Через афганцев, посещавших этот город по торговым делам, молва о «багдадском пире» дошла и до Афганистана. Через четыре года «пир» был перевезен в Кветту (центр Белуджистана, вблизи афганской границы), где в течение трех лет своего пребывания он значительно укрепил свое влияние муршида ордена кадирийя среди многих

пуштунских племен, прежде всего ачакзаев, нурзаев, какар и других и приобрел большое количество мюридов, став широко известным под именем «Накиб Саиба» («Господина предводителя»).

В 90-х годах XIX в. Накиб направил письмо эмиру Афганистана, в котором писал: «Этот факир («странствующий дервиш» – М.С.) хотел бы провести остаток жизни в Афганистане – обители ислама и под флагом ислама». Однако Абдурахман весьма подозрительно отнесся к данной просьбе, видимо, не без оснований полагая, что появление в Афганистане еще одного «пира» (к этому времени в страну уже переселилась семья Моджаддеди) могло бы еще больше осложнить религиозную обстановку в стране и усилить лагерь его (эмира) противников. В связи с этим эмир в ответном письме, с присущей восточному монарху витиеватостью посоветовал: «Прочитай ваше благословенное письмо-таракат (у суфиев «таракат» – одна из ступеней духовного совершенствования. – М.С.) и испытай счастье и блаженство. Однако относительно переезда вашей высочайшей особы должен сказать, что в настоящее время обстановка в стране беспокойная, и я считаю необходимым, чтобы вы оставались на прежнем месте до тех пор, пока она не нормализуется. Как только обстановка станет подходящей, я приму вас». Однако до конца своего правления Абдурахман так и не считал обстановку «подходящей» для переезда Накиба в страну.

После смерти Абдурахмана в 1901 году Накиб направил подобную же просьбу эмиру Хабибулле. На сей раз по совету влиятельных духовников-последователей «пира» новый эмир дал согласие. Вскоре Накиб, облаченный в роскошные одежды, верхом на богато украшенном слоне, в сопровождении военного и гражданского эскорта величественно въехал в Афганистан в районе к югу от Кандагара. Первоначально он поселился в Кабуле, но затем избрал местом своего постоянного проживания большую усадьбу с садом в окрестностях Джалалабада.

Накиб, по сведениям афганских источников, был тесно связан с дервишеским орденом малангов, снижавших в Афганистане недобрую славу курильщиков опиума и особенно чарса, называемого до сих пор «травкой маланга». Количество дервишей Накиба, которые предпочитают именовать себя «малангами пир саиба», предположительно в первые десятилетия XX в. достигало 7 тысяч человек. Они на протяжении всей афганской истории оставались в руках своих руководителей-пиров орудием борьбы против всего передового и прогрессивного в стране. Так, в 50-70-х годах, особенно в период пребывания у власти премьер-министра М.Дауда, они широко использовались для дискредитации и охаивания проводившихся «сверху» демократических преобразований.

В 1928 году Накиб косвенно содействовал восстанию в Нангархаре против младоафганского правительства, предоставив свой дом в Джалалабаде, как пишет М.Г.М.Губар, для размещения мятежных ханов племен кугиани и шинвари. Тогда же он отказался дать пристанище солдатам правительственных войск, в результате чего они были перебиты повстанцами у ворот его дома.

Семья Накиба имела родственные связи с представителями двора. К примеру, один из потомков пира (Шер Ака) был женат на племяннице Амануллы-хана (дочери сардара Абдул Баки). Накиб Саиб короновал Надир-шаха и Захир-шаха.

Преемником Накиба-старшего стал его сын, родившийся в Дамаске в 1901 году. Позже он получил турецкое подданство и стал именоваться «Афандиджан» или «Афандижан» (искаженная в соответствии с нормами языка дари турецкая форма обращения «эфенди»). С 1920 по 1925 год он учился в Германии, где в 1929 году женился на немке Марие Рихтер. От этого брака в 1931 году появился на свет Сеид Ахмад Гилани, которого его последователи называют ныне также «Пир Саиб», «Афанди Ага», «Афандиджан Ага», «Шейх Ахмад Гилани» (иногда в западной и российской печати его имя пишут как «Гейлани»).

В период монархии Сеид Ахмад Гилани имел близкие, дружеские отношения с королем Захир-шахом, являясь фактически его неофициальным советником. Тесная дружба связывала его и с премьер-министром того времени Мусой Шафиком.

Семья С.А.Гилани владела до революции крупными земельными наделами, садами и виноградниками в провинции Нангархар, Лагман, Пактия, Кабул и Гильменд, многими домами в столице и Джалалабаде. Ей принадлежат также роскошные виллы и апартаменты в Лондоне, Ривьере (Италия) и Пешаваре. С.А.Гилани вкладывал свои внушительные капиталы в торговлю и банки Афганистана, имел в Кабуле салон по продаже автомобилей французской фирмы «Пежо».

Будучи после смерти отца (при Захир-шахе) преемником духовного вождя ордена кадирийя, С.А.Гилани имеет своих последователей-мюридов, численность которых к началу 90-х годов оценивалась в 15 тысяч человек. Они проживают главным образом в приграничных с Пакистаном районах Пактия и Нангархара. Следует заметить, что в 50-70-х годах популярность семьи Накиба в афганском обществе заметно упала, что было связано с ее светским, далеким от установлений ислама образом жизни, пристрастиями к вину и роскоши. Эта тенденция сохранялась и в последующем. Один из афганских авторов, хорошо знавших С.А.Гилани, дал ему, как представляется, исключительно точную характеристику: «Если бы Афанди Ага, – писал он в 1978 году, – не увлекался охотой и интригами, а рядом с ним находились бы несколько умных советников, если бы его политика не была карьеристской, то вполне возможно, что он смог бы собрать 100-200 тысяч последователей. Но ныне большинство его последователей отошли друг от друга, сейчас их количество ограничивается несколькими тысячами и продолжает уменьшаться. Сам Афанди, человек твердый и спокойный, не любит длинных и резких разговоров. Но если он будет действовать так и дальше, то может растерять всех своих мюридов». В сложившихся условиях он, несмотря на авторитет духовного главы суфийского ордена кадирийя, не всегда получал необходимую политическую поддержку даже среди своих последователей. Кроме того, у него, как религиозно-политического деятеля, имеющего в своей родословной арабские и немецкие корни, отсутствует сильная этническая база в стране.

С.А.Гилани не принял государственного переворота 1973 года и республиканский режим М.Дауда, считая, что он (этот режим, как и впоследствии режим Н.М.Тараки) был «навязан народу». «Я пытался убедить его (т. е. М.Дауда. – М.С.) идти по нашему пути», – говорил С.А.Гилани в интервью одному ино-

странному корреспонденту, сокрушаясь по поводу отказа М.Дауда принять его советы. После апрельской революции 1978 года С.А.Гилани почти полгода (до октября 1978 г.) оставался в Кабуле и, как пишет хорошо осведомленный американский автор Бредшер Г.С., «в течение двух месяцев был советником Н.М.Тараки, поверив в обещанные реформы». В этом же году, уже будучи за пределами страны, он основал «Национальный исламский фронт Афганистана» (НИФА) для борьбы с «коммунистическим режимом Кабула». По данным на середину 1992 г., численность НИФА не превышала 8 тысяч человек.

С.А.Гилани придерживается умеренных взглядов по вопросам установления мира на афганской земле и будущей формы правления в стране. В 80-х годах он активно выступал за объединение моджахедов вокруг экс-короля Захир-шаха, хотя при этом он прямо не ставил вопрос о восстановлении монархии в Афганистане. В новом исламском правительстве, сформированном в апреле 1992 года, организация С.А.Гилани получила пост министра иностранных дел, который занял его племянник Сеид Сулейман Гилани. Сам же С.А.Гилани вошел в состав Совета джихада, высшего временного органа Исламского государства Афганистан. Среди других деятелей афганской вооруженной оппозиции С.А.Гилани всегда был для Запада более привлекательной политической фигурой, поскольку он не только не выступал против западных и либеральных влияний, но и открыто симпатизировал им.

С.А.Гилани высоко образован. Владеет четырьмя иностранными языками. Имея саудовский паспорт, он много ездит по миру с пропагандистскими и деловыми целями. Часто посещает Лондон, где живет его семья. Его сын Мухаммад Гилани принимал активное участие в деятельности созданного отцом Фронта.*

* Источники: Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – Кабул, 1967. – С.768 и 820. – На языке дари; Под видом пшеницы продает ячмень. Пир Сеид Ахмад Гилани. – Кабул, (1984). – С.1-25. – На языке дари; Мослех. На перекрестке преступлений бандитов. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). С.13-16. – На языке дари; Ульфат. Джихад и руки за кулисами. – Пакистан, 1979. – С.107-108. – На языке дари; Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С.126-127; Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – М.: Наука, 1976. – С.28 и 201; Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – М.: Наука, 1990. – С.60-61; Боровик А. Ничего особенного // Совершенно секретно. – 1990. – № 3. – С.18; Новое время. – 1991. – № 47. – С.18; Ковтунович О., Ходжаш С. Багдад. – М.: Искусство, 1971. – С.149; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – New Delhi: Sterling Publishers Private Limited, 1984. – P.141; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham: Duke University Press, 1985. – P.219; Afghanistan: The Black Book of Counter-revolution. – Kabul, 1982. – P.9, 11; The Forgotten War in Afghanistan // Congressional Record. – Extensions of Remarks. – 1981. – June 26. – E3274-3276.

Ахунд-заде Тагави (мулла Хамидулла-хан; имел титул – «фахр аль-машайех») («гордость среди шейхов» и прозвище – Мияголь) – видный религиозный деятель, суннит. Его многочисленные последователи проживали в районах Чарикара, Кухистана, Кухдамана, Карабага, Пули-Хумри, Кундуза и Ханабада. Немало его сторонников было в королевской армии, правительственном аппарате, Совете улемов, среди интеллигенции (например, при монархии бывший председатель кассационного отдела министерства юстиции Абдул Джалиль-хан, директор медресе шариатских богословов в г. Пагмане маулави Мухаммад Шах, секретарь Совета улемов маулави Шах Махмуд). Владел обширными землями, которые сдавал в аренду крестьянам. Он содержал на свои средства в Тагао духовную школу (медресе) на 400 мест.

Ахунд-заде принадлежал к числу тех консервативных улемов, которые в 20-х годах XX в. не только решительно отвергали реформы Амануиллы-хана, но и призывали к прямой расправе над ним, утверждая, что «шах является безбожником (кафиром) и проклят «Всевышним». В связи с этим заслуживает внимания признание самого предводителя мятежников Бачаи Сакао, которое он сделал, уже будучи эмиром, на одном из вечерних придворных собраний: «По возвращении на родину (из бегов в Британскую Индию. – М.С.)... я отправился в Тагао. Там меня вызвали к себе генерал Гулям Мухаммад-хан Тагави (дядя принца Инаатуллы-хана) и Ахунд-заде из Тагао (мулла Хамидулла-хан) и научили, как убить Амануиллу-хана. В помощь мне они назначили несколько ханов из Парвана». В период антиправительственного мятежа 1928 года Ахунд-заде вместе с другими муллами северных провинций активно поддерживал Бачаи Сакао и пользовался защитой его людей.

При династии Надира Ахунд-заде выступал против печатания изображения короля на деньгах, чем подорвал доверие к себе в дворцовых кругах. В 50-60-х годах он поддерживал М.Дауда и пытался при его содействии занять главенствующее положение в религиозных кругах, однако в борьбе с хазратами Шур Базар потерпел поражение.*

* Источники: Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.808, 816, 822; Stewart R.T. The Fire in Afghanistan. 1924-1929. – New York, 1973. – P.416; Ali, Mohammad. Progressive Afghanistan. – P.28-29.

Гератские святые (хазраты) Кярих считают себя потомками Омара Фарука, одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммада. Через Фазль Ахмада Моджаддеди они связаны родственными узами с кабульскими Моджаддеди. В Герате семья Кярих появилась в период распада империи Тимура. Имели земли и многочисленных последователей в районах Герата, Фараха и Баламургаба.

В начале 1929 года хазраты Моджаддеди из Герата и другие влиятельные лица спровоцировали бунт местного гарнизона и этим обеспечили захват города сторонниками Бачаи Сакао (см. об этом: Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.830).

Халифа Казаль Айяк является духовным руководителем пуштунских переселенцев на севере Афганистана (районы Акчи, Шибиргана и др.). В период мятежа Бачаи Сакао перешел на его сторону и вместе со своими последователями поддерживал мятежную власть в северных провинциях страны. Крупный собственник земли. Его взгляды по вопросам развития страны всегда отличались крайней реакционностью (см.

об этом: Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.817).

Ахунд-заде Муса Логари пользовался религиозным влиянием в основном в пределах провинции Логар. Считался одним из наиболее благочестивых представителей улемов. Имел свой приход (мечеть и мазары). Был членом Совета улемов, однако заметным авторитетом в нем не располагал.

Сеид Моктада Саиб – известный религиозный деятель, проживавший в Пакистане, в нескольких километрах от афганской границы. Его влияние на пуштунское население южных районов Афганистана, авторитет и вера в его «чудотворную силу» были безграничны. К примеру, только в результате его личного вмешательства был приостановлен в 1968 году вооруженный конфликт между племенами джаджи и мангал, в то время как все попытки правительства и шаха сделать это с помощью армии и путем переговоров с племенной верхушкой оказались тщетны. Память о нем в народе живет до сих пор.

Семья Сеида Каяна возглавляет многочисленную секту исмаилитов в Афганистане. Ее приверженцы проживают преимущественно на северо-востоке страны – в провинциях Баглан, Бадахшан, Лагман и Кунар, а также в Бамиане, Герате, Балхе. Одним из самых популярных руководителей секты исмаилитов был Сеид Надер Шах Каяни (более известен под именем Сеида Каяна). За активную религиозную пропаганду, отстаивание прав приверженцев своей секты и неподчинение властям несколько раз сидел в тюрьме, а последнее время перед смертью (в 1971 году) находился под домашним арестом в своем особняке в Кабуле. Основное место пребывания главы секты – долина Каяна (южнее Пули-Хумри). С 1971 года главой секты являлся его сын Сеид Мир Бахадур Шах Надери, до 1973 года депутат нижней палаты парламента от района Доши (расстрелян по приказу Х.Амина в 1979 году).

В 80-90-х годах главой секты являлся Сеид Мансур Надери. Его младший брат Сеид Саади Надери во второй половине 80-х годов занимал пост заместителя председателя Центрального совета Национального фронта Республики Афганистан, а в 1988 году был избран депутатом нижней палаты парламента. После 1980 года семья Саида Каяна тесно сотрудничала с центральными властями и оказывала им помощь и поддержку в борьбе против вооруженной оппозиции. Во второй половине 80-х годов под непосредственным руководством Сеида Мансура Надери были созданы дивизия и три полка иррегулярных войск, которые активно использовались в охране северного фаса дороги через Саланг. Весной 1992 года вооруженные формирования исмаилитов вошли в коалицию с генералом А.Дустомом и другими военными и политическими группировками на севере страны и создали здесь обширную по территории зону относительного мира. После 1996 г. исмаилиты, входя в состав Северного альянса, вели упорную борьбу против движения «Талибан».

Приложение 6. Политические портреты

Мухаммад Дауд вошел в историю Афганистана XX в. как один из выдающихся государственных и политических деятелей. Он родился в 1908 году в Кабуле, в семье сардара (князя, принца) Мухаммада Азизхана, младшего брата (по отцу) будущего короля Афганистана Мухаммада Надир-шаха. Все они принадлежали к династийному мухаммадзайскому клану Яхьяхель. [1] М.Дауд начальное образование получил в Кабуле, в элитарном лицее «Хабибия», где преподавание велось на английском языке. В 1922 году он был отправлен в Париж для продолжения среднего образования. После завершения учебы во Франции возвратился на родину и занял ответственный пост в министерстве иностранных дел. Через год поступает на учебу в кабульское Военное училище и успешно заканчивает его. Получив офицерское звание, направляется в качестве армейского командира в Южную провинцию (Пактию), а затем в Кандагар, в так называемый «Организационный комитет», который занимался проведением реформ и реорганизацией аппарата в провинции. Некоторое время спустя М.Дауд получает пост председателя Организационного комитета в Южной провинции. Через год, в 1939 г., он возвращается в Кабул и назначается командующим войсками столичного гарнизона и одновременно начальником Военного училища. На этих постах он остается почти семь лет. В 1946 году в правительстве Шах Махмуда он занимает кресло министра внутренних дел, а в следующем году направляется на дипломатическую работу в качестве посланника Афганистана в Париже и, по совместительству, в Швейцарии и Бельгии. По возвращении в Афганистан в 1948 году снова входит в кабинет Шах Махмуда, но на сей раз уже в качестве министра национальной обороны. [2]

В 1951 году, в разгар оппозиционного буржуазно-демократического движения в Афганистане, из-за разногласий с Шах Махмудом М.Дауд уходит в отставку с министерского поста и на время, не занимая никаких официальных постов, включается в общественно-политическую деятельность. Следует заметить, что он еще в 30-40-х годах начал разделять либеральные взгляды и группировать вокруг себя диссидентов внутри королевской семьи, в противовес ее консервативному клану во главе с дядей короля – маршалом Шах Вали. В конце 40-х годов М.Дауд создает при щедрой финансовой помощи крупного афганского бизнесмена и банкира Абдул Маджида Забули так называемый «Национальный пуштунский клуб» («Мелли пуштун клуб»), надеясь в его рамках сплотить вокруг себя политически активные национально-патриотические элементы, оппозиционные правительству Шах Махмуда из числа элитарной интеллигенции, чиновничества, дворцовой аристократии и недовольного офицерства. И это ему удалось. В числе его сторонников оказались не только националистические, пропуштунски настроенные лица, но и приверженцы левых взглядов. Среди них были, в частности, Н.М.Тараки, Б.Кармаль и др. «Оппозиционная» деятельность Клуба, ориентированная в основном на критику и ослабление позиций правительства Шах Махмуда, заметно повысила авторитет М.Дауда как сторонника модернизации страны в соответствии с настроениями прогрессивно мыслящей афганской общественности.

В сентябре 1953 года, в условиях продолжавшейся нестабильности внутривнутриполитической ситуации в Афганистане и явной неспособности правительства Шах Махмуда найти выход из экономических неуря-

диц, король Захир-шах поручает своему двоюродному брату и зятю М.Дауду [3] сформировать правительство. Наряду с постом премьер-министра, М.Дауд берет на себя также исполнение функций министра национальной обороны. С этого времени он становится на целую четверть века самой влиятельной, ключевой фигурой на афганском государственном олимпе.

М.Дауд представлял собой новое поколение афганских политиков-прагматиков из числа дворцовой аристократии, пришедшее на смену правивших страной почти четверть века премьеров – дядей короля. Он провозгласил так называемую «политику руководимой (направляемой) экономики», призванной облегчить и ускорить капиталистическую эволюцию страны путем активного вмешательства государства в экономическую жизнь, широкого использования иностранной помощи и предоставления национальному капиталу, в том числе мелким и средним предпринимателям, благоприятных возможностей для участия в развитии экономики и производительных сил. М.Дауд, кроме того, обещал реформировать отжившую систему политических институтов и демократизировать общественную жизнь, облегчить положение широких трудовых слоев населения. Данная часть программы нашла благоприятный отклик в кругах демократической оппозиции, которая поспешила отдать ему свою поддержку. В Афганистане в связи с этим наступил период временного, относительного затишья в открытой внутривнутриполитической борьбе, продолжавшийся до начала 60-х годов.

С именем М.Дауда было связано почти целое десятилетие (1953-1963 гг.) впечатляющего, по масштабам Афганистана, экономического развития страны, сравнимого по своей политической значимости, пожалуй, лишь с первым десятилетием (1919-1929 гг.) независимого афганского государства, когда им правил король-реформатор Аманулла-хан. Для М.Дауда в этот период приоритетными, наряду с экономикой, стали также создание сильных афганских вооруженных сил и агрессивные подходы к решению пуштунской проблемы.

Приступая к реализации планов по преодолению вековой отсталости страны, М.Дауд отчетливо понимал, что Афганистан при его крайне ограниченных внутренних финансовых ресурсах не может обойтись без широкой внешней финансовой и технико-экономической помощи. Поэтому его правительство, придя к власти, сразу же приступило к ее поискам и на Западе, и на Востоке. Однако западные страны, прежде всего США, обусловили предоставление этой помощи политическими требованиями, совершенно неприемлемыми для независимого афганского государства. В этих условиях М.Дауд вынужден был обратиться за такой помощью к Советскому Союзу и странам Восточной Европы, которые не обусловили ее предоставление никакими политическими или иными уступками с афганской стороны.

Деятельность М.Дауда в качестве премьер-министра пришлась на годы «холодной войны», что не могло не найти отражения во внутренней и внешней политике его кабинета. Оказавшись между двух противоборствующих идеологических систем, он с присущей ему восточной прозорливостью первоначально стремился найти и с той, и с другой стороны добрые, одинаково дистанцированные от них, выгодные для Афганистана отношения. Однако уроки жизни заставили его держаться ближе к советскому берегу, правда, не причаливая к нему.

В даудовском крене в сторону социалистического лагеря немалую роль сыграли негибкие, недалеко-видные, пренебрежительно-барские, а порой грубые и оскорбительные подходы американской дипломатии к Афганистану того времени и лично к Дауду. Это вынужден был впоследствии признать высокопоставленный сотрудник госдепартамента США, бывший работник американского посольства в Кабуле Леон Б. Пуллада. По его, заслуживающему внимания, яркому свидетельству, американский посол в Афганистане Энгус Уорд «презирал Дауда, считая его хитрым, ненадежным и безрассудным», а «резидент ЦРУ в Кабуле, пользовавшийся большим влиянием на Уорда, отличавшийся фривольным поведением, большим пристрастием к спиртному и наклонностями авантюриста с пистолетом за поясом и воображавший себя таким Лоуренсом Афганистана, плел заговоры вместе со своими пакистанскими коллегами и диссидентами из королевской семьи, чтобы «дестабилизировать» даудовский режим». [4] Такие действия резидента ЦРУ не были некоей шалостью отбывшегося от рук, своевольного пропойцы с ковбойскими замашками, как склонен был объяснять это профессор Л.Пуллада, а полностью вписывались в официальный курс американской администрации в отношении Афганистана.

М.Дауд был хорошо осведомлен об истинных мотивах действий и намерениях США на афганском направлении. При этом он никогда не терпел каких-либо унижений и оскорблений в свой адрес, от кого бы они ни исходили, и платил своим обидчикам тем же. Когда в начале 1956 года Э.Уорд в прощальной беседе в связи со своим отъездом из страны начал в назидательном тоне рекомендовать Дауду отказаться от советской технико-экономической и военной помощи, последний резонно напомнил собеседнику об отказе США предоставить Афганистану такого рода помощь и решительно отменил высокомерные советы, расценив их как проявление «американской истерии». [5] Более того, Дауд нередко весьма негативно оценивал некоторые аспекты американской помощи, в частности несовершенство проекта и неэффективность функционирования Гильмендской оросительной системы, построенной американской компанией «Моррисон-Надсен». По словам М.Дауда, этот объект стал в Афганистане «памятником позора США». Из всего сказанного вытекает, что антиамериканизм М.Дауда во многом был спровоцирован самими американцами.

Как бы там ни пытались недруги М.Дауда и внутри страны, и за рубежом представить его «красным принцем» или, более того, безоговорочно зависимым от русских деятелем, который «вручил Советам всю культурную, политическую и экономическую жизнь афганцев», [6] в действительности же он, будучи подлинным патриотом своей страны, проводил последовательно и неуклонно сугубо самостоятельную, отвечающую национальным интересам страны внешнюю и внутреннюю политику и не являлся ни просоветским деятелем, ни, тем более, «красным». При этом объектом его особой заботы и внимания была пуштунская проблема. Она для него представлялась делом чести, национального достоинства и патриотиче-

ской обязанностью. С ней, в конечном итоге, был связан его огромный политический авторитет по обе стороны афгано-пакистанской границы. Официально и М.Дауд, и его правительство всегда выступали в поддержку национально-освободительной борьбы зарубежных пуштунов, исходя из формулы непризнания Пуштунистана частью Пакистана без согласия на то самих пуштунов. Вопрос о полной независимости Пуштунистана, и это следует особо подчеркнуть, в открытой, официальной, форме ни М.Даудом, ни другими афганскими государственными лицами не ставился.

Однако, надо признать, М.Дауд не исключал и силового решения пуштунской проблемы. Более того, он предпринимал конкретные шаги с тем, чтобы подготовить необходимые условия для объединения всех братьев-пуштунов в рамках единого афганского государства. Автор этих строк, работавший в те годы в Афганистане в составе группы советских военных специалистов, не раз был свидетелем обращений М.Дауда к советской стороне в ходе закрытых официальных и неофициальных переговоров и бесед с просьбой об оказании Афганистану советской советнической помощи по вопросам организации и ведения партизанской войны на территории Пакистана, в районах проживания пуштунских племен. М.Дауд при этом не скрывал, что он намерен этими действиями заставить пакистанский режим при решении пуштунской проблемы принять условия Кабула.

Советская сторона на всех этапах постановки данного вопроса решительно отказывалась от какого-либо участия в подобного рода замыслах. С целью отговорить М.Дауда от этой авантюры в октябре 1961 года в Кабул прибыла высокопоставленная советская военная делегация во главе с Маршалом Советского Союза В.Д.Соколовским. М.Дауду было прямо заявлено, что его ставка на силовое решение пуштунской проблемы бесперспективна и что попытки провоцирования партизанской войны на территории Пакистана, члена военно-политического блока СЕАТО, неизбежно приведут к втягиванию Советского Союза в широкую масштабную войну в регионе, чреватую перераста в третью мировую войну. М.Дауду было категорически отказано в его просьбе организовать с участием советских преподавателей курсы по обучению афганских офицеров методам, формам и способам ведения партизанской борьбы с учетом опыта Великой Отечественной войны и географического своеобразия региона.

В связи со сказанным представляются досужим домыслом в духе приснопамятной «холодной войны» утверждения американского автора Дж.Коллинза относительно целей визита маршала В.Д.Соколовского в Кабул. Коллинз, ссылаясь на донесения американского шпиона полковника О.Пеньковского, пишет, что Соколовский во время переговоров с афганским руководством якобы обсуждал вопрос «о возможностях посылки советских войск в Афганистан в соответствующее время для участия в совместных операциях против Пакистана». [7] В действительности ни М.Дауд и ни маршал В.Д.Соколовский такой вопрос вообще не ставили и не обсуждали.

И все же М.Дауд не внял советам советской стороны относительно опасности разжигания партизанской войны в Пуштунистане. В 1962-1963 годах по его указанию сюда был заброшен ряд диверсионных групп, одну из которых возглавил известный в афганских армейских кругах, авантюрист по натуре, майор-десантник Сафи. Эти группы, действуя под видом «национальных моджахедов Пуштунистана» («моджахедин-е мелли-йе Пуштунистан»), подрывали мосты, линии коммуникаций и важные хозяйственные объекты, совершали вооруженные нападения на пограничные посты и полицейские участки, убивали государственных служащих, привлекали в свои отряды местных жителей-пуштунов и т.п. Однако все их усилия особого успеха не имели. Разжечь огонь партизанской войны им не удалось, да вскоре и ушел в отставку сам ее инициатор. Примечательный факт: в марте 1963 г. столичная газета «Анис», сообщая об отставке М.Дауда с поста премьер-министра и публикуя на первой полосе его краткую биографию, поместила непосредственно под этим текстом (явно с намеком!) заметку о действиях «национальных моджахедов» в Пуштунистане, включавших подрыв моста, опор телефонных линий и нападение на пакистанский пограничный пост. Видимо, это были последние операции афганских диверсантов, так как после прихода к власти нового премьера их засылка в Пакистан была прекращена.

Находясь в течение многих лет на военной службе и будучи руководителем военного ведомства, М.Дауд завоевал искренние симпатии значительной части афганского офицерства, особенно в его среднем и старшем звеньях. Часто посещая войска, он был лично знаком со многими из них. Его последнее воинское звание – генерал-лейтенант. Большой популярностью он пользовался и в гражданской среде. Этому содействовали не только его энергичные меры по защите национальных интересов на международной арене, усилия по строительству в стране многих жизненно важных промышленных и инфраструктурных объектов, но и его кадровая политика. Он настойчиво выдвигал на важные гражданские и военные посты в центре и на местах молодых, деятельных и профессионально подготовленных лиц, не взирая на их социальное происхождение и положение. Одновременно М.Дауд без колебаний смещал или переводил на менее значимые посты бездейственных и слабо подготовленных представителей аристократии, вызывая этим в их среде недовольство и роптания. Как и следовало ожидать, приход разночинцев в сферу управления и власти заметно расширил социальную опору М.Дауда в обществе и во многом обеспечил ему решение поставленных им задач по ускорению экономического развития страны, реорганизации и модернизации вооруженных сил государства.

М.Дауд тонко чувствовал и улавливал общественные настроения и, как прозорливый политик, оперативно реагировал на них. В 1962-1963 годах в письмах, адресованных королю, он предупреждал династию о росте радикализма в кругах молодежи и интеллигенции и подчеркивал, что «народ устал», что сохраняющиеся в стране безграничные привилегии аристократии сдерживают общественное развитие. В связи с этим М.Дауд предлагал монарху установить в Афганистане режим парламентской демократии, в частности ограничить власть местных элит – этнических лидеров, ханов племен, религиозных авторитетов, ввести двухпартийную систему правления, подчинить правительство парламенту и оставить за королем лишь церемониальные функции. [8] Такая перспектива явно не могла устроить короля Захир-шаха. Впрочем, он

уже давно, наблюдая за ростом влияния и популярности в обществе своего энергичного двоюродного брата, не без основания опасался за судьбу трона. Подобного рода опасения испытывала и консервативно настроенная часть двора во главе с Шах Вали – Абдул Вали. Как свидетельствовали спецслужбы США, «некоторые члены королевской семьи называли его (М.Дауда. – М.С.) «бешеным принцем» и «говорили, что живут в страхе и не осмеливаются критиковать Дауда». [9] Все это, вместе взятое, обусловило негласное объединение против М.Дауда клана Шах Вали – Абдул Вали и умеренно-центристской группировки самого короля и его сына – наследного принца Ахмад Шаха.

В начале 60-х годов, несмотря на несомненные сдвиги в хозяйственном строительстве и осуществлении ряда социально-экономических преобразований в стране, четко обнаружили ограниченность внутренней политики правительства М.Дауда и, главное, его неспособность сколько-нибудь реформировать отжившую систему политических институтов и демократизировать общественную жизнь, облегчить положение трудовых слоев населения. Вследствие этого М.Дауд стал неумолимо терять поддержку среди либерально-буржуазных и прогрессивных кругов страны, составлявших, пожалуй, самую значительную для него социальную опору с момента прихода к власти в качестве премьер-министра. Недовольство его внутренней и внешней политикой выражали и те круги афганского общества, которые придерживались прозападной ориентации. Они резко критиковали правительство М.Дауда за ухудшение афганопакстанских отношений, ограничение торгово-экономических связей с западными странами, а также даудовскую политику вмешательства в экономику. В оппозиции М.Дауду находились и влиятельные клерикальные круги. Поводов к этому было немало. Он, оставаясь глубоко религиозным человеком, патологически не терпел духовную элиту страны, считая ее агентурой Запада и влиятельных религиозных кругов региона. Нередко он обрушивал на недругов-клерикалов жестокие репрессии. Так, в 1959 году в связи с выступлением духовенства против снятия женщинами чадры ряд мулл был повешен, глава клана хазратов М.И.Моджаддеди и некоторые другие брошены в тюрьму, наиболее ретивым духовникам был запрещен выезд за границу, распущен Совет улемов.

В итоге, лишившись поддержки «слева» и «справа», а также «сверху», М.Дауд вынужден был 3 марта 1963 года вручить королю Захир-шаху прошение об отставке, которую монарх принял через неделю, 9 марта.

Уйдя в отставку, М.Дауд отказался поддерживать какие-либо личные контакты с королем, хотя последний через свою сестру (жену М.Дауда) не раз пытался восстановить отношения с ним. Вместе с тем, М.Дауд не вел затворнический образ жизни. Его часто можно было видеть прогуливающимся без охраны вблизи от своего дома в Шахре-нау (район в центре Кабула, рядом с королевским дворцом), или за рулем автомобиля на улицах столицы и за ее пределами, или же в курортной зоне на берегу водохранилища Карга (близ Кабула), где он любил отдыхать. И повсеместно, где бы он ни появлялся, его оживленно приветствовали оказавшиеся там люди. Не утратил он своего авторитета и в армейской среде: его портреты продолжали висеть рядом с королем в казармах, штабных канцеляриях и кабинетах военачальников.

Хотя М.Дауд с уходом в отставку оказался под негласным надзором, он по-прежнему сохранял связи со своими сторонниками и потенциальными союзниками как в армейских, так и гражданских кругах. С первыми он поддерживал контакты, как правило, через свое доверенное лицо полковника Гулям Хайдара Расули, а со вторыми, в том числе и с представителями левого спектра, – через своего бывшего начальника канцелярии Мухаммада Хасан Шарка. Положение, однако, резко изменилось с принятием в конце 1964 года новой королевской конституции, по которой (статья 24) М.Дауд, как член королевской семьи, был законодательно лишен права заниматься политической деятельностью. [10] С этих пор его контакты со своими сторонниками приняли тайный характер. Видимо, уже в 1965 году в их среде созрел замысел относительно необходимости ликвидации монархии в стране, как отжившего института власти. Убежденность покончить с монархическим режимом окончательно укрепилась в начале 70-х годов, когда король и его правительство оказались совершенно неспособными вывести страну из жесточайшего внутреннего кризиса, вызванного двухлетними неурожаями сельскохозяйственных культур и огромным падежом скота из-за засухи и невиданных снежных зим. Именно в эти годы состоялись контакты между антимоноархической группировкой М.Дауда и молодой военной оппозицией, представленной леворадикальными элементами. Ими был в условиях глубокой конспирации разработан план государственного переворота.

В ночь с 16 на 17 июля 1973 года в Афганистане под руководством М.Дауда произошел антимоноархический переворот, восторженно встреченный подавляющим большинством населения страны. Ударной силой заговорщиков явилась армия, а точнее та ее часть, которую составляли представители леворадикальной оппозиции и патриотически и националистически настроенные офицеры – сторонники М.Дауда. Утром 17 июля в выступлении по кабульскому радио М.Дауд объявил о ликвидации в стране монархического режима и провозгласил рождение нового государства – Республики Афганистан. Сразу же после государственного переворота был создан высший руководящий орган страны – Центральный Комитет Республики Афганистан, в котором примерно половину мест получили леворадикальные элементы. М.Дауд был избран главой государства и премьер-министром, а чуть позже, с формированием правительства, занял еще и посты министра национальной обороны и министра иностранных дел.

23 августа, в день 54-й годовщины независимости страны, М.Дауд выступил по кабульскому радио с «Обращением к афганскому народу». Это было программное заявление нового, республиканского режима, отразившее в своей основе позиции и взгляды сложившейся к тому времени в центральных органах власти коалиции. В структуре, содержании, оценках и языке «Обращения», как уже отмечалось, четко прослеживалась «рука» левого окружения М.Дауда. В целом программа республиканского правительства, несмотря на определенную декларативность и расплывчатость некоторых формулировок, предусматривала широкие преобразования в социально-экономической и политической сферах и открывала для афганского общества обнадеживающие перспективы.

Некоторое время спустя после переворота М.Дауд начал поиски таких идеологических концепций, которые бы отразили происшедшие в стране перемены, способствовали объединению всех слоев и классов общества вокруг правительственных программ и обеспечили бы, таким образом, поддержку режиму. В итоге этих поисков появилась так называемая «народная и национальная теория революции», которая и составила официальную идеологию даудовского республиканского режима. Структура этой «теории» не была строго очерчена и в основном повторяла идеи, имевшие хождение при монархии: национализм, дух афганства и исторической пуштунской исключительности, ислам, демократия, основанная на законе, святость национальных традиций и обычаев, идеи патернализма и патриотизма, антиколониализм и антикоммунизм. Но были и новшества. Составным элементом государственной идеологии М.Дауд считал социализм. Правда, от социализма он заимствовал лишь его экономический аспект, дополняя его своими «национальными» и «исламскими» компонентами. Свое понимание социализма М.Дауд выразил в интервью корреспонденту агентства Танюг в феврале 1976 года: «Социализм, который мы избрали в качестве нашей экономической основы нового афганского общества, – говорил он, – фактически является средством достижения социальной справедливости, ликвидации классового неравенства и антагонизма позитивным, прогрессивным и мирным путем. Необходимо пояснить, что составными частями нашего социализма являются историческая реальность, национальная культура, объективные и субъективные условия существования нашего общества, а также дух подлинного ислама». [11]

Свержение монархии и намерение республиканского правительства провести в стране преобразования в экономике и политике и прежде всего аграрную реформу, а также усиление влияния левых в органах центральной и местной власти вызвали резкое противодействие правых консервативно-клерикальных кругов. Только за первые пять месяцев республики они организовали два крупных антиправительственных заговора, а в 1975 году подняли антидаудовское восстание в 11 провинциях страны. Все это, наряду с обвинениями в адрес М.Дауда о его смыкании с «безбожным коммунизмом» и просоветскими элементами, не проходили бесследно для правящей республиканской коалиции. Консервативно и националистически настроенные деятели в руководстве республики старались убедить М.Дауда в обоснованности требований правой оппозиции, неприемлемости для Афганистана социалистической ориентации и необходимости размежевания с левыми. Определенным катализатором процесса политического размежевания в республиканской коалиции являлись и сами входившие в нее левые радикалы. Упорно требуя от главы государства форсированного осуществления обещанных социально-экономических и политических преобразований, они вызывали его раздражение, нагнетали противостояние в руководстве республики и этим все больше изолировали себя от остальных членов правящего альянса.

С весны 1974 года М.Дауд начал чистку государственного аппарата от левых и демократических элементов и к началу 1977 года их практически не осталось ни в непосредственном окружении главы государства, ни на провинциальном уровне. Одновременно М.Дауд укреплял и расширял себе опору справа. С принятием конституции 1977 г. любая оппозиция в Афганистане была поставлена вне закона. Левые вынуждены были уйти в глубокое подполье. Таким образом, компромисс между национально-патриотическими, либерально-буржуазными и левыми, демократическими силами в правительстве М.Дауда не состоялся. Препятствием к этому явились не только общая неготовность к сотрудничеству различных течений и группировок бывшей антимонархической оппозиции, несхожесть их социально-классовых приоритетов, амбиции, предвзятость и непримиримость друг к другу, но и личность самого главы Республики Афганистан, стремившегося утвердить в стране авторитарную форму правления.

М.Дауд, всегда отдававший прежде приоритеты решению экономических проблем в стране, не был бы, конечно, Даудом, если бы на новом, республиканском этапе своей государственной деятельности не предпринял шагов по оздоровлению положения в промышленности, торговле, финансах и социальной сфере. Решая эти проблемы, он взял, в принципе, старую модель развития, опробованную им в 1953-1963 годах. Однако в условиях острой нехватки материальных и финансовых средств его республиканское правительство не смогло не только выполнить, но даже и приступить к реализации многих социальных и экономических программ, декларированных в «Обращении к афганскому народу».

Чрезвычайное неблагополучие в сфере экономики и тяжелейшее положение широких слоев населения заставили М.Дауда пойти на значительную корректировку внешнеполитического курса Афганистана, чтобы получить из-за рубежа необходимую финансовую и технико-экономическую помощь. Действуя по давно испытанному принципу одновременно «дойти нескольких коров» к своей экономической выгоде, М.Дауд начал активно развивать отношения с Западом и богатыми странами региона. Расширилось сотрудничество Афганистана с Соединенными Штатами Америки, Ираном, Египтом, Саудовской Аравией и другими странами. Большое внимание М.Дауд уделил нормализации отношений с Пакистаном. В качестве платы за мир и сотрудничество афганский лидер согласился признать линию Дюранда государственной границей между двумя странами. Данная уступка М.Дауда означала, по существу, его отречение от пуштунской проблемы, бывшей в течение второй половины XX в. постоянным яблоком раздора в афгано-пакистанских отношениях. Можно без преувеличения сказать, что этим своим опрометчивым шагом он лишил себя широкой национальной опоры, прежде всего среди пуштунского офицерства, и буквально в один миг утратил прежний, десятки лет сохранявшийся за ним ореол борца за права пуштунов по обе стороны линии Дюранда.

Смена ориентиров во внешней политике правительства М.Дауда была встречена афганской политизированной общественностью крайне неоднозначно: одни – всегда существовавшие в элитарных кругах Афганистана прозападное и проарабско-мусульманское лобби – приветствовали и поддерживали (правда, каждое по-своему) новшества во внешнеполитическом курсе республики, другие – левые демократы и пуштунские национал-патриоты – резко осудили отход от традиционной формулы решения пуштунской проблемы и сближение с Западом, расценив все это как предательство национальных интересов Афгани-

стана и зарубежных братьев-пуштунов, как сговор с империализмом.

Черту под противоборством между М.Даудом, с одной стороны, и левыми и национально-патриотическими силами, с другой, подвело вооруженное восстание армии 27 апреля 1978 года, непосредственно спровоцированное и приближенное самим М.Даудом. Оно явилось расплатой за его политическую непоследовательность и авторитаризм и не оставило ему никаких шансов на жизнь. Впрочем, если бы ему в этой борьбе удалось одержать верх, он бы, без всякого сомнения, сделал то же самое со своими противниками и не пожалел бы пуль для них. Ранним утром 28 апреля, предположительно в 4 часа, когда во дворец Гульхана прибыла делегация восставших с ультиматумом к М.Дауду сдаться, он открыл огонь из пистолета по парламентарам. В завязавшей перестрелке, кроме М.Дауда, были убиты 18 членов его семьи, [12] включая пятерых детей и его брата Мухаммада Наима.

М.Дауд был, безусловно, одним из выдающихся деятелей афганской истории XX в., много сделавший для ускорения «сверху» темпов буржуазных преобразований в стране и защиты ее национальной независимости и достоинства перед лицом неприкрытого вмешательства, шантажа и давления извне. Это была яркая, сильная и незаурядная личность. Автору этих строк при неоднократных встречах с ним в 60-х годах приходилось много раз убеждаться в его железной выдержке, воле и такте, подчеркнутом чувстве собственного и национального достоинства и чести (что особенно не нравилось западным дипломатам), целеустремленности и убежденности в своей правоте, безукоризненной логике мышления, широте кругозора, естественности жестов и поведения и типично восточной хитрости. Представляется, что он был честным человеком и, утверждая свою авторитарную власть и выдвигая программы преобразований для своей многострадальной страны, искренне верил, что таким путем вырвет ее из оков вековой отсталости и добьется процветания и блага для своего народа. Это стремление являлось лейтмотивом всей его жизни.

Вместе с тем, его отличали, как многих профессионалов-военных, излишняя прямолинейность, переход от одной крайности к другой, неумение или нежелание искать баланс сил в острой политической борьбе, особенно в периоды, когда развитие событий приобретало характер разрушительной бури. Он чаще предпочитал разрешать существовавшие и возникавшие проблемы и конфликты не с помощью уступок, компромиссов и разумного политического маневрирования, а волевыми методами, напролом, через использование грубой силы. Ему, как государственному деятелю, порой не хватало чувства реальности и здравого смысла в оценке внутривосточной ситуации и принятии ключевых решений, умения рассчитывать развитие событий на несколько ходов вперед. Эти его качества нашли убедительное воплощение в ужесточении и конфронтации с теми, кому он был обязан властью в начале 70-х годов, что, в конечном итоге, привело к трагической развязке, при которой какая-то из двух противоборствующих сил неизбежно должна была быть разгромлена и сойти с политической арены, если не навсегда, то, по крайней мере, на значительное время. Другой альтернативы, особенно после принятия конституции 1977 г., закрепившей авторитарную власть М.Дауда в стране, просто не оставалось.

Примечания

По утверждению афганских биографов семьи короля Надир-шаха, в ее генеалогическом древе слились две ветви – мухаммадзаев и садоаев. Одна, по отцовской линии, шла от основателя рода мухаммадзаев сардара Султана Мухаммад-хана, сына сардара Паинда-хана, а другая (садоайская), по материнской линии, – от Ахмад-шаха Абдали, создателя афганского государства в 1747 г. Надир-шах приходился Султану Мухаммад-хану правнуком. – См. об этом: Mohammad Ali. *Progressive Afghanistan*. – Lahore: Panjab Educational Electric Press, 1933. – P.73.

Анис. – 1963, 10 марта; см. тж: Ежегодник БСЭ. 1974. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С.606.

М.Дауд был женат на сестре короля Захир-шаха.

Poullada, Leon B. *Afghanistan and the United States: the Crucial Years // The Middle East Journal*. – Spring 1981. – Vol.35, № 2. – P.184.

Ibid.

Hayat Khan, Azmat. *The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham Parties in Afghanistan // Central Asia*. – Winter 1987. – Vol.28, № 21. – P.37; Dupree L. *Afghanistan*. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. – P.560.

Collins J.J. *The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy*. – Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1986. – P.23.

См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – М.: Наука, 1984. – С.34-35; Hayat Khan, Azmat. *The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham*. – P.38.

Актуальные проблемы афганской революции. – С.34-35.

Конституция Афганистана. – Кабул: Франклин Букс Програмс, 1 октября 1964. – С.14-15.

Джумхурият. – 1976, 25 августа.

Американский автор Л.Дюпре говорит примерно о 30 членах семьи М.Дауда, которые были убиты в перестрелке. См.: Dupree L. *Afghanistan*. – P.771.

Ватанджар, Мухаммад Аслам. Родился в 1946 году в д. Чуни (волость Мота-хан, уезд Зурмат, провинция Пактия) в семье пуштуна-гильзая Алам-хана. Начальное образование получил в школе своей родной деревни. С 1959 по 1965 год учился в военном лицее в Кабуле. В декабре 1968 года окончил столичное Высшее военное училище (Харби похантун) и получил звание лейтенанта. Танкист. Занимал различные командные должности в 4-й танковой бригаде, дислоцированной в Пули-Чархи (близ Кабула). Как актив-

ному участнику государственного переворота 1973 года, ему было досрочно, через одну ступень присвоено воинское звание старшего капитана. В апреле 1978 года, будучи майором, командиром танкового батальона 4 тбр, сыграл решающую роль в победе вооруженного восстания. Согласно плану вооруженного восстания, ему поручалось командование сухопутными войсками. Вечером 27 апреля в радиосообщении на языке пушту он от имени Военно-революционного совета вооруженных сил объявил о свержении режима М.Дауда.

С 1 мая 1978 года – заместитель премьер-министра, министр связи. Член Революционного совета ДРА. В июле в ходе развернувшейся острой борьбы в руководстве партии и государства был перемещен на должность министра внутренних дел. С 24 марта 1979 года – начальник Генерального штаба вооруженных сил Афганистана. На заседании Революционного совета ДРА, состоявшемся 27 марта, открыто выступил против Х.Амина, обвинив его в стремлении захватить в свои руки все руководство вооруженными силами, в использовании их для борьбы с внутрипартийной оппозицией, в широком применении войск с целью расправ над мирным населением. На указанном заседании Ревсовета утвержден был министром обороны. Одновременно продолжал исполнять обязанности начальника Генерального штаба. Был введен в члены вновь созданного Высшего совета обороны родины, а некоторое время спустя – и в члены Военного совета вооруженных сил Афганистана (в его состав входили шесть человек: Н.М.Тараки (председатель), Х.Амин (заместитель), Э.Вазири, М.А.Ватанджар, А.Сарвари и С.Д.Тарун). В связи с 1-й годовщиной Апрельской революции ему было присвоено звание подполковника. 27 июля 1979 года в результате интриг Х.Амина и усилившейся борьбы между ним и его противниками был смещен с поста министра обороны и возвращен на должность министра внутренних дел.

В начале сентября 1979 года М.А.Ватанджар вместе с С.М.Гулабзоем, А.Сарвари и Ш.Д.Маздурьяром в ультимативной форме потребовали от Н.М.Тараки полного устранения Х.Амина от власти. 13 сентября (за три дня до ареста Н.М.Тараки) М.А.Ватанджар был снят Х.Амином со всех постов. Перейдя на нелегальное положение, он сначала укрывался в советском посольстве в Кабуле, а затем вместе с А.Сарвари и С.М.Гулабзоем был тайно самолетом вывезен в Советский Союз (через Софию). Накануне ввода советских войск в Афганистан возвратился в страну.

В 1980-1988 годах – министр связи. Член президиума Революционного совета ДРА. В августе 1987 г. получил свое первое генеральское звание (генерал-майора). В 1987-1988 гг. – руководитель программы совместного советско-афганского космического полета. В августе 1988 года присутствовал при запуске космического корабля «Союз-ТМ-6» с советско-афганским экипажем. С 15 ноября 1988 г. – министр внутренних дел. С приходом к власти Наджибуллы в качестве президента страны стал его последовательным сторонником, что было расценено со стороны членов фракции Хальк как предательство ее интересов. 6 марта 1990 года в ходе подавления мятежа Ш.Н.Таная был назначен Наджибуллой министром обороны. На этом посту он оставался до апреля 1992 года. Ему было присвоено воинское звание генерала армии. 1 января 1981 года в числе первых был награжден введенным накануне боевым орденом «Красное знамя».

В НДПА вступил в 1973 году (входил в подпольную военную организацию Хальк, действовавшую в 4 тбр). С 1980 г. – член ЦК НДПА. 11 июня 1981 года на VI пленуме ЦК избран членом политбюро ЦК партии. На II съезде НДПА, состоявшемся в июне 1990 года, был избран членом Исполнительного бюро Центрального совета Партии Отечества.

По характеру был выдержанным, спокойным, в обращении с окружающими корректным, в экстремальных ситуациях хладнокровным и решительным. Хороший организатор. Владел языками пушту, дарии, и немного английским и русским. Женат, имел шестерых детей.

После падения режима Наджибуллы и перехода власти в руки моджахедов примкнул к Г.Хекматъяру, став его «почетным гостем», а затем эмигрировал в Россию. Вначале он вместе со своей большой семьей жил в Москве, не имея ни вида на жительство и ни средств для существования. Никто из представителей Министерства обороны России не захотел встретиться с ним. Преданный и оставленный прежними советскими «друзьями», он вынужден был, в конце концов, покинуть Россию и переехать на Украину, в г. Одессу. Здесь, в изгнании, М.А.Ватанджар, признанный герой и патриот Афганистана, искренний друг СССР, умер 24 ноября 2000 г., в возрасте 54 года.*

* Источники: Кто есть кто в мировой политике. – С.92; Гай Д., Снегирев В. Вторжение. – С.204-207; Сафрончук В.С. Афганистан времен Амина. – С.129-130; Биографическая справка о членах кабинета М.Х.Шарка. – С.22; Ды Афганестан каланы. – Раздел «Члены Совета министров ДРА»; Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1980. – № 2. – С.193; Материалы Общациональной конференции по национальному примирению. 18-20 октября 1987 г. – Кабул, 1987. – С.105-112; Анис. – 1978, 3 мая; 1980, 29 апреля; Кабул Нью Таймс. – 1981, 11 апреля; Красная звезда. – 1990, 23 марта и 23 июня; Известия. – 1990, 23 марта; Пейам. – 1990, 30 июня; Правда. – 1992, 9 мая; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.186; Независимое военное обозрение. – 2001, 12-18 января. – № 1 (223).

Кадыр. Абдул. Родился в 1934 году в провинции Гор в семье Мухаммада Акрама. По национальности – чараймак. Учился в военном лицее и военном училище в Кабуле. В 1971 году окончил Киевское высшее военное-авиационное училище. Боевой летчик.

В начале 60-х годов вошел в подпольную «Группу Максуди», объединявшую в своих рядах радикально настроенных офицеров ВВС. Был одним из активных участников государственного переворота 1973 года, в результате которого была свергнута монархия. Сразу же после переворота был назначен начальником штаба ВВС и ПВО, однако в 1974 году был смещен с указанного поста за открытое несогласие с кур-

сом режима М.Дауда и переведен на должность начальника Кабульского мясокомбината. В этом же году создал и возглавил самостоятельную от НДПА подпольную организацию по названию «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА), в которую вошли преимущественно офицеры и унтер-офицеры ВВС. Организация ставила своей задачей свержение режима М.Дауда путем подготовки и проведения силами армии вооруженного восстания. В 1977 году А.Кадыр был возвращен на должность начальника штаба ВВС и ПВО.

Принял участие и сыграл заметную роль в восстании армейских частей в апреле 1978 года. По плану вооруженного выступления, на него было возложено руководство частями ВВС и ПВО в качестве их командующего. Вечером 27 апреля полковник А.Кадыр от имени Военно-революционного совета вооруженных сил зачитал по радио на языке дари сообщение о свержении правительства М.Дауда и переходе власти в руки Революционного совета.

С созданием Революционного совета ДРА вошел в его состав. 1 мая 1978 года был назначен министром национальной обороны. Ему было присвоено воинское звание генерал-майора.

После революции А.Кадыр поставил вопрос о приеме членов ОФКА в НДПА и о введении некоторых руководителей его организации в состав ЦК партии, Ревсовета и правительства ДРА, на что получил предварительное согласие халькистского руководства. Однако чуть позже оно отказалось это сделать. Из всей группировки ОФКА в Ревсовет и правительство ДРА был введен лишь А.Кадыр, а в члены НДПА было принято только 15 человек из 600. Под надуманными предлогами никто из них, включая и самого А.Кадыра, не был избран в ЦК НДПА. Все это не могло не задеть его чувств чести, достоинства и самолюбия. Более того, став министром национальной обороны, он подвергся беспрецедентному давлению и критике со стороны Х.Амина и ряда других халькистских деятелей. В центре конфликта между ними оказались несогласие А.Кадыра с введением партийного контроля над вооруженными силами и его резкое противодействие попыткам насаждения в армии пуштунского национализма, выдвижения на руководящие армейские посты по родственным и клановым соображениям, перенесение межфракционной борьбы в армейскую среду, изгнание с военной службы честных и профессионально грамотных офицеров, не являвшихся членами НДПА, и т.п. На почве общего несогласия с халькистским руководством А.Кадыр установил тайные связи с парчамистами с целью отстранения от власти режима Тараки-Амина.

19 августа 1978 года А.Кадыр был арестован по обвинению в подготовке «антиправительственно заговора группы близоруких и связанных с реакцией и империализмом элементов» и приговорен к смертной казни, замененной 6 октября 1979 года 15-ю годами тюремного заключения.

После освобождения из тюрьмы 27 декабря 1979 года был введен в члены президиума Революционного совета ДРА и в состав ЦК НДПА, а также назначен заведующим отделом обороны и юстиции ЦК партии. В апреле 1980 года в связи со 2-й годовщиной Апрельской революции ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. 1 января 1981 года в числе первых был награжден введенным накануне боевым орденом «Красное знамя». В июне 1981 года он становится заместителем председателя президиума Ревсовета ДРА. В 1982 году сменил генерала М.Рафи на посту министра обороны. В 1987 году был назначен послом ДРА в Польше. Весной следующего года по его личной просьбе в связи с несогласием с политикой президента Наджибуллы освобожден от обязанностей посла и переехал в Болгарию на лечение. Здесь некоторое время спустя перешел на положение политического эмигранта. Решением июньского 1988 г. пленума ЦК НДПА А.Кадыр был выведен из состава ЦК. Рассматривался вопрос о его исключении из партии.

Представляется, что А.Кадыр был искренен в симпатиях к Советскому Союзу. Все, кто знал его близко по работе, отмечали его высокий профессионализм, добропорядочность, обостренное чувство патриотизма, долга и офицерской чести и вместе с тем вспыльчивость, излишнюю прямолинейность и жесткость в отношениях с подчиненными и начальниками.*

* Источники: Биографические справки об ответственных работниках аппарата ЦК НДПА. 15 мая 1980 г. и 15 сентября 1981 г. (машинописный текст); Актуальные проблемы афганской революции. – С.411-419; Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1980. – № 2. – С.193; Ды Афганестан каланы. – С.2-3; Анис. – 1978, 3 мая; 1980, 29 апреля; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 1 января; Democratic Republic of Afghanistan Annual. – P.442, 444; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.183.

Кармаль, Бабрак. Родился 6 января 1929 года в Камари (близ Кабула). Он был вторым ребенком из пяти детей (четыре сына и одна дочь) в семье генерал-полковника Мухаммада Хусейн-хана. Его отец, пуштун из племени моллахейль, занимал высокие армейские посты, в том числе командовал дивизией и корпусом и являлся генерал-губернатором провинции Пактия (уволен в отставку в 1965 году). Мать Бабрака, таджичка по национальности, умерла, когда он был еще маленьким, и воспитывался второй женой отца (она приходилась сестрой его первой жене). От второго брака у М.Хусейн-хана было еще двое детей. Представляется вполне естественным, что в семье, где хозяйкой дома была таджичка, больше говорили на дари, чем на пушту. В связи с частыми переездами отца Бабрак длительное время проживал в смешанной таджико-пуштунской семье врача Кирамудина Какара (впоследствии личного хирурга короля).

Будучи заключенным королевской тюрьмы (1952-1956 гг.), Бабрак выбрал себе прозвище (фамилию) «Кармаль» (в переводе с пушту – «друг труда»). Не могут не вызывать в связи с этим по меньшей мере улыбку суждения иного рода, встречающиеся в трудах некоторых западных авторов (А.Арнольд, Г.С.Брэдшер и др.), которые в воинственном антикоммунистическом азарте пытались непременно найти даже в имени этого политического деятеля признаки его принадлежности к «красным». Так, по их мнению, «Кармаль» – это-де аббревиатура от слов «Карл Маркс, Ленин» или же фонетическое переложение

на языке дари слова «Кремль». Все это не соответствует истине и есть не что иное, как вариант известного сказа про «развесистые сучья столетней клюквы».

Среднее образование он получил в престижном столичном лицее «Неджат» (впоследствии он назывался «Амани»), где обучение велось на немецком языке и преподавали немецкие учителя. Атмосфера лицея, основанного в 20-х годах XX в. монархом-реформатором Амануллой-ханом, была традиционно пропитана духом вольнодумства и радикализма, идеями модернизации застойного афганского общества и государственного строя в соответствии с веяниями времени. Уже на школьной скамье Бабрак знакомится с либеральными идеями и взглядами и проявляет черты признанного молодежного лидера. Окончание им лицея в 1948 году совпало с расширением в стране демократического движения. Бабрак оказался в его рядах. С момента создания в апреле 1950 года Союза студентов Кабульского университета он становится одним из активных его членов, хотя в это время он еще не был студентом университета. В 1950 году он пытается поступить на юридический факультет данного столичного вуза. Однако ему отказывают в этом из-за участия в молодежном демократическом движении и прежде всего как одному из основателей и руководителей Союза студентов. На следующий год он все же добивается зачисления в студенты юридического факультета. Уже в эти годы ярко проявились его выдающиеся ораторские способности. Он принимает активное участие в студенческих митингах, собраниях и дискуссиях, тесно сотрудничает с оппозиционной группировкой и газетой «Ватан» («Родина»), которыми руководил известный афганский историк и общественный деятель М.Г.М.Губар.

В 1952 году в ходе расправ над оппозиционерами-интеллектуалами, требовавшими демократизации общественно-политической жизни страны, Бабрак был арестован и приговорен к 4 годам тюремной заключения. В тюремных застенках он познакомился с известным в столице представителем бунтарской, антимонархической интеллигенции, бывшим офицером полиции Мир Акбаром Хайбаром. Беседы с ним явились важным звеном на пути постижения Б.Кармалем марксистского учения. С выходом из тюрьмы под залог в 1956 году он некоторое время работал переводчиком английского и немецкого языков. В следующем году в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности он был призван на действительную военную службу. После ее окончания в 1959 году продолжил учебу в Кабульском университете. В 1960 году он успешно завершил университетское образование и получил диплом юриста. В 1960-1964 годах работал сначала в бюро переводов министерства просвещения, а затем – в министерстве планирования. В указанные годы окончательно формируются его левые взгляды. По некоторым данным, уже в 1960 году он вместе с М.А.Хайбаром организовали первый подпольный марксистский кружок, в который входили демократически настроенные представители столичной интеллигенции, в основном из числа разночинной молодежи.

С момента принятия конституции 1964 года и декларирования в ней права афганских граждан на создание политических партий и организаций начинается период бурной общественно-политической деятельности Б.Кармалю. Вместе с Н.М.Тараки и некоторыми другими лицами он явился одним из создателей Народно-демократической партии Афганистана. На ее I Учредительном съезде, состоявшемся 1 января 1965 года, он избирается заместителем секретаря ЦК партии. Ему было поручено съездом возглавить комиссию по разработке программы и устава НДПА. В следующем году подготовленная под его руководством программа партии была принята на пленуме ЦК и опубликована в первом (сдвоенном) номере газеты «Хальк». Весной 1967 года состоялось утверждение и устава НДПА. Б.Кармаль опубликовал в газете «Хальк» ряд статей, в которых обосновал необходимость создания в Афганистане легальной политической организации и раскрыл цели и задачи леводемократического движения.

С мая 1967 года, после раскола НДПА на две группировки, Б.Кармаль возглавил организацию, назвавшую себя «Народно-демократической партией Афганистана (партией трудящихся Афганистана)». Впоследствии его организация стала больше известна под названием «Парчам».

В 1965 и 1969 годах Б.Кармаль дважды избирался от г. Кабула депутатом нижней палаты парламента – Вулуси джирги. Его страстные выступления с парламентской трибуны по вопросам внутренней и внешней политики страны снискали ему широкую известность в афганском обществе – симпатии и уважение одних, ненависть и злобу – других. Его популярность среди прогрессивной афганской общественности еще больше возросла с началом издания газеты «Парчам» («Знамя»), которая почти в каждом номере помещала его политически острые, общественно значимые статьи и заметки.

В годы «демократического эксперимента» (1963-1973 гг.), проводившегося сверху монархическим режимом, группировка Парчам во главе с Б.Кармалем сумела в условиях строжайшей конспирации создать среди армейского офицерства довольно разветвленную, прежде всего в столичном гарнизоне, подпольную организацию. Именно она, отдав поддержку М.Дауду, обеспечила почти бескровный переворот 1973 года и провозглашение в стране республиканского строя. Б.Кармаль не занял никаких постов в администрации М.Дауда. Однако по просьбе последнего принял активное участие в разработке программных документов республиканского правительства и подборе кандидатов на ответственные государственные посты в центре и на местах из числа, главным образом, лиц, придерживавшихся левых взглядов. Такой «союз» Дауда с Кармалем, как и следовало ожидать, уже в конце 1973 года был расторгнут. За Б.Кармалем была установлена негласная слежка, а с марта 1974 года его сторонники стали изгоняться с государственной службы.

Летом 1977 года, когда обе фракции НДПА – Хальк и Парчам – оказались перед угрозой физической расправы, состоялась их объединительная конференция. На ней Б.Кармаль был избран одним из трех секретарей ЦК партии. В условиях подполья, по его собственному признанию, он выступал против использования насилия в борьбе с даудовским режимом, на чем настаивали халькисты.

Ночью 26 апреля 1978 года Б.Кармаль вместе с другими руководителями НДПА был арестован даудовской полицией, но спустя 40 часов освобожден восставшими офицерами. Когда успех восстания стал

очевидным, он, вопреки требованиям халькистских руководителей – Тараки и Амина, настаивал на сохранении жизни М.Дауду и членам его семьи.

После прихода к власти НДПА Б.Кармаль вошел в высшие государственные органы страны, заняв посты заместителя председателя Революционного совета ДРА и заместителя премьер-министра. Через два месяца (5 июля 1978 года) в связи с обострившимися халько-парчамистскими противоречиями был выведен из состава правительства и назначен послом в Чехословакию. Но уже в августе был смещен с этого поста. 27 ноября по решению пленума ЦК НДПА он вместе с Нур Ахмад Нуром, С.А.Кештмандом, А.Ратезад, М.Барьялаем, Абдул Вакилем, Наджибом, А.Кадыром и М.Рафи были исключены из рядов партии по обвинению «в активном участии в преступном контрреволюционном, антигосударственном и антипартийном заговоре». До декабря 1979 года находился в Чехословакии на положении политического эмигранта. Все это время он собирал вокруг себя антиаминовские силы, особенно те, которые находились внутри страны, и готовил их к выступлению.

В начале второй декады декабря 1979 года Б.Кармаль был тайно доставлен сотрудниками КГБ СССР на афганский военный аэродром Баграм, однако уже 14 декабря, по неизвестным пока причинам, его срочно вывезли самолетом обратно в Ташкент. Ночью 23 декабря Б.Кармаль снова был привезен в Баграм, где в капонирах, вырытых на краю аэродрома, окруженный бдительной охраной из небезызвестной группы «Альфа», вместе с рядом своих ближайших соратников находился до вечера 27 декабря. Здесь же состоялось заседание еще не известного миру нового состава политбюро ЦК НДПА (правда, в узком составе) по обсуждению плана предстоящих действий. Рано утром 28 декабря, когда Х.Амин уже был мертв и путь к власти силами советских спецслужб был расчищен, ведомая советскими экипажами колонна танков и бронетранспортеров, в одном из которых ехал Б.Кармаль, доставила его в Кабул, в гарнизон одной из воинских частей афганской армии.

С указанного времени и до начала мая 1986 года он являлся генеральным секретарем ЦК НДПА и председателем Революционного совета ДРА (до июня 1981 г. был одновременно и главой правительства – премьер-министром). На его плечи, если иметь в виду бушевавшую в Афганистане гражданскую войну и расширявшееся день ото дня внешнее вмешательство во внутренние дела, легла огромнейшая ответственность за судьбы страны и народа. К сожалению, он, хорошо знавший специфику своей страны и имевший солидный запас авторитета среди широкой афганской общественности, получил крайне ограниченные возможности как вырабатывать собственную, отвечающую реалиям дня политику, так и направлять ход событий в нужное русло. Окруженный сонмищем некомпетентных в афганских делах советских советников, он оказался на положении политического заложника Москвы. Впоследствии он с горечью признал в беседе с одним из советских журналистов: «Я не являлся руководителем суверенного государства. Это было оккупированное государство, где реально правили вы... Я шагу не мог ступить без ваших советов».

Однако надо со всей категоричностью отметить, что Б.Кармаль не был безропотным, слепым исполнителем воли Кремля. Мне, работавшему в те годы в высших партийных сферах Кабула, не раз приходилось слышать его сетования по поводу непонимания «советскими товарищами» специфики Афганистана и их открытого диктата. Такое стремление иметь собственное мнение, несговорчивость и прецеденты игнорирования им «советов» (читай – приказов. – М.С.), ниспосланных Кремлем и исходивших из уст аккредитованных в афганской столице высокопоставленных советских особ, типа грубого по своей натуре, маловоспитанного сопосла Ф.А.Табеева, руководителя оперативной группы Генерального штаба генерала армии В.И.Варенникова, резидентов КГБ и пр., вызывали у последних неприкрытое раздражение и неприязнь к Б.Кармалю. Они постарались создать в высших эшелонах советского партийно-государственного руководства негативный образ Б.Кармаля, как пьяницы, иждивенца, пытающегося-де взвалить решение всех проблем афганского кризиса на советскую сторону и отсидеться под прикрытием советских войск, как человека, нерешительного по характеру, и более того, на последнем этапе, неспособного-де реализовать выработанную в Москве политику национального примирения. Кроме того, Б.Кармаль для многих, прежде всего силовых, советских ведомств, втянутых в афганскую трагедию, представлялся удобным «козлом отпущения», чтобы списать на него все свои просчеты, огрехи, ошибки и явные провалы. К дискредитации Б.Кармаля, как человека и политического деятеля, приложили свою руку и его оппоненты из крыла Хальк, и недоброжелатели из его же собственного окружения. В конце концов судьба Б.Кармаля была окончательно решена в Москве, за его спиной, за спиной руководства НДПА и ДРА. В феврале 1986 года, в дни работы XXVII съезда КПСС, М.С.Горбачев неприкрыто продемонстрировал свою неприязнь к Б.Кармалю и одновременно покровительство и подчеркнутую любезность к члену афганской партийной делегации, креатуре КГБ Наджибулле, заранее дав этим понять, на кого в Кабуле ставит Кремль. 30 марта Б.Кармаль был доставлен специально посланным за ним самолетом в Москву, где ему в учтиво-повелительной форме предложили «во имя высших интересов страны» добровольно уйти в отставку и передать властные партийные полномочия Наджибулле.

4 мая состоялся XVIII пленум ЦК НДПА, который придал задуманной в Москве смене высшего партийного руководства видимость некоего самостоятельного, сугубо внутриафганского решения. Б.Кармаль был освобожден «по состоянию здоровья» (!) от обязанностей генерального секретаря ЦК партии при сохранении за ним членства в политбюро ЦК. Однако такое положение, при котором бывший учитель и лидер партии оставался за одним столом с новым партийным вождем, никак не могло устроить стремившегося к самостоятельности Наджибуллу. Его настроения полностью разделяло советское руководство. В итоге Б.Кармаля вынудили подать «прошение» об освобождении от всех партийных и государственных постов. Состоявшийся 20 ноября 1986 года XX пленум ЦК НДПА принял его отставку в связи, как подчеркивалось в речи Наджибуллы, с его (Б.Кармаля) «неудовлетворительным состоянием здоровья», подорванным-де «тяжелым бременем огромной ответственности» (следует заметить, что в письме Б.Кармаля,

адресованном по этому поводу ЦК НДПА и Революционному совету ДРА, ни слова не было сказано о состоянии его здоровья и его неспособности нести бремя ответственности. – М.С.). Б.Кармаль был выведен из состава политбюро ЦК и освобожден от обязанностей председателя президиума Революционного совета и председателя Ревсовета ДРА, однако оставлен членом ЦК партии и членом Ревсовета ДРА. За выдающиеся заслуги перед партией и Апрельской революцией Б.Кармаль был награжден орденом «Апрельской революции» и ему, по предложению Совета министров ДРА, была назначена персональная пенсия. В начале мая 1987 года он вместе с семьей был отправлен в Москву в почетную ссылку или, как официально говорилось в афганской прессе, «по совету врачей и по приглашению на лечение и отдых».

Во все нелегкие периоды своей политической деятельности Б.Кармаль убежденно верил в правоту избранного им пути, целью которого являлось преобразование афганского общества на демократических началах, и, как представляется, был искренен в симпатиях к Советскому Союзу не только в пору своей романтической молодости, но и позже, когда, оказавшись на кабульском олимпе, он испытывал на себе всю бесцеремонность и неприкрытый диктат «советских друзей». Весьма показательным, что одному из своих сыновей он дал имя Восток, по названию запущенного в 60-е годы советского космического корабля. Обращаясь к социализму, он видел в нем альтернативу жестокому, бездуховному, антигуманному капиталистическому общественному устройству. Вместе с тем, будучи убежденным демократом и разделяя идеи марксизма, он решительно выступал против немедленной социализации Афганистана, считая, что эта страна совершенно не созрела и не готова для подобного рода волонтаристских экспериментов.

Б.Кармаль не был пьяницей, хотя такой ярлык, надо признать, на него упорно пытались навесить именно те находившиеся в Кабуле советские влиятельные деятели, прежде всего совпосол Ф.А.Табеев, которые, следуя ради истины подчеркнуть, сами являясь закоренелыми поклонниками Бахуса, считали чрезмерное возлияние при любой встрече с афганскими должностными лицами непреложной нормой, эдаким шиком гостеприимства.

Б.Кармаль не был и жестоким человеком. Ведя борьбу со своими противниками, он, как глава государства, не опускался до массового террора, до слепой мстительности, что, впрочем, расценивалось в кругах его внутрипартийных неблагожелателей как слабость характера, нерешительность и даже как трусость. Он был широко образованным, эрудированным человеком, свободно владевшим, кроме дари и пушту, немецким и английским языками. Женат (жена – Махбуба Кармаль); имел двух сыновей и двух дочерей.

В июне 1990 года на II съезде партии был заочно избран членом Центрального совета Партии Отечества. Преданный горбачевской и ельцинской камарильей он возвратился в июле 1991 года в Кабул. Не занимая никаких партийных и государственных постов, проживал в афганской столице до прихода к власти моджахедов в апреле 1992 года. После падения Кабула вместе с семьей перебрался в Мазари-Шариф, центр обширного афганского Севера, контролируемого его старым приверженцем, генералом А.Р.Дустомом. Некоторые члены его семьи проживают в эмиграции в Индии. Умер Б.Кармаль в Москве в 1-й Градской больнице в декабре 1996 г.*

* Источники: Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1980. – № 2. – С.195-196; Гай Д., Снегирев В. Вторжение: Опыт журналистского расследования // Знамя. – Март 1991. – № 3. – С.195-233; Апрель 1991. – № 4. – С.230-233; Труд. – 1991, 24 октября; Комсомольская правда. – 1993, 27 января; Хакимат-е энкелаб-е саур. – 1980, 1 января; 1987, 5 мая; Ды Афганестан каланый. – С.3; Кабул Нью Таймс. – 1986, 5 мая и 22 ноября; 1987, 9 мая; Пейам. – 1990, 30 июня; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.27, 28, 40, 48-58, 71, 119-123; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.19-22, 68; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.93-110; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.39-40; Afghanistan Yesterday and Today. – Prague: Orbis Press Agency, 1982. – P.30-31.

Тараки, Нур Мухаммад. Родился 23 саратана 1296 г.х. (14 июля 1917 г.) в дер. Суркелайи уезда Нава, провинции Газни в бедной семье крестьянина-пастуха. Его отец Назар Мухаммад Тараки, принадлежавший к гильзайскому племени тараки, занимался также мелкой контрабандой, курсируя между Афганистаном и Индией. Мать Н.М.Тараки происходила из другого гильзайского племени – сулейманхель. В пять лет он был отдан в услужение к богатой вдове. Однако отец все же решил дать своему сыну образование и сделать его первым в семье грамотным человеком. Начальное образование он получил в г. Мукуре (провинция Газни). В 15 лет, не закончив среднюю школу, отправился на поиски работы в г. Кандагар, где был принят в качестве служащего в торговый ширкет «Пуштун мева», принадлежавший крупному афганскому бизнесмену Абдул Маджиду Забули.

В 1935 году (по другим данным, в 1934 году) он был направлен делопроизводителем в представительство компании «Пуштун мева» в Бомбее (Индия). Здесь он поступил в вечернюю среднюю школу, в которой обучение велось на английском языке и урду, и через некоторое время окончил ее. К бомбейскому периоду относится первое знакомство молодого Тараки с идеями национально-освободительной борьбы в Индии, марксистскими взглядами и историей пуштунского движения краснорубашечников и деятельностью их лидера Хан Абдул Гафар-хана. Встреча с этим выдающимся пуштунским деятелем оставила глубокий след в сознании Н.М.Тараки.

В 1937 году Н.М.Тараки возвратился в Афганистан и с тех пор постоянно, за исключением короткого периода, жил в Кабуле. Конец 30-первая половина 40-х годов крайне скупно отражены в официальной биографии Н.М.Тараки, изданной в 1978 году. По зарубежным данным, по возвращении из Индии он некоторое время работал личным секретарем у Абдул Маджида Забули и одновременно учился в колледже государственных служащих. Затем по протекции А.М.Забули был переведен в министерство экономики, отку-

да вскоре уволился и перешел на работу в департамент печати министерства информации и печати. В 1939 году он был отправлен в качестве мелкого чиновника на службу в провинцию Бадахшан, где пробыл предположительно два года. Пока остаются до конца не выясненными мотивы и обстоятельства его неожиданных и неоднократных перемещений с одного служебного места на другое. В официальной биографии Н.М.Тараки все эти увольнения и переводы объясняются «травлей со стороны реакционных бюрократов, которые, пользуясь любым предлогом, пытались оказать на него давление». В западных же исследованиях по Афганистану данного времени, написанных с позиций антикоммунизма и категорического неприятия левого кабульского режима, все сводится к неким служебным злоупотреблениям Н.М.Тараки. Так, американский автор Антони Арнольд в книге «Две партии коммунизма в Афганистане: Парчам и Хальк» (примеч.: название данной книги можно перевести и как «Двухпартийный коммунизм в Афганистане: Парчам и Хальк») пишет, что увольнение Н.М.Тараки из министерства экономики было вызвано якобы хищением им стройматериалов у А.М.Забули для строительства собственного дома в районе Картеи Чар. Злой умысел и необоснованность этого утверждения А.Арнольда очевидны: Н.М.Тараки строил себе дом в годы, когда он уже несколько лет не работал в компании у А.М.Забули и, конечно, никак не мог, если бы даже и захотел, физически похищать стройматериалы, предназначенные для виллы своего прежнего покровителя.

В период работы в департаменте печати Н.М.Тараки обратился к литературному творчеству. В начале 50-х годов он занимал пост заместителя главы государственного информационного агентства «Бахтар». Первые издания его литературных трудов и переводных работ (как-то: «Вяленая говядина», «Это – служба», «Максим Горький», «Какая свобода?» и др.) относятся к периоду появления и развития в Афганистане демократического движения 1947-1952 годов.

С 1947 года он становится одним из активных членов руководящего и идеологического ядра политического течения «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»). Его политически страстные публицистические статьи печатались в газете вишзальмиянцев «Ангар», которая выходила в Кабуле с 1 марта 1951 г. (запрещена властями после выхода 16-го номера в апреле того же года). Широкий резонанс в афганском обществе имела его статья «Желания народа. Чего мы хотим?», в которой были изложены основные программные лозунги «Виш зальмиян»: улучшение жизни народа, разрешение деятельности легальных политических партий и организаций, установление в стране конституционно-монархического строя, формирование национального правительства, ответственного перед парламентом, привлечение всех классов к участию в общественной жизни и т.д.

Крутые перемены в жизни и деятельности Н.М.Тараки произошли после разгрома в 1952 году оппозиционного демократического движения. Многие его активные участники и руководители были брошены в тюрьмы. Н.М.Тараки в начале 1953 года был отправлен в Вашингтон в качестве пресс-атташе афганского посольства. Однако его дипломатическая карьера длилась всего шесть месяцев. В том же году он был официально отозван на родину из-за публикации в одной из вашингтонских газет антимонархической и антидаудовской статьи и высказанной на пресс-конференции критики в адрес династии Надира, в частности, о том, что «Афганистан управляется кучкой феодалов-помещиков» и что, «если раньше премьер-министром был дядя короля, то теперь им стал его двоюродный брат и зять (имелся в виду М.Дауд. – М.С.), а народ Афганистана по-прежнему остается самым угнетенным народом мира».

Как пишет А.Арнольд, вначале Н.М.Тараки отказался подчиниться указанному выше приказу из Кабула и попытался получить политическое убежище в США, но, встретив отказ со стороны американских властей, намеревался отправиться в Англию. Данная версия была решительно отменена самим Н.М.Тараки еще в конце 1953 года в его заявлении, распространенном в Карачи через афганское посольство, а позднее и в официальной биографии Н.М.Тараки, опубликованной в 1978 году. По возвращении в Афганистан он был уволен с государственной службы и, вопреки ожиданиям, не был подвергнут какому-либо наказанию со стороны правительства М.Дауда, хотя, как политически неблагонадежный, попал под постоянное наблюдение полиции.

С 1953 по 1963 год Н.М.Тараки жил на случайные заработки. В этот период он написал и опубликовал ряд повестей и рассказов на языке пушту, принесших ему известность писателя, в том числе новеллы «Скитания Банга» (1958 г.), «Спин» («Белый»; 1959 г.), «Одинокий» (1962 г.), «Крестьянская дочь» и др. Его перу принадлежала также изданная в указанные годы книга «Новая жизнь», носившая компилятивный (переводной) характер, в которой излагались основные положения марксистской философии, политэкономии и научного социализма. С 1955 по 1958 год он работал переводчиком английского языка в миссии США по оказанию помощи развивающимся странам, а с мая 1962 по сентябрь 1963 года – переводчиком в американском посольстве в Кабуле. В эти же годы им было основано частное «Бюро переводов Нура», выполнявшее в основном заказы американских ведомств и служб, аккредитованных в афганской столице.

С 1963 года, когда к власти в стране пришло правительство М.Юсуфа, объявившее о намерении провести модернизацию государственного строя и демократические преобразования, Н.М.Тараки прерывает литературное творчество и полностью отдается подпольной работе по собиранию, организационному оформлению и идейно-политической подготовке оппозиционно настроенных монархическому режиму элементов, в основном из числа студенческой и учащейся молодежи. Первой формой их объединения становятся марксистские кружки. Одновременно он устанавливает связи с активными деятелями либерально-демократического движения 1947-1952 годов. В сентябре 1963 года они создают инициативное политическое ядро по организации партии, названное «Руководящим комитетом» («Комитайи сарпараст»). Намерение этого комитета создать партию «Объединенный национальный фронт Афганистана», однако, не увенчалось успехом. Повинны в этом во многом были Н.М.Тараки и его единомышленники, которые в противовес взглядам умеренного крыла Руководящего комитета выступали за придание будущей партии характера левой организации и использование в общественно-политической деятельности не только пар-

ламентских, но и всех возможных форм и средств борьбы.

На I Учредительном съезде Народно-демократической партии Афганистана, состоявшемся в январе 1965 года, Н.М.Тараки был избран первым секретарем ЦК партии. В 1965 году он баллотировался от избирательного округа Нава (провинция Газни) на выборах в нижнюю палату парламента, однако потерпел поражение. В конце указанного года он совершил поездку в СССР, где присутствовал в качестве гостя на съезде советских писателей. В апреле-мае 1966 года являлся издателем и председателем редакционной коллегии первого печатного органа НДПА – газеты «Хальк» («Народ»). Уже в это время у него возникли острые разногласия с Бабраком Кармалем, которые, наряду с другими факторами, привели к расколу партии и образованию двух самостоятельных фракций НДПА – Хальк и Парчам.

В рассматриваемые годы Н.М.Тараки в своих воззрениях, известных как «теория хальковской (народной) революции», стал придавать приоритетное значение субъективным (идеологическим) факторам в политической борьбе, упрощенно трактовать социально-политическую ситуацию в стране и делать ставку при решении вопроса о власти почти исключительно на организацию и осуществление вооруженного путча. Концепция хальковского путчизма особенно рельефно проявилась в деятельности Хальк, руководимой Н.М.Тараки, в период республиканского режима М.Дауда. Решающая роль при этом отводилась армии, а точнее – находившейся в руках Хальк подпольной организации в вооруженных силах страны.

В июле 1977 года на объединительной конференции двух фракций (Хальк и Парчам), состоявшейся в глубоком подполье, Н.М.Тараки был избран генеральным секретарем ЦК НДПА.

В ночь на 26 апреля 1978 года Н.М.Тараки вместе с другими руководителями НДПА были арестованы по приказу М.Дауда по обвинению в «антиконституционных» действиях. Данный акт М.Дауда подтолкнул НДПА к вооруженному выступлению. После победы восстания и провозглашения Демократической Республики Афганистан Н.М.Тараки был избран председателем Революционного совета ДРА и премьер-министром страны. В декабре 1978 года и сентябре 1979 года он посетил Советский Союз. В марте 1979 года встал во главе Высшего совета обороны родины. Одновременно передал свои функции премьер-министра Х.Амину, занявшему вместо ликвидированного поста премьер-министра вновь введенную должность «первого министра» («лумрай вазир»), то есть главы правительства, правда, с меньшими полномочиями, чем это было ранее. С этого времени Н.М.Тараки постепенно отодвигается в тень своим «верным учеником». Роковую роль в отстранении Н.М.Тараки от государственных и политических дел, кроме всего прочего, сыграли присущие ему такие качества характера, как тщеславие, которое умело подогревалось Х.Амином, мягкость натуры, чрезмерная доверчивость к своему окружению и пристрастие к употреблению спиртных напитков. Он не был наделен от природы теми организаторскими способностями, которые необходимы высшему государственному лицу, в связи с чем многие из своих функций он перепоручал другим. Он не обладал в полной мере и ораторскими данными, так высоко ценимыми на Востоке.

14 сентября 1979 года Н.М.Тараки был арестован в ходе разыгравшегося дворцового переворота и через два дня смещен со всех занимаемых им постов, а 8 октября умерщвлен по приказу Х.Амина.

Н.М.Тараки не был состоятельным человеком. Его почти единственным «богатством» являлся скромный одноэтажный домик в кабульском районе Картейи Чар. Остальное его достояние умещалось в маленькой сумке, которую он вручил перед смертью своему убийце, сказав: «Здесь 45 тысяч афгани (примерно 1000 долларов. – М.С.) и кое-какие украшения. Передайте все это моей жене, если она еще жива». Затем он, сняв с руки часы и вынув из кармана партийный билет, попросил: «Передайте их Амину».

Н.М.Тараки был женат на Нур Биби Тараки. Детей они не имели. Как она признавала впоследствии, муж никогда не упрекал ее за бездетность.*

* Источники: Биография генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета ДРА товарища Нур Мухаммада Тараки. – Кабул: издание Главного политического управления Народных вооруженных сил ДРА, 1978. – 58 с; Правда об Афганистане: документы, факты, свидетельства. – М.: Издательство Агентства печати Новости, 1980. – С.98; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.92-93; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.36-39; Dupree L. Afghanistan. – P.774; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.177-181; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.15-19.

Приложение 7

Персональный состав руководящих органов НДПА и ее фракций с момента создания и до апреля 1978 года.*

Время избрания (кооптации)	Партия (фракция)	Члены ЦК партии (фракции)	Кандидаты в члены ЦК партии (фракции)	Примечание
1	2	3	4	5
1 января 1965 г.	НДПА	Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай, Ш.Шахпар, М.Т.Бадахши	А.К.Мисак, Шах Вали, А.Вахаб Сафи, М.Захир	
июнь 1966 г.	НДПА	Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай, Ш.Шахпар, М.Т.Бадахши	А.К.Мисак, Шах Вали, А.Вахаб Сафи, М.Захир, С.Лайек, М.Х.Барек Шафии, Нур А.Нур, А.Х.Ш.Джаузджани, Х.Амин, М.З.Офок, Абдул Мухаммад, М.И.Данеш	М.Захир вышел из партии в октябре 1966 г.
апрель 1967 г.	НДПА	Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай, Ш.Шахпар, М.Т.Бадахши, Шах Вали, Нур А.Нур	А.К.Мисак, А.Вахаб Сафи, С.Лайек, М.Х.Барек Шафии, А.Х.Ш.Джаузджани, Х.Амин, М.З.Офок, Абдул Мухаммад, М.И.Данеш	
май 1967 г. (после раскола)	Хальк	Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Шах Вали, М.Т.Бадахши	А.К.Мисак, Х.Амин, М.И.Данеш, М.З.Офок, Абдул Мухаммад	
	Парчам	Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, Нур А.Нур, Ш.Шахпар	С.Лайек, М.Х.Барек Шафии, А.Х.Шараи Джаузджани, А.Вахаб Сафи	
1968 г.	Хальк	Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Шах Вали	А.К.Мисак, М.И.Данеш, М.З.Офок	Х.Амин после раскола партии был введен в члены ЦК, но в январе 1968 года выведен из его состава. В 1968 г. из Хальк вышли Абдул Мухаммад и М.Т.Бадахши
	Парчам	Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Нур А.Нур, Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, М.А.Хайбар, А.Ратобзад	С.Лайек, М.Х.Барек Шафии, А.Х.Ш.Джаузджани	В 1968 г. из партии вышел А.Вахаб Сафи
декабрь 1969 г.	Хальк	Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Шах Вали	А.К.Мисак, М.И.Данеш, М.З.Офок, Х.Амин	
	Парчам	Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Нур А.Нур, М.А.Хайбар, А.Ратобзад	С.Лайек, М.Х.Барек Шафии	В конце 1969 г. из Парчам вышли Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар и А.Х.Ш.Джаузджани
ноябрь 1970 г.	Хальк	Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Шах Вали, Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, А.К.Мисак, Х.Амин, М.И.Данеш, А.Х.Ш.Джаузджани	М.З.Офок, М.М.Хашеми, А.А.Вулуси, А.Р.Арьян, М.Сума, М.Я.Буньяди, М.Х.Пайман, А.К.Заргун	В 1971 г. из Хальк вышли Ш.Шахпар и М.З.Офок
	Парчам	Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Нур А.Нур, М.А.Хайбар, А.Ратобзад	С.Лайек, М.Х.Барек Шафии	
1975 г.	Хальк	Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Шах Вали, Г.Д.Панджшери, А.К.Мисак, А.Х.Ш.Джаузджани, Х.Амин, М.И.Данеш	М.М.Хашеми, А.А.Вулуси, М.Сума, А.Р.Арьян, М.Х.Пайман, М.Я.Буньяди	В 1974 г. из Хальк был исключен А.К.Заргун
	Парчам	Б.Кармаль, С.А.Кештманд, Нур А.Нур, М.А.Хайбар, А.Ратобзад	С.Лайек, М.Х.Барек Шафии, Махмуд Барьялай	
3 июля 1977 г.	НДПА	Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.М.Зерай, М.А.Хайбар, Г.Д.Панджшери, С.А.Кештманд, А.Шах Вали, А.Ратобзад, Х.Амин, Нур А.Нур, М.И.Данеш, С.Лайек, А.Х.Ш.Джаузджани, М.Х.Барек Шафии, А.К.Мисак, А.М.Сарболанд, М.Х.Пайман,	Ф.М.Дехнешин, Абдул Мухаммад	

		А.Вакиль, М.Сума, Г.Сарвар Юреш, М.М.Хашеми, А.Р.Арьян, А.К.Горбанди, М.Я.Буньяди, Н.Тахзиб, А.А.Вулуси, М.Барьялай, Наджибулла	
--	--	---	--

- Источники: Заявление о народно-демократическом единстве. 9 кауса 1349 г. (30 ноября 1970 г.). – Кабул, 1970. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая); Радостная весть. – Кабул, декабрь 1970. – Листовка на языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Специальная записка ЦК НДПА в ответ на письмо от 3 хута 1349 г. (22 февраля 1971 г.) и одновременно ответ на ваш материал «Радостная весть». – Кабул, 25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г. – Кабул, 15 мая 1971. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Открытое письмо ЦК НДПА в связи с т.н. «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки от 25 саура 1350 г. (15 мая 1971 г.). – Кабул, июнь 1971. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.26-27, 34; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.178-196; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.64

Приложение 8.

Хронология забастовочных выступлений в Афганистане в 1968-начале 1970 г.*

№ № пп	Участники выступлений	Форма выступлений	Время	Место
1.	Учащиеся механической школы	забастовка и демонстрации	апрель 1968 г.	г.Кабул
2.	Рабочие строительной компании «Кохзар»	забастовка	апрель 1968 г.	г.Кабул
3.	Учащиеся технической школы	забастовка	апрель 1968 г.	г.Кабул
4.	Рабочие, служащие и городские жители	первомайские демонстрации	1 мая 1968 г.	г.Кабул
5.	Рабочие и служащие завода «Джангалак»	забастовка	май 1968 г.	г.Кабул
6.	Рабочие Гульбахарского текстильного комбината	забастовка и демонстрации	май 1968 г.	г.Гульбахар
7.	Лавочники	забастовка	май 1968 г.	г.Кандагар
8.	Рабочие Шибирганской конторы бурения на нефть и газ	поход на Кабул (остановлен близ туннеля через Саланг)	Май 1968 г.	г.Шибирган
9.	Учащиеся лицея «Ибн Ямин»	демонстрация	Май 1968 г.	г.Шибирган
10.	Учащиеся технической школы	демонстрация	Май 1968 г.	г.Кабул
11.	Рабочие, крестьяне, учащиеся лицея «Мир Масджеди»	демонстрация	Май 1968 г.	провинция Каписа
12.	Рабочие и служащие завода «Джангалак»	забастовка и демонстрации	май 1968 г.	г.Кабул
13.	Учащиеся технической, механической и промышленной школ	демонстрация	май 1968 г.	г.Кабул
14.	Учащиеся школы «Абу Дауда Саджестани»	демонстрация	май 1968 г.	провинция Нимруз
15.	Рабочие шерстоткацкой фабрики (Пули-Чархи) и велосипедного завода	забастовка	май 1968 г.	г.Кабул
16.	Рабочие-печатники типографии министерства просвещения и издательства «Франклин»	забастовка	май 1968 г.	г.Кабул
17.	Учащиеся механической и промышленной школ	забастовка и демонстрации	май 1968 г.	г.Кабул
18.	Рабочие текстильной фабрики Пули-Хумри	забастовка и демонстрации	май 1968 г.	г.Пули-Хумри
19.	Рабочие-строители дороги Пули-Хумри – Шибирган	марш протеста	май 1968 г.	г.Пули-Хумри
20.	Студенты теологического, медицинского и юридического факультетов и факультета литературы и гуманитарных наук Кабульского университета	забастовка	май – 27 июня	г.Кабул
21.	Учащиеся, рабочие, крестьяне и жители уезда Хазрат Имам	демонстрация	май 1968 г.	провинция Кундуз

22	Учащиеся женской средней школы	демонстрация	май 1968 г.	г.Шибирган
23	Учащиеся школ	демонстрация	май 1968 г.	уезд Панджшер
24	Рабочие-печатники государственной типографии	забастовка	28 мая 1968 г.	г.Кабул
25	Водители городского общественного транспорта	забастовка	28 мая 1968 г.	г.Кабул
26	Рабочие шерстоткацкой фабрики	забастовка	30 мая 1968 г.	г.Кандагар
27	Рабочие цементного завода Гури	митинг	30 мая 1968 г.	г.Пули-Хумри
28	Рабочие Кабульского домостроительного комбината	забастовка и демонстрация	июнь 1968 г.	г.Кабул
29	Учащиеся технической и механической школ и школы медсестер	демонстрация	июнь 1968 г.	г.Кабул
30	Учащиеся школы	митинг	июнь 1968 г.	Руха, уезд Панджшер
31	Рабочие компании «Спинзар»	забастовка	2-4 июня 1968 г.	г.Кундуз
32	Учащиеся лицея Джебаль-ус-Сираджа	забастовка	1 июня 1968 г.	г.Джебаль-ус-Сирадж
33	Рабочие камнетесной и деревообделочной фабрики «Хаджари ва наджари»	забастовка	5 июня 1968 г.	г.Кабул
34	Учащиеся школы «Хошхаль-хан»	митинг	июнь 1968 г.	г.Кабул
35	Рабочие и служащие завода «Джангалак», городские жители, в том числе хазарейская беднота	забастовка, митинг	июнь 1968 г.	г.Кабул
36	Рабочие и служащие Гульбахарского текстильного комбината (начало)	забастовка и демонстрация	июнь 1968 г.	г.Гульбахар
37	Рабочие и служащие Гульбахарского текстильного комбината с участием учащихся лицея «Мир Масджеди», средней школы Дехбали, а также крестьян и ремесленников (продолжение)	демонстрация, митинг	июнь 1968 г.	г.Гульбахар
38	Рабочие компании «Спинзар»	забастовка	6 июня	г.Кундуз
39	Слушатели курсов подготовки учителей	забастовка	июнь 1968 г.	г.Кабул
40	Учащиеся педагогического училища	забастовка	июнь 1968 г.	г.Кабул
41	Рабочие газопровода	забастовка, демонстрация, марш протеста	июнь 1968 г.	г.Шибирган
42	Учащиеся педагогического училища и средних школ	забастовка и демонстрация	4-5 июня	провинция Пактия
43	Рабочие текстильной фабрики Пули-Хумри	забастовка	6 июня	г.Пули-Хумри
44	Рабочие консервного завода	забастовка	июнь 1968 г.	г.Кандагар
45	Рабочие-золотодобытчики Нурабега	забастовка	июнь 1968 г.	провинция Тахар
46	Студенты Высшего педагогического училища	забастовка	июнь 1968 г.	г.Кабул
47	Учащиеся лицея «Абу Абида Джаузджани»	демонстрация	июнь 1968 г.	провинция Фарьяб
48	Рабочие элеватора	митинг	июнь 1968 г.	г.Пули-Хумри
49	Учащиеся педагогического училища и лицея «Шерхан» в поддержку требований рабочих компании «Спинзар»	демонстрация	июнь 1968 г.	г.Кундуз
50	Безработные	демонстрация	июль	г.Герат
51	Учащиеся лицея «Джамийят»	демонстрация	июль	провинция Майдан
52	Учащиеся средней школы «Менхадж-ус-Сирадж»	демонстрация	июль	уезд Сарипуль, пров. Джаузджан
53	Рабочие шерстоткацкой фабрики	забастовка	июль	г.Кандагар
54	Рабочие газопровода	забастовка	июль	г.Шибирган
55	Учащиеся курсов бурильщиков	демонстрация	июль	г.Сарипуль, провинция Джаузджан
56	Рабочие цементного завода	забастовка	июль	провинция Баглан
57	Шахтеры Каркара	забастовка	июль	провинция Баглан
58	Водители автотранспорта	забастовка	июль	г.Кандагар
59	Студенты Кабульского университета	митинг	август	г.Кабул

60	Жители уезда Панджшер	митинг протеста	сентябрь	уезд Панджшер
61	Жители округа Хост	демонстрация протеста против деятельности западногерманских специалистов	сентябрь	округ Хост
62	Городские жители, студенты и учащиеся	демонстрация и митинг	сентябрь 1968 г.	г.Кабул
63	Учащиеся школ и местные жители	демонстрация	сентябрь 1968 г.	г.Руста__ провинция Та- хар
64	Лавочники	забастовка	октябрь	г.Лашкаргах
65	Студенты сельскохозяйственного факультета Кабульского университета	забастовка	октябрь	г.Кабул
66	Студенты Кабульского политехнического института	забастовка	октябрь	г.Кабул
67	Учащиеся механической школы и педагогического училища	забастовка	октябрь	округ Хост
68	Рабочие шерстоткацкой фабрики	забастовка	октябрь	г.Кандагар
69	Городские жители, студенты и учащиеся	демонстрация по случаю 3 акраба	октябрь	г.Кабул
70	Учащиеся лицея «Мир Вайс»	забастовка	ноябрь	г.Кандагар
71	Городские жители, студенты и учащиеся	демонстрация протеста в связи с арестом лидеров Пуштунистана	ноябрь	г.Кабул
72	Студенты, учащиеся и городские жители	демонстрация	ноябрь	г.Джалалабад
73	Учащиеся и городские жители	демонстрация	ноябрь	г.Кандагар
74	Учащиеся и городские жители	демонстрация	ноябрь	г.Герат
75	Студенты Кабульского университета и Кабульского политехнического института, учащиеся столицы	24-дневная забастовка, демонстрации, митинги	ноябрь	г.Кабул
76	Учащиеся лицея «Гази»	забастовка	ноябрь	г.Кабул
77	Рабочие текстильной фабрики	забастовка	ноябрь	г.Пули-Хумри
78	Преподаватели и учащиеся лицея	забастовка	ноябрь	Чар-Асия, провинция Кабул
79	Рабочие-строители объекта «Заркешан»	забастовка	ноябрь 1968 г.	провинция Та-хар
80	Учащиеся женской школы «Сорейя»	забастовка	декабрь 1968	г.Кабул
81	Рабочие ГЭС Сароби	митинг	декабрь 1968 г.	Сароби, провинция Кабул
82	Строители Джалалабадского ирригационного комплекса	забастовка	декабрь 1968 г.	провинция Нангархар
83	Медицинский персонал больницы «Вазир Акбар-хан»	забастовка	январь 1969 г.	г.Кабул
84	Учащиеся топографической школы	забастовка	январь 1969 г.	г.Кандагар
85	Рабочие и служащие международного аэропорта	забастовка	январь 1969 г.	г.Кандагар
86	Учащиеся лицея	демонстрация	февраль	г.Лашкаргах
87	Учащиеся лицея и городские жители	забастовка, демонстрация	март	г.Андхой, провинция Фарьяб
88	Жители уезда Гозара	митинг	март	провинция Герат
89	Учащиеся средней школы Харджеда	забастовка, демонстрация	27 марта	уезд Ниджраб, провинция Каписа
90	Учащиеся гражданской авиашколы	забастовка	30 марта	г.Кандагар
91	Учащиеся лицея «Неджат»	забастовка	1-13 апреля	г.Кабул
92	Выпускники столичных и провинциальных лицеев	митинги и демонстрации	2, 3 и 5 апреля	г.Кабул
93	Выпускники столичных и провинциальных лицеев (продолжение)	митинги и демонстрации	6-13 апреля	г.Кабул
94	Учащиеся педагогического училища	забастовка	8 апреля	г.Герат
95	Учащиеся столичных лицеев	демонстрация	14-19 апреля	г.Кабул
96	Учащиеся лицея	забастовка	20 апреля 1969 г.	г.Лашкаргах
97	Учащиеся школы «Гази Мухаммад Осман»	забастовка	апрель	провинция Каписа
98	Рабочие, служащие, студенты, учащиеся, городские жители	первомайские демонстрации	1 мая	г.Кабул
99	Рабочие, служащие, учащиеся, местные жители	первомайские демонстрации	1 мая	г.Джебаль-ус-Сирадж
100	Рабочие, служащие, студенты, учащиеся, городские жители	первомайские демонстрации	1 мая	провинция Нангархар

101	Рабочие, служащие, учащиеся, городские жители	первомайские демонстрации	1 мая	г.Кандагар
102	Рабочие, служащие, учащиеся, местные жители	первомайские демонстрации	1 мая	провинция Парван
103	Рабочие, служащие, учащиеся, местные жители	первомайские демонстрации	1 мая	провинция Каписа
104	Рабочие, служащие, учащиеся, городские жители	первомайские демонстрации	1 мая	г.Герат
105	Учащиеся лица «Абу Дауд Саджестани», средней школы «Фархи», крестьяне и городские жители	первомайские демонстрации	1 мая	г.Зерандж, провинция Нимруз
106	Учащиеся лица «Ибн Сина»	забастовка, демонстрация	5-10 мая	г.Кабул
107	Учащиеся педагогического училища	забастовка, демонстрация	5-10 мая	г.Кабул
108	Учащиеся лица «Рахман-баба»	забастовка	12 мая	г.Кабул
109	Учащиеся лица «Вулус-малан»	забастовка	10-15 мая	Чахардех, провинция Кабул
110	Студенты Кабульского университета	забастовка, демонстрация	13 мая	г.Кабул
111	Преподаватели и учащиеся школ	забастовка	19 мая	г.Ханабад, провинция Кундуз
112	Водители на строительстве ирригационных объектов	забастовка	19 мая	провинция Парван
113	Рабочие шерстоткацкой фабрики Пули-Чархи	забастовка	май 1969 г.	г.Кабул
114	Учащиеся вечернего лица	демонстрация	24 мая	г.Кабул
115	Учащиеся лица Мирбача-хан	забастовка, демонстрация	25 мая	провинция Кабул
116	Студенты и учащиеся	демонстрация	май	г.Джалалабад
117	Учащиеся средней школы «Ака Али Шамс»	демонстрация	3 июня	провинция Кабул
118	Учащиеся средней школы Хаджа Мосафер	забастовка	3 июня	уезд Пагман, провинция Кабул
119	Учащиеся средней школы Карабага	демонстрация	4 июня	провинция Кабул
120	Учащиеся лица Неман	забастовка	8 июня	провинция Парван
121	Учащиеся лица	демонстрация	10 июня	г.Джебаль-ус-Сирадж
122	Студенты и учащиеся	забастовка и демонстрация	14 июня	г.Кабул
123	Учащиеся школ и лица Баглана	демонстрация	15 и 16 июня	г.Баглан
124	Учащиеся лица «Мир Масджеди»	демонстрация	15-24 июня	провинция Каписа
125	Учащиеся педагогического училища	забастовка	16 июня	провинция Кундуз
126	Учащиеся средней женской школы Уштурграма	забастовка	16 июня	провинция Каписа
127	Учащиеся школы Дехе нау	забастовка	17 июня	провинция Логар
128	Учащиеся школ Хоста	демонстрация	17-18 июня	провинция Пактия
129	Учащиеся школ, служащие, местные жители	демонстрация	19 июня	Бомбаи, провинция Вардак
130	Рабочие Гульбахарского текстильного комбината	забастовка	21 июня	провинция Парван
131	Учащиеся лица Пагмана	забастовка и демонстрация	июнь	уезд Пагман, провинция Кабул
132	Учащиеся школ и лицеев	забастовка и демонстрация	июль 1969 г.	г.Герат
133	Рабочие птицефабрики Баграми	забастовка	30 июля	провинция Кабул
134	Водители городской автобусной компании	забастовка	5 августа	г.Кабул
135	Городские жители, студенты, учащиеся	демонстрация	31 августа	г.Кабул
136	Студенты, учащиеся, городские жители	демонстрации, митинги	25 октября	г.Кабул

137	Учащиеся лицея «Абу Абида Джаузджани»	демонстрация, митинг	25 октября	г.Меймене, провинция Фарьяб
138	Учащиеся лицея «Рошан»	демонстрация, митинг	25 октября	г.Баглан
139	Учащиеся школ и педагогического училища	демонстрация, митинг	25 октября	г.Кундуз
140	Студенты, учащиеся, городские жители	антиамериканские демонстрации и митинги в связи с визитом в страну вице-президента США С.Агню	4 января 1970 г.	г.Кабул
141	Слушатели зимних курсов учителей	митинг	31 января	г.Кабул
142	Служащие министерства сельского хозяйства и ирригации	голодная забастовка	8 февраля	г.Кабул
143	Учащиеся лицея Хазарджофт и школ города	забастовка	21 февраля	г.Лашкаргах

* Источники: Парчам. – 1969, 24-31 марта, 7 и 14 апреля, 5, 12 и 26 мая, 9, 16, 23 и 30 июня, 21 июля, 11 и 31 августа, 3 и 17 ноября; 1970. – 12 и 19 января, 2, 16 и 23 февраля; Dupree L. Afghanistan. – P.620.

Хронология забастовочных выступлений в Афганистане в 1971-1972 годах. *

№№ пп	Участники выступлений	Форма выступлений	Время	Место
1.	Студенты и преподаватели Кабульского университета	забастовка, митинги, демонстрации	с 13 ноября 1971 по 22 апреля 1972 г.	г.Кабул
2.	Рабочие и служащие управления строительства микрорайонов и Кабульского домостроительного комбината	забастовка, митинги	с 13 января по 13 апреля 1972 г.	г.Кабул
3.	Рабочие и служащие эксплуатации микрорайонов	забастовка	20-21 апреля	г.Кабул
4.	Рабочие службы эксплуатации автодороги Кабул – порт Шерхан	забастовка, митинги, поход на Кабул	6-7 марта	поселок Доши
5.	Рабочие Кабульского хлебокомбината	забастовка, митинги	18-20 апреля	г.Кабул
6.	Учащиеся мужского лицея	демонстрация и митинг	1 мая	г.Шибирган
7.	Рабочие и служащие завода «Джангалак»	забастовка, митинги	3-25 мая	г.Кабул
8.	Рабочие Шибирганской конторы бурения	забастовка, сидячий митинг, демонстрации	6-15 мая	г.Шибирган
9.	Инженерно-технический персонал департамента геологии министерства горных дел и промышленности	забастовка	23 мая – 1 июня	г.Кабул
10.	Рабочие департамента геологии и горных дел	митинги	28 мая – 1 июня	г.Кабул
11.	Рабочие-строители дороги Наибабад – Хайратон и рабочие-ремонтники	забастовка	26 мая – 2 июня	провинции Саманган и Баглан
12.	Рабочие управления строительства и службы эксплуатации микрорайонов	забастовка, митинги	30 мая – 3 июня 1972 г.	г.Кабул
13.	Рабочие Кабульского домостроительного комбината	митинг	31 мая	г.Кабул

* Источник: Ежов Г. О забастовочных выступлениях в Афганистане в 1972 г. // Специальный бюллетень № 1 (152) Института востоковедения Академии наук СССР. – М.: Наука, 1974. – С.14-36.

Приложение 9**Хронология переговорного процесса по вопросу единства НДПА (1968-1977 гг.).***

Ра-унд	Дата	Форма связей	
		Хальк	Парчам
I	Весна 1968 г.	Встреча и переговоры Шах Вали и А.К.Мисака (Хальк) с Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани (Парчам).	
II	31 марта 1969 г.	Встреча Шах Вали и А.К.Мисака (Хальк) с Г.Д.Панджшери и А.Х.Шараи Джаузджани (Парчам).	
III	9 кауса 1349 г. (30 ноября 1970 г.)	Заявление о народно-демократическом единстве.	
	10 джади 1349 г. (31 декабря 1970 г.)		Записка ЦК НДПА (Парчам) (вручена С.А.Кештманом А.К.Мисаку).
	10 дальва 1349 г. (30 января 1971 г.)	Записка ЦК НДПА (Хальк) (передана А.К.Мисаком представителю ЦК НДПА – Парчам).	
	27 дальва 1349 г. (13 февраля 1971 г.)		Записка ЦК НДПА (Парчам).
	3 хута 1349 г. (22 февраля 1971 г.)	Записка ЦК НДПА (Хальк) об условиях установления единства и своих взглядах по этой проблеме.	
	25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.)		Специальная записка: ответ ЦК НДПА (Парчам) на записку ЦК (Хальк). Одновременно было распространено «Сообщение секретариата ЦК (Парчам)».
	25 саура 1350 г. (15 мая 1971 г.)	Ответ ЦК НДПА (партии рабочего класса страны) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г.	
	9 джауза 1350 г. (30 мая 1971 г.)	Встреча Н.М.Тараки с С.Лайеком (по просьбе первого).	
	13 джауза 1350 г. (3 июня 1971 г.)		Открытое письмо ЦК НДПА (Парчам) по поводу «Ответа ЦК НДПА (партии рабочего класса страны) от 25 саура 1350 г.».
	Октябрь 1972 г.	Встреча Н.М.Тараки и Б.Кармаля по обсуждению вопроса о единстве.	
IV	Мизан 1352 г. (октябрь 1973 г.)	Встреча Б.Кармаля и Н.М.Тараки по обмену мнениями о положении в стране и проблеме единства.	
	4 хамала 1353 г. (24 марта 1974 г.)		Заявление о единстве действий (Постановление ЦК НДПА (ПТА).
	8 хамала 1353 г. (28 марта 1974 г.)	Ответ НДПА (авангарда рабочего класса страны).	
	5 сомболя 1354 г. (27 августа 1975 г.)		Сообщение по вопросу о единстве действий Народно-демократической партии Афганистана (партии рабочего класса и всех трудящихся Афганистана).
	13 сомболя 1354 г. (4 сентября 1975 г.)	Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны).	
	20 сомболя 1354 г. (11 сентября 1975 г.)		Заявление от 20 сомболя 1354 г. (Постановление ЦК НДПА (ПТА).
	9 мизана 1354 г. (1 октября 1975 г.)	Встреча и переговоры представителей Хальк и Парчам по вопросам единства.	
	10 мизана 1354 г. (2 октября 1975 г.)	Информационное сообщение ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны).	
	19 мизана 1354 г. (11 октября 1975 г.)		Вперед к единству! (Постановление ЦК НДПА (ПТА).
V	Хамаль 1356 г. (март 1977 г.)	Встреча Н.М.Тараки и Б.Кармаля при посредничестве Шах Мухаммад Доста по обсуждению политической ситуации в стране и принципов организационного единства НДПА. Во встрече принимали участие Х.Амин и Нур А.Нур.	
	Саратан 1356 г. (июнь 1977 г.)	Встреча Н.М.Тараки и Б.Кармаля. Подписание по итогам встречи «Заявления о единстве НДПА».	
	Саратан 1356 г. (июнь 1977 г.)	Совместное заседание Центральных комитетов обоих крыльев по обсуждению вопроса об организационном единстве НДПА.	
	12 саратана 1356 г. (3 июля 1977 г.)	Объединительная конференция НДПА.	

- Источники: Приведенные выше материалы и документы переписки между фракциями Хальк и Парчам по вопросу о единстве партии (из личного архива М.Барьялая; на языке дари); Краткая история НДПА. Часть 1. – С.102-113; Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. Вопросы и ответы. – С.19; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.86.

Приложение 10.

Частная пресса Афганистана в 1966-1972 годах.*

Название газеты; периодичность издания	Издатель	Главный редактор	Наиболее активные авторы газеты	Язык(и)	Дата начала издания	Дата прекращения издания	Причина прекращения издания	Ориентация
1	2	3	4	5	6	7	8	9
«Вахдат» («Единство») Еженедельник	маулави Халь Мухаммад Хаста	маулави Халь Мухаммад Хаста	Гулям Наби Чакнавард, Мухаммад Али Чупан, Хабибулла Рафи, Гульпача Ульфат, Хайри Фарьяби, Сеидджан, Хусейн Тахери, д-р Халеди, Висар, Халальэддин Бадри, Феда Пуштун и др.	пушту-дари	7 февраля 1966 г.	20 июня 1966 г.	Финансовые затруднения.	Газета выступала за достижение национального единства на основе «классовой гармонии», выражала озабоченность по поводу социального неравенства и отсталости страны.
«Пейаме эмуруз» («Сегодняшняя весть») Выходила два раза в неделю	Гулям Наби Хатер	Абдуррауф Торкмани Мухаммад Тахер Мохсени		дари	9 февраля 1966 г.	25 мая 1966 г.	Формально в связи с уходом в отставку главного редактора, а фактически из-за критики правительства и антиимпериалистических публикаций.	Оппозиционное правительству издание. Обличала общественные пороки и недостатки, критиковала клерикалов.
«Афган меллят» («Афганская нация») Еженедельник	инженер Гулям Мухаммад Фархад	Кодратулла Холад Набиулла Рафи Кодратулла Холад	Г.М.Фархад, Хадем, Феда Мухаммад Федаи, Ходдад Меранай, Абдул Мухаммад, Ималь Ахмад	пушту-дари	5 апреля 1966 г.	12 мая 1966 г. (до 20 февраля 1968 г.) 6 февраля 1972 г.	Обвинение правительства в связях с ЦРУ США. Резкая критика правительства по вопросу о Пуштунистане.	Газета была органом «Общества афганских социал-демократов». Пропагандировала идеи «национального возрождения», «великого Афганистана», «надклассового братства», «афганизма».
«Хальк» («Народ») Еженедельник	Нур Мухаммад Тараки	Мухаммад Хасан Барек Шафии	Н.М.Тараки, Б.Кармаль, С.Лайек, М.Х.Б.Шафии, Г.Д.Панджшери, М.Т.Бадахши, Н.А.Нур, А.Х.Шараи и др.	дари-пушту	11 апреля 1966 г.	22 мая 1966 г.	Обвинена властями в «нарушении Закона о печати».	Выражала взгляды леводемократических кругов Афганистана.
«Мардом» («Народ») Еженедельник	Сеид Мокаддас Негах	Гулям Мохиэддин Тафвиз	С.М.Негах, Г.М.Тафвиз, Абдулла Исар и др.	дари-пушту	11 мая 1966 г.	15 июня 1966 г.	Прекращено издание в связи с запрещением газеты «Хальк».	Газета ставила своей целью борьбу с идеями и взглядами, которые выражала газета «Хальк».
«Пейаме ведждан» («Послание совести»)Еженедельник	Абдуррауф Торкмани	Абдуррауф Торкмани		дари-пушту	24 июля 1966 г.			Газета продолжала линию «Пейаме эмуруз».
«Мосават» («Равенство») Еженедельник	Абдушакур Рашад Мухаммад Шариф Айюби	Мухаммад Рахим Эльхам Абдул Гани Майванди	Модаккак М.Камель, М.Р.Эльхам, Моманд, М.Х.Майвандваль, Абдуррауф Бенава	дари-пушту	18 января 1967 г.	декабрь 1967 г. Возобновлено издание в апреле 1968 г.	Прекращен выпуск в связи с уходом в отставку премьера М.Х.Майндваля.	Выступала за проведение в стране национально-буржуазно-демократических реформ.
«Парчам» («Знамя») Еженедельник	Сулейман Лайек	Сулейман Лайек Мир Акбар Хайбар	Б.Кармаль, С.А.Кештманд, М.А.Хайбар, А.Ратезд, Г.Д.Панджшери, С.Лайек, М.Х.Б.Шафии и др.	дари-пушту	14 марта 1968 г.	22 апреля 1970 г.	Запрещена по требованию правых консервативно-клерикальных кругов.	Выражала взгляды леводемократических кругов Афганистана.

«Садаи авам» («Голос масс») Еженедельник	д-р Абдул Карим Фарзан	Мухаммад Ареф Ханифи		дари-пушту	27 марта 1968 г.	16 июня 1968 г.	В связи с уходом в отставку главного редактора.	Выражала взгляды мелкобуржуазной, демократически настроенной интеллигенции и выступала за проведение радикальных социально-экономических реформ.
«Шоалеи джавид» («Вечное пламя») Еженедельник	д-р Абдулрахим Махмуди	д-р Абдулрахим Махмуди Ему помогал Абдул Хади Махмуди	Мухаммад Осман (Ланди), А.Х.Махмуди, Абдулла Махмуди, Васеф Бахтари, Лахиб, Асад	дари-пушту	4 апреля 1968 г.	10 июля 1968 г.	Закрыта властями в связи с экстремистскими выступлениями и арестом лидеров группировки «Шоалеи джавид».	Проповедовала маоистские ультралевые взгляды.
«Тарджоман» («Переводчик») Еженедельник	проф. Рахим Навин	Али Асхар Башир		дари-пушту	18 апреля 1968 г.			Независимая сатирическая газета с политической окраской. Вела борьбу против социальных пороков.
«Саба» («Завтра») Выходила нерегулярно	Гулям Наби Хатер	Гулям Наби Хатер	Рахим Вахдат, Мухаммад Кабир, Арфан Маланг Лала	дари-пушту	8 мая 1968 г.			Продолжая линию «Пейаме эмруз», ставила своей целью скрывать пороки общественно-политической системы, вести борьбу за социальное равенство.
«Комак» («Помощь») Еженедельник	Мухаммад Якуб Комак	Мухаммад Якуб Комак		дари-пушту	1 августа 1968 г.	1 августа 1968 г.	Закрыта по распоряжению властей после выхода первого номера за резкую критику правительства.	Оппозиционная правительству газета.
«Караван» Ежедневная газета	Сабахуддин Кушкаки	Абдулхак Валех		дари-пушту	24 сентября 1968 г.			Выражала взгляды либерально-буржуазных кругов.
«Хайбар» Еженедельник	Муhibуррахман Хуса	Муhibуррахман Хуса	маулави Мухаммад Хасан Касим Арьян, Биби Голь, Хабиб Панджшери, Устад Пашаи, Мухаммад Мехди Мухтар	пушту-дари	10 октября 1968 г. Возобновлено издание с 1 ноября 1971 г.	29 октября 1968 г.	Выпуск газеты был прекращен по решению ее издателя.	Придерживалась консервативно-клерикальных и буржуазно-националистических взглядов и идеи создания «Свободного Пуштунистана».
«Парвана» («Мотылёк») Еженедельник	Аманулла Парвана	Аманулла Парвана	Сонгин, Абдулрахим Масхуб, Абдулрауф Цапанд, Жаранд Дерахшан, Альмас, Азиз Мухтар и др.	дари-пушту	2 декабря 1968 г.	20 января 1969 г.	Арест издателя и заключение его в тюрьму сроком на семь месяцев.	Проповедовала взгляды, оппозиционные правительству.
«Хадаф» («Цель») Еженедельник	Гулям Мухаммад Ормур	Мухаммад Рахим Мехребан		дари-пушту	18 декабря 1968 г.	13 августа 1969 г.	Закрыта властями в период избирательной кампании по выборам парламента.	Вела борьбу против общественных пороков и недостатков.
«Джабхайи мелли» («Национальный фронт») Еженедельник	Абдуллаб Ахлак	Абдуллаб Ахлак		дари-пушту	30 декабря 1968 г.	15 июня 1969 г.	Финансовые затруднения.	Выражала взгляды либерально настроенной части правящих кругов и выступала за проведение «сверху» буржуазных реформ.
«Гахидз»	Менхаджуддин	Менхаджуддин	Мухаммад Юнус Хайран, Мухаммад	пушту-	26 января			Выражала взгляды крайне

«Утро» Еженедельник	Гахидз	Гахидз Абдул Салим Фергани	Юнус Халес, маулина Моджахед, Бурхануддин Раббани	дари	1969 г.			правых консервативно-клерикальных кругов.
«Пактика» Еженедельник	Шах Заман Урез Станитай	Шах Заман Урез Станитай		пушту-дари	10 марта 1969 г.			По своим взглядам газета была довольно близкой к «Афган меллят».
«Сапидадам» («Рас-свет») Еженедельник	Сеид Мухаммад Бамдад	Абдул Башир Кабир Махмуд Фарани	Юсуф Кохзад, Махмуд Фарани, Голь Мухаммад Адабьяр, Сулейман Парвиз, Голь Мухаммад Омар, Шинвари, Газневи, Афеус, Рафик Яхьяи и др.	дари-пушту	21 апреля 1969 г.	5 ноября 1969 г.	Финансовые затруднения.	Литературное издание. Его учредители заявили, что они стоят вне политики и не принадлежат ни к какой партии или движению Их цель – показать общество таким, каким оно есть, бороться за демократию, независимость, конституционные свободы.
«Этгехаде мелли» («Национальный союз») Еженедельник	Абдул Хаким Можда	Абдул Хаким Можда		дари-пушту	19 июля 1969 г.	1972 г.		Выражая взгляды буржуазно-помещичьих кругов, газета выступала за ограниченные реформы при соблюдении норм ислама и традиций.
«Афган вулус» («Афганский народ»)	сенатор Кия-муддин Хадем	Мосафер Садек А.К.Адримзай	Мухаммад Зариф Шарифзаде, Абдусамал Бозгар, Кадир Абдуррахимзай, Хафизулла Абдуррахимзай	пушту	10 августа 1969 г.	15 сентября 1969 г.	Финансовые затруднения.	Газета ставила своей целью содействовать духовному, культурному и экономическому развитию Афганистана и афганцев.
«Рузгар» («Время») Еженедельник	Мухаммад Юсуф Фаранд	Мухаммад Юсуф Фаранд		дари-пушту	28 октября 1969 г.			Выступала за упрочение конституционного строя, развитие и укрепление демократии, создание многопартийной системы, проведение социально-экономических реформ, включая земельную, поддерживала прогрессивные начинания правящих кругов.
«Афган» Еженедельник	Мухаммад Хасан Вулусмаль	Мухаммад Хасан Вулусмаль	Азизуррахман Ульфат, Сеид Шамседдин Маджрух Афганьяр, Абдулхай Хабиби, Хан Мухаммад Айюб-хан Ацакзай, М.Х.Майвандваль, Абдуррауф Бенава, Рухулла Хабиб, Мухаммад Хашим Гамшарик, генерал-лейтенант в отставке Хан Мухаммад, Абдул Карим Хакими	пушту-дари	23 августа 1971 г.			Выступала за установление в стране парламентской демократии, укрепление национального единства и конституционного строя. Выражала взгляды пуштунской интеллигенции.
«Недайи хакк» («Голос истины») Еженедельник	маулави Абдул Саттар Сиддики	Гулям Наби Зормати		дари-пушту	15 сентября 1971 г.	18 января 1972 г.	Финансовые затруднения.	Выражала взгляды клерикальных кругов.
«Меллят» («Нация») Еженедельник	Феда Мухаммад Федаи	Феда Мухаммад Федаи	Надир Хассас, Рахмат Зафар Алькозай, Г.Джалалзай	пушту-дари	26 сентября 1971 г.	10 января 1972 г.	Запрещена властями в связи с критикой правительственного курса по пуштунской проблеме.	Выражала взгляды правого крыла афганских социал-демократов. Выступала с позиций пуштунского шовиниз-

«Афкаре нау» («Новые взгляды») Еженедельник	Нурулла Нурзад	Зия Хайдари		дари-пушту	30 марта 1972 г.	1 апреля 1972 г.	Издание газеты было прекращено в связи со смертью Н.Нурзада.	ма. Выразала интересы средних слоев, намеревалась бороться «против реакции, гнета, дискриминации, несправедливости, обмана, взяточничества, коррупции и за создание правительства на принципах ислама и права».
«Найкар» («Борьба») Еженедельник	Гулям Мухаммад Альмасак	Гулям Мухаммад Альмасак		дари-пушту	22 декабря 1972 г.			Выходила вместо газеты «Афкаре нау», унаследовав ее цели и программу.
«Шухак» («Шутник») Еженедельник	Абдул Гаффар Аудаэ	Азиз Мухтар	Джамиля Шухак, Шоур, Годаз Минавар, Амин Мушуф Харави, Юсуф Зигам Бадахши, Зарифа Бача	пушту-дари	16 декабря 1971 г.	8 января 1972 г.	Закрыта правительством в связи с плохим внешним оформлением газеты.	Сатирический печатный орган демократического направления.

Примечание: кроме указанных выше газет, в рассматриваемые годы издавались короткое время и некоторые другие органы частной прессы. Так, в Кундузе выходила газета «Руз» («День»), выступавшая с радикальных позиций против компании «Спинзар», а в Кабуле – два еженедельных журнала: «Ислам», имевший ярко выраженную религиозную направленность (издатель и главный редактор – Менхаджуддин Гахидз), и «Дарья» («Река»), литературно-художественный журнал (издатель – Спозми Рауф, главный редактор – Абдул Саттар).

* Источники: Ахрамович Р.Т. Афганистан в 1961-1966 гг. – С.103-125; История Афганистана. – С.290-308; Путеводитель по Кабулу. – С.221; Зальмай М.В. Известные печатные издания Кабула. – Кабул, 1989. – На языке пушту; Dupree L. Afghanistan. – P.602-607.

Примечания

Введение

1. Режим моджахедов во главе с Б.Раббани в 1966 г., в ходе ожесточенных боев с экстремистским движением «Талибан» утратил на длительное время власть в Кабуле и на большей части территории Афганистана и смог вернуть утраченное лишь в конце 2001 г.
2. Ахрамович Р.Т. Афганистан после второй мировой войны. Очерк истории. – М.: ИВЛ, 1961. – 177 с.; его же. Афганистан в 1961-1966 гг. Политическое положение. Конституционная реформа. – М.: Наука, 1967. – 172 с.; его же. Советско-афганские отношения. – М.: Политиздат, 1971. – 79 с.
3. Демократическая Республика Афганистан: Справочник / Отв. ред. М.Р.Арунова. – М.: Наука, 1981. – 173 с.
4. Афганистан. Справочник. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 256 с.
5. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В.Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.
6. Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – М.: Наука, 1983. – 198 с.
7. История вооруженных сил Афганистана. 1747-1977 / Отв. ред. Ю.В.Ганковский; авторы: Ю.В.Ганковский, А.И.Полищук, М.Ф.Слинкин. – М.: Наука, 1985. – 206 с.
8. Мурадов Г. Демократическая Республика Афганистан. – М.: Знание, 1982. – 63 с.; его же. Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции // Афганистан: прошлое и настоящее. – М.: Общественные науки, 1982. – С.97-111.
9. Поляков Г.А. Афганистан революционный. – М.: Международные отношения, 1981. – 69 с.
10. Ульяновский Р.А. Афганская революция на современном этапе // Вопросы истории КПСС. – 1982. – № 4. – С.84-95.
11. Давыдов А.Д. Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан (социально-экономический анализ). – М.: Наука, 1984. – 182 с.; его же. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. – М.: Наука, 1993. – 180 с.
12. Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
13. Война в Афганистане. – М.: Воениздат, 1991. – 387 с.
14. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – М.: Наука, 1990. – 192 с.
15. Актуальные проблемы Афганской революции. – М.: Наука, 1984. – 660 с.
16. Коргун В.Г. Афганистан: политика и политики. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 140 с.
17. Афганистан: проблемы войны и мира. – М.: Редакционно-издательский отдел Института востоковедения РАН, 1996. – С.102-126.
18. Народно-демократическая партия Афганистана (авангард рабочего класса страны). Доклад по случаю 10-й годовщины образования партии. – Кабул, 1 января 1975. – Перев. с дари (машинописный текст). – 10 с.; О Народно-демократической партии Афганистана (авангарде рабочего класса страны). – Кабул, 1976. – Перев. с дари (машинописный текст). – 32 с.; Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – Кабул, 1976. – Перев. с дари (машинописный текст). – 8 с.
19. См., напр.: Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – Кабул: Б.и., 1978. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е хезб-е демократик-е халк-е Афганестан та энкелаб-е саур). – 102 с.; Краткая биография генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Нур Мухаммада Тараки // Ды Афганестан каланый. – Кабул: Б.и., 1358 (1979). – С.4-25.
20. Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. Вопросы и ответы. – Кабул: Б.и., 1982. – На языке дари. – 120 с.
21. Молодежное движение Афганистана и роль НДПА в создании и укреплении ДОМА. – Кабул: Б.и., 1983. – На языке дари (джомбеш-е джаванан дар Афганестан ва накш-е ХДХА дар иджад ва ташакол-е СДДЖА). – 88 с.
22. Маздак, Фарид Ахмад. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – Кабул: Б.и., джауза 1365 (1986). – На языке дари (ташкил ва фаалият-е СДДЖА дар шарайет-е пирузи ва дефа аз энкелаб-е саур). – 90 с.
23. Осман, Ибрагим. Печатные органы НДПА до победы Апрельской революции. – Кабул: Издательство Кабульского университета, 1363 (1984). – На языке дари (органха-йе нешрати-йе ХДХА кабл аз пирузи-йе энкелаб-е саур). – 128 с.
24. Дехнешин, Феда Мухаммад. Основные направления идеологической работы нашей партии. – Кабул: Государственный комитет по печати, 1363 (1984). – На языке дари (джехат-е асаси-йе кар-е идеоложик-е хезб-е ма). – 104 с.
25. Краткая история НДПА. Часть первая (до победы Апрельской революции). – Кабул: Б.и., 1988. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е ХДХА). – 128 с.
26. Dupree, Louis. Afghanistan. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. – 778 p.
27. Dupree, Louis, and Albert, Linette, eds. Afghanistan in the 1970-s. – New York: Praeger, 1974.

28. Arnold, Anthony. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – Stanford: Hoover Institution Press, 1981. – 126 p.; Idem. Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq. – Stanford: Hoover Institution Press, 1983. – 243 p. Последняя работа является, пожалуй, единственной в мировой афганистике, где делается попытка дать обобщенное исследование истории НДПА до 1983 г., и в то же время наиболее спорной в своих оценках и выводах. – М.С.
29. Bradsher, Henry S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham: Duke University Press, 1985. – 384 p.
30. Poullada, Leon B. Afghanistan and the United States: The Crucial Years // Middle East Journal. – Spring 1981. – Vol.35, № 2. – P. 178-190.
31. Newell, Nancy P., and Newell, Richard S. The Struggle for Afghanistan. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1981. – 236 p.
32. Noumoff S.J. Reflections on the Afghan Revolution // Democratic Pakistan. – 1984. – № 16. – P.24-27
33. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. № 15. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2000. – С.82-95.
34. Аллан, Пьер, Клей, Дитер. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.
35. См. о нем подробнее: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). – Симферополь: Издательство Симферопольского государственного университета, 1999. – С.210-212.
36. Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. – С.51-66.
37. Anwar, Raja. The Tragedy of Afghanistan: A First-hand Account. – London–New-York: Verso, 1988. – 286 p.
38. Анвар Раджа многие сведения о деятельности левой оппозиции в Афганистане получил в ходе бесед с высокопоставленными халькистскими деятелями, с которыми ему пришлось коротать время в тюремных застенках Пули-Чархи.
39. Mukherjee, Sadhan. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – New Delhi: Sterling Publishers Private Limited, 1984. – 258 p.
40. Surjeet, H. Singh. Developments in Afghanistan. – New Delhi: Des Raj Chadha, January 1982. – 22 p.
41. Islam, Mafizul. Afghanistan: Facts and Fictions. – Comilla: Uttaran Prakashani Ltd., 1981. – 128+62 p.
42. См., напр.: Nayat Khan, Azmat. The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham Parties in Afghanistan // Central Asia. – Winter 1987. – Vol. 28, № 21. – P.27-43.
43. См., напр.: Хакшенас Ш.Н. Русские интриги и преступления в Афганистане от эмира Дост Мухаммада до Бабрака. – Тегеран: Б.и., 1984. – На языке дари (дасайес ва дженайт-е рус дар Афганестан аз амир Дост Мухаммад та Бабрак). – 32 с.; Russian Political Manoeuvres and Hypocracies on Afghanistan Issue. – Peshawar: Jamiat-e Islami Afghanistan, September 1981. – 31 p.; Amin T. Afghan Resistance: Past, Present and Future // Asian Survey. – 1984. – Vol. 24, № 4.

Глава 1

1. Энгельс Ф. Афганистан // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т.1. – С.78.
2. Здесь и далее статистические данные приводятся по: Ежегодник БСЭ. 1990. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.206-208; Демократическая Республика Афганистан: Справочник. – М.: Наука, 1981. – С.4-12; Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций (составитель В.А.Кострюков). – Кабул, 1988 (ротапринт); Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361 (1982-1983). – Кабул, 1983. – С.132. – На языке дари; Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1363 (1984-1985). – Кабул, 1985. – На языке дари; Статистический ежегодник ЦСУ РА. 1365 (1986-1987). – Кабул, 1987. – На языке дари; Ali, Mohammad. The Afghans. – Kabul, 1969. – P.1-8; Statistical Year Book. Democratic Republic of Afghanistan. 1360 (March 1981 – March 1982). – Kabul: Central Statistic Office, 1983. – P.5-7.
3. Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – Кабул, 1967. – С.9. – На языке дари.
4. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361. – С.37-39.
5. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919-1987. – М.: Мысль, 1988. – С.216.
6. Статистические данные о населении здесь и далее приводятся по: Ежегодники БСЭ. 1973-1990. – М.: Советская энциклопедия, 1973-1990; Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1363; Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361; Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций; Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – С.42; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.6-11; Statistical Year Book. Democratic Republic of Afghanistan. 1360.
7. Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.11.
8. Капиталистические и развивающиеся страны: Социально-экономический справочник. – М.: Политиздат, 1973. – С.343.
9. См. тж: Statistical Year Book. DRA. 1360. – P.58.
10. Wirsing, Robert Y. Repatriation of Afghan Refugees // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. – Fall 1988. – Vol. XII, № 1. – P.20.

11. В начале 80-х годов в некоторых афганских статизданиях при подсчете численности трудоспособного населения брался также возраст от 10 до 59 лет. – См., напр.: Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361. – С.7.
12. Статистический ежегодник ЦСУ РА. 1365. – С.51-52.
13. Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.12.
14. Парчам. – 1968, 12 августа.
15. Такие же выводы еще ранее подтверждал своими подсчетами ученый-афганист А.Д.Давыдов. – См.: Давыдов А.Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана. – М.: Наука, 1976. – С.215.
16. Парчам. – 1968, 2 мая.
17. Давыдов А.Д. и Черняховская Н.И. Афганистан. – М.: Мысль, 1973. – С.126; Парчам. – 1968, 2 мая.
18. Актуальные проблемы афганской революции. – М.: Наука, 1984. – С.188.
19. См. об этом подробнее: Давыдов А.Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана. – С.225-236.
20. Там же.
21. См., напр.: Давыдов А.Д. Мелкотоварное крестьянское хозяйство в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1989. – С.164-165.
22. Давыдов А.Д. и Черняховская Н. Афганистан. – С.94 и 122.
23. Statistical Year Book. DRA. 1360. – P.62.
24. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1360. – С.32-33, 53, 220-238.
25. Актуальные проблемы афганской революции. – С.190.
26. Там же, с.192.
27. См.: Конституция Афганистана. – Кабул, 1 октября 1964. – Ст. 2 и 8.
28. См. об этом подробнее: Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – М.: Наука, 1976. – С.204-206.
29. В конце 60-х годов в Афганистане функционировали три частных медресе, принадлежавшие улемам, и шесть правительственных (в Кабуле, Мазари-Шарифе, две в Герате, Джалалабаде и Меймене), в которых проходили обучение 900 человек. – См.: Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – С.203.
30. Путеводитель по Кабулу. – Кабул, 1345 (1966). – С.100-116. – На языке дари; Wolfe, Nancy Hatch. An Historical Guide to Kabul. – Kabul.: The Afghan Tourist Organization, 1965. – P.62-63, 80.
31. См. об этом: Население земного шара: Справочник. – М., 1965. – С.132-133; Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – С.197.
32. Меллиятхайи барадар. – 1984. – Сентябрь-октябрь. – № 7. – С.38 и 40.
33. Там же, с.39.
34. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – С.23; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.9.
35. Демократическая Республика Афганистан: Справочник. – С.9-10; Хекмати, Джалат-хан. Социально-экономическая структура пуштунов до Апрельской революции. – Кабул: Издательство АН ДРА, 1362 (1983). – С.134. – На языке пушту; Ali, Mohammad. The Afghans. – P.6-7; Wolfe N.H. An Historical Guide to Kabul. – P.3; Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1981. – P.23.
- 35а. Там же.
36. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – С.28; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.34-35.
37. Там же, с.52
38. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – Кабул: Академия Наук ДРА, 1365 (1986). – С.16. – На языке дари.
39. Там же.
40. В связи с тем, что Сарбан был старшим среди своих братьев-прародителей пуштунских племен, дуррани обосновывают этим свое преимущественное право на верховную власть и привилегированное положение в афганском этносообществе.
41. См. об этом: Босфорт К.Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. (Перев. с англ.). – М.: Наука, 1971. – С.274.
42. См. об этом: Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – С.28; Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – С.265-267.
43. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.29.
44. Там же, с.16-17; Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – С.193.
45. Данные оценки 1985 г. (см. Приложение 2).
46. См. об этом: Шпажников Г.А. Религии стран Западной Азии. – С.195-196.
47. В основу изложения данного раздела положена рукопись автора об обычаях и традициях афганцев, подготовленная им в 1970 году по просьбе советского посольства в Кабуле для внутреннего использования в коллективах советских граждан, работавших тогда в Афганистане. – М.С.
48. Источниками и литературой для написания данного раздела явились работы: Хадем, Киямуддин. Пуштунвали. – Кабул, 1952. – На языке пушту; Бахтани, Абдулла. Обычай и нравы афганцев. – Ка-

- бул, 1955. – На языке пушту; Афганские обычаи. – Кабул: Издание Афганской академии, 1957. – На языке пушту; Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.17-26; Жехак, Луц. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. Сб. статей. – М.: Наука, 1989. – С.58-72; Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. – С.39-57; Ali, Mohammad. *Manners and Customs of the Afghans*. – Lahore: The Punjab Educational Press, 1958; Idem. *The Afghans*.
49. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.18.
 50. См. об этом: Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. – С.47-51.
 51. Loya Jirgah (Grand Assembly): Documents. – Kabul: Afghanistan Today Publishers, Nov. 1987. – P.23-24.
 52. См. об этом подробнее: Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. – С.43-45.
 53. См. об этом тж: История вооруженных сил Афганистана. 1747-1977. – М.: Наука, 1985. – С.119-122; Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов. – С.43-45.
 54. Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.32.
 55. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.19-20.
 56. Хадем К. Пуштунвали. – С.43.
 57. Здесь и далее использованы материалы из книги К.Хадема «Пуштунвали».
 58. Кабульская рупия – старая серебряная денежная единица Афганистана. В 80-х годах XX в. продавалась на черном рынке Кабула по 3-4 тысячи афгани за рупию.
 59. «Гветлака» – девушка, выдаваемая замуж с целью прекращения кровной мести.
 60. Хадем К. Пуштунвали. – С.180.
 61. Там же, с.186.
 62. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.25.
 63. Энгельс Ф. Афганистан. – С.78.
 64. Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.20.
 65. Ibid., p.25.
 66. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – С.29.
 67. Там же, с.33.
 68. Там же, с.62.
 69. Там же.
 70. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.21.
 71. Хадем К. Пуштунвали. – С.40.
 72. Там же, с.25.
 73. Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.20.
 74. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – С.24.
 75. Перевод с пушту М.С. – См. об этом: Агаи М.И. Словарь пуштунской племенной фразеологии. – Кабул, 1358 (1979). – С.9. – На языке пушту.
 76. См. об этом: Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.33-36.
 77. Ibid., p.35.
 78. Рейснер Л. Избранные произведения. – М., 1980. – С.127.
 79. Перевод с англ. М.С. – См.: Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.52; Idem. *Manners and Customs of the Afghans*. – P.29.
 80. Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.60-61.
 81. Коран. Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. – М.: Наука, 1986. – С.52 (сура 2, стих 230).
 82. Коран. Пер. с арабского языка Г.С.Саблукова. Третье издание. – Казань: Центральная типография, 1907. – С.65-67 (глава 2, стих 228).
 83. Там же, с.151 (глава 4, стих 38).
 84. Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.45.
 85. Коран. Пер. с арабского языка Г.С.Саблукова. – С.69 (глава 2, стих 233).
 86. Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.47.
 87. Ibid., p.91-92. Здесь и далее использованы материалы указанной книги (см. p. 91-101).
 88. Ibid., p.94.
 89. Здесь и далее автор пользуется материалами книг профессора Мухаммада Али. – См.: Ali, Mohammad. *The Afghans*. – P.57-76; Idem. *Manners and Customs of the Afghans*. – P.21-24,53-57.

Глава 2

1. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т.21. – М.: Художественная литература, 1974. – С.223.
2. См. об этом подробнее: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.52-58.
3. Герасимова А.С., Гирс Г.Ф. Литература Афганистана: Краткий очерк. – М.: ИВЛ, 1963. – С.103-104.
4. Dupree L. *Afghanistan*. – P.494-495; Arnold A. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective*. – P.32-33.

5. Зальмай, Мухаммад Вали. Известные кабульские печатные издания. – Кабул, 1989. – С.132-133. – На языке пушту.
6. Тараки Н.М. Желания народа. Чего мы хотим? // Ангар. – 1951, 1 марта; см. тж: Ангар. – 1951, 1, 8, 12, 15 и 29 марта, 1, 8 и 10 апреля.
7. Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.58; Зальмай М.В. Известные кабульские печатные издания. – С.138-139.
8. Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.66.
9. См. об этом подробнее: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.59-74; История Афганистана. – С.256-262.
10. Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.33.
11. См. об этом: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.92-99; Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.5.
12. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919-1987. – С.177.
13. Там же, с.229; Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.24.
14. Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.39.
15. Ислах. – 1955, 21 ноября.
16. См. об этом подробнее: Актуальные проблемы афганской революции. – С.33-37.
17. Конституция Афганистана. – Кабул, 1 октября 1964. – Ст. 1. Здесь и далее ссылки даются на данное издание.
18. 20-летие Народно-демократической партии Афганистана: Материалы юбилейного заседания ЦК НДПА, Революционного совета и Совета министров ДРА. 10 января 1985 г. – Кабул, 1985. – С.11.
19. Актуальные проблемы афганской революции. – С.56.
20. Мухаммад Тахер Бадахши – основатель РОТА // Михан. – 1988, 22 октября.
21. По свидетельству старых членов НДПА, А.М.Зохма считал себя «знаменосцем марксизма в Афганистане» и первым человеком в этой стране, кто изучил «Капитал» К.Маркса. Зохма приписываются слова о том, что он якобы на могиле К.Маркса в Лондоне поклялся «поднять знамя марксизма в Афганистане».
22. Актуальные проблемы афганской революции. – С.55-56.
23. Там же, с.56.
24. Конституция Афганистана. – Кабул, 1 октября 1964. – Ст. 32.
25. Ды Афганестан каланый. – [Кабул], 1358 (1979). – С.13. – На языке дари.
26. Там же, с.14.
27. Американский автор Антони Арнольд ошибочно указывает, что будто бы в работе I Учредительного съезда НДПА участвовали Абдуррашид Арьян, Махмуд Барьялай (по свидетельству самого М.Барьялая, он 1 января 1965 года входил лишь в группу охраны места проведения съезда), Мухаммад Салем Масуди, Абдул Вакиль и Файзан-уль-Хак Файзан. – См.: Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.188-197.
28. Правящий монархический режим категорически запрещал военнослужащим «заниматься политической», а афганское военное законодательство того времени предусматривало жестокое наказание, вплоть до смертной казни, за нарушение указанного запрета. – См.: Положение о внутренней службе афганской армии. – Б.м., Б.г. – На языке дари; Положение о воинских наказаниях. – Кабул, 1341 (1962). – Ст. 28. – На языке дари; Законопроект о создании политических партий. – Кабул, 1345 (1966). – Ст. 5. – На языке дари.
29. Маздак, Фарид Ахмад. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – Кабул, 1365 (1986). – С. 27. – На языке дари.
30. Группой «Прогресс» назывались члены кружков, объединившихся вокруг Н.М.Тараки.
31. Здесь и далее автором использовались полевые материалы, собранные им во время пребывания в Афганистане, а также материалы о работе Учредительного съезда НДПА, опубликованные в следующих изданиях: Актуальные проблемы афганской революции. – С.58-58; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.2-5; Ды Афганестан каланый. – С.14; Краткая история НДПА. Часть 1. – С.52-57; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.11-12; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.94-95; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.25-26.
32. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. – М.: Политиздат, 1961. – С.39, 63-70; Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1964. – С.44-51.
33. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.54.
34. О Народно демократической партии Афганистана. – С.4.
35. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.55; Демократическая программа Хальк. – Кабул: Партийная типография, 1985. – С.2 (предисловие). – На языке дари; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.13.
36. Поляков Г.А. Афганистан революционный. – С.32; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.15; National Conference of the PDPA on National Reconciliation (Oct. 18-20, 1987). Documents. – Kabul, 1987. – P.29.

37. В первой половине 1966 года получили разрешение на издание и начали издаваться в Кабуле пять следующих частных газет: в феврале – «Пейаме эмруз» и «Вахдат»; в апреле – «Хальк» и «Афган меллят»; в мае – «Мардом». – См. подробнее об этом ниже, в главе 3.
38. Демократическая программа Хальк. – С.2 (предисловие); О Народно-демократической партии Афганистана. – С.5. Относительно вопроса об авторе данной программы встречается и другая точка зрения. В частности, в публикациях НДПА 1978-1979 годов заявлялось, что «проект программы партии, разработанный комиссией ЦК, а затем принятый на партийной конференции (так в тексте. – М.С.), был написан Нур Мухаммадом Тараки». – См.: Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.17; Ды Афганестан каланый. – С.14; Биография генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Нур Мухаммада Тараки. – Кабул: Издание Главного политического управления народных вооруженных сил ДРА, 1978. – С.25-26. «Авторство» Н.М.Тараки было оспорено Г.Д.Панджшери еще в 1969 году в газете «Парчам», где последний, давая разъяснения по поводу одной статьи в газете «Пейаме ведждан» от 27 апреля 1969 г., писал, что «основной и окончательный проект Демократической программы Хальк не был ни в кой мере составлен Н.М.Тараки», а «явился результатом коллективного труда группы ответственных и компетентных лиц». – См.: Панджшери Г.Д. С помощью ругани и оскорблений нельзя извратить истину // Парчам. – 1969, 5 мая.
39. Демократическая программа Хальк. – С.3-4. Далее ссылки даются на данный документ.
40. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. – Т.7. – С.344.
41. Демократическая программа Хальк. – С.42-43.
42. Там же, с.53-55.
43. Там же, с.2-4.
44. Там же, с.3, 12-13, 30-32, 42-43.
45. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Полн. собр. соч. – Т.39. – С.329.
46. Демократическая программа Хальк. – С.36-37.
47. Там же, с.24-25.
48. Там же, с.49.
49. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – С.44-51, 53-54; Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. – С.63-70; Основы научного атеизма. – М.: Политиздат, 1962. – С.9.
50. Демократическая программа Хальк. – С.43, 68 и 69.
51. Путеводитель по Кабулу. – С.222-223; Ды Афганестан каланый. – С.14.
52. Использование красного цвета в названии газеты имело свой прецедент и в прошлом. Еще в 1950 году в красном цвете давалось название частного оппозиционного еженедельника «Ангар», издававшегося политическим течением «Виш зальмиян».
53. Осман И. Печатные органы НДПА до победы Апрельской революции. – С.10; Народно-демократическая партия Афганистана (авангард рабочего класса страны). Доклад Центрального Комитета по случаю 10-й годовщины образования партии; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.18; Dupree L. Afghanistan. – P.608; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.48.
54. Хальк. – 1966, 25 апреля.
55. Кармаль Б. Пути и средства осуществления чаяний угнетенных народов Афганистана и целей Демократической программы Хальк // Хальк. – 1966, 2 мая.
56. Хальк. – 1966, 25 апреля.
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же.
61. Хальк. – 1966, 2 мая.
62. Хальк. – 1966, 25 апреля, 2 и 9 мая.
63. Хальк. – 1966, 9 мая.
64. Хальк. – 1966, 2 мая.
65. Хальк. – 1966, 9 мая.
66. См. об этом подробнее: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.120-122.
67. Хальк. – 1966, 16 мая.
68. Кабул Таймс. – 1966, 5 и 12 мая.
69. Там же, 23 и 24 мая.
70. Путеводитель по Кабулу. – С.221; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.10.
71. См. об этом: Ахрамович Р.Т. Афганистан в 1961-1966 гг. – С.104-106; Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.122-123.
72. Путеводитель по Кабулу. – С.221; Dupree L. Afghanistan. – P.602-603.

73. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.6.
74. Бадахши М.Т. Общественная терминология // Хальк, 1966. – 9 мая.
75. Актуальные проблемы афганской революции. – С.63.
76. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.6-8; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.30-32; Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.). – Кабул, 25 саура 1350 г. (15 мая 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
77. Осман И. Печатные органы НДПА до победы Апрельской революции. – С.27.
78. Устав Народно-демократической партии Афганистана. – Б.м., Б.г. – На языке дари. Далее ссылки даются на это издание.
79. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.96.
80. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.10; Ды Афганестан каланый. – С.15; Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки от 25 саура 1350 г. (15 мая 1971 г.). – Кабул, июнь 1971. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
81. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.10.
82. Там же, с.11.
83. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки.
84. Ды Афганестан каланый. – С.15; Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки; Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. – С.14.
85. Ды Афганестан каланый. – С.15; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.20-21; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.11.
86. Вулуси джирга джарида. – 1966, 7 августа. – № 18. – С.2; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.21-23.
87. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.11; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.21-23.
88. Заявление Б.Кармаля об отставке из руководящих органов партии. 2 мизана 1345 г. (24 сентября 1966 г.). – На языке дари (фотокопия); О Народно-демократической партии Афганистана. – С.13.
89. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки.
90. Там же.
91. Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.). – Кабул, 15 мая 1971 г. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); О Народно-демократической партии Афганистана. – С.13-14; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.23-24.
92. Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.35; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.51-52.
93. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.24.
94. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.16.
95. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.52.
96. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.52-53.
97. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.14.
98. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.25; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.38.
99. Документ конференции НДПА. – [Кабул], 1977. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая); Краткая история НДПА. Часть 1. – С.83.
100. 20-летие Народно-демократической партии Афганистана. – С.18-19.
101. Там же, с.18; см. тж: Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. – С.13-14.
102. Доклад генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллы в связи с 25-й годовщиной создания партии. 1 января 1990 г. – Кабул, 1990. – С.4. – На языке дари (ксерокопия).
103. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.9-10.
104. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – Б.м., 1976. – С.2 (машинописный текст; перевод с дари).
105. Там же, с.3.

106. Там же, с.4; Радостная весть. – Кабул, декабрь 1970. – Листовка на языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
107. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С.3-6; О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 10-17.
108. Биография генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Нур Мухаммада Тараки. – С.27-28; Ды Афганестан каланий. – С.15.
109. Кармаль Б. Что делать? // Парчам. – 1969, 21 и 28 апреля.
110. Там же; Парчам. – 1969, 16 июня.
111. Пейаме ведждан. – 1969, 27 апреля; Парчам. – 1969, 5 мая; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.17.
112. Парчам. – 1969, 27 апреля, 5 мая, 30 июня и др.; Воззвание к борцам-патриотам Афганистана: Документы по поводу единства парчамистов и халькистов. – Гамбург, январь 1976. – На языке дари (рота-принт).
113. См.: Демократическая Республика Афганистан: Справочник. – С.42-43; Поляков Г.А. Афганистан революционный. – С.37; История Афганистана. – С.302-303; Мурадов Г. Демократическая Республика Афганистан; он же. Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции // Афганистан: прошлое и настоящее. Советское востоковедение. (Выпуск 1). – С.100; Актуальные проблемы афганской революции. – С.67-75; Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции. – С.13.
114. Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.34-36; Idem. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.51-52; Dupree L. Afghanistan under the Khalq // Problems of Communism. – July-August 1979. – Vol. XXVIII, № 4. – P.41; Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. – P.63; Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.29; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.49; Azmat Hayat Khan. The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham Parties in Afghanistan. – P.41-42; Saikal A. The Afghanistan Conflict: Gorbachev's Options. – P.12.
115. Антони Арнольд эту свою оценку о «туманных марксистских догматах» относил к следующей приводимой им в его книге цитате, взятой из справочника «Демократическая Республика Афганистан»: «...трудные условия полулегальной деятельности, нападки реакционных кругов и ультралевых группировок, репрессий со стороны властей, малочисленность, политическая неопытность и слабая организация рабочего класса, низкий уровень классового и политического сознания трудящихся, незавершившийся процесс классового образования – все это осложняло процесс становления и формирования НДПА. Поэтому она не избежала «болезни роста». – См.: Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.35-36.
116. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.97.
117. Кармаль Б. Народ Афганистана отстоит революцию // Проблемы мира и социализма. – 1980. – № 4. – С.41; Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jadi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, 1981. – P.527.
118. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.6.
119. Там же.
120. Кармаль Б. Взгляды на наши национальные задачи на текущем историческом этапе (пути и средства достижения победы) // Парчам. – 1968, 14 марта.
121. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С.2.
122. Парчам. – 1969, 19 мая.
123. Кармаль Б. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане // Парчам. – 1969, 19 мая.
124. Специальная записка ЦК НДПА в ответ на письмо от 3 хута 1349 г. (22 февраля 1971 г.) и одновременно ответ на ваш материал «Радостная весть». – Кабул, 25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.96.
125. Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г.; Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С.2-7; Актуальные проблемы афганской революции. – С.61-62.
126. Кармаль Б. Взгляд на наши национальные задачи на текущем историческом этапе; он же. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане.
127. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С.7.
128. Заявление Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана по случаю приглашения в Афганистан премьер-министра З.А.Бхутто. 10 мая 1976 г. – На языке дари (машинописный текст); Harrison S. In Afghanistan's Shadow. – P.141-148.
129. Автору в начале 60-х годов приходилось в качестве переводчика неоднократно встречаться с М.Даудом, который в беседах довольно часто развивал мысль о необходимости возвращения зару-

- бежных братьев-пуштунов в лоно их исторической родины путем разжигания среди них антиафганской партизанской войны и всесторонней поддержки ее со стороны Афганистана.
130. Harrison S. In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1981. – P.142.
131. Мухаммад Тахер Бадахши родился 22 ноября 1933 года в г. Файзабаде (центр провинции Бадахшан) в состоятельной крестьянской семье. По национальности – таджик. В 1954 году поступил в престижный столичный лицей «Хабибия», а в 1968 – на факультет права и политических наук Кабульского университета. Получив после его окончания диплом экономиста, работал последовательно в плановом отделе министерства горных дел и промышленности, журнале «Экономика» и исследовательском отделе Кабульского университета и, наконец, научным сотрудником управления по переводу и составлению учебной литературы министерства просвещения Афганистана. На 1-м Учредительном съезде Народно-демократической партии Афганистана в январе 1965 г. был избран членом ее ЦК. В октябре 1965 г. арестован за участие в массовых антиправительственных выступлениях столичной молодежи. После раскола партии в 1967 г. примкнул к фракции Хальк, однако весной 1968 г. вышел из ее рядов вместе с группой своих сторонников и в августе того же года образовал Революционную организацию трудящихся Афганистана (РОТА). В 1969 г. был арестован и провел в тюрьме четыре месяца за антиправительственную политическую деятельность. В 1975 году снова оказался в тюрьме, где в одиночной камере просидел 18 месяцев. Летом 1978 г., уже при режиме левых, вновь был брошен в тюремные застенки и 30 октября (по другим данным, 6 декабря) 1979 г. был казнен по приказу Х.Амина. – См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С.72; Краткая история НДПА. Часть 1. – С.82-83; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.26-27 и 34; Михан. – 1988, 22 октября.
132. Мухаммад Захер Офок родился в 1936 году в Кандагаре. По национальности – пушун из племени ачакзаев. Образование – высшее (окончил литературный факультет Кабульского университета). Был участником 1-го Учредительного съезда НДПА. Летом 1966 г. кооптирован кандидатом в члены ЦК партии. В те годы он занимался политической деятельностью в основном в Кандагаре. После государственного переворота 1973 г. вернулся в Кабул и поступил на работу в афганскую академию «Пушту Толина». Переводил с английского на дари и пушту. Продолжал заниматься научной деятельностью в этой академии и после прихода к власти левых в Кабуле в апреле 1978 г., возглавлял Отдел социальных проблем. Являлся членом-корреспондентом Академии наук Республики Афганистан.
133. Аманулла Остовар родился в 1946 г. Узбек. В НДПА вступил в 1965 г. Образование – высшее (окончил Кабульский политехнический институт, инженер-технолог; учился в Румынии). После вхождения Группы труда в НДПА длительное время работал инструктором Организационного отдела ЦК НДПА.
134. Абдул Карим Заргун, пушун из провинции Пактия, был введен по предложению Н.М.Тараки в состав кандидатов в члены ЦК НДПА (Хальк) после раскола партии в 1967 году. Хотя он и являлся креатурой Тараки, однако выражал несогласие с его концепцией «народной (хальковской) демократии» и противопоставлял ей свой вариант «национальной демократии», вкладывая в ее содержание шовинистические (панпуштунские) и маоистские взгляды. А.К.Заргун резко выступал против фракции Парчам и ее лидера Б.Кармаля. В августе 1974 г. он был исключен из партии (Хальк) за публикацию антиаминовского памфлета или, как было указано в партийных материалах ЦК (Хальк), «из-за своих дисциплинарных проступков». Заргун имел группу своих сторонников (т.н. «заргунистов») в афганской армии вплоть до апреля 1992 г., а также в «зоне пуштунских племен». Поддерживал связи с пакистанскими коммунистами и с их помощью издал в Пакистане книгу о своих разногласиях с ЦК НДПА (Хальк).
- После прихода левых к власти в 1978 году пытался установить связи с халькистским партийным руководством, направляя в его адрес предложения по вопросам политики НДПА в новых условиях. В конце 1978 г. был арестован по обвинению «в поддержке антиправительственных террористических групп» и в следующем году умерщвлен по приказу Х.Амина. По утверждению пакистанского автора Раджа Анвара, он был брошен в холодильную камеру и заживо заморожен.
- Источники: Актуальные проблемы афганской революции. – С.73-74; О народно-демократической партии Афганистана. – С.18; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.64-65.
135. Шафии, Барек. «Парчам» – выразительница взглядов народно-демократического движения Афганистана // Парчам. – 1969, 21 апреля.
136. Парчам. – 1968, 14 марта.
137. Парчам. – 1969, 19 мая, 9 и 23 июня; 1968, 11 апреля, 7 октября.
138. Кармаль Б. Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны // Парчам. – 1968, 11 апреля; см. тж: Единство и сплоченность оплачены жизнью борцов за независимость и свободу // Парчам. – 1968, 27 мая (редакционная статья).
139. Аму. Как «левые» революционеры сползают к правому оппортунизму // Парчам. – 1969, 28 июля.
140. Кармаль Б. Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны.
141. Там же.

142. Кармаль Б. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане // Парчам. – 1969, 19 мая.
143. Хайбар М.А. Важнейшие проблемы некапиталистического пути развития: объединенный национально-демократический фронт // Парчам. – 1968, 9 сентября.
144. Там же; Кармаль Б. Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны.
145. См. об этом: Кармаль Б. Классы и классовая борьба // Парчам. – 1968, 6, 13 и 20 мая, 3 июня; он же. Подлинная революционная политика не имеет ничего общего с революционным фразерством // Парчам. – 1969, 9 июня; он же. Принципиальный компромисс не имеет ничего общего с предательской сделкой // Парчам. – 1969, 4 августа; он же. Познание общества требует дальнейших научных исследований // Парчам. – 1970, 30 марта; он же. По поводу средств достижения победы и создания нового общества в Афганистане // Парчам. – 1970, 6 апреля; Хайбар М.А. Состояние и проблемы современного национально-освободительного движения // Парчам. – 1968, 27 мая, 3, 10, 17 и 24 июня, 1, 8, 15, 22 и 29 июля, 5 августа, 9, 16 и 23 сентября; Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества // Парчам. – 1968, 29 июля, 5 и 12 августа; Аму. Как «левые» революционеры сползают к правому оппортунизму; Необходимо изолировать от движения реакционеров-подстрекателей и леваков-раскольников // Парчам. – 1969, 2 июня (редакционная статья).
146. Парчам. – 1969, 9 июня.
147. Там же.
148. Ленин В.И. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве // Полн. собр. соч. – Т.20. – С.186.
149. См.: Кармаль Б. Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны; он же. Феодалы – главные враги народа Афганистана // Парчам. – 1968, 2 мая; он же. О крестьянском вопросе // Парчам. – 1968, 1 июля; Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества; Кармаль Б. Необходимость демократического решения в стране проблемы племен // Парчам. – 1968, 9 сентября.
150. Кармаль Б. Феодалы – главные враги народа Афганистана.
151. Парчам. – 1968, 2 мая, 29 июля, 5 и 12 августа.
152. Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества // Парчам. – 1968, 29 июля и 12 августа. Данные, приводимые авторами «Парчам» о социальном составе населения Афганистана, не всегда совпадают с данными официальной статистики страны и зарубежных справочных изданий. – М.С.
153. Парчам. – 1968, 2 мая.
154. Там же; см. тж: Размьяр Д. Бедственное положение крестьян // Парчам. – 1968, 18 ноября; Сорайя. Деревни Афганистана горят в пламени средневекового угнетения // Парчам. – 1969, 11 августа.
155. Парчам. – 1968, 2 мая.
156. Кармаль Б. Феодалы – главные враги народа Афганистана; он же. О крестьянском вопросе; Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества; Ратебзад А. Демократическая земельная реформа и закон о земельном кадастре // Парчам. – 1968, 15 июля; она же. Сельскохозяйственные орудия крестьян Афганистана – это орудия двухтысячелетней давности // Парчам. – 1968, 12 августа.
157. Там же.
158. Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества.
159. Там же.
160. Там же; Мехрбахш. Взгляд на движения интеллигенции // Парчам. – 1969, 16 июня.
161. Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества.
162. Там же.
163. Там же.
164. Кармаль Б. Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны.
165. Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества.
166. Там же.
167. Там же.
168. Там же; Кармаль Б. Феодалы – главные враги народа Афганистана; он же. Служение народу – наша священная задача // Парчам. – 1969, 30 июня.
169. Там же; см. тж: Кармаль Б. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане.
170. Кармаль Б. Об исторической необходимости решения аграрного вопроса в нашей стране // Парчам. – 1968, 16 декабря.
171. См., например: Кармаль Б. Об исторической необходимости решения аграрного вопроса в нашей стране; он же. О крестьянском вопросе; Ратебзад А. Демократическая земельная реформа и закон о земельном кадастре.
172. См. об этом: Кармаль Б. Кто же они подлинные национальные элементы и патриоты? // Парчам. – 1968, 28 марта; он же. Эксплуататорские классы – главное препятствие на пути к национальному единству // Парчам. – 1969, 28 августа; он же. Выступление в Вулуси джирге 18 октября 1969 г. в свя-

- зи с обсуждением вотума доверия правительству господина Нур Ахмада Эттемади // Парчам. – 1969, 24 ноября; он же. Несколько замечаний по трем вопросам // Парчам. – 1969, 29 декабря; он же. Надо возродить и совершенствовать языки Афганистана // Парчам. – 1970, 13 апреля; он же. Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана // Парчам. – 1968, 31 августа; он же. Необходимость демократического решения в стране проблемы племен; Кештманд С.А. Народно-демократическое движение и национально-освободительная борьба в Пуштунистане // Парчам. – 1968, 31 августа; Ратебзад А. Героический народ Пуштунистана победит // Парчам. – 1968, 31 августа; Хайбар М.А. Справедливая борьба народа Пуштунистана за право на самоопределение // Парчам. – 1968, 2 мая; Аму. О решении четырех национальных проблем (национальной независимости, демократии, экономики, культуры) // Парчам. – 1968, 22 июля; Джаузджани А.Х.Ш. Культура узбекского и туркменского народов – неотъемлемая часть национальной культуры // Парчам. – 1968, 25 апреля; он же. Взгляд на язык и литературу узбекского и туркменского народов // Парчам. – 1968, 6 мая; он же. Фольклор узбеков и туркмен // Парчам. – 1968, 13 мая; Панджшери Г.Д. Роль возрождения и развития культуры в укреплении национального единства // Парчам. – 1968, 28 марта; он же. Культура хазарейцев – неотъемлемая часть национальной культуры нашей единой родины – Афганистана // Парчам. – 1968, 22 июля; он же. Пробудившийся Гиндукуш – защитник мира, национальной независимости и оплот национально-освободительного движения Пуштунистана // Парчам. – 1968, 31 августа; Горбанди А.К. Об одном лозунге // Парчам. – 1970, 19 января; Прошло 50 лет со дня завоевания политической независимости, однако до сих пор правительства Афганистана не приступили к решению самого минимума насущных национальных проблем // Парчам. – 1969, 2 июня (передовица); Правительственная администрация на севере страны нарушает Конституцию // Парчам. – 1969, 10 февраля; Беззаконие в вопросах издания литературы на узбекском и туркменском языках // Парчам. – 1969, 10 февраля и др.
173. Джаузджани А.Х.Ш. Культура узбекского и туркменского народов – неотъемлемая часть национальной культуры; Панджшери Г. Роль возрождения и развития культур в укреплении национального единства.
174. Кармаль Б. Несколько замечаний по трем вопросам; он же. Кто же они подлинные национальные элементы и патриоты?; Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана; Панджшери Г.Д. Роль возрождения и развития культур в укреплении национального единства; Аму. О решении четырех национальных проблем; Прошло 50 лет со дня завоевания политической независимости.
175. Парчам. – 1969, 24 ноября.
176. Джаузджани А.Х.Ш. Культура узбекского и туркменского народов – неотъемлемая часть национальной культуры.
177. Парчам. – 1968, 22 июля.
178. Парчам. – 1969, 10 февраля. В статье 37 Конституции Афганистана 1964 г. определение «национальный» применительно к языкам пушту и дари отсутствует. – См.: Конституция Афганистана. – Кабул, 1964.
179. Парчам. – 1968, 9 сентября.
180. См.: Парчам. – 1968, 2 и 27 мая, 31 августа.
181. Кармаль Б. Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана.
182. Там же.
183. Там же; см.тж: Хайбар М.А. Справедливая борьба народа Пуштунистана за право на самоопределение.
184. Кештманд С.А. Народно-демократическое движение и национально-освободительная борьба в Пуштунистане.
185. Кармаль Б. Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана; Хайбар М.А. Справедливая борьба народа Пуштунистана за право на самоопределение; Кештманд С.А. Народно-демократическое движение и национально-освободительная борьба в Пуштунистане; Ратебзад А. Героический народ Пуштунистана победит.
186. Там же. Следует иметь в виду, что осенью 1955 года Западный Пакистан был объединен в единую провинцию с целью остановить рост национально-демократического движения. Однако в 1969 году военная администрация Пакистана во главе с генералом Яхья-ханом под давлением национально-патриотических кругов, требовавших введения нового административного деления на национально-лингвистической основе, реорганизовала провинцию Западный Пакистан и создала в ее пределах четыре провинции – Панджаб, Синд, Северо-западная пограничная провинция и Белуджистан, предоставив им право широкой автономии.
187. См. об этом: Асемай. Свобода передвижения и выбора места жительства // Парчам. – 1968, 12 августа; он же. Расходы на жизнь не по плечу народу // Парчам. – 1968, 4 апреля; Неджар, Халиль. Условия труда рабочих невыносимы // Парчам. – 1968, 30 сентября; Аму. Наш народ голодает // Парчам. – 1968, 14 октября; Змар, Халиль. Жизнь носильщиков – пример жизни полной лишений // Парчам. – 1968, 4 ноября; Размьяр Д. Бедственное положение крестьян; Асад (К). Безрадостная жизнь нищих – позорное пятно на постыдном платье правящих классов // Парчам. – 1969, 27 января; Кештманд С.А. Экономическое положение трудящихся Афганистана // Парчам. – 1969, 27 января, 3 и 10 февраля;

- Шафии Б. От темниц Балахисара до камер ужасов Димазанга // Парчам. – 1970, 2 февраля; Необходимо бороться со взяточничеством и коррупцией // Парчам. – 1969, 3 февраля; Кайхани Х. Коротко о положении театра в стране // Парчам. – 1970, 23 марта и др.
188. Осман И. Печатные органы НДПА. – С.93.
189. Кармаль Б. Непобедимый секрет или связь с народом // Парчам. – 1969, 20 января.
190. См. об этом: Кештманд С.А. Экономическое положение трудящихся Афганистана; он же. Экономическая политика правительства о частных капиталовложениях не отвечает интересам народа и не обеспечивает рост экономики страны // Парчам. – 1969, 4 августа; он же. Правительственные органы сотрудничают с грабительским империалистическим капиталом // Парчам. – 1969, 31 марта; Кармаль Б. Об управленческом аппарате Афганистана // Парчам. – 1968, 21 марта; он же. Отсутствие правильного руководства и управления – одна из причин «экономического застоя» // Парчам. – 1968, 12 августа; Ратебзад А. Афганистан – очаг различных болезней // Парчам. – 1968, 13 мая; Нур Н.А. Признание по поводу пагубного финансового положения страны // Парчам. – 1968, 5 и 12 августа; Министр финансов и налоговая система в стране // Парчам. – 1969, 17 февраля; Налоговая система страны устарела и крайне несправедлива // Парчам. – 1970, 2 февраля; Нахид. Город Кабул больше невыносим для проживания // Парчам. – 1968, 16 сентября; Горбанди. Национальный джихад // Парчам. – 1970, 9 февраля; Аму. Правительство не может решить острые, насущные проблемы народа // Парчам. – 1969, 11 августа и др.
191. Предположительно, псевдоним «Зохра» принадлежал Анахите Ратебзад. Слова «Зохра» и «Анахита» (как и «Нахид») являются синонимами и означают в переводе «Венера». Все они – распространенные в Афганистане женские имена.
192. «Зохра». Взгляд на положение женщины в Афганистане // Парчам. – 1968, 28 марта.
193. Парчам. – 1969, 28 апреля.
194. Парчам. – 1968, 28 марта.
195. Парчам. – 1969, 17 февраля, 10 и 17 марта; 1970, 9 и 23 марта.
196. Парчам. – 1968, 21 октября, 11 ноября, 21 мая и 10 июня; 1969, 17 февраля, 24 марта.
197. См., напр.: Мехрбахш. Взгляд на движения интеллигенции.
198. См. об этом: Выступление депутата Бабрака Кармалю в Вулуси джирге в связи с отчетом парламентской комиссии по расследованию положения на ГЭС «Наглу» // Парчам. – 1968, 13 мая; Триумфальный марш рабочих и правительственная политика проволочек: запрос правительству депутата от округа Панджвай (Кандагар) Нур Ахмада // Парчам. – 1968, 20 мая; Выступление депутата Бабрака Кармалю на заседании Вулуси джирги 21 мая 1968 г. в связи с запросом правительству // Парчам. – 1968, 27 мая; Выступление доктора Анахиты на заседании Вулуси джирги 21 мая 1968 г. в связи с запросом правительству // Парчам. – 1968, 27 мая; Выступление депутата Бабрака Кармалю о внешней политике страны в связи с запросом правительству // Парчам. – 1968, 3 июня; Запрос депутата Файзан-уль-Хака Файзана правительству на заседании Вулуси джирги 4 июня 1968 г. по поводу острых социальных проблем и насущных требований рабочих страны // Парчам. – 1968, 10 июня; Запрос Бабрака Кармалю правительству о положении в Пактии // Парчам. – 1968, 16 сентября; Парламентская народно-демократическая фракция протестует против стиля работы Вулуси джирги и политики правительства в вопросах получения займов от капиталистических стран // Парчам. – 1969, 14 апреля; Парламентская народно-демократическая фракция выступила в поддержку свободного создания политических партий и снижения возрастного ценза для вступления в партию с 25 до 20 лет // Парчам. – 1969, 21 апреля; Проверка одного нового проекта во имя решения насущных проблем дня // Парчам. – 1969, 9 июня; Бабрак Кармаль подверг серьезной критике в Вулуси джирге бюджет на 1348 год // Парчам. – 1969, 21 июля; Окончание последней сессии парламента 12-го созыва и наша парламентская фракция // Парчам. – 1969, 18 августа; Выступление Бабрака Кармалю в Вулуси джирге: Абдул Хади Керим является законным депутатом Вулуси джирги и находится в тюрьме тирании в нарушение закона // Парчам. – 1969, 20 октября; Наши огромные природные богатства не используются (из нашего парламентского выступления) // Парчам. – 1970, 2 марта; и др.
199. Парчам. – 1968, 25 апреля.
200. Парчам. – 1969, 21 и 28 апреля.
201. Парчам. – 1970, 12 января.
202. Парчам. – 1970, 2 февраля.
203. Парчам. – 1969, 6 октября.
204. Парчам. – 1968, 30 сентября.
205. Парчам. – 1969, 24 марта.
206. Парчам. – 1969, 27 октября.
207. Парчам. – 1969, 5 мая.
208. Парчам. – 1969, 26 мая.
209. Парчам. – 1969, 28 апреля.
210. Там же.
211. Кармаль Б. Миролюбивая, самостоятельная и нейтралистская политика – гарантия национальной независимости страны // Парчам. – 1968, 16 сентября.

212. Парчам. – 1968, 8 июля, 16 сентября и 30 декабря; 1969, 28 апреля и 11 августа.
213. Кармаль Б. Миролюбивая, самостоятельная и нейтралистская политика – гарантия национальной независимости страны; см. тж: Для Афганистана // Парчам. – 1970, 23 марта.
214. Кармаль Б. Экономические отношения между Афганистаном и Советским Союзом // Парчам. – 1968, 11, 18 и 25 ноября; он же. Пусть крепнет и развивается афгано-советская дружба // Парчам. – 1969, 26 мая; Кештманд С.А. Советско-афганские отношения в свете заветов Ленина // Парчам. – 1970, 22 апреля.
215. Парчам. – 1970, 12 и 26 января, 23 марта и 22 апреля.
216. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.35.
217. Масуд, Саид Мухаммад Хайдар. Печать Афганистана и ее роль в общественно-политической жизни страны после завоевания независимости (1919-1973 гг.). Автореф. канд. дис. – М., 1977. – С.28.
218. См. об этом: Осман И. Печатные органы НДПА. – С.35.
219. Там же, с.45.
220. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.18; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.28-29.
221. Афган меллят. – 1968, 18 марта.
222. ЦК НДПА горячо поздравляет все товарищей с 7-й годовщиной I съезда партии (письмо членам партии). – Кабул, 11 джади 1350 (1 января 1972 г.). – На языке дари (ротапринт; из личного архива М.Барьялая).
223. Конституция Афганистана // Расми джарида. – 1343 (1964), 11 мизана (3 октября). – № 12. – Ст. 125-126. – На языке дари.
224. Там же, ст. 24, 25-40, 65, 96-97.
225. Закон о выборах парламента // Расми джарида. – 1344 (1965), 21 саура (11 мая). – № 25. – Ст. 11-12, 30, 31, 40. – На языке дари.
226. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.23.
227. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. – Т. 41. – С.39-40.
228. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.86; Поляков Г.А. Афганистан революционный. – С.34; Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.16. По другим данным, НДПА выдвинула на выборах в парламент 12-го созыва 15 (или даже 8) кандидатов в депутаты. – См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С.59; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.31.
229. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.75.
230. Закон о преступлениях должностных лиц и о наказаниях за посягательство на общественные интересы и безопасность. – Кабул, каус 1341 (декабрь 1962). – На языке дари.
231. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.87; Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. Вопросы и ответы. – С.12. А.Ратебзад была одной из четырех женщин, которые впервые в афганской истории были избраны в парламент. Кроме нее, депутатами Вулуси джирги тогда стали Рогайе Абубакр, Хадиджа Ахрари и Масума Эсмат Вардак.
232. Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.136-141.
233. 3 акраба и молодежное движение нашей страны // Меллиятхайи барадар. – Мизан-акраб 1363 (сентябрь-октябрь 1984). – № 7. – С.20; Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.75. По другим данным, 25 октября 1965 г. при разгроме демонстрации погибли три человека, из них двое были студентами. – См. об этом: Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.33; Idem. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.49; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.65.
234. Михан. – 1988, 22 октября; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.180.
235. Выступление Б.Кармала в Вулуси джирге при голосовании вотума доверия кабинету Н.А.Эттемади. – Кабул, октябрь 1967. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
236. Там же.
237. Парчам. – 1969, 14 апреля.
238. Парчам. – 1969, 21 апреля. Король вплоть до конца своего пребывания на троне так и не решился утвердить Закон о политических партиях и ввести его в действие.
239. Там же.
240. См.: Парчам. – 1968, 20 и 27 мая, 10 июня.
241. Парчам. – 1969, 9 июня.
242. Парчам. – 1969, 21 июля.
243. Парчам. – 1969, 18 августа; Краткая история НДПА. Часть 1. – С.89.
244. Парчам. – 1969, 31 марта, 7 и 14 апреля.
245. Проект совместной платформы коалиционного фронта в избирательной борьбе в связи с выборами парламента 13-го созыва // Парчам. – 1969, 26 мая.
246. Ратебзад А. Как закончились выборы парламента 13-го созыва? // Парчам. – 1969, 6 октября.
247. Парчам. – 1969, 13 октября; Актуальные проблемы афганской революции. – С.86.

248. Парчам. – 1969, 20 октября.
249. Актуальные проблемы афганской революции. – С.86-87.
250. Необходимость создания объединенного национального блока в Вулуси джирге // Парчам. – 1969, 27 октября.
251. Взгляд на крестьянский вопрос, демократическую земельную реформу, создание крестьянских джирг и их программу. – Кабул, 1976. – Брошюра на языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
252. Заявление ЦК НДПА от 11 кауса 1350 г. (2 декабря 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
253. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.33-34.
254. Сообщение комиссии НДПА (ПТА) по выборам. – Кабул, 15 хамала 1352 (4 апреля 1973). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
255. Кармаль Б. Реакцию можно одолеть только объединенными усилиями в составе единого фронта // Парчам. – 1968, 25 апреля.
256. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.15-17; Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г.; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.54.
257. Парчам. – 1969, 24 марта.
258. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с т.н. «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки от 25 саура 1350 г.
259. Там же.
260. Парчам. – 1970, 12 января.
261. Радостная весть (листочка). Здесь и далее ссылки даются на данную листовку. См. тж: Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.40.
262. Сообщение секретариата ЦК НДПА (Парчам. – М.С.). – Кабул, 25 хута 1349 (16 марта 1971). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
263. Там же.
264. Здесь и далее дается перевод писем, как они изложены в «Сообщении секретариата ЦК НДПА».
265. Специальная записка ЦК НДПА в ответ на письмо от 3 хута 1349 г. (22 февраля 1971 г.) и одновременно ответ на ваш материал «Радостная весть». – Кабул, 25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая). Здесь и далее ссылки даются на указанную записку.
266. Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г.
267. Там же.
268. Докладная записка и предложения т. С.Лайека Центральному Комитету НДПА. – Кабул, 30 мая 1971. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая). Далее ссылки даются на данный документ.
269. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с т.н. «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки от 25 саура 1350 г. Здесь и далее ссылки даются на этот документ.
270. Актуальные проблемы афганской революции. – С.91-92; Рузгар. – 1972, 20 сентября.
271. Рузгар. – 1971, 26 августа.
272. Рузгар. – 1971, 29 сентября; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.18-19.
273. Current History, N.Y. – 1950. – № 106.
274. См. об этом: Теплинский Л.Б Проблема Пуштунистана во внешней политике современного Афганистана // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Выпуск 37. – М., 1960. – С.16.
275. Подробнее см.: История вооруженных сил Афганистана. – С.114-132.
276. Air Force Magazine. – 1976. – XII. – P.81; The Statesman's Year-book. Statistic and Historical Annual of the States of the World. – London, New York, 1977-1978. – P.742; The Military Balance. 1976-1977. – London: The International Institute for Strategic Studies, 1976. – P.53
277. Подробнее см.: История вооруженных сил Афганистана. – С.130-168.
278. Ды Урду Маджалла. – 1970. – № 6. – С.48-51.
279. Ды Урду Маджалла. – 1968. – № 6. – С.55; см. об этом тж: Майванд, Абдурраззак. Пропаганда и деятельность пятой колонны во Второй мировой войне и меры защиты от нее. – Кабул: Издательство министерства национальной обороны, 1340 (1961). – С.155-167. – На языке дари (пропаганд ва фааллийатха-йе согун-е панджом дар харб-е доввом-е джахан ва тадабир-е тахаффози дар могабел-е ан).
280. Из беседы с Абдул Самадом Азхаром, обучавшимся в 1959-1962 годах в полицейской школе Египта (Каир) и по возвращении в Афганистан ставшим организатором одной из первых тайных организаций в афганской армии. А.С.Азхар в 80-90-х годах был послом Афганистана в Гаване и Дели.
281. В 60-х годах Школа офицеров запаса располагалась в гарнизоне 4 и 15 танковых бригад (Пули-Чархи), которые впоследствии оказались для прежних режимов самыми неблагонадежными.

282. См. об этом подробнее: История вооруженных сил Афганистана. – С.159-169.
283. Из бесед с членом Политбюро ЦК НДПА Сулейманом Лайеком, кандидатом в члены ЦК НДПА А.С.Азхаром, З.Зиармалем и др.; Речи Н.М.Тараки и Б.Кармаля на похоронах М.А.Хайбара // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 17 апреля.
284. Положение о прохождении военной службы. – [Кабул], 1341 (1962). – Ст. 33 и 45. – На языке дари; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 17 апреля.
285. Здесь и далее события и факты, касающиеся создания и деятельности Армейской революционной организации, излагаются на основе материалов, полученных автором в ходе бесед с А.С.Азхаром, генералами Нурольхаком Олуми, Абдульхаком Олуми и Абдул Ахадом Разманда, а также на основе рукописной справки З.Зиармаля, которую он любезно предоставил автору. Генерал З.Зиармаль в 80-х годах являлся начальником Главного политического управления афганской армии.
286. М.Катра в 80-х годах был инструктором Отдела юстиции и обороны ЦК НДПА. А.Висаль, будучи на учебе в США, погиб при не выясненных пока обстоятельствах.
287. Проекты Программы и Целей организации были написаны А.С.Азхаром, а Устава – З.Зиармалем.
288. Под словом «армия» авторы указанных документов понимали «вооруженные силы» страны, включавшие собственно армию, а также полицию и жандармерию.
289. В связи с изложенным представляется необоснованным встречающееся в отечественной литературе утверждение о том, что будто бы АРО «не имела четко сформулированной программы, признанного лидера». – См.: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.165.
290. Программа и цели Армейской революционной организации. – [Кабул], 1964. – На языке дари (машинописный текст).
291. Устав Армейской революционной организации. – [Кабул], 1964. – На языке дари (машинописный текст).
292. Цели Армейской революционной организации. – [Кабул], 1964. – На языке дари (машинописный текст).
293. По свидетельству З.Зиармаля, руководящее ядро АРО первоначально имело намерение обратиться по вопросу вступления в НДПА лично к генеральному секретарю ЦК Н.М.Тараки. Однако в связи с тем, что никто из руководства АРО не был знаком с ним, было принято решение связаться с Б.Кармалем, который, как уже говорилось, был сопричастен к созданию данной организации.
294. Генерал А.А.Разманда в 80-х годах являлся первым заместителем главного прокурора армии. В начале 60-х годов в звании лейтенанта занимал пост начальника учебного отдела Военной технической академии. По заданию организации проводил работу среди рабочих Военного завода в Пули-Чархи, курсантов и постоянного состава академии. Накануне апреля 1978 года численность АРДО только в академии была около 30 человек. А.А.Разманда погиб 9 сентября 1988 года на севере страны в результате попадания ракеты «Стингер» в транспортный самолет Ан-32.
295. Н.А.Нур в 80-х годах являлся членом Политбюро, секретарем ЦК НДПА, затем послом Афганистана в Польше и представителем РА в ООН.
296. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.59.
297. Об Апрельской революции. – Кабул: Государственное издательство, 1 джауза 1357 (22 мая 1978). – С.28-30. – На языке дари.
298. Из беседы с бывшим секретарем Кандагарского подпольного провинциального комитета НДПА (Хальк) Абдурахманом Бассамом. По его словам, накануне апрельского вооруженного восстания 1978 года в этой провинциальной партийной организации состояло около 1000 человек, в том числе 12-13 мулл. Один из них, маулави Кабир, был членом провинциального комитета партии (в 1981 году погиб от рук исламских фундаменталистов).
299. New Age. – 1979, September 23. – P.13.
300. Согласно плану вооруженного восстания в апреле 1978 года, М.А.Ватанджар был назначен командующим сухопутными войсками.
301. Абдул Кадыр сразу же после переворота 1973 года был назначен начальником штаба ВВС и ПВО, но вскоре за его открытое несогласие с курсом режима был смещен М.Даудом и переведен на должность начальника Кабульского мясокомбината. В 1977 году А.Кадыр был восстановлен в должности начальника штаба ВВС и ПВО. По плану апрельского вооруженного восстания 1978 года на А.Кадыра было возложено руководство выступлением частей ВВС и ПВО в качестве их командующего.
302. Шафак. – 1987. – № 9. – С.17; Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – С.17.

Глава 3

1. Зальмай, Мухаммад Вали. Известные печатные издания Кабула. – Кабул, 1989. – На языке пушту; Dupree L. Afghanistan. – P.602-607.
2. Вахдат. – 1966, 15 марта.
3. Вахдат. – 1966, 21 января, 15 марта, 2, 9 и 22 мая.
4. Пейаме эмруз. – 1966, 6 марта.

5. Афган меллят. – 1966, 13 и 21 декабря; см. об этом тж: Ахрамович Р.Т. Афганистан в 1961-1966 гг. – С.121.
6. Афган меллят. – 1966, 5 апреля.
7. Афган меллят. – 1966, 26 апреля.
8. Афган меллят. – 1966, 27 декабря.
9. Там же.
10. Там же.
11. Dupree L. Afghanistan. – P.612-613.
12. Демократические чаяния народа // Мардом. – 1966, 11 мая.
13. Там же.
14. Речь премьер-министра Мухаммада Хашима Майвандваля по случаю наступления 48 года независимости Родины. – Кабул, 1966. – На языке пушту.
15. Там же.
16. Мосават. – 1969, 21 мая.
17. Речь премьер-министра М. Х. Майвандваля по случаю наступления 48 года независимости Родины; Мосават. – 1967, 18 января, 19 апреля, 21 и 24 мая; 1968, 26 июня и 2 июля.
18. Ахрамович Р.Т. Афганистан в 1961-1966 гг. – С.122.
19. Речь премьер-министра М. Х. Майвандваля по случаю наступления 48 года независимости Родины.
20. Там же.
21. Мосават. – 1968, 2 мая.
22. Речь премьер-министра М.Х.Майвандваля по случаю наступления 48 года независимости Родины; Мосават. – 1968, 29 мая; 1969. – 11 июня; История Афганистана. – С.292.
23. Мосават. – 1968, 2 июля; см. об этом подробнее: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.126-128.
24. Садаи авам. – 1968, 27 марта и 17 апреля; см. об этом тж: Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – С.136-140; История Афганистана. – С.296-298.
25. Актуальные проблемы афганской революции. – С.264.
26. Шоалеи джавид. – 1968, 4 апреля.
27. Осман М. Взгляд на современные классовые отношения в нашем обществе // Шоалеи джавид. – 1968, 4 и 11 апреля.
28. Там же; Шоалеи джавид. – 1968, 25 апреля, 9 мая.
29. Шоалеи джавид. – 1968, 24 апреля, 9, 23 и 30 мая.
30. Актуальные проблемы афганской революции. – С.266-268.
31. О Народно-демократической партии Афганистана (авангарде рабочего класса страны). – С.22-23.
32. Караван. – 1971, 11 ноября.
33. Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – Кабул, 1967. – С.802. – На языке дари (Афганестан дар масир-е рах); Рошан. Двурешник в роли «моджахеда»: взгляд на позорную жизнь одного из слуг империализма. Себгатулла Моджаддеди. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). – С.5-8, 21-22. – На языке дари (монафек дар накш-е моджахед); его же. Банда ихванистов на службе империализма. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). – С.3. – На языке дари (банд-е ихван дар хедмат-е амприализм); Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). – Симферополь: Издательство СГУ, 1999. – С.204-209, 251-255, 257-258; его же. Афганистан: страна, люди, общество. – Симферополь: МТЭПУ. – С.21-24, 90-104.
34. См. об этом подробнее: Светозаров В.Б. О модернизации ислама в современном Афганистане (по материалам официальной печати) // Религия и общественная мысль Востока. – М.: Наука, 1974. – С.115-123.
35. Эршад М.Ш. Демократия ислама: равенство в экономической области // Анис. – 1963, 14 августа; Kabul Times. – 1970, June 2.
36. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма; его же. Двурешник в роли «моджахеда»; Мослех. На перекрестке преступлений бандитов. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). – На языке дари (дар гозаргах-е дженайат-е ашрар). Здесь и далее факты и сведения приводятся по указанным изданиям.
37. Взгляд на жизнь одного моджахеда. – Б.м., б.г. – С.4. – На языке дари (негахи бэ зендеги-йе йак моджахед); Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – С.59.
38. Взгляд на жизнь одного моджахеда. – С.9; Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. – С.59.
39. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. – С.15-16.
40. Le Monde. – 1984, 18 апреля.
41. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. – С.40-41.
42. Рошан. Двурешник в роли «моджахеда». – С.24.
43. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. – С.15, 56; Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. – С.42; его же. Двурешник в роли «моджахеда». – С.24; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.258.
44. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. – С.16.

45. Там же.
46. Там же.
47. Там же, с.17.
48. Актуальные проблемы афганской революции. – С.85.
49. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. – С.5.
50. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.78.
51. Караван. – 1972, 9 и 20 июня.
52. Рошан. Двурушник в роли «моджахеда». – С.25.
53. Там же, с.26.
54. Справка о «Братьях-мусульманах». – Кабул, 1983. – На языке дари (машинописный текст).
55. Хакшенас Ш.Н. Русские интриги и преступления от эмира Дост Мухаммада до Бабрака. – С.386.
56. Гахидз. – 1969, 2 февраля.
57. Гахидз. – 1969, 29 марта.
58. Гахидз. – 1969, 12 февраля.
59. Гахидз. – 1969, 2 февраля.
60. Гахидз. – 1970, 7 марта.
61. Анис. – 1970, 25 мая.

Глава 4

1. См. об этом в главе 1 настоящей книги.
2. Парчам. – 1968, 29 сентября; История Афганистана. – С.308; Поляков Г.А. Афганистан революционный. – С.13.
3. Рабочий класс Афганистана. – Кабул: Государственная типография, 1361 (1982). – С.36. – На языке дари (табака-йе каргар-е Афганестан); Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. – М.: Мысль, 1973. – С.123; Парчам. – 1969, 22 января.
4. Парчам. – 1969, 24 и 31 марта, 14 апреля; Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. – С.128; Dupree L. Afghanistan. – P.4; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.41.
5. Парчам. – 1968, 10 июня.
6. Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. – С.128; Рабочий класс Афганистана. – С.37-38; Расми джарида. – 1971, 10 марта.
7. Рабочий класс Афганистана. – С.37; Парчам. – 1969, 21 и 28 июля.
8. Кармаль Б. Уроки забастовочного движения рабочих нашей родины // Парчам. – 1968, 21 октября.
9. Дехнешин Ф.М. Основные направления идеологической работы нашей партии. – С.45.
10. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.58, 259.
11. Парчам. – 1969, 26 мая, 2 и 30 июня, 4 и 11 августа.
12. Путеводитель по Кабулу. – Кабул, 1345 (1966). – С.192-200. – На языке дари (рахнамайи Кабул); Международный день ликвидации неграмотности. – Кабул, 1974. – С.16. – На языке дари; Статистический сборник: Министерство планирования Афганистана. – Кабул, 1972. – С.112. – На языке дари; Маздак Ф.А. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – С.29-30; Парчам. – 1969, 27 мая; История Афганистана. – С.310.
13. Капиталистические и развивающиеся страны: Социально-экономический справочник. – М.: Политиздат, 1973. – С.310; Парчам. – 1969, 21 апреля и 27 мая.
14. Путеводитель по Кабулу. – С.193-198; Парчам. – 1969, 27 мая. Подсчитано мною.
15. Мосават. – 1968, 2 ноября; Молодежное движение Афганистана и роль НДПА в создании и укреплении ДОМА. – С.45.
16. Парчам. – 1969, 7, 14 и 21 апреля, 12.
17. Парчам. – 1969, 21 апреля.
18. Там же.
19. Парчам. – 1969, 5 мая.
20. Парчам. – 1969, 19 и 26 мая.
21. Парчам. – 1969, 16 июня.
22. Парчам. – 1969, 26 мая, 9 и 16 июня.
23. Парчам. – 1969, 26 мая.
24. Парчам. – 1969, 26 мая, 9, 16 и 30 июня.
25. См. об этом также в главе 2, п. 2.4.
26. Парчам. – 1969, 13 и 20 октября.
27. Парчам. – 1969, 10 марта.
28. Парчам. – 1969, 13 октября.
29. Парчам. – 1970, 12, 19 и 26 января, 2 февраля; Осман И. Печатные органы НДПА до победы Апрельской революции. – С.102.
30. Караван. – 1971, 5 сентября, 11 ноября.

31. Здесь и далее использованы материалы Г.П.Ежова о забастовочных выступлениях в Афганистане в 1972 году. – См.: Специальный бюллетень Института востоковедения Академии наук СССР. – М.: Наука, 1974. – № 1 (152). – С.14-36.
32. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.29.
33. Афкаре нау. – 1972, 25 мая.
34. Kakar H. The Fall of the Afghan Monarchy in 1973 // International of Middle East Studies. – 1978. – № 9. – P.209-211.
35. Дехнешин Ф.М. Основные направления идеологической работы нашей партии. – С.71-73.
36. Там же, с.69.
37. Там же, с.89-90.
38. Там же, с.77-83.
39. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.17.
40. ЦК НДПА горячо поздравляет всех товарищей с седьмой годовщиной I съезда партии. – Кабул, 11 джади 1350 (1 января 1972). – На языке дари (ротапринт; из личного архива М.Барьялая).
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Актуальные проблемы афганской революции. – С.89-90.
45. Гахидз. – 1972, 25 июня.
46. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны). – С.42-49.
47. Заявление Народно-демократической партии Афганистана в связи с днем поддержки освободительного движения народов Пуштунистана и Белуджистана. 31 августа 1971 г. – На языке дари (ротапринт; из личного архива М.Барьялая); Заявление ЦК НДПА от 2 декабря 1971 г. – Кабул, 1971. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Выступление Б.Кармаля в Вулуси джирге 29 ноября 1971 года и запрос правительству по поводу событий в Пакистане. – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
48. Рузгар. – 1971, 26 августа.
49. Речь протеста Б.Кармаля на собрании в Кабуле 21 хута 1351 г. (11 марта 1973 г.) в связи с визитом в Афганистан премьер-министра Ирана А.А.Ховеида. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
50. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны). – С.45-46.
51. Основы марксизма-ленинизма. Учебное пособие. Издание второе. – М.: Политиздат, 1962. – С.346-372.
52. Здесь и далее ссылки даются на брошюру «Партия рабочего класса». – См. об этом: Дворянков Н. К характеристике нелегальных изданий в Афганистане начала 70-х годов // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. № 1 (152). – М.: Наука, 1974. – С.37-47.
53. См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С.93-94.
54. Доклад ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по случаю десятой годовщины образования партии. – Кабул, 1 января 1975 г. (перевод с дари; машинописный текст).
55. Слинкин М.Ф. Вооруженные силы Афганистана в 1919-1977 гг. // История вооруженных сил Афганистана. – С.86-191.
56. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.260.
57. Ислах-Анис. – 1973, 18 июля; Ды Урду Маджалла. – 1973. – № 1 (616-617). – С.3-6; President and Prime Minister Daoud's Speeches of July 17 and August 23, 1973. – Kabul: Government Printing Press, 1973. – P.1-3.
58. Kabul Times. – 1973, July 25; Ды Урду Маджалла. – 1973. – № 1 (616-617). – С. «б» и 8.
59. Там же.
60. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) от 17 июля 1973 г. – Кабул, 1973. – На языке дари (листочка).

Глава 5

1. Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.56.
2. Ды Урду Маджалла. – 1973. – № 1 (616-617); Ислах-Анис. – 1973, 28 июля.
3. Там же.
4. Джумхурият. – 1973, 7 августа.
5. См. об этом: История вооруженных сил Афганистана. – С.174.
6. См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С.105.
7. Dupree L. Afghanistan. – P.761; Idem. Afghanistan under the Khalq // Problems of Communism. – July 1979. – Vol. 28, № 4. – P.39; Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.57, 61; Noumoff S.J. Reflections on the Afghan Revolution // Democratic Pakistan. – 1984. – № 16. – P.25.

8. См. об этом подробнее: Актуальные проблемы Афганской революции. – С.100-106.
9. Ежегодник БСЭ. 1974. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – С.213; Kabul Times. – 1973, August 26.
10. Обращение к афганскому народу // Джумхурият. – 1973, 28 августа; President and Prime Minister Daoud's Speeches. – P.4-17. Здесь и далее ссылки даются на указанные речи.
11. Программа НДПА и «Обращение к афганскому народу» структурно почти полностью совпадали. Сравните разделы и того, и другого документов:

Программа НДПА	«Обращение к афганскому народу»
1	2
<p>Вводная часть: раскрывается историческая, социально-экономическая и политическая обусловленность борьбы за преобразование афганского общества на национально-демократических началах.</p> <p>Национально демократическое движение борется за осуществление целей и задач:</p> <p>1. в политической сфере:</p> <ul style="list-style-type: none"> – защита территориальной целостности, национального суверенитета и политической независимости Афганистана; – демократизация общественной жизни; – решение национального вопроса и т.д.; <p>2. в экономической сфере:</p> <ul style="list-style-type: none"> – развитие национальной промышленности; – развитие сельского хозяйства и осуществление земельной реформы и т.д.; <p>3. в социальной сфере (обеспечение права на труд, отдых, жилище, образование, бесплатное медицинское обслуживание и т.д.).</p>	<p>Вводная часть: дается краткий исторический экскурс в борьбу афганского народа за независимость и показывается глубокий кризис, в котором оказалась страна перед переворотом в экономической, социальной и политической областях.</p> <p>Афганский республиканский режим намерен осуществить:</p> <p>1. в политической сфере:</p> <ul style="list-style-type: none"> – меры по защите территориальной целостности, национального суверенитета и независимости страны, реформированию административной системы, обеспечение широких прав и свобод граждан, решение национального вопроса и т.д.; <p>2. экономические реформы в области:</p> <ul style="list-style-type: none"> – промышленности, сельского хозяйства, включая осуществление земельной реформы, в строительстве, торговле, денежно-финансовой сфере и т.д.; <p>3. социальные реформы (улучшение условий труда, повышение заработной платы, развитие образования, улучшение дела здравоохранения и т.д.).</p>

12. Здесь и далее ссылки даются на: Обращение к афганскому народу // Джумхурият, – 1973, 24 августа; President and Prime Minister Mohammad Daoud's Speeches of July 17 and August 23, 1973. – P.4-17.
13. История Афганистана. – С.319-320; Кабульский ежегодник. 1973-1974. – Кабул, 1974. – С.368, 376. – На языке дари; Расми джарида. – 1975, 6 августа; Давыдов А.Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана. – С.283-285.
14. История Афганистана. – С.320; National Study on Universalization of Education at the Primary Level: Country Report of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: Ministry of Education, 1983. – P.13-16.
15. Выступление М.Дауда в марте 1975 года перед жителями г. Кандагара // Ды Урду Маджалла. – 1975. – № 21. – С. «м»; см. об этом тж: История вооруженных сил Афганистана. – С.170-174.
16. Джумхурият. – 1976, 25 августа.
17. Проект предложений ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) по вопросу разработки конституции. – Кабул, 15 хамала 1355 (4 апреля 1976). – На языке дари (ротапринт; из личного архива М.Барьялая).
18. Краткие пояснения к вопросу о социализме. – Кабул, март 1976. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
19. См. об этом: Проект предложений ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) по вопросу разработки Конституции.
20. См., например: Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) от 22 марта 1976 г. – На языке дари (листочка); Доклад ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по случаю десятой годовщины образования партии. – С.9; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.29.
21. Расми джарида. – 1976, 7 октября. – № 13.
22. Актуальные проблемы афганской революции. – С.147-148; Dupree L. Afghanistan. – P.763.
23. См.: Конституция Афганистана. – Кабул, 1 октября 1964. – Ст. 9; Конституция Республики Афганистан // Джумхурият. – 1977, 28 февраля и 4 марта. – Ст. 78.
24. Другие портфели получили: министра юстиции – профессор Вафиулла Самин, министра высшего образования – профессор Гулям Сиддик Мохеби, министра просвещения – профессор Мухаммад Ибрагим Маджид, министра торговли – Мухаммад-хан Джалалар, министра сельского хозяйства – Азизулла Васефи, министра горных дел и промышленности – инженер Абдул Таваб Асефи, министра общественных работ – Гаусуддин Файек, министра информации и культуры – профессор Абдуррахим Навин, министра планирования – Али Ахмад Хоррам, министра связи – инженер Абдул Карим Атаи, министра здравоохранения – профессор Абдулла Омар, министра энергетики и водных ресурсов – инженер Джома Мухаммад Мухаммади. Министром без портфеля был назначен д-р Абдул Маджид, а заместителем министра иностранных дел – Вахид Абдулла. Пост министра иностранных

- дел М.Дауд оставил за собой. – См.: Пресс-бюллетень посольства Республики Афганистан в Москве. – 1977, 21 марта. – № 8.
25. См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С.110-111.
 26. Доклад ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по случаю десятой годовщины образования партии. – С.4.
 27. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.29.
 28. Из бесед с функционерами НДПА (Парчам); Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.75.
 29. Актуальные проблемы афганской революции. – С.150.
 30. Джумхурият. – 1977, 16 августа.
 31. Dupree L. Afghanistan. – P.763.
 32. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.98.
 33. Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.44.
 34. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). – Кабул, 6 сентября 1973. – На языке дари (листовка); Доклад ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по случаю десятой годовщины образования партии (перевод с дари; машинописный текст); Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). – Кабул, 22 марта 1976. – На языке дари (листовка); Парчамизм – обман трудящихся масс страны. – Кабул, 1976. – С.6 (перевод с дари; машинописный текст); Некоторые жизненно важные лозунги. – Кабул, 18 сентября 1976. – На языке дари (листовка); Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по поводу издания Закона о наказаниях. – Кабул, 30 октября 1976. – На языке дари (листовка); О Народно-демократической партии Афганистана. – С.28.
 35. Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны). – С.53-54.
 36. Там же, с.55-56; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.32.
 37. Постановление пленума ЦК НДПА от 1 джади 1352 г. (22 декабря 1973 г.). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Краткая история НДПА. Часть 1. – С.99-100.
 38. Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.57.
 39. Внешним поводом для перемещения Г.П.Вафадара на работу за рубеж явился его тайный брак с русской, заключенный еще до переворота 1973 года, когда он проходил обучение в Советском Союзе. По афганскому законодательству монархических времен, женитьба на иностранках не допускалась для военнослужащих и некоторых других категорий государственных служащих.
 40. Актуальные проблемы афганской революции. – С.114-117; см. тж: История Афганистана. – С.321-322; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.76; Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.61-63; Idem. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.44-47.
 41. Доклад ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по случаю десятой годовщины образования партии. – С.9.
 42. Сообщение ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) от 7 августа 1976 г. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст).
 43. З.М.Зия в течение только 1975 года, накануне назначения в Дели, были присвоены одно за другим два воинских звания – майора и подполковника. – См. об этом; Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.63.
 44. Доклад генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана (партии трудящихся Афганистана) Бабрака Кармаля на пленуме Центрального комитета партии. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст). Далее ссылки даются на этот документ. Подробный анализ его приведен в книге «Актуальные проблемы афганской революции» (с.109-110 и 134-141).
 45. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) от 22 марта 1976 г.
 46. Некоторые жизненно важные лозунги. – Кабул, 18 сентября 1976. – На языке дари (листовка; машинописный текст).
 47. Проект предложений ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) по вопросу разработки конституции. Здесь и далее ссылки даются на данный документ.
 48. Взгляд на крестьянский вопрос, демократическую земельную реформу, создание крестьянских джирг и их программу. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
 49. Воззвание к борцам-патриотам Афганистана. Документы по вопросу единства парчамистов и халькистов. – Гамбург – Западная Германия, джади 1354 (январь 1976). – На языке дари (ротап rint). – С.3-4.
 50. Там же, с.4.
 51. См.: О Народно-демократической партии Афганистана. – С.20.
 52. Воззвание к борцам-патриотам Афганистана. – С.5-7.
 53. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.20.
 54. Воззвание к борцам-патриотам Афганистана. – С.7-8.
 55. Там же, с.8-11.
 56. Там же, с.12-13.
 57. Там же, с.13-15.

58. Доклад генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана (партии трудящихся Афганистана) Бабрака Кармаля на пленуме Центрального комитета партии.
59. Предупреждение. – [б.м.]. 28 хута 1354 (18 марта 1976). – На языке дари (листочка).
60. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. Далее ссылки даются на эту брошюру. Следует заметить, что Хальк постоянно уделяла большое внимание политическому просвещению своих членов. К 1976 году ею легально и нелегально было опубликовано внутри страны и за рубежом на языках дари и пушту более 30 книг, брошюр и других печатных материалов. Наиболее значительными из них по объему были: «Новая жизнь», «Партия рабочего класса», «Наш путь», «Что такое аграрная реформа?», «Необходимо бороться против отклонений», «Критический анализ взглядов «Шоалеи джавид», «Манифест Коммунистической партии», «Новая философия» и др. – См. об этом: О Народно-демократической партии Афганистана. – С.30-31.
61. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.32; О единстве и союзе национально-демократических и прогрессивных сил: предложения ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). – Кабул, 15 августа 1976. – На языке дари (листочка); см. тж: Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.56.
62. См., например: Воззвание ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) в связи с Днем 1 мая – праздником международной солидарности рабочих. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
63. Из бесед с афганскими товарищами. См. тж: Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа: Сборник выступлений и статей (1358-1359). – Кабул, 1362 (1983). – С.58. – На языке дари; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.85-86; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.53-54.
64. В некоторых афганских изданиях ошибочно указывается, что встреча представителей двух группировок НДПА произошла в феврале 1977 года. – См.: Краткая история Афганистана от восстановления независимости до Апрельской революции. – Кабул, 1983. – С.174. – На языке дари; Маздак Ф.А. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – С.49.
65. Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.57.
66. Там же, с.57 и 65-66; см. тж: Краткая история НДПА. Часть 1. – С.112.
67. Состав ЦК НДПА, избранный на объединительной конференции, приводится в книге Анвара Раджа «Трагедия Афганистана» и в «Краткой истории НДПА» с той лишь разницей, что в последней работе кандидатом в члены ЦК от Хальк был назван некто Каюм (?). – См.: Краткая история НДПА. Часть 1. – С.111; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.86.
68. Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.57-58 и 65-67.
69. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.87.
70. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.12 и 16.
71. Резолюция объединительной конференции НДПА. – Кабул, 12 саратана 1356 (3 июля 1977). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая); Краткая история НДПА. Часть 1. – С.108-113; Babrak Karmal's Greeting Speech on the occasion of the 16th Anniversary of Founding of PDPA // Democratic Republic of Afghanistan Annual. Judi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, [1981] – P.527.
72. Обращение к членам партии. – Кабул, 12 саратана 1356 (3 июля 1977). – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
73. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.84.
74. Маздак Ф.А. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – С.44-45.
75. Программные принципы Демократической организации молодежи Афганистана. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст; из личного архива М.Барьялая).
76. Маздак Ф.А. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – С.49-51. В некоторых изданиях численность ДОМА к весне 1978 года оценивалась в 10 тысяч человек, что, видимо, является преувеличением. – См., например: Краткая история НДПА. Часть 1. – С.114; Актуальные проблемы афганской революции. – С.152.
77. Биография генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра Демократической Республики Афганистан товарища Нур Мухаммада Тараки. – С.33-35; Ды Афганестан каланый. – С.17; Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.60.
78. Краткая биография Х.Амина // Ды Афганестан каланый. – С.3 (в разделе «Члены Совета министров ДРА»).
79. Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.63; Краткая история НДПА. Часть 1. – С.114.
80. Ды Афганестан каланый. – С.18.
81. Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – С.68-69.
82. Кармаль Б. Доклад на втором пленуме ЦК НДПА. 24 хамалы 1359 г. (3 апреля 1980 г.) // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. – С.58; Интервью Б.Кармаля журналу «Проблемы мира и

- социализма» (февраль 1980 г.) // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа. – С.516; Surjeet H.S. *Developments in Afghanistan*. – New Delhi, January 1982. – P.9.
83. National Conference of the PDPA on National Reconciliation (Oct. 18-20, 1987). – Kabul, 1987. – P.29.
84. Группа единомышленников М.Х.Майвандваля, в которую входили до 45 армейских офицеров, еще до свержения монархии (видимо, с начала 1973 года) вынашивали планы переворота с целью устранения от власти правительства Мусы Шафика. Однако М.Дауд опередил их на несколько месяцев. – См. об этом: Arnold A. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective*. – P.59-60.
85. Джумхурият. – 1973, 22 сентября; Mukherjee S. *Afghanistan: From Tragedy to Triumph*. – P.77.
86. Западные историки-афганисты, оценивая афганские события того времени обычно с позиций биполярного мышления, утверждали, что смерть М.Х.Майвандваля была насильственной и инспирированной левыми силами из администрации М.Дауда. – См. об этом: Dupree L. *Afghanistan*. – P.761; Anwar R. *The Tragedy of Afghanistan*. – P.73-74; Arnold A. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective*. – P.61, 115.
87. Джумхурият. – 1974, 19 августа.
88. Amin, Tahir. *Afghan Resistance: Past, Present and Future*. – P.376.
89. *Kabul Times*. – 1977, June 22, July 5; Anwar R. *The Tragedy of Afghanistan*. – P.60.
90. См. об этом: История вооруженных сил Афганистана. – С.175.
91. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.116-117; *Kabul New Times*. – 1986, December 10; *Afghanistan: Multifaced Revolutionary Process*. – Kabul: Government Printing Press, [1983]. – P.1-5; Anwar R. *The Tragedy of Afghanistan*. – P.84.
92. Там же.
93. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.117; *Afghanistan: Multifaced Revolutionary Process*. – P.1; Noumoff S.J. *Reflections on the Afghan Revolution*. – P.26.
94. *Afghanistan: Multifaced Revolutionary Process*. – P.1; Anwar R. *The Tragedy of Afghanistan*. – P.84; Noumoff S.J. *Reflections on the Afghan Revolution*. – P.26; National Study on Universalization of Education at the Primary Level: Country Report of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: Ministry of Education, 1983. – P.16.
95. Капиталистические и развивающиеся страны: Социально-экономический справочник. – С.82; Демократическая Республика Афганистан: Справочник. – С.9 и 82; Краткая история НДПА. Часть 1. – С.118; *Afghanistan: Multifaced Revolutionary Process*. – P.2; Anwar R. *The Tragedy of Afghanistan*. – P.85; Noumoff S.J. *Reflections on the Afghan Revolution*. – P.26; *Survey of Progress*. – Kabul: Department of Statistic, Ministry of Planning, Royal Government of Afghanistan, 1970. – P.24.
96. Капиталистические и развивающиеся страны: Социально-экономический справочник. – С.78, 84, 86-88; Экономика развивающихся стран Азии в цифрах. 1960-1965 гг.: Статистический сборник. – М.: Наука, 1970. – С.137; Демократическая Республика Афганистан: Справочник. – С.80-82; Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. – М.: Наука, 1981. – С.277; Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей. – М.: Наука, 1989. – С.157; *Afghanistan: Multifaced Revolutionary Process*. – P.2.
97. Подсчитано мною по источникам: Экономика развивающихся стран Азии в цифрах. – С.136; Малая Советская Энциклопедия. Т.1. – М.: БСЭ, 1958. – С.660; Ежегодник БСЭ. 1978. – М.: Советская энциклопедия. 1978. – С.203.
98. Краткая история НДПА. Часть 1. – С.117-118; Давыдов А.Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана. – М.: Наука, 1976. – С.250.
99. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361 (1982-1983). – Кабул, 1985. – С.29 и 137. – На языке дари (салнамай эхсайави); *Survey of Progress*. 1958-1972. Подсчеты сделаны мною. – М.С.
100. Ежегодник БСЭ. 1978. – С.203-204; *Kabul New Times*. – 1986, December 10; *Afghanistan: Multifaced Revolutionary Process*. – P.1-5; Anwar R. *The Tragedy of Afghanistan*. – P.84.
101. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361. – С.29; *Survey of Progress*. 1970. – P.24; Noumoff S.J. *Reflections on the Afghan Revolution*. – P.26; Dupree L. *Afghanistan*. – P.767.
102. Актуальные проблемы афганской революции. – С.124; Демократическая республика Афганистан: Справочник. – С.90.
103. Актуальные проблемы афганской революции. – С.160-161; Демократическая республика Афганистан: Справочник. – С.78 и 104.
104. Ежегодник БСЭ. 1974. – С.214; Ежегодник БСЭ. 1978. – С.204.
105. Актуальные проблемы афганской революции. – С.159; Демократическая республика Афганистан: Справочник. – С.105-106 и 115; Ежегодник БСЭ. 1974. – С.214; Ежегодник БСЭ. 1978. – С.204.
106. Dupree L. *Afghanistan*. – P.765-766.
107. Демократическая республика Афганистан: Справочник. – С.103-104; Ежегодник БСЭ. 1975. – С.217; Ежегодник БСЭ. 1978. – С.204; Актуальные проблемы афганской революции. – С.159 и 646; Афганистан. История, экономика, культура. – С.158; *Survey of Progress*, 1969. – P. s-1, s-2.
108. См.: Актуальные проблемы афганской революции. – С.127; Давыдов А. и Черняховская Н. Афганистан. – С.133-135; Афганистан. История, экономика, культура. – С.158.
109. *The Economist*. – 1974, August 3. – P.29-30; Bradsher H.S. *Afghanistan and the Soviet Union*. – P.64.

110. См. об этом: Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919-1987. – С.240.
111. Там же, с.243; Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.40.
112. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.40-41.
113. Афганистан. История, экономика, культура. – С.156; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.60-62.
114. Dupree L. Afghanistan. – P.766.
115. Ежегодник БСЭ. 1975. – С.217-218; Джумхурият. – 1974, 5 сентября и 24 ноября; Kabul Times. – 1975, September 25.
116. Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.66.
117. Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана. – С.276.
118. Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.63.
119. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.82.
120. Заявление исполнительного органа Центрального комитета НДПА (партии трудящихся Афганистана). – Кабул, 20 саура 1355 (10 мая 1976). – На языке дари (рукописный текст; из личного архива М.Барьялая).
121. См. об этом: Доклад ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по случаю десятой годовщины образования партии; О Народно-демократической партии Афганистана. – С.27.
122. Цит. по: Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.83-84.
123. См. об этом: Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по поводу издания Закона о наказаниях.
124. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P.82-83.
125. Существует несколько версий убийства М.А.Хайбара. По одной из них оно было совершено спецслужбами М.Дауда с целью вызвать на бой НДПА и получить таким образом предлог для расправы над левой оппозицией. Само же даудовское правительство вину за это убийство возлагало на афганских «братьев-мусульман». Что касается НДПА, то в первый год пребывания у власти руководства во главе с Б.Кармалем убийцами М.А.Хайбара были объявлены, а затем в июне 1980 года казнены братья Мухаммад Сиддик и Мухаммад Ареф Алемьяр, входившие в число наиболее доверенных лиц Х.Амина. Несколько позже в средствах массовой информации Афганистана чаще всего стала фигурировать версия о причастности к этой расправе членов правительства М.Дауда, в частности министра внутренних дел Абдул Кадира Нуристани. – См. об этом: Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. – С.20; Kabul New Times. – 1980, January 2, June 9, 15; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.58-59; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.92-93; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.73.
126. Краткая история НДПА (авангарда рабочего класса страны). – С.70; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.73.
127. Джумхурият. – 1978, 27 апреля.
128. См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. – С.156.
129. Саурская революция. – Кабул: Главное политическое управление вооруженных сил ДРА, 1978. – С.21-35. Далее события излагаются на основе данного издания, а также бесед автора с непосредственными участниками вооруженного восстания в апреле 1978 года.
130. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.96-97.
131. Ватанджар М.А. Выступление на II общепартийной конференции НДПА «О подготовке к 10-й годовщине Апрельской революции». 19 октября 1987 г. – Кабул, 1987. – С.3. – На языке дари; см. тж: National Conference of the PDPA on National Reconciliation (Oct. 18-20, 1987). Documents. – Kabul: Afghanistan To-day Publishers, Nov. 1987. – P.191.
На английский язык дан не совсем точный перевод указанного выступления.
132. Urban M. War in Afghanistan. – P.7-8.
133. Из бесед с афганскими государственными деятелями. См. тж: Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.95; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.77.
134. См. об этом: Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.98.
135. Ibid.
136. По одной, довольно распространенной среди халькистов версии, А.Кадыр, будто бы вовсе не был под стражей, а сам с утра 27 апреля закрылся в своем кабинете и вышел оттуда лишь тогда, когда штаб ВВС и ПВО оказался в руках восставших. Эта версия вызывает серьезные сомнения в ее достоверности, так как была высказана начальником службы безопасности при Тараки, бывшим офицером-летчиком Асадуллою Сарвари летом 1979 года, когда А.Кадыр находился в тюрьме по обвинению в причастности к антиправительственному заговору. – См. об этом: Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.97.
137. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.50.
138. Американский автор Дж.Коллинз называет два МиГ-21, а Р.Анвар – двенадцать самолетов. – См.: Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.50; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.99.
139. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.100.
140. Саурская революция. – С.47.
141. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.100.

142. Здесь и далее автор излагает события на основе бесед с осведомленными афганскими партийными деятелями. См. об этом тж: Саурская революция. – С.50-56; Биография генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА тов. Н.М.Тараки. – С.53-54; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.101.
143. Военно-революционный совет был образован вечером 27 апреля на радиостанции «Радио Афганистана», фактически «под занавес» вооруженного восстания. Он не осуществлял, как это ошибочно полагают некоторые авторы (см., например: Афганистан: прошлое и настоящее. – М., 1982. – С.110), «непосредственное оперативное руководство революционным восстанием», и тем более А.Кадыр не мог быть его главой вплоть до вечера 27 апреля, так как был в это время под стражей. Военно-революционный совет, не будучи оперативным органом восстания, на деле служил по тактическим соображениям прикрытием для пришедшей к власти НДПА.
144. См. об этом: Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.101.
145. Первое сообщение по радио Военно-революционного совета вооруженных сил Афганистана. Вечер 7 саура // Анис. – 1978, 3 мая.
146. Там же.
147. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.99.
148. Ibid., p.101.
149. В биографии Н.М.Тараки по этому поводу говорится следующее: после прибытия Тараки и других членов ЦК НДПА в штаб ВВС в Ходжа Раваше вечером 27 апреля «Кармаль настаивал на том, чтобы Дауд был оставлен в живых, что возмутило офицеров-халькистов». – См.: Биография генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА тов. Н.М.Тараки. – С.54.
150. Анис. – 1978, 3 мая.
151. См. об этом: Саурская революция. – С.52-53; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.60; Idem. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.72; Dupree L. Afghanistan. – P.771; Anwar R. The Tragedy of Afghanistan. – P.101-102; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.77.
152. Пресс-конференция Н.М.Тараки для местных и иностранных журналистов 6 мая 1978 г. // Ды Афганестан каланый. – Кабул, 1358 (1979). – с.74. – На языке дари.
153. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.50; Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.76.
154. Алан П., Клей Д. Афганский капкан. – С.57-71.
155. Анис. 1978, 4 мая; Центральный музей армии Афганистана. Зал № 1. Н.М.Тараки, выступая перед журналистами в первые дни после восстания, утверждал, что число погибших с обеих сторон составило 72-73 человека. По его словам, в начале мая 1978 года в госпитале находились пять человек раненых из числа восставших. – См. об этом: Пресс-конференция Н.М.Тараки для местных и иностранных журналистов. 6 мая 1978 г. – С.73.
- Следует заметить, что в западной прессе и изданиях по Афганистану обычно говорится, что-де в дни переворота были «тысячи убитых», что из двух тысяч президентской гвардии в живых осталось примерно 200 человек и те после переворота в своем большинстве были расстреляны. При этом ссылаются на С.Моджаддеди, который, выступая 25 мая 1979 года в Нью-Йорке, заявил, что якобы «в течение первых 36 часов переворота было убито 10 тысяч солдат, полицейских, гвардейцев и гражданских лиц, а также были казнены 29 членов семьи М.Дауда». – См. об этом: Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – P.76 и 313; Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – P.72; Idem. Afghanistan's Two-Party Communism. – P.62; Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. – P.71.
- Американский военный автор Дж.Коллинз называет более «умеренную» цифру погибших в день восстания. По его мнению, самое большее погибло в пределах 1000 человек, включая М.Дауда, его брата М.Наима, их семьи и примерно половину из двухтысячной республиканской гвардии». – См.: Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. – P.49. Такого же мнения придерживаются Л.Дюпре и английский военный корреспондент М.Урбан. – См.: Dupree L. Afghanistan. – P.771; Urban M. War in Afghanistan. – P.8.
156. Центральный музей армии Афганистана. Зал № 1; Саурская революция. – С.45 и 53.
157. Анис. – 1978, 3 мая.
158. Там же.
159. Там же.
160. Пресс-конференция Н.М.Тараки для местных и иностранных журналистов. 6 мая 1978 г. – С.73.
161. 7 саура 1357 года – великий исторический поворотный пункт в Афганистане // Анис. – 1978, 3 мая (передовая статья).
162. Исторический декрет Военно-революционного совета Афганистана от 9 саура 1357 г. (29 апреля 1978 г.) // Анис. – 1978, 3 мая; Пресс-конференция Н.М.Тараки для местных и иностранных журналистов. 6 мая 1978 г. – С.66.
163. Декрет № 1 Революционного совета Демократической Республики Афганистан. 15 часов 10 саура 1357 г. (30 апреля 1978 г.) // Анис. – 1978, 3 мая.

164. Персонально правительство было сформировано в следующем составе: Н.М.Тараки – премьер-министр; Б.Кармаль – заместитель премьер-министра; Х.Амин – заместитель премьер-министра и министр иностранных дел; майор М.А.Ватанджар – заместитель премьер-министра и министр связи; полковник А.Кадыр – министр национальной обороны; Н.А.Нур – министр внутренних дел; д-р Шах Вали – министр здравоохранения; д-р Салех Мухаммад Зерай – министр сельского хозяйства; Г.Д.Панджшери – министр просвещения; С.А.Кештманд – министр планирования; А.К.Мисак – министр финансов; М.Х.Барек Шафии – министр информации и культуры; С.Лайек – министр радио и телевидения; д-р А.Ратгебзад – министр по социальным вопросам; А.Х.Шараи Джаузджани – министр юстиции и генеральный прокурор; инж. М.И.Данеш – министр горных дел и промышленности; Незамуддин Тахзиб – министр по делам границ; А.К.Горбанди – министр торговли; профессор Мухаммад Мансур Хашеми – министр водных ресурсов и энергетики; заслуженный профессор Махмуд Сума – министр высшего образования; майор М.Рафи – министр общественных работ. – См. об этом: Декрет № 2 Революционного совета Демократической Республики Афганистан. 21 час 11 саура 1357 г. (1 мая 1978 г.) // Анис. – 1978, 3 мая.
165. Анис. – 1978, 3 мая.
166. Там же.
167. Анис. – 1978, 6 мая.
168. См. об этом подробнее: *The Foreign Policy and International Relations of DRA*. By Rustam. – Kabul, October 1984. – P.3-6.
169. Основные направления революционных задач правительства ДРА // *Ды Афганестан каланы*. 1358 (1979). – С.50-55.
170. Там же, с.55-56.
171. Там же, с.56.
172. 20-летие Народно-демократической партии Афганистана. Материалы юбилейного заседания ЦК НДПА, Революционного совета и Совета министров ДРА. 10 января 1985 года. – С.16. Многие западные авторы неизменно стремились занизить численность НДПА и этим обосновать ее малую популярность. При этом называлась ее численность накануне апреля 1978 года в три тысячи членов и даже в несколько сот человек в каждой фракции. – См., напр.: Collins J.J. *The Soviet Invasion of Afghanistan*. – P.48; Saikal A. *The Afghanistan Conflict*. – P.16.
173. Пресс-конференция Н.М.Тараки для местных журналистов. 6 мая 1978 г. – С.65.
174. О деятельности левого афганского режима в первые годы его правления см.: Слинкин М.Ф. *Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.)*.

Заключение

1. См. об этом, например: Dupree L. *Afghanistan*. – P.770-771; Arnold A. *Afghanistan's Two-Party Communism*. – P.56; Idem. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective*. – P.68; Bradsher H.S. *Afghanistan and the Soviet Union*. – P.5; Newell N.P., Newell R.S. *The Struggle for Afghanistan*. – P.67; Poullada L.B. *Afghanistan and the United States: The Crucial Years* // *The Middle East Journal*. – Spring 1981. – Vol. 35, № 2. – P. 178.
2. См., напр.: Кондрашов С. Из мрака неизвестности // *Новый мир*. – 1989. – № 8. – С.190; *Войну проиграли политики* // *Аргументы и факты*. – 1989, 6 октября. – № 39 (468). – С.4.
3. См. об этом, например: *Afghanistan: 5 Years of Soviet Occupation*. – Cairo: United States Information Service, Embassy of the United States of America, December 1984. – P.2.
4. Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». – М.: Наука, 1989. – С.45.
5. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. *Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.)*.
6. См. об этом тж: Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998. – 240 с.

Источники и литература

1. Источники

Документы и материалы из личного архива Махмуда Барьялая

1. Взгляд на крестьянский вопрос, демократическую земельную реформу, создание крестьянских джирг и их программу. – Кабул, 1976. – На языке дари (брошюра; машинописный текст).
2. Воззвание ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) в связи с Днем 1 мая – праздником международной солидарности рабочих. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст).
3. Выступление Б.Кармалы в Вулуси джирге при голосовании вотума доверия кабинету Н.А.Эттемади. – Кабул, октябрь 1967. – На языке дари (машинописный текст).
4. Выступление Б.Кармалы в Вулуси джирге 29 ноября 1971 года и запрос правительству по поводу событий в Пакистане. – На языке дари (рукописный текст).
5. Докладная записка и предложения т. С.Лайека Центральному комитету НДПА. – Кабул, 30 мая 1971. – На языке дари (рукописный текст).
6. Документ конференции НДПА. – Кабул, 1977. – На языке дари (машинописный текст).
7. Заявление исполнительного органа Центрального комитета НДПА (партии трудящихся Афганистана). – Кабул, 20 саура 1355 (10 мая 1976). – На языке дари (рукописный текст).
8. Заявление Народно-демократической партии Афганистана в связи с днем поддержки освободительного движения народов Пуштунистана и Белуджистана. 31 августа 1971 г. – На языке дари (ротапринт).
9. Заявление о народно-демократическом единстве. 9 кауса 1349 г. (30 ноября 1970 г.). – Кабул, 1970. – На языке дари (машинописный текст).
10. Заявление ЦК НДПА от 11 кауса 1350 г. (2 декабря 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст).
11. Краткие пояснения к вопросу о социализме. – Кабул, март 1976. – На языке дари (брошюра; машинописный текст).
12. Обращение к членам партии. – Кабул, 12 саратана 1356 (3 июля 1977). – На языке дари (машинописный текст).
13. Ответ ЦК НДП (партии рабочего класса Афганистана) на вашу специальную записку от 25 хута 1349 г. (16 марта 1971 г.). – Кабул, 25 саура 1350 г. (15 мая 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст).
14. Открытое письмо ЦК НДПА в связи с так называемым «ответом» руководства отколовшейся группы меньшинства Н.М.Тараки от 25 саура 1350 г. (15 мая 1971 г.). – Кабул, июнь 1971. – На языке дари (рукописный текст).
15. Постановление пленума ЦК НДПА от 1 джади 1352 г. (22 декабря 1973 г.). – На языке дари (рукописный текст).
16. Программные принципы Демократической организации молодежи Афганистана. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст).
17. Проект предложений ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) по вопросу разработки конституции. – Кабул, 15 хамалы 1355 (4 апреля 1976). – На языке дари (ротапринт).
18. Радостная весть. – Кабул, декабрь 1970. – На языке дари (листовка).
19. Резолюция объединительной конференции НДПА. – Кабул, 12 саратана 1356 (3 июля 1977). – На языке дари (рукописный текст).
20. Речь протеста Б.Кармалы на собрании в Кабуле 21 хута 1351 г. (11 марта 1973 г.) в связи с визитом в Афганистан премьер-министра Ирана А.А.Ховейда. – На языке дари (машинописный текст).
21. Решение ЦК НДПА в связи с гибелью Абдурахмана, члена нашей политической организации. – Кабул, акраб 1350 (октябрь 1971). – На языке дари.
22. Сообщение комиссии НДПА (партии трудящихся Афганистана) по выборам. – Кабул, 15 хамалы 1352 (4 апреля 1973). – На языке дари (рукописный текст).
23. Сообщение секретариата ЦК НДПА. – Кабул, 25 хута 1349 (16 марта 1971). – На языке дари (рукописный текст).
24. Специальная записка ЦК НДПА в ответ на письмо от 3 хута 1349 года (22 февраля 1971 г.) и одновременно ответ на ваш материал «Радостная весть». – Кабул, 25 хута 1349 (16 марта 1971 г.). – На языке дари (рукописный текст).
25. ЦК НДПА горячо поздравляет всех товарищей с седьмой годовщиной I съезда партии (письмо членам партии). – Кабул, 11 джади 1350 (1 января 1972). – На языке дари (ротапринт).

Документы высших органов власти, политических партий и организаций

26. Воззвание к борцам-патриотам Афганистана: Документы по вопросу единства парчамистов и халькистов. – Гамбург, джади 1354 (январь 1976). – 19 с. (ротапринт). – На языке дари (пейам бэ мобарезан-е ватанпараст-е Афганестан).

27. Декрет № 1 Революционного совета Демократической Республики Афганистан. 15 часов 10 саура 1357 г. (30 апреля 1978 г.) // Анис. – 1978, 3 мая.
28. Декрет № 2 Революционного совета Демократической Республики Афганистан. 21 час 11 саура 1357 г. (1 мая 1978 г.) // Анис. – 1978, 3 мая.
29. Демократическая программа Хальк. – Кабул: Партийная типография, 1985. – 75 с. – На языке дари (марам-е демократик-е халк).
30. Закон о выборах парламента // Расми джарида. – 1344 (1965), 21 саура (11 мая). – № 25. – На языке дари (канун-е энтехабат-е шаура).
31. Закон о преступлениях должностных лиц и о наказаниях за посягательство на общественные интересы и безопасность. – Кабул, каус 1341 (декабрь 1962). – На языке дари.
32. Законопроект о создании политических партий. – Кабул, 1345 (1966). – На языке дари (лайеха-йе канун-е ахзаб-е сийаси).
33. Заявление Б.Кармалы об отставке из руководящих органов партии. 2 мизана 1345 г. (24 сентября 1966 г.). – На языке дари (фотокопия).
34. Заявление Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана по случаю приглашения в Афганистан премьер-министра З.А.Бхутто. 10 мая 1976 г. – Перевод с дари (машинописный текст).
35. Исторический декрет Военно-революционного совета Афганистана от 9 саура 1357 г. (29 апреля 1978 г.) // Анис. – 1978, 3 мая.
36. Конституция Афганистана. – Кабул, 1 октября 1964. – 85 с.
37. Конституция Республики Афганистан // Джумхурият. – 1977, 28 февраля и 4 марта.
38. Основные направления революционных задач правительства ДРА // Ды Афганестан каланый. – Кабул, 1358 (1979). – С.50-55. – На языке дари.
39. Первое сообщение по радио Военно-революционного совета вооруженных сил Афганистана. Вечер 7 саура // Анис. – 1978, 3 мая.
40. Положение о внутренней службе афганской армии. – [Б.м.], [Б.г.]. – На языке дари (осулнама-йе хадамат-е дахела-йе орду-йе Афганестан).
41. Положение о воинских наказаниях. – Кабул, 1341 (1962). – На языке дари (осулнама-йе джаза-йе аскарри).
42. Положение о прохождении военной службы. – [Кабул], 1341 (1962). – На языке дари (осулнама-йе тарфи-о-такаод-е аскарри).
43. Программа армейской революционной организации. – [Кабул], 1964. – 3 с. (машинописный текст). – На языке дари (програм-е сазман-е энкелаби-йе орду).
44. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1964. – 144 с.
45. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. – М.: Политиздат, 1961.
46. Проект совместной платформы коалиционного фронта в избирательной борьбе в связи с выборами парламента 13-го созыва // Парчам. – 1969, 26 мая.
47. Устав Армейской революционной организации. – [Кабул], 1964. – 3 с. (машинописный текст). – На языке дари (асаснама-йе сазман-е энкелаби-йе орду).
48. Устав Народно-демократической партии Афганистана. – [Б.м.], [Б.г.]. – 19 с. (машинописный текст). – На языке дари (асаснама-йе хезб-е демократик-е халк-е Афганестан).
49. Устав Партии национальной революции // Джумхурият. – 1977, 16 августа.
50. Цели Армейской революционной организации. – [Кабул], 1964. – 5 с. (машинописный текст). – На языке дари (марам-е сазман-е энкелаби-йе орду).
51. Loya Jirgah (Grand Assembly) Documents. – Kabul: Afghanistan Today Publishers. – November 1987. – 178 p.
52. National Conference of the PDPA on National Reconciliation (Oct. 18-20, 1987). Documents. – Kabul, 1987. – 394 p.
53. National Study on Universalization of Education at the Primary Level: Country Report of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: Ministry of Education, 1983. – 66 p.
54. PDPA CC Theses on 2nd Anniversary of Saur Revolution // Kabul New Times. – 1980. April 19.
55. The Truth about Afghanistan: Documents, Facts, Eye-witness Reports. – Moscow: Novosti Press Agency Publishing House, 1980. – 158 p.
56. White Book: Pakistan's Subversive Activities against of Afghan Revolution. – Kabul: DRA Ministry of Foreign Affairs Information and Press Department, 1984. – 63p.

Статьи и выступления партийных и государственных деятелей Афганистана. Партийные публикации

57. Бабрак Кармаль подверг серьезной критике в Вулуси джирге бюджет на 1348 год // Парчам. – 1969, 21 июля.
58. Биография генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА товарища Нур Мухаммада Тараки. – Кабул: Издание Главного политического управления народных вооруженных сил ДРА, 1978. – 58 с.

59. Ватанджар М.А. Выступление на II общепартийной конференции «О подготовке к 10-й годовщине Апрельской революции». 19 октября 1987 г. – Кабул, 1987. – На языке дари.
60. Вперед к единству! Постановление ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана). 19 мизана 1354 г. (11 октября 1975 г.). – Кабул, 1975. – На языке дари.
61. Выступление Бабрака Кармаля в Вулуси джирге: Абдул Хади Керим является законным депутатом Вулуси джирги и находится в тюрьме тирании в нарушение закона // Парчам. – 1969, 20 октября.
62. Выступление депутата Бабрака Кармаля в Вулуси джирге в связи с отчетом парламентской комиссии по расследованию положения на ГЭС «Наглу» // Парчам. – 1968, 13 мая.
63. Выступление депутата Бабрака Кармаля на заседании Вулуси джирги 21 мая 1968 г. в связи с запросом правительству // Парчам. – 1968, 27 мая.
64. Выступление депутата Бабрака Кармаля о внешней политике страны в связи с запросом правительству // Парчам. – 1968, 3 июня.
65. Выступление доктора Анахиты на заседании Вулуси джирги в связи с запросом правительству // Парчам. – 1968, 27 мая.
66. Выступление М.Дауда в марте 1975 года перед жителями г. Кандагара // Ды Урду Маджалла. – 1975. – № 21.
67. Горбанди. Национальный джихад // Парчам. – 1970, 9 февраля.
68. Горбанди. Об одном лозунге // Парчам. – 1970, 19 января.
69. 20-летие Народно-демократической партии Афганистана: Материалы юбилейного заседания ЦК НДПА, Революционного совета и Совета министров ДРА. 10 января 1985 г. – Кабул, 1985. – 112 с.
70. Демократические чаяния народа // Мардом. – 1966, 11 мая.
71. Джаузджани А.Х.Ш. Взгляд на язык и литературу узбекского и туркменского народов // Парчам. – 1968, 6 мая.
72. Джаузджани А.Х.Ш. Культура узбекского и туркменского народов – неотъемлемая часть национальной культуры // Парчам. – 1968, 25 апреля.
73. Джаузджани А.Х.Ш. Фольклор узбеков и туркмен // Парчам. – 1968, 13 мая.
74. Доклад генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана (партии трудящихся Афганистана) Бабрака Кармаля на пленуме Центрального комитета партии. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст).
75. Доклад генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллы в связи с 25-й годовщиной создания партии. 1 января 1990 г. – Кабул, 1990. – На языке дари (ксерокопия).
76. Единство и сплоченность оплачены жизнью борцов за независимость и свободу // Парчам. – 1968, 27 мая (редакционная статья).
77. Запрос Бабрака Кармаля правительству о положении в Пактии // Парчам. – 1968, 16 сентября.
78. Запрос депутата Файзан-уль-Хака Файзана правительству на заседании Вулуси джирги 4 июня 1968 г. по поводу острых социальных проблем и насущных требований рабочих страны // Парчам. – 1968, 10 июня.
79. Заявление о единстве действий. Постановление ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана). 4 хамала 1353 г. (24 марта 1974 г.). – На языке дари.
80. Заявление от 20 сомболя 1354 г. (11 сентября 1975 г.). Постановление ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана). – Кабул, 1975. – На языке дари.
81. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) от 17 июля 1973 г. – Кабул, 1973. – На языке дари (листовка).
82. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). 13 сомболя 1354 г. (4 сентября 1975 г.). – Кабул, 1975. – На языке дари.
83. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). 6 сентября 1973 г. – Кабул, 1973. – На языке дари (листовка).
84. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). 22 марта 1976 г. – Кабул, 1976. – На языке дари (листовка).
85. Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) по поводу издания Закона о наказаниях. – Кабул, 30 октября 1976. – На языке дари (листовка).
86. Интервью Б.Кармаля журналу «Проблемы мира и социализма» (февраль 1980 г.) // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа: Сборник выступлений и статей (1358-1359). – Кабул, 1362 (1983). – С.511-543. – На языке дари.
87. Информационное сообщение ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). 10 мизана 1354 г. (2 октября 1975 г.). – Кабул, 1975. – На языке дари.
88. Кармаль Б. Взгляды на наши национальные задачи на текущем историческом этапе (пути и средства достижения победы) // Парчам. – 1968, 14 марта.
89. Кармаль Б. Выступление в Вулуси джирге 18 октября 1969 г. в связи с обсуждением вотума доверия правительству господина Нур Ахмада Эттемади // Парчам. – 1969, 24 ноября.
90. Кармаль Б. Два противоречивых курса и подхода к национальной проблеме Пуштунистана // Парчам. – 1968, 31 августа.

91. Кармаль Б. Доклад на втором пленуме ЦК НДПА. 24 хамалья 1359 года (13 апреля 1980 г.) // Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа: Сборник выступлений и статей (1358-1359). – Кабул, 1362 (1983). – С.49-67. – На языке дари.
92. Кармаль Б. Классы и классовая борьба // Парчам. – 1968, 6, 13 и 20 мая, 3 июня.
93. Кармаль Б. Кто же они подлинные национальные элементы и патриоты? // Парчам. – 1968, 28 марта.
94. Кармаль Б. Миролюбивая, самостоятельная и нейтралистская политика – гарантия национальной независимости страны // Парчам. – 1968, 16 сентября.
95. Кармаль Б. Молодой рабочий класс – самая передовая общественная сила страны // Парчам. – 1968, 11 апреля.
96. Кармаль Б. Надо возродить и совершенствовать языки Афганистана // Парчам. – 1970, 13 апреля.
97. Кармаль Б. На пути укрепления суверенитета народа: Сборник выступлений и статей (1358-1359). – Кабул, 1362 (1983). – 534 с. – На языке дари.
98. Кармаль Б. Народ Афганистана отстоит революцию // Проблемы мира и социализма. – 1980. – № 4.
99. Кармаль Б. Необходимость демократического решения в стране проблемы племен // Парчам. – 1968, 9 сентября.
100. Кармаль Б. Непобедимый секрет или связь с народом // Парчам. – 1969, 20 января.
101. Кармаль Б. Несколько замечаний по трем вопросам // Парчам. – 1969, 29 декабря.
102. Кармаль Б. Об исторической необходимости решения аграрного вопроса в нашей стране // Парчам. – 1968, 16 декабря.
103. Кармаль Б. Об управленческом аппарате Афганистана // Парчам. – 1968, 21 марта.
104. Кармаль Б. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане // Парчам. – 1969, 19 мая.
105. Кармаль Б. О крестьянском вопросе / Парчам. – 1968, 1 июля.
106. Кармаль Б. Отсутствие правильного руководства и управления – одна из причин «экономического застоя» // Парчам. – 1968, 12 августа.
107. Кармаль Б. Подлинная революционная политика не имеет ничего общего с революционным фразерством // Парчам. – 1969, 9 июня.
108. Кармаль Б. Познание общества требует дальнейших научных исследований // Парчам. – 1970, 30 марта.
109. Кармаль Б. По поводу средств достижения победы и создания нового общества в Афганистане // Парчам. – 1970, 6 апреля.
110. Кармаль Б. Принципиальный компромисс не имеет ничего общего с предательской сделкой // Парчам. – 1969, 4 августа.
111. Кармаль Б. Пусть крепнет и развивается афгано-советская дружба // Парчам. – 1969, 26 мая.
112. Кармаль Б. Пути и средства осуществления чаяний народов Афганистана и целей Демократической программы Хальк // Хальк. – 1966, 2 мая.
113. Кармаль Б. Реакцию можно одолеть только объединенными усилиями в составе единого фронта // Парчам. – 1968, 25 апреля.
114. Кармаль Б. Служение народу – наша священная задача // Парчам. – 1969, 30 июня.
115. Кармаль Б. Уроки забастовочного движения рабочих нашей родины // Парчам. – 1968, 21 октября.
116. Кармаль Б. Феодалные малеки – главный классовый враг народа Афганистана // Парчам. – 1968, 2 мая.
117. Кармаль Б. Что делать? // Парчам. – 1969, 21 и 28 апреля.
118. Кармаль Б. Экономические отношения между Афганистаном и Советским Союзом // Парчам. – 1968, 11, 18 и 25 ноября.
119. Кармаль Б. Эксплуататорские классы – главное препятствие на пути к национальному единству // Парчам. – 1969, 28 августа.
120. Кештманд С.А. Народно-демократическое движение и национально-освободительная борьба в Пуштунистане // Парчам. – 1968, 31 августа.
121. Кештманд С.А. Некоторые цифры и факты о социальном составе нашего общества // Парчам. – 1968, 29 июля, 5 и 12 августа.
122. Кештманд С.А. Правительственные органы сотрудничают с грабительским империалистическим капиталом // Парчам. – 1969, 31 марта.
123. Кештманд С.А. Советско-афганские отношения в свете заветов Ленина // Парчам. – 1970, 22 апреля.
124. Кештманд С.А. Экономическая политика правительства о частных капиталовложениях не отвечает интересам народа и не обеспечивает рост экономики страны // Парчам. – 1969, 4 августа.
125. Кештманд С.А. Экономическое положение трудящихся Афганистана // Парчам. – 1969, 27 января.
126. Краткая биография генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Нур Мухаммада Тараки // Ды Афганестан каланый. – Кабул, 1358 (1979). – С.4-25. – На языке дари.
127. Краткая биография Х.Амина // Ды Афганестан каланый. – Кабул, 1358 (1979). – С.2-4 (в разделе «Члены Совета министров ДРА»). – На языке дари.

128. Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до Апрельской революции. – Кабул, 1978. – 102 с. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е хезб-е демократик-е халк-е Афганестан та энкелаб-е саур).
129. Краткая история НДПА. Часть 1. (До победы Апрельской революции). – Кабул, 1367 (1988). – 128 с. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е хезб-е демократик-е халк-е Афганестан та пирузи-йе энкелаб-е саур).
130. Краткая история НДПА. Часть 1. (До победы Апрельской революции). – Кабул, 1988. – 160 с. (перевод с дари; рогапринт).
131. Народно-демократическая партия Афганистана (авангард рабочего класса страны). Доклад ЦК по случаю десятой годовщины образования партии. – Кабул, 1 января 1965. – 10 с. (перевод с дари; машинописный текст).
132. Некоторые жизненно важные лозунги. – Кабул, 18 сентября 1976. – На языке дари (листовка ЦК НДПА-Хальк).
133. Нур Н.А. Признание по поводу пагубного финансового положения страны // Парчам. – 1968, 5 и 12 августа.
134. Об Апрельской революции. – Кабул: Государственное издательство, 1 джауза 1357 (22 мая 1978). – 91 с. – На языке дари (дар барайи энкелаб-е саур).
135. Обращение к афганскому народу // Джумхурият. – 1973, 24 августа.
136. О единстве и союзе национально-демократических и прогрессивных сил: предложения ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны). – Кабул, 15 августа 1976. – На языке дари (листовка).
137. О Народно-демократической партии Афганистана (авангарде рабочего класса страны). – Кабул, 1976. – 32 с. (перевод с дари; машинописный текст).
138. Осман М. Взгляд на современные классовые отношения в нашем обществе // Шоалеи джавид. – 1968, 4 и 11 апреля.
139. Ответ НДПА (авангарда рабочего класса страны). 8 хамалия 1353 г. (28 марта 1974 г.) (на Заявление о единстве действий ЦК НДПА-Парчам от 24 марта 1974 г. – М.С.). – На языке дари.
140. Панджшери Г.Д. Культура хазарейцев – неотъемлемая часть национальной культуры нашей единой родины – Афганистана // Парчам. – 1968, 22 июля.
141. Панджшери Г.Д. Пробудившийся Гиндукуш – защитник мира, национальной независимости и оплот национально-освободительного движения Пуштунистана // Парчам. – 1968, 31 августа.
142. Панджшери Г.Д. Роль возрождения и развития культур в укреплении национального единства // Парчам. – 1968, 28 марта.
143. Панджшери Г.Д. С помощью ругани и оскорблений нельзя извратить истину // Парчам. – 1969, 5 мая.
144. Парламентская народно-демократическая фракция выступила в поддержку свободного создания политических партий и снижения возрастного ценза для вступления в партию с 25 до 20 лет // Парчам. – 1969, 21 апреля.
145. Парламентская народно-демократическая фракция протестует против стиля работы Вулуси джирги и политики правительства в вопросах получения займов от капиталистических стран // Парчам. – 1969, 14 апреля.
146. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – Кабул, 1976. – 8 с. (перевод с дари; машинописный текст).
147. Предупреждение. – [Б.м.], 28 хута 1354 (18 марта 1976). – На языке дари (листовка).
148. Пресс-конференция Н.М.Тараки для местных и иностранных журналистов. 6 мая 1978 г. // Ды Афганестан каланий. – Кабул, 1358 (1979). – С.59-75. – На языке дари.
149. Ратебзад А. Афганистан – очаг различных болезней // Парчам. – 1968, 13 мая.
150. Ратебзад А. Героический народ Пуштунистана победит // Парчам. – 1968, 31 августа.
151. Ратебзад А. Демократическая земельная реформа и закон о земельном кадастре // Парчам. – 1968, 15 июля.
152. Ратебзад А. Как закончились выборы парламента 13-го созыва? // Парчам. – 1969, 6 октября.
153. Ратебзад А. Сельскохозяйственные орудия крестьян Афганистана – это орудия двухтысячелетней давности // Парчам. – 1968, 12 августа.
154. Речи Н.М.Тараки и Б.Кармали на похоронах М.А.Хайбара // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1980, 17 апреля.
155. Речь премьер-министра Мухаммада Хашима Майвандваля по случаю наступления 48 года независимости Родины. – Кабул, 1966. – На языке пушту.
156. Сообщение по вопросу о единстве действий Народно-демократической партии Афганистана (партии рабочего класса и всех трудящихся Афганистана). 5 сомболя 1354 г. (27 августа 1975 г.). – Кабул, 1975. – На языке дари.
157. Сообщение ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны) от 7 августа 1976 г. – Кабул, 1976. – На языке дари (машинописный текст).
158. Тараки Н.М. Желания народа. Чего мы хотим? // Ангар. – 1951, 1 марта.
159. Триумфальный марш рабочих и правительственная политика проволоочек: запрос правительству депутата от округа Панджваи (Кандагар) Нур Ахмада // Парчам. – 1968, 20 мая.

160. Хайбар М.А. Важнейшие проблемы некапиталистического пути развития: объединенный национально-демократический фронт // Парчам. – 1968, 9 сентября.
161. Хайбар М.А. Состояние и проблемы современного национально-освободительного движения // Парчам. – 1968, 27 мая, 3, 10, 17 и 24 июня, 1, 8, 15, 22 и 29 июля, 5 августа, 9, 16 и 23 сентября.
162. Справедливая борьба народа Пуштунистана за право на самоопределение // Парчам. – 1968, 2 мая.
163. Шафии Б. От темниц Балахисара до камер ужасов Димазанга // Парчам. – 1970, 2 февраля.
164. Шафии Б. «Парчам» – выразительница взглядов народно-демократического движения Афганистана // Парчам. – 1969, 21 апреля.
165. Babrak Karmal's Greeting Speech on the occasion of the 16th Anniversary of Founding of PDPA // Democratic Republic of Afghanistan Annual. Judi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, [1981] – P.526-533.
166. Karmal B. Interview to Local and Foreign Newsmen Held on January 10, 1980 // Democratic Republic of Afghanistan Annual. Judi 6, 1358 – Hoot, 1359. – P.303-310.
167. President and Prime Minister Mohammad Daoud's Speeches of July 17 and August 23, 1973. – Kabul: Government Printing Press, 1973.
168. Rabbani B. What Type of Struggle? – Peshawar, September 1981. – 32 p.
169. Report by Noor Mohammad Taraki, General Secretary of the PDPA CC Presented to the Historical Plenum of the Central Committee of the Peoples Democratic Party of Afghanistan Held on the 6th of Gaus 1357. – Kabul, November 1978.

Статистические и справочные издания

170. Атаи М.И. Словарь пуштунской племенной фразеологии. – Кабул, 1358 (1979). – На языке пушту (ды паштане кабило истила-и камус).
171. Афганистан. Справочник. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 256 с.
172. Босворт К.Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. Перев. с англ. – М.: Наука, 1971. – 324 с.
173. Демократическая Республика Афганистан: Справочник. / Отв. ред. М.Р.Арунова. – М.: Наука, 1981. – 173 с.
174. Ды Афганестан каланый. 7 саура 1357-1358 (27 апреля 1978-1979). – Кабул, 1358 (1979). – 1371 с. – На языках дари и пушту.
175. Ежегодники БСЭ. 1973-1990. – М.: Советская энциклопедия, 1973-1990.
176. Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.
177. Кабульский ежегодник. 1973-1974. – Кабул, 1974. – На языке дари (салнамайи Кабул).
178. Капиталистические и развивающиеся страны: Социально-экономический справочник. – М.: Политиздат, 1973. – 350 с.
179. Краткие сведения об экономическом, политическом, социальном развитии Афганистана и его провинций (составитель В.А.Кострюков). – Кабул, 1988. – 108 с. (ротапринт).
180. Малая Советская энциклопедия. Т.1. – М.: БСЭ, 1958.
181. Путеводитель по Кабулу. – Кабул, 1345 (1966). – 368 с. – На языке дари (рахнамайи Кабул).
182. Советская историческая энциклопедия. Т.12. – М., 1969.
183. Справка о «Братьях-мусульманах». – Кабул, 1983. – 17 с. (машинописный текст). – На языке дари (тарихча-йе ихван-уль-мослемин).
184. Справка о предварительных итогах развития сельского хозяйства ДРА за 1978 г. (подготовлена группой советских советников министерства сельского хозяйства и земельной реформы ДРА). – Кабул, 1978 (машинописный текст).
185. Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана. Вопросы и ответы. – Кабул, 1982. – 120 с. – На языке дари (рахнема-йе фаалин-е хезб-е демократик-е халк-е Афганестан).
186. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1360 (1981-1982). – Кабул, 1982. – На языке дари (салнамайи эхсайави).
187. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1361 (1982-1983). – Кабул, 1983. – На языке дари (салнамайи эхсайави).
188. Статистический ежегодник ЦСУ ДРА. 1363 (1984-1985). – Кабул, 1985. – На языке дари (салнамайи эхсайави).
189. Статистический ежегодник ЦСУ РА. 1365 (1986-1987). – Кабул, 1987. – На языке дари (салнамайи эхсайави).
190. Статистический сборник: Министерство планирования Афганистана. – Кабул, 1972. – На языке дари.
191. Центральный музей армии Афганистана. Зал № 1.
192. Экономика развивающихся стран Азии в цифрах. 1960-1965 гг. Статистический сборник. – М.: Наука, 1970.
193. Democratic Republic of Afghanistan Annual. Judi 6, 1358 – Hoot, 1359. – Kabul: Government Printing Press, 1981. – 1112 p.
194. The Military Balance. 1976-1977. – London: The International Institute for Strategic Studies, 1976.

195. The Statesman's Year-book. Statistic and Historical Annual of the States of the World. – London, New York, 1977-1978.
 196. Statistical Year Book. Democratic Republic of Afghanistan. 1360 (March 1981 – March 1982). – Kabul: Central Statistics Office, May 1983. – 160 p.
 197. Survey of Progress. – Kabul: Department of Statistic, Ministry of Planning, Royal Government of Afghanistan, 1958 – 1972.

* *
 *

198. Коран. Пер. с арабского языка Г.С.Саблукова. Третье издание. – Казань: Центральная типография, 1907. – 1169 с.
 199. Коран. Пер. и коммент. И.Ю.Крачковского. – М.: Наука, 1986. – 727 с.

Периодические издания

200. Азия и Африка сегодня	247. Central Asia
201. Анис	248. Congressional Record-House
202. Афгани мохасселин	249. Congressional Record-Senate
203. Афган меллят	250. Current History, N.Y.
204. Афкаре нау	251. Democratic Pakistan (London)
205. Вахдат	252. Economist
206. Вопросы истории	253. Guardian Weekly
207. Вопросы истории КПСС	254. International of Middle East Studies
208. Вулуси джирга джарида	255. Kabul New Times
209. Гахидз	256. Kabul Times
210. Джумхурият (Афганистан)	257. Labour Monthly
211. Ды Урду Маджалла	258. Le Monde (Paris)
212. Знамя	259. Melat (Pakistan)
213. Известия	260. The Middle East Journal (Washington)
214. Ислах-Анис	
215. Караван	
216. Комсомольская правда	
217. Красная звезда	
218. Литературная газета	
219. Мардом	
220. Международная жизнь	
221. Меллят (Афганистан)	
222. Меллиятхайи барадар	
223. Мосават	
224. Московские новости	
225. Народы Азии и Африки	
226. Наш современник	
227. Новое время	
228. Новый мир	
229. Парчам	
230. Пейаме ведждан	
231. Пейаме эмруз	
232. Правда	
233. Пресс-бюллетень посольства Республики Афганистан в Москве	
234. Проблемы мира и социализма	
235. Расми джарида	
236. Родина	
237. Рузгар	
238. Садаи авам	
239. Совершенно секретно	
240. Хакикат-е энкелаб-е сауур	
241. Хальк	
242. Шафак	
243. Шоалеи джавид	
244. Эхо планеты	
245. Air Force Magazine, Washington	
246. Asian Survey	

261. Muslim (Pakistan)
262. New Age
263. Newsweek
264. New York Times
265. Pakistan Times
266. Patriot (India)
267. Quarterly Economic Review of Pakistan, Bangladesh, Afghanistan
268. Der Spiegel
269. Time
270. Transnational Perspectives (Geneva)
271. U.S. News and World Report

II. Исследования

272. Актуальные проблемы афганской революции. – М.: Наука, 1984. – 660 с.
273. Аллан, Пьер, Клей, Дитер. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.
274. Аму. Как «левые» революционеры сползают к правому оппортунизму // Парчам. – 1969, 28 июля.
275. Аму. О решении четырех национальных проблем (национальной независимости, демократии, экономики, культуры) // Парчам. – 1968, 22 июля.
276. Аму. Правительство не может решить острые, насущные проблемы народа // Парчам. – 1969, 11 августа.
277. Аму, Халиль. Наш народ голодает // Парчам. – 1968, 14 октября.
278. Асад (К). Безрадостная жизнь нищих – позорное пятно на постыдном платье правящих классов // Парчам. – 1969, 27 января.
279. Асемаи. Расходы на жизнь не по плечу народу // Парчам. – 1968, 4 апреля.
280. Асемаи. Свобода передвижения и выбора места жительства // Парчам. – 1968, 12 августа.
281. Афганистан. История, экономика, культура: Сборник статей. – М.: Наука, 1989. – 268 с.
282. Афганистан: проблемы войны и мира. – М.: Редакционно-издательский отдел Института востоковедения РАН, 1996. – 190 с.
283. Афганистан: прошлое и настоящее. – М.: Общественные науки, 1982. – 153 с.
284. Афганские обычаи. – Кабул: Издание Афганской академии, 1957. – На языке пушту.
285. Ахрамович Р.Т. Афганистан после второй мировой войны. Очерк истории. – М.: ИВЛ, 1961. – 177 с.
286. Ахрамович Р.Т. Афганистан в 1961-1966 гг. Политическое положение. Конституционная реформа. – М.: Наука, 1967. – 172 с.
287. Ахрамович Р.Т. Советско-афганские отношения. – М.: Политиздат, 1971.
288. Бадахши М.Т. Общественная терминология // Хальк. – 1966, 9 мая.
289. Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции. – М.: Знание, 1988. – 64 с.
290. Бахтани, Абдулла. Обычаи и нравы афганцев. – Кабул, 1955. – На языке пушту (паштуне хойунэ).
291. Беззаконие в вопросах издания литературы на узбекском и туркменском языках // Парчам. – 1969, 10 февраля.
292. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т.21. – М.: Художественная литература, 1974. – 621 с.
293. Боровик А. Ничего особенного // Совершенно секретно. – 1990. – № 3.
294. Взгляд на жизнь одного моджахеда. – [Б.м.], [Б.г.]. – На языке дари (негахи бэ зендаги-йе йак моджахед).
295. Войну проиграли политики // Аргументы и факты. – 1989. – 6 октября. – № 39 (468).
296. Герасимова А.С., Гирс Г.Ф. Литература Афганистана: Краткий очерк. – М.: ИВЛ, 1963.
297. Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. – Кабул, 1967. – 852 с. – На языке дари (Афганестан дар масир-е тарих).
298. Гуревич Н.И. Афганистан: некоторые особенности социально-экономического развития (20-50-е годы). – М., 1983.
299. Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. – М.: Наука, 1981. – 285 с.
300. Гуревич Н.М. Предреволюционный кризис в Афганистане // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 4. – С.28-37.
301. Гуревич Н.М. Социально-экономические предпосылки революции 1978 г. в Афганистане // Вопросы истории. – 1982. – № 7. – С.55-70.
302. Давыдов А.Д. Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан (социально-экономический анализ). – М., 1984.
303. Давыдов А.Д. Мелкоотоварное крестьянское хозяйство в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1989. – 212 с.
304. Давыдов А.Д. Социально-экономическая структура деревни Афганистана. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
305. Давыдов А. и Черняховская Н. Афганистан. – М.: Мысль, 1973. – 167 с.
306. Дворянков Н. К характеристике нелегальных изданий в Афганистане начала 70-х годов // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1974. – № 1 (152). – С.37-47.
307. Дехнешин, Феда Мухаммад. Основные направления идеологической работы нашей партии. – Кабул: Государственный комитет по печати, 1363 (1984). – 104 с. – На языке дари (джехат-е асаси-йе кар-е идеоложик-е хезб-е ма).

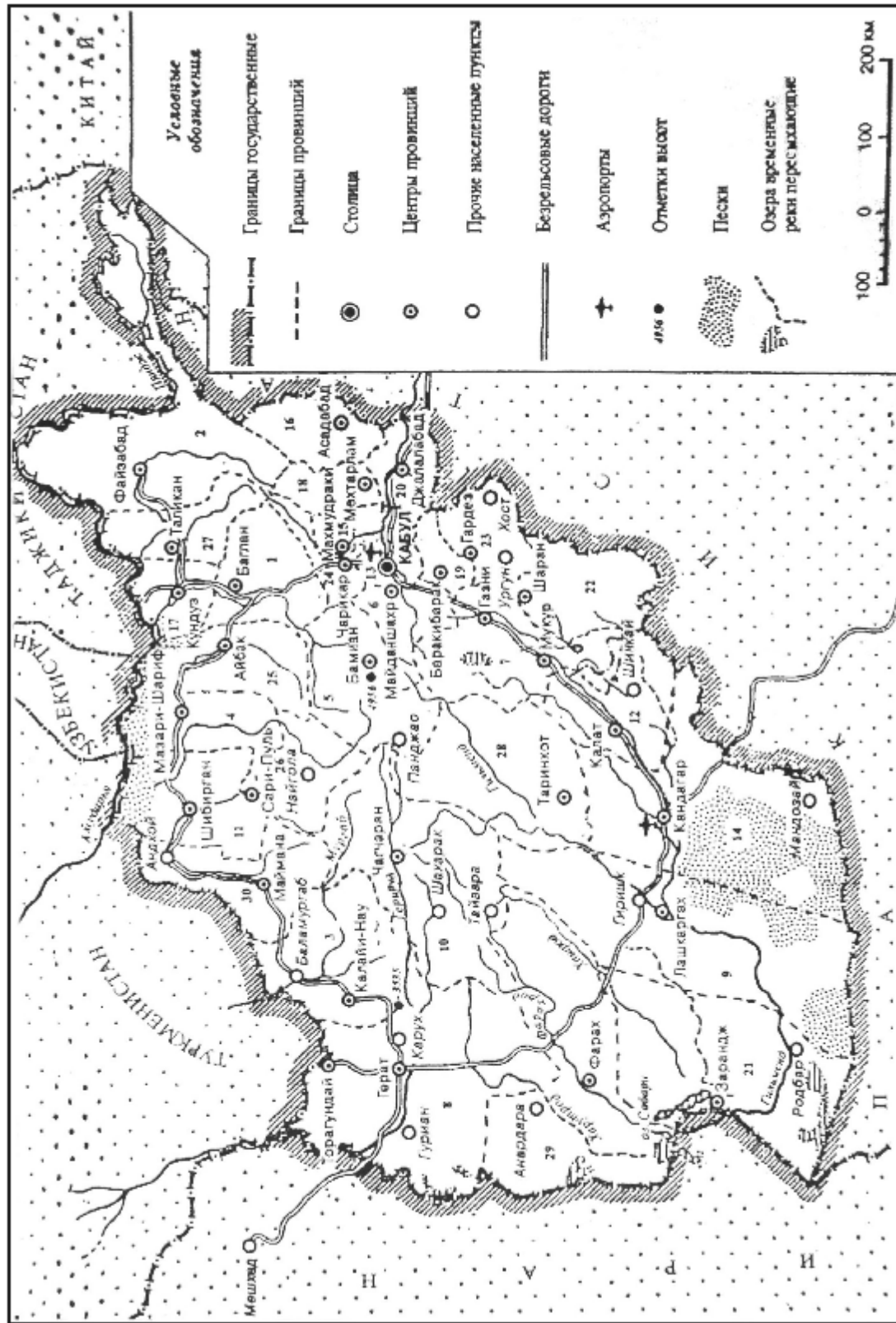
308. Ежов Г. О забастовочных выступлениях в Афганистане в 1972 г. // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1974. – № 1 (152). – С.14-36.
309. Жехак, Луц. Кодекс чести пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура: Сборник статей. – М.: Наука, 1989. – С.58-72.
310. Зальмай, Мухаммад Вали. Известные кабульские печатные издания. 1873-1989. – Кабул, 1989. – 301 с. – На языке пушту (ды Кабул нумйали враздпани ав джаридей).
311. Земельный налог – несправедлив // Парчам. – 1969, 27 января.
312. Змар, Халиль. Жизнь носильщиков – пример жизни полной лишений // Парчам. – 1968, 4 ноября.
313. «Зохра». Взгляд на положение женщины в Афганистане // Парчам. – 1968, 28 марта.
314. Из современной афганской поэзии. – М.: Радуга, 1983. – 174 с.
315. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В.Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.
316. История вооруженных сил Афганистана. 1747-1977 / Отв. ред. Ю.В.Ганковский. – М.: Наука, 1985. – 205 с.
317. Кайхани Х. Коротко о положении театра в стране // Парчам. – 1970, 23 марта.
318. Катков И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура: Сборник статей. – М.: Наука, 1989. – С.39-57.
319. Кондрашов С. Из мрака неизвестности // Новый мир. – 1989. – № 8. – С.178-206.
320. Коргун В.Г. Афганистан: политика и политики. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 140 с.
321. Коргун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – М.: Наука, 1983. – 198 с.
322. Коргун В.Г. Народно-демократическая партия Афганистана в борьбе за социальное освобождение трудящихся // Партии и революционный процесс в странах Азии и Африки. – М., 1983. – С.215-238.
323. Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – Кабул: Академия наук ДРА, 1365 (1986). – 63 с. – На языке дари (мохтасари дар барайи кабайел-е паштун).
324. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. – Т.41. – С.1-104.
325. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Полн. собр. соч. – Т.39. – С.318-331.
326. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. – Т.7. – С.341-356.
327. Ленин В.И. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве // Полн. собр. соч. – Т.20. – С.186-207.
328. Луния Б.Н. История индийской культуры с древнейших времен до наших дней. Перев. с англ. – М., 1960. – 567 с.
329. Маздак, Фарид Ахмад. Создание и деятельность ДОМА в условиях победы и защиты Апрельской революции. – Кабул, 1365 (1986). – 90 с. – На языке дари (ташкил ва фаалият-е СДДЖА дар шарайт-е пирузи ва дефа аз энкелаб-е саур).
330. Майванд, Абдураззак. Пропаганда и деятельность пятой колонны во Второй мировой войне и меры защиты от нее. – Кабул: Издательство министерства национальной обороны, 1340 (1961). – 200 с. – На языке дари (пропаганд ва фаалиятха-йе сотун-е панджом дар харб-е доввом-е джахан ва тадабир-е тахафози дар могабел-е ан).
331. Масуд, Саид Мухаммад Хайдар. Печать Афганистана и ее роль в общественно-политической жизни страны после завоевания независимости (1919-1973 гг.). Автореф. канд. дис. – М., 1977. – 29 с.
332. Международный день ликвидации неграмотности. – Кабул, 1974. – На языке дари.
333. Мехрбахш. Взгляд на движения интеллигенции // Парчам. – 1969, 16 июня.
334. Министр финансов и налоговая система в стране // Парчам. – 1969, 17 февраля.
335. Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». – М.: Наука, 1989. – 198 с.
336. Молодежное движение Афганистана и роль НДПА в создании и укреплении ДОМА. – Кабул, 1985. – На языке дари (джомбеш-е джаванан дар Афганестан ва накш-е ХДХА дар иджад ва ташаккол-е СДДЖА).
337. Мослех. На перекрестке преступлений бандитов. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). – 31 с. – На языке дари (дар гозаргах-е дженайат-е ашрар).
338. Мурадов Г. Демократическая Республика Афганистан. – М., 1982.
339. Мурадов Г. Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции // Афганистан: прошлое и настоящее. – М.: Общественные науки, 1982. – С.97-111.
340. Мухаммад Тахер Бадахши – основатель РОТА // Михан. – 1988, 22 октября.
341. Налоговая система страны устарела и крайне несправедлива // Парчам. – 1970, 2 февраля.
342. Нахид. Город Кабул больше невыносим для проживания // Парчам. – 1968, 16 сентября.
343. Наши огромные природные богатства не используются (из нашего парламентского выступления) // Парчам. – 1970, 2 марта.
344. Неджар, Халиль. Условия труда рабочих невыносимы // Парчам. – 1968, 30 сентября.
345. Необходимо бороться со взяточничеством и коррупцией // Парчам. – 1969, 3 февраля.
346. Необходимо изолировать от движения реакционеров-подстрекателей и леваков-раскольников // Парчам. – 1969, 2 июня (редакционная статья).

347. Необходимость создания объединенного национального блока в Вулуси джирге // Парчам. – 1969, 27 октября.
348. Окончание последней сессии парламента 12-го созыва и наша парламентская фракция // Парчам. – 1969, 18 августа.
349. Осман, Ибрагим. Печатные органы НДПА до победы Апрельской революции. – Кабул: Издательство Кабульского университета, 1363 (1984). – 128 с. – На языке дари (органха-йе нешрати-йе ХДХА кабл аз пирузи-йе энкелаб-е саур).
350. Основы марксизма-ленинизма: Учебное пособие. Издание второе. – М.: Политиздат, 1962. – 783 с.
351. Основы научного атеизма. – М.: Политиздат, 1962. – 399 с.
352. Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998. – 140 с.
353. По видом пшеницы продает ячмень. Пир Сеид Ахмад Гилани. – Кабул, 1984. – 25 с. – На языке дари (гандом-немай джау форуш).
354. Поляков Г.А. Афганистан революционный. – М.: Международные отношения, 1981. – 70 с.
355. Правительственная администрация на севере страны нарушает Конституцию // Парчам. – 1969, 10 февраля.
356. Проверка одного нового проекта во имя решения насущных проблем дня // Парчам. – 1969, 9 июня.
357. Прошло 50 лет со дня завоевания политической независимости, однако до сих пор правительства Афганистана не приступили к решению самого минимума национальных проблем // Парчам. – 1969, 2 июня (передовица).
358. Раббани Б. Путь решения проблемы Афганистана. – Тегеран, 1983. – 29 с. – На языке дари (рах-е хал-е масала-йе Афганестан).
359. Рабочий класс Афганистана. – Кабул: Государственная типография, 1361 (1982). – 77 с. – На языке дари (табака-йе каргар-е Афганестан).
360. Размьяр Д. Бедственное положение крестьян // Парчам. – 1968, 18 ноября.
361. Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – 415 с.
362. Рошан. Банда ихванистов на службе империализма. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). – 44 с. – На языке дари (банд-е ихван дар хедмат-е амприализм).
363. Рошан. Двурушник в роли «моджахеда»: взгляд на позорную жизнь одного из слуг империализма – Себгатуллы Моджаддеди. – Кабул, дальв 1361 (февраль 1983). – 29 с. – На языке дари (манафек дар накш-е моджахед).
364. Саурская революция – Кабул: Издание Главного политического управления народных вооруженных сил ДРА, 1978. – 57 с.
365. Светозаров В.Б. О модернизации ислама в современном Афганистане (по материалам официальной печати) // Религия и общественная мысль стран Востока. – М.: Наука, 1974. – С.115-123.
366. 7 саура 1357 года – великий исторический поворотный пункт в Афганистане // Анис. – 1978, 3 мая (передовая статья).
367. Слинкин М.Ф. Афганистан: уроки информационной войны // Культура народов Причерноморья. № 15. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2000. – С.82-95.
368. Слинкин М.Ф. Вооруженные силы Афганистана в 1919-1977 гг. // История вооруженных сил Афганистана. – С.86-191.
369. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978-1979 гг.). – Симферополь: Издательство Симферопольского государственного университета, 1999. – 359 с.
370. Сорайя. Деревни Афганистана горят в пламени средневекового угнетения // Парчам. – 1969, 11 августа.
371. Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – М.: Наука, 1990. – 192 с.
372. Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. 1919-1987. – М.: Мысль, 1988. – 380 с.
373. Теплинский Л.Б. Проблема Пуштунистана во внешней политике современного Афганистана // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Выпуск 37. – М., 1960. – С.9-17.
374. 3 акраба и молодежное движение нашей страны // Меллиятхайи барадар. – 1363 (1984). – Мизан-акраб (сентябрь-октябрь). – № 7. – С.19-20 и 83.
375. Ульфат А.Р. Джихад и руки за кулисами. – Пакистан, 1979. – На языке дари (джехад ва дастха-йе пошт-е парда).
376. Ульяновский Р.А. Афганская революция на современном этапе // Вопросы истории КПСС. – 1982. – № 4. – С.84-95.
377. Хабиби, Абдулхай. Краткая история Афганистана. Т.2. – Кабул, 1970. – 201 с. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е Афганестан).
378. Хадем, Киямуддин. Пуштунвали. – Кабул, 1952. – На языке пушту.
379. Achievements of the April Revolution in Afghanistan. – Kabul: Information and Press Department, DRA Ministry of Foreign Affairs, 1984. – 103 p.
380. Afghanistan: The Target of Imperialism. – Kabul, November 1983. – 92 p.
381. Afghanistan: US Intervention. – Kabul, 1983. – 150 p.
382. Afghanistan: Yesterday and Today. – Prague: Orbis Press Agency, 1982. – 92 p.

383. Aims and Goals of Jamiat-e Islami Afghanistan. – Peshawar, September 1981. – 15 p.
384. Ali, Mohammad. The Afghans. – Kabul, 1969. – 183 p.
385. Ali, Mohammad. Manners and Customs of the Afghans. – Lahore: The Punjab Educational Press, 1958. – 81 p.
386. Ali, Mohammad. Progressive Afghanistan. – Lahore, 1933. – 230 p.
387. Amin T. Afghan Resistance. Past, Present and Future // Asian Survey. – 1984. – Vol. 24, № 4.
388. Anwar R. The Tragedy of Afghanistan: A First-hand Account. – London: Verso, 1988. – 286 p.
389. Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1981. – 126 p.
390. Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983. – 242 p.
391. The Black Book of Counter-revolution. – Kabul, 1982. – 20 p.
392. Basic Lines of Revolutionary Duties of the Government of Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: Government Printing Press, 1978. – 38 p.
393. Bradsher H.S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham: Duke University Press, 1986. – 384 p.
394. Chakravarty, Sumit. Dateline Kabul: An Eye-Witness Report on Afghanistan Today. – New Delhi: Eastern Book Centre, 1983. – 104 p.
395. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan: A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. – Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1986. – 197 p.
396. Doerner, William R. Afghanistan: Rebels with Too Many Causes // Time. – 1989. – February 27. – № 9.
397. Dupree L. Afghanistan. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. – 778 p.
398. Dupree L., Albert L., eds. Afghanistan in the 1970 s. – New York: Praeger, 1974.
399. Dupree L. Afghanistan under the Khalq // Problems of Communism. – July 1979. – Vol. 28, № 4. – P.39-41.
400. The Forgotten War in Afghanistan // Congressional Record – Extensions of Remarks. – 1981, June 26. – E 3274-3276.
401. Harrison, Selig S. In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1981. – 228 p.
402. Hayat Khan, Azmat. The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham Parties in Afghanistan // Central Asia. – Vol. 28, № 21. – 1987. – Winter – P.27-43.
403. Inside Afghanistan: A War Russia is losing // U.S. News and World Report. – 1981. – October 5.
404. Islam, Mafizul. Afghanistan: Facts and Fictions. – Comilla: Uttaran Prakashani Ltd., 1981. – 190 p.
405. Kakar H. The Fall of the Afghan Monarchy in 1973 // International of Middle East Studies. – 1978. – № 9. – P.195-214.
406. Mukherjee S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – New Delhi: Sterling Publishers Private Ltd., 1984. – 258 p.
407. Newell N.P., Newell R.S. The Struggle for Afghanistan. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1981. – 236 p.
408. Noumoff S.J. Reflections on the Afghan Revolution // Democratic Pakistan. – 1984. – № 16.
409. Poullada L.B. Afghanistan and the United States: The Crucial Years // Middle East Journal. – Spring 1981. – Vol. 35, № 2. – P. 178-190.
410. Russian Political Manoeuvres and Hypocracies on Afghanistan Issue. – Peshawar: Jamiat-e Islami Afghanistan, September 1981. – 31 p.
411. Rustam. The Foreign Policy and International Relations of the DRA. – Kabul, October 1984. – 74 p.
412. Saikal, Amin. The Afghanistan Conflict: Gorbachev's Options. – Canberra: Strategic Australian Defence Studies Centre. Research School for Pacific Studies. Australia National University, 1987. – 43 p.
413. The Secret War of CIA against Afghanistan. – Kabul, November 1984. – 42 p.
414. The Soviets in Afghanistan // Congressional Record – Senate. – 1981. – November 9. – S – 13103.
415. Surjeet, H. Singh. Developments in Afghanistan. – New Delhi: Des Raj Chadha, January 1982. – 22 p.
416. Surjeet, H. Singh. Non-Aligned Movement and Struggle against Apartheid // India and Non-Alignment. – New Delhi, 1983.
417. The True Face of Afghan Counter-revolution. – Kabul, 1982. – 64 p.
418. Undeclared War: Armed Intervention and Other Forms of Interference in the Internal Affairs of the Democratic Republic of Afghanistan. – Kabul: Information Department DRA Ministry of Foreign Affairs, 1980. – 74 p.
419. Urban M. L. War in Afghanistan. – London: The Macmillan Press Ltd., 1988. – 240 p.
420. Wolfe, Nancy Hatch. An Historical Guide to Kabul. – Kabul: The Afghan Tourist Organization, 1965. – 171 p.

Составил П. Г. Эзов

Афганистан (обзорная карта)

Summary

Slinkin M.H. Afghanistan: opposition and power (1960-1970s)

In this book the author on the basis of a great deal of the original Afghan, foreign and home documents and materials investigates ideological and political views and stands of the Afghan antigovernment opposition forces in the 1960-1970s, deeply analyzes the emergence and influence of the left factor over social and political struggle in the country and also shows trends of the social-economic, political, ideological and cultural development in Afghanistan in the mentioned years. The great attention in the work is given to the description of the ethnic-national, religious, language and other peculiarities of the country and psychology, manners, customs and mode of life of the Afghans.

By this book the author puts into scientific circulation many unknown or little known documents and materials from private and party-state archives? Afghanistan's official and underground publications and also eyewitnesses of those who actively participated in the described opposition movements.

At the end of the book there are given selectic biographic sketches of some well-known Afghan statesmen, political, religious and military figures of the above named period.

The book begins with a brief introduction and consists of the following chapters and paragraphs:

Contents

Chapter 1. Afghanistan: land, people, society	
1.1. Name of the state in the historical aspect.....	14
1.2. Natural conditions.....	14
1.3. Population.....	16
1.4. Manners, customs, morals and mode of life.....	25
Chapter 2. The origin of the left Afghan opposition and its activities in the 1960-1970s	
2.1. Afghanistan on the eve of the «Experiment in Democracy».....	45
2.2. Hounding of the People's Democratic Party of Afghanistan. Problems of strategy and tactics. Newspaper «Khalq» («Masses»).....	49
2.3. Struggle between two PDPA's factions – Parcham and Khalq: causes, character, consequences.....	62
2.4. Newspaper «Parcham» («Banner»).....	70
2.5. PDPA and parliament.....	83
2.6. PDPA and a unity problem.....	90
2.7. PDPA and the military. The struggle for the army.....	96
Chapter 3. Other groups of the antimonarchy opposition: their ideological and political platforms and activities	
3.1. Liberal and leftextremistic opposition and their papers.....	108
3.2. Clerical and right-wing extremist opposition and their papers.....	114
3.3. Antigovernment clergy actions in April-June 1970.....	119
Chapter 4. The crises of the Afghan monarchy. The 1973, July 17 coup	
4.1. The strike movement in Afghanistan at the end of 1960 – beginning of 1970.....	122
4.2. Left opposition's activities on the eve of the antimonarchy coup. The fall of the Afghan monarchy.....	133
Chapter 5. M.Daoud's republican regime and opposition	
5.1. Internal and foreign policy of M.Daoud's government and strengthening of his authoritarian power.....	140
5.2. The left in the republican regime's time.....	148
5.3. The right-wing anti-Daoud opposition.....	159
5.4. The crisis of M.Daoud's power. April 1978 armed uprising. The proclamation of the Democratic Republic of Afghanistan.....	160
Conclusions.....	174
Appendixes:	
1. Area and settled population in the beginning of 1987 (estimates).....	178
2. The numeral and national structure of Afghanistan's population by provinces and districts (according to the data for July 1985).....	178
3. Distribution of Afghanistan's population by sex groups (estimates for 1982; in million persons).....	180
4. The social structure of the rural population of Afghanistan and size of the property land (by the beginning of 1978).....	180
5. Brief biographic sketches of some notable religious figures of Afghanistan.....	181
6. Political portraits:	
Mohammad Daoud.....	187
Nur Mohammad Taraki.....	192
Babrak Karmal.....	193
Mohammad Aslam Watanjar.....	194
Abdul Qader.....	197
7. Members of the directing bodies of the PDPA.....	200
8. A Chronology of the strike movement in Afghanistan in different years.....	205
9. A Chronology of the talks about PDPA's unity.....	206
10. The free press in Afghanistan in 1960-1970s.....	207
Notes.....	211
Bibliography.....	236
Summery.....	248
Contents.....	249

Аннотация

Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть
(60-70-е гг. XX в.)

В данной книге на основе оригинальных афганских, зарубежных и отечественных документов и материалов исследованы идейные и политические взгляды и позиции афганской антиправительственной оппозиции в 60-70-х годах XX в., глубоко проанализированы возникновение и воздействие левого фактора на общественно-политическую борьбу в стране и показаны основные тенденции социально-экономического, идеологического и культурного развития Афганистана в указанный период. Большое внимание в книге уделено характеристике этнонациональных, религиозных, языковых и других особенностей страны и описанию психологии афганцев, их обычаев и традиций.

В конце книги приводятся краткие биографические данные и характеристики ряда известных афганских государственных, политических, религиозных и военных деятелей рассматриваемого периода.

Автор вводит в научный оборот многие ранее неизвестные документы и материалы из частных и партийно-государственных архивов, официальные и подпольные издания Афганистана, а также сведения очевидцев – непосредственных участников оппозиционных движений в этой стране.

Научное издание

Слинкин Михаил Филантьевич

АФГАНИСТАН: ОППОЗИЦИЯ И ВЛАСТЬ
(60-70-е годы XX в.)

Сдана в набор	Подписана к печати
Формат	Бумага Усл. п. л.
Уч. изд. л.	Тираж Заказ №